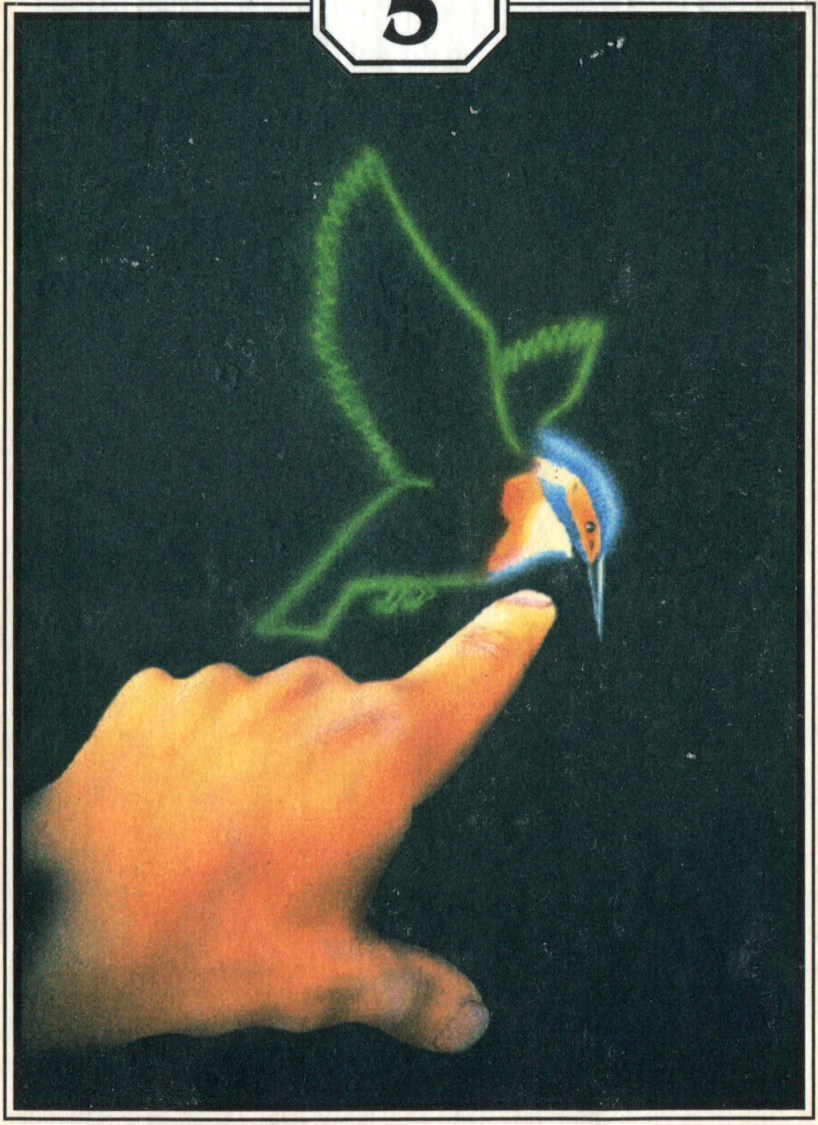
МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

5

ФИЛИП ФАРМЕР

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

WORLDS OF PHILIP FARMER

DAYWORLD

DAYWORLD REBEL

DAYWORLD BREAKUP

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МИР ОДНОГО ДНЯ

МИР ОДНОГО ДНЯ: БУНТАРЬ
МИР ОДНОГО ДНЯ: РАСПАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 5 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 479 с.

Включенные в пятый том собрания сочинений Ф. Х Фармера романы «Мир одного дня: бунтарь» и «Мир одного дня: распад» завершают одноименную трилогию, повествующую о борьбе прирожденного бунтаря Джеффа Кэрда против бесчеловечного режима тотальной слежки.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Dayworld Rebel
Copyright © 1987 by Philip Jose Farmer
Dayworld Breakup
Copyright © 1990 by Philip José Farmer
© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление, название серии, 1996

ISBN 5-88132-146-4

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В пятый том собрания сочинений Филипа Хосе Фармера вошли романы «Мир одного дня: бунтарь» и «Мир одного дня: распад» завершающие одноименную трилогию.

В Мире одного дня бунтари не в почете. Многие века промывания мозгов и всемогущества надсмотрщиков, «для всеобщего блага» подавляющих антисоциальное поведение, создали общество, в котором человек, трижды плюнувший на тротуар, считается опасным преступником, а эгоизм — уголовно наказуемым действием. Но даже в этом рафинированном мире встречаются прирожденные мятежники. И один из них — Джефферсон Сервантес Кэрд, член семьи Иммерманов, овладевшей секретом продления жизни, чьим разоблачением завершается первый роман.

Кэрд умер. Семь осколков его первоначальной личности разрушены, стерты. Но на их месте вырастает новая, искусственно созданная личность — Уильям Сент-Джордж Дункан, человек, которому под силу сбежать из любой тюрьмы.

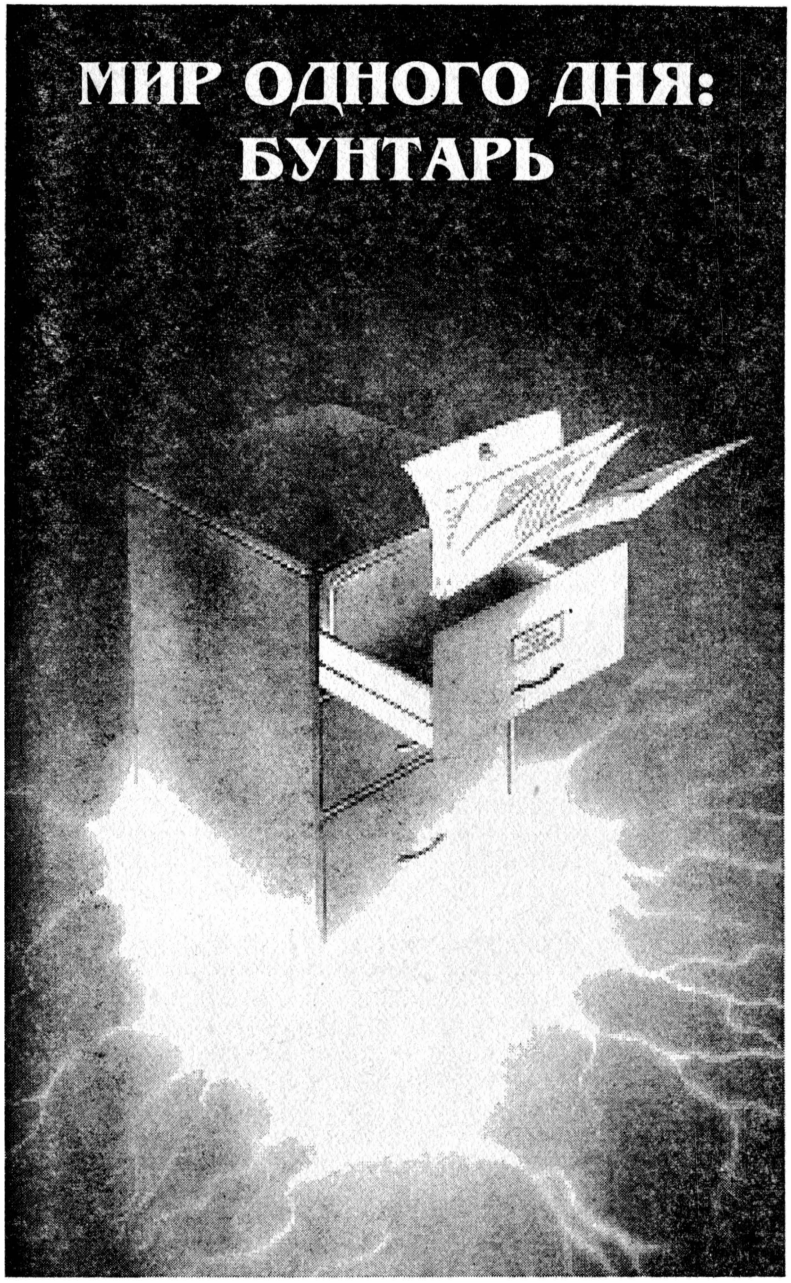
Судьба приводит беглеца сначала в банду таких же, как он, изгоев, потом — в ряды таинственной подпольной организации, сталкивает его с безумцем-проповедником и профессором энтомологии, с главарем банды и бывшим полицейским, а теперь такой же участницей сопротивления Пантеей Сник. Но охота за ним продолжается. Ведь после разоблачения семьи Иммерманов Кэрд-Дункан остался единственным, кто может открыть людям секрет бессмертия — если только сам сумеет его вспомнить — и научить сопротивляться отнимающему силу воли наркотику, который делает возможным существование режима тотальной слежки.

Мятежный дух Кэрда заставляет его бороться не только с продажным правительством, но и с безжалостной организацией, которую возглавляет один из высших правительственных чиновников, скрывающийся за псевдонимом Руггедо. И, наконец, после многих перипетий борьба Кэрда завершается успехом. Мировое правительство соглашается отменить систему разделения дней,

вернуть к жизни миллионы приговоренных к вечному окаменению.

Однако победа дается дорогой ценой. Расщепленная психика Дункана, не выдержав напряжения, разрушается, раскрывая тайну детства Кэрда, истоки его необычайных способностей. Из душевного пепла, как феникс, встает новый Кэрд. Но при всех метаморфозах неизменной остается бунтарская натура героя. Кэрд продолжает свою вечную борьбу — и находит свою любовь.

МИР ОДНОГО ДНЯ: БУНТАРЬ

ГЛАВА 1

Он был семью.

А теперь стал одним.

Так сказала ему женщина, в чьем кабинете он ежедневно проводил один час. До тех пор он не знал об этом, хоть она и утверждала, что ему все известно. Если верить ей, *это* известно ему и до сих пор — может быть. Он был уверен, что женщина ошибается. Полностью. Если он хочет выжить, ему предстоит убедить ее.

Странно получается. «Я вам сейчас кое-что скажу, а вы меня убедите, что это не так».

Если он не сможет убедить в своей правоте власти, его не казнят, но то, что случится с ним, будет не лучше смерти. Если только кто-то в далеком будущем — что весьма маловероятно — не решит вновь оживить его.

Женщина-психик была озадачена и заинтригована. Как и ее начальство, подозревал он. Пока они теряются в догадках, он останется в живых. Живой, он может надеяться на побег. Но он знал — или это казалось ему? — что никто еще не бежал отсюда.

Человек, называвший себя ныне Уильям Сент-Джордж Дункан, сидел в кресле в кабинете психика, доктора Патриции Чинь Арсенти. Он только что пришел в сознание, и мысли его еще слегка путались, как всегда после тумана правды. Еще несколько секунд, и головоломка чувств сложилась. Стенной хронометр подсказал ему, что он пробыл под туманом тридцать минут — как всегда. И, как всегда, ныли мышцы, болела спина, разум дрожал, точно трамплин после прыжка.

Что она узнала на сей раз?

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Арсенти, улыбнувшись.

Дункан выпрямился, потирая шею.

— Видел сон. Я был облаком железных пылинок, которые ветер гонял по огромному залу. Кто-то втолкнул в зал

здоровый магнит. И я, облако пыли, притянулся к магниту, превратившись в стальной слиток.

— Железо? Ты больше похож на резину. Или термопластик. Ты переплавляешься усилием воли.

— Не знал, — ответил он.

— Какой формы был слиток?

— Обоюдоострый меч.

— Я здесь не для психоанализа. Но этот облик кое-что значит для меня.

— И что же?

— Для тебя он может означать нечто совершенно иное.

— То, что я сказал вам, должно быть правдой, — произнес он. — Никто не может лгать, вдохнув тумана.

— Я тоже в это верила, — ответила Арсенти и, помолчав, добавила: — До сих пор.

— До сих пор? Почему? Могли бы и сказать, чем я отличаюсь от всех остальных. Стоило бы сказать. А не говорите вы, потому что не знаете.

Он нагнулся вперед, пронзив ее взглядом.

— Вам нечем подтвердить свои слова, кроме иррациональных подозрений. Или вы получили приказ от своих шефов-параноиков. Знаете же, и они должны знать, что я не иммунен к туману правды. И обратного вы доказать не можете. Так что я — вовсе не те типы, которых арестовали за дневальничество и принадлежность к подрывной организации. Я не несу ответственности за их преступления, потому что они — это не я. Я невинен, как новорожденный.

— Ребенок — это потенциальный преступник, — ответила Арсенти. — Однако...

Они помолчали немного. Дункан откинулся в кресле и расслабился, улыбаясь. Арсенти сидела настолько неподвижно, насколько это возможно для здорового взрослого человека — подергивания и шевеления мышц были почти незаметны. Она смотрела уже не на него — в окно. Хотя обширный двор и окружавшую его высокую ограду заслоняла стена, она могла видеть тротуар и здания на противоположной стороне улицы. Был обеденный час, и на перекрестке бульвара Фредерика Дугласа и авеню Святого Николая толпился народ. Пешеходы заполняли тротуар, велосипедисты — проезжую часть. Одна седьмая населения Манхэттена вышла на улицу порадоваться весеннему солнышку. И не зря — из приблизительно девяноста обдней весны им достанется одиннадцать.

Попрыгунчики временные, подумал Дункан. Перед его мысленным взором мелькнуло видение — кузнечик на травинке, согнувшейся под его весом. С видением пришла боль. Или

память боли? Он не понимал, почему кузнечик ассоциируется у него со скорбью, и никакие воспоминания не помогали понять.

Внезапно Арсенти оторвала взгляд от окна, как муха отрывается от паутины — паутины памяти? — и, подавшись вперед, яростно глянула на Дункана. Ярость только красила эту симпатичную пышную блондинку. Она обнажила большие белые зубы, точно собиралась укусить его, и солнце отразилось в них, как в тюремной решетке.

Уильям Дункан усмехнулся. Так просто его не испугать.

— Я не знаю, как тебе это удалось, — вытолкнула она. — Ты интегрировал семь разных личностей. Нет, неверно. Ты *растворил*, подавил до полного уничтожения семь своих личностей. И стал восьмой. У тебя появились даже воспоминания этой восьмой личности, твоей нынешней, хоть они и ложные. Но тебе не подделать запаха, анализа крови, отпечатков пальцев, сетчатки, мозговых волн, а все это подтверждает, что ты Джефферсон Сервантес Кэрд, вторничный полицейский, а также Тингл, Дунский, Репп, Ом, Зурван и Ишарашвили. Ты сменил личности, но тело... ты же не Протей.

— Пока вы не рассказали мне о них и не показали пленки, — ответил он, — я даже не слыхал об этих семерых.

— Это похоже на правду, — признала Арсенти. — Но ключевое слово тут «похоже».

— Да Господи же Боже мой! Я столько раз был под туманом правды, вы проверяли мои анализы крови и энцефалограммы — сами говорили — и не нашли ни малейшего указания на то, что я лгу.

— Но в записях нет никакого Уильяма Сент-Джорджа Дункана. Значит, и человека такого нет. Мы *знаем*, кто ты... кем ты был, я хочу сказать. И...

Она откинулась на спинку стула; ладони ее покоились на столе. Ярость ее улеглась, сменившись удивлением.

— Я должна сообщить тебе, что официальное мнение таково: ты можешь оказаться уникумом. Можешь. Мы не уверены в том, что нет других, способных противостоять туману правды.

— Да, это их здорово напугало, — согласился Дункан, улыбнувшись.

— Чушь. Это может, условно говоря, порвать ткань общества, внести элемент неопределенности, но не сотрясет мир до корней. Потребуется лишь немного гибкости, и мы приспособимся.

— Бюрократия, то есть правительство, не отличается гибкостью, — ответил Дункан. — Не отличалась и не отличится.

— Не радуйся. Тебя подвергнут долгому и тщательному — и крайне неприятному эмоционально — обследованию. Чтобы определить, действительно ли ты иммунен к туману. И если да, то почему.

— Ну, по крайней мере, меня не завтра окаменят.

Арсенти снова наклонилась вперед, облокотившись о стол и упершись подбородком в сложенные ладони.

— Твое отношение меня очень беспокоит. Ты беспечен и совершенно не испуган. Словно намерен сбежать... в ближайшее время.

— И, конечно, вы меня спросили, намерен ли я бежать? — осведомился Дункан с улыбкой.

— Да. И твой ответ обеспокоил меня еще больше. Ты сказал, что никаких планов у тебя нет, поскольку ты слышал, что отсюда никому не удавалось сбежать. И... я тебе не верю.

— А придется.

— Допрос окончен. — Арсенти встала.

Дункан тоже поднялся, тощее длинное тело распрямилось, точно выкидной нож.

— Вы показывали мне записи некоторых допросов. Не знаю, о каком эликсире вы меня все пытаете, но это должно быть что-то апокалиптически важное. Что это такое?

Она побледнела:

— Мы думаем, что ты прекрасно знаешь, о чем идет речь.

По ее окрику дверь распахнулась. Из приемной в кабинет заглянули двое громил в зеленой униформе. Дункан направился к ним. Проходя мимо Арсенти, он прошептал:

— Что бы это ни было, ты в опасности, поскольку знаешь об этом. До следующего вторника... если доживешь.

Не было смысла пугать ее, она всего лишь выполняла свой долг и не была с Дунканом жестока. Но, угрожая ей, он испытывал некоторое удовлетворение. Это был единственный способ мести. Мелочь, но приятная.

Проходя по коридору в сопровождении двух охранников, Дункан недоумевал, откуда исходит его оптимизм. По логике вещей, взяться ему вроде бы неоткуда. Никто и никогда не бежал отсюда. А вот ему, Дункану, это удастся.

Он прошел по мягкому светло-зеленому ковру в холле, видя, но не замечая морские и горные пейзажи на телеплакатах вторичных стен. У дальнего конца холла его остановил окрик охранника. Дункан стоял смирно, пока второй охранник набирал код на цифровой панели около двери, даже не пытаясь скрыть последовательность нажимаемых кнопок. Код менялся ежедневно, а порой и в середине дня. Больше того, перед дверью из стены торчал телеглазок, и надзиратель-

человек тоже должен был набрать код, прежде чем дверь откроется.

Охранники расступились, пропуская Дункана. Не имея оружия, они, однако, отлично владели боевыми искусствами. А если пленник и одолеет двоих громил, то останется взаперти. В обоих концах холла — двери, открыть которые можно только с помощью той же процедуры, что и дверь в комнату Дункана, а за каждым его шагом следят надзиратели.

— До завтра, — сказал Дункан, имея в виду следующий вторник.

Охранники не ответили. Им было приказано лишь отдавать заключенному команды, а если тот попытается сообщить что-нибудь — заткнуть: удар по почкам, в солнечное сплетение, по шее ребром ладони, пинок в пах. А то, что это незаконно, никого не волнует.

Дверь за его спиной скользнула в пазы. Дункан оказался в комнате — тридцать на двадцать на десять футов. Вспыхнул бестеневой свет. Толстый ковер на полу; на стенах — развлекательные и наблюдающие плакаты. В северной стене — дверь к «совмещенным удобствам», единственному помещению, которое, как ему сказали, не просматривается. Дункан подозревал, что надзиратели заглядывают туда не реже, чем в любое другое место. Рядом — дверь в спальню, там — кровать, свисающая с потолка на цепочках.

Вдоль западной стены выстроились в ряд семь высоких серых цилиндров. На каждом — табличка у основания и круглое окошко примерно на высоте человеческого роста. За всеми окошками, кроме двух, виднелись головы и плечи, недвижные, как камень. Они и были в определенном смысле каменные. Броуновское движение в телах почти остановилось: они погружены в анабиоз — окаменены.

Цилиндр вторника был пуст, поскольку принадлежал Дункану. Пуст был и средовый. Его обитатель исчез, то ли отправленный на склад на хранение, то ли освобожденный. Когда Дункана поместили сюда, этот человек еще жил в его комнате. Сегодня утром, когда Дункана раскаменили, средовец исчез. В следующий вторник Дункан может обнаружить, что цилиндр занят другим пациентом (читай: пленником). Пустой цилиндр был одной из тех случайностей, на которые надеялся Дункан. Использовать эту возможность нужно сегодня... но не сейчас. Шел второй час дня.

Дункан подтащил кресло к большому круглому окну посреди наружной стены. Некоторое время он развлекался, наблюдая за прохожими, велосипедистами и электробусами. К двум часам небо закрыли легкие облачка, к трем — заволокли тяжелые свинцовые тучи. В новостях сообщили, что к

семи пойдет дождь и будет лить с небольшими перерывами до полуночи. Это Дункана порадовало.

Он посмотрел две программы. Одна — о молодых годах Ван Шеня Непобедимого и Милосердного, величайшего исторического деятеля, завоевателя всей планеты и основателя современной цивилизации. Еще час убила десятая серия фильма «Стадо свиней» — экранизации гомеровской «Одиссеи» с точки зрения Эвмайоса, главного улиссова свинопаса. Основой фильма служил конфликт между верностью Эвмайоса царю и недовольством собственными бедностью и низким положением. Фильм, хоть и неплохо сделанный, не вызвал у Дункана ничего, кроме недоумения. Ему было известно, что свинопасы в микенской Греции пользовались большим уважением, и любой, читавший поэмы Гомера, знал, что Эвмайос отнюдь не был беден и унижен. Более того, в те времена никому и в голову не пришло бы негодовать по поводу своего положения в обществе, даже если оно и не слишком высоко. А в довершение всего многие актеры абсолютно не походили на древних греков. Не зная английского, можно было подумать, что фильм повествует о первой встрече китайцев с европейцами.

Дункан не понимал, откуда знает, что фильм исторически неточен. Это просто было частью его воспоминаний, не привязанной к книге, фильму или школьному учителю.

Просидев так два часа, Дункан решил размяться немного. Утром он провел час в гимнастическом зале, как полагалось пленникам по закону, однако в полном одиночестве — против всяких правил руководство не давало ему ни малейшего шанса перемолвиться словом с товарищами по заключению. Причина очевидна — не дай Бог арестант расскажет кому-то об *эликсире*. Пусть даже единственное, что он знает о нем, — то, что сболтнула его психик.

Пройдясь по комнате колесом, Дункан устроился на ковре в позе лотоса, закрыл глаза и погрузился в трансцендентальную медитацию — так, вероятно, подумал надзиратель. На самом деле Дункан снова и снова обдумывал план побега. Помедитировав так час, он полчаса ходил по комнате, потом посмотрел документальный фильм о восстановлении джунглей в Амазонской пустыне. Затем последовал тридцатиминутный репортаж об ужасающих результатах бурения очередной скважины к земному ядру. Четыре скважины уже работали, преобразуя тепло в термоионную энергию. Но буровую вышку в Далласе уничтожил поток раскаленной магмы. Погибли двести рабочих, лава разлилась по территории в пятьдесят квадратных миль. К счастью, сравнительно немногочисленное

население окрестных районов своевременно эвакуировали. Угроза городу Абилен в соседнем округе Тэйлор миновала.

В 17.30 Дункан посмотрел часовую программу новостей, большая часть которой оказалась посвящена заседанию Совета Вседневного Мирового Правительства в столице планеты Цюрихе (Швейцария).

После новостей Дункан вытащил из-за панели в юго-восточном углу комнаты поднос с ужином, поданный из холла. Сунув поднос в каменатор, он включил аппарат на секунду, выключил, вытащил поднос, разогрел ужин в микроволновке и пристроился на столе у окна. Пережевывая еду, он смотрел на улицу. Дождь бил в окно; смотреть было не на что, кроме блокгауза через дорогу. Большая часть жителей Манхэттена, как и он, ужинала, да и дождь распугал гуляющих.

Прошлой ночью Дункан спал с полуночи до шести утра. С морфей-машиной ему хватило бы для полного отдыха и четырех часов, но рано вставать было незачем. Теперь он вновь лег, хотя и не испытывал особого желания. Если все пойдет, как задумано, ему потребуется много сил. Он затянул ленту с электродом на лбу, закрыл глаза и отчалил в плавание по морю сновидений — большей частью приятных, но связанных почему-то с незнакомцами, которых он, казалось, знал давным-давно.

В половине двенадцатого аппарат вышвырнул его из нежного сна в жестокую реальность. Дункан неуклюже выкарабкался из постели, собрал простыню, одеяло, подушку, запихал все это под стенную панель, потом принял душ. Ванную он покинул в несколько лучшем настроении. К этому времени стенной плакат уже звенел и полыхал, требуя подготовиться к окаменению, и предупреждение это звучало по всему Манхэттену, во всем часовом поясе.

Натянув шорты, Дункан подошел к окну, ощущая спиной электронные взгляды. Если дождь и прекращался, пока он спал, то сейчас лил с удвоенной силой. Двое мужчин и женщина, сгибаясь под ударами ветра, бежали по тротуару. Оранжево светились фонари.

То и дело темнота сворачивалась от удара молнии. Должно быть, гремел гром, но за толстыми стенами царила тишина. В мозгу Дункана тоже бушевала гроза — врач описал бы ее как бурю электрических импульсов, гормонов и адреналина среди мириад сплетений, образовывавших человеческий мозг. Но Дункан восстал бы против такого определения, полагая себя не роботом, а человеком. Сумма частей всегда больше целого.

Тело его напряглось. Холодная рука сжала сердце. Внешне спокойный (так он, по крайней мере, надеялся), Дункан

подошел ко вторничному цилиндру и распахнул дверцу, зная, что на панели перед надзирателем зажегся красный огонек, сообщая, что пациент готов войти в цилиндр. Но надзиратель отвечал за двенадцать палат. Быть может, не все они заняты, но Дункан надеялся на обратное. Чем больше у надзирателя дел, тем больше у пленника шансов обмануть его.

Он захлопнул дверцу цилиндра. На панели должен загореться оранжевый огонек. Все, что нужно сделать надзирателю, — поглядеть на экран, нет ли Дункана в комнате. Если он не зашел в цилиндр, придут охранники и запихают туда его силой.

В следующие секунды решится, сможет ли Дункан осуществить свой план. Он подошел к цилиндру среды, распахнул дверцу и шагнул внутрь. Потом закрылся изнутри и присел на корточки.

Мало ли что может происходить в надзирательской. Человек за пультом мог заскучать, отвернуться от экранов, на которые должен смотреть. Мог отвести взгляд в тот самый момент, когда Дункан перескочил из своего цилиндра в соседний. Мог болтать с другими надзирателями. Дункан смутно помнил, что когда-то сам бывал в надзирательской, но когда и по какой причине — в памяти не сохранилось. Может, в бытность свою Кэрдом, органиком, — Арсенти упоминала это имя.

Что бы ни творилось в данный момент в надзирательской, Дункан скоро узнает об этом. Если — Боже, только не это! — надзиратель исправно выполняет свои обязанности, то он внимательно осматривает все двенадцать палат. И заметит, как Дункан провернул свой трюк. Тогда через пару минут охранники откроют дверь средового цилиндра и затолкнут Дункана во вторничный — нравится ему это или нет.

Для того цилиндра, в котором прятался сейчас Дункан, лампочки не зажигались. Это обязанность персонала среды — переключить цепи наблюдения на свой день. А потому нынешний надзиратель не узнает, что кто-то зашел в чужой каменатор.

«Тем лучше для меня», — подумал Дункан.

Прошло по меньшей мере две минуты. К этому времени каменатор вторничного цилиндра должен был включиться автоматически. Окажись Дункан сейчас на положенном месте, он уже был бы без сознания — броуновское движение в его теле замедлилось бы до такой степени, что тело стало бы самым твердым веществом во Вселенной. Даже в центре Солнца оно не начало бы плавиться.

«Ну ладно, — подумал он. — Наблюдатель видел индикатор, показавший, что я окаменен. Теперь он проверит все

двенадцать экранов, убедится, что никто из его подопечных не прячется в спальне, и включит масс-детектор, чтобы проверить ванную. Будем надеяться, что он не станет заглядывать в окошки цилиндров, чтобы проверить, на месте ли я». В принципе это возможно, но Дункан рассчитывал на беспечность, обычно порождаемую рутиной.

Он принялся отсчитывать секунды. Когда прошло пять минут, стало ясно, что план сработал. В следующие пятнадцать минут он волен делать все что заблагорассудится. Город окаменен, пуст. Наблюдатель и охрана вошли в свои цилиндры, и пройдет не меньше двенадцати минут, прежде чем персонал среды раскаменится и приступит к работе. И даже после этого у Дункана еще останется время. Цилиндр пуст, и у надзирателя среды нет причин заглядывать в комнату.

Однако Дункан собирался покинуть здание еще до того, как проснутся сегодняшние граждане. Прежде чем на улицах появятся прохожие, ему следует быть далеко отсюда.

Дункан встал, распахнул дверцу и вышел. Странное чувство — свобода от надзирателей, от вездесущих глаз, которые, однако, все же заботились о нем. Теперь он остался один.

— Ты точно псих, — пробормотал он себе под нос. — Получил, чего желал, и тут же паникуешь.

«Кондиционирование», — подумал он. Подсознательная программа — он в безопасности до тех пор, пока правительство присматривает за ним, чтобы он не навредил ни себе, ни окружающим.

Но рассуждать о вывертах подсознания не было времени. Дункан принялся за тяжелую работу, результат которой, как он надеялся, подарит ему свободу — если это возможно.

Бумажно-тонкие стенки цилиндров и делались из бумаги. Их тоже подвергли каменению, и молекулы их застыли. А потому — отяжелели. Дункан вырвал силовой кабель цилиндра среды из розетки и принялся толкать махину к окну. Для этого пришлось взяться за верхний край цилиндра и наклонить его на себя — не слишком сильно, ведь если цилиндр упадет, Дункану придется отскочить, иначе тяжелая туша раздавит его. А упавший цилиндр ему не поднять.

Наклонив каменатор, Дункан перекатил его основание на несколько дюймов вперед и направо. Потом — вперед и налево. Каждый маневр приближал цилиндр на дюйм к окну. Направо-налево, налево-направо, а стенной хронометр все отсчитывал цифры. Время, подумал мокрый от пота Дункан, хрипло постанывая. Время, величайшая из неотвратимостей. И безразличнейшее из безразличных. Может, Время

(с большой буквы) и есть Бог? Тогда ему следует поклоняться, пусть оно и не знает об этом, а если и узнает — ему все равно.

Наконец, тяжело дыша, Дункан поставил цилиндр; пот жег глаза. Дункан отошел к южной стене. Отсюда можно было оценить, куда при падении ударит верхний край цилиндра. Дункан выругался. Дуга, которую опишет нужная ему точка, не пересекалась с центром окна. Ругаясь из-за того, что с проклятиями он тратит драгоценные силы, Дункан подскочил к цилиндру, наклонил его к стене, подперев плечом, обхватил каменатор обеими руками и толкнул. Мышцы взвыли, моля о пощаде, но Дункан, пыхтя и хрипя, все же сдвинул цилиндр на несколько дюймов вперед.

Еще один прыжок к южной стене — теперь каменатор стоял правильно. Дункан устало улыбнулся.

Через десять минут город вернется к жизни.

В общем-то Манхэттен и не засыпал полностью. Некоторым гражданским служащим — полиции, пожарным, работникам «скорой помощи» — дозволялось раскаменяться раньше, чем прочим жителям города. Но их немного, и вряд ли кто-то из них окажется поблизости и обнаружит дневального на свободе.

На свободе!

Дункан усмехнулся, зная, что еще не вырвался из тюрьмы. А если и вырвется, то вряд ли сумеет наслаждаться свободой долго.

Нужно было отдохнуть, но времени не оставалось. Он отошел к западной стене, где стоял цилиндр среды, и встал в спринтерскую стойку, упершись в стену правой ступней. В его голове грохнул стартовый пистолет. Разбежавшись, он прыгнул, одновременно падая назад, и в полете ударил обеими ногами по верхушке цилиндра, взвыв, словно крик мог добавить силы удару.

Дункан упал на спину, перевернулся, встал на четвереньки и, обернувшись, застонал. Цилиндр стоял недвижимо, словно и не случилось ничего. Возможно, удар и покачнул его, однако повалить не смог.

Дункан медленно поднялся на ноги. Поясница ныла так, словно ее вот-вот сведет судорогой. Если это случится, ему конец. Конец плану. Прощай, надежда.

Дункан бросился в ванную, налил стакан холодной воды, выпил залпом. Потом он подскочил к четверговому каменатору и, выбиваясь из сил, выволок его на середину комнаты. На то, чтобы поставить второй цилиндр на одной линии с первым, ушло пять минут. Еще минуту Дункан отдыхал. До того как остров вернется к жизни, оставалось четыре минуты.

Еще пять минут потребовалось, чтобы переместить пятничный цилиндр на место средового. Теперь три цилиндра стояли в ряд: один у стены, второй в центре комнаты, третий — в нескольких футах от окна.

«Куда там подвигам Геркулеса, — подумал Дункан. — У древнего силача было куда больше сил и времени, чтобы сделать свою работу».

Боль в спине напомнила ему, что у него времени уже не осталось. Среду раскаменили минуту назад. Он выбивался из графика. Но это не повод для того, чтобы перенапрягаться. Нравится ему это или нет, выиграет он или проиграет, но травму надо починить. Дункан медленно опустился на четвереньки; поясницу жгло огнем. Потом лег, уставившись в потолок, вытянул ноги, закрыл глаза и немедленно вошел в состояние, названное им *ПОИСК*. Он так долго совершенствовался в этом — тренируясь при каждой возможности, иной раз по пять—десять минут, иной раз по нескольку часов (так подсказывала ему память) — что осталось только произнести мысленно кодовое слово. Буквы зависли перед его глазами, как замысловатые кометы в темном небе. Когда прорисовался последний, девятый знак, Дункан соскользнул вниз, вниз, в себя, выписывая петли в собственных глубинах. Словно гонка по темному, петляющему туннелю, по аварийной шахте.

Потом он снова летел во тьме, но внизу тускло светились неимоверные глыбы. Поясничные мышцы.

Нет времени приветствовать широчайшую мышцу спины, поясничную фасцию, нижнезаднюю иззубренную мышцу, большую ромбовидную мышцу, мышцу подлопаточную, а также всех их друзей и родственников.

Боль, жестокая и жаркая, ударила по спине, продержалась полсекунды и сгинула. Мокрый от пота, Дункан поднялся. Мускулы его — по крайней мере, пока — вновь были в превосходной форме, точно скрипичные струны, готовые выдать мелодию Бетховена или Тади Свенсона Каи, любимого композитора Дункана.

В комнате стояла тишина. Но в других комнатах лечебницы и в тысячах комнат по всему городу пробуждалась жизнь. Только что раскамененные готовились к среде, своей седьмой части недели. Многие тут же устремятся в объятия морфей-машины и только потом встанут и начнут готовиться к своей рабочей смене. В лечебнице первая смена сядет завтракать. Кто-то устроится прямо перед экранами, чтобы присматривать за заключенными. В комнату Дункана не заглянут. Возможно, что в эту палату пропишут нового пациента, но вряд ли это произойдет сразу.

Снаружи царила тьма. Дождь бил в окно. На улице пока не было видно прохожих.

Дункан зашел за пятничный цилиндр, уперся ногами в него, а спиной — в стену и принялся карабкаться вверх, скорчившись в позе плода: колени прижаты к животу, подошвы — к ледяной серой бумаге каменатора. Добравшись до верхушки цилиндра, Дункан попытался выпрямиться. Лицо его исказилось от напряжения, и цилиндр начал медленно, очень медленно, клониться вперед.

И внезапно упал. Дункан соскользнул по стене и рухнул на бок — не настолько, впрочем, неудачно, чтобы тут же не вскочить на ноги. Цилиндр пятницы ударил в верхнюю четверть каменатора четверга; тот, падая, врезался в каменатор среды. Серый цилиндр покачнулся, начал медленно крениться, и его край ударил точно в центр огромного круглого окна.

Пластиковый лист вырвало из креплений, как сетчатку глаза при авиакатастрофе. Завизжал пластик, скользя по камню. Три цилиндра упали с таким грохотом, точно Самсон вновь разрушил языческий храм; пол трижды содрогнулся и мелко завибрировал, как при землетрясении. В окно хлестнул дождь, и послышался далекий гром.

Если бы только он успел сделать все до раскаменения! Может, никто и не услышал падения цилиндров, но содрогнулось, наверное, все крыло здания. Некоторое время уйдет, чтобы установить источник вибрации. Этого должно хватить. Но лучше бы никто не обнаружил выбитого окна до наступления дня.

Дункан стянул матрас с кровати и вышвырнул его в окно. Дождь охладил разгоряченное лицо. Выглянув, Дункан увидел в свете фонарей, что матрас лежит на кустах под самым окном. Кустарник смягчит удар. Дункан встал в огромном нуле выбитого окна, взявшись за раму, высунулся — словно астронавт в шлюзе звездолета, готовый вступить на неизведанную, но, несомненно, опасную планету. Потом прикинул высоту — и прыгнул.

ГЛАВА 2

Дункан упал на спину так, что матрас и пружинистый кустарник смягчили удар. Выкарабкавшись из кустов, он встал, подождал несколько секунд — хлестал дождь, молнии озаряли двор, и всякий, кто проходил мимо, мог увидеть беглеца. Но никого не было.

Он — первый, кому удалось выбраться из здания. Теперь посмотрим, станет ли он первым, кому удалось бежать.

Дункан затолкал матрас под изломанные кусты, туда же спрятал оконный пластик. У поребрика остановилась машина, и Дункану пришлось нырнуть под защиту ветвей. Из машины выбрались мужчина и женщина и, скорчившись под зонтиками, побежали ко входной двери. Машина отъехала. Дункан медленно встал, прошел через двор к северо-восточному перекрестку и по 122-й Западной направился в сторону Гудзона. Он шел с таким видом, будто торопился по какому-то важному делу. Впрочем, любой органический патруль его остановит — без шляпы и зонтика он выглядит подозрительно.

До Западной набережной он добрался без приключений, хотя встречные пешеходы и велосипедисты странно на него поглядывали. Там Дункан свернул на юг, огибая парк Гранта — заросшую деревьями узкую полосу камней и грязи. Мавзолей Гранта был разрушен во время первого великого землетрясения обтысячелетие назад, и с тех пор его так и не восстановили. Пройдя под пилонами Западной набережной, Дункан вступил в Приречный парк. Чтобы попасть на берег реки, ему потребовалось несколько минут. Вначале ему пришлось карабкаться по высоким каменным ступеням на вершину дамбы, не дававшей реке залить Манхэттен. Уровень моря на пятьдесят футов превышал уровень городских улиц, а полярные шапки продолжали таять. В самом узком месте ширина дамбы составляла добрую сотню футов. На другой стороне Дункану пришлось спуститься к порту. Самыми крупными зданиями там были склады и офисы больших коммерческих компаний, а между ними теснились сарайчики для частных лодок, принадлежавших в основном правящей элите. Дункан зашел под ближайший навес, нашел гребную лодку, отцепил ее и выгреб на середину реки. Дождь лил не переставая, течение сносило его вниз; когда Дункан добрался наконец до противоположного берега, то окончательно промок и очень устал.

Ему пришлось почти час дрейфовать вдоль обрывистого берега. Дождь за это время прекратился, облака потихоньку разошлись, будто по приказу Матери-Природы: «Поиграли, и будет!»

По реке плыли и другие суда — электротягачи с магнитогидродинамическими двигателями толкали длинные цепочки барж. Рыбаки удили с утра пораньше, не замечая Дункана, хотя он отчетливо видел огни их фонарей.

Добравшись до относительно покатого бережка, он причалил, выпрыгнул из лодки и оттолкнул ее веслом; потом он утопил весло и направился в глубь лесного заказника штата Нью-Джерси. Верхнюю по течению реки треть заказника отвели под национальный парк, где жило около ста тысяч человек. Семьсот тысяч, если считать все семь дней, — лесники,

зоологи, ботаники, генные инженеры, органики, торговцы, обслуживающий персонал и их семьи. Были даже фермеры, хотя от своих деревень они не удалялись.

Теперь, когда гроза прекратилась и облака разошлись, спутники наблюдения получат прекрасный обзор. Но если беглец будет держаться под деревьями, его не заметят. С ветвей стекали холодные струйки, корни и кочки мешали идти. Поблуждав немного в темноте и ободрав о кору лицо и руки, Дункан в конце концов нашел нависающий каменный выступ, забился под него и заснул неглубоким сном, часто просыпаясь от холода.

К рассвету он продрог и проголодался. Покинув свое убежище, он направился на юг — или в том направлении, которое считал югом. Впервые ему пришло в голову, что придется голодать. Горожанин, он ничего не знал о том, как выжить в лесу.

К тому времени когда лучи утреннего солнца начали просачиваться между ветвями, Дункан согрелся, но лучше ему не стало — он по-прежнему был измотан и голоден. Он решил свернуть на восток, к побережью. Это увеличивало риск попасться на глаза органикам, но, с другой стороны, там можно найти поселок или ферму и украсть еду.

Десят минут спустя Дункану пришлось замереть, вжавшись в ствол. Краем глаза он заметил, как в просвете крон на фоне более темной листвы и голубого неба мелькнуло что-то светло-зеленое. Машина органиков, бесшумная, оснащенная сверхчувствительными детекторами звука. А ее пассажиры наблюдают за экранами тепловых датчиков и используют вдобавок «собачий нос» — устройство, способное выделить из миллиона молекул одну, характерную для человеческого запаха.

Машина двигалась на восток. Вероятно, она описывала широкие круги, регулярно связываясь с другими органическими патрулями. Эта охота была намного серьезнее и масштабнее большинства других. Дункан не знал, чем он так важен для правительства, но беседы с психиком убедили его в собственной значимости.

Очень медленно Дункан начал поворачиваться так, чтобы ствол находился между ним и его преследователями. Чтобы уловить звук движения, детекторы должны были быть наведены прямо на него, да и птичье щебетание мешало приему.

Позади раздался треск, и беглец испуганно вздрогнул. Он обернулся, испугавшись, что органики высадились и готовы схватить его, но потом заставил себя расслабиться. Органики не стали бы так шуметь. Кто-то большой нагло ломился через лес. Секундой позже догадка его подтвердилась — это огром-

ный бурый медведь косолапил через подлесок, ничего не опасаясь. Зверь вылез на вершину холма футах в ста от того места, где стоял Дункан, потом скрылся в густых ветвях.

Дункан надеялся, что органики узнали зверя и теперь двинутся куда-нибудь в другое место. В любом случае есть смысл последовать за зверем. Может, ганки примут его за второго медведя?

Едва выбравшись из-за дерева, Дункан вновь заметил среди ветвей знакомое светло-зеленое пятно и метнулся обратно, под защиту ствола. Осторожно выглянув, он увидел, что машина остановилась. Она была узкой, наподобие эскимосского двухместного каяка, только покрупнее и более открытой. Узнав символ на фюзеляже, Дункан вздохнул с облегчением. Это была общая для всех дней эмблема Лесного департамента: коричневая рейнджерская шляпа. Эти двое, вероятно, следят за медведем при помощи ошейника с передатчиком. Правда, ошейника Дункан не заметил, но знал, что такие передатчики носит по меньшей мере половина всех здешних медведей.

Однако это не означает, что лесничие не представляют опасности. Органики, без сомнения, сообщили рейнджерам по радио, что объявлен розыск. Даже, наверное, привлекли их к делу. Вздох облегчения сменился вздохом беспокойства.

Вскоре беглецу полегчало. Машина двинулась прочь.

Он подождал немного за деревом. Не исключено, что приборы уловили тепло человеческого тела даже из-за ствола, и теперь лесничие отходят в надежде выманить беглеца.

Отсчитав шестьдесят секунд, Дункан вышел из-за дерева и направился к холму. Он решил все-таки пойти за медведем. Медведи всегда голодны и знают, где найти еду. А он, Дункан, еще голоднее медведя и не откажется позавтракать с ним — только не слишком близко.

Добравшись до вершины холма, он обнаружил лужицу дождевой воды в яме и, прежде чем продолжить путь, напился вдоволь. Идти по следу оказалось несложно даже для горожанина: то тут, то там попадались следы в грязи, обломанные ветки, клочья шерсти на сучках. Дункан позавидовал медведю — того не интересовало, видит ли его кто-нибудь, и не беспокоило, поймают ли. Он шел по лесу, как хозяин — да, в сущности, так оно и было.

Медведь спустился с холма по довольно крутому склону — Дункан удержался на ногах, только цепляясь за стволы и кустарник. Внизу протекала речка; по другую ее сторону виднелись обрывистый берег и довольно ровная местность. На середине спуска Дункан остановился, заметив, что машина лесников висит футах в пятидесяти над речкой, чуть

сбоку. Один из ее пассажиров снимал медведя маленькой камерой.

Дункан прятался за деревом, замирая всякий раз, когда камера поворачивалась в его сторону. Медведь стоял по брюхо в реке у самого берега и внимательно вглядывался в воду. Внезапно передняя лапа дернулась, и на берег шлепнулась рыбина. Похрюкивая, медведь вышел из воды и принялся есть. Рыбина была крупная — почти фут. Не будучи рыбаком, Дункан не мог определить ее породы, но твердо знал, что рыба — съедобная. Сейчас он мог бы сожрать ее сырой.

Доглодав добычу, медведь снова залез в воду. Минут пять ни зверь, ни Дункан не шевелились. Оператор время от времени делал панораму леса, то и дело останавливаясь, чтобы заснять какую-нибудь птицу. Ярдах в пятидесяти южнее к речке вышли два безрогих оленя, опасливо осмотрели медведя, напились и исчезли в кустарнике.

«Оленинки бы», — подумал Дункан. Но у него не было ножа. Можно, конечно, воспользоваться дубиной, но, по правде говоря, он сомневался, что сможет подобраться к оленю достаточно близко.

Еще одна рыба вылетела из воды и забилась на берегу. Сожрав ее, медведь побрел через речку; в одном месте ему пришлось футов десять проплыть. Зверь медленно вышел из воды — его шерсть намокла и потемнела, — встряхнулся, разбрасывая сверкающие на солнце брызги, и двинулся в кусты налево. Машина лесников повернулась и направилась на север.

Дункан понимал, что спутники слежения нацелили камеры на это место. Любой предмет на открытом пространстве будет заснят, а снимок — передан для опознания в штабы органиков в Манхэттене и столице штата Нью-Джерси. Дункан очень хотел перебраться на другой берег, но не собирался ради этого вылезать под открытое небо. Он вернулся в лес и пошел, продираясь через колючие кусты. Следуя извивам реки, он одолел около пяти миль. Он слышал множество птиц, некоторых заметил, видел даже животных: енота, лису, что-то серое и моментально исчезнувшее, и здоровенного кролика, который наблюдал за человеком, шевеля носом, пока тот не подошел футов на тридцать, и только тогда ускакал.

Дункана мучила жажда, но пить он не осмеливался. Ни в одном месте листва не затеняла берег достаточно, чтобы можно было подойти к реке без опаски. Спутник прямо над головой мог и не заметить беглеца, но хоть один из множества обязательно сделает боковой снимок. Даже если Дун-

кан поползет на четвереньках, опустив голову, чтобы наблюдатели не увидели лица, — все равно любой неопознанный предмет привлечет внимание органиков.

В животе урчало от голода, голова чуть кружилась. Даже в относительной прохладе лесной тени пот лил с Дункана градом. Даже посасывая камешек, он не мог смочить рот слюной.

«Может, меня и найдут, — подумал он. — Когда кости мои зверье обглодает».

Солнце, видимое сквозь листья, доползло до зенита. Дункан сел, прислонившись к стволу огромного сикомора, и закрыл глаза, чтобы обдумать свое нынешнее положение и найти способ перебраться через речку. Проснулся он внезапно; все тело его затекло. Поднявшись, он по положению солнца определил, что проспал около двух часов. Сон не принес отдыха; тело жаждало воды.

Когда Дункан уже почти решился напиться, и к черту последствия, уши его уловили звук, заставивший беглеца остановиться на полушаге. Не то низкий гул, не то рокот, вроде работающего вдалеке динамо.

Что бы там ни было, это определенно машина. Ни одно известное Дункану животное не могло издавать таких звуков. Однако в лесных заказниках встречались весьма странные звери, плоды трудов генетических инженеров. В любом случае это необходимо выяснить. Любопытство победило, несмотря на возможную опасность.

Дункан медленно переходил от дерева к дереву, стараясь не шуметь. Рокот шел с северо-востока, со стороны, противоположной реке. Вскоре он стал настолько громким, что Дункан решил: источник где-то рядом. Но, выглянув из-за толстого ствола древовидного сумаха, он был поражен. Звук исходил не от динамо-машины, а изо рта человека, сидевшего, скрестив ноги, под огромным дубом.

Человек был гол, смугл и жирен. Голова его была большой и круглой, над высокими скулами щурились чуть раскосые глаза. Черные волосы спадали на спину и плечи. Смотрел он прямо перед собой, но если и заметил Дункана, то виду не подал.

Дункан нырнул обратно за ствол. Через пару секунд он уловил в гуле слова: «Нам-мьо-ренге-кьо!», повторявшиеся так быстро, что, не зная их, нельзя было понять, что бормочет толстяк. Это была мантра, с помощью которой члены буддийской секты нихренитов подводили себя к слиянию с Буддой. Считалось, что эта мантра избавляет от дурной кармы и привлекает хорошую — так, во всяком случае, вспомнилось Дункану, хотя он не мог бы сказать откуда.

Однако в молитвенно прижатых к груди руках толстяк сжимал громадное распятие, прицепленное к четкам. На шее у него болталось ожерелье со звездой Соломона, полумесяцем, маленьким африканским идолом, четырехлистным клевером, четверорукой статуэткой со злобным лицом и пирамидой, увенчанной символическим глазом — иудейский, мусульманский, вудуистский, ирландский, индуистский и масонский символы.

Рокот стих. Прошло несколько секунд, и толстяк начал молиться по-латыни — этот язык Дункан узнал, хотя ни читать, ни говорить на нем не мог. Дункан уселся за деревом и принялся слушать, а заодно размышлять над экзотическим одеянием (вернее, отсутствием такового) и поведением толстяка. Очевидно одно — кем и чем бы он ни был, он не ганк и не рейнджер. Эти профессии были запретны для верующих. Государство не запрещало исповедовать какую бы то ни было религию, но и не одобряло этого, и уж, безусловно, старалось затруднить верующим жизнь.

Быть может, этот тип — работник одной из близлежащих ферм или биостанций. А сюда забрался, чтобы исполнить ритуалы своей эклектичной веры.

Вскоре латинские молитвы сменились еврейскими. А еще через некоторое время голодный, измученный жаждой, нетерпением и укусами слепней Дункан услышал очередную молитву на языке, напоминающем иврит, но более жестком и гортанном — наверное, арабском.

«К черту!» — пробормотал Дункан, вставая и огибая ствол сумаха. Заметив Дункана, толстяк прервал на секунду молитву, потом снова загудел, уже не сводя взгляда с беглеца.

Дункан остановился в нескольких футах перед молящимся и принялся бесцеремонно его разглядывать. Тот в ответ сосредоточился на дунковой пупке. Беглец осмотрел толстяка — огромная туша, складки жира на боках, безволосая грудь, подходящая скорее женщине, выпирающее брюхо с засунутой в пупок стекляшкой, неимоверных размеров член, грязные ноги, зеленые глаза, что удивительно при такой темной коже, небольшой эпикант*, длинный, тонкий, чуть крючковатый нос, волосатые уши, заметная на солнце рыжинка в черных волосах.

Внезапно толстяк отнял правую руку от четок и ткнул пальцем в направлении еще одного сумаха, футах в сорока.

---

* Эпикант — кожная складка над внешним углом глаза, характерная для представителей монголоидной расы. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

«Дикари из джунглей Нью-Джерси», — подумал Дункан. Пока он шел к дереву, толстяк переключился с арабского на какой-то незнакомый Дункану язык — беглец подозревал, что западноафриканский, то есть суахили, на котором говорила теперь вся Африка южнее экватора.

ГЛАВА 3

Близ вылезшего из земли древесного корня Дункан заметил пятно свежевскопанной земли. Разбросав сырые комья, он обнаружил холщовый мешок. Дункан вытащил мешок из ямы и, сунув в него руку, нащупал округлый металлический предмет — как оказалось, флягу. Не колеблясь, он открутил пробку — в конце концов, великан сам жестом предложил ему устраиваться как дома, — но, понюхав, обнаружил, к своему разочарованию, что во фляге содержится не вода, как он надеялся, а виски. Он пошарил в мешке, но другой фляги не нашел, а потому, не колеблясь, приложился к горлышку. Его тело нуждалось в жидкости.

«Господи Боже!» Спиртное обожгло горло, на глаза навернулись слезы, чудом выжатые из обезвоженного тела. Но виски вызвало беспечность и придурочный оптимизм. А заодно и жажду — вдвое сильнее прежнего.

В мешке поменьше лежали хлеб, сыр и лук. Дункан умял половину провизии (не притронулся только к луку) в смутной надежде, что не слишком злоупотребляет гостеприимством незнакомца. Еда уняла боль в обожженном виски горле и заполнила пустоту в животе, но жажда только усилилась.

Дункан обернулся; незнакомец, не поворачивая головы, отпустил четки и ткнул пальцем куда-то за дерево. Дункан, изумившись собственной покорности, направился туда и, поблуждав немного в кустарнике и ободравшись о колючки, набрел на ручей. Вряд ли ему удалось бы наткнуться на это место, следуй он прежним курсом. Подмытое водой дерево рухнуло через поток, образовав нечто вроде мостика, закрытого сверху переплетенными ветвями, — место, подобное которому он искал весь день. «Слава Богу!» — воскликнул Дункан, опускаясь на колени. На четвереньках он прополз к осыпающемуся берегу, к переплетению корней, к самой воде. Вначале он пил жадно, но, сделав несколько глотков, взял себя в руки. Утолив жажду и окунувшись до пояса в ледяную воду, он, так же на четвереньках, вернулся в лес.

Подойдя к великану — тот перешел на очередной язык, — Дункан остановился как вкопанный. Его пробрала дрожь, и отнюдь не от холодной воды. В желудке застряла сосулька.

На голове незнакомца пернатой капелькой крови сидел самец кардинала; пичуга настороженно огляделась и упорхнула. Потом из кустов вышел олень; завидев Дункана, зверь остановился на секунду, но не убежал — наоборот, подошел к великану, ткнулся носом в ухо, лизнул в щеку и только тогда ускакал.

«Да кто он такой? — подумалось Дункану. — Франциск Ассизский наших дней?»

Незнакомец прервал молитву на каком-то грубо звучащем языке, отпустил распятие — крестик закачался, скользя по потной груди, потом замер — и, перекрестившись, встал. Нет, скорее вознесся — тело его вздымалось ввысь, как у доисторической твари. Росту в нем было добрых восемь футов — Дункан со своими шестью футами семью дюймами казался рядом с ним пигмеем. «Да он весит фунтов четыреста пятьдесят, — подумал Дункан. — Чудовище какое-то. Лев человеческого рода. Левиафан, зубр».

— Слышишь ли музыку деревьев? — осведомился незнакомец самым густым басом, какой только доводилось слышать Дункану.

— Нет, а ты? — парировал беглец. Великан, конечно, внушал почтение, но Дункан смертельно устал, все еще не утолил ни голода, ни жажды, а кроме того, не боялся никого из людей — по крайней мере, так он себя уверял.

— Разумеется, — пророкотал великан. — В этот час и при такой погоде они играют аллегретто ре мажор.

— Ты всегда такую херню несешь? — усмехнулся Дункан.

— Ха! Ха! Хо! ХО! ХО! ХО!! — Смех незнакомца отличался от рева разъяренного медведя только наличием улыбки. Он протянул Дункану руку, и ладонь беглеца утонула в великанском кулаке. Показывать свою силу великан не стал — незачем.

— Добро пожаловать, друг. Полагаю, ты бежишь от того, что правительство называет правосудием?

— Угадал. А ты? — Дункану казалось, что все происходящее не совсем реально. Он на сцене, среди странных декораций, вместе с исполнителем экзотической роли. Только вот текста ему не дали, приходится импровизировать.

Самым удивительным ему показалось то, что незнакомец без вопросов поверил, что Дункан — мятежник в бегах. А окажись он органиком, выдающим себя за беглеца?

Впрочем, очень может быть, что этот тип сам органик, выдающий себя за беглеца, чтобы ловить беглецов настоящих.

— Я Уильям Сент-Джордж Дункан. Разыскиваюсь правительством. Так что я для тебя опасен, за мной идет охота.

Великан подошел к мешку с провизией и, повернув голову, ответил:

— А я — отец Кобэм Ван Кабтаб. Короче, падре Коб, хотя ничего короче во мне вроде и нет.

Возвращаясь с сумкой в одной руке и громадным сандвичем в другой, падре Коб пробурчал, не переставая жевать:

— Ты из какого дня?

— Из вторника.

— А бежал?..

— Из клиники Такахаси в Манхэттене.

Мохнатые черные брови поднялись.

— Впечатляющее начало. Хотел бы я узнать, как это ты провернул, но с этим обождем. Пошли, гражданин Дункан. Или можно просто Уильям?

— Сойдет и Билл.

— Слишком обычно. Как насчет... Данк?

— О'кей.

Падре Коб направился на север. Дункан последовал за ним.

— Куда мы идем? — спросил Дункан, когда его провожатый остановился, чтобы глотнуть из фляги.

— Придем — узнаешь. Держись за моей спиной. И молчи, я не филин — шею выворачивать.

«Парень, а если у меня передатчик под кожей?», — подумал Дункан. Впрочем, а кто сказал, что передатчика нет у падре?

— Ты сам из какого дня? — спросил Дункан, когда они петляли между кустами.

— Родом из четверга. А сейчас живу с четверга до четверга, как положено Богом и природой.

— Люди и сами часть природы. И все, что они делают, — естественно, потому что ничего противоестественного природа сотворить не может.

— Хитро сказано, — прогудел падре Коб. — Спорить не буду. Но скажу одно: быть однодневкой нездорово. Как тебе такое?

— Точно мозгам по яйцам, — ответил Дункан.

Падре хихикнул, то есть издал звук, долженствующий изображать хихиканье, потом внезапно остановился и поднял руку. Дункан замер. Жест священника явно подразумевал, что лучше помолчать, но вокруг раздавались только птичьи крики — громче всего воронье карканье. Быть может, птиц встревожило то, что привлекло внимание Коба?

Вдалеке меж деревьями мелькнуло что-то темно-рыжее. Прислушавшись, Дункан уловил треск, точно кто-то здоровенный ломился через подлесок.

— Порядок, — негромко произнес великан. — Это медведь. Пойдет в нашу сторону — скройся с глаз.

— Может кинуться?

— Пока ты со мной — нет. Но я не хочу, чтобы он нас видел. Некоторым зверям лесники навешали не только передатчики, но и крохотные телекамеры. Что медведь видит, то и лесник. А заметят нас — живо ганки примчатся.

Шум утих в отдалении.

— Может, заметила нас камера, а может, и нет, — пробормотал Кабтаб. — Может, ее там и не было, камеры-то. Будем идти, как если бы ее не было. «Если бы». Хлеб насущный с маслом для человечества. Им и живем.

Дункан не стал спрашивать, что тот имеет в виду. Пока важнее были факты, а не философские раздумья. А хлеб с маслом оставим до лучших времен.

— Могу я спросить, куда мы идем? — осведомился Дункан. — И когда придем?

— Спросить можешь, но ответа не получишь. — Падре Коб широко улыбнулся.

— Я понимаю, что ты испытываешь меня, — начал Дункан, — но...

— «Но» и «если». Две непреходящие истины человечьего языка. Впрочем, а есть ли иной — разве что у дельфинов?

Не ожидая ответа на свой риторический вопрос (которого Дункан все равно не дал бы), падре двинулся дальше. Подлесок был настолько густ, что кое-где Дункану приходилось идти за падре след в след, там, где великан уминал своей тушей кустарник. Несмотря на внешность древнего танка, Кабтаб все же оказался уязвим для колючек.

— В здешних местах есть тропы, — произнес он, будто прочитав мысль спутника, — но ими лучше не ходить. Кое-где на деревьях вдоль троп установлены камеры. Большая часть у нас отмечена, но — опять «но» — эти гады вечно добавляют новые.

Дункан отметил слово «нас», но промолчал.

Около четырех часов дня падре Коб остановился у засохшего дуба, запустил руку в дупло на высоте футов шести и вынул оттуда мешок.

— Заначка, — объяснил он.

В мешке оказались три фляги, аптечка и пакет с банками облученного хлеба, молока, сыра и овощей.

— Мне этого и на раз не хватило бы, — сказал падре Коб, — но мы с тобой возьмем только половину. Мало ли кому еще понадобится.

Дункана удивило, как падре ухитрился найти дупло с заначкой в непроходимом и непроглядном лесу — по памяти

ли, или по каким-то тайным знакам, — но спрашивать не стал. Вряд ли Коб станет охотно делиться своими секретами.

Когда они поели, попили и неохотно засунули остаток провизии обратно в дупло, падре Коб громоподобно рыгнул и заметил:

— Теперь марш до ночи, потом выспимся, а наутро — опять вперед. Excelsior!*

— Что, и завтра идти? — спросил Дункан с тихим стоном.

— Да уж не поедем, — негромко хохотнул великан.

Внезапно он схватил Дункана за запястье.

— Не двигайся, — прошептал он. — И ни звука!

Предупреждение не помешало Дункану поднять глаза к небу. Над верхушками деревьев медленно плыло что-то темное. Хотя ветви скрывали этот предмет, Дункан узнал машину органиков. Когда темное пятно скрылось, Дункан с облегчением вздохнул, но падре Коб, наклонившись к нему, прошептал:

— Они могут вернуться. Если они засекли что-то подозрительное, то уходят, а потом возвращаются над самой землей. Найдут место, где можно проскользнуть сквозь кроны, и спускаются к самой поверхности. С нюхачами.

Дункан кивнул. Несмотря на прохладу, он взмок. Заурчало в желудке; пища, до того спокойно переваривавшаяся, растворялась в кислоте и выделяла газы.

— А иногда, — добавил падре, — они проламываются сквозь ветви с налету, на испуг берут.

Шли минуты. Казалось, все спокойно. Пели птицы. Журчал в отдалении ручеек. Пульс Дункана стал ровным, дыхание успокоилось.

Падре Коб встал.

— Может, все в порядке. А может, и нет. Пошли. Если они пойдут напролом, не беги. Кидайся на них.

— Чем кидаться? — Дункан тоже поднялся на ноги.

— Руками, сынок.

— Ты псих?

— Больше иных и меньше прочих. Делай, как я. Готов?

— Вроде бы, — ответил Дункан. — В городе я знал бы, что делать. А тут...

— Если они близко, драпать толку нет. Может, и удерешь, но нюхачи тебя точно засекут, да и земля мягкая — следы читать можно. Так что повторяй за мной. Следуй за лидером. Обезьянничай. Понял?

Дункан кивнул.

---

* Все выше! *(лат.)*

— Вряд ли они что-то заметили. — Падре Коб улыбнулся. — Но осторожность не помешает.

Двигались они медленно, огибая заросли кустарника и по временам останавливаясь, чтобы прислушаться. Внезапно Дункан услышал треск сучьев. Подавив желание спрятаться — где? — он глянул на падре Коба. Тот смотрел вверх и направо; там пер через кроны игловидный экипаж в камуфляжную буро-зеленую полоску. Двигался он на юг, туда, где они были раньше, а не туда, где находились сейчас. В открытой кабине Дункан заметил двоих органиков в светло-зеленых униформах и шлемах. Затем машина скрылась из виду.

— Они вернутся, — прошептал великан и бросился назад по тропе.

Дункан последовал за ним, хотя и считал подобное поведение сущим безумством. В течение минуты они шумно ломились через кусты, потом великан остановился так резко, что Дункан чуть не налетел на него.

— За дерево! — Падре указал на здоровый сумах, а сам кинулся за дуб футах в двадцати от того места, где спрятался Дункан. Высунувшись из-за ствола, он беззвучно произнес: «Делай, как я!» — и ткнул пальцем в свою могучую грудь.

Машина органиков уже добралась до того места, где впервые засекла Дункана и падре Коба — так, во всяком случае, предположил Дункан, — и теперь двигалась по следу беглецов, скользя в футе над землей. Заметив острый нос машины, Дункан нырнул за ствол, надеясь, что дерево скроет его от теплодетекторов. Нюхачи могут и уловить его запах, но скорее всего спутают с запахом следа.

Если эта машина похожа на те, что ему доводилось видеть, то вооружена она большими протонными ускорителями. А сами органики — ручными протонными пистолетами и электропогонялками. Да и подмогу, наверное, вызвали.

Машина двигалась со скоростью около пяти миль в час. Когда ее нос показался в поле зрения Дункана, тот поспешно спрятался за деревом, но дикий рев подбросил его, вышвырнул из укрытия. Кабтаб заорал, вероятно, чтобы сообщить Дункану, что атакует, а заодно намереваясь привести органиков в растерянность.

Когда Дункан добежал до машины, падре уже забрался в кабину и душил водителя. Беглец кинулся на второго органика, тянувшего из кобуры протонный пистолет, и изо всех сил врезал ему в челюсть.

Схватка закончилась. Водитель лежал с посиневшим лицом, его напарник сполз на пол кабины — голова его была странно вывернута. И тут машина врезалась в дерево.

ГЛАВА 4

Кабтаб уцепился за пилота, а вот Дункан вылетел из открытой кабины и тяжело грохнулся на мягкую землю. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя и подняться на ноги. К этому времени падре уже отстегнул пилота, вышвырнул его из машины и теперь возился с панелью управления. От удара, слегка покорежившего нос аппарата, машина по инерции двинулась обратно, но, прежде чем Дункан, спотыкаясь, догнал ее, остановилась сама.

Кабтаб радовался, как ребенок. Он широко ухмылялся, что не помешало ему резко напомнить Дункану:

— Возьми у того типа оружие!

Досадуя на собственную тупость, Дункан подошел к пилоту и перевернул неподвижное тело. Лицо органика было лиловым, но он все же дышал. Не обращая внимания на боль в левой руке, Дункан вытащил протонный пистолет из кобуры и заткнул себе за пояс. Пошарив по карманам органика, он нашел две обоймы зарядов и переложил их к себе.

Падре Коб вытащил второго органика из машины и уложил на землю.

— Ну у тебя и удар! — заметил он. — Ты ему, кажется, челюсть сломал.

— А заодно и руку — себе, — добавил Дункан.

— Действие и противодействие. Обмен энергией. И всегда часть энергии теряется. Интересно куда? Уходит на кладбище слонов?

— И что теперь? — спросил Дункан, игнорируя эту тираду. — То есть что мы теперь будем делать?

— Передатчик я выключил, — ответил падре Коб. — И все записи стер. Но голову положу: они не сообщали, что собираются застать нас врасплох. У нас ведь мог быть приемник, и тогда мы бы их услышали. Но передатчик в машине работает постоянно, чтобы штаб мог следить за их передвижениями. Я его вырубил, значит, скоро прибудут другие, выяснить, что случилось. Жаль, что нам пришлось это сделать, но другого пути нет.

— Убить их ты не собираешься? — Дункан указал на два неподвижных тела.

— Тебе этого хочется?

— Нет!

— Это хорошо! Я вообще против убийств, против любого насилия, за исключением самообороны при отчаянных обстоятельствах. Хотя, должен признаться, я здорово повеселился! Превосходно! Выпустили обезьяну из клетки, слишком долго взаперти сидела!

— Да, хорошо было... врезать, я имею в виду, — согласился Дункан.

К этому времени лицо пилота приобрело почти нормальный цвет. Органик застонал и поднял руку.

— Залезай, — бросил Кабтаб. — Надо уматывать отсюда поскорее.

По складной лесенке Дункан забрался в кабину

— Пристегнись, — посоветовал падре, но Дункан уже перетягивал грудь ремнями.

— Знаешь, как на них летают? — осведомился Кабтаб.

— Да. Только не помню откуда.

— Ну, поехали.

Машина поднялась на высоту человеческого роста и рванулась вперед, быстро набрав скорость двадцать миль в час. Кабтаб петлял среди деревьев, пролетая намного ближе к стволам, чем хотелось бы Дункану, но ни разу не царапнув коры. Минут через двадцать машина остановилась и спустилась к самой земле. Беглецы вылезли. Кабтаб задержался у панели управления. Наблюдая за ним, Дункан понимал смысл каждого движения еще до того, как оно сделано, — когда-то, где-то он хорошо изучил машины органиков.

— Готово! — воскликнул наконец падре. — Лети, птичка, обмани соколов!

Машина поднялась, развернулась и двинулась обратно тем же петляющим курсом; вскоре она скрылась за деревьями.

— И еще около трех миль пешком, — сообщил Кабтаб. — За мной.

Он двинулся налево. Вскоре шум текущей воды стал громче. Над речкой, бежавшей здесь по каменным ступеням, почти смыкался полог ветвей, оставляя лишь узкую полоску чистого неба над самой серединой потока, и беглецы побрели вдоль правого берега — порой по лодыжки в воде, порой по колено, а однажды по пояс.

— Найти, где мы бросили машину, они могут, — говорил Кабтаб, — но не знают, пошли мы вверх по течению или вниз. К тому времени когда они вновь нападут на наш след, мы уже, надеюсь, будем далеко.

— А если нас догонят, — спросил Дункан, — что делаем? Стреляем или поднимаем лапки?

— А сам ты что делал бы? — отозвался Кабтаб и, поскользнувшись, с громким уханьем упал на колени.

— Стрелял бы, — ответил Дункан.

Промокший великан поднялся на ноги

— И правильно Я уже сбежал один раз, ты тоже На большее рассчитывать не стоит. Господь, Аллах, Яхве, Будда, Тор и прочие благословили нас на побег однажды, но, если мы

такие дураки, что позволим поймать себя снова, они нас по головке не погладят.

До ручья, впадавшего в речку справа, беглецы дошли молча. Кабтаб двинулся вдоль ручья. Большую часть пути небо над головами закрывала листва; там, где ветви расходились, путники жались к заросшим берегам. Мили через полторы падре остановился и указал на высокий берег. Вода под ним бурлила, будто уходя в глубину — так, объяснил священник, и было на самом деле.

— Там, под водой, труба фута четыре в поперечнике. Туда набивается куча песка и грязи, каждые пару дней чистить приходится, но сейчас чисто. Надо только задержать дыхание на полминуты. Вперед, Гастон.

Кабтаб явно не доверял попутчику. Дункан не винил его — сам он на месте падре поступил бы так же.

Он опустился на четвереньки — вода доходила ему до шеи — и нырнул. Пальцы его нащупали металл трубы; он протолкнулся вперед и начал грести. Затылком он постоянно стукался о трубу — та, похоже, уходила наискось вниз. Внезапно Дункан вынырнул в темном, но, кажется, довольно просторном помещении. Он медленно поднялся на ноги, чтобы не стукнуться о потолок. Полностью выпрямиться он смог, только пройдя вперед шагов пять. Труба вначале уходила вверх, потом выровнялась. Позади зафыркал Кабтаб, и голос великана гулко разнесся по туннелю:

— Иди вперед. Я за тобой.

Сырой ровный пол вновь пошел вниз; неожиданно поднятая рука Дункана перестала касаться потолка. Позади слышались шлепанье ног и тяжелое дыхание.

— Да иди же. — Кабтаб ткнул Дункана в спину.

Дункан сделал несколько неуверенных шагов, и тут вспыхнул свет. Они стояли в помещении длиной около десяти футов и высотой примерно восемь, словно высеченном из монолита. Стены и потолок мерцали, создавая то бестеневое освещение, к которому Дункан так привык в городе. В одной из стен имелась дверца: шириной в три фута, а высотой каких-то пять. Ручки на двери не было.

— Стой! — приказал Кабтаб. Дункан подчинился. Падре обошел его, остановился перед дверью и пробормотал что-то, чего Дункан не разобрал — да, без сомнения, и не должен был.

Дверь скользнула вбок.

— Материалы современные, — с улыбкой пояснил Кабтаб, обернувшись, — а вот место древнее. Тут прятались повстанцы в последние дни завоевания США. А материалы мы частью раскопали, а частью украли.

Пригнувшись, он нырнул в дверь, Дункан последовал за ним. Коридор шел прямо футов двадцать, потом свернул налево и вновь пошел вглубь. Еще через шестьдесят футов путь преградила вторая дверь, повыше первой. Падре еще пришлось нагнуться, а вот Дункан прошел свободно.

— Это не для нас делалось, — заметил Кабтаб. — Древние были могучими воинами, но уж больно мелкими.

— А почему ганки не засекли эти туннели магнитометрами? — спросил Дункан.

— Кто сказал, что не засекли? — весело отозвался падре. — Только вся округа подземельями источена, как сыр дырками. Органики знают, что это — наследство армий и повстанцев прежних времен. Даже раскапывали некоторые. Но большую часть завалило землей и листьями за две тысячи лет. Часть помещений засыпало, когда потолки обвалились. А мы кое-что кое-где раскопали и перестроили. «Мы», я имею в виду не только современники. Тут не одно поколение изгоев жило.

Обернувшись к двери, он вновь пробормотал что-то, и та скользнула вбок. За ней оказался очередной коридор, уходящий вниз и налево. Судя по свежести воздуха, какая-то вентиляция тут была, но Дункан не ощущал движения воздуха и не слышал гула машин.

— Вот мы и пришли! — объявил падре Коб, останавливаясь перед глухой стеной в конце туннеля. — За нами следят, кстати, — пояснил он и разразился бессмысленной цепочкой кодовых слогов. — Меня они знают, но через ритуал придется пройти. — Он хихикнул. — Кто знает? Может, ганки меня схватили и послали вместо меня клона. А может, я ангел — или дьявол, — принявший облик падре Коба для каких-то своих целей.

Дункан не мог понять, шутит великан или нет. Сколько ему было известно, клонирование запретили еще сотню сублет назад. Правительство, правда, без угрызений совести нарушает свои собственные законы. Но уж больно сложно и дорого использовать клона для поимки нескольких дневальных. К тому же, чтобы вырастить клона до нынешнего возраста Кабтаба, потребуется лет тридцать, а к этому моменту падре станет дряхлым старцем — если доживет. Да, это, наверное, шутка.

За распахнувшейся дверью оказалась ярко освещенная комната, где беглецов ждали двое — женщина невысокого роста (пять футов одиннадцать дюймов*), молоденькая, худенькая, смуглая и очень симпатичная, и мужчина средних

---

* 180,5 см Автор хочет подчеркнуть высокий рост людей будущего

лет, ростом примерно с Дункана, плотного сложения, черноволосый и кареглазый, с огромным носом и не менее выступающим брюхом. Оба держали в руках ножи, но нападать не собирались. Мужчина подошел к Дункану. Тот сморщился: толстяку не мешало бы сменить одежду и вымыться.

— Это беглый уголовник и дневальный, которого я так удачно встретил и спас, Уильям Сент-Джордж Дункан, — представил его падре. — Данк, это Майка Химмельдон Донг и Мелвин Вань Круассан*.

— Рад познакомиться, — сказал Дункан.

Донг и Круассан прохладно улыбнулись и кивнули.

— Ну, — произнес падре, — а теперь к туману правды.

Дункан промолчал. Он ожидал этого. Великан провел его по туннелю в маленькую комнату, почти лишенную мебели; Донг и Круассан последовали за ними. Кабтаб усадил Дункана на складной стул.

— Не стану говорить «устраивайся поудобнее», ты ведь пробудешь под туманом не больше десяти минут — мы его сильно разводим.

«Вполне достаточно времени, чтобы задать все первоочередные вопросы», — подумал Дункан. Его радовало, что эта банда мятежников пользуется туманом правды. Это убережет их от предателей и двойных агентов — если только те не умеют лгать под туманом, как он.

Когда Дункан очнулся, все тело его затекло. Падре, улыбаясь, поднял его со стула.

— Ничего себе рассказец, сынок, — прогудел он. — Но странный зело. Похоже, ты когда-то был не одним человеком и скрываешь в себе какой-то секрет, который правительство очень хочет сохранить.

— Так что для правительства ты очень опасен, — произнесла Майка Донг и после короткой паузы добавила: — Как и для нас. Вряд ли ганки прекратят за тобой охоту.

— Может, я слишком опасен, чтобы вы позволили мне остаться? — осведомился Дункан. Он надеялся, что ответ будет отрицательным. Если они не смогут его оставить, то отпустить не смогут тем более. А значит, он будет убит или, если у них есть аппаратура, окаменен. Так или иначе он уже никому и ничего не расскажет.

— Это не мне решать, — ответила Донг

Падре Коб с отвращением фыркнул, хотя к чему отвращение относилось, Дункан не понял. Вместе с ним и осталь-

---

* Круассан — французская булочка. Если учесть внешность этого персонажа, фамилия, несомненно, является значащей

ными Дункан прошел по туннелю в обширный зал с низким потолком. Там стояло с дюжину грубо обтесанных деревянных столов и скамей, пара маленьких откаменаторов для еды, несколько шкафов и водоохладитель. В зале находилось человек десять, в том числе женщина с двумя ребятишками лет трех, мальчиком и девочкой. Дункан удивился присутствию детей — ему казалось, что эти катакомбы — не слишком подходящее место, чтобы растить детей. Впрочем, и для жизни взрослых оно не очень подходит.

— Добро пожаловать в Свободный отряд! — провозгласил падре Коб. — Уж какой есть!

Дункан полагал, что великан и есть глава отряда. С таким сложением и сильным характером кому, как не Кобу стать вождем. Но Дункан ошибся. Главой отряда оказался высокий мужчина с телосложением леопарда и высоким лбом над тяжелыми, нависшими бровями. Звали вождя Рагнар Стенька Локс, Решающий.

— Наденьте что-нибудь, падре, — негромко, но твердо приказал Локс. — Вы выглядите непристойно.

— Да ты просто ревнуешь! — расхохотался Кабтаб, но вышел, чтобы через минуту вернуться в радужной монашеской рясе с капюшоном.

— Аз есмь фриар Тук нашего отряда! — ухмыляясь, пояснил он Дункану. — Или наоборот!

Локс представил гостю остальных. Имен было столько, что Дункан запомнил далеко не все. Остались в памяти Джованни Синь Синн и Альфредо Синь Бедейтунг, заявившие, что они братья; Фиона Ван Диндан, потрясающая блондинка в обтягивающем переливчато-голубом платье; и Роберт Бисмарк Коржмински, невысокий худой мулат с необычайно длинными пальцами. Отряд состоял из мужчин и женщин примерно в равной пропорции.

За начавшимся вскоре обедом в комнату вошел какой-то незнакомый Дункану парень, прошептал что-то Локсу на ухо и вышел, бросив на Дункана взгляд через плечо.

— Это Гомо Эректус Уайльд*, — сообщил сидящий рядом падре. — Он сегодня в дозоре.

Дункан подавился, закашлялся, глотнул воды и наконец выдавил:

— Ты шутишь?

---

* Это имя, как и многие имена в этой книге, многозначно С одной стороны, «Homo erectus» — один из ископаемых гоминид, предков человека, с другой — «гомо» в американском сленге — презрительная кличка гомосексуалистов. Оскар Уайльд, английский писатель и поэт, никогда не скрывал своей нестандартной сексуальной ориентации.

— Ну это не данное имя, конечно, — пояснил падре. — Он его принял на совершеннолетие, по праву гражданина. Он наш местный гомосексуалист. Надеется, что ты окажешься одних с ним половых убеждений. Пока что себе подобных он не нашел. Пусть же питает надежду и живет мечтой.

Локс постучал ложкой по стакану и, когда воцарилась тишина, объявил:

— Уайльд сообщает, что в лесу над нами необычное скопление органиков. Он уже насчитал двенадцать патрульных машин. Один отряд приземлился и использует подслушиватели невдалеке отсюда.

Тишина продолжалась. Двое детишек подвинулись поближе к матери.

— Нечего бояться! — разорвал тишину голос падре Коба. — Они ищут нашего гостя, но ведь не только тут. У них нет причин концентрировать здесь силы. Я полагаю, что скоро они уйдут.

— Падре прав, — подтвердил Локс. — А теперь, гражданин Дункан, вы говорили...

Дункан отвечал на его вопросы, как мог. После обеда несколько человек унесли тарелки в кухню, а в комнату приволокли телевизор. Когда вымыли посуду, всем продемонстрировали запись допроса Дункана под туманом правды. Потом беглеца снова допросил Локс, остальные слушали. Если у них и было что сказать, они ждали, пока главарь кончит.

Потом Дункана провели по жилым помещениям и объяснили, что делать, если прозвучит сирена. Майка Донг, назначенная его проводницей, бросала мелодичным голосом короткие пояснения и ни разу не улыбнулась. В конце концов Дункан решил, что она ему все еще не доверяет. Или он ей не нравится. Или она попросту стерва.

Возможно, тут сработала та загадочная химия, что заставляет в любой группе, где больше семи человек, одного испытывать неприязнь к другому. Ученые написали сотни лент по этому вопросу, и в каждой из них можно найти свою теорию, почему это происходит. А о другой стороне этого явления — внезапной приязни — написаны тысячи лент, но в них хотя бы больше согласия. «Странно, — подумал Дункан. — Обычно ненависть куда понятнее и ближе любви».

Он пожал плечами. Может, он ошибается. Может, Майка Донг просто с подозрением относится к незнакомцам.

К семи вечера он заглянул в гимнастический зал — просторное помещение, где во время войны помещалась оружейная. Большая часть отряда играла в баскетбол, падре Коб занимался штангой. Дункан присоединился было к нему, но

остановился, увидев рапиры. Он спросил, кто интересуется фехтованием, и Рагнар Локс согласился испытать его. Решающий оказался неплохим фехтовальщиком, но Дункан выбил пять из шести, и Локс, тяжело дыша, запросил пощады.

— Ты просто мастер. Кто тебя тренировал?

— Не помню, — ответил Дункан. — Психик говорила, что я сам был учителем фехтования, но я этого не помню. Я и не думал об этом, пока не увидел рапир. Как объяснить — не знаю. Что-то позвало меня, захотелось ощутить рукоять в ладони.

Локс странно посмотрел на него, но ничего не ответил.

К девяти часам Дункан принял душ и отправился спать. Адреналин, захлестывавший его жилы весь этот безумный день, схлынул, ему отчаянно захотелось спать. Гомо Эректус Уайльд провел его в просторную комнату, заставленную койками.

— Многовато места для нас двоих, — улыбнулся Уайльд. — О нет, не волнуйтесь. Я не обеспокою вас. Я уважаю ваши права. Но когда вы появились, я надеялся...

После долгой и неуютной паузы — неуютной для Дункана — он сказал:

— Мою историю ты знаешь. А почему ты стал бунтовщиком?

— Меня уговорил любовник. Он был... неуемный, не то, что я. Он ненавидел постоянную слежку. Были у него какие-то дикие идеи о праве на личную жизнь. А я пошел, потому что не хотел с ним расставаться. Не бывает большей любви. А потом...

— Потом? — спросил Дункан после еще одной долгой паузы.

— Ганки нас застали врасплох. Я сбежал. А его взяли. Так что он сейчас, наверное, — еще одна окаменевшая статуя на правительственных складах. Я надеялся, что его привезут на один из ближайших, но...

— Мне жаль, — тихо произнес Дункан.

— Это не поможет, — ответил Уайльд и заплакал. Когда Дункан попытался утешить его, он заорал: — Не хочу больше говорить об этом! Вообще не хочу говорить!

Дункан лег. Несмотря на усталость, он не мог заснуть. Вопросы роились в его голове. Какова цель этой банды дневальных? Есть ли вообще у них цель, кроме как скрыться от органиков? Как они живут? Откуда берут еду? Что делают, когда им нужен врач?

Наконец он провалился в сон, полный мучительных кошмаров.

ГЛАВА 5

Когда Дункан проснулся, первой его мыслью было: «Я бежал из одной тюрьмы, чтобы попасть в другую». Органики ищут его и будут искать еще долго. И пока они не бросят поиски, он заперт здесь. Если бросят. Кажется, он настолько важная птица, что органики готовы раскопать каждый подземный ход в этих местах, только бы найти его. И если он вновь попадет к ним в лапы, то вырваться не сможет никогда.

А люди, к которым он попал, знают, что он, Дункан, отчаянно нужен правительству. Не решат ли они в конце концов выдать его органикам? Нет. Ему ведь известно, где они прячутся. Один вдох тумана правды, и он расскажет об их убежище ганкам.

Но если органики найдут его в лесу — мертвым? Тогда они, конечно, прекратят поиски, а он никому и ни о чем не расскажет.

Этот путь представлялся Дункану самым логичным. Спорить не приходится.

«Придется мне бежать от этих изгоев, — подумал он. — И негде преклонить голову сыну человеческому. Лисы в норах своих и птицы в гнездах счастливее меня».

К тому времени когда он наконец вышел из ванной — горячей воды в душе он не ожидал, — мысли его приняли несколько менее мрачное направление. Из всякого положения есть выход, и он его найдет. В столовую он шел, улыбаясь и насвистывая, но по дороге задумался — откуда такая веселость? Логика и дитя ее — вероятность места оптимизму не оставляли. Тем хуже для них? Но тут Дункан вспомнил один из разговоров с психиком.

— Не знаю, как тебе это удалось, но ты создал — я бы сказала даже, «смонтировал» — новую личность. Ты, как мне кажется, подобрал те качества, которыми хотел наделить Уильяма Сент-Джорджа Дункана, и собрал их вместе. Вот откуда безудержный оптимизм и вера в то, что ты можешь совладать с чем угодно, выйти из любой передряги. Но этого недостаточно. Ни вера, ни оптимизм не победят реальности.

— Но вы же сказали мне, что я не планирую побега, — усмехнулся тогда Дункан.

— Еще одно качество твоей личности — способность скрывать свои мысли от окружающих. — Арсенти нахмурилась. — И от себя самого, если ты не хочешь их знать. Поэтому ты и опасен.

— Вы только что сказали, что я совершенно безвреден.

Психика это, кажется, смутило, и она поспешно перевела разговор на другую тему.

«Я и сам себя смущаю, — подумал Дункан. — Но кому какое дело, пока я нормально себя веду? Образ действий отражает образ мыслей».

Где-то в его мозгу таилась еще одна личность, которая не была одной из семи. Или *частью* его самого. Эта личность мыслила за него — в объеме, необходимом для выживания.

Каждый человек в чем-то уникален. Дункан сомневался, что есть на свете еще кто-то, намеренно собранный из черт характера и обрывков памяти, так слабо подсоединенных к сознанию — или к подсознанию, если уж на то пошло. Но и самопрограммирующимся роботом он не был.

Завтракали все в той же столовой. Дункана пригласили за большой круглый стол в центре зала, где сидели Локс, Кабтаб и другие вожаки. Одежда сидевшего рядом с Дунканом священника — небесно-голубая ряса и желтые сандалии — все еще благоухала ладаном после мессы и еще нескольких богослужений, которые тот провел утром. Дункан поинтересовался, как падре удалось объединить все религии в единое гармоничное целое и назначить себя его провозвестником.

— А меня ни совесть, ни логика не мучают, — пробурчал падре Коб, пережевывая омлет и гренок. — Начинал я как священник римской католической церкви. Потом до меня дошло, что «католический» означает «всеобщий». А была ли моя вера всеобщей? Не была ли она ограничена рамками одной, далеко не всеобщей, церкви? Не отвергаю ли я все остальные религии, которые тоже основал Господь, спустившись на Землю в умах их основоположников? Разве могли бы они существовать, если бы Великий Дух считал их ложными? Нет, конечно, нет. А потому, руководствуясь логикой и божественным откровением, которые никогда раньше не соединялись, я стал первым воистину католическим, то есть всеобщим, священником.

Но новой, эклектической религии я не основывал. У меня нет намерения соревноваться с Моисеем, Иисусом, Мохаммедом, Буддой, Смитом, Хаббардом* и прочими. Соревноваться не в чем. Я тот, кто я есть. Господь Бог официально провозгласил меня — мной, а он выше любого священника, папы, или кто там еще бывает. Я уникальный священник. Я избран и поставлен исповедовать все и всяческие верования и служить Господу смиренно или гордо, как будет выгоднее, в ранге Его — или Ее, если вам так больше нравится — жреца.

---

* Первые четыре имени не нуждаются в комментариях, но Фармер добавляет к ним еще два: Дж. Смита, основателя секты мормонов, и Л. Рона Хаббарда, создавшего так называемую церковь сайентологии.

Кто-то за спиной Дункана хихикнул. Падре оборачиваться не стал. Он отставил вилку, сложил руки на груди и взревел:

— Господи, прости сомневающемуся грех сомнения! Покажи ему, или ей, порочность путей его, и верни его на лоно свое! А если пофиг тебе, то пусть не смеется он в лицо мне, дабы не надавал я ему по заднице за неуважение ко священнослужителю! Охрани меня от грехов гнева и насилия, пусть оно и праведно!

После этого в зале наступила тишина, нарушаемая только звоном тарелок и громким чавканьем.

— Решающий, — спросил падре, покончив с завтраком, — что ты решил?

Локс допил молоко, поставил стакан и произнес:

— Об этом мы поговорим...

В эту секунду в комнату вошел человек и прошептал что-то Локсу на ухо. Решающий встал, требуя внимания:

— Албани говорит, что органики начали бурение прямо над нами!

Послышались вздохи; кто-то пробормотал: «Господи, помилуй!»

— Незачем волноваться, — продолжал Локс. — Органики не ищут конкретно здесь. Они, наверное, начали бурить скважины по всему лесу, в тех местах, где есть подземные полости. Я, по крайней мере, на это надеюсь. Теперь соберите вещмешки и будьте здесь через пять минут. Не создавайте шума.

Дункан встал вместе с остальными. Ноздри его уловили застарелый запах пота — Уайльд недаром называл Мела Круассана Вонючкой. Обернувшись, Дункан увидел Круассана и Майку Донг. Те зло глядели на него.

— Если бы не ты, этого не случилось бы! — тихо и напряженно произнесла Донг.

— Отвали! — бросил падре Коб. — Когда мы подобрали вас, тоже шороху было! И не забывайте об этом! Но мы приняли вас!

Ни Донг, ни Круассан не ответили. Они отошли, тихо переговариваясь, Донг бросила на Дункана через плечо злой взгляд.

— Они испуганы, — мягко произнес священник, кладя руку Дункану на плечо, — и вымещают на тебе зло. Но это не оправдывает их возмутительного поведения.

— Не они одни так думают, — ответил Дункан. — Мне жаль, что я подвергаю их опасности, но что я могу поделать?

— Не беспокойся. Мы останемся вместе, на свободе или в плену. Увидимся через пару минут.

Падре ушел; полы его рясы развевались вокруг массивных голых лодыжек. Дункан сел. Собирать ему было нечего. На минуту он подумал, не удрать ли ему тем же путем, каким пришел. Но это было бы глупым самопожертвованием. Лес кишит органиками, его быстро найдут. Остальных, может, и прекратят преследовать, но станет ли ему от этого лучше? Вряд ли; он быстро окажется окамененной статуей и займет свое место в одном из правительственных хранилищ. А эти люди приняли его, отчетливо представляя себе последствия своего гостеприимства. К тому же почему он должен волноваться, если кое-кто из его хозяев запаниковал? Они придут в себя, а он... Он и сам не знал, на что надеялся. Но что бы ни ждало его в будущем, это не бегство. Этим изгоям достанет норы вроде кроличьей. Ему — нет.

Смелые слова. Их придется оставить там, откуда они вылезли.

Через некоторое время вернулся Рагнар Стенька Локс, неся на спине один набитый пластиковый мешок, а в руке — второй, который отдал Дункану. Вскоре появился последний член отряда, Фиона Ван Диндан, сменившая облегающее голубое платье на желтую футболку и зеленые шорты. Локс, повторяя наставления родителей, наказал двоим испуганным ребятишкам молчать и делать, что скажут. Дети с серьезными лицами кивнули.

— Молодцы, — похвалил их Локс и поцеловал каждого в макушку. — Вы через это уже проходили. — И, отвернувшись, добавил неслышно — Дункан прочел по губам: — Чертовски паршивое место для детей.

Изгои двинулись по коридору, разведчики, братья Синн и Бедейтунг, шли футах в двадцати перед ними. Дункану стало интересно, что подумают органики, вломившись в подземелье. Они, конечно, сразу же поймут, что тут недавно жили, и попытаются догнать беглецов. Но к этому времени изгои, без сомнения, будут в надежном убежище — так он, во всяком случае, надеялся.

— Часто такое бывает? — спросил он у шедшего рядом Уайльда.

— Последний раз около семи субмесяцев назад*. Мы-то ушли, но ганки залили грязью две мили коридоров. Мы потом два месяца чистили. Хоть занятие было.

---

* Вероятно, Фармер имеет в виду субъективное время самих беглецов, совпадающее с объективным; иначе получилось бы, что последний налет произошел четырьмя годами ранее, и трехлетние дети никак не могли быть его свидетелями.

Пройдя около мили по извилистым коридорам, залитым светом электрофакелов, изгои вынуждены были четверть мили ползти на четвереньках по узкой трубе. Преодолев ее, они вновь смогли встать. Шедший в арьергарде падре выдвинул из пазов круглый люк, закрывший трубу, и заложил засов, пробормотав:

— Прожгут-то быстро...

Из следующего коридора они свернули налево, и футов через шестьдесят проход, казалось, кончался. Со стен обваливались комья грязи. Бедейтунг с несколькими помощниками лопатами разбросали сырую влажную землю, открыв на глубине нескольких футов круглую деревянную крышку. Бедейтунг поддел ее ломиком; под ней оказалась узкая шахта с деревянной лесенкой. Изгои по одному спускались в шахту. Последним был падре; он нагромоздил кучки земли вокруг крышки, чтобы, когда люк закроется, осыпавшаяся земля скрыла его.

При свете факелов отряд спускался по уходящему вниз туннелю, стены которого состояли из металлоподобного материала; ботинки тонули в жидкой грязи. Здесь Дункану впервые попались на глаза человеческие кости и черепа.

— Тут было много костей, когда мы сюда попали впервые, — сказал Уайльд Дункану. — Мы их убрали и, по-моему, зря. С ними эти места не выглядели обитаемыми.

Кое-где попадались груды ржавого металла.

— Стрелы, мечи, копья, протонные пистолеты, — объяснил Уайльд. — Американцы дрались отчаянно, но проиграли. Подземные форты запечатали, а над ними поставили памятники. Мятежники потом открыли форты. А памятники заброшены и ушли в землю; в заповеднике наверху можно на них наткнуться.

В некоторых местах стены потемнели и оплавились.

— Это следы огнеметов. — Уайльд вздрогнул. — Сущий кошмар.

Похожие на металл стены кончились, дальше на протяжении пятидесяти футов туннель был вырублен в скале и укреплен деревянными балками. Упирался он в груду камней; Синн разобрал часть завала, открыв потайную дверцу. Оттуда тянуло долгожданным ветерком — отряд уже начал задыхаться во влажной, стоялой жаре. Потом были ржавая лестница и длинный коридор с пластиковыми стенами; часть секций коридора отсутствовала, и эти участки копались вручную. Как пояснил Уайльд, воздух поступал через насос с поверхности, труба выходила в дупло трухлявого дерева. Движущихся частей в насосе не было, а энергией его снабжал генератор на

ручейке, проведенном через естественную пещеру невдалеке. Тока он давал немного, но для вентиляции хватало.

Локс объявил привал. Все попадали на пол, кроме Бедейтунга и вожака, которые отправились обратно. Синн приложил к потолку большой диск, соединенный проводом с черной коробочкой, висевшей у него на поясе. Надев наушники, он некоторое время прислушивался, потом заявил:

— Наверху чисто.

Дункан глотнул из фляги. Не успел он уложить флягу в мешок, как земля дрогнула, из дальнего конца туннеля донесся грохот и ветерок принес облако пыли. Потом вернулись Локс и Бедейтунг; грязное лицо вожака сияло белозубой улыбкой.

— Шахта запечатана, — объявил он. — Погони не будет.

— Ага, и мы не сможем вернуться, если впереди нас ждут органики, — пробормотал Уайльд.

— Могли и не лезть в это дерьмо, — буркнул Круассан, сидевший так близко, что Дункан мог его учуять.

— Скули, скули, щенок, — вспылил Уайльд. — Господи, как же я устал от твоего нытья!

— Заткнись, ты... ты, педераст! — огрызнулся Круассан.

— Я так и знал, что ты гомофоб! — крикнул Уайльд.

— Тихо, вы, оба! — приказал Локс.

— Вот-вот, — пророкотал падре. — Грядет время мордобоя, да простит меня Господь за такие слова. У нас хватает проблем без ваших детских склок. Заткнитесь, или вас заткнут.

Уайльд встал и демонстративно пересел подальше от Круассана. Дункан последовал за ним.

— Что за люди эти Донг и Круассан? — спросил он.

— Ты хочешь знать, как они сюда попали? Что у них за душой? — Уайльд хихикнул. — Не политические принципы. Они мелкие воришки, ну, может быть, не такие и мелкие. Оба родом из среды; он был продюсером игровых телешоу, а она его секретаршей. Потом у него родилась эта идиотская идея — он вообще не больно-то умен — подстраивать выигрыш за взятку. Донг вела шоу вместе с ним, так что он уговорил ее сотрудничать. Какое-то время все шло нормально. Победители делились с этой парочкой или, если приз давался кредитами, перечисляли половину на их счет.

Потом произошло неизбежное. Начальник Круассана поймал его за руку; затем поговорил с ним с глазу на глаз и намекнул, что не выдаст его, если тот с ним поделится. Тоже не слишком умно. Круассан психанул, напал на него и ударил по голове так, что тот потерял сознание. Поймали его с Майкой Донг, когда они тащили тело на крышу. Наверное, хотели

сбросить его оттуда и выдать все за несчастный случай. Опять-таки глупость. Органики проверили бы туманом правды всех подозреваемых, если не всех, кто вообще участвовал в шоу.

Поймала их управляющая зданием: остановила и пошла вниз, чтобы донести на них. Круассан и Донг ударили по голове и ее, тем самым усугубив свою вину. К тому моменту даже им стало понятно, что они зарвались. И вместо того чтобы смириться с судьбой — суд, реабилитация, может быть, свобода через пару лет, — они бежали. Мы их нашли в лесу — заблудившихся, голодных, готовых сдаться органикам.

— А почему вы их приняли?

— Мы принимаем всех беглецов. Это наше непреложное правило. Будь иначе, и меня бы не приняли. Я ведь тоже не политический.

— Но эти двое — потенциальные убийцы. Их ведь остановило только то, что их перехватили по дороге.

Уайльд пожал плечами:

— Все мы потенциальные убийцы. Я сам собирался убить их обоих. Но, конечно...

— Хотеть убить — не значит исполнить намерение.

— Конечно. Но эти двое попали в особенную, уникальную ситуацию. Больше такое не повторится. И, может быть, они усвоили урок. Если телевизионщики вообще способны обучаться.

Локс приказал собираться. Синн сообщил, что наземных шумов нет. Его детектор был достаточно чувствителен, чтобы улавливать обычные лесные звуки — птичьи голоса, людские шаги. Бурения не было.

Пока отряд пробирался извилистыми, подчас опасными переходами, Дункан задал Уайльду вопрос, который его давно беспокоил:

— Каждая группа, даже изгои, должна организовываться по каким-то правилам и законам. Что вы делаете с теми, кто так бурно выступает против правил, что уговорить его не удается? Или с теми, кто убил кого-то из своих? Какое у вас наказание для преступников?

— А, — фыркнул Уайльд, — то же, против чего так бурно протестуем, когда этим занимается правительство. Окаменяем.

— Ясно, — пробормотал Дункан и надолго замолк. Интересно, как эта банда получила доступ к большому каменатору?

ГЛАВА 6

Преодолев подземный лабиринт — где ползком, на четвереньках, где бредя по пояс в ледяной быстрой реке, — отряд вступил в еще одну систему туннелей. Некоторые секции

разошлись по стыкам — два великих землетрясения древности разорвали трубы, но эта, а может, одна из предыдущих групп изгоев раскопала завалы и укрепила слабые места. Спустя три часа, выйдя из узкого перехода, отряд оказался в еще одной естественной пещере, изобилующей сталактитами и сталагмитами. Там они остановились на ночь — поели, не разогревая пищу, напились из ручейка, петлявшего по залу наподобие Стикса, и залезли в спальные мешки, чтобы заснуть быстро и крепко, несмотря на бугристый, холодный и жесткий пол.

Вахта Дункана была последней, и ему не пришлось вновь забираться в мешок после дежурства. А через полчаса после того, как отряд вышел в путь, люди уже брели по коридору очередной системы пещер по щиколотку в воде. Уайльд объяснил, что ручей был намеренно отведен из естественной пещеры в этот коридор.

— Вода смоет наш след, а с ним — и запах.

— Но ганки сообразят, что мы для этого и пошли по воде, и последуют нашему примеру, — возразил Дункан.

— Да, но в какую сторону они пойдут? Вода течет через все боковые выходы этого коридора. Кроме того...

Уайльд не закончил, наверное, потому, что знал — Дункан сам скоро увидит, в чем тут дело. Не доходя до конца коридора, Синн свернул, остальные последовали за ним. Дункан стоял и ждал вместе со всеми, пока его ноги синели и немели в ледяной воде. Синн и Бедейтунг сняли часть стены, обнажив темную нишу; задняя стенка ее откидывалась, открывая вход в другую пещеру. За лесом сталактитов и сталагмитов текла мелкая речушка шириной футов пятьдесят, с темной водой. Отряд двинулся против течения; ноги шлепали по ледяной воде, капли стекали с потолка. Зубы Дункана начали постукивать.

Через некоторое время отряд вышел к двадцатифутовой плотине, сложенной из огромных валунов; вода пенилась и бурлила, ударяясь о камни и разбрызгиваясь. Валуны образовывали нечто вроде лестницы. Изгоям пришлось карабкаться по ней вверх. Вершины они достигли мокрыми с головы до ног.

— Боже, — выдавил Круассан, — мы же сдохнем, если не от шока, то от воспаления легких!

— Ничего, — отозвался Уайльд. — Купание тебе не повредит.

— Если я тебя вниз столкну, тоже шутить будешь? — огрызнулся толстяк.

— Мне тебя и так-то трогать противно. — Уайльд ухмыльнулся.

Забравшись на вершину, Дункан остановился, поджидая остальных.

— Кто построил эту плотину? — поинтересовался он.

— Кто знает? — ответил падре. — Кто-то из прежних изгоев. Может, тысячу облет назад, может — меньше сотни. В любом случае мы должны их поблагодарить и помолиться за них.

— Почему?

— Скоро узнаешь.

Синн и Бедейтунг ушли немного вперед. Когда отряд нагнал их, они вдвоем дергали за торчащий из щели в стене огромный стальной рычаг. Рычаг подался, только когда Локс приказал еще двоим мужчинам присоединиться. Пока стальной прут опускался, каменный пол начал подрагивать; когда рычаг дошел до упора, пол уже трясся, откуда-то снизу доносился рев.

— Смотри на реку, — пробормотал Уайльд, дрожа всем телом и лязгая зубами.

Остальные изгои уже направили лучи фонарей на воду, и Дункан увидел, что река медленно мелеет. Через пару минут ее уровень упал на добрый фут; шум и тряска при этом стихли.

— Теперь система туннелей затоплена, — пояснил Уайльд, улыбаясь и дрожа. — Органики не смогут преследовать нас. Если все пройдет так, как мы надеемся, то они подумают, что туннели затоплены уже давно. Все зависит от того, насколько близко к нам они находились.

Дункан подумал: сколько же времени ушло у неизвестных строителей, чтобы создать такую ловушку. Эти люди работали тяжело, долго, терпеливо и, наверное, потеряли немало своих товарищей.

— Возвращаясь, мы опустим затвор и подождем, пока вода не стечет, — пояснил Уайльд.

— Если сможем вернуться, — пробурчала Майка Донг.

— Да ты просто исходишь боевым духом! Так приятно с тобой находиться в безвыходном положении, кто бы знал!

— Когда-нибудь... — зло прошептал Круассан.

Локс приказал всем двигаться дальше. Детей, всхлипывавших, но не жаловавшихся, укутали одеялами, извлеченными из родительских водонепроницаемых мешков. Дункан позавидовал малышам.

Уже через десять минут сырой и скользкий туннель привел изгоев к вертикальной шахте. К стене ее ржавыми болтами крепились скобы.

— Нашим предшественникам пришлось прорубать этот туннель с особой осторожностью, — сказал Уайльд. — Из-за

шума они не могли использовать горнопроходческое оборудование. Это, должно быть, заняло у них уйму времени. Как им удалось остаться незамеченными, мы уже не узнаем.

Потом туннель шел прямо на протяжении трех сотен футов, завершаясь залом, куда мог поместиться весь отряд. Часть зала занимали ряды коробок с провизией и черный металлический ящик, подсоединенный к уходившему в стену силовому кабелю.

Синн нажал на кнопку, и включилось освещение. Несколько человек привычно принялись вытаскивать из коробок с провизией плоские продолговатые упаковки и засовывать в черный ящик откаменатора. Через секунду упаковку вынимали; внутри ее находились уже раскамененные тарелки и бутылки. Еду разогревали в микроволновой печке, на единственном столе. Хотя иная мебель в зале отсутствовала, никто не жаловался. Еда была горячей и вкусной; в бутылках содержалось вино и пиво.

— Как вы ухитрились подключиться к силовому кабелю? — набив рот, спросил Дункан у Уайльда.

— Это сделали не мы. Мы нашли это место в нынешнем его виде. А создали его наши неизвестные герои и героини.

— Но как же утечка энергии? Разве она не отражается в контрольной? Ее проследят...

— Может быть, — весело отозвался Уайльд. — Но доим-то мы тех, что наверху. — Он указал вилкой на потолок. — Ты увидишь, почему наблюдатели не обращают внимания.

Дункан решил удовлетвориться пока этим объяснением. Электронагреватель в углу истекал вызывающим сонливость теплом. Поев, Дункан отправил грязную тарелку в мусорник и воспользовался крохотным санузлом в дальнем углу зала. Это устройство тоже работало на электричестве, превращая экскременты в каменные брикеты, которые потом вынимали из приемного устройства и складывали рядом, чтобы использовать в дальнейшем.

Спал он крепко и проснулся уж в четверге. Хотя Дункан был родом из вторника, он знал, что поиски будут вести органики всех дней. Связь между днями сводилась к необходимому минимуму, но дело Дункана требовало, чтобы органики среды оставили сообщение четверговым, а те — пятничным, пятничные — субботним и так далее.

Дункана уже не удивило, когда Синн приставил к стене лестницу и, сняв одну из потолочных плит, полез в открывшееся отверстие, таща за собой звуковой детектор. Вернулся он через пять минут.

— Признаков активности нет. Все чисто.

Потолочная шахта имела в длину около сорока футов и была настолько узкой, что скобы только мешали — удержаться можно было, просто упираясь ногами в одну стенку, а спиной — в другую. Один за другим члены отряда уходили наверх; Дункан оказался седьмым. Шахта выходила в огромный зал — потолок терялся где-то в шестидесяти футах над головой. Никто не предупредил Дункана, чего следует ожидать, и он был поражен. Сотни рядов, тысячи молчаливых фигур стояли в колоссальном зале. Обнаженные мужчины, женщины, дети, выстроенные, точно на парад; глаза одних слепо смотрели вперед, других — были закрыты. На шее каждой фигуры висела табличка с именем и личным номером окаменевшего, а также закодированными биографическими и медицинскими данными.

Объяснений Дункану не потребовалось. То был подземный правительственный склад, где хранились окаменевшие по различным причинам граждане. Большая часть — неизлечимо больные, согласившиеся на каменение. Когда-нибудь медицина найдет способ исцелить их, и тогда они будут раскаменены и вылечены. Теоретически.

Были там и умершие, чьи тела превратили в камень сразу же после гибели. Когда будет найдено средство воскресить их и вернуть здоровье, они вернутся со склада. Так им обещали.

Но здесь хранились и преступники, которых современная наука не могла вернуть в общество. Когда их антисоциальные тенденции удастся устранить, а самих нарушителей — сделать добропорядочными гражданами, их откаменят. Такова была официальная политика.

— Здешний склад — относительно новый, — сообщил Дункану Локс. — Самым древним тут около трехсот облет. Мы сейчас находимся в самой старой части. Сюда никто не заходит.

Воздух в зале был чист и свеж. Без сомнения, его прогоняли через электрофильтры, но это не мешало пыли скапливаться на полу и статуях. Ноги изгоев оставляли следы в пыли.

— Мы все сделаем так, как было, — сказал Локс, отметив брошенный Дунканом взгляд. — А пока... — Он повел рукой, как бы охватывая мужчин и женщин, сновавших по узким проходам, двоих ребятишек, шумно игравших в прятки. — Здесь, конечно, не так, как снаружи, но хотя бы есть место поразмяться, да и воздух посвежее.

Но Дункан не чувствовал себя свободно. Ряды мертвых — или почти мертвых, — которых в течение микросекунды можно вернуть к жизни, действовали на него угнетающе. Откуда-то пришло знание: он слыхал, что по всему миру в подобных

хранилищах покоится более сорока миллиардов человек. И все они ждут новой жизни и здоровья.

— Да не будет никогда столько медиков и больниц, чтобы всех тут оживить, — сказал Уайльд со странной улыбкой. — А куда податься оживленным, где жить, чем питаться и тому подобное? А тем временем каждый год на складах прибавляется по несколько миллионов человек. Никакое правительство с ними не справится, самой Земли не хватит, чтобы их вместить! Они бы передохли с голоду.

— Ну так и забудь об этом, — посоветовал Дункан и повернулся к Локсу.

— Я так понимаю, что здесь мониторов нет. А в других местах?

— Только в самой новой части, куда завозят новых окаменевших. В тех местах ведутся земляные работы, готовятся к строительству нового хранилища. — Локс усмехнулся. — Здесь мы в большей безопасности, чем где бы то ни было. Нас не станут искать просто потому, что ни один ганк не додумается посмотреть у себя под носом. Всего в трех милях отсюда поселок, где живут лесники, фермеры и органики. Пошли, я тебе покажу.

Прежде чем они вышли, Дункан заметил, как один из изгоев поставил лестницу, забрался к самому потолку, снял одну из секций и пролез в открывшийся лаз.

— Если все чисто, — произнес Локс, перехватив взгляд Дункана, — мы сможем выбираться в лес. Нам нужно время от времени выходить на свежий воздух, особенно детям.

Вместе с падре Кобом, Уайльдом и Решающим Дункан двинулся по центральному проходу между рядами статуй (он не мог заставить себя думать иначе об этих фигурах). Они прошли около мили, прежде чем наткнуться на стену. Локс отпер небольшую дверцу, вделанную в створку громадных ворот. За ней оказался еще один склад, имевший, по словам Локса, еще три уровня ниже основного. Здесь окаменелые тела лежали в шесть ярусов. Пройдя еще немного по центральному проходу, Локс свернул и между рядами статуй пробрался к открытому подъемнику. Четверо изгоев поднялись к потолку. Высокое окно позволило Дункану оценить расположение склада. Очевидно, верхняя часть строения располагалась над землей. За окном земля круто уходила вниз почти на сотню футов, к равнине. На горизонте виднелась гряда холмов, заросших густым лесом; по равнине тут и там были разбросаны рощи фруктовых деревьев, но большую часть ее занимала пашня. В центре равнины находился поселок домов на сто, среди которых выделялось белое пятиэтажное

строение; квадрат солнечных батарей на крыше сверкал в солнечных лучах. Вокруг него кольцом располагались белые домики с зелеными крышами. Стили домов различались самым радикальным образом. Задние фасады домов выходили на кольцевую улицу, по другую сторону которой шел еще один ряд белых домиков. Вся деревня состояла из таких концентрических кругов. Локс передал Дункану бинокль, чтобы тот мог разглядеть поселок получше. По улицам ходили люди, детишки играли во дворах, машины въезжали в поселок и выезжали из него.

Окинув долину взглядом, Дункан присмотрелся к маленьким фермам, к амбарам и силосным башням, к различным сельскохозяйственным машинам, работающим на полях или стоящим близ ферм. Он знал, хотя не помнил откуда, что домики эти не предназначены для жилья. В них находились компьютеры, при помощи которых фермеры на расстоянии управляли роботами — пашущими, сеющими, жнущими, опрыскивающими и прочими. Закончив работу, фермеры возвращались в городок. Однако близ поселка были и личные сады.

Кое-где паслись коровы, снабжавшие местных жителей свежим молоком, а поля — навозом. В загородках бегали куры, которых разводили только из-за яиц. Животных уже давно не забивали на мясо; курятину, как и говядину, выращивали на клонировочных фабриках. Наверное, такая же фабрика была и в этом поселке, но находилась она, должно быть, под землей.

— Выглядит вполне мирно и спокойно. — Дункан передал бинокль Локсу.

— А органики и лесники все разошлись, нас ищут, — улыбнулся Локс. Он указал на дальнюю гряду холмов: — По другую сторону — трансконтинентальная железная дорога.

Дункан показал на главную трассу, сверкающую серую ленту, прорезавшую лес, огибавшую деревню и устремлявшуюся дальше.

— По ней привозят окамененных?

— Нет. Их доставляет правительственный дирижабль. Тут на крыше есть причальная вышка.

— Можем мы попасть в новый корпус?

— Зачем? — настороженно спросил Локс.

— Просто хочу ознакомиться с окрестностями. Никогда не знаешь, что может потребоваться.

— Для побега, ты хочешь сказать?

— Не от вас, — успокоил его Дункан. — На случай, если органики нас застанут врасплох.

— Конечно, — ответил Локс. — Почему нет? Мониторы настроены на распознавание тех, кто пытается проникнуть

внутрь. Но их не волнует, что здешние обитатели захотят прогуляться. А зря.

Они спустились на уровень пола и, пройдя еще через два огромных двенадцатиярусных зала, добрались до нового корпуса. Вновь им пришлось воспользоваться подъемником. Локс провел своих спутников на административный этаж, где изгои разместились в самом роскошном из кабинетов. Несмотря на то что эти помещения использовались крайне редко, тут имелся и откаменатор, и немало закамененной еды и напитков. Используя один из аппаратов, изгои восстановили нормальное молекулярное движение в кое-каких припасах и пообедали рыбой с картофелем и салатом, запивая их пивом или вином.

Дункану не позволяли расслабиться постоянный гул и подрагивание стен. Локс объяснил, что вибрацию вызывают земляные работы рядом со складом.

— Там целая армия рабочих, — сказал Решающий.

Дункан глотнул пива и постарался успокоиться. Он махнул рукой, указывая на стенные дисплеи и клавиатуры на столах.

— Ты можешь использовать их, не вызывая тревоги?

— Конечно, — отозвался Локс. — Я, собственно, за этим сюда и пришел.

Он развернулся в кресле, отставил бутылку вина и нажал несколько клавиш на пульте.

— К счастью, кода тут не требуется. Чиновники никогда бы не подумали, что этот пульт могут использовать посторонние. В конце концов, это же малонаселенная сельская местность. Кроме того, чтобы пройти в здание, нужно знать код доступа — то есть они так думают. Для начала подключимся к мониторам и поглядим, что творится снаружи.

Для этого код тоже не требовался.

— Тэ-три-цэ-шесть, — сказал Локс. — Приказ. Включить мониторы внешнего обзора.

Стены немедленно стали экранами, и Дункан смог обозреть панорамы, открывающиеся с четырех сторон здания.

— Ох-хо! — воскликнул Локс, вскакивая с кресла.

ГЛАВА 7

На западном экране был виден серебристый дирижабль, летящий низко — в сотне футов — над землей. Он медленно, носом вперед, опускался к земле; на южном борту блестели ракетные дюзы, носовые крепления были открыты. Дункан мог различить даже крошечные фигурки матросов за ветровым щитом на мостике.

— Доставляют очередной груз окамененных. — Локс стер запись о недавнем запросе и выключил аппарат. — Соберите подносы и бутылки, — сказал он, вставая. — Мы же не хотим оставлять следы.

Остальные вышли из офиса вслед за ним.

— Что это значит? — спросил Дункан.

— Придется спрятаться пока, — объяснил Уайльд. — Разгрузить дирижабль недолго — часа два. Но мы будем прятаться до завтрашнего дня.

В эту минуту Дункан понял, что останется с группой не дольше чем придется. Здесь не было будущего. Они могут только бежать, и прятаться, и выбегать наружу на пару часов, и воровать из хранилищ. Это кроличья жизнь, а он — не кролик.

Но пока он — член отряда. Дункан неохотно спустился по шахте в подвальное помещение. Усевшись на свой спальный мешок и прислонившись к стене, он мрачно оглядел отряд. Зал был переполнен, сновали туда-сюда ребятишки — Дункан не мог их винить за это, скорее жалел, — и делать было нечего, кроме как пить и болтать. Порой он вставал и гулял по коридору, чтобы ноги размять. В третий раз, когда он делал приседания в темноте, в глаза ему посветили фонариком.

— Кто здесь? — спросил он, не прекращая упражнений.

Это оказался Локс.

— Не обращай внимания, — сказал он, присаживаясь.

Дункан встал, тяжело дыша, и сделал несколько растяжек.

— Я заметил, что ты довольно задумчиво меня разглядывал там, в контрольной.

Локс не отводил луча фонарика от лица Дункана, почти ослепляя и совершенно раздражая его.

— Видеть выражение моего лица ты можешь, и не светя мне в глаза, — намекнул Дункан.

Локс хохотнул и навел фонарик на стену. Теперь Дункан тоже мог видеть его лицо.

— Ты, наверное, полагаешь, что мы тут ведем пустую, бессмысленную жизнь, да? — произнес он. — Да что мы, в сущности, делаем, кроме того, что спасаемся бегством? К чему мы пригодны? Правительство мы не любим, не хотим, чтобы нас заставляли жить по дню в неделю, не выносим, что за нами все время наблюдают. Но что мы делаем, чтобы изменить status quo? Разве не было бы полезнее — и не в пример удобнее — вести нормальный образ жизни и протестовать законными и конституционными методами?

Дункан прекратил упражнения и сел.

— Да, я тоже об этом подумывал.

— В конце концов, — продолжал Локс, — зачем мы протестуем? Чего ради вставать на дыбы? Мы живем в обществе, какого прежде не бывало, в обществе, где не просто нет голодных — где каждый может получить столько еды, сколько пожелает. Хорошая еда, прекрасные дома, отличная медицина, великолепные возможности для образования. Вся разумная роскошь. Войны нет, и надежды на нее тоже. Налоги есть, но небольшие. Преступность — самая низкая в истории. Один адвокат на тридцать тысяч жителей. Расизм мертв. Женщины и мужчины равноправны. Почти все болезни искоренены. Изнасилования и дурное обращение с детьми — редкость. Мы вычистили тот яд, которым наши предки заразили море, землю и воздух. Великие пустыни вновь засажены деревьями. Мы достигли утопии, насколько это возможно, учитывая врожденные человеческие глупость, иррациональность, жадность и эгоизм.

— Ты неплохо объясняешь, за что нам следует любить правительство, — заметил Дункан.

— Какой-то древний автор, не помню имени, сказал, что ненавидеть следует любое правительство, находящееся у власти. Он имел в виду, что совершенных правительств не бывает и граждане должны стремиться избавить правительство от его недостатков. Я говорю не о недочетах системы, а о тех людях, которые, получив власть, пользуются этими недочетами в собственных интересах, или просто некомпетентных правителях.

— Звучит разумно, — признал Дункан. — Но разве так уж необходимо правительству постоянно следить за нами, не переставая заглядывать через плечо? Разве это не повод для ненависти?

— Да, но правительство утверждает, что это абсолютно необходимо: предотвращает преступления и несчастные случаи и позволяет достигнуть мира и процветания. Зная, чем занят каждый гражданин все — или почти все — время, которое он проводит вне дома, государство имеет достаточно данных, чтобы обеспечить безопасность граждан и бесперебойное движение товаров и путешественников по торговым путям всего мира. Оно...

— Только примеров и лекций не надо, хорошо? — прервал его Дункан. — К чему ты клонишь?

— Каждый гражданин старше двадцати пяти лет, способный сдать экзамен по истории и идеологии, может голосовать. Есть три основные политические партии и сотня мелких. Голоса избирателей регистрируются по домам...

— Без лекций, — повторил Дункан.

— Я просто пытаюсь показать, что наше государство является первым и единственным по-настоящему демократическим. Правит народ во имя народа. Так нам, во всяком случае, твердят. Если люди недовольны тем, как работает правительство, они всегда могут потребовать новых выборов, чтобы сменить чиновника или изменить закон. Опять-таки, так нам твердят.

Но власть контролирует компьютеры, подсчитывающие голоса избирателей. Так почему за последние двести облет избиратели постоянно голосуют за поддержание тотального контроля? Почему так много высоких правительственных чинов остаются на своих постах? Почему они получают абсолютное большинство голосов?

— Немало людей полагают, что компьютеры неверно ведут подсчет,— заметил Дункан.

— Да, многие в это верят. Так много, что даже странно — почему мнение большинства не сказывается на результатах голосований?

— Правительство иногда проводит опросы, чтобы исследовать это поверье. И всегда оказывается, что очень немногие верят в подтасовку или мошенничество.

— А что мешает подтасовать результаты опроса? — улыбнулся Локс.

— Я и не утверждаю, что они правильны. Только...

— Только?

— Мы-то что можем с этим поделать?

— Кажется, ничего. Стремление к переменам не так сильно, чтобы вызвать восстания, забастовки или революции. Около половины всех граждан убеждены, что реформы необходимы, а нынешних администраторов — следовало бы сказать «правителей» — пора отправить в отставку. Но у них нет серьезных жалоб, как у древних. Даже если их раздражают определенные ограничения — зачем рубить сук, на котором сидишь?

— Действительно, зачем?

Дункан помолчал мгновение. Локс пристально глядел на него.

— Я как новорожденный с памятью о прошлых воплощениях, — произнес он наконец. — Мне кажется... — Он нахмурился и несколько секунд жевал губу. — Если бы только я мог припомнить, почему правительство так стремится наложить на меня лапу. Но я помню, что не только насчет выборов сомневался. Еще... секундочку... вот оно. Власть постоянно вдалбливает нам, что Земля никогда впредь не должна оказаться перенаселенной. Каждой паре позволено иметь не больше двух детей. Если вспомнить, что случилось

с миром в прошлые века, это ограничение кажется разумным и необходимым. Но многие из нас...

Казалось, Дункан безуспешно напрягает свою память.

— Многие из нас... — повторил за ним Локс.

— ...думают, что переписи населения неточны. Цифры могут завышаться. Если бы правда стала известна, правительству пришлось бы разрешить каждой паре родителей иметь больше двух детей — троих самое меньшее.

— Правда, — сказал Локс, — по крайней мере по моим сведениям, состоит в том, что общее население планеты составляет два миллиарда человек. В то время как...

— Официальная статистика утверждает — восемь миллиардов! — вскричал Дункан.

Он был не настолько взволнован, чтобы не удивиться, каким образом изгой, отрезанный от банков данных, мог получить доступ к этим сведениям.

— Два миллиарда, — повторил Локс. — Что еще тебя беспокоило?

— Если нас только два миллиарда, нет смысла поддерживать систему разделения дней! От нее нужно отказаться. Мы все сможем вернуться к древней системе ежедневного проживания. Конечно, переход должен быть постепенным. Придется построить всемеро больше домов. Все остальное тоже придется увеличить всемеро — запасы продовольствия, транспортные системы, энергоснабжение, все прочее. Это надолго! Возникнет чертова уйма проблем, но неразрешимых ведь нет. Человечество сможет вернуться к естественной системе, к жизни, к которой мы приспособлены. Я... — Дункан вновь нахмурился, помолчал секунду, потом продолжил: — Мне кажется, я слышал... от кого-то... что система разделения дней нарушает суточные ритмы человека. Люди привыкли спать ночью восемь часов без перерыва, а теперь их нередко поднимают после четырех часов сна, а там проводи оставшиеся четыре как хочешь. Это вызывает неврозы и психозы намного чаще, чем правительство готово признать. Число так называемых преступлений в состоянии аффекта постоянно растет. Но общество об этом не знает. Ему подсовывают сфабрикованные данные, а телевидение о большинстве таких случаев умалчивает.

— Нам гарантируют свободу печати, — заметил Локс,— которой у нас на самом деле нет. Но правительство угнетает незаметно, с «коварством змеи и мудростью голубя».

Одно остается неизменным. Большинство всегда консервативно. Так было с начала истории правления. Система разделения дней была с нами так долго, что большинство людей считают ее естественной, словно так и должно быть. Даже

если правительство захотело бы вернуться к старому образу жизни — а оно, конечно, не хочет, — ему пришлось бы долго убеждать большинство, что это следует сделать.

К этому времени Дункан уже понял, что Локс говорит не для того, чтобы просто убить время.

— Ты ведь значительнее, чем кажешься с виду, не так ли? — сказал он.

— Ты имеешь в виду, что я не просто главарь банды нищих и жалких недоделков? Тогда кто же я, по-твоему?

— Думаю, ты член организации, пославшей тебя сюда вербовщиком. И участник «подземной железной дороги»*. Если кто-то вроде меня попадает к вам, ты отсылаешь его... Не знаю куда.

— Отлично, — сказал Локс. — Больше я тебе пока ничего говорить не стану. Ты будешь находиться в неведении до самой последней минуты, на случай...

— ...если меня поймают, прежде чем ты сможешь выполнить свои планы?

— Именно так. — Локс встал и потянулся. — Да. До скорого. Болтать об этом ты, конечно, не станешь?

— Естественно.

— А я пока выясню, почему за тобой так охотятся, если смогу забраться в банк данных, не вызвав тревоги.

— Мне тоже очень хотелось бы выяснить это, — ответил Дункан.

Чтобы размять затекшее тело, он продолжил упражнения. Когда в туннеле показался пылающий глаз факела, Дункан отжимался, стоя на руках, и наблюдал, как перевернутый факел остановился.

— Бога ради, Дункан, — послышался писклявый голос Круассана, — что ты тут делаешь?

— Да уж не угря на носу держу**, — ответил Дункан. Он подпрыгнул на руках, сгруппировался, приземлился на ноги и выпрямился.

— А ты тут что делаешь? — спросил он, вытирая пот с лица рукавом.

— Локс сказал, чтобы ты помог нам перетащить припасы из пещеры, — ответил пронзительный голос Донг.

Факел приблизился. Что-то темное метнулось к Дункану из огня, и свет померк вместе с сознанием.

---

* «Подземная железная дорога» — так в XIX веке называлась цепь посредников, помогавших беглым рабам перебираться с Юга на Север.

** Вольная цитата из стихотворения, которое Алиса читает Синей Гусенице в книге «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла: «...как сумел удержать ты живого угря /в равновесье на кончике носа?» (*Пер. Н Демуровой.*)

Очнулся он ошеломленный; задыхаясь и давясь, пометался в темноте и, когда немного пришел в себя, понял, что находится в воде. Он отчаянно работал руками, не зная, куда плывет — вверх, вниз или горизонтально. Что-то твердое ударило его по ребрам слева. От боли он задохнулся, но успел вскрикнуть, прежде чем его вновь затянуло под воду. Так... он очнулся на поверхности — чего? Чем бы ни был этот поток, ледяная вода сковывала мышцы, не давая двигаться.

Но Дункан изо всех сил шевелил непослушными руками и ногами и наконец вынырнул, глотая воздух. Ненадолго — что-то ударило его по затылку, загоняя ко дну, заставляя задыхаться и глотать воду. Беспорядочно размахивая руками, он нащупал вверху что-то твердое. Камень. Только тут он осознал, что плывет по подземной реке и его несет через узкий туннель. Плечо царапнуло о скалу, что-то схватило Дункана, закружило, и — благословенная передышка — его голова вновь оказалась над водой.

Это продолжалось несколько секунд. Дункана вновь ударило о камень, на сей раз правым боком, и затянуло под воду. Он пытался всплыть в надежде, что течение вынесет его к воздушному карману, но наткнулся лишь на шершавый камень, прежде чем его засосало вниз. На сей раз у него успели кончиться и воздух, и надежда. В голове забили колокола, перед глазами заструились потоки света; глотка начала расслабляться против его воли; через несколько секунд он умрет.

Внезапно свет и воздух вернулись к нему. Он выпал в солнечное сияние, выброшенный из отверстия в скале вместе с потоком, попытался сгруппироваться, чтобы не упасть животом на вспененную поверхность пруда, но не смог. Сила удара и боль вытолкнули остатки воздуха из, казалось, опустевших легких. Но Дункан все же вынырнул и поплыл направо, к обрывистому берегу. Течение несло его к порогам, но он сумел ухватиться за торчащий из размытого берега корень и вцепился в него. От холода и боли он был слаб, точно новорожденный. Но его поджидал не мир жизни, а мир смерти.

Держась за корень, он глянул на отверстие, из которого был выброшен. Оно находилось футах в двадцати над прудом, у основания семидесятипятифутового известнякового утеса. За утесом виднелись склоны более высоких холмов, но расстояния до них он определить не смог. Река петляла, сжатая глинистыми берегами, круто уходившими вверх. Многие деревья — наверное, продукты биолабораторий — росли под углом сорок пять градусов к земле.

Куда бы его ни занесло, он был далеко от того входа, который показывал ему падре.

Дункан обернулся. В нескольких ярдах от него река выгрызла в береговой глине заливчик. Сила течения там была меньше, а высота берега составляла около двух футов. Быть может...

Он отпустил корень и, как мог, быстро (то есть довольно медленно) поплыл к заливчику. Чтобы выбраться на берег, ему потребовалось немало времени. Несколько раз глина подавалась, и он соскальзывал обратно в воду. Наконец, совершенно выбившись из сил, он замер, наполовину выкарабкавшись из воды, скорчившись и тяжело дыша. Когда дыхание восстановилось, он прополз остаток пути, вытянул ноги на берег и вновь замер, думая о Донг и Круассане и о том, что они с ним сделали.

Злобная парочка не питала к нему особой приязни. Но это недостаточная причина для убийства. Убийства? Круассан оглушил его, но мог и расколоть ему череп дубиной, если бы захотел. А вместо этого они перетащили свою жертву в пещеру и столкнули в подземную реку. Они знали, что река невдалеке выходит на поверхность, и рассчитывали, что Дункан утонет, что вода довершит их грязное дело. Труп в воде заметят спутники или патрули органиков. Охота прекратится, и отряд вновь окажется до поры до времени в безопасности.

Нет. Этот сценарий не совсем точен. Локсу показалось бы странным бегство Дункана. Он начал бы подозревать Донг и Круассана, узнав, что они вошли в туннель. И засомневался бы, что Дункан, зная, что скоро вновь вернется к цивилизованной жизни, сбежал, отбросив единственную надежду избавиться от жалкого прозябания в подземельях. Локс допросил бы этих двоих под туманом правды.

Зная о такой возможности, они не вернутся в отряд. Они затаятся в пещерах до той поры, когда тело Дункана найдут. А потом спрячутся в лесу.

Или выйдут на поверхность сразу, сдадутся в плен ганкам и, рассказав свою историю, потребуют амнистии? Их могут и простить, даже если отправят на реабилитацию. В конце концов, они избавились от Дункана и предали отряд. Конечно, органики будут презирать их как предателей, но Донг и Круассан привыкли к презрению, даже, наверное, не могли без него жить. Быть может, они набросились на него, потому что давно не делали ничего презренного и нуждались в духовной подпитке?

Дункан тихо рассмеялся при этой мысли и подумал, а не начинается ли у него бред. Правда, бред обычно сопутствует лихорадке, а он очень замерз. Ему захотелось выползти на солнечную полянку и погреться, но его остановила мысль о спутниках наблюдения.

Дрожа, он повернулся на бок и обхватил себя руками. Мокрая одежда холодила его, ее следовало бы снять, но он слишком устал. Тепло его тела высушит одежду. К тому времени когда солнце опустится на несколько градусов — сейчас оно стояло на полпути от зенита к западному горизонту, — он согреется и немного восстановит силы.

И что потом?

В лесу стояла тишина, только каркали вдалеке вороны и сердито верещала белка — наверное, ругала ворон. Мимо прожужжала большая черная муха. Дункан попытался прихлопнуть ее, но промахнулся. Прошло полчаса. Дункан закрыл глаза, размышляя, не рискнуть ли поспать немного. Голова сильно болела в том месте, куда пришелся удар. Ныли ребра и ссадина на тыльной стороне левой кисти. Опасность и холод сделали его нечувствительным к боли. Теперь, когда он обсох и согрелся, боль не давала ему заснуть, несмотря на то что он уже клевал носом.

Осознав это, он заставил себя сесть, застонав от боли в сломанных ребрах. Может быть, у него сотрясение мозга. Если так, то лучше встать и идти. Он не хотел умереть во сне.

Дункан начал было подниматься на ноги, но, не успев встать, замер. Откуда-то издалека доносились голоса Круассана и Донг.

ГЛАВА 8

Дункан из-за куста наблюдал за Круассаном и Донг. Наполовину скрытые листвой, те сидели, прислонившись к стволу огромного сухого дуба, футах в шестидесяти от Дункана. Рядом с ними валялись два набитых мешка — вероятно, вытащенных по дороге из какого-то укрытия. Это означало, что побег готовился давно. А громкая речь свидетельствовала, что они не боятся попасться в плен к ганкам — может быть, даже надеются на это.

Хотя голоса долетали до Дункана, слов разобрать он не мог. Медленно, припадая к земле, он пополз налево, огибая своих противников, и вскоре оказался за их спинами, скрывшись за кустом. Видеть он их не мог, зато слышал отлично.

— Нет, надо его искать, — визгливо кричала Донг. — Река не могла отнести труп далеко. Найдем и останемся у тела, пока нас не отыщут.

— Слишком долго, — заныл Круассан. — Откуда ты знаешь — может, его отволокло куда-то... или он в пещерах застрял. Тогда труп еще долго не появится, если вообще вылезет. По мне, надо идти, пока нас не заметили сверху. Мы

же не обязаны с собой мертвечину таскать. Один вдох тумана, и они узнают, что мы не врем.

— Я хочу убедиться, что этот сукин сын сдох, — ответила Донг.

— Боже, ну ты и стерва!

— Кто бы говорил! Я его, что ли, дубиной оглушила?

— Ну да! А кто меня уболтал?!

— Да заткнись ты! Какая разница, кто что сделал. Мы оба в это дело влезли.

— Во-во, — мрачно согласился Круассан. — Одни головы торчат. Которые нам пооткручивают, если *они* за нами погонятся. По-моему, пора делать ноги. — Толстяк явно имел в виду уже не органиков, а изгоев.

Парочка продолжала скандалить, а Дункан тем временем обогнул куст и устроился так, чтобы видеть противника. Заметив в стволе дерева огромное дупло в нескольких футах над головами скандалистов, Дункан изумленно раскрыл глаза. То явно был вход в систему туннелей — вход, использованный предателями как выход.

Нужно подождать, пока Круассан и Донг уйдут. Тогда он сможет вернуться и предупредить отряд. Но что, если предателей быстро схватят? Тогда органики тут же обрушатся на изгоев. Нет, надо остановить их — но как? Он безоружен и слаб, а у этих двоих в ножнах на поясе длинные ножи, а в мешках, наверное, протонные пистолеты.

Внезапно предатели вскочили на ноги — кто-то шумно ломился через подлесок. Оба выхватили из мешков пистолеты; тускло блестели металлические шары на концах шестидюймовых стволов.

— Если это органики, — донесся до Дункана шепот Донг, — они нас пристрелят, едва завидев пистолеты.

— Тут медведи водятся и другое опасное зверье, — ответил Круассан дрожащим голосом.

Тут на поляну выбрался источник шума — четвероногое высотой шесть футов, смахивавшее на первый взгляд на слона-карлика. Изогнутые бивни, однако, выдавали в нем лесного мастодонта, продукт биоинженерных лабораторий. Тысячу облет назад инженеры воссоздали из ископаемых клеток мастодонта шесть сотен этих существ и выпустили на волю в некоторых лесных заказниках. Теперь один из потомков первых созданий стоял перед двумя предателями; за ним из чащи выступила дюжина его собратьев.

— Не пугайся, — прошептала Донг так тихо, что Дункан едва расслышал. — Они не нападают, если их не спровоцировать. Стой спокойно.

Круассан процедил что-то в ответ, но что — Дункан не разобрал; он тихо пополз к засохшему дереву. Мастодонты, наверное, заметили его, а может, просто испугались людей. Так или иначе, вожак пронзительно затрубил, развернулся и бросился в кустарник на южной стороне прогалины. Стадо последовало за ним. Пользуясь шумом, Дункан вскочил и побежал. Когда последняя из серых волосатых туш исчезла в подлеске, он уже стоял за стволом дуба, сжимая в руке дубину — тяжелый сухой сук.

— Пошли отсюда, — произнес Круассан. — На некоторых могли быть мониторы.

— Ну и что? — взвизгнула Донг. — Мы же хотим, чтобы нас нашли!

— Ну, в этом я уже не уверен, — промычал ее спутник. — Тут оно довольно серьезно получилось. Я вот только что сообразил — а если они решат, что реабилитнуть нас не получится? Хочешь на складе кончить?

— Трус! Сопля! — взвыла Донг. — И почему я не связалась с настоящим мужчиной?!

— Можно подумать, что ты — настоящая женщина! Знаешь что, сука...

Дункан проворно выскочил из-за дерева и огрел склонившегося над мешком Круассана по голове. Донг в эту секунду отвернулась, демонстрируя свое презрение к партнеру. В одной руке она держала пистолет, другую сжала в кулак. Услышав звук удара и стон, она обернулась. Глаза ее широко раскрылись от изумления, и этой секундной задержки Дункану хватило, чтобы ударить ее дубиной по запястью. Пистолет выпал; Майка Донг кинулась в лес, рука ее висела плетью. Дункан бросился было за ней, но остановился, сообразив, что даже легкая пробежка ему сейчас не под силу, не говоря уже о долгом преследовании. Он подобрал пистолет, поворотом циферблата рядом с курком перевел его на максимальную дальность и, улучив момент, когда Майка Донг показалась между двух деревьев, нажал на курок. Лиловый луч, брызнувший из дула, коснулся ее бедра, и Донг упала. С такого расстояния луч не мог проникнуть глубоко — и, действительно, Донг поднялась и запрыгала на одной ноге, остановившись, только когда выстрел Дункана выбил кусок коры из ствола рядом с ней. Дункан заорал, приказывая остановиться; Донг развернулась — лицо ее побелело и исказилось от боли — и села на землю.

Круассан застонал и попытался встать. Дункан снова огрел его по голове, хотя и послабее, чем в прошлый раз. Заткнув

за пояс нож и пистолет Круассана, Дункан подошел к Майке Донг. Та сидела смирно, лицо ее кривилось от страдания и ненависти.

— Это тебе вместо костыля. — Дункан швырнул ей сук.

Когда они вернулись к дубу, Круассан начал приходить в сознание. Лицо его, и без того бледное, совершенно посерело, когда он сообразил, что случилось.

— Возвращаемся из мертвых, — радушно поприветствовал его Дункан, вытаскивая из мешка хлеб, сыр, банку саморазогревающегося супа и ложку.

Ел он молча, положив одну руку на рукоять пистолета. Круассан заныл было, что он этого не хотел, что его уговорила Майка, но Дункан приказал ему заткнуться.

— А теперь возвращаемся, — заявил Дункан, покончив с едой и запихав обратно в мешок ложку и пустую банку. Он помахал пистолетом. — Идите вперед. И не делайте глупостей. Если хоть один из вас дернется, пристрелю обоих.

— Они же убьют нас, — пробормотал Круассан.

— Если каменатор у них под рукой — вряд ли. — Дункан жестоко усмехнулся. — Насколько я знаю, Локс считает убийство крайней мерой. Так что дорога вам — на склад, к остальным. Кто знает, может, вам повезет, и вас найдет кто-нибудь — лет через триста.

— Да это все равно что убить нас, — простонал Круассан.

— Выбирай!

Причитая и всхлипывая, предатели надели рюкзаки. Дункан отдал Круассану факел и приказал идти первым.

— А я с факелом пойду за вами, — сказал он. — И помните — если один из вас попытается сбежать, я застрелю обоих. А теперь пошли вниз.

Круассан высморкался в рукав и повернулся, собираясь лезть в дупло. На секунду Дункана ошеломил визг Круассана и Донг, потом он разглядел в дупле бородатую физиономию падре Коба, похожего на только что очнувшегося от спячки медведя.

— Хо-хо-хо! — прогрохотал падре. — Клянусь святым Николаем*, что за славная компания подобралась!

Он вылез из дупла. На нем была все та же ряса, но в руке он сжимал протонный пистолет с полуторафутовым стволом и большим магазином.

---

* Подходящая клятва — святой Николай покровительствует, помимо всего прочего, ворам.

— Я так и знал, что вы пойдете этой дорогой, — бросил он Круассану, а Дункана спросил: — Ты так смотришься, словно бежал через десять преисподних Ти-ю. Что случилось?

Дункан рассказал.

— Ты счастливчик, Уильям, — проговорил падре. — Надеюсь, что твоя удача перейдет и на нас. Кроме этих гадов, которые, увы, относятся к роду человеческому и требуют соответствующего обхождения.

— Это ты к чему? — спросил Дункан.

— К тому, что пристрелить их мы не можем. Надо дать им шанс на спасение.

Чтобы добраться до дна шахты, им потребовалось три четверти часа. Дункан удивился, обнаружив, что комната пуста.

— Все вернулись на склад, кроме тех, кто отправился тебя искать, — объяснил падре. — Последний груз размещен, и дирижабль улетел. Все спокойно — во всяком случае, пока.

Прошло два часа, прежде чем всем поисковым отрядам передали, что пропавший найден, и спасатели вернулись. Еще одну задержку вызвало то, что предатели настаивали, что Дункан лжет. Круассан и Донг утверждали, будто Дункан пытался дезертировать, а они последовали за ним, но он застал их врасплох и обезоружил, так что им удалось лишь выиграть немного времени для поисковых групп. Локс сказал, что подвергнет всех троих туману правды, и Круассан во всем сознался.

— Смотреть на вас жалко, — бросил в сердцах Локс и махнул рукой, подавая сигнал двоим парням, назначенным для исполнения приговора.

Те схватили визжащих и сопротивляющихся предателей и запихнули в цилиндры. Дункан про себя порадовался, что детей увели. Даже ему, пострадавшему, стало нехорошо.

Дверцы захлопнулись, и падре нажал на две кнопки на панели управления. Секундой позже дверцы распахнулись, и из цилиндров выпали каменно-твердые тела Круассана и Донг. Кулаки их были подняты, замерзнув в то мгновение, когда они колотили в окошки изнутри. Тела оттащили к шахте и столкнули вниз. Четверо спустились следом, чтобы отволочь тела в туннель.

— Мы могли бы их и здесь оставить, — пояснил Локс, указывая в сторону молчаливых шеренг. — Но они бы не устояли, падали. А кроме того, вдруг правительство пошлет ревизора? Иногда так случается. Мы же не хотим, чтобы этих двоих нашли. Тогда власти узнают, что это место используется не совсем по назначению. И ганки начнут искать, пока не найдут тайной двери.

Позже, оставшись с Дунканом наедине, Локс сказал:

— Завтра я тебе сообщу, что мы собираемся с тобой делать. Если ты, конечно, согласишься.

— Я готов ко всему.

— Отлично! Но такие вещи за один день не делаются.

Когда наступил вечер и отряд спустился вниз, в спальный зал, Локс куда-то исчез. Дункан подумал, что главарь отправился в комнату с банком данных, чтобы завершить дела, прерванные прилетом дирижабля.

Спал Дункан долго и, судя по тому, как затекло его тело, крепко. В памяти сохранился один кошмар: Майка Донг и Мел Круассан, окаменелые, выкатывались из тумана, точно на колесах, тыча в него обличающими перстами. Глаза их горели огнем. Дункан проснулся со стоном, хотя вчерашняя головная боль почти прошла, и обругал себя. Разумом он понимал, что не должен сожалеть или испытывать угрызения совести. Но, как все граждане, он был с рождения приучен ненавидеть насилие. Что, напомнил он себе, впрочем, не мешало правительству использовать насилие против преступников. А он сам, если верить психику, когда-то был органиком, убившим нескольких человек.

После зарядки и завтрака он почувствовал себя намного лучше. Вместе с Локсом и Кабтабом он направился в банк данных. Решающий включил компьютеры и показал на стенной экран, где высветились три фотографии Дункана — анфас и два профиля, — а под фотографиями биографические данные.

— Посмотри внимательно, прежде чем мы распечатаем удостоверение личности, — потребовал Локс. — Если возражаешь против чего-то или найдешь расхождения в данных, все, что может вызвать проблему, необходимо изменить до распечатки.

Через десять минут машина выплюнула керамическую карточку.

— Выглядит как настоящая, — заметил Дункан.

— Она и есть настоящая. А данные, подтверждающие это, внесены в банк. Но если у кого-то возникнут подозрения и он начнет копать глубже, у тебя будут неприятности. Впрочем, чтобы доказать, что карточка поддельная, потребуется немало времени.

— Так я теперь Дэвид Эмбер Грим?

— Да. Гражданин штата Манхэттен, инженер-программист второго класса, переданный сельскохозяйственному комплексу Нью-Арка, штат Нью-Джерси. Твое прошение о переезде в Лос-Анджелес было удовлетворено. Вторник Лос-Анджелеса

как раз принимает иммигрантов различных этнических групп из некоторых штатов Северной Америки и Индии взамен пятидесяти тысяч, отосланных в Китай. Ты входишь в двадцатую группу из Манхэттена. Выбирай, как поедешь — экспрессом, в окамененном виде, или на пассажирском поезде. Второе медленнее, зато страну посмотришь.

— Пассажирским, конечно, — ответил Дункан. — Я никогда не покидал Манхэттена. До последнего времени, я хочу сказать.

— Все необходимые документы получишь завтра. Но чтобы организовать все, моему человеку в... ну, неважно.. потребуется больше времени. На то, чтобы запомнить все детали, тебе дается две недели. А пока несколько наших людей выясняют, почему тебя так разыскивают. Работа медленная, кропотливая и очень опасная. Если банкирам данных покажется, что это слишком сложно, они прекратят поиск. Получить коды доступа непросто; обычно подкупают хранителей — проще и безопаснее, чем раскрывать код. Относительно безопаснее, конечно. Если бы мы не были убеждены в твоей значимости, то не лезли бы туда, где ангелы боятся ступить. Но правительство на уши встало, желая заполучить тебя. Забавно, что ты сам не знаешь почему.

Дункан кивнул.

— Две недели? Обнедели? — переспросил он.

— Обнедели. Четырнадцать последовательных дней.

— Но органики-то бесятся. В один из этих дней им придет в голову пошарить и здесь, как бы нелепо ни казалось искать изгоев на складе.

— Эту возможность мы учли. Но нам придется остаться здесь, пока охота не прекратится.

— Она не прекратится.

Дункан подумал: а что случится, если Локса схватят после того, как он, Дункан, уже уйдет отсюда под именем Дэвида Эмбера Грима? Тогда Локса подвергнут действию тумана правды, он выдаст все, и охота устремится за гражданином Гримом.

Локс поднялся из кресла.

— Пройдем-ка в новый сектор. Я всегда люблю смотреть на новоприбывших. Среди них могут оказаться кандидаты, рекруты. До сих пор я, правда, не нашел никого, с кем хотел бы попытать счастья. Но все-таки: новые лица, новые надежды.

— Что ты знаешь о деревне, которую я вчера видел из окна? — спросил Дункан по дороге.

— Станции NJ3?

— Номера ты мне не называл. Есть там биолаб?

Лифт вез троих изгоев вниз. Локс пристально глянул на Дункана.

— Есть, и немаленькая. Почему ты спрашиваешь?

— План ее вам известен? Вы не пытались разведать?

— У тебя какие-то проблемы? Или придумал что-то?

— Может быть.

— Нет, мы туда не совались — зачем?

— Не можешь получить план здания через банк данных? Не взбудоражив наблюдателей?

Лифт остановился. Выйдя, они оказались в помещении, превосходившем размерами даже то, в котором поселился отряд. Здесь, однако, огромные открытые кубы поднимались к самому потолку, на высоту сотни футов. Между колоннами кубов проходили шахты подъемников. Каждый куб содержал по меньшей мере полсотни окамененных.

— Да, это можно сделать — если только выгода перевесит опасность.

— Если мы сможем получить точный план здания и войти, ты согласишься на это, если только результат перевесит риск?

— Ну .. — Локс дернул уголком рта.

— За шестьдесят секунд можно полностью просканировать человеческое тело, записать данные, а по ним возможно полностью воссоздать оригинал. При определенных условиях — усиление роста и тому подобное — дупликат можно вырастить за неделю. Но биологам никогда не удавалось создать дупликат, который прожил бы больше пары дней. Удвоение всегда проходит с ошибками, потому что наши сканеры еще несовершенны. Множество мелких ошибок приводит к тому, что тело рождается мертвым, а если нет, то скоро умирает. Но выглядит в точности как оригинал. Годится оно разве что для научных экспериментов. Оно...

— Боже мой! — воскликнул Локс. — Я, кажется, понял, к чему ты клонишь! Ты хочешь, чтобы мы.. — Он положил Дункану руку на плечо и расхохотался. — Сделать твоего двойника и подсунуть... о-хо-хо!.. — выдавил он в промежутках между взрывами смеха.

— ...туда, где ганки найдут его и решат, что я умер, Тело должно разложиться немного, но не настолько, чтобы стерлись отпечатки пальцев и сетчатки. И когда они его найдут...

— Это отличная идея, совершенно безумная. Я бы сказал, великолепная, только... как нам ее, черт возьми, выполнить? Как забраться в лабораторию, а если заберемся — как запустить аппаратуру и заставить персонал не обращать на это внимания?

— Надо подумать.

— Ты серьезно, не так ли?

— Нет — пока не придумаю подходящий план.

— Я буду молиться за это, — пророкотал падре Коб.

К тому времени они уже добрели до места, где был размещен последний груз. Пятьдесят человек — тридцать мужчин и двадцать женщин — стояли в самом низу куба. Локс довольно долго вглядывался в лица и читал подвешенные на шеях таблички. Дункан медленно шел за ним, размышляя, что могло привести сюда этих людей. В таблички он не вглядывался.

Перед одной из статуй он остановился. Это была невысокая — пять футов восемь дюймов — стройная женщина с небольшой грудью. Черные волосы, короткие и гладкие, походили на шерсть морского котика; да и огромные карие глаза напоминали тюленьи. Скулы сильно выступали на тонком угловатом лице.

Нагнувшись, Дункан прочел надпись на керамической табличке:

ПАНТЕЯ ПАО СНИК.

Внизу шел ряд черточек — код, будто бы знакомый, но расшифровке не поддававшийся. Догадки трепетали на окраинах рассудка, точно волны жара, точно отблески, готовые сложиться в связную картину. И лицо — оно тоже напоминало ему что-то. Но что?

— Подойди-ка сюда, — позвал он Локса. — Не прочтешь мне?

— Ты ее знаешь? — спросил Решающий.

— Нет, но кажется, что должен был знать.

Локс нахмурился:

— Личный номер я могу прочесть, но остальное... первый раз вижу такой код.

— Это не странно?

— Чертовски странно. Есть в ней что-то загадочное. — Локс снял табличку с шеи статуи. — Заложим в компьютер. Может, выясним, кто она.

Но когда машине скормили код, на экране высветилось только «ДОСТ ЗАК».

— Доступ закрыт, — расшифровал Локс, выключая машину. — Надеюсь, что этот вызов не засекли. Если кто-то заинтересуется, почему отсюда пошел незаконный запрос...

Локс попросил Дункана и Кабтаба выйти, сказав: «Я доверяю вам, но то, чего вы не знаете, вы и ганкам не сможете рассказать».

Через десять минут Локс, улыбаясь, позвал их обратно.

— Я направил запрос по своим каналам и получил кое-какие данные. Сник была органиком, майором-детективом, гражданкой воскресенья с темпоральной визой на работу в других днях. Вре́менной временно́й визой. Это все, что мой информатор смог выяснить помимо обычных биографических данных. Над каким делом она работала, выяснить не удалось. Но после этого дела — обратите внимание! — она исчезла из банка. Текущих сведений на нее нет. Дальше мой информатор копать не стал. Осторожничал; не хотел привлекать внимание наблюдателей; попросту испугался.

— Почему бы нам не откаменить ее и не спросить саму? — осведомился Дункан. — Это было бы разумно.

— Не уверен, что она настолько важная персона, — ответил Локс.

— А как мы это узнаем без допроса?

— Я подумаю, — сказал Локс.

«Если Решающий не откаменит ее, — подумал Дункан, — я сделаю это сам».

ГЛАВА 9

Погода в четверг за час до полуночи была именно такой, на какую надеялся отряд. Локс, прослушав прогноз погоды по телевизору в складском офисе, заявил, что лучшего случая не представится в ближайшие две недели. Решающий и еще шестеро мужчин (Дункан среди них) прятались под деревьями на обочине. Темное небо пронизывали редкие вспышки молний, лил дождь. Милей дальше к северу, за деревьями, сквозь пелену дождя виднелись тусклые огни поселка. Не горели фары машин — все жители находились уже под крышей, спали или занимались своими делами, прежде чем около полуночи войти в каменаторы.

Локс указал в сторону поселка и вывел одетый в водонепроницаемые плащи и шляпы отряд под порывы ветра и проливной дождь. Они пробежали за Локсом через луг, выбрались на дорогу — четырехрядное шоссе, пустовавшее даже в дневное время, — и свернули налево. Пройдя по дороге с четверть мили, отряд покинул ее и, обогнув березовую рощу, вышел к двухэтажному каменному зданию лаборатории. Многогранную крышу восьмиугольного строения образовывали солнечные батареи.

Всю информацию о биолаборатории Локс получил от своего компьютерного осведомителя. Надземную часть здания составляли квартиры ученых и технического персонала; все рабочие помещения располагались под землей. Системы безопасности отсутствовали за ненадобностью — так считало

правительство. Зачем запирать двери в обществе с низкой преступностью, да еще в таком глухом и малонаселенном месте? Что можно украсть в лаборатории? И кто осмелится украсть там что-либо, зная, что рядом живет дюжина органиков и еще больше лесников? Но Синн все же осмотрел вход. Он заглянул в приоткрытую дверь, распахнул ее, вошел и, выйдя через минуту, доложил: «Вроде бы все чисто».

Если полученные Локсом сведения были верны, персонал четверга сразу отправится продолжить прерванный сон. Вниз, на работу, они спустятся только к восьми часам утра. Не исключено, однако, что некоторые ученые, выйдя из каменаторов, вместо того чтобы лечь спать, сразу же пойдут в лабораторию, чтобы продолжить прерванный эксперимент.

Семеро изгоев прошли через холл и спустились по винтовой лестнице. По мере того как они шли, свет перед ними зажигался автоматически. Когда они вошли в первую лабораторию, лампы вспыхнули на полную мощность. Бедейтунг остался у входа, сжимая в руке протонный пистолет. Синна Локс послал вперед, охранять вторую лестницу.

Пройдя через просторную комнату, набитую непонятным для непосвященных оборудованием, они попали в другую, еще больше. Руководствуясь самодельной картой, Локс вел товарищей мимо загадочных и экзотических аппаратов и чанов, где в прозрачной жидкости плавали эмбрионы животных на различных стадиях развития. Остановились они в углу, у самого большого чана. Рядом стоял похожий на гроб ящик с прозрачной крышкой.

— Вот оно, — сказал Локс Дункану. — Раздевайся и полезай внутрь.

Дункан скинул одежду и залез в сканер. Он устроился на мягком ложе и уставился в потолок. Ухмыляясь и бормоча себе под нос поминальную молитву по-латыни, падре захлопнул крышку, и Дункан оказался в тишине. Он лежал спокойно, как учил его Локс. Хотя он не мог видеть, что происходит за стенками ящика, он знал, что Решающий сейчас стоит у панели управления, настраивая сканер согласно инструкциям, переданным его компьютерным осведомителем.

Внезапно два аппарата, укрепленные под крышкой, начали сближаться, двигаясь на маленьких колесиках. Бесшумно сойдясь, они двинулись к краям, потом вновь сомкнулись. Их движения повторяли два подобных аппарата под днищем. Когда верхняя пара сканеров раздвинулась в тридцать пятый раз, в крышку постучал Локс. Он сделал знак, и Дункан послушно повернулся на бок, а через пару минут — на другой. Наконец Локс открыл сканер.

— Ладно. Вылезай, одевайся.

— И все? — спросил Дункан, натягивая одежду.

— Все, — ответил Локс. — Положение каждой молекулы твоего тела по отношению к другим молекулам записано, и процесс роста уже начался.

Он указал на чан в углу. В глубине его плавало в жидкости нечто крохотно-расплывчатое. Уже через час оно уплотнится и обретет форму.

— Четверг посчитает, что это проект среды, — пояснил Локс. — Они получат все данные, заказ от среды и официально зарегистрированное описание проекта. А среда получит такой же заказ, но от четверга. Остальные дни проверят заказ и сочтут его четверговым. Только четверг будет думать, что это средовых рук дело.

Конечно, вся затея рухнет, если кому-то придет в голову проверить заказ. Но кто будет этим заниматься? Заказ оформлен правильно и ничем не отличается от множества междневных взаимодействий — на первый взгляд.

— Пошли, — приказал Локс. — Чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше.

Дункан задержался на миг. То, что плавало в прозрачном растворе, через семь дней станет его почти точной копией. К вечеру среды обнаженное тело внешне ничем не будет отличаться от его собственного. Сканирование, впрочем, обнаружило бы небольшие различия, складывающиеся в одну большую разницу — дупликат, в отличие от оригинала, нежизнеспособен. Ученые заявляли, что когда-нибудь огрехи записи будут устранены и на свет появятся долгоживущие двойники. Это вызовет немало философских и этических проблем, решение которых, впрочем, принадлежит будущему — если вообще возможно.

Падре Коб ухмылялся, точно мальчишка, украдкой забравшийся в банку с печеньем.

— Это поднимает мой дух, — заявил он. — Мы теперь не кролики. Мы крысы. Ох-хо-хо! Ничего себе повышение, да? Крысы, не кролики. Шаг вверх по лестнице эволюции. Я предпочитаю быть крысой. Им веселее живется.

— Когда-нибудь мы станем волками, — заметил Дункан.

— Волки, как и все прочие, существуют только попущением правительства, — возразил падре, нахмурившись; веселье его куда-то улетучилось.

— То, что мы сделали сегодня, завтра сможем повторить в большем масштабе, — сказал Дункан.

— Или умереть, как люди, — усмехнулся падре, — а не как крысы или кролики!

Дункан не ответил. Он полагал, что жить, как подобает человеку, намного важнее. А как ты умрешь, не имеет значения, если только твоя смерть помогла живущим.

Они вернулись на склад, сняли плащи и присоединились к остальным в старом здании. Дункану хотелось поделиться впечатлениями с теми, кто не пошел на задание — их это порадовало бы и дало бы повод отпраздновать, но Локс настаивал, что чем меньше людей знает о их вылазке, тем лучше. Остальные полагали, что семеро изгоев все это время провели в центральной компьютерной. Локс заявил, что собирал данные; если остальные и удивились: зачем ему потребовалось еще шесть человек? — они оставили подозрения при себе.

Решающий, впрочем, не совсем лгал. Прежде чем группа вышла на задание, он выжал все возможное из своего осведомителя о том, как продвигаются поиски Дункана. Новости пугали. Кольцо смыкалось, органики схватили уже немало беглецов-изгоев.

— Хранилище находится в центре кольца, — сказал Локс Дункану. — Рано или поздно, и скорее рано, органики сообразят, что у нас хватило наглости спрятаться здесь. И тогда...

— Сколько у нас времени?

— Не знаю. Но думаю, что нам стоит попытаться уйти по поверхности. Если бы мы смогли проскользнуть сквозь кольцо облавы...

— Если бы они нашли меня... то есть тело, — поправился Дункан, — охотников, наверное, отозвали бы. Вы для них не самая большая проблема. Но есть ли у нас время?

Локс закусил губу и в раздумье поднял взгляд к потолку.

— По-моему, нет. При других обстоятельствах я этой же ночью поднял бы людей и попытался бы выйти из зоны поиска до рассвета. Даже с детьми на руках мы одолели бы миль десять. Но если нас поймают... тебя же все видели. Кроме того, я не знаю, где тебя спрятать. А если ты отправишься с нами, то не попадешь в Лос-Анджелес, а это очень важно — хотя и не смертельно. Кроме того, мы не сможем подсунуть ганкам твоего двойника, и охота продолжится. — Локс криво усмехнулся. — Решающий мается от нерешительности.

— Мы можем оставить целым съеденный пирог, — возразил Дункан. — Если ты согласен рискнуть — хотя рискуем мы в любом случае.

Он пересказал Локсу план, выкристаллизовавшийся в его мозгу, пока Решающий размышлял вслух. Они немного поспорили — не столько потому, что Локс возражал, сколько чтобы устранить возможные проблемы. Потом Локс, решив,

что идея Дункана имеет больше шансов на успех, чем любая другая, созвал отряд и огласил план. Послышались громкие протесты. Через полтора часа бурных и бесплодных споров Локс сделал то, чего старался не делать вообще — поставил вопрос на голосование, и план Дункана был, пусть неохотно, но принят.

— Отлично, — сказал Локс. — Дожидаться органиков мы не станем. Начинаем сейчас — собираемся, убираем помещение, делаем все необходимое.

Части отряда это пришлось не по душе; вновь начались протесты. Перед лицом немедленных действий изгоев потрясло осознание собственной беспомощности во время выполнения плана. Они, конечно, согласны подчиниться Локсу, но не сейчас. Потом, позже.

— Нет! — заорал Локс. — Черт побери, нет! У нас может не хватить времени стать похожими на остальных. Нам надо хорошо запылиться и рассыпать пыль по полу. Это требует времени и старания. А мы не можем предсказать, когда органики сюда явятся. Может, завтра. Может, на одного из них озарение снизойдет, и он отправит сюда отряд вне очереди.

Многие еще ворчали, но подчинились все. Дункан вместе с несколькими изгоями отправился вытаскивать Донг и Круассана из пещеры и поднимать их на склад. Там им пришлось раскаменить предателей, немедленно оглушив туманом правды, и перенести на новый склад. Тела везли колесные разгрузочные роботы. Донг и Круассану придали такие позы, чтобы, окаменев, они могли стоять прямо, засунули в горизонтальный каменатор и включили аппарат. Потом клешни роботов извлекли статуи и отправили обратно, в старую часть хранилища.

А в это время выбранная по жребию половина отряда каменила вторую половину. Роботы устанавливали холодные твердые тела на пустые места в рядах статуй, откуда некогда были изъяты хранимые — почему, никто не знал. Синн и Бедейтунг вернулись из циклонной с мешками собранной коллекторами пыли и занялись деликатной работой — посыпанием пылью новоокамененных.

— Черт, как это сложно, — бурчал Локс. — Ненавижу сложные планы. В одном месте оступишься, и все идет насмарку. Простые решения лучше.

— Согласен, — ответил Дункан. — Но простого решения у нас нет.

Падре Коб и красотка Фиона вернулись из нового склада с охапкой свежеотштампованных табличек. Они развешивали

указатели на шеи статуям, Синн и Бедейтунг посыпали сверху пылью.

— Если органики начнут копать глубоко, — заметил падре, — и сверят каждую табличку с записями, то обнаружат обман. И нам конец.

— Они не станут, — возразил Дункан. — Они же ищут живых. Скрыть, что мы здесь были, нам не удастся, но органики решат, что мы сбежали.

Вернулся ходивший в банк данных Локс с двумя спутниками.

— Я стер из компьютера все данные о наших запросах, — сообщил он. — Зал убран, отпечатки пальцев стерты.

Когда пришел черед Локса окаменевать, Решающий сложил руки на груди и кивнул:

— Пока, Билл. Скоро увидимся.

— Если повезет, — отозвался Дункан, захлопнул дверцу и нажал на кнопку «ПУСК».

Теперь он остался последним живым существом в огромном и тихом зале. Дункан забрался на платформу позади робота и нажатием кнопки запустил программу. Длинные лапы робота поднялись; машина подкатилась к цилиндру, клешни сомкнулись на неимоверно тяжелом теле Локса, подняли его и вытащили из каменатора. Робот отнес статую к бесконечным рядам ей подобных и установил на свободное место. Дункан набрал на панели управления остальные инструкции. Установив реле времени, соединенное с силовым кабелем цилиндра, он ступил в каменатор и закрыл за собой дверь. Шесть секунд он глядел в окошко. Робот ждал. Через минуту машина откроет дверь, вытащит его, Дункана, и поместит на свободном месте номер SSF-1-X2-36. Там он будет стоять с фальшивой табличкой на шее, пока робот, повинуясь инструкциям, не явится за ним через шесть дней. Машина откроет дверцу каменатора номер SSSF-413B, потом подкатится к Дункану, возьмет его и перенесет в цилиндр. Это случится в следующую среду, в 6.30 вечера. А в 7.00 вечера таймер включит раскаменение. И тогда Уильям Дункан выйдет из цилиндра и примется за раскаменение остальных.

После того как робот поместит тело Дункана на место, машина возьмет пакет с пылью и посыплет серым порошком и самого Дункана, и свои следы до того места, где старое хранилище переходило в новое, незапыленное. Прежде чем присоединиться к собратьям, робот оставит пакет с пылью на полке в одной из кладовок.

Дункан даже не заметил, что каменатор включился и он пробыл шесть дней в бессознательном состоянии. Он все так же смотрел через окошко на стоящего в нескольких футах от

двери робота. Квадратный зеленый ящик с круглой многоглазой головой и вращающимися антеннами подкатился, протянул клешню и открыл дверь.

— Или все о'кей, — пробормотал Дункан, выходя, — или робот сломался. ZY, — позвал он, — сколько времени?

На «животе» робота вспыхнуло цифровое табло: СР Д7-Н1 м МНОГ 7п.

Среда, седьмой день, первая неделя, месяц Многообразия, 7.00 вечера.

Или органики еще не добрались до склада (в этом случае они могут появиться в любую секунду), или уже ушли. Судя по отпечаткам множества ног на полу, скорее второе.

Не обращая внимания на пыль, которой щедро посыпал его робот, Дункан поспешно проверил, на своих ли местах другие члены отряда. Он рассчитывал, что все окажется в порядке — найдя одного, нашли бы и всех остальных. Но на всякий случай следовало проверить. Удостоверившись, что статуи изгоев по-прежнему стоят на своих местах, Дункан прошел мимо трех складов в новое хранилище. Двигался он с осторожностью — в этот самый момент органики могли разгружать очередную партию откамененных. Но все было тихо; короткий осмотр показал, что кабинеты тоже пусты.

На пути в старый склад Дункан остановился у статуи с табличкой «Сник». Что же в этой женщине его так беспокоит? Почему любопытство, как рвота, подступает к горлу? Логично было бы предположить, что он знал ее, и знал близко. Логика требовала оживить ее и выяснить, что скребется в заднюю дверь его рассудка.

Но не сейчас. У него много дел и очень мало времени.

ГЛАВА 10

— Да, — вымолвил падре Коб. — Хорошо же нас закупорили.

Вместе с Дунканом и Локсом он глядел на потайной лаз в шахту, заполненный теперь твердой белесой субстанцией.

— Что делать будем? — осведомился великан. — Мы остались без пути к бегству и без источника пропитания.

— В кладовке еды навалом, — возразил Решающий. — Но если ганки вздумают провести повторный рейд, укрыться нам негде. Но это уже неважно. Нынче ночью мы уходим.

— Передумал? — спросил падре.

— Да. Мы не можем оставаться в мышеловке. Людям это действует на нервы.

Локс отправил четверых раскаменить еды и медикаментов на десять дней. Когда те вернулись, Решающий объявил всем,

что намерен сделать. Некоторые возражали, говоря, что отряд будет непременно обнаружен.

— Конечно, — ответил Локс. — А вы знаете безопасное место? Как только органики найдут тело Дункана — то есть его двойника, — они вернутся в обычный режим. Мы же в это время уже окажемся в другом месте, сможем выходить на воздух, дышать полной грудью, бродить по лесу, стрелять государственных оленей и наслаждаться жизнью, как заповедал нам Господь.

— Пока не поймают, — пробурчал кто-то.

— А это заправка к салату жизни, — ответил падре Коб. — Пряность страха. Где еще можно ею насладиться?

Позднее, сидя с Дунканом в банке данных, Решающий признался:

— Мне кажется, что наше время истекает. Когда-нибудь одному из нас надоест подобное существование — знаешь, не все так счастливы, как хотят казаться, — и он сдастся ганкам. А после этого и остальные долго не продержатся. Самое скверное — то, что тогда ганки узнают о тебе. И охота начнется вновь.

— Знаю, — ответил Дункан. — Но что нам остается делать?

Локс получил от своего осведомителя последние инструкции и выключил компьютер.

— Погода как на заказ, — произнес он, поднимаясь. — Давайте проверим, все ли готово и не осталось ли после нас следов.

Через два часа те семеро, что участвовали в первом налете на лабораторию, должны были отправиться туда во второй раз. Чтобы убить время, Дункан дошел до нового склада и постоял немного перед Пантеей Пао Сник. Ее лицо смутно ассоциировалось у него с наслаждением, а кроме того, глубже — с чувством более сильным. Но каким? Это можно определить, только разбудив ее. Когда боевая группа покидала хранилище, он все еще размышлял об этом, но напряжение быстро изгнало посторонние мысли из головы.

Дункан шел, сгибаясь от бешеного ветра. Как и в прошлый раз, светились лишь окна домов. Тем же путем семеро изгоев проникли в биолабораторию, так же расставили часовых. Локс стер из компьютера данные об эксперименте HBD-10X-TS-7*, заменив их сообщением среды о завершении опыта. Проснувшись, обитатели четверга найдут сообщение в междневной почте, с помощью которой передавались наиболее важные сведения. Среда тоже получит сообщение, но о том, что эксперимент прерван в четверг. Конечно, существовала опасность, что кому-то придет в голову проверить, и подделка

обнаружится, но вряд ли это произойдет. Кому интересно, чем занимается другой день, если это законно и не мешает твоему собственному дню?

К тому времени когда Локс закончил работу с компьютером, бессознательное, но еще живое тело двойника вытащили из бака, смыли ростовую жидкость водой из шланга, вытерли, одели и запихнули в мешок. Мешок им пришлось тащить с собой — на биостанции заметили бы его исчезновение.

Глядя на собственное полумертвое лицо, Дункан ощутил нечто странное, точно ни он, ни труп не принадлежали этой реальности.

— Это не то лицо, которое я вижу в зеркале, — пробормотал он про себя. — Оно не мое.

Но когда «молния» сомкнулась над головой дупликата, Дункан почувствовал облегчение.

Двое изгоев подтерли капли ростовой жидкости с пола и перетащили тело на прихваченные со склада носилки. Дункан вышел первым. Почему-то ему казалось, что он лично отвечает за двойника, что он сопровождает собственную душу в ад. Распахивая дверь, Дункан заметил в окне приближающегося человека, темную фигуру, смутно видимую за струями дождя, освещенную падающим из окон светом. За фигурой мигали оранжево-алые огни.

На человеке был прозрачный плащ, такой тонкий, что, сложив, его легко можно было бы уместить в кармане. Чтобы расстегнуть слабую магнитную застежку, достаточно было потянуть за обе стороны шва — на это ушла бы едва ли секунда, но органик расстегнул плащ, только когда Дункан выскочил, распахнув дверь. Чтобы вытащить протонный пистолет, органику требовалось вначале расстегнуть кобуру, и он не успел сделать это. Дункан врезался головой в его подбородок. Оба они рухнули, оказавшийся сверху Дункан изо всех сил врезал по шее противника ребром ладони. Второго удара уже не потребовалось — органик беззвучно обмяк.

Подбежал Локс, а с ним еще двое.

— Какого черта он тут делает? — спросил Решающий, нагнувшись к лежащему.

Дункан поднялся; голова его ныла от удара.

— Он органик, — ответил он, указывая на парящую в футе над землей мигающую огнями двухместную машину, похожую на каноэ. — Не знаю, что он тут делал; наверное, задержался в патруле. Увидел огни и решил разведать. Впрочем, он это сделал скорее по привычке — иначе вытащил бы пистолет.

Подбежали остальные. Двое носильщиков опустили тело двойника на землю.

— Что делать будем? — спросил Синн. — Весь план летит к черту!

Решающий молча глядел в темноту, пожевывая нижнюю губу. Он будто надеялся, что ответ придет к нему из ночи. Лил дождь.

Дункан встал на колени, чтобы пощупать пульс лежащего.

— Еще жив, — сказал он, вставая. — Мы можем засунуть его в каменатор, — проговорил он, обращаясь к Локсу. — До следующей среды он никому и ничего не расскажет. Но потом... Нет, это не сработает. Он все расскажет, и начнется следствие. Нас обнаружат.

— Его надо заткнуть, — потребовал Синн. — Навсегда.

— Убить? — переспросил Дункан.

— Или закаменить и спрятать.

Дункан перебрал в уме все недостатки этого предложения.

— Нет, — возразил он медленно. — Убить.

Наступило короткое молчание.

— Это придется сделать, — нарушил тишину Дункан. — Надо представить все так, словно он увидел меня — то есть мой дупликат, — бросился в погоню, и в схватке мы прикончили друг друга. И не здесь. В паре миль от поселка.

— Ладно, — согласился Локс. — Это отвратительно, но выбора у нас, как ты сам говоришь, нет. Но ведь возникнут вопросы. Что делал патрульный так далеко отсюда? Он ведь, наверное, доложил о выполнении задания и сообщил, что направляется сюда.

Проверить это оказалось несложно. Синн откинул купол кабины, залез в летательный аппарат и, пощелкав переключателями, проиграл записи радиофона. Локс оказался прав. Органик, патрульный второго класса Лю, доложил в штаб, что направляется домой, не сумев при ночном облете обнаружить никаких следов беглеца Дункана.

К тому времени когда запись кончилась, органик был связан по рукам и ногам, во рту его красовался кляп.

— По счастью, он не доложил об огнях в лаборатории. Синн, прогони-ка еще раз координаты последнего места, откуда он делал сообщение. Машину должны найти поблизости.

— Что ты задумал? — сурово осведомился Локс. Решающего явно беспокоило, что Дункан занял его место лидера. А может, просто злился на себя за то, что не сумел найти решения вовремя.

— Я долечу на машине до этого места, — объяснил Дункан. — Двойника и Лю возьму с собой. И устрою все так,

словно я — двойник — застал патрульного врасплох. Мне придется убить обоих. — Он сделал паузу. — Если, конечно, нет других добровольцев.

Как он и ожидал, желающих не нашлось.

— Ты согласен, шеф? — спросил Дункан, чуть выждав.

— Это лучшее, что мы можем сделать, — согласился Локс. — В одном нам повезло — не придется тащить двойника добрых пять миль в темноте под дождем, а потом возвращаться. Постарайся... организовать... это у дороги. Потом вернешься по ней — путь ты знаешь. А мы вернемся в хранилище. Чем меньше мы торчим снаружи, тем лучше.

— Нет ли способа избежать убийства? — осведомился молчавший до сих пор падре. — Это идет вразрез с моими принципами...

— Став изгоем, ты тем самым согласился убивать, если придет нужда, — ответил Дункан. — Если ты откажешься, то подвергнешь риску остальных. Это должно быть сделано.

— Ладно. — Великан позволил себя уговорить. — Но я требую, чтобы патрульному Лю было дано последнее причастие. И... второму — тоже.

— Господи Иисусе! — воскликнул Локс. — С каждой секундой, пока мы стоим и пререкаемся, опасность растет! У этой штуки и души-то нет!

— Откуда ты знаешь? — парировал падре Коб. — Я настаиваю на своем. А вы поступайте как знаете. — Он открыл свою черную сумку и вытащил оттуда распятие и несколько предметов неизвестного Дункану назначения.

Ожидая, пока священник закончит ритуал, Дункан проверил панель управления. Задержка раздражала его, но спорить с Кабтабом было бы пустой тратой времени. Дункан знал, насколько упрям может быть толстяк. Больше всего Дункана бесило, что патрульный Лю не являлся ни католиком, ни вообще верующим. Последователю любой религии автоматически преграждался доступ в полицию или в любое другое государственное учреждение. Неважно. Падре Коб и Сатане дал бы святое причастие, находись тот без сознания (а будь тот в сознании — успокоил бы кулаком).

Дункан глянул на часы. Жители среды уже давно находятся в цилиндрах. Через десять минут проснется четверг.

Наконец из темноты выступило серьезное лицо падре Коба.

— Готово. Да обрящут они просветление в Великом Там.

Дункан не стал спрашивать, где находится Великое Там.

— До встречи, падре, — ответил он. — Лучше бы вам поскорее убраться отсюда.

— И не забудь исповедаться в своем ужасном грехе, когда вернешься! — крикнул падре, когда машина поднялась в

воздух. — Я не смогу дать тебе отпущение грехов, если ты не раскаешься искренне — кто же тогда отпустит грехи мне?

Слова его Дункан разобрал с трудом. Машина направлялась к лесу.

— Господи Боже! — пробормотал Дункан, подумав, что Кабтаб согласился бы с его словами, хотя отверг бы то значение, в котором Дункан употребил их.

Дункан пролетел около шести миль, ведя машину над самыми верхушками деревьев и не упуская дороги из виду. Он посадил машину между двумя огромными деревьями, откуда не были видны ни огни поселка, ни шоссе, вылез из кабины и выволок органика. Света «мигалок» хватило, чтобы Дункан смог разглядеть открытые глаза Лю. Если органик и был напуган, то хорошо это скрывал. Дункану это было неприятно — он не хотел убивать храбреца. Он вообще не хотел убивать, ни труса, ни смельчака. Но кем (или чем) бы он ни был до того, как стать Уильямом Сент-Джорджем Дунканом, теперь он стал человеком, исполняющим свой долг. В пределах возможного — ребенка он не убьет никогда.

Дункан вытащил протонный пистолет органика и прострелил Лю грудную клетку. Тот беззвучно повалился на бок. Дункан перевернул труп, вынул кляп и снял веревки с рук и ног покойника, потом опалил лучом правое бедро Лю, изображая промах.

Затем Дункан снова залез в машину и медленно полетел сквозь лес. Через полмили он поднял машину на уровень верхушек деревьев и двинулся к дороге. В двух милях от того места, где остался труп Лю, он вновь посадил аппарат. Швырнув на траву вялое тело двойника, Дункан выстрелил ему в левое колено. Шар на концах ствола выплюнул струйку лилового света, вспыхнули плоть и ткань. Несмотря на ливень, Дункан уловил запах обугленной плоти.

Дункан склонился над своим двойником. Лицо того оставалось спокойным; если тело и чувствовало боль, то мозг ее не воспринимал. Вытащив из-за пояса длинный охотничий нож органика, Дункан вонзил лезвие на несколько дюймов в живот дупликата, потом выдернул нож и зашвырнул в кабину. Рана сама по себе не смертельная, но без медицинской помощи двойник скоро истечет кровью.

Когда органики поутру обнаружат труп двойника, они начнут искать патрульного Лю и быстро найдут. А потом попытаются понять, что случилось. Если все пойдет, как рассчитывал Дункан, то ганки представят себе нечто вроде следующей картины: сразу же после того, как патрульный Лю доложил в штаб, на него напал изгой. Или же Лю на него наткнулся сам. Как бы то ни было, началась драка; Лю

прострелил противнику колено, но тот накинулся на него, сумел выбить или вырвать из рук ганка протонный пистолет. Лю попытался заколоть Дункана ножом, но изгой добрался до пистолета и застрелил органика. Потом Дункан залез в машину и улетел. Нож он вытащил из раны и бросил в кабине. Чувствуя, что теряет сознание, Дункан посадил машину, но, выйдя, не успел сделать и пары шагов, как упал и умер.

Если ганки поверят в это, охоте конец.

Дункан побрел через луг. Лил дождь, который смоет грязь с ботинок, а следов на траве не остается. Если мимо не пронесется правительственная машина, изгоя не заметит никто, а в такой час вряд ли кому-то придет в голову ехать в деревню. Как Дункан и ожидал, на дороге ему не попалось ни одной машины. В миле от деревни он свернул в лес — путь через лес длиннее, но так изгоя никто не увидит. До склада он добрался незадолго до рассвета. Локс и Кабтаб ждали у самой двери. Ровным, невыразительным тоном Дункан рассказал им все. Услышав об убийстве, Локс поморщился. Кабтаб перекрестился и принялся молиться по-японски.

— Это война, — сказал Дункан. — Он был солдатом и погиб в сражении.

— Исповедаться не хочешь? — спросил падре.

— Не смеши меня, — ответил Дункан и ушел.

ГЛАВА 11

— Если бы мои чувства можно было так легко ранить, — сказал Дункан, — они уже ныли бы.

— Почему? — спросил Локс.

Вместо Дункана ответил падре:

— Потому, дорогой наш вождь, что от бедняги отшатнулись все, кроме тебя, меня и еще, может, Уайльда. Дункан убил человека и отнюдь не в целях самозащиты. Хотя, если рассматривать все последствия и сложности, он в определенном смысле — весьма определенном — защищал таким образом не только себя, но и весь отряд. Дункан ясно заявил, что этого человека, наверное — скорее всего — придется убить. И никто из нас не остановил его. Так что все мы виновны. Но разве это втолкуешь людям? Для них он козел отпущения, Каин-братоубийца, хотя...

— Вот от меня и шарахаются. Все молчат, ни слова упрека, но смотрят на меня как на монстра. — Дункан пожал плечами.

— А если бы на нас наткнулся не органик, а ребенок, — спросил падре Коб, — ты бы и его убил?

— Нет, — ответил Дункан. — Не смог бы.

— А почему нет? Ребенок тоже мог бы нас выдать — ты же поэтому прикончил органика, разве нет? Чтобы не позволить ему обнаружить наше присутствие? Если бы ты пощадил ребенка — почему не пощадил взрослого?

Дункан неловко поерзал в кресле.

— К счастью, мне не пришлось проверять себя подобным образом. В сущности...

— В сущности, — жестко перебил его Локс, — Дункан сделал единственно возможное. Он принес в жертву этого человека, чтобы спасти всех нас. А на вас мне смотреть жалко. И противно.

Падре проигнорировал этот выпад.

— Тебя это убийство не беспокоит? — осведомился он. — Совесть не покалывает?

— Кошмары были, — признался Дункан. — Невысокая плата.

— Давайте оставим бесплодную философию, — потребовал Локс. — У нас достаточно реальных проблем.

— Философия, этика, фантазии, гипотезы, воображение — все это часть реальности, — возразил падре громко и похлопал себя по неохватному брюху, словно оно воплощало для него упомянутую реальность. — Целое состоит из его частей — философии, этики, гипотез...

— Возвращаясь к насущным вопросам, — рявкнул Локс, — ты хочешь отправиться с Дунканом в Лос-Анджелес. Это потребует кардинальных изменений в плане. Мне придется связаться с осведомителем, получить его разрешение — если я его получу, — выправить тебе новое удостоверение личности, пропуска, визы и все прочее. Ты уверен, что хочешь покинуть нас, святой отец? Многие из нас полагаются на тебя, как на своего духовника.

— Как я уже говорил вам, шеф, было мне ночью видение. Сияющий ангел явился мне и приказал шевелить задницей, покинуть сей край и паству мою и уйти, отряхнуть прах пустыни с ног и бродить отныне среди жителей великих городов. Моя миссия...

— Знаю, знаю, — устало проговорил Локс, — четвертый раз слышу. Ладно. Если получишь разрешение, поезжай. Но ты знаешь, что скажет твоя паства. Что ты крыса, бегущая с тонущего корабля.

— Да кто их тут держит? — возмутился падре.

Локс повернулся в кресле и принялся работать на компьютере. Дункан встал.

— Пойду пройдусь, — сказал он.

И вновь он стоял перед серой статуей Пантеи Сник. Что же ему с ней делать? Логика и обстоятельства требовали

оставить все как есть. Раскаменить ее, а потом превратить в статую вновь только ради того, чтобы удовлетворить свое любопытство, было бы жестоко. Если она страдала неизлечимой болезнью, то, оживленная, она подумает, что может исцелиться. Однако на смертельно больную Пантея Сник не походила. Скорее всего она попала на склад за какое-то преступление. В этом случае ее можно завербовать. С другой стороны, лишний человек — лишние проблемы для Локса, а у того и так забот хватает. Дункан сильно сомневался, что получит разрешение раскаменить Сник.

— Я должен выяснить, что в этой женщине меня так терзает, — пробормотал Дункан.

«Должен» преодолело «не имею права». Дункан прошел в секцию роботов-носильщиков, включил и запрограммировал одну из машин. Он следовал за роботом, пока тот волок тяжелую статую в каменатор и устанавливал внутри аппарата. Дункан быстро захлопнул цилиндр, включил установку, потом распахнул дверь, и бледная испуганная женщина выскочила из каменатора.

— Не надо пугаться, Пантея Сник, — мягко произнес Дункан. — Ты среди друзей.

Это, конечно, была ложь во спасение. Нет никакой гарантии, что остальные изгои станут ее друзьями. Дункан и себя-то не мог назвать ее другом.

Изумление исчезло с ее лица, сменившись улыбкой.

— Джефф Кэрд!

Этим именем Арсенти называла основную его личность. Значит, ему не показалось, что он знаком с Пантеей Сник.

Дункан подвел женщину к столу, усадил и подал ей стакан воды.

— Я пострадал от амнезии, — произнес он. — Может, ты расскажешь мне, кто такой Джефф Кэрд, кто ты такая и откуда мы знакомы?

Сник опустошила стакан одним глотком и ответила:

— Для начала объясни, где мы и как ты ухитрился меня раскаменить?

Самоконтроль вернулся к ней полностью. Ошеломление прошло, краска вернулась на щеки; голос был тверд и властен.

Дункан рассказал, где находится склад, и заявил:

— Я настаиваю, чтобы ты ответила на мои вопросы.

Сник явно собиралась спорить, но, видимо, решила, что хозяин положения покуда все-таки Дункан. Она коротко улыбнулась и начала свой долгий рассказ. Дункан не прерывал ее, а когда она закончила, некоторое время молчал.

— Так, значит, ты органик, — произнес он наконец. — Бывший, я хочу сказать. А сюда попала, потому что кто-то из

высоких чинов решил, будто ты слишком много знаешь. Тебя обвинили в преступлении, которого ты не совершала, подделали улики и тебя закаменили.

— Именно так я и сказала. — Сник с трудом сдерживала нетерпение.

Джефферсон Сервантес Кэрд был гражданином штата Манхэттен, офицером-органиком, законопослушным, преданным и верным правительству, известным борцом с преступностью. Но только с виду. Он являлся членом противозаконнейшей тайной организации, основанной Гилбертом Чинем Иммерманом, биологом, открывшим способ во много раз продлить человеческую жизнь. Вместо того чтобы поделиться секретом со всем человечеством, Иммерман оставил его для себя и членов своей семьи. Шли поколения, семья росла, образуя тайное общество иммеров. Позднее в него стали принимать и посторонних, хотя такое случалось редко. За двести сублет члены семьи заняли немало важных постов. К моменту рождения Кэрда члены общества жили во многих странах, а кое-кто из них попал в Мировой совет.

Достигнув совершеннолетия, Кэрд стал дневальным. Вместо того чтобы заходить в каменатор в конце вторника и выходить оттуда в начале вторника следующего, он становился гражданином среды, с новым именем, удостоверением личности и профессией. На каждый день недели у него имелись свое имя и своя работа. Он вживался в эти личности так глубоко, что *становился* ими, и в каждый из дней недели сохранял о других лишь смутные воспоминания. Но чтобы обман удался, Кэрд был вынужден сохранять связь между своими обличьями. Чтобы выполнять свои обязанности курьера иммеров, он должен был знать кое-что о всех семи собственных личностях и о том, что происходит с ними в каждый из дней.

Но Кэрд зашел слишком далеко. Осколки его души разошлись окончательно, и каждая из расщепленных личностей пыталась подчинить и растворить в себе остальные.

Борьба эта началась незадолго до того, как Кэрд был пойман при попытке спастись от органиков.

Началось все с того, что ученый-иммер по фамилии Кастор сошел с ума и был помещен в реабилитационный центр Манхэттена. Из опасения, что Кастор откроет тайну их организации, иммеры приняли меры предосторожности: когда Кастора поместили в центр, близко контактировали с ним только те работники, которые состояли в организации. Но Кастор сбежал, прикончив главного надзирателя, и убил жену Кэрда-вторничного. Собирался он убить и самого Кэрда — тот в свое время схватил Кастора.

В среду очередной личности Кэрда передали, что он обязан найти и ликвидировать Кастора, прежде чем до того доберутся не иммеровские органики — нельзя было позволить Кастору выдать организацию. Кэрд неохотно подчинился. Тем временем его допросила Пантея Пао Сник, органик воскресенья. На самом деле она искала члена другой подпольной группировки, но Кэрд решил, что она идет по его следу. А потом выяснил, что теперь уже собственные товарищи считают его опасным из-за того, что Сник, казалось, вот-вот схватит его.

В личности Боба Тингла из среды Кэрд убил Кастора — при самозащите. Так, по крайней мере, он сказал психику под туманом правды. У самого Кэрда в памяти от этого инцидента осталась лишь полустертая тень.

Сник тихо сидела в кресле, допивая второй стакан воды. Дункан спросил ее, помнит ли она о собственном спасении.

— Нет.

Она, похоже, оправилась от потрясения. Огромные карие глаза прояснились. Дункану они казались прекрасными, они точно притягивали его — самообман, конечно. Какие мысли скрывает этот ясный взгляд, ему не узнать.

— Мне сказали, — проговорил Дункан, — что я нашел тебя окаменевшей, в цилиндре, куда тебя поместил Кастор. Очевидно, он хотел сохранить тебя, чтобы потом замучить до смерти.

Женщину передернуло.

— Но иммеры добрались до тебя раньше. Они закаменили тебя, накачали наркотиками и обрызгали туманом правды. А выяснив все, окаменили вновь. Все это время ты была без сознания, поэтому и не можешь вспомнить, что с тобой случилось.

— Я искала подпольщицу по имени Морнинг Роз Даблдэй, — ответила Сник, — и по ходу дела наткнулась на еще одну группу — твою. Я знала о Касторе и о том, что его стоит опасаться. Но я не знала, что он иммер. Мне вообще не было известно о такой организации.

— Я думал, что ты меня подозреваешь, еще когда ты меня допрашивала, — сказал Дункан. — Я не знал, что ты попросту хочешь использовать меня в поисках Даблдэй, потому что я банкир данных.

Допрашивал тебя иммер по имени Тощий*, глава ячейки. Он хотел убить тебя и изуродовать тело, чтобы свалить вину на Кастора. Это отвело бы от нас подозрения органиков.

---

* В предыдущем романе это не имя, а кличка, которую дал этому человеку сам Кэрд. Фамилия же его была Гарчар.

Я возражал, но мое мнение не приняли во внимание. Потом на нас напал Кастор, а после его смерти — ганки. Мне пришлось бежать. На следующий день, в четверг, меня как Чарли Ома вызвали в Башню Эволюции.

Дункан помолчал несколько секунд, качая головой, и тихо продолжил:

— Не знаю, какого черта я делал в башне. Психик об этом умолчала. Рассказала только о бегстве и поимке.

— О, кое о чем могу рассказать и я! — усмехнулась Сник. — То, что сообщили мне следователи, хотя основывались они в основном на догадках. Так они сами говорили. Хотела бы я... хотела бы...

— Хотела бы что?

— Чтобы они молчали тогда! Если бы они ничего не говорили, я бы ничего и не узнала и не представляла больше угрозы. И они не решили бы обвинить меня в чужих грехах, чтобы, окаменив, убрать с дороги.

— А в чем тебя обвинили?

— В том, что я — одна из иммеров! — Сник возмущенно вскочила; глаза ее расширились, а лицо перекосилось от гнева. — Это я-то! Иммер!

— Но как это им удалось? — спросил Дункан. — Туман показал бы, что ты не одна из нас.

— Знаю! Я потребовала, чтобы мне показали запись допроса. Они так и сделали. А в записи я лежала без сознания и рассказывала, что принадлежу к иммерам и уже давно втайне на них работаю!

Дункан был просто поражен. Что-то колотилось в дальних уголках сознания, точно стучась в его мысли.

— Но ты сказала...

— Да, я сказала, что невиновна! Так оно и было! И есть! Они просто подсунули мне компьютерную симуляцию записи!

— Симуляцию твоего признания под туманом?

— Конечно!

— Но ведь специалист, исследуя запись, доказал бы, что она поддельная! Разве ты не потребовала экспертизы?

— Само собой, потребовала! И мне отказали!

Дункана это известие удивило меньше, чем он ожидал. Возможно, какая-то из его личностей — тот же органик Кэрд — слышала о подобном лицемерии. Или — Дункан надеялся, что это не так — была в подобный спектакль вовлечена.

— Ладно, — произнес он. — Что такого сказали тебе органики, что потеряли к тебе доверие и засунули на склад?

Сник хлопнулась в кресло.

— Когда я была не под туманом — да, наверное, и под туманом тоже, — меня спрашивали, не слыхала ли я о *факторе долгожительства*.

Стук в голове прекратился. Дверца памяти отворилась. Но проскальзывавшие в нее смутные образы были слишком расплывчаты и туманны, чтобы Дункан смог опознать их*.

— Факторе долгожительства?

— Я не знаю — пока не знаю, — что это значит или подразумевает, но, видимо, что-то очень важное. Женщине, которая задала этот вопрос, тут же приказали заткнуться. И она побледнела. Не покраснела от смущения, а побелела, точно от страха. И ее выставили из комнаты. Это было глупо с их стороны. Если бы они вели себя спокойно и не показывали виду, я и внимания не обратила бы. Я ответила, что никогда не слыхала об этом факторе. И это правда. Они же знали, что я не лгу. Но я не могу придумать никакой другой причины закаменять меня. Они, кажется, решили, что я стала опасна уже одним тем, что услыхала о факторе долгожительства.

Говоря, Сник оглядывала ряды окаменелых фигур.

— Боже мой!— воскликнула она, оборвав себя и опять вскакивая. — Это же та женщина, которая задала мне тот злосчастный вопрос!

Дункан глянул на указанную статую.

— А рядом с ней — остальные двое! Те, что были в комнате!

— Кажется, они слишком много знали, — произнес Дункан. — И им тоже перестали доверять. Как бы там ни было, давай выясним.

Ему, впрочем, не слишком хотелось возвращать к жизни бывших органиков. Воскрешение Пантеи Сник и без того доставит ему немало хлопот. Если он и дальше будет раскаменять кого захочет без разрешения, Локс просто взбесится.

Пусть бесится. Пусть горит. Он, Дункан, станет асбестом. А если нет — что ж, это стоит выяснить.

— Кто из них выглядел главным? — спросил Дункан.

Сник указала на высокую блондинку с жестоким лицом:

— Может быть, она знает больше остальных.

Дункан запустил робота. Несколькими минутами спустя женщина вышла из цилиндра; Сник тут же схватила ее сзади, а Дункан брызнул в лицо туманом правды, пока органик, задерживая дыхание, пыталась вырваться. Дункан помог Сник

---

* Фармер допускает логическую ошибку. Если ранее в рассказе Сник говорится о необычно долгом сроке жизни иммеров, то естественно было бы связать его с фактором долгожительства. Однако и Дункан, и Сник ведут себя так, словно ничего не знают об этом.

удерживать пленницу, пока та не обмякла, уронив голову на грудь. Уложив женщину на стол, Дункан поспешно допросил ее. Она отвечала охотно, тем тихим безразличным голоском, каким часто говорят подвергнутые воздействию тумана. Однако детектив-капитан Сандра Джонс Бу могла сообщить лишь, что ее начальник, детектив-майор Теодор Элизабет Скарлатти приказал ей спросить Сник об ФД, или «факторе долгожительства». Скарлатти не объяснил, что означала эта фраза. Тем не менее Бу жестоко заплатила за свою оговорку. Сразу же после того, как ее выставили из комнаты для допросов, ее саму забрали на допрос. Совершенно обалдевшая, испуганная и злая (она ведь знала, что ни в чем невиновна), Бу напрочь отрицала, что знает что-либо о ФД. Потом к ней применили туман правды, и очнулась она в цилиндре, перед тем как Сник и Дункан схватили ее.

— Так возвращайся ж в камень, — продекламировал Дункан.

Через пару минут Бу вновь стояла среди недвижных статуй.

— Немного же мы узнали, — сказал Дункан.

— Ты не прав, — возразила Сник. — Мы знаем, что тебе известно — или было известно — что-то о продлении жизни. Но ни одна из семи твоих личностей не была ученым. Значит, эти сведения тебе кто-то передал. Вероятно, этим секретом владеют все члены твоей организации. Как бы там ни было... правительство не разгласило факт существования ни твоей группы, ни ФД. Оно отчаянно стремится сохранить и то и другое в тайне. И так же отчаянно тебя разыскивает — наверное, потому, что ты знаешь то, что правительство всеми силами пытается скрыть.

— Это я уже и сам понял, — ответил Дункан. — Вопрос в том, как мне выяснить то, что я знаю, но чего не знаю?

ГЛАВА 12

Дункан оказался прав. Рагнар Локс кипел от ярости.

— Ты не имел никакого права брать ее в банду! Особенно сейчас, когда ты собираешься... — Он замолчал, не желая, чтобы Сник услышала, что Дункан под чужим именем едет в Лос-Анджелес.

— Это был единственный способ выяснить, почему правительство меня так усиленно разыскивает, — ответил Дункан, — а это очень важно. Она же не представляет для нас никакой опасности. Она не побежит к органикам рассказывать о нас. Она их теперь просто ненавидит.

— Все это — одни разговоры, — возразил Локс. — Ты до сих пор понятия не имеешь, зачем тебя разыскивают.

— Но теперь у меня есть ключ, а это уже больше чем ничего. Смотри сюда: она отлично выучена, это органик высшего разряда, знающий все входы и выходы. Я считаю, что ее необходимо снабдить новым удостоверением личности и отправить со мной в Лос-Анджелес.

Локс был побит своим же оружием. Он всплеснул руками и с побагровевшим лицом выскочил из комнаты. Дункан подмигнул Сник. Она была бледна, но пыталась улыбаться. Через пару минут Локс вернулся — он снова был абсолютно спокоен.

— Я с радостью избавлюсь от вас обоих, — сказал он. — О'кей. Если это только будет возможно, она поедет с тобой.

Через два обдня это стало возможным.

Во вторник, в восемь часов утра Дункан, Сник и Кабтаб были уже в Нью-Арке, штат Нью-Джерси. Город находился неподалеку от бывшего Ньюарка, давно уже погребенного под массами земли и заросшего дикими лесами. Даже те здания, которые выдержали испытание временем и огнем и сохранялись как памятники, за два тысячелетия облет должны были разрушиться. Мемориальная доска на станционной стене повествовала о том, что, после того как войска Ван Шеня завоевали восточные штаты США, здесь находился лагерь для уголовных преступников из Нью-Йорка и Нью-Джерси. Около 23 000 преступников, включая всех известных мафиози, были казнены здесь. Мемориальная доска отмечала, что все это случилось еще до прихода Новой Эры с ее техническими достижениями в области окаменения. Теперь-то смертная казнь давно отменена; во всяком случае, в теории — как заметил Кабтаб.

— Ван Шеня нельзя упрекнуть в национализме и расовой дискриминации: уголовников, признанных виновными в убийстве, вымогательстве, изнасиловании или торговле наркотиками, казнили по всему миру. Великая Чистка, как это называл Ван Шень. Но в следующем поколении — Хо! Хо! Хо! — все же было немало преступников. Вот тогда-то и пришла Новая Эра. В третьем поколении государственная пропаганда — называйте ее «промыванием мозгов», если хотите, — сократила число преступлений на три четверти. И в течение следующего поколения количество раскрытых преступлений продолжало расти за счет использования тумана правды, не позволявшего преступникам лгать. В результате общество стало свободным от преступности, как ни одно другое в истории человечества. Но я не сказал бы, что оно таким и осталось... Взять, к примеру, нас. Хо! Хо! Хо!

Дункан с беспокойством огляделся. Громкий хохот Кабтаба, три его подбородка и необъятное брюхо начали привлекать внимание. Нет, никто на них не пялился, горожане слишком хорошо воспитаны для этого, но тем не менее, бросив на Кабтаба мимолетный взгляд, они старались отойти от него подальше. Несмотря на то что вокзал был забит людьми, вокруг троицы образовалось пустое пространство.

— Похоже, — сказал Дункан, — нам надо вести себя потише.

— Что? — переспросил Кабтаб и посмотрел вокруг. — А, вижу, понятно.

— Если бы ты соблюдал диету, — ехидно заметила Сник, — этого не было бы.

— Я и так сделал больше чем достаточно, избавляясь от своих религиозных символов, — тихо начал Кабтаб, постепенно багровея, — но это слишком большая жертва, которую никто не в состоянии оценить!

— Ты больше не проповедник, — отрезала Сник.

— В соответствии с моим удостоверением личности — нет. Но даже если вы заберете проповедника из церкви, церковь у проповедника отнять нельзя. Где я — там и моя церковь.

— Сейчас бы вам лучше не кричать об этом, — заметила Сник.

Кабтаб ткнул ее громадным мозолистым пальцем под ребра так, что она скривилась, и залился громким хохотом:

— Ну, ну! Ты-то теперь тоже больше не органик, облеченный широкой властью! И я не буду прыгать по твоей команде!

— Я думаю, — тихо сказал Дункан, — что нам нужно покончить раз и навсегда с подобными разговорами. Помните, что мы не те, за кого себя выдаем. Ведите же себя соответственно.

— Полностью согласен, — прогрохотал Кабтаб, — и я приложу все усилия, чтобы стать пай-мальчиком, прямо не сходя с места.

Они стояли у северного входа в вокзал. Здание было построено в так называемом крепостном стиле и выглядело как гибрид пагоды и готического собора. Внутри и снаружи его белые стены были украшены алыми двенадцатигранными горельефами, поддерживающими ярко-зеленые шары. Потолок в центральном зале вздымался куполом на высоту трех этажей. А четыре главных входа в него были выполнены в виде огромных арок, оборудованных раздвижными дверями. На стенах висели неизбежные телеэкраны, которые наперебой сообщали пассажирам расписание поездов, новости вторника и крутили популярные телешоу. В зале было человек

сто. Они прогуливались туда-сюда, собирались в группы, сидели на скамейках.

Трое путешественников пересекли зал и устроились на скамейке. И почти сразу же вокруг них снова образовалась зона отчуждения. Дункан прикусил губу. Для них со Сник Кабтаб был не самым лучшим попутчиком. Хотя здесь он оказался не единственным столь антиобщественно толстым человеком. По мнению большинства, страдать ожирением вовсе не было серьезным преступлением, но с точки зрения правительства, это граничило с нелояльностью. Поэтому тучность все же подвергалась преследованиям со стороны агентов Бюро Соответствий и Стандартов. «ТЕРЯЯ — ПРИОБРЕТАЕШЬ!» — таков был официальный лозунг. Теряешь жир и приобретаешь здоровье, уважение и увеличиваешь продолжительность жизни. Все это было официальным постановлением «РАДИ ВЕЛИКОЙ БЛАГОДАТИ ПОХУДЕНИЯ».

По новому удостоверению личности Кабтаб стал Иеремией Скандербегом Вардом*, и его фальшивый файл в банке данных был просто испещрен выговорами и мелкими штрафами от Бюро Соответствий и Стандартов. «Однако, может статься, кому-то придется потрудиться над его исправлением», — подумал Дункан.

Новое удостоверение Сник было выписано на имя Дженни Ко Чандлер. Дункан же перевоплотился из Дэвида Эмбера Грима в Эндрю Вишну Бивульфа. Сам он предпочел бы стать Смитом или Ваном, или хотя бы, на худой конец, Гримом, но неизвестный банкир данных, который занимался их файлами, имел какие-то веские причины выбрать именно Бивульфа**.

— Вот и поезд пришел, — сказал Кабтаб-Вард.

На самом деле, как извещало табло, поезд находился еще в пятидесяти милях от вокзала. Но телемониторы, установленные вдоль трассы, уже показывали летящие на всех парах пулеобразные вагоны. Носильщики засуетились и стали подкатывать роботопогрузчиков, платформы которых были доверху забиты окамененными людьми. Это были пассажиры, предпочитавшие путешествовать в безопасности, не беспокоясь о крушениях. Таким образом они освобождали себя от дорожной скуки и разных неудобств, неизбежных в дороге.

---

* Скандербег (настоящее имя Георг Кастриоти) — национальный герой Албании, освободивший страну от османского господства.

** Все имена Дункана-Кэрда содержат в себе намек на героическую роль этого персонажа: Сент-Джордж (святой Георгий — драконоборец), Дэвид (Давид — победитель Голиафа), Вишну (индуистский бог — хранитель миропорядка), Бивульф (современная форма древнеанглийского Беовульф, которое является не только именем героя, но и кеннингом (поэтическим иносказанием) слова «медведь» (буквальный смысл — «волк пчел»)).

Но с другой стороны, они лишали себя удовольствия насладиться прекрасными пейзажами и знакомством с городами по пути следования.

Настенные табло сообщили, что посадка будет объявлена через десять минут. Толпа пассажиров подхватила свои чемоданы и переместилась на открытую платформу между вокзалом и «треком».

«Треком» называлось узкое шоссе из синтетического металла, проходящее сквозь установленные вдоль него с интервалом в сорок футов громадные вертикально поставленные обручи.

Наконец на холме появился поезд, сбавляющий скорость. Понадобилось некоторое время, прежде чем в поле зрения оказался весь караван пятидесятифутовых вагонов. Ведущий вагон с вращающимися антеннами величаво плыл на высоте пяти футов от сверкающего серого «трека». Когда он наконец остановился, последний вагон находился в четырех тысячах футов от станции. Затем вся вереница вагонов плавно опустилась на землю.

Засвистели свистки. Хрипло заорали носильщики. Вспыхнули табло на столбах за защитным ограждением. Дункан и его спутники переступили ограничительную линию. Двери вагонов разъехались, и на платформу высыпали проводники. Они были облачены в зеленую униформу: туники до середины бедра и кепи, фасон которых не менялся уже две тысячи облет. Широкую алую перевязь украшала эмблема в виде двух скрещенных паровых локомотивов. Над козырьком кепи была другая эмблема — зеленый шар, опоясанный золотым ободком.

Проводница вагона, к которому направился Дункан, — высокая смуглая женщина с большой материнской грудью и сварливым лицом мачехи кричала: «Шагайте сюда! Пошевеливайтесь! У нас расписание — поезд ждать не будет! И не пердите тут!»

Дункан просунул свое удостоверение личности в спиральную щель, а большой палец в углубление. Проводница взглянула на контрольный экран. На нем вспыхнул короткий код, подтверждающий, что данные верны, а отпечаток большого пальца принадлежит Эндрю Вишну Бивульфу. Из машины вырвались три коротких свистка, и возникла надпись: «УД ЛИЧ СЕРТ».

Дункан вытащил карточку и поспешил в вагон. Так как информация шла сразу во все банки данных мира, процедура проверки занимала не много времени. «Первый тест из множества еще предстоящих мы прошли», — подумал Дункан, устраиваясь у окна. Пантея села рядом с ним, а Кабтаб —

напротив. Четвертым пассажиром в купе оказался тощий большеглазый мужчина средних лет, ростом не выше шести футов. На нем была модная шляпа с двумя щегольскими желтыми антеннами. Туника, отливавшая всеми цветами радуги, едва доходила ему до колен, а широкий вырез открывал грудь почти до пупка. На шее висела цепочка с массивным металлическим медальоном в виде муравья.

Прежде чем поезд тронулся, мужчина представился высоким пронзительным голосом: «Доктор Герман Трофоллаксис* Каребара, бывший профессор Университета Куинс, ныне — иммигрант в штат Лос-Анджелес, округ Нижняя Калифорния. А вы, если позволите?»

Дункан назвал себя и своих спутников. Пока он перечислял имена, Каребара, сложив руки домиком на груди, отвешивал небольшие поклоны. Сник вежливо ответила ему кивком, оба мужчины ограничились приветственными жестами. По лицу Каребары промелькнуло какое-то странное выражение. Дункан расценил это как недовольство несоблюдением всех правил этикета.

— Я профессор энтомологии. Моя специальность — формикология, — продолжал Каребара. — А чем занимаетесь вы, если позволите узнать?

— Энтомология? Формикология? — переспросил Кабтаб.

— Наука о насекомых. Моей специальностью является изучение насекомых, которых дилетанты называют муравьями.

— А я принадлежу к виду теологов, подвид — уличный проповедник, — ухмыльнулся Кабтаб. — А в миру я — мусорщик, официант и бармен. Моя сестра по вере — медицинский технолог, а брат по вере — банкир данных. Все мы родились в Нью-Джерси и еще ни разу не были за пределами штата.

— Это очень интересно, — сказал Каребара.

Наконец двери закрылись, репродуктор объявил пассажирам, что поезд отправляется в соответствии с расписанием (что они, впрочем, уже знали), и проводница потащила по проходу свою контрольную машинку на колесиках, требуя предъявить удостоверения личности для повторного контроля. Все это, по мнению Дункана, являлось излишней предосторожностью и бесполезной тратой времени. Но этого требовали правила на тот почти невероятный случай, что кто-то нелегально проникнет в вагон.

---

* Трофоллаксис *(греч.)* — процесс обмена пищей и выделениями желез, наблюдаемый у некоторых общественных насекомых (особенно у муравьев).

Дункан отвернулся и стал смотреть в окно. Поезд уже висел в пяти футах над землей и быстро разгонялся. Замелькали гигантские кольца «трека». Луга, фермы и леса помчались, подгоняя друг друга. Дункану хотелось, чтобы поезд шел помедленнее и можно было бы во всех деталях рассмотреть пейзаж и маленькие городки. Тем более что такая скорость была не так уж необходима. Все равно на границе Центральной Стандартной Временной Зоны поезд должен будет остановиться. Так почему бы ему сейчас не пойти помедленнее и поднажать уже потом, в другой временной зоне?

— В основном я занимался изучением коммуникативных кодов у муравьев, — рассказывал тем временем Каребара, — то есть различных способов сбора и обмена информацией: визуальных, физических и химических. Знаки и запахи. Но моя основная специальность, если я могу ее так назвать, — мимикрия. То есть псевдомуравьи, насекомые, которые выдают себя за муравьев. На самом деле это жуки, но они выглядят, как муравьи, ведут себя, как муравьи, и живут среди муравьев. — Он улыбнулся. — Эти жуки — трутни, нахлебники и паразиты. Они ничего не делают, но получают все, что им нужно.

Кабтаб закатил глаза и забарабанил пальцами по поручню. Сник молча томилась. Дункан, однако, заинтересовался:

— А как у них это выходит?

Каребара заулыбался еще шире, довольный, что у него появилась аудитория хотя бы из одного слушателя.

— Большая часть коммуникаций в муравьиной колонии осуществляется посредством обоняния. Муравьи испускают феромоны, то есть запахи, идентифицирующие их принадлежность к данной колонии. Паразиты же за миллионы лет эволюции научились дурить своих хозяев. Незваные гости постукивают антеннами по телу хозяев и, похлопывая их лапками по голове и рту, просят еду, что заставляет муравья отрыгивать пищу. Эти нахлебники не брезгуют даже личинками и яйцами своих хозяев. Во всяком случае, некоторые из них.

Профессор откинулся на спинку кресла, на секунду прикрыл глаза и снова улыбнулся. Он явно был очень доволен собой. Затем он открыл глаза и продолжил свою лекцию:

— Обратите внимание — паразиты эволюционировали до такой степени, что смогли полностью проникнуть в муравьиную систему кодирования. Они полностью овладели их кодами запахов и осязания, необходимыми для самообороны, совместной деятельности или борьбы с муравьями другого вида или прочими незваными гостями. Эти жуки — пятая колонна. Они везде просачиваются. Вот в этом-то они и отличаются от своих человеческих двойников — революцио-

неров, террористов и оппозиционеров, стремящихся скинуть правительство. Нет ни одного муравья-бунтовщика. А что до жуков... они не собираются менять систему отношений в колонии. К чему им это? Они, простите за выражение, сами же ее построили.

Кабтаб, усмотревший во всем этом нечто личное, подмигнул Дункану.

— Из нашего дружеского семинара можно извлечь кое-какие уроки, — сказал он.

Дункан проигнорировал это высказывание и обратился к Каребаре:

— Насколько я понял, весь вопрос заключается в том, как проникнуть в систему кодирования?

Каребара кивнул:

— Да. Сегодня формикологи уже достаточно знают о химических процессах, протекающих в организме мимикрирующих жуков и способствующих их уподоблению своим хозяевам. Вы могли видеть телепередачи или читать статьи о нашей совместной с биохимиками работе по синтезированию феромонов. К сожалению, большинство из них были неустойчивы: они существовали ровно столько, сколько понадобилось для того, чтобы убедить нас, что мы на верном пути. Так вы слышали об этом?

Сник и Дункан кивнули.

— Впрочем, две трети из них были не так уж плохи. Мои коллеги из Университета Нижней Калифорнии в штате Лос-Анджелес провели блестящую работу по изучению натуральных и синтезированных феромонов мимикрирующих жуков-паразитов. И вот теперь они пригласили меня принять участие в их исследованиях. К тому же мне обещаны большие льготы, улучшение жилищных условий, увеличение кредитов... Как вы понимаете, это главная причина моего переезда. Но с другой стороны — стоит ли отрываться от родных корней? И все же по причинам, о которых я уже говорил, я в первый раз в жизни оставил Куинс.

— Все мы ищем лучшей жизни, — согласился Дункан. — Взять хоть нас — всю жизнь провели в деревне и теперь хотим вкусить городской жизни. Так вы сказали, синтезированные феромоны?..

— Огненные муравьи, как вы, дилетанты, их называете, все еще представляют большую опасность. Мы с коллегами как раз работали над тем, чтобы псевдомуравьи увеличили свои аппетиты, если можно так выразиться, то есть над тем, чтобы генетически запрограммировать их на поедание личинок и яиц своих хозяев. Да еще так, чтобы хозяева не смогли уличить похитителей, поднять тревогу и съесть их самих.

Таким образом мы надеялись уничтожить или хотя бы значительно уменьшить популяцию огненных муравьев. Конечно, этот проект займет очень много времени, поскольку требует привлечения широкого круга энтомологов и биохимиков. Но в результате мы можем получить множество запахов, которые помогут контролировать всех насекомых, представляющих угрозу для человечества. И естественные паразиты смогут работать намного эффективнее, чем выведенные в лабораториях мутанты, которых мы использовали до сих пор...

Проводница прервала его речь. А когда она вышла, три мимикрирующих человека говорили уже на другую тему.

После нескольких тщетных попыток вернуть беседу к своим драгоценным муравьям Каребара, отчаявшись, ушел в соседнее купе.

— Как вы думаете, он настоящий? — спросил Дункан шепотом, чтобы не услышали соседи. — Или это провокатор органиков?

— Он может провоцировать нас сколько угодно, — сказала Сник, — мы будем продолжать притворяться законопослушными гражданами, довольными правительством и поддерживающими официальную философию во всех направлениях.

— Он не подозревает нас, — пророкотал Кабтаб, — то есть если он, конечно, органик. Но я думаю, что он настоящий профессор, как и сказал. Да будь у него малейшие подозрения, что мы не те, за кого себя выдаем, ганки нас уже толпой обступили бы.

— Знаете, — сказал Дункан, — по правде говоря, я больше всего боялся, что он заговорит нас насмерть. Просто какой-то маньяк-одиночка.

— Убеждающий до смерти, — добавила со смехом Сник.

— Но кое-какую пищу для ума он нам дал, — заметил Дункан и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза.

Через несколько минут он снова посмотрел в окно. Поезд шел на полной скорости, и пейзаж слился в туманное пятно. Это уже надолго. Хотя можно было прокрутить в медленном темпе фильм, заснятый телекамерами. Таким образом, не видя того, мимо чего ты проезжаешь сейчас, можно было во всех деталях изучить те места, откуда ты уже уехал.

ГЛАВА 13

Поезд шел со средней скоростью 200 миль в час и в 1.30 по Центральному Стандартному Времени прибыл в Чикаго, штат Иллинойс, Североамериканский департамент. Здесь пассажирам предстояла пересадка. Они зарегистрировались в

государственном отеле «Странствующий Пилигрим» и отправились на автобусе осмотреть город. Автогид сообщил туристам, что сейчас Чикаго сильно уменьшился в размерах и занимает площадь в 200 квадратных миль, однако в высоту кое-где он достигает почти мили. Знаменитая набережная Лэйкшор-драйв находится теперь под водой и в пяти милях от современной набережной, так как уровень озера Мичиган повысился на 50 футов. Со стороны озера город огорожен стеной высотой в 70 футов.

На экране в передней части автобуса продемонстрировали карту, на которой были указаны границы древнего, неуклюже расползшегося города и границы современного. Там, где раньше на многие мили тянулись уродливые фабрики и кварталы еще более уродливых домишек и небоскребов, теперь раскинулись фермы, искусственные озера и кемпинги.

Дункан и его спутники легли спать пораньше, встали в 11.30 вечера и отправились в отдельные цилиндры, откуда вышли в следующий вторник через десять минут после наступления полуночи. Затем снова легли спать, в шесть утра позавтракали и уже в 7.30 сидели в другом экспрессе.

Двенадцать часов спустя, потеряв три часа на объезд по необъясненной причине, поезд остановился в Амарильо, штат Западный Техас, в 7.30 по Центральному Стандартному Времени, или в 8.30 по Горному Стандартному Времени.

— Нам лучше ехать дальше транзитом, — заявила Сник. — Я уже устала от путешествия.

— Что? И потерять возможность познакомиться с этой великой страной? — спросил Дункан.

— Лучше я потеряю возможность остаться с парализованной задницей.

— Во всем есть свои недостатки, — сказал Дункан. — Зато достоинств в моем варианте путешествия намного больше, чем в твоем. И вы их получите, по крайней мере те, что я смогу вам обеспечить.

Они уже направились к выходу с вокзала, как вдруг Сник остановилась и указала на мигающие в ночной темноте огоньки. Длинный темный силуэт города был окружен ореолом сияния городских огней.

— Если мы полетим самолетом, то получим гораздо больше удовольствия.

— Позволить себе летать без окаменения могут лишь единицы. А путешествие на дирижабле не менее утомительно.

— Знаю, — сказала Пантея, — но я очень устала и хочу поскорее в Лос-Анджелес.

Климат в Амарильо был жаркий и влажный, но в городе, накрытом куполом, воздух был свеж. Вокруг города росли дикие джунгли, в которых прятались многочисленные фермы.

Здесь Дункану понравился стиль, в котором одевались горожане. Они бережно хранили традиции Дикого Запада: все поголовно выглядели ковбоями. Правда, он сомневался, что истинные техасцы пришли бы в восторг при виде мужских гульфиков кричащих цветов или одобрили бы женщин, чьи кожаные жилеты, отделанные драгоценностями и блестками, больше открывали грудь, чем скрывали ее.

В следующий вторник поезд пересек границу штата Лос-Анджелес. Последние четыре часа пассажиры ехали в полной темноте, зато пейзажи на экранах были освещены ярким солнцем. Из-за часовой остановки по необъясненной причине, во время которой пассажиры смогли размять ноги, прогулявшись по краю Большого Каньона, поезд прибыл в Пасадену лишь в 7.30. Из-за поломки компьютера еще час троица путешественников простояла в очереди, чтобы заменить удостоверения личности. Новые удостоверения отличались от старых только тем, что теперь беглецы значились гражданами штата Лос-Анджелес, округ Нижняя Калифорния, Североамериканский департамент. Затем пассажиров отвезли на автобусах в отель Департамента Иммиграции, где после всех положенных процедур новоприбывшим объявили, что они наконец свободны и могут заниматься чем угодно до половины двенадцатого ночи. Дункан очень устал и лег спать уже в девять, но заснуть ему никак не удавалось. Комната была тесной, а Кабтаб на соседней койке оглушительно храпел. Но Дункан решил не прибегать к услугам морфей-машины, потому что уже заметил у себя некоторую зависимость от нее. Он лежал без сна, а перед глазами проплывали картины их путешествия — Аризона, Нью-Мехико. Не менее четверти их территории было занято огромными солнечными батареями, мощности которых хватало, чтобы обеспечить светом и теплом двенадцать штатов. Между громадными солнечными станциями простирались джунгли. На Юго-Западе всегда был жаркий климат, но около двух тысяч облет назад туда вернулись дожди. Почва — там, где ее не затеняли солнечные батареи — разродилась пышной и буйной растительностью, характерной скорее для ландшафта Центральной Америки. Конечно, при таком количестве дождливых облаков ясных дней стало меньше, но все же солнца еще хватало, чтобы обеспечивать все солнечные станции.

Феникс представлял собой комплекс гигантских куполов, связанных подвесными транспортными дорогами. Купола при необходимости могли регулировать интенсивность солнечного

света. Вокруг Феникса вместо древних гор давным-давно лежали равнины: всю горную породу перевезли на 200 миль для создания искусственного ландшафта — Передвинутых гор.

Наконец Дункан заснул, и сны его в ту ночь были полны кошмаров, не столько «личных», сколько «исторических». Они словно просочились из его наследственной памяти — памяти о жизнях, которые он не проживал. Впрочем, это объяснение годилось, как и любое другое. Породить их могло все что угодно: например, документальные фильмы, которые он смотрел в поезде. Никто не знает, какой единственный из многих тысяч факторов формирует вспыхивающий в мозгу комплекс сменяющих друг друга снов, просачивающихся из подсознания.

Да, возможно именно путешествие по континенту оказалось фактором, нажавшим в его мозгу кнопку «ПОВТОР».

История была кошмаром, и ночной кошмар был историей.

Разве кому-нибудь могло бы прийти в голову, что в начале двадцать первого столетия в военных действиях не будут применяться ни порох, ни реактивное топливо? И что во время третьей мировой войны двигатели внутреннего сгорания невозможно будет использовать? И что на первых этапах войны основным оружием станут шпаги, копья, арбалеты, газовые пистолеты, лазеры и паровые машины? Что бесполезными станут самолеты, а аппараты легче воздуха, несмотря на все хитрости, будут слишком уязвимы? Что танки будут работать на угле или ядерном топливе вместо солярки?

Разве могло прийти в голову, что генеральный секретарь компартии Китая Ван Шень сможет воспользоваться этими переменами в вооружении и транспорте, найти преимущества, развить их и объявит войну СССР? Или то, что всего за двенадцать лет с помощью союзных армий он покорит весь мир и провозгласит мировое правительство? Или то, что его сын Шин Цу отречется от идеологий коммунизма и капитализма, взяв от них лишь то, что понадобится для создания обновленного мира, и станет основателем Новой Эры? Или то, что незадолго до смерти он найдет изобретению «окаменения» применение в построении общества, не имевшего аналогов, — мира семи раздельных дней?

Воздух, вода и земля очистились. Необъятные леса восстанавливают баланс кислорода и углекислого газа, хотя несмотря на прошедшие тысячелетия уровень Мирового океана продолжал повышаться. Пояс тропических джунглей вырос даже по сравнению с началом XIX века.

Никто больше не страдал от голода или отсутствия крыши над головой. Образование стало доступным каждому, как и любая медицинская помощь, и все это — самого высокого

качества. Армия, флот и воздушные войска вымерли, как динозавры. Последняя война закончилась более двух тысяч облет тому назад. И хотя убийства, изнасилования, плохое обращение с детьми все еще случались, уровень преступности был самым низким в истории человечества.

Но за все это, конечно же, надо было платить. Благоденствие досталось ценой жизней всех тех, кто участвовал в третьей мировой войне и основании и установлении Новой Эры. Но и среди ныне здравствующих находились люди, считавшие, что они платят по сю пору. Ни одно из великих завоеваний Новой Эры не смогло бы существовать без семидневной системы и усиленного надзора с использованием всех спутников, сенсоров и полиции, которая впоследствии естественно трансформировалась в органиков.

Такова была официальная политика правительства. Но люди типа Дункана имели свою точку зрения.

Искусственный мир семи дней существовал так долго, что казался естественным большинству людей, живущих в нем. Они искренне верили, что ради сохранения великих социальных благ каждая личность обязана находиться под пристальным наблюдением. Этот надзор был гарантией того, что никто не сможет избежать наказания за преступления против общества. Непрестанная слежка временами бывала навязчивой и надоедливой, но так как результатом ее стали безопасность и покой, люди притерпелись к ней. А раз туман правды делал невозможной любую попытку солгать — была ли вообще возможность укрыться от надзора?

Конечно, государственные деятели перед вступлением в должность были обязаны пройти испытание туманом даже тогда, когда их позиция ни у кого не вызывала сомнений, но ведь те, кто проводил тестирование, могли и искажать его результаты.

Образы выплывали из мрака, из великой пустоты, граничащей с безумием, лица сменяли друг друга. Это были его деды и прадеды, сражавшиеся в великих битвах Канады и Соединенных Штатов Америки. Их лица роились вокруг него, пылая жаром и яростью битвы, а потом черты их разглаживались в смертельном окоченении. Они были белыми североамериканцами, азиатами, африканцами, европейцами и южноамериканцами. Предки Дункана проливали кровь и за Ван Шеня, и за Соединенные Штаты. И убивали друг друга.

А когда Последняя война положила конец всем войнам, оставшиеся в живых продолжали бороться за жизнь, за сохранение своего потомства. Дети плакали, их лица были искажены страхом, руки тянулись к еде... когда внезапно прозвучал сигнал будильника с монитора и Дункан проснулся.

— О Боже! — простонал Кабтаб на соседней койке. — Новый день! Прежде чем он кончится, мы уже будем в Лос-Анджелесе! И что дальше? Еще похлеще?!

Падре также преследовали кошмары.

ГЛАВА 14

Лос-Анджелес, однако, в это утро выглядел как прекрасный и в некотором роде эротический сон.

Дункан и его спутники успели пройти большинство административных процедур в Департаменте иммиграции Лос-Анджелеса и теперь на лифте поднялись на последний этаж башни. Они стояли на одном уровне с пиком горы Вильсона, где когда-то была обсерватория, а теперь стоял дворец лос-анджелесского правительства. Все трое наслаждались видом неоглядного Тихого океана.

Это был уже третий город, построенный на этом месте: первый погиб в огне третьей мировой, второй был разрушен и сгорел дотла во время Великого землетрясения. И все, что не потонуло в грязи, было смыто и навсегда исчезло в волнах великого океана.

Теперь же на этом месте возвышалось множество башен, опиравшихся на прочные сваи. В утреннем солнце они сверкали всеми цветами радуги. Между собой они на разных уровнях были связаны мостами. Особый мост с четырьмя уровнями был переброшен через пропасть Голливуд-Хиллз. На всех мостах теснились пешеходы, велосипедисты, электроавтобусы и редкие электромобили.

На западе простиралось безграничное море, пестревшее тысячами грузовых и пассажирских судов.

На востоке — тоже морская гладь и башни, башни, башни — до самых гор. На юге — тоже башни на протяжении пятнадцати миль. Болдуин-Хиллз уже тысячу лет назад срыли и использовали для постройки дамб, сдерживающих океан до нового великого землетрясения.

— Какая красота! — прошептала Сник. — Похоже, мне здесь понравится!

— Эту красоту создали люди, — заметил Дункан, — малопривлекательные жители малопривлекательного города. И дело тут не в причудах архитектуры и чистоте на улицах; кое-кто из местных тебе покажется совсем непривлекательным, если они узнают, что мы не те, за кого себя выдаем.

— Вот там мы будем жить, — сказал Кабтаб, указывая на запад. — Башня Ла Бреа, двенадцатый этаж, мегаблок западного округа.

И тут к ним подошла женщина, до сих пор стоявшая неподалеку. Это была миловидная смуглокожая блондинка среднего роста. Ей было около 30 сублет, а ее небесно-голубые глаза до депигментации были явно темнее. Одета она была в лазурные блузку и юбку на голое тело и желтые туфли на очень высоких каблуках. Ее канареечно-желтую сумочку украшали черные пятна «под леопарда». На лбу была вытатуирована небольшая правозакрученная свастика, что означало ее принадлежность к буддистам из секты истинного Гаутамы.

Дункан удивленно посмотрел на нее, не понимая, что ей от них надо, однако она просто прошла мимо, сунув ему в руку что-то, оказавшееся карточкой для писем. Он с трудом сдержался, чтобы не окликнуть ее, повернулся спиной к снующим прохожим и прочитал: «ВСТРЕТИМСЯ СО ВСЕМИ ТРЕМЯ В "СНОГСШИБАЛОВКЕ". ПО ПРОЧТЕНИИ — СТЕРЕТЬ».

Дункан трижды перечитал текст, затем провел ладонью по поверхности. Надпись исчезла. Он сунул пустой бланк в карман и шепотом сообщил своим спутникам его содержание.

— Какая, к черту, «Сногсшибаловка»? — спросил Кабтаб.

Они зашли в справочное бюро на углу, и на запрос Дункана на экране машины высветился ответ.

— Это таверна на западной окраине мегаблока Ла Бреа Комплекс.

— Мы умеем читать, — сказала Сник.

— Храни нас, Господи, от гордыни! — вздохнул Кабтаб.

Пантея его проигнорировала.

— Ну хорошо, с нами вышли на контакт. Теперь пора в комплекс — заселяться. Завтра у нас и так будет много дел с устройством на работу.

Справочная сообщила им, на чем и с какими пересадками ехать.

Мосты бежали от здания к зданию; одни, огибая их, другие — пронзая насквозь. Они раскачивались под порывами ветра, но Дункан и его спутники не замечали этого и не обращали внимания ни на пешеходов, ни на красивые рыбачьи лодки далеко внизу — их занимала полученная инструкция.

Кабтаб, сидевший на соседней скамейке, просунул голову между Дунканом и Пантеей и прошептал: «Я надеюсь, что они посвятят нас в свои планы и их стратегию и тактику. Я не люблю работать вслепую».

— Только не суй нос слишком глубоко, — посоветовал Дункан, — прищемят.

— К черту! — вдруг взорвалась Сник. Она сидела, нахмурившись, и кусала губы. — Это несправедливо! Я всего-навсего

хотела быть хорошим органиком. Лучшим, насколько это в моих силах! И я не хочу быть вне закона!

— Держи в себе свои опасные эмоции, — оборвал ее Дункан. — Я, конечно, ничего не знаю о людях, с которыми нам предстоит работать, но предполагаю, что они ждут от нас энтузиазма и фанатизма. Вы же высказываете сомнения, лезете на рожон и можете кончить вечным окаменением — на дне океана, где вас никто никогда не найдет.

— Да знаю я все это! Но я ненавижу несправедливость! Я прямо... О, хорошо же! — и Сник замолчала до конца поездки.

Дункан тоже не произнес ни слова. Но не прекрасные виды, открывающиеся с высоченных мостов, занимали его внимание. Он задумался о своих отношениях с Пантеей Сник. Эта прелестная смуглая маленькая женщина со слегка нивелированной личностью была совсем не в его вкусе. И тем не менее она притягивала его, он чувствовал влечение к ней. И ничего не мог с собой поделать.

Он до сих пор не знал, какие чувства она испытывает к нему. Возможно, он ей вообще не интересен. Так почему бы не спросить ее об этом?

Нет. Она может даже оскорбиться. Лучше подождать. Если же она действительно к нему благосклонна, пусть ее чувства окрепнут и разовьются.

Вся сложность этой ситуации состояла в том, что он не был настолько терпелив, как надо бы. Ему хотелось обнять и поцеловать ее прямо сейчас!

Отвернувшись от Пантеи, он тихо вздохнул.

— Ты чего? — спросил Кабтаб.

— Ничего.

Наконец автобус остановился на десятом этаже башни Ла Бреа Комплекс. Прихватив сумки, троица вышла. По элегантно изогнутому балкону они, пробираясь сквозь толпу ярко одетых прохожих, дошли до общественного холла. Это был громадный зал со множеством магазинов. Там они сели на лифт, поднялись на свой этаж и, выйдя из кабины, перешли на одну из множества движущихся дорожек, бегущих к центру этого уровня. Когда они проехали с полмили, им пришлось потрудиться, чтобы, переходя с дорожки на дорожку, добраться до неподвижной платформы. По ней они вошли в другую огромную комнату, предназначенную для приема иммигрантов, откуда, отстояв очередь и выполнив все формальности, на автобусе отправились к своему новому жилью. Квартира Дункана была самой большой и даже имела окно, откуда открывался прекрасный вид. В трех из семи цилиндров находились жители с субботы по понедельник — остальные

были пусты. Очевидно, иммигранты из среды, четверга и пятницы не прибыли. Удостоверения личности на цилиндрах извещали, что один из соседей родом из Уэльса, другой из Индонезии, а третий — из Албании. Это соответствовало тем небольшим сведениям о национальном составе новых жильцов западного мегаблока, которыми Дункан располагал. Здесь селили в основном представителей именно этих национальностей, но лица их были похожи на те, что Дункан встречал на Манхэттене и в Нью-Джерси. Большинство жителей Земли имели в роду китайцев и индийцев, поэтому лица конголезцев теперь мало отличались от лиц шведов.

Глобальный плавильный котел наций, поставленный на огонь Ван Шенем, уже закипал. Ценой уничтожения расизма и национализма была утрата разнообразия. Большинство иммигрантов не имели семей, и, когда они здесь вступали в брак, национальный коктейль в крови их детей получал новые компоненты. Основное содержание коктейля определялось языком, на котором говорили местные жители. Например, валлийский давно уже вышел из употребления. Большинство жителей Уэльса разговаривало на бенгали — языке, который, в свою очередь, должен был исчезнуть уже в течение двух поколений. Албанцы говорили на модернизированном кантонском диалекте. Обе группы, как, впрочем, и все другие, могли пользоваться лонгланом — синтетическим всемирным языком. И все поголовно со школьной скамьи учили английский. Ван Шень-Завоеватель и его сын питали к этому языку большую любовь. В результате на нем говорило четверть всего населения планеты. Но поскольку индонезийский английский был не совсем понятен говорившим на норвежском английском и наоборот, средства всемирного теле- и радиовещания использовали Стандартный английский.

«ОБЪЕДИНИМ РАЗЛИЧИЯ!»

Это был один из самых популярных государственных девизов, его зубрили в школе и чуть ли не в яслях. Сложность выполнения его состояла в том, что правительство имело к началу Новой Эры намного больше различий, чем ему бы хотелось. А некоторые из этих различий, с государственной точки зрения, были просто нежелательными.

Как однажды сказал падре Коб Кабтаб: «Их неофициальный девиз: "ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ СУТЬ ДОБРОДЕТЕЛЬ". Если ты — ума палата, то опасен бюрократам. Тот, кто отрицает это, пусть сидит себе в дерьме!»

Выйдя в ближайший магазин купить себе кое-что из одежды, Дункан вернулся с дюжиной костюмов и сложил их на полку в уборной. (Они не заняли там больше шести квадратных дюймов.) Потом путешественники пообедали в бли-

жайшей столовой, вмещавшей две тысячи посетителей одновременно. Здесь было полно народа, и не из-за особенности кухни, а потому, что она служила чем-то вроде местного клуба. Дункан огляделся и отметил про себя с десяток людей, похожих на органиков. Хоть они и были одеты, как простые горожане, на лицах их застыло презрительно-усталое выражение полицейского. «Плохие актеры», — подумал Дункан. Ни у него, ни у Сник не было того снисходительного превосходства, что являлось эманацией души органиков и насквозь пропитывало их плоть.

Вовсе и не правда, что «единожды коп — всегда коп». Или он обманывает себя? Нет. И даже если некоторые личности, формировавшие его персону, были достаточно законопослушны, то все остальные — были ярыми бунтарями. В настоящей и (как он надеялся) последней своей инкарнации он, конечно, был против правительства.

В час дня Дункан вошел в офис лидера мегаблока Франсиско Туппера Мина. Проторчав там более часа, он почувствовал, что с каждой минутой ожидания все больше накаляется. Но в конце концов августейшая персона удостоила его аудиенции. Коренастый, избыточно-мускулистый, бритоголовый Мин поднялся из-за стола, чтобы встретить посетителя по всем правилам этикета, и протянул ему свою мощную ладонь. Дункану понадобилось несколько секунд, прежде чем он понял, что хозяин предлагает ему поздороваться за руку.

Мин засмеялся. Голос у него неожиданно оказался довольно пронзительным.

— У нас в Лос-Анджелесе свои обычаи, гражданин Бивульф. Мы гордимся тем, что мы прогрессивны, так сказать, пионеры — всегда на переднем крае. Но кое-какие древние обычаи мы возродили. Зачем в наши дни бояться распространения болезней при рукопожатиях, если нечему распространяться? Ведь все эти поклоны и уставные приветствия слишком формальны. Пожимайте руки, ощущайте тепло человеческого прикосновения!

Дункан взял его руку и ощутил мощное пожатие. Мин словно намекал, что может переломать ему все кости, если захочет. Но Мин был слишком хорошим политиком, чтобы явно унижать будущего избирателя.

Дункану, прежде чем он сможет зафиксировать свой голос в компьютере, еще предстоит сдать экзамен на избирателя, и то лишь через шесть субмесяцев.

— У меня очень плотный график работы, но я стараюсь укладываться. Садитесь. Выпьете что-нибудь? Нет? Хорошо. Вы, я вижу, человек понятливый. Вы представляете, как я занят, и не хотите тратить мое время впустую, да и свое

тоже. Благодарю за уважение. Сейчас у меня столько проблем и забот, что просто некогда поговорить с вами по душам. Вот погодите, я их растолкаю, и тогда мы с вами обязательно встретимся, чтобы обстоятельно побеседовать. Мне больше нравится знакомиться с жителями моего блока не по файлам, а с глазу на глаз. Видеть человека, а не данные на экране.

«Чушь, — подумал Дункан, — невозможно близко знать двести тысяч человек».

— Но пока я занят: сумасшедший поток иммигрантов, предстоящие выборы в лидеры блоков, а тут еще на носу Большой Эксперимент. Подробный список статей эксперимента будет поставлен на голосование через два дня, два субдня, конечно. Это...

— Большой Эксперимент? — переспросил Дункан.

Мин уставился на него так, словно не мог поверить в его невежество.

— Вы хотите сказать, что ничего не слышали о нем?

Дункан отрицательно покачал головой.

— Но о нем же днем и ночью рассказывают по всем каналам!

— Я давно не смотрел новостей. В столовой на экранах вроде было что-то об этом, но из-за шума я ничего не расслышал.

— Последнее время это идет по всем каналам новостей вторника, — повторил Мин. — Это настолько серьезный эксперимент, раз за него голосуют, что я даже не уверен, распространяется ли он на остальные дни.

— Что?

— Мировое и национальное правительство давно озабочено многочисленными жалобами на превышение надзора. По всему миру даже стали организовываться группы протеста. Но правительство, как вы хорошо знаете, очень бережно относится к правам человека.

Мин, как отметил про себя Дункан, говорил обо всем этом без тени улыбки.

— С другой стороны, гражданин Бивульф, благо человека для правительства превыше всего. И оно сомневается, что ослабление надзора может принести пользу гражданам.

«Распечатанная инструкция. Речь номер 10А», — подумал Дункан.

— И поскольку все претензии и нарекания были признаны необоснованными, то правительство решило подойти к вопросу с научной точки зрения и провести эксперимент, чтобы выяснить, к чему может привести ослабление надзора до среднего уровня. Но проводиться он будет не повсеместно,

а всего лишь в нескольких городах. Лос-Анджелес — один из них.

— А по какой причине выбрали именно его?

Мин широко улыбнулся и неистово зажестикулировал:

— Потому что мы — один из самых прогрессивных городов в мире, конечно же!

Дункан удивился бы, если бы это было правдой. Для эксперимента правительство, конечно же, выбрало бы наименее либеральные города.

— Однако, — сказал Мин, — этот вопрос еще не решен окончательно. Сегодня проводится референдум. И если большинство избирателей проголосует против, эксперимент проводиться не будет.

— О! — сказал Дункан.

— Что вы этим хотите сказать?

— Всего лишь невольное восклицание.

— Я удивлен, что вы до сих пор ничего не знали.

— Откуда? — спросил Дункан. — Я же приехал из Нью-Джерси. Сомневаюсь, что во всем штате найдется город, подходящий для эксперимента.

— Это ничего не значит. Новости шли по всей зоне. В конце концов, вы должны были видеть их в поезде, если больше негде.

— Я не видел.

Мин мягко улыбнулся, глаза его потемнели, и он наклонил свою бритую голову на массивной шее к лицу Дункана.

— Вы же не один из тех, кто игнорирует телевидение? Каждый гражданин обязан следить за тем, чтобы быть хорошо информированным.

— Я любовался пейзажами. Я в первый раз выехал за пределы Нью-Джерси. По правде говоря, я и от Нью-Арка-то отъезжал не дальше чем на десять миль.

Если бы Мин захотел проверить это, то получил бы из удостоверения личности Бивульфа те же данные. Хотя он, конечно, уже сделал это еще до того, как Дункан вошел в офис.

— Добро пожаловать в большой мир, Бивульф! Я могу называть тебя Эндрю? Все остальные имена — формальность. Я рад быть своим парнем любому жителю моего блока. Кем-то вроде отца.

— Зовите меня «Энди».

— Поскольку ты, как я вижу, мало знаешь о референдуме, то, я надеюсь, теперь подзубришь свои права. Пока что лидеров блоков ты выбирать еще не можешь, но в референдуме о надзоре участвовать правомочен.

— Обязательно проголосую, — пообещал Дункан. — Хоть у меня и очень много дел, которые нужно успеть сделать до того, как я завтра пойду на работу.

— Так иди и делай их! — Мин простер руку. — Удачи тебе, Энди, и будь счастлив здесь! Если возникнут проблемы — мой экран связи всегда для тебя открыт.

ГЛАВА 15

«Сногсшибаловка» находилась всего в полумиле ходьбы от квартиры Дункана (Бивульфа). Кабтаб (Вард) и Сник (Чандлер) жили еще ближе. Они встретились на пятачке (тридцать футов в длину и столько же в ширину) у входа в таверну. Было восемь вечера, и результаты предварительного опроса уже появились на уличных экранах. За ослабление надзора было подано 7 300 111 голосов. Около трех миллионов голосовали против. 3 200 001 вообще не приняли участия в голосовании. Люди выглядели пьяными от радости и теперь валили в таверну, чтобы выпить чего-нибудь посущественнее.

Внутри таверна представляла собой огромный зал, разделенный перегородками, наполовину не доходившими до потолка, на четыре отдельных помещения. В центре каждого сектора находилась стойка бара в форме четырехлистника, окруженная площадкой для танцев. Столики и кабинки теснились у стен. Там и сям стояли кадки с прекрасными синтетическими пималиями*. На стенах было полно экранов, транслирующих новости и различные шоу. То, что их звук был неразличим в общем гуле, не беспокоило абсолютно никого.

— Да они просто свихнулись от предвкушения свободы! — сказала Сник. — Свободы, о которой они и не подозревали, пока радикалы не ткнули их в нее носом!

Троица с трудом пробивалась сквозь толпу к столику у стены. Кабтаб, похоже, слов Пантеи не услышал, зато Дункан оказался достаточно близко к ней, чтобы шепнуть:

— Ты говоришь, как ганк.

— Нет. Я всего лишь рациональна. Разве это делает меня похожей на органика?

— Похоже, мы заняли последний свободный столик, — сказал Кабтаб, когда они сели.

Дункан взглянул на стенной экран:

— Еще двадцать минут.

---

* Других пималий не бывает. Это растение придумал Э. Р. Берроуз в своей «Марсианской серии». Отсылки к произведениям Берроуза нередко встречаются в творчестве Фармера.

Падре наклонился к Дункану и прошептал, почти касаясь губами его уха:

— Ты думаешь, она придет? Это чертовски неудобное место, чтобы говорить о подрывной деятельности. Приходится орать, чтобы себя услышать.

— Это самое лучшее место, — ответил Дункан. — Кто, к дьяволу, сможет нас подслушать?

Взмокшая и усталая официантка подошла к ним только через десять минут: «Простите, ребята, но сегодня здесь полный бедлам и бардак».

Сник заказала лайм, Кабтаб — пиво, а Дункан — бурбон. Официантка исчезла в ревущем водовороте толпы. Снова она появилась минут через десять, еще больше похожая на выжатый лимон. Она с усилием пробивалась к ним сквозь толпу и уже почти достигла своей цели, как вдруг споткнулась и рухнула вместе с подносом на их столик, обрызгав Сник и Кабтаба коньячно-пивным коктейлем. Что-то проворчав, она подняла поднос и вдруг неожиданно развернулась и со звоном обрушила его на голову мужчины, стоявшего позади. В качестве протеста и в доказательство своей невиновности мужчина размахнулся и ударил ее под ложечку. Кабтаб, взревев, вскочил со стула и обрушился на мужчину. В то же время на официантку, которая стояла на четвереньках, пытаясь отдышаться, с визгом налетела какая-то женщина.

После этого Дункан уже не пытался разобраться в происходящем — вся таверна словно взорвалась: мелькающие кулаки и ноги, оскаленные лица, боевые кличи и вопли о помощи. Дункан, как человек разумный и сообразительный (таких в таверне, впрочем, было немного), упал на четвереньки и пополз к стене. Достигнув ее, он опрокинул стол и прикрылся им, как щитом. Он предполагал, что Сник последует за ним. Но ее рядом не оказалось. Тогда он выглянул из-за края стола и был потрясен, увидев ее в самой гуще схватки: как раз в этот момент она резким ударом ребром ладони по шее отключила своего противника и занялась женщиной, запрыгнувшей ей на спину Мужчина немного покачался и свалился на стол Дункана, прижав его к стене и лишив обзора. За те несколько секунд, пока Дункан отпихивал тело и стол, оба его компаньона уже исчезли из поля зрения, лишь откуда-то издалека, перекрывая шум и грохот, слышался громоподобный глас падре, сыплющего ругательствами и оплеухами.

«А что бы делал в подобной ситуации Генрих Пятый? — вдруг подумал Дункан. — Наверное, он решился бы на отчаянную вылазку и заработал бы пару фингалов, разбитый нос, выбитые зубы, сотрясение мозга, отбитые почки и вывих

позвоночника. А что бы делал Фальстаф? Он бы остался под прикрытием стола и обосновал бы свое малодушие как осмотрительность».

Дункан выбрал компромисс: он отпихнул стол и, тесно прижимаясь к стене, пополз к выходу. Если Сник и Кабтаб еще хоть что-то соображают, они тоже станут пробиваться наружу, потому что здесь очень скоро должна появиться свора органиков, вооруженных электропогонялками и парализующим туманом. Сначала они арестуют всех, кого найдут поблизости, а затем, чтобы отделить козлищ от агнцев, применят туман правды. И несмотря на то что закон требовал при допросах ограничиваться вопросами, связанными только с теми обстоятельствами и событиями, которые ставились в вину подозреваемому, органики нередко выходили за эти рамки. Но даже если все законы будут соблюдаться, Сник и Кабтаб, вдохнув туман правды, назовут свои подлинные имена, проверить их в банке данных — минутное дело. А дальше ниточка потянется и к Дункану.

«Проклятые идиоты! Так засветиться!» — прошептал он и тут же прикусил язык: свалившаяся на него женщина крепко приложилась головой к его ребрам. Шипя от боли, он стал прорываться вперед со всей скоростью, на какую был способен.

— От меня не уйдешь! — заорал вдруг над ухом какой-то тип и набросился на него с кулаками. Дункан ухватил его за лодыжки и как следует дернул, а когда тип опрокинулся, добавил ему ударом в пах. Тип взбрыкнул ногами и весьма ощутимо задел Дункана по зубам. Настолько ощутимо, что Дункан несколько секунд пытался сообразить, где он находится и кто он такой вообще. Наконец в голове прояснилось настолько, что он смог продолжить свою выползку. Со всех сторон уже неслись резкие свистки ганков. Явились — не запылились!

Дункан вскочил на ноги, отшвырнул с дороги двух сцепившихся, ревущих от боли и ярости парней и, низко нагнув голову, свалился, вскочил и, тяжело дыша и обливаясь кровью, побежал через площадь в ближайший магазинчик, на дверях которого была надпись: «Ибрагим Изимов. Сладости и легальные наркотики». Влетев в магазин, он огляделся: кроме него здесь находился только один человек — владелец или приказчик — высокий полный мужчина средних лет с холеными пурпурными баками*.

— Что за чертовщина там снаружи? — спросил он.

---

* Описание этого персонажа — явная пародия на Айзека Азимова.

— Пьяная драка, — ответил Дункан. — Здесь есть черный ход?

— Конечно. Даже несколько. Минутку, я запру двери и провожу вас.

«Еще один Фальстаф, — подумал Дункан. — Он явно не горит желанием оставаться там, где ганки начали облаву — еще, чего доброго, заберут в свидетели».

— Изимов — это вы? — спросил Дункан.

— Да. А вы — Бивульф.

— Господи! — воскликнул Дункан. — Так вы — один из тех, с кем мы должны были встретиться?

— Не совсем так. Я лишь уполномочен передать вам инструкции свыше. Идемте.

— Но мои помощники все еще там! И если их арестуют...

Он подошел к дверям и оглядел площадь. По ней уже бежали, свистя изо всех сил, мужчины и женщины в зеленом. Их было только пятеро. Пока. Скоро их здесь станет намного больше. В ту же секунду он увидел Кабтаба — тот, волоча Сник на буксире, пытался протиснуться в дверной проем. Наконец ему это удалось, и его тело левиафана как пробка вылетело на середину площади, попутно сбив с ног женщину-органика. Следующего ганка — здоровенного мужчину — священник убрал с дороги мощным ударом кулака и с победным ревом устремился вперед. В это время Сник, отцепившаяся от него, но все еще влекомая силой инерции, пролетела полплощади и свалилась, как сноп. Навстречу им устремился еще один органик — высокая, крепко сбитая женщина. В руках она держала баллончик с паралитическим туманом и метила прямо в лицо Кабтабу. Он попытался выбить баллон, но женщина так крепко в него вцепилась, что пришлось расслабить хватку ударом кулака в челюсть. От остальных двух ганков падре отделял естественный барьер из высыпавших на улицу участников драки. Но со всех сторон уже сбегались, создавая оцепление, новые и новые зеленые мундиры.

За это время Изимов выключил везде свет и уже ждал Дункана, придерживающего двери, пока Кабтаб и Сник не оказались в магазине. Тогда Изимов закрыл дверь, но не запер ее, так как не имел на это права: магазин был частным, а не государственным владением.

— Ради Бога, скорее! Уходим! — сказал Изимов и исчез в задней комнате.

В полумраке Дункан мог разглядеть разбитые и исцарапанные лица Кабтаба и Сник.

— Втравил ты нас в заваруху, — сказал он Кабтабу.

— Да черт с ним! Зато повеселились! — ответил падре.

— Я жалею только об одном, — тяжело дыша, сказала Сник, — что все силы потратила в таверне, вместо того чтобы хорошенько всыпать ганкам!

И они поспешили за Изимовым. Пробежав несколько других магазинчиков, вызывая пристальные взгляды покупателей и продавцов, они выскочили на улицу 10АВ3, более известную под названием улицы Гостеприимной. На некоторых стенных экранах уже передавали информацию о беспорядках в таверне. Репортеры шли буквально по пятам органиков-умиротворителей.

Изимов, отдуваясь и потея, как в сауне, быстро вел своих спутников по лабиринту магазинов, улиц и складских помещений. Наконец они вышли на площадь, по краям которой стояли как административные, так и жилые здания. Изимов направился к одной из дверей, пестро раскрашенной под стать его радужному одеянию. Он просунул в дверь свое удостоверение личности, и дверь отъехала в сторону. Когда он шагнул внутрь, тут же автоматически включился свет.

— В первую очередь займемся вашими ранами, — сказал хозяин и пригласил их в ванную комнату, где, проведя минут двадцать у аптечного распределителя, они привели свои лица в почти приличное состояние. Но чтобы они полностью регенерировали, нужно было прождать еще с полчаса.

— Современная медицина! — сказал Изимов, провожая их в гостиную. Он вздохнул. — Если бы так же легко, глотком из какой-нибудь бутылочки, можно было вылечить и социальные болезни!.. Присаживайтесь, чувствуйте себя как дома. Я мог бы предложить вам выпить, но, по-моему, вам уже достаточно.

— Хоть от нас и разит, как из пивной бочки, — резко сказала Сник, — на самом деле у нас не было ни малейшей возможности выпить хоть глоток.

— Но я вообще не держу в доме спиртного, — сказал Изимов с оттенком превосходства. — Да и вас я долго здесь держать не собираюсь. В мои планы вообще не входило приводить вас сюда. Мне было велено лишь передать вам инструкции в той дыре, а это уже само по себе было достаточно рискованным делом. И если ганки заметят, что мой магазин закрыт, хотя он должен работать до десяти, они меня начнут разыскивать, так что мне нужно как можно скорее вернуться. Я, конечно, могу заявить, что испугался пьяной драки и не хотел, чтобы и у меня устроили погром, но...

— Слишком много слов, — перебила его Сник. — Если всем нам надо скорее убираться, давайте инструкции.

— Да-да, конечно, — замялся Изимов, — но теперь... Я даже не знаю... Ситуация изменилась. Мы не знаем, к каким последствиям может привести эта несчастная заваруха. Воз-

можно, мне следует дождаться новых указаний. Может, теперь они не захотят, чтобы вы получили это письмо. Бог знает, в какой опасности мы все теперь, когда вы привлекли к себе внимание ганков. Ведь это может изменить все планы, повлиять на саму структуру организации.

Он вытащил из кармана платочек и промокнул испарину на лбу.

— Все произошло быстро, и я сомневаюсь, что ганки смогут нас опознать, — сказал Дункан. — Бога ради, человече! Мы так долго блуждали во тьме! Мы изголодались по информации и горим желанием, просто страждем сделать что-нибудь для организации! Кстати, если вы ослушаетесь приказа, начальство может вам всыпать. Идите сюда и давайте письмо. И мы тут же уйдем. Как только заживут наши синяки и ссадины.

— Я же не знаю, что там, — сказал Изимов.

— Что? — спросили все трое хором.

— Что написано в письме. Я собирался дать карточку одному парню, который мне иногда помогает, а он должен был передать ее официантке и заплатить ей за то, чтобы она подала вам ее вместе с напитками. А вы бы прочли ее и стерли написанное. И вот, когда я собрался передать карточку тому парню, началась вся эта свалка. Я велел ему исчезнуть и...

— И вы позволили бы этой карточке побывать в руках тех, кто не является членами организации?!! — спросила Сник. — Я никак не могу в это поверить. Да вы представляете, что могло случиться, если бы свалка началась, когда этот парень уже вошел бы в таверну, но еще не дошел бы до официантки? Мы-то из этого выкарабкались бы, а вот вы можете прозакладывать свой жирный зад, что очень скоро ганки бы вас за него взяли.

— Нечего меня оскорблять! — Изимов снова промокнул испарину. — Мне было приказано передать вам карточку со всеми возможными предосторожностями. И ни в коем случае не делать этого лично. Теперь все пошло к чертям. Вы знаете меня в лицо. Поэтому, пожалуй, я отдам ее, что бы мне ни грозило со стороны организации, все равно спрятаться от нее у меня нет никакой возможности.

— А что они вам сделают? — спросил Дункан. — Убьют?

Глаза Изимова вылезли из орбит, челюсть отвисла. Он бешено вращал глазами и молчал.

— Не понял, — сказал Дункан. — Что вы этим хотите сказать?

— Нет! Нет! Они не станут меня убивать! Но меня могут исключить или наказать еще как-то иначе. Я не знаю. Откуда

мне знать, как они наказывают своих членов? Я изолирован. Контакт идет по цепочке — от звена к звену. Я ничего не знаю даже о тех, с кем виделся. И никогда я не встречался с ними ни у себя в магазине, ни тем более здесь, в своем доме. Если бы только не эта проклятая заваруха!..

— Но вы же добровольно вступили в организацию, — сказала Сник, — и, наверное, бывали на каких-то сходках, встречах, где могли тоже с кем-то познакомиться.

— Да, бывал. Но все они происходили в полутемной комнате. Все присутствующие были в масках, и даже голоса транслировались при помощи специальных аппаратов. До сих пор я был только на двух таких собраниях. Оба проходили в тренировочных залах, которые иногда используют как церковь или синагогу. Оба собрания длились не более получаса. Мы давали присягу... — Он достал еще один платок. — Кажется, я слишком много говорю. Стресс. Постараюсь быть посдержанней. Вы ведь не выдадите меня?

— Нет. Но только в том случае, если вы отдадите нам карточку, — сказал Дункан и посмотрел на Сник, словно пытаясь ей сказать: «Надеюсь, что остальные члены организации из другого теста».

Изимов достал из кармана кусочек плотного серого картона.

— Берите.

Дункан взял карточку, Сник и Кабтаб подошли поближе. В уголке пустого бланка был квадратик, очерченный толстой черной линией. Дункан приложил туда большой палец, и на карточке тут же проступил текст на английском: «ВАС СКОРО ИЗВЕСТЯТ».

— Что за ерунда? — сказал Дункан. — Мы же и так знаем, что с нами скоро выйдут на связь.

Он посмотрел на Изимова в упор:

— И за это мы рисковали своими жизнями?

— Не знаю, — сказал Изимов, отворачиваясь. — И знать не желаю. Пожалуйста, сотрите текст и верните карточку мне.

Дункан машинально выполнил его просьбу. Изимов еще раз протер карточку большим пальцем, чтобы быть абсолютно уверенным, что надпись не сохранилась, затем взглянул на стенные часы и тихо вздохнул: до того как лица его нежеланных гостей окончательно заживут и они смогут наконец-то уйти, оставалось еще минут пятнадцать.

— Это полный идиотизм, — сказала Сник. — Вся ваша организация — полные идиоты.

— Не говорите так. — Изимов поднял ладонь, словно хотел отбить ее слова, будто теннисный мячик. — Просто они

очень осторожны. И, несмотря на это, они все же решили дать вам знать, что о вас не забыли. По крайней мере, я это понимаю так. Я не читал карточку, но по вашей реакции легко представить, что там было написано.

Кабтаб осторожно потрогал пальцем щеку под левым глазом: опухоль и краснота почти исчезли.

— Наш новый друг слишком нервничает. А то, что содержание карточки не очень ясно, еще не говорит о том, что вся остальная компания — стадо тупиц и кретинов, — проворчал он. — В любом случае нам не остается ничего, кроме как следовать предначертанным путем. Нам и уйти-то некуда. Где бы они ни были, этого нам не позволят.

— Уж будьте уверены, — сказал Изимов.

Больше они не разговаривали на эту тему и лишь перекидывались комментариями по поводу идущих новостей.

Сначала показали, как органики собирали бесчувственные тела в фургоны. Затем показали нескольких драчунов в районном участке. И, конечно же, не показали ни одного допроса. Их вообще никогда не показывали. То, что репортерам позволили все это заснять, свидетельствовало о том, что ганки расценивают это происшествие как простую массовую пьяную драку. Репортерам даже разрешили взять интервью у тех, кого уже отпустили из участка.

Репортер: Одну минутку, гражданин. Вы не могли бы представиться и сказать, в чем вас обвиняют?

Гражданин: Да пошел ты!

Репортер (обращаясь к другому человеку): Вы выглядите лояльным гражданином. Можете ли вы объяснить нашим зрителям, что же случилось в «Сногсшибаловке»?

Гражданин (ухмыляясь разбитыми губами): Греби, греби...

Репортер: Все в порядке, гражданин. Мы поняли, что вы имеете в виду. (Обращается к высокой широкоплечей женщине с растрепанными черными волосами и расцарапанной щекой.) Гражданка, не могли бы вы сказать что-нибудь нашим зрителям? Они горят желанием узнать подробности скандала в «Сногсшибаловке».

Женщина: А я и не была там. Меня ганки взяли потому, что мы с мужем кое в чем разошлись во мнениях, но если вы хотите знать всю правду об этом ублюдке...

Репортер: Спасибо. О, вот идет человек, которому, похоже, есть о чем рассказать. Гражданин, не могли бы вы...

Дункан ткнул пальцем в экран, указывая на мужчину с опущенной головой и низко надвинутой шляпой:

— Эй, ведь это же профессор Герман Трофоллаксис Каребара! Муравьелог, с которым мы познакомились в поезде.

Сник наклонилась вперед, глаза ее широко открылись.

— Да, это он. Но что он там делает? Ты его видел в «Сногсшибаловке»?

— Нет. Да его там и быть не могло. Он же говорил, что будет жить в Университетской Башне.

Сник потрясла головой:

— Ты думаешь, что он ганк и следил за нами?

— Мы не можем подозревать всех и каждого, — ответил Дункан.

ГЛАВА 16

Встреча с руководителем ячейки была не очень-то похожа на то, о чем рассказывал Изимов.

На ней присутствовали только двое: Дункан и человек, который его вызвал. Кем он был — мужчиной или женщиной, Дункан не знал. Маленькая пустая комнатка была слабо освещена. Фигура, сидящая напротив, куталась в плащ, скрывающий телосложение, лицо было спрятано под маской, волосы — под широкополой шляпой. Кроме того, к его (или ее) подбородку был привязан круглый аппарат для трансформации голоса и, как подумал Дункан, — для пущей важности. Его собственный голос благодаря такому же аппарату звучал так, словно он надышался гелием.

Была ли такая уж необходимость в потемках и изменении голоса, если комнатка была тщательно проверена на предмет отсутствия подслушивающих устройств? И почему они не пригласили Сник и Кабтаба?

Дункан спросил об этом.

— У нас есть на это причины, — раздался «голос из подземелья». Плащ зашевелился. Фигура поднялась со стула и принялась расхаживать по комнате, сложив руки за спиной. Мешковатые брюки скрывали ноги настолько, что определить по ним пол фигуры тоже было невозможно. — Вы можете задавать мне вопросы. Если бы у вас их не было, то вы оказались бы глупее, чем мы предполагали. Но вы должны понять, что на многие ваши вопросы мы отвечать не будем. И не пробуйте настаивать. Понятно?

— Понятно.

— Когда мы собираемся на большую сходку... большую! — не больше пяти человек, да и то в особых случаях, — мы никогда не обсуждаем персональных заданий отдельных членов организации. Если это, конечно, не касается совместных проектов, где необходимо синхронизировать все действия. Но

и это бывает не часто. Теперь о вашем персональном задании. Но сначала — вот это... — Из-под плаща появилась рука с голубым баллончиком. — Мы обязательно применяем его при первой встрече. И при необходимости используем от случая к случаю. Нам приходится быть очень осторожными. Понятно?

— Конечно, — сказал Дункан.

Он бы не удивился, если бы в баллончике оказался не туман правды, а кое-что похуже. А вдруг организация решила, что он представляет для нее опасность? Ведь так просто — заставить его вдохнуть яд вместо того, что он ожидает. И он ничего не может сделать, чтобы их остановить. Если он откажется, с ним все равно покончат.

Баллончик зашипел. Дункан ощутил на лице влагу и погрузился в ароматное облако. Туман пах фиалками. Задержка дыхания, пока туман не рассеется, ничего бы не дала — он проникал сквозь поры прямо в кровь и приводил человека в полубессознательное состояние.

Очнувшись, Дункан увидел, что фигура нависла над ним.

— Итак... это правда.

— Что? — спросил он. Его сознание еще не прояснилось окончательно.

— Что вы можете лгать под туманом правды. Мне говорили об этом. Но в это невозможно было поверить. Теперь верю. Все мои попытки выжать из вас что-нибудь кроме того, что вы — Эндрю Вишну Бивульф, полностью провалились. И все, что вы мне говорили, полностью совпадает с данными вашего удостоверения личности. Даже сведения, которых нет в ваших данных, и сугубо личная информация, короче — все, о чем вас могут допрашивать органики, свидетельствует, что вы не кто иной, как Бивульф. — Фигура снова принялась расхаживать по комнате, заложив руки за спину. — Я не понимаю этого. Но так оно есть. Это уникальное явление. Необъяснимое. Может, что-то в генах?.. Неважно. Хотя, конечно, это очень важно. Если вы сможете научить других, это даст нам огромное преимущество.

Фигура резко повернулась и наставила на Дункана палец, словно это был лучевой пистолет, которым она могла распотрошить его в поисках правдивого ответа.

— Так вы можете научить нас этому? Или у вас это получается само собой?

— Я научился этому путем проб и ошибок, — ответил Дункан. — Но как мне это удается, я до сих пор сам не очень понимаю. Так что я не могу ответить на ваш вопрос.

— К сожалению, вы можете лгать. И теперь я не знаю, когда вы говорите правду, а когда — нет. И вряд ли туман поможет выжать из вас что-то большее.

Дункан был уверен, что такой вопрос фигура уже ему задавала при допросе. Зачем ей эта ложь? Или все члены организации уже так изолгались, что врали просто так, по привычке? Или у фигуры были какие-то иные, возможно, благие намерения?

«Я уже думал об этом, — размышлял Дункан, — и не раз. Тогда, когда был Кэрдом и остальными шестью».

Его уникальный талант был неудобен организации. Если он может лгать органикам, то, соответственно, может лгать и организации. Следовательно, может быть и шпионом. Они не могли ему полностью доверять. Но не могли и отказаться от использования его в своих целях. Он был таким же инструментом, как другие органики и подрывники-мятежники.

— У вашей группы есть название? — внезапно спросил Дункан. — Я пытался думать о ней как об организации или объединении. Но трудно думать о чем-то безымянном.

— Да, конечно. Гомо сапиенс просто необходимы ярлычки, наклейки и титулы. Вам действительно хочется его узнать?

— Так я буду чувствовать себя комфортабельнее.

— Хорошо. В течение этого субмесяца мы называемся БПТ.

— Этого месяца... Вы что, меняете его каждые 21 день?

— Это должно запутать органиков.

«Дело не в этом, — подумал Дункан. — Любой член организации раскроет на допросе все названия, какие только были использованы».

— БПТ?

— Бунт против тиранов.

— Я понял.

— Мне оно не очень нравится, потому что содержит в себе только разрушение. Да, мы разрушители! Но ведь еще и строители. Восстановители. Конструктивисты. Но, впрочем, речь не о том. Вот в чем заключается ваше задание. Слушайте внимательно...

Спустя полчаса фигура пожелала Дункану спокойной ночи и, прихватив оба голос-трансформатора, вышла. Дункан, следуя инструкции, порвал свою маску и сунул клочки в карман. Он вышел в другую дверь и попал в коридор, ведущий в шумный тренировочный зал. Через боковую дверь он вышел на улицу и, проходя мимо мусорника, выбросил остатки маски.

В 10.00 он сел на автобус и уже через несколько минут был на углу своего дома. Он оглянулся, чтобы проверить, нет ли за ним «хвоста», но никого не увидел.

Работа, которую он должен был выполнить, представляла собой — он был в этом уверен — часть огромного плана. Он даже и представить себе не мог, как его задание сочетается с

работой, которую выполняют другие члены организации. Он был лишь винтиком в огромном подпольном механизме и надеялся только, что здесь не получится, как с Рубом Голдбергом. Хорошо зная историю, сам не зная откуда, он помнил, что революционеры всегда намного лучше разбирались в разрушении, чем в строительстве. По большому счету их конечной целью была власть, а не прекрасная мечта о том, как сделать человеческое сообщество лучше. Хотя повсеместно это отрицалось.

Великие перестройки всегда делались теми, кто выпихнул или ликвидировал первое поколение радикалов.

Он работал в группе, которая не ставила его в известность, какими путями пытается достичь окончательных целей. Конечно, завоевав авторитет, он узнает гораздо больше. Но если ему это не удастся, то ему будет трудно заставить себя работать на голом энтузиазме. Но, к сожалению, он уже не мог развязаться с группой БПТ, даже если потеряет рвение. «Единожды вступив, вступаешь навсегда».

Может, и так.

Как банкир данных, при большом желании, он смог бы сделать себе новое удостоверение личности. Но опасность состояла в том, что члены БПТ, если они достаточно проницательны, могли предположить такую возможность. И чтобы предупредить саму попытку этого, они могли встроить в систему сигнал тревоги. С другой стороны, он мог перестроить систему так, чтобы она следила за их мониторами. Но они могли предвидеть и это и поставить свои мониторы вне его системы. Все это могло продолжаться до бесконечности — эдакий зеркальный коридор.

Дункан засмеялся: они так и не нащупали его ахиллесову пяту. Во всей этой фантастической ситуации было нечто абсурдное. Если Бог и существует, он, должно быть, смеется над своими «образами и подобиями». А может, ему все уже настолько опротивело, что он оставил эту Вселенную. Или, возможно, будучи всемогущим, отменил самого себя, невзирая на свою вечность и всепроникновение. Ведь если бы ему захотелось, эти свои качества он тоже смог бы отменить.

Дункан вышел в коридор, просунул удостоверение личности в дверную щель и вошел. Он бродил из комнаты в комнату, и свет автоматически сопровождал его. Потом он остановился у громадного — во всю стену — окна и застыл, глядя на Лос-Анджелес, сверкавший огнями башен и мостов, лодок и кораблей, аэропланов и дирижаблей. Открывавшийся вид был изумителен. Он был спокоен и безмятежен. Город сверкал, словно был маяком красоты, любви и надежды. И к

нему слетались мотыльки, бабочки, мухи, слепни... И жители этого изумительного места имели все для того, чтобы каждый был счастлив.

Но только теоретически. Факты доказывали обратное.

— Так было всегда, — прошептал Дункан. — Когда горе, голод, боль, безумие, нервные и физические болезни растут в количестве, можем ли мы утешать себя тем, что их все же намного меньше, чем когда бы то ни было до нас. И будут ли наши потомки называть нас Нью-Утопией?

Гомо сапиенс никогда не может быть удовлетворен полностью. По крайней мере, некоторые его представители.

Чувство одиночества было присуще не только жителям этого огромного города, но и всем, кого Дункан когда-либо знал. Оно вдруг обрушилось на него всей массой, а ведь он считал, что научился защищать себя от подобных мыслей. Одиночество...

Дункан подумал о Пантее Пао Сник. Как бы ему хотелось, чтобы она жила здесь, в этой квартире, вместе с ним. Он хотел ее и видел в мечтах долгую совместную жизнь. Да он просто был влюблен. Почему же, почему он до сих пор ей ничего об этом не сказал? Ответ прост. Она еще ни разу не давала ему ни малейшего шанса думать, что испытывает к нему какие-либо чувства, кроме товарищеских. И он все еще не был уверен, что когда-нибудь дождется от нее хоть какого-нибудь знака расположения. Ему нужно разобраться, что же она на самом деле думает о нем. Ведь, может быть, она так же, как и он, сдерживается и ждет сигнала? Тем более что она была органиком, приученным скрывать свои чувства. Да и времени на развитие большого чувства у них пока еще не было.

— Должно быть, я был влюблен в нее, когда был другой личностью, — сказал он вслух. — Иначе откуда это во мне? И так внезапно? Может, это просто прорыв из опыта, загнанного глубоко в подсознание, о котором я, к сожалению, ничего не помню?

Дункан смешал коктейль и повернулся к настенному экрану связи. Пусто. Никаких сообщений. Он и сам чувствовал себя опустошенным. Все еще поглядывая на экран, он приготовил себе обед, потом занялся уборкой, чтобы его соседу из среды было не на что жаловаться. Переходя из комнаты в комнату, он краем уха слушал новости. Обсуждался предстоящий референдум. Комментаторы разъясняли зрителям, что за каждый пункт необходимо проголосовать отдельно. И лишь затем будет принят окончательный проект. Долг каждого гражданина — выразить свою волю, «за» или «против».

Закончив уборку, которая отняла немного времени — он слишком редко бывал дома, чтобы успеть намусорить, — Дункан вошел в каменатор.

ГЛАВА 17

Дункан сидел в центре своего рабочего кабинета в Лосанджелесском отделении Бюро Данных по Ассимиляции. Кабинет был круглым, 24 фута в диаметре, и рабочий пульт в его центре тоже имел форму кольца. Дункан на своем управляемом стуле мог разъезжать по всему внутреннему периметру этого большого «О», чтобы следить за всеми экранами на стенах и мониторами двадцати компьютеров на пульте. Здесь он отсиживал свои четыре часа каждый рабочий день. Остальное время было полностью в его распоряжении: он мог отправиться домой или прогуляться по магазинам, пойти на рыбалку или в кегельбан, попробовать подыскать себе пару или же вернуться в бюро и провести там пару часов сверхурочно, — но тут уже можно было заниматься не только проектами по работе, но и своими личными исследованиями.

Сейчас он занимался сбором информации, которая понадобилась его непосредственному начальнику. Это была лишь крохотная частица огромной программы, выполнение которой должно было затянуться на несколько ближайших сублет. То, над чем сейчас работал Дункан, казалось ему не очень-то нужным, но его начальник считал, что эти сведения правительству просто необходимы. Дункана шокировала мысль, что копание в чьем-то грязном белье кому-то необходимо для достижения каких-то неведомых целей. Начальник этих целей тоже не знал, но говорил, что не это главное.

— Невозможно создать идеальное государство, не владея всей полнотой информации! — Когда Порфирио Самуэльс Филактери говорил об этом, его депигментированные травянисто-зеленые глаза сияли и он яростно жестикулировал. Его руки тоже были покрыты депигментированными полосками: «эффект зебры» — мода для тех, кто не знает, куда девать кредиты.

— Да, действительно, данные, которые мы обрабатываем, — большинство из них — могут не понадобиться в течение долгого времени. Но зато, когда понадобятся, они тут как тут! Уж поверьте мне, Эндрю, я не раз был свидетелем, как внезапно возникала необходимость в справке, которая уже много лет была невостребована. И вот, пожалуйста, в одну микросекунду она здесь, живая и здоровая, готовая для введения в программу. И нет никаких простоев или тяжелых, утомительных поисков, потому что нужная справка не готова.

Это же спрятанное сокровище, которое вызывается, точно джинн из бутылки, нажатием кнопки или кодовым словом. Это просто волшебство! Поэтому никогда не думайте, что вы занимаетесь этим только потому, что правительство не знает, как обеспечить вас работой. Вы приносите огромную пользу! Если не для нашего поколения, то для последующих! Хотя все же, вероятно, и для нашего поколения тоже.

Последнее высказывание не вызывало особых возражений: с тех пор как средняя продолжительность жизни увеличилась до 85 сублет, большинство из этого поколения проживут примерно 595 облет. Все же остальное из сказанного было на 50 процентов чепухой, а на 25 — чушью.

Да и оставшиеся 24 процента тоже были весьма сомнительны.

— Вы правы, босс, — сказал Дункан, приятно улыбаясь и кивая, думая о том, что он присоединился к великой армии подхалимов, но делает это не из стремления выслужиться или продвинуться туда, где больше материальных благ.

Он играл роль. Ничего нового.

Филактери упругой походкой отправился наставлять на путь истинный и ободрять других, кто еще заблуждался и терялся в сомнениях. Дункан послал его широкой, расположованной спине жест, изобретенный еще в каменном веке. А затем, слегка устыдившись своей ребяческой выходки, вернулся к работе. Он дал задание компьютерному комплексу на поиск ПЭИ (персонального элемент-индекса) граждан, характеризовавшихся высоким коэффициентом ЭЦ (эгоцентризма). ВК (высокий коэффициент) ЭЦ определялся степенью инфантилизма, выражавшегося в том, что обладатель данного качества вовлекал других людей в круг своих планов и интересов и использовал их в тех делах, которые он, ОБЛАД (обладатель), не способен был сделать без помощи Н-ОБЛАДов (не-обладателей, т. е. людей, социально связанных с ОБЛА-Дом). Конечно, группа ВК ЭЦ ОБЛАД включала в себя множество различных подгрупп. Все, кроме святых, чье существование власти отрицали, имели ту или иную степень ЭЦ. Но ВК ЭЦ ОБЛАДы были непоколебимо уверены в том, что они являются той осью, вокруг которой и вращается мироздание. Согласно ранее составленной Дунканом сводке относительно этого суперкласса, все три миллиарда опрошенных считали себя умеренными эгоцентриками. (Слово «умеренный» являлось не более чем официально принятым термином психиков.)

С самого основания Новой Эры правительство стремилось любыми путями удовлетворить стремления своих граждан к

объединению и самопожертвованию. Результатом стало то, что граждане Новой Эры стали намного коллективно и социально сознательнее своих предков. (Хотя до Н. Э. не проводилось достаточное количество исследований на эту тему.)

И все же еще каждый пятый гражданин Новой Эры был ВК ЭЦ ОБЛАДом. Хотя в соответствии с государственными проектами, установленными около 100 облет назад, сейчас должен был оставаться только один процент «неисправимых».

Очевидно, дело здесь было не только в ошибках государственной пропаганды и просвещения, но и в генетической наследственности.

С тех пор как ХН (хромосомный набор) каждого гражданина стал храниться в банке данных, задание отобрать ХН ВК ЭЦ ОБЛАДов было делом сравнительно легким, хоть и требовало некоторого времени. Предполагалось, что при отборе, количественно удовлетворявшем статистиков, выделится особая группа ХН, характерная для глубоко эгоцентричных особей.

Следующий шаг?

Правительство его не сформулировало.

Дункану, как и многим другим, было ясно, что огромным шагом вперед могут стать ведущиеся сейчас исследования в области изменения хромосомного набора до рождения индивидуума, его носящего. Цель: изменить нежелательные ХН на желательные.

Как это сделать сейчас больше чем у 4—5 процентов эмбрионов, Дункан не знал. Ни врачей, ни технического персонала не хватало. По крайней мере эти исследования еще не были закончены и вряд ли завершатся в ближайшие 20 суб- (то есть 140 об-) лет.

В этот момент на дисплее появились результаты исследования на процентное соотношение ВК ЭЦ у заядлых игроков в бридж, гомосексуалистов и хирургов. Конечно, окончательное заключение можно было доверить и компьютеру, но человеческие мозги все еще оказывались искушеннее в нюансах при составлении заключения. Не все, конечно, мозги, но некоторые.

Дункан дал задание компьютеру сделать выборку, а сам, вращаясь на стуле, продолжал изучение экранов на стенах и пульте. Затем он поочередно включил звук на каждом дисплее и, выслушивая информацию, попутно решал, чем будет заниматься после работы. Затем он снова полностью сконцентрировался на своем задании.

Шестьдесят пять из восьмидесяти миллионов азартных игроков в бридж имело ВК ЭЦ (высокий коэффициент эгоцен-

тризма). В контрольной группе из 80 миллионов граждан, выбранных наугад, исключая заядлых картежников, ВК ЭЦ присутствовал только у 29 процентов, и то в слабой степени. Контрольная группа также не включала в себя гомосексуалистов, хирургов, политиков, священников, министров, раввинов и мулл. Дункан не понимал, почему были выделены последние четыре группы. Может быть, государственная идеология пресекала любые попытки рассматривать «святых людей» как неэгоцентричных. Или их исключили за иррациональность, а следовательно, невозможность принимать их во внимание в исследованиях такого рода. Если это было действительно так, то все исследование становилось необъективным.

Возможно, и весь проект базировался на необъективных и ненаучных предпосылках. В конце концов, само определение индекса эгоцентризма основывалось на субъективной оценке исследователей бюро.

Дункан пожал плечами. Ему было дано задание, и как бы он к нему ни относился, любые комментарии о его бесполезности только отвлекали его.

Он установил на дисплее результаты исследования 100 миллионов гомосексуалистов. Их ВК ЭЦ оказался достаточно высок: 80 миллионов были приписаны к высшему уровню «негатива». Но когда Дункан затребовал данные по коэффициенту «социальной сознательности», то получил в той же группе только 50 миллионов признанных «антисоциальными». И только одна восьмая из них была определена как «опасные», из которых «суперопасные» составляли лишь треть. Но когда Дункан вспомнил, что в подгруппу СУПОП входят и те, кто больше трех раз плевал в общественном месте или участвовал в пьяных драках, то еще больше засомневался в объективности исследования.

К тому же причина, порождающая склонность к гомосексуализму, давным-давно была установлена: кроме 3 процентов обследованных (из трех миллиардов человек за два субвека), остальные имели определенные генетические отклонения. Было идентифицировано 9 хромосомных наборов, которые в девяти из десяти случаев успешно изменялись еще до рождения. Однако от принятия закона об обязательной хромосомной чистке, даже несмотря на сильный нажим со стороны различных гетеросексуальных организаций, правительство все же воздерживалось. Причиной этому были два фактора. Первый — мощное сопротивление гомосексуалистов: несмотря на всю очевидность научных исследований, группировки геев настаивали на том, что их склонность является не генетиче-

ским отклонением, а проявлением свободной воли. Вторым, более мощным фактором было то, что правительство стремилось к стабилизации, а то и уменьшению прироста населения.

Поэтому правительство запретило гомосексуалистам иметь «детей из пробирки». Официальной причиной было объявлено то, что если гомосексуалисты не будут иметь детей, то гомосексуализм как явление отомрет. И как бы ни бесновались гей-группировки, правительство не отступало со своих позиций. Гомосексуалисты прибегли к цифрам: большинство из детей, родившихся до введения запрета, были гетеросексуалами, и по крайней мере 10 процентов детей, рожденных от гетеросексуальных пар, имели гомосексуальный набор хромосом. Но правительство не обращало внимания ни на их доводы, ни на расхождение с собственной логикой.

«В этом не было, впрочем, ничего нового — правительства отличались алогичностью во все времена», — подумал Дункан.

Он начал сравнительный анализ частоты хромосомного набора, который большинство генетиков считали определяющим ВК ЭЦ у гомосексуалистов в подгруппе заядлых игроков в бридж. Это, правда, уже было сделано до него, но он хотел еще раз все проверить сам. Возможно, он обнаружит нечто, ускользнувшее от внимания других.

Наконец Дункан почувствовал, что немного устал, и решил сделать обеденный перерыв. Большую часть его он провел в тренировочном зале, потратив 20 минут на поднимание гирь и еще 15 — на бег трусцой. После душа он съел легкий обед и еще на час вернулся на работу. А потом отправился домой.

Тем же вечером он вернулся в свой кабинет. Охрана отметила время его прихода. И так как начальник лично проверял списки сверхурочных работ, Дункан потратил немного времени, заканчивая свой сравнительный анализ. Но через час, который оправдает его присутствие здесь и докажет Филастери, что Дункан не полный тупица, он наконец ввел коды, обеспечивающие уничтожение записей о его нелегальных операциях при первой же тревоге или чужом запросе. Затем он ввел коды, данные ему фигурой в темном, и послал запрос на имя МАРИЯ ТУАН БОЛЕБРОК.

Он вспомнил, что говорила ему фигура: «Я имею возможность получить коды доступа, но не могу использовать их самолично. Меня сразу могут разоблачить. Вы их используете и после того, как получите данные, сделаете то, что я приказываю. Я тоже располагаю некоторыми данными, но знаю слишком мало».

Не бывает сверхзащищенных кодов, есть только опасность тревоги при попытке их взломать, если защита очень сильна и изощренна. Конечно, коды устанавливаются людьми и любой человек, в отличие от кода, защищен намного слабее. Это, конечно, теория, но иногда это срабатывало и на практике.

Дункан запросил файл Марии Туан Болеброк. По требованию компьютера он ввел второй код, но был запрошен еще и третий. Произнеся его, Дункан наконец получил доступ к файлу. Он изучал информацию на экране, пока не запомнил все, что ему может понадобиться, вместо того чтобы, как требовала БПТ, сделать распечатку.

Убедившись, что информация надежно заперта в его памяти, он ввел код, стирающий все записи об этой операции, также полученный от фигуры в темном. Владение всеми этими кодами означало, что таинственный незнакомец занимает высокое место в бюро и, конечно же, принадлежит к органикам высшего класса. Предатель. Однако Дункан устоял перед искушением попробовать его отыскать, хотя и очень заинтересовался этой персоной. Конечно, он мог запросить все личные дела высших офицеров безопасности местного отделения бюро. Но даже если бы ему удалось это проделать, не вызвав тревоги, он все равно не знал ни внешности, ни голоса своего руководителя.

— Забудь об этом, — пробормотал он.

Хотя... фигура много жестикулировала и можно было бы вспомнить какие-то характерные жесты — если его запечатлели на видео во время выступлений высших офицеров, то есть надежда опознать его. Но даже если Дункан сумеет это сделать, что ему это даст?

— В любом случае я сохраню это в памяти, — сказал он и удивился: как часто за последнее время он стал разговаривать сам с собой. У него появилась вредная привычка. Собирая себя в личность Уильяма Сент-Джорджа Дункана, он не выбирал себе привычки думать вслух. Что это — прорыв одной из захороненных личностей? Разрушение? Деградация? Словно из найденного на затонувшей галере бурдюка вдруг полилось вино.

Чем бы этот прорыв ни был, отсекать его сразу не следовало. В хозяйстве все пригодится. Он же не обязан всю жизнь работать банкиром данных. Бивульф вообще ничего не знал об этой профессии. Хотя, конечно, знал. Характерные черты тех, кто его составлял, были частью самого Бивульфа, в то время как его тело было вовсе не тем, кем он значился по удостоверению личности в ГОС ДАН БАНКе.

«Во мне начинают просачиваться прежние личности, и это совсем неплохо».

Дункан снова сосредоточился на Марии Туан Болеброк. Ему было приказано узнать о ней все. Затем он должен был познакомиться с ней настолько близко, насколько это вообще возможно. Если получится, даже стать ее любовником. Это не представляло особой сложности, поскольку за последние два субгода она сменила их добрую дюжину и Дункан относился к физическому типу мужчин, который она предпочитала. Когда же он полностью войдет к ней в доверие, он должен будет попытаться заставить ее раскрыть ему некие коды. Как он это сделает, зависело от него.

Однако Дункан не верил, что даже самые длительные нежнейшие отношения помогут в добывании информации, необходимой БПТ. Мария слишком быстро меняла партнеров. Тратить столько времени и сил на то, чтобы выудить из нее сведения, которые она все равно не раскроет, казалось ему нелепым.

Он запросил информацию о ее привычках и распорядке дня и получил к ней доступ. Прочитав, он улыбнулся — почему бы не пойти своим, более коротким путем?

В следующий вторник во время обеденного перерыва он проследил, как Мария Болеброк — надсмотрщик третьего класса ЛАО БДА — вошла в ресторан, находящийся рядом с бюро, и последовал за ней. Солнечный свет, заключенный в синтетические волокна светильников, ярко освещал извилистую улицу. Люди в толпе все были одеты празднично, кроме, конечно, нудистов, но и те были раскрашены в самые кричащие цвета. Чувствовалось всеобщее возбуждение: все ждали ослабления надзора. Как только голоса по всем пунктам будут окончательно подсчитаны — наступит свобода! И произойдет это уже через какую-то субнеделю!

«Радость толпы, — подумал Дункан, — должна навести правительство на кое-какие мысли». Ведь если официальных жалоб от граждан на излишний надзор было мало, теперешнее поведение людей показывало, что они, пусть и неосознанно, не любят, когда правительство за ними подглядывает. Но что будут делать жители Лос-Анджелеса, когда надзор ослабеет, Дункан не знал. Они что же, взаправду решат, будто им позволено делать все, что захочется?

Мария Болеброк была одна, и Дункан очень надеялся, что у нее не назначено здесь никаких встреч. Если же она все-таки с кем-то встретится, то сегодня общество Дункана ей не грозит. Увидев, что женщина заняла одиночную кабинку в углу, он вздохнул с облегчением и отправился к столику, который уже занял для него Кабтаб. За соседним столиком сидела Сник в компании пяти сотрудников. Она мельком взглянула на Дункана и больше в его сторону не смотрела.

— Не хотите ли компанию, граждане? — спросил официант.

— Нет, — ответил Дункан.

Официант нажал на кнопку, и свободные сиденья скользнули одно в другое, а стол сложился пополам. По знаку официанта служитель унес мебель и расставил ее в другом месте, образовавшемся за счет сокращения кабинки.

Дункан и Кабтаб сделали заказ. Брови Дункана полезли вверх, когда его мощный сосед заказал лишь порцию творога и крошечный салатик.

— Мой босс требует, чтобы я за шесть месяцев сбросил шестьдесят фунтов, — прорычал Кабтаб, — иначе я потеряю в кредитах и льготах.

— Ты шутишь?

— Мне не до шуток. Правда, я тут видел по телевизору, что скоро выпустят новый продукт. Здоровенная порция содержит очень мало калорий, и притом вкус приличный. И я смогу шпиговать себя этим сколько хочу. Единственный его недостаток в том, что у некоторых эта штука вызывает побочные эффекты. Как сообщили по телевизору — головокружение и понос. И я предчувствую, что окажусь, увы, среди тех, кто пострадает.

— Обратись к Богу с молитвой о придании тебе достаточной силы воли, чтобы выдержать диету.

— Да? Это к которому же?

— Ко всем скопом.

— Не знаю... — протянул уныло Кабтаб, — последнее время я много думал. Да-да, я иногда этим занимаюсь, когда затыкается мой фонтан красноречия (кстати, когда вешаешь лапшу на уши, да еще в таких количествах, многословие — очень хорошее качество). Так вот, когда он отдыхает, я думаю. Чем большему количеству богов поклоняешься, тем больше благ можешь от них получить. Но Яхве, и Аллах, и Будда (хоть он и не совсем бог, скорее посыльный Космического Равновесия), и Один, и Тор, и Зевс, и Церера, и Иштар, и Живая Мантра, и Вишну...

— Можешь не продолжать, я понял, о чем ты.

— Да? А я вот не понимаю. Конечно, теоретически обращение ко всем богам вместе увеличивает эффективность молитв, расширяет их ассортимент и, соответственно, умножает производительность. Ну а что, если обращение к одному богу аннулирует молитву к другому? Что, если все мои молитвы дают в итоге один большой ноль? И где я тогда? Может, я всю жизнь заблуждался и потратил ее зря, не говоря уже о жизнях моих учеников? Так ведь вполне может быть...

Он замолчал, потому что подошел официант и стал расставлять на столе заказанную еду и напитки.

— Желаете что-нибудь еще, граждане?

— Нет, спасибо, — сказал Дункан.

Когда официант наконец ушел, он наклонился к Кабтабу и тихо заговорил. Конечно, в стоящем в зале шуме их не могли подслушать, но ведь, например, те двое, за соседним столиком, могли использовать направленные микрофоны. Хотя они и выглядели вполне невинно, но Дункан чувствовал органиков нюхом и мгновенно отличал их по властному выражению, которым их лица буквально светились. Он, конечно, мог и ошибиться, но зачем искушать судьбу?

— Я и не знал, что у тебя есть любовница.

— Я бы не хотел называть ее так, — ответил Кабтаб. — Она привлекательна и к тому же интересуется моей теорией и практикой теологического объединения всего спорного и затрагивающего все основы. Но иногда мне кажется, что ее больше привлекает моя просторная квартира и допкредиты, не говоря уже о том, что в сексуальном плане я почти Самсон.

— Да что с тобой случилось? Не прими за оскорбление, но я считал, что твое огромное эго избегает столь унизительных самоупреков и сомнений в себе.

— Да не огромное у меня эго! — запротестовал Кабтаб. — Я всего лишь реалист и вижу все таким, как оно есть. Но аз есмь человек и слишком завишу от окружающей среды, чтобы чувствовать себя физически здоровым. Физически здоровый — духовно здоровый, как говорится в лозунгах. И пока я ем столько, сколько мне нужно, моя душа цветет и пахнет. Но когда это общество пигмеев вынуждает меня сесть на диету, я теряю свою внутреннюю защиту — доспехи, необходимые мне, как раковина для краба. И тогда я страдаю, томлюсь, сокращаюсь, ужимаюсь. Когда мое тело теряет часть субстанции, то же происходит и с моей душой. Пища — живительное солнце для меня. А без солнца разве я могу иметь тень? А если тень — это моя душа, то...

Кабтаб говорил уже во весь голос, не обращая внимания на предостерегающие жесты Дункана — парочка за соседним столом, без всякого сомнения, их внимательно слушала. И хотя Кабтаб еще не сказал ничего подозрительного, он вполне мог развить свои эксцентрические идеи выше дозволенного уровня и договориться до недовольства правительством, что само по себе уже было противозаконным — органики-то фиксировали все, что хотя бы отдаленно напоминало свободомыслие. Но Кабтаб был не в том положении, чтобы позволить себе стать

объектом расследования. И, конечно же, этого не мог себе позволить Дункан.

Он схватил гиганта за запястья и прошипел:

— Ешь! У нас не так уж много времени.

Кабтаб заморгал, помотал головой и сказал:

— Мне нужно учиться быть поскромнее. Может, тогда боги будут ко мне более благосклонны.

«Иисусе! — подумал Дункан. — В таком-то возрасте быть примитивным политеистом!»

Набив рот творогом, Кабтаб продолжил:

— Если надо, я извинюсь. Если только действительно пойму, что это надо. Но прежде всего я проповедник. Ты даже не можешь себе представить, как тяжело воздерживаться от моей богоданной страсти нести людям Истину и склонять их ей следовать.

— Пора. — Дункан с сожалением оторвал взгляд от прелестей Пантеи Сник. Когда он смотрел на нее, в груди у него сладко ныло. Он взглянул на Болеброк. А потом снова на Сник.

— Она собирается в сортир.

Сник, оживленно болтавшая с соседями, тоже не выпускала Болеброк из поля зрения. Надсмотрщица встала из-за стола. Следом за ней поднялись со своих мест Дункан и Сник и неторопливо двинулись в сторону комнаты отдыха. Прежде чем они достигли выхода, приметная вавилонская башня из затейливо уложенных медно-рыжих волос уже исчезла из поля зрения. Дункан прошел по извилистому коридору в большую комнату. У писсуаров стояли двое мужчин. Створки дверей, в которые вошла Болеброк, еще подрагивали. Дункан бросил взгляд в ту сторону и убедился, что под дверьми виднеется только пара женских ног. Чтобы отвлечь внимание мужчин, он пристроился к писсуару и сделал пару замечаний по поводу предстоящего голосования. Вошедшая за ним Сник достала из сумочки аэрозоль и уверенно шагнула в кабинку Марии. Если Болеброк и возражала, то Дункан этого не слышал. Мужчины вышли, но тут же явился еще один. Дункан упорно стоял у писсуара, громогласно рассуждая о проблемах с простатой у мужчин — надо же было как-то оправдать свое промедление.

Но Сник не понадобилось много времени. Уже через минуту она вышла из кабинки. Согласно плану Дункан последовал за ней.

— Как прошло? — спросил он.

— Я брызнула ей в лицо, прежде чем она успела открыть рот. Вырубилась мгновенно. Я спросила у нее коды, и она ответила четко и ясно, как на экзамене.

— Ты не забыла дать ей постгипнотический приказ забыть обо всем?

— Конечно! Она ничего не вспомнит. Если даже заметит, сколько времени прошло, то решит, что внезапно задремала. Но я приказала ей не обращать внимания на время!

— Я задал чисто риторический вопрос. Не будь такой раздражительной.

— Я нервничаю. Нет, со мной все в порядке. Я просто немножко возбуждена.

— Я тоже.

Оба замолчали. Сник присоединилась к компаньонам, а Дункан вернулся за свой столик.

— Все прошло нормально? — спросил Кабтаб.

— Как по маслу.

Приятели закончили обед и, опустив свои карточки в щель регистратора, вышли.

Вечером Дункан забежал в «Сногсшибаловку», где уже ждала его Сник. Он подсел к ней, получил добытые у Болеброк коды и, в конспиративных целях изображая отвергнутого ухажера, удалился, хотя предпочел бы, конечно, провести весь вечер вместе и еще успеть перед окаменением немного полежать с ней в постели. Но даже если отбросить все другие причины, последнее ему не светило, потому что он все еще не сумел показать ей, что испытывает к ней нечто большее, нежели простое чувство товарищества.

Около десяти, незадолго до закрытия, он зашел к магазин Изимова. Последний посетитель уже уходил. Дункан подошел к прилавку и попросил наркотик «Вольные сны», продававшийся без рецепта. В обмен на бутылку, которую, потея больше обычного, протянул ему Изимов, он сообщил ему коды.

Они, как решил Дункан, будут записаны специальным устройством, которое замаскировано под одно из украшений. Скорее всего это был медальон в виде улыбающегося Будды, который висел на цепочке на груди Изимова.

— Мне говорили, что эти данные вы вряд ли сможете достать раньше чем через месяц, — удивился Изимов.

— Я быстро работаю, — ответил Дункан.

— Надеюсь, что так. Вы можете встретиться со своим руководителем завтра в семь в Верморском гимнастическом зале восточного блока. Он велел передать вам это, как только я получу от вас информацию. Но думаю, что даже он будет удивлен.

— Передайте ему, что все прошло гладко. Можно не беспокоиться. Она (он знает, кого я имею в виду) даже и не обнаружит, что передала нам коды.

— Похоже, я знаю, что за этим последует, — сказал Изимов.

— И я тоже, — ответил ему в тон Дункан и взял бутылку. — Еще увидимся.

— Минуточку. Вы когда-нибудь уже принимали это? — Изимов указал на бутылку.

— Нет.

— Тогда советую предварительно ознакомиться с инструкцией на ярлычке. Иногда — хоть и очень редко, но такое случается, — вместо прекрасных сновидений вас могут посетить кошмары. Если это произойдет, прекратите прием наркотика и непременно известите меня. Я обязан сообщать о всех подобных случаях в Бюро Наркотиков: им нужны данные для статотчетов.

— Да ради Бога! — заверил его Дункан. — Но ничего себе — я только купил ее и уже обязан представить какие-то данные! Но я, кстати, не принимаю наркотиков без особых причин — и только в лечебных целях.

Изимов вытер рукой испарину.

— Да, конечно, я слишком нервничаю.

— Опасно быть таким нервным, — сказал Дункан. — Все остальные опасности — от органиков.

Он вышел, а Изимов еще долго таращился ему вслед. И хотя Дункан вовсе не хотел подкосить его окончательно, а только предупреждал, его слова разволновали Изимова еще больше. Дункану было даже как-то жалко Изимова, но он чувствовал, что этот человек не приспособлен к тому, чем занимается.

Дункан спокойно шел домой. Кто-то обгонял его, кого-то обгонял он. Последние автобусы спешили развезти всех по домам, чтобы люди успели приготовиться к каменению. Внезапно Дункан заметил стоящий на обочине небольшой зеленый электромобиль органиков с открытыми окнами. Сидевшие в ней мужчина и женщина пристально смотрели на него. Но в этом не было ничего особенного — органики следили за всеми.

Миновав ярко освещенную витрину, Дункан почти подошел к дверям своей квартиры и вдруг услышал женский голос с другой стороны улицы:

— Кэрд! Джефф Кэрд!

Несколько секунд он пытался припомнить, где он слышал это имя. И вдруг оно прорвалось в его мозг, как машина сквозь баррикаду. Ведь это же имя одной из его прежних личностей, точнее — основной прежней личности!

Он с трудом удержался, чтобы не удариться в бега, а вместо этого лишь чуть ссутулился и просунул в щель у своих дверей удостоверение личности.

— Кэрд! — еще громче позвала женщина.

Дункан обернулся. Женщина шла к нему. Она была в штатском, но вся ее манера двигаться выдавала в ней органика. Она была довольно высокой — почти одного роста с Дунканом, — стройной и с довольно приятным, хотя и чуть удлиненным лицом. Одну руку она прятала в складках пурпурно-серебряного, отделанного блестками платья.

— Кэрд, — повторила она. — Вы не помните меня? Манхэттен. Патрульный капрал Хатшепсут Эндрюс Руиз. Хатти. Помните?

ГЛАВА 18

Откуда-то из глубин памяти, словно утка в тире, выплыло ее лицо. Оно выросло и пропало, снова появилось и снова пропало... Она в разных позах, в разных ситуациях, словно голографические снимки, надранные как попало из прошлой жизни. И хотя вспомнил Дункан о ней немного, но и этого было достаточно, чтобы понять: она-то его помнит очень хорошо. Что она делает здесь? Приехала в гости? Иммигрировала? Какая разница.

Он выдавил улыбку.

— Извините. Вы ошиблись. Меня зовут Эндрю Вишну Бивульф. Я что, так похож на этого... Кэрда?

Теперь Руиз выглядела уже не такой уверенной. Она даже отступила на несколько шагов, окинула его оценивающим взглядом и сказала:

— Вылитый клон. Копия. Я была просто потрясена, когда вас увидела. Мне даже на минутку показалось... нет, вы не можете им быть. Ведь Кэрд мертв.

— Примите мои соболезнования.

Сердце его стучало все сильнее, а тело, казалось, стало фунтов на пятьдесят легче. «Если так пойдет и дальше, — подумал он, — я скоро воспарю над мостовой».

— Не о ком жалеть. Он был изменником и подрывным элементом. Он... — Руиз вдруг замолчала, словно поняла, что наговорила лишнего.

— Будьте добры, ваше удостоверение, — мягко улыбнувшись, попросила она.

Он быстро окинул взглядом улицу. Поблизости не было ни души.

— Конечно, — ответил Дункан и, помедлив, добавил: — А вы что — органик?

Она кивнула и полезла во внутренний карман, но Дункан не дал ей времени достать удостоверение: он ударил ее в челюсть и, пока она покачивалась, поднырнул под ее руку и рубанул ребром ладони по шее. Она тяжело осела и стукнулась головой об эластичную мостовую.

Чтобы затащить безвольное тело в свою комнату, ему понадобилось не больше трех секунд. Он забрал у Руиз удостоверение и газовый пистолет, отнес все это в ванную, откуда вернулся с баллончиком тумана правды. Он распылил ей в лицо облачко тумана: теперь в ближайшие пятнадцать минут она не придет в сознание. Но у Дункана оставалось чуть больше часа, чтобы придумать, как с ней поступить.

— Конечно, я мог бы попытаться сблефовать, — пробормотал он, — только вряд ли она так просто успокоилась бы — с Хатти станется сверить мое удостоверение с файлом Кэрда. Тут-то все и кончилось бы, братишка. Проклятье! Как это я на нее нарвался!

Но все же, если столкновение неизбежно, пусть уж нежелательные встречи происходят тогда, когда им уготовано. Если бы они встретились при других обстоятельствах, Дункан, возможно, не сумел бы с ней так легко справиться, не привлекая чужого внимания.

Он решил было дать ей постгипнотическое внушение забыть весь инцидент. Но ведь когда она, проснувшись, обнаружит разбитый подбородок и ноющую шею, то сразу отправится к психику. Он воспроизведет последний день, обнаружит пробел в памяти и тут же вытащит наружу всю слуховую и визуальную информацию, записавшуюся на подкорку с того момента, как она отключилась, — в том числе все, что с ней было под туманом правды.

Нет, этого допускать нельзя. Тогда что же можно?

Если Руиз исчезнет, органики начнут розыски. И так как она должна каждые полчаса посылать сообщения о своем местонахождении, ганки зафиксируют, что в последний раз ее видели здесь. И уже в следующий вторник весь район будет напоминать разворошенный муравейник. Допросят всех и каждого. И если органикам хотя бы покажется, что кто-то ведет себя подозрительно, его тут же обследуют с помощью тумана. Но сколько бы он ни лгал, они могут залезть в его данные и, перелопатив их с самого рождения (с этих ублюдков станется!), отрыть кое-что, попахивающее весьма подозрительно. И тогда будут копать, пока не докопаются.

На помощь руководителя из БПТ надеяться не приходилось — времени на попытку связаться уже не было. Что ж, сам заварил кашу, сам расхлебывай. Но для этого надо было сначала выяснить, где и когда они были знакомы. И, конечно,

выжать все, что она знает о нем. Особенно то, чего он сам не знает о Кэрде из Манхэттена.

Руиз с закрытыми глазами лежала на софе. На его вопросы она отвечала быстро и четко.

Оказывается, в бытность Дункана детективом-капитаном Джеффом Сервантесом Кэрдом она служила под его началом. Она не знала, что Кэрд принадлежал к подпольной организации, но, когда его раскрыли, участвовала в охоте на него. Затем его посадили в тюрьму, но он сбежал — в погоне она тоже принимала участие. Потом официальные органы ганков Манхэттена сообщили, что труп Кэрда найден в Нью-Джерси. Но об этом она узнала только потому, что была любовницей детектива-майора Валленквиста.

Валленквист. Из глубин памяти выплыло широкое, жирное лицо. Валленквист был его начальником. Но это все, что Дункан смог о нем вспомнить.

Что еще майор ей рассказывал?

Дункан терпеливо вытягивал из пленницы информацию: каплю за каплей, задавая специфические при использовании тумана правды вопросы (допрашиваемый отвечал коротко и буквально), — и вытянул наконец все, что она знала.

Как-то Валленквист заговорил с ней о подозрительном долгожительстве Кэрда. Когда Руиз спросила, что он имеет в виду, майор больше не пожелал говорить на эту тему. «Забудь, — сказал он, — если ты хоть сколько-нибудь заботишься о нас обоих».

— Был ли Валленквист испуган, когда говорил с тобой о долголетии Кэрда?

Что за дьявольская нить связывала его с органиками?

— Он был не в себе, — без выражения ответила Руиз.

— Как именно «не в себе»? Расстроен? Испуган? Как если бы он случайно проговорился?

— Да.

— И Валленквист больше не возвращался к этому вопросу?

— Никогда.

— Что ты думаешь об этой информации и его реакции на нее?

— Ничего. Я не поняла, о чем он говорил.

— Слышала ли ты об этом от кого-нибудь еще? Или, может, кто-нибудь говорил о чем-то, что заставило тебя вспомнить слова Валленквиста?

— Нет.

— Случалось ли тебе когда-нибудь слышать, читать или видеть что-нибудь, свидетельствующее о том, что Кэрд не умер?

— Нет.

И это было все. Так что же все-таки теперь делать с ней?

До полуночи оставалось минут пятнадцать. Стенной экран уже замерцал оранжевым светом и издал тихий вой — предупреждение жителям вторника, что пора входить в каменаторы. Кое-кто сразу же заходил в цилиндры и каменился досрочно. Так что если он включит свой аппарат сейчас, это не привлечет ничьего внимания в банке данных.

Он может закаменить ее, открыть окно и выкинуть тело в воду. В этот поздний час никто этого не заметит. И она будет еще долго покоиться на дне под слоем ила. Может быть, даже вечно. Но вот в этом он как раз сомневался. Ведь дно вокруг башни периодически чистят. Но вот как часто? Это было необходимо узнать. Таково уж его везение — придется все отложить до завтра. Но еще лучше — на неделю. Он затащил Руиз в цилиндр, устроил у себя в ногах и приготовился к каменению. Ему показалось, что прошла вечность, прежде чем он впал в знакомое беспамятство. Казалось, не успел он закрыть глаза, как сразу снова открыл. И тут же посмотрел в окно цилиндра, желая убедиться, что в комнате никого нет. Никого там быть и не могло, но ему хотелось быть в этом полностью уверенным. Удостоверившись, что все идет, как нужно, он открыл дверь и, перешагнув через еще спавшую Руиз, направился прямо к экрану связи.

Он назвал номер Сник и дал указание не включать свое изображение. Она моментально отозвалась, хотя лицо у нее было сонным.

— Тихо, — сказал Дункан, — ты одна?

— Нет, — ответила Сник, — но он в ванной. Что случилось?

Несколько секунд Дункан тяжело дышал, не в силах выдавить из себя ни звука — ярость переполнила его до краев и лишила дара речи. Он мысленно увидел ледяную руку, сдавливающую его мозг и сердце. Он весь превратился в сплошной кусок льда.

— Вы мне срочно нужны, — наконец процедил он. — Чрезвычайное положение. Сможешь выйти, не привлекая внимания?

Сонливость мгновенно испарилась с лица Сник, словно капля воды под действием сильного жара.

— Боюсь, что не могу.

— Тогда я... Ладно, это неважно. Увидимся позже.

Он отключился и, дыша чаще, чем ему хотелось бы, вызвал падре.

— Какого дьявола? Кто смеет отвлекать человека от сна грядущего? — зарычал тот в ответ. Это означало, что Кабтаб отправился из цилиндра прямиком в постель.

— ЧП, — сказал Дункан. — Ты можешь срочно прийти?

— Конечно, человече, — уже мягче отозвался Кабтаб. — Ты можешь сказать мне?..

— Не могу, — ответил Дункан и отключился.

Через десять минут падре ввалился в комнату мокрый до нитки и бушующий от ярости.

— Черт бы побрал всех уличных поливальщиков! — прогрохотал он. — Почему они не работают в полночь, когда никто не шляется по улицам?! От них же невозможно скрыться — льют со всех сторон, да еще и с пола, и с потолка!

— Санитарным службам тоже хочется повеселиться, — заметил Дункан. — Ладно. Дело вот в чем: я нуждаюсь в твоей помощи. Главным образом, мускульной, а не мозговой.

Он уже раскаменил Руиз, надеясь, что это не будет отражено в записях городского Департамента по Надзору за Расходом Энергии. Это будет записано, конечно, но вряд ли кто-то обратит внимание на сей факт. А если даже и заметят, то дежурный может быть слишком занят или слишком ленив, чтобы проследить волну и послать кого-нибудь для расследования. Дункану ничего не оставалось, как положиться на счастливый случай.

Впрочем, оставалось: он мог разрезать Руиз на куски и спустить в мусоропровод. Но этого он сделать был просто не в состоянии.

Вместе с Кабтабом Дункан отволок невероятно тяжелое тело в уборную. Там они стряхнули все с полок и свалили в углу. На верх кучи они водрузили сами полки. Затем, с жалобами и руганью, обливаясь потом, засунули Руиз в созданный для нее хаос.

— Это, конечно, временно, — сказал Дункан. — Когда ее начнут искать, а это вот-вот случится, ее нельзя будет здесь хранить. Мы должны что-то придумать. И очень быстро.

Кабтаб лапищей вытер пот со лба.

— Насколько быстро?

— Хорошо бы в течение ближайших десяти минут.

— Мы можем выкинуть ее в окно. Правда, есть опасность, что кто-нибудь заметит, как она падает. К тому же я думаю, что ганки время от времени обследуют дно вокруг башни.

— Не так уж они любят это делать, — ответил Дункан. — Нужно связаться с БПТ. У них должны быть люди и возможности, чтобы избавиться от нее.

— Наш единственный связник — Изимов. Но, благодаря зеленым яблочкам с божьей яблоньки, я догадываюсь, что он будет от всего этого не в восторге.

— Тем хуже для него. — Дункан включил экран связи и послал вызов по домашнему номеру Изимова.

— Откуда ты знаешь его номер? — спросил Кабтаб. — Я думал, что мы можем общаться с ним только в магазине.

— Узнал в городской директории, на всякий пожарный случай.

Через минуту Дункан отменил вызов.

— Если только он не использует морфей-машину, его нет дома.

Он помедлил, но потом повторил запрос и, несмотря на то что очень не хотел этого делать, оставил сообщение, что разыскивает его. В ожидании ответа они решили позавтракать и принять душ, после чего вновь принялись строить планы, как убрать Руиз. Но в голову не приходило ничего, что могло бы сработать.

— Ганки вряд ли станут утруждать себя выписыванием индивидуальных ордеров на обыск, — рассуждал Дункан. — Они возьмут чистые бланки, применят универсальный код, который запрет все двери в этом районе, и начнут обыскивать всех по очереди. А в эту секцию они могут сунуться в первую очередь.

— Нам надо управиться до девяти, пока в участке не заметили, что она не отметилась, — сказал Кабтаб. — Кроме того, у нас есть еще час или около того, пока они будут узнавать, почему она этого не сделала.

— Я бы сказал, чуть больше двадцати минут, прежде чем они замкнут круг.

Дункан лихорадочно соображал с минуту, а потом сказал:

— Мне бы этого очень не хотелось, но придется будить Изимова. Даже если нас там кто-то и увидит, это еще не повод связывать нашу ночную прогулку с исчезновением Руиз. Придется это сделать, у нас нет другого выхода.

Даже в этот утренний час автобусы уже ходили, но Дункан с Кабтабом вышли за пару кварталов от дома Изимова и остальной путь прошли пешком. Авеню Фон, квартира номер 566. Алая с зелеными полосами дверь. Дункан нажал кнопку звонка, стараясь выглядеть как можно беспечнее: уже появились первые прохожие. Приятели уже встретили десять человек. По статистике, один из них должен был быть ганком. Один из десяти.

Дункан звонил минуту, не отрывая палец от звонка.

— Либо его нет, и тогда ищи ветра в поле, либо он смотрит на нас и не хочет впускать.

Кабтаб огляделся, проверив, что за ними никто не следит, и, встав так, чтобы попасть в монитор, стал бешено жестикулировать. Если Изимов видел их, то должен был понять, что они не могут тут долго торчать.

— Пошли, — наконец сказал Кабтаб. — Может, он сдох.

Они вернулись к Дункану. За чашкой кофе Дункан сказал:

— Теперь все это только на наших плечах. Но должен же быть какой-то выход!

В дверь позвонили. Включив монитор, Дункан увидел женщину с пышной прической, закутанную в алый плащ. Несмотря на худое лицо, выглядела она неплохо. Даже несмотря на черную губную помаду.

— Кто там?

— ЧП, — сказала она. — Впустите меня.

Дункан приказал двери открыться. Он встретил женщину на пороге и, прежде чем она успела сделать несколько шагов, спросил:

— Кто вы?

— Вам лучше не знать, — ответила она, улыбнувшись. Затем она достала из кармана плаща карточку, сверилась с ней и сказала:

— Вы — Бивульф, а он — Иеремия Скандербег Вард, верно?

— Откуда вы знаете?..

— Это неважно. Я не могу оставаться здесь долго. Меня послали передать вам, что запись, которую вы оставили для Изимова, стерта, так что можете о ней не беспокоиться. И... — Она облизала губы и замолчала.

— И?..

— И что Изимов умер.

Дункана пробрала дрожь, а Кабтаб воскликнул:

— О Боже!

— Умер рано утром. Власти об этом еще не знают. Меня послали предупредить вас, потому что вы оставили ему запись. Что вы хотели передать руководителю?

— Я скажу! — понесло Кабтаба. — Только... от чего он умер?

— Я ничего не могу об этом сообщить. Что у вас за информация?

— Это черт знает что! — сказал Дункан. — Два человека исчезают в один день... Да ганки просто изойдут пеной!

— Два? — спросила женщина. — Почему два? О чем вы? И почему «исчезли»?

— Я не полный идиот! — вскипел Дункан. — Ведь это БПТ убили Изимова, не так ли? Он стал слишком нервным последнее время, и ему перестали доверять!

— Ты торопишься с выводами, Эндрю, — попытался остановить его Кабтаб. — Откуда ты...

— Может быть, — продолжал Дункан. — Но у меня уже есть некоторый опыт общения с подпольщиками! Изимов чувствовал, что становится ненадежным, и поэтому боялся. Он был затупившимся орудием, и ему больше не доверяли!

— Вы просто параноик, — сказала женщина.

— Может быть! — заорал Дункан. — Но спорю на что угодно!..

— Успокойся, — мягко сказал Кабтаб. Правда, при этом он сжал плечи Дункана своими мощными лапищами железной хваткой робота. — А то ты убедишь их в том, что на тебя тоже уже нельзя положиться.

Дункан сделал несколько глубоких вдохов и представил себе залитый солнцем зеленый луг, на котором резвятся нимфы и фавны. Кровь отхлынула от лица, дыхание выровнялось.

— Все в порядке, — сказал он. — Может быть, я действительно слишком подозрителен. Вы должны простить меня, принимая в расчет то, какую жизнь мы ведем. Отличная питательная среда для подозрений. Как гной для бактерий.

— Очень поэтично, друг мой, — сказал Кабтаб и убрал руки. — Так какое сообщение ты имеешь для нас, женщина?

— Мне приказано передать его Бивульфу без свидетелей. Вы должны уйти в другую комнату, а вы, Бивульф, должны обещать мне, что ничего ему не передадите.

— Обещаю, — сказал Дункан, а про себя подумал: «Это уже зависит от того, что ты мне скажешь. В любом случае, расскажу я или нет, Кабтаб будет в опасности».

Падре с негодующим видом, беззвучно шевеля губами, вышел.

— Вот что я обязана вам передать... — начала женщина.

Она говорила еще с минуту, и глаза Дункана открывались все шире и шире. Но, несмотря на эффект, произведенный ее словами, он не издал ни звука.

— Повторите, — приказала она.

Он повторил все слово в слово.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь говорите, что у вас за ЧП.

Теперь уже у нее широко раскрылись глаза, и, несмотря на смуглую кожу, она побледнела. Когда Дункан закончил, она воскликнула:

— Мой Бог! Я не знаю! Это может решить только руководитель. Я не уполномочена принимать участие в подобных делах! К тому же у меня нет ни малейшей идеи, как разрешить эту ситуацию.

— Тогда лучшее, что вы можете сделать, — это в темпе уносить свой зад, — сказал Дункан. — Вы можете срочно связаться с руководителем? У нас нет ни минуты отсрочки.

— Думаю, что сумею.

Она повернулась и пошла к дверям, но остановилась и обернулась:

— Когда вам нужно идти на работу?

— Через два часа и пять минут.

— Ждите здесь. Если до этого времени не получите от нас никаких известий, придумайте себе уважительную причину для отгула.

ГЛАВА 19

Вошедший в комнату Кабтаб походил на растрепанного и злого льва, подыскивающего себе жертву.

— Ушла эта сука?

— Она же просто делает свою работу, — сказал Дункан. — Хотя, по-моему, сама не знает, в чем эта работа заключается. Я так точно не знаю.

— Может, я и вправду несправедлив к ней, — задумчиво произнес падре. — Я загляну себе в душу и выясню, так ли это. Если так, то придется мне найти способ простить себя. И ее — за то, что меня спровоцировала.

— У нас есть более важные предметы для размышлений.

— Нет ничего важнее души.

— За возможным исключением брюха, — заметил Дункан, упершись взглядом в огромный живот Кабтаба.

— Душа и брюхо связаны хитроумнейшим образом, — заявил падре Коб. — Тот, кто распутал эту связь, воистину свободен.

— От чего? — Дункан нетерпеливо взмахнул руками. — Слушай. Она сказала, что скоро к нам придет команда из Бюро по Перевозке и Доставке. То есть с виду они будут пэдэшниками — а может, и настоящими, это неважно. К их приходу мы должны приготовить Руиз. Они не хотят задерживаться дольше абсолютно необходимого.

— Что мы должны сделать?

Дункан объяснил, и оба принялись за работу. Закаменив Руиз, они придали телу органички «позу плода» и, замотав клейкой лентой на случай, если женщина неожиданно придет в себя, вновь запихнули в цилиндр, потом выволокли, завернули в простыню и поверх еще раз заклеили лентой.

Пока тянулись следующие пятнадцать минут, Дункан обратил внимание на проезжавшую под окнами патрульную

машину органиков. Медленно вращался совиный глаз установленной на вертикальной штанге телекамеры. Водитель оживленно беседовал о чем-то с приятелем.

Дункан внутренне порадовался тому, что закон разрешал правительству устанавливать камеры наблюдения только на перекрестках и на патрульных машинах. Если бы, как настаивали высшие чины, камеры стояли на каждом перекрестке, случай с Руиз и визит агента БПТ не прошли бы незамеченными. Даже команду пэдэшников засекут на нескольких перекрестках и, возможно, с патрульных машин. Впрочем, Дункан был уверен, что маршрутный лист команды отправлен в органический банк данных. Насколько детальную проверку выдержит этот лист, Дункан не знал. Следовало надеяться только, что документ не вызовет подозрений. Скорее всего никому из ганков вообще не придет в голову его проверять.

— Мы не просто ходим по канату, — пробормотал Дункан себе под нос. — Мы по нему бегаем.

— Что? — переспросил Кабтаб, но ответить Дункан не успел — в дверь позвонили. Глянув на дверной экран, Дункан произнес открывающий сезам. За дверью стояли двое мужчин и двое женщин в оранжевых с черным комбинезонах Бюро Перевозки и Доставки. Двое вынесли из оранжево-черного грузовика большой деревянный ящик — чтобы протащить в двери, его пришлось положить. Одна из женщин управляла четырехколесным грузовым полуавтоматом. Когда тот вкатился в квартиру, Дункан захлопнул дверь.

На то, чтобы запихать завернутое в простыню тело в ящик, ушло несколько секунд. Дункану даже не понадобилось объяснять ситуацию — грузчики, очевидно, получили все указания в своем штабе. Приказали ли им молчать, или они были мрачны оттого, что их подняли в такой ранний час, Дункан не знал. Не говоря ни слова, бригадир протянула руку за удостоверением личности Дункана, тот так же молча отдал ей карточку. Бригадир на секунду запихнула карточку в плоский ящичек, висевший у нее на шее, потом вернула.

Через дверной экран Дункан наблюдал, как ящик с Руиз поднимают в грузовик. Машина стояла достаточно близко, чтобы Дункан мог заглянуть внутрь и увидеть там замотанный в покрывало предмет — очевидно, тело Изимова, тоже в фетальной позе. Пока грузовик едет к штабу — если он вообще направляется в штаб, — Изимова запихнут в ящик, составить Руиз компанию. Куда ящик направится потом, Дункан знать не хотел. У него и так немало проблем. Через несколько часов ганки обнаружат исчезновение Руиз и Изимова, и тогда вся башня — а этот уровень особенно — будет кишеть органиками. Поразмыслив, Дункан пришел к неиз-

бежному выводу: органики обязательно заинтересуются, что это было в огромном ящике, и нанесут ему визит, чтобы выяснить, что ж такое он отправил и куда.

Дункан засунул свою карточку в стенную контрольную панель. По его приказу на экране появились данные, записанные пэдэшниками. Оказалось, что ожидания Дункана не обмануты, а его подпольное начальство ожидает, что карточка сама по себе послужит приказом. Кто-то в верхнем эшелоне организации использовал дубликат его карточки, чтобы подать прошение о переезде на другую квартиру, поближе к работе. Судя по новой записи, прошение было удовлетворено, и еще до начала работы Дункану полагалось переехать на новое место.

Кто-то наверху сильно подсуетился этим утром, подумал Дункан. У него был под рукой дубликат удостоверения личности Дункана. А может быть, и дубликаты карточек всех членов БПТ. Карточка была изменена задним числом — прошение было датировано прошлым вторником, как и ответ на него.

Так что гражданину Эндрю Вишну Бивульфу придется переехать, нравится это ему или нет. И немедленно. Его личные вещи якобы находятся в коробке, которую вынесли грузчики. Команда отвезет ее на новую квартиру Дункана-Бивульфа, задержится в комнате ровно настолько, чтобы не вызвать подозрений, покуда фиктивные чемоданы выгружают из ящика на пол, а потом, с телами Изимова и Руиз, отправятся на какой-нибудь правительственный склад. Но остается одна проблема. Личные вещи Дункана оставались в комнате.

Кабтаб собрался уходить, но Дункан остановил его. Вместе они начали вытряхивать вещи из гардероба и из личного шкафчика в ванной. Запихав их в два больших вещмешка, они вымыли посуду, расставили чашки по местам и вышли. К этому времени коридоры начали заполняться спешащими на работу людьми. До новой квартиры подпольщики добрались на автобусе. На новой карточке Дункана был записан входной код; старый сегодня же будет стерт из банка данных.

Кабтаб бросил вещмешок на пол.

— Осмотрись-ка, — посоветовал Дункан. — С планировкой познакомься. Может, пригодится когда-нибудь.

Кабтаб хмыкнул, но все же прошелся по квартире. Дункан запихал мешки в личный шкаф; раскладывать вещи по полкам не было времени. Обои и мебель имели лимонно-желтый оттенок, заказанный еще жильцом понедельника. Дункану придется сменить цвет при помощи контрольной панели. Никаких узоров на стенах не было; жильцы сами выбирали, что разместить на экранах — узор, или картину, взятую с лент, или собственные творения — стабильные или подвижные.

Паркетный пол из клонированного дуба мог менять блеск и оттенок по мановению контрольной ручки. Дизайн стал делом быстрым и легким, если только вы можете твердо решить, чего хотите.

Цвета и оттенки мебели также менялись с легкостью, хотя, чтобы придать им новую форму, пришлось бы потратить полчаса — и еще столько же вечером, чтобы привести их в исходное состояние. Дункан редко тратил на это время, поскольку питал слабость к хрупкому изяществу новоалбанского стиля.

Прозрачные двери выводили из гостиной на балкон. Вид оттуда открывался не хуже, чем из прежней квартиры, практически ничем от него не отличаясь, кроме угла зрения. И вообще единственным преимуществом этого места была близость к работе. Попытайся Дункан получить разрешение на переезд самостоятельно, ему пришлось бы ждать не меньше субгода. А такое быстрое решение вопроса (пусть даже Дункан и не собирался переезжать) доказывало лишь, что для получения недоступного нужны хорошие связи, как было в любой стране и в любую эпоху.

— Пока, — сказал Кабтаб. — Благословляю тебя, сын мой.

— Спасибо, падре. Встретимся в «Сногсшибаловке», если ничего не случится.

— Благословляю тебя и в половой жизни, — ответил Кабтаб и смылся.

Дункан задержался на секунду, чтобы глянуть на лица соседей, с которыми он никогда не встретится, а потом поспешил в бюро.

Следующим этапом работы стала корреляция коэффициента эгоцентризма у шахматистов, телевизионных актеров и инженеров-электронщиков. Во время работы Дункан постоянно поглядывал на стенной экран, где шла программа новостей, но до самого конца рабочего дня ни об Изимове, ни о Руиз не прозвучало ни слова. Это, как прекрасно понимал Дункан (но откуда он это знает?), не означало ничего. Ганки, вероятно, установили жесткую цензуру. *Вероятно.* С того самого момента как он бежал из лечебницы Такахаси, вся его жизнь была скачкой с препятствиями в виде «возможно», «вероятно» и «если», неожиданно вырастающими из тьмы. Он почти ничего не знал об организации, за которую обещал отдать жизнь, если такая нужда возникнет. А если он не выполнит приказаний, его скорее всего просто убьют.

Положение, в котором он оказался, описывалось двумя словами: «паршивое» и «неустойчивое».

«А вот и еще одна неопределенность, и опасная», — подумал Дункан, внутренне напрягаясь. Человек, только что бе-

седовавший с его товарищем по работе, теперь направлялся к нему. Дункан не имел представления, чего хочет этот человек и о чем думает, но в одном был уверен: это органик. Даже в штатском этот тип излучал холод и отчуждение — точно облако, заметное лишь закоренелым преступникам и таким же ганкам.

«Я слишком суров к нему, — подумал Дункан. — Этот вид — в некотором роде защита. Типичный органик: настороженен, подозрителен, циничен и всегда готов отразить атаку. Хотя, по статистике, очень немногие подвергаются нападению или оскорблению. Большинство граждан слишком их боится. И не зря».

Когда невысокий, плотно сложенный органик подошел к кольцевидному пульту, Дункан встал.

— Гражданин Эндрю Вишну Бивульф? — спросил гость глубоким басом.

— Да, — Дункан кивнул.

Органик показал удостоверение личности, висевшее на его могучей шее на лиловом шнурке.

— Я офицер Родс Теренс Эверчак, детектив-сержант первого класса Бюро внутренних перемещений. Хотите проверить мои данные?

— Нет, спасибо. — Дункан вежливо улыбнулся, но широкая багровая морда Эверчака осталась бесстрастной.

— У меня есть к вам несколько вопросов.

Дункан решил сыграть озабоченного гражданина.

— Простите, а что случилось? — Ответа он не ожидал и не получил.

Эверчак вытащил из нагрудного кармана лиловой с золотом рубахи распечатку.

— Это, — произнес он, вглядываясь в текст, — копия вашего запроса в Бюро по Перевозке и Доставке на один ящик для перевозки личных вещей из квартиры, откуда вас выписали, на новую. Тут же у меня есть прошение на переезд и его одобрение. У меня есть также записи о вашем переезде и о доставке ящика с личными вещами по указанному адресу. Осуществлена ли доставка в указанное время, или в другое время, или вообще не осуществлена?

— Да нет, все прошло по графику, и я переехал по новому адресу, коридор Вечной Надежды, квартира 421, — ответил Дункан. — Какие-то проблемы, детектив-сержант?

— В таком случае, — Эверчак уставился Дункану в глаза, — что находилось в тех двух мешках, которые вы с вашим товарищем, гражданином Иеремией Скандербегом Вардом, перетащили со старой квартиры на новую?

Дункан ожидал, что его спросят о содержимом ящика, но ганки нередко забрасывали свои жертвы неожиданными и на первый взгляд не относящимися к делу вопросами.

— В ящик не влезли все мои вещи, — улыбнулся он. — Пришлось набить еще два мешка.

— Тогда почему вы не отправили их через ПД?

— Ошибся. Когда я подавал запрос, то заказал только один ящик — думал, что втисну в него все. Чтобы пэдэшники отвезли еще и мешки, пришлось бы подавать новый запрос. А удовлетворили бы его к следующему вторнику. Вы же знаете этих чиновников. Сплошная бюрократия...

— Вы что, критикуете правительство?

— Конечно, — небрежно ответил Дункан. — Это мое право и обязанность. У нас ведь демократия. Или вы отказываете мне в этом праве и обязанности?

— Разумеется, нет, — возразил Эверчак. — Я и не думал об этом. Почему вы сочли нужным попросить гражданина Варда помочь вам?

— Потому что в одиночку я не уволок бы два мешка.

— Вы меня не поняли, — поправился органик. — Почему вы выбрали конкретно гражданина Варда — именно его?

— Он мой добрый друг. Знаете, нелегко найти человека, который согласился бы в такой ранний час таскать мешки.

— Вы знаете, что гражданин Вард — верующий?

— Конечно. — Дункан пожал плечами. — Но он не работает на правительство. У него есть право исповедовать любую религию.

— Но тем не менее вы являетесь его близким другом?

— Я неверующий, — бросил Дункан. — И вам это известно. Вы проверяли мое удостоверение.

— Вы были с ним знакомы еще в Нью-Джерси?

— Вы прекрасно знаете, что да.

«Вот теперь, — подумал Дункан, — должно последовать нечто совершенно неожиданное, ошеломляющее, выбивающее почву из-под ног. Вроде кирпича по темени».

— Что случилось с Руиз и Изимовым?

Дункан изобразил изумление:

— С кем?

— С детективом-сержантом Хатшепсут Эндрюс Руиз и гражданином Ибрагимом Омаром Изимовым! — жестко произнес Эверчак.

— Не припомню таких, — растерянно пробормотал Дункан. — Вы сказали... случилось? Не понимаю, о чем это вы. Никакой Руиз я не знаю, а Изимов... это не тот Изимов, который торгует в лавке через коридор от «Сногсшибалов-

ки»? — Он помолчал секунду и добавил: — «Сногсшибаловка» — это таверна такая.

«Можно подумать, что Эверчак этого не знает».

— Вы утверждаете, будто вам неизвестно, что с ними случилось?

— Да я не знаю даже, что с ними вообще что-то случилось! Бросьте, сержант! В чем дело?

— Вы согласитесь на проверку под туманом правды?

— Само собой. — Дункан поднял руки, будто сдаваясь. — Мне скрывать нечего. Я не знаю, с чего вы на меня так накинулись, но, если вы думаете, что я в чем-то виноват — пожалуйста, брызгайте! Можно прямо здесь и сейчас. Я отказываюсь от своего права на допрос в участке, в присутствии адвоката и уполномоченных лиц.

Эверчак не потребовал повторить эти слова для протокола, из чего Дункан заключил, что записывающее устройство спрятано у органика в кармане.

Для Эверчака наступал критический момент. Если органик сочтет, что Дункан просто блефует, то применит туман без колебаний. Если он просто проверяет всех подряд и не подозревает Дункана серьезно, то не станет тратить время.

— Это всего лишь рядовой опрос, — произнес органик.

— Конечно, но я предпочел бы, чтобы вы меня затуманили, — возразил Дункан. — Я не хочу, чтобы на мне лежала даже тень подозрения. Мой рабочий день закончился, времени много. Давайте прямо сейчас. Долго это не протянется.

— Ваше отношение весьма похвально, гражданин Бивульф, — ответил Эверчак, — но я тороплюсь.

— А что случилось? — осведомился Дункан.

Органик молча развернулся и ушел.

ГЛАВА 20

В «Сногсшибаловку» Дункан зашел в пять часов вечера. Он поблуждал среди крохотных столиков, пока не заметил в одной из кабин Кабтаба и Сник. Поздоровавшись с Дунканом, двое его товарищей вернулись к прерванному спору, а сам он нажал кнопку, вызывая официанта.

Падре сделал изрядный глоток из огромной каменной кружки, отставил ее и произнес:

— Нет, дорогая моя Дженни, я решительно не согласен, несмотря даже на то, что я человек искренне верующий и оказываюсь таким образом в неловком положении. Но это лишь на первый взгляд. Я по-прежнему утверждаю, что нынешняя политика правительства по отношению к верующим

недостаточно жестка. Преследования и наказания верующих отсеивают лицемеров, фарисеев, тех, кто прикидывается верующими потому лишь, что их воспитали в религиозной среде, или потому, что хотят относиться к какой-либо социальной группе. Преследования и наказания отделяют зерна от плевел. А те, кто останется — зерна, золото, выплавленное из шлака, истинно верующие, — должны быть готовы платить за свою веру. Им следует приветствовать возможность мученичеством восславить Господа.

— Что-то ты не рвешься к распятию, — кисло буркнула Сник.

— А это потому, что правительство не дает мне шанса быть настоящим мучеником. Оно действует хитро. Оно не запрещает веровать. Оно просто относит религию к таким суевериям, как астрология, или теория плоской Земли, или талисманы на удачу. Можешь молиться сколько угодно — только не в церкви. Все храмы, что еще остались, превращены в музеи или используются в мирских целях. А верующие — будь то христиане, иудеи, мусульмане или буддисты — пусть собираются в спортивных залах или других свободных помещениях. Бродячий проповедник может читать проповеди на улице, но только в специально отведенных местах и не дольше пятнадцати минут в одном месте — а потом подхватывай кафедру и убирайся.

— Это я все знаю, — прервала его Сник. — Ты отклоняешься от темы. Твое предложение — что правительство должно преследовать любые религии — это же полный абсурд! Если бы правительство так поступило, оно уже не могло бы называться истинно демократическим и либеральным. Так что оно не запрещает религию, а просто не одобряет ее, и не без причины. Оно делает религию неудобной, так сказать, не приветствует ее. И, само собой, дети еще в школе узнают, насколько это иррациональное и бессмысленное поверье.

— А ты что думаешь, Эндрю? — Кабтаб сделал еще глоток пива и рыгнул.

Дункан слушал вполуха, сосредоточившись на экране, показывавшем результаты референдума. Подавляющее большинство жителей города проголосовало за отмену на период эксперимента всяческого наблюдения, за исключением жизненно необходимого. Дункана такой исход удивил. Если правительство и вправду фальсифицирует результаты голосований, то вряд ли большинство голосов против слежки было бы зафиксировано.

— Ничего не думаю и думать не хочу, — ответил он. — Нынешняя система кажется мне идеальной. Никто не ущем-

лен, и ни одна организованная религия не может повлиять на правительство. Полное разделение церкви и государства. И хватит об этом. У меня есть новость поважнее.

Когда Дункан закончил рассказ о визите Эверчака, Пантея Сник задумчиво произнесла:

— Кажется, совершенно обычный визит. Но я в этом не уверена. Впрочем, ничего поделать мы не можем. Просто следует быть поосторожнее.

— Поосторожнее, чтобы нас ганки не замели? — осведомился Дункан. — Или БПТ? Из того, что случилось с Изимовым, ты выводов не сделала? Если мы станем опасны для БПТ или кому-то взбредет в голову, что мы опасны, от нас избавятся с такой же легкостью, как мы стряхиваем крошки с юбок.

— Так и должно быть, — ответила Пантея. — Это вполне логично. Их положение очень неустойчиво. И они не могут полагаться на слабых или ненадежных работников.

— Господи, Тея, неужели тебя это не беспокоит?

— Беспокоит, — призналась она, глотнув шерри. — Но я знала, на что иду, когда давала клятву. Как и ты.

— Нет, — возразил Дункан, приложившись к бурбону, — не знала. И никто из нас не знал. Мы понятия не имеем, чего хочет БПТ, кроме того, что они против правительства. Больно уж все расплывчато. Какова их конечная цель? Какой режим они хотят установить? Каков их шанс свергнуть правительство? Насколько велика организация? Что это — компания недоделков, играющих в разбойников, или действительно большая и мощная группа? — Он еще раз глотнул бурбона и, отставив стакан, закончил: — Мне попросту надоело бродить во тьме и ушибать колени.

Сник не смогла ответить из-за поднявшегося в таверне шума. Посетители вскакивали на ноги, ликовали, вопили, аплодировали. Дункан не сразу сообразил, что все смотрят на плакаты новостей, по которым катились строки новых правил и постановлений. Комментаторы, чьи головы виднелись в верхних углах экранов, читали текст вслух — вернее, так предположил Дункан, поскольку услышать их в таком гаме было совершенно невозможно.

— Черт побери, не понимаю, почему они так счастливы! — проорал Дункан, перегнувшись через стол к Сник и Кабтабу. — Ведь спутники могут наблюдать за ними, только когда они выходят из башен на мосты или в лодки. А внутри башен мониторы далеко не на каждом углу наставлены! Почему бы не снять наблюдение в городе типа Манхэттена? Это было бы что-то! Там каждую улицу спутники просматривают!

— Может быть, правительство просто осторожничает, и если этот опыт удастся, его повторят и в открытых городах, — ответила Сник.

— Они не хотят, чтобы опыт удался. — Дункана перекосило.

— Да что может случиться? — Сник вскинула руки. — Граждане же не взбесятся.

— Ну, им немного осталось, — прорычал Кабтаб.

От терпимого падре Дункан не ожидал подобного заявления. Может быть, того раздражали обезьяньи вопли и дикие кривляния окружающих. Дункан снова глянул на экран. Всем гражданам предписывалось получить распечатку «нового порядка» и внимательно изучить — для последующего выполнения. Дункан мысленно пометил себе: придя домой, так и сделать. Конечно, найдется около 13 процентов жителей, которые не подчинятся. Двухтысячелетние усилия правительства вдолбить в каждого гражданина политическую сознательность так и не принесли успеха. И не принесут, потому что в каждом поколении рождается определенное число аполитичных людей: кто — философы, а кто попросту от рождения ко всему безразличен. Правительство, должно быть, втайне радовалось подобному положению вещей, несмотря на все горячие речи и принудительные меры, — такое количество политических недоделков позволяло легко проталкивать любые государственные программы.

— Мне не следовало произносить подобных жестоких и унизительных слов даже мысленно, — сказал Кабтаб, отхлебнул пива и продолжил: — Никогда не следует обобщать, даже человеку, подобно мне, рожденному для обобщений. Это недостойно с моей стороны, хотя в моих словах большая доля истины. Но даже будь это чистая правда, мне не следовало произносить ее. Мне следует молиться за недоразвитые массы, за неблагодарную чернь, за ослов, изображающих из себя Homo sapiens. В конце концов, чем я лучше их? Я не брошу камня, я бросаюсь грязью, да, но грязь не ранит и легко смывается. Я...

— Пойду-ка я домой, — прервала его Сник и встала. — Тоска берет от вашей бесплодной болтовни. Голова у меня болит, я устала. Вы тут о грязи болтали, падре, так вот — мне кажется, что я утопла в болоте. По уши.

— Жаль, — бросил Дункан. — А я надеялся познакомиться с твоим новым любовником.

О своих словах он пожалел, едва произнес последнюю фразу, но было уже поздно.

— Нет у меня любовника, ни старого, ни нового. — Пантея Сник, кажется, удивилась. — И вообще это не твое дело.

— Но ты сказала...

— Я? А, вспомнила, о чем ты. Я сказала, что не одна в квартире. Только это был не любовник. Просто гость. — Сник улыбнулась. — Или ты ревнуешь?

Дункан открыл рот и подавил невольный импульс отвергнуть обвинение. Не время скрывать свои чувства. Пришло время покончить со всем, признаться.

— Да, — ответил он.

— Ты что, *влюбился* в меня?

Прозвучали эти слова не столько удивленно, сколько небрежно, точно Пантея Сник бросила эту мысль, прежде чем отправить ее в забвение.

— Да.

— Я не зна... — Сник сглотнула. — Ты никогда не показывал... ничего...

— Теперь ты знаешь.

— Господи Боже! — взревел Кабтаб. — Нашел местечко для ухаживания! Таверна... шум... толпа... это, по-твоему, романтическая сцена признания в любви?

— Не смущайтесь, падре, — сказала Сник. — Так уж вышло. Мне это даже нравится... что мы не наедине.

— Почему? — спросил Дункан.

Она наклонилась и, опершись на стол, посмотрела Дункану прямо в глаза.

— Потому что так мне будет легче сказать то, что я скажу. Мне очень жаль, Эндрю, но... ты нравишься мне, я тобой восхищаюсь... в чем-то ты — мой герой. Ты спас меня со склада, ты вернул меня к жизни, но...

— Но ты меня не любишь.

— Я к тебе привязана. — Она выпрямилась. — И все. Я не люблю тебя. Я не хочу тебя, не испытываю к тебе желания. Но я не хочу и ранить твои чувства, хотя без этого, кажется, не обойтись. Вот и все. Честный ответ.

— Спасибо, — произнес Дункан твердо. Слава Богу, голос не выдал внутренней дрожи.

— Это имеет значение? — спросила Сник. — Я хочу сказать, когда мы работаем вместе, и... Ты же не станешь меня ненавидеть?

— Я обалдел немного, — ответил Дункан. — Не знаю, что и думать. Это... потрясло меня, хотя не должно было бы. Я же не мог ожидать, что ты любишь меня. Ты никогда не делала и не говорила ничего, что я мог бы истолковать подобным образом. Нет, я не могу тебя ненавидеть. И мне жаль — ты даже не представляешь, как жаль, — что я признался тебе. Стоило подождать более подходящего момента.

— Такой момент, наверное, не наступит. Прости.

Она похлопала его по руке, повернулась и отошла. Дункан не смотрел ей вслед, упершись взглядом в столешницу.

— Могу я тебе чем-то помочь? — негромко спросил Кабтаб.

— Да, — прошептал Дункан. — Оставь меня в покое.

— Э, ты же не собираешься надраться и устроить скандал? Не забывай, ты не можешь позволить себе мозолить глаза ганкам.

— Нет, я пойду домой. — Дункан встал. — Что там делать буду — не знаю. Но меня там никто не увидит.

— Ты, часом, не покончить с собой вздумал? — встревожился падре.

Дункан коротко хохотнул, забивая всхлип обратно в глотку.

— Господи, нет! Что за глупости! Кому только в голову может такое прийти?

— Это темная ночь души, — ответил падре. — Поверь мне, я сам проходил через это. Если я могу тебе чем-то...

— Увидимся завтра. — Дункан развернулся и отошел от столика.

Падре ошибся. В душе Дункана стояла не черная ночь, а день. Все вокруг сияло ослепительным, но странно искаженным светом, точно лучи его ломались о Дункана. И свет этот был не просто ярок; он нес в себе жуткий, ледяной холод.

ГЛАВА 21

Ранним утром следующего вторника Дункан сидел на кухне, лелея в руках огромную чашку черного кофе, а в душе — еще большую рану. Ныла грудь, к глазам подступали слезы, перед мысленным взором проносились образы трубящего от боли и отчаяния слона с торчащим из ребер копьем; льва, зализывающего простреленную лапу; истыканного гарпунами кашалота, ударом тупого рыла подбрасывающего в воздух китобойную шлюпку.

На третьей чашке кофе (на две больше, чем рекомендует Бюро Медицины и Здоровья) Дункан расхохотался — глухим, болезненным смехом, полным мазохистского издевательства над собой. Почему ему видятся страдающие от ран благородные и величественные звери? Почему не представить себе полураздавленного таракана, хромающего, волоча за собой кишки? Почему не муху, жужжащую в бесплодных попытках вырваться из паутины? Почему не жука-бомбардира с отдавленным дверью хвостом? Или крысу, нажравшуюся отравленного сыра?

Он снова расхохотался. Чувства и события переоценены и заняли свои подобающие места. Он далеко не единственный отвергнутый влюбленный в истории — да и с ним самим такое не в первый раз. С чувством большого философского удовлетворения Дункан скорректировал историческую перспективу событий — разве он не составная часть истории? Но, несмотря на это, чувствовал он себя все так же паршиво.

А, ладно. Перетерпится. Время не лечит раны, но притупляет боль и обычно ухитряется скрыть их под наносами памяти. Перекусив, Дункан занялся уборкой, затем вышел на улицу и неожиданно оказался в ликующей толпе. Можно было подумать, что наступил праздник. Все вокруг, кроме самого Дункана, болтали и смеялись, радуясь освобождению от всевидящего ока мониторов. Отключены спутниковые камеры, ганки прячутся по участкам; снято тяжелое бремя, о котором граждане прежде и не подозревали. «Так им кажется, — подумал Дункан. — Неужели они полагают, что получили полное право вести себя как дети?»

Может, так оно и было, потому что, придя на работу, Дункан обнаружил, что делом не занят никто, а надсмотрщики даже не обращают внимания, поскольку находятся в том же маниакальном возбуждении, что и их подопечные — они стояли у дверей своих кабинетов, переговариваясь (правда, с коллегами-надсмотрщиками, не с простыми служащими), смеясь и попивая кофе. Дункан покачал головой, прошел в свой угол и сел. Никто из его товарищей не позаботился даже компьютер включить, но Дункан все-таки подсоединил все оборудование к сети и задумался: что же делать дальше?

Тут Дункан нахмурился. Обязанности его как-то расплылись; вроде бы он помнил, чем следует заняться, но мысль эта упорно не желала даваться в руки. Дункан тихо выругался. Безумное веселье окружающих каким-то образом передалось и ему. Он решил не обращать на это внимания, но, как ни вглядывался в экран, сосредоточиться не сумел. И когда несколько товарищей по работе предложили пойти куда-нибудь и выпить, Дункан ответил: «Отлично! Классная мысль!»

«Что я, черт возьми, вытворяю?» — спросил он себя, проходя мимо кучки надсмотрщиков. Те, казалось, даже не замечали, что банкиры данных не сидят на местах, а многие просто разбежались. Дункан, как и его приятели, браво прошагал мимо аппарата, в который должен был засовывать свое удостоверение для отметки, покидая свое место в рабочие часы.

Выйдя из офиса, приятели Дункана заспорили, куда лучше пойти повеселиться. Чтобы слышать друг друга, им приходилось кричать — коридор гремел голосами и смехом пешеходов,

велосипедистов и пассажиров автобусов. К тому времени когда его товарищи решили, что «Сногсшибаловка» — лучшая таверна, потому что ближайшая, Дункан сообразил, в чем причина давки. Магазины были пусты; на улицы вышли и продавцы, и покупатели. Странным это ему не показалось. Конечно, работать им хочется не больше, чем ему. А раз сами надсмотрщики веселятся — почему бы простым смертным не последовать их примеру?

Добраться до «Сногсшибаловки» оказалось непросто. Сквозь толпу приходилось продираться. Автобусы не ходили — толпа преграждала им путь, да если бы их и можно было сдвинуть с места, водители все равно разбежались.

— Что творится? — проорал Дункан своей соседке по работе Варк Зунь Кобльдэнс.

— Ты о чем? — взвизгнула она.

— А, забудь! — крикнул он и тут же последовал своему совету.

К тому моменту когда их группа доползла-таки до «Сногсшибаловки», из десяти прогульщиков осталось пятеро. Давясь от хохота, они нырнули в таверну, где их энтузиазм несколько поумерился. В зале некуда было плюнуть, но официанты то ли вовсе не приходили на работу, то ли сбежали, едва явившись. Толпа бурлила, люди то бурчали себе под нос, то орали, пытаясь все же вызвать служителей. Потом какая-то женщина зашла за стойку, вытащила стакан и наполнила его виски из крана. Она залпом выпила все три унции*, прокашлялась, вытерла слезы и прокричала:

— За мой счет!

К ней присоединились и другие добровольные бармены, не забывавшие обслуживать и себя. Некоторые пытались все же заплатить за выпивку кредитными карточками; их с насмешками отталкивали.

— Сегодня День Свободы! — прогремел откуда-то глас падре Коба. — Пусть все будет бесплатно! Или, если вы настаиваете — за мой счет! Только не спрашивайте, как меня зовут!

Толпа несколько рассосалась — часть посетителей перешла в другие залы, где происходило то же самое. Вскоре почти все посетители были более или менее пьяны (скорее более, чем менее) и веселились вовсю. Дункан и Кабтаб, крепко сжимая в руках стаканы, наполненные до краев бурбоном «Радость Мира» (вторая по качеству марка на пла-

---

* 3 унции соответствуют примерно 85,2 г. По американским понятиям, это очень большая порция.

нете), нашли себе свободную кабину. Безо всякого приглашения к ним подсели еще двое. Одной из них была очень смуглая и очень симпатичная женщина в сиреневой с розовым ночной рубашке. Она заявила, что живет тут через улицу, что перед завтраком высунулась из окна глянуть, что случилось, и внезапно решила выйти и повеселиться всласть.

— И вот я здесь и готова на все! — заявила она под конец, и ее пальцы мягко сжали мужское достоинство Дункана. Странно, но его это не только не обеспокоило, но даже не удивило.

А вот второй непрошеный собутыльник Дункана потряс. То был большеглазый тощий тип в шляпе с антеннами, которого Дункан встретил в поезде по дороге из Нью-Джерси — профессор Каребара. Тот самый, как внезапно вспомнилось Дункану, чье лицо промелькнуло на телеэкране после большой драки в «Сногсшибаловке». Физиономия профессора с того дня еще больше вытянулась, а глаза приобрели окончательно насекомье выражение. Вырядился он в высокие желтые башмаки, красные шорты, синий фрак, мятую белую рубаху с пучками зеленоватых кружев на манжетах и зеленую шляпу вроде тех, что носили древние пуритане, — опять-таки с двумя фиолетовыми антеннами футовой длины.

— Что вы тут делаете, профессор? — громогласно вопросил Кабтаб. — Надираетесь?

— Разумеется, нет,— ответил Каребара, отпив вина. — Я прихожу сюда для проверки численности муравьев.

— Муравьев? — переспросил падре. — Каких муравьев?

— Вы их не видели? Странно. В бюро поступает масса жалоб. Они вездесущи, они живут между перегородками, на складах, везде, где их не беспокоят. Недавняя мутация вида, научное наименование которого вам ничего не скажет. Достаточно и того, что дилетанты их обычно называют садовыми муравьями. Они превосходно приспособились к враждебной на первый взгляд городской среде. Они едят все, что можем есть мы, и, кроме того, пожирают других насекомых, включая тараканов. Они...

— Тараканов? — опять переспросил падре. — Каких тараканов?

— Их в Лос-Анджелесе множество, хотя тяготеют они преимущественно к кварталам граждан с минимальным кредитом. Эти отбросы общества крайне небрежно относятся к санитарии, несмотря на все попытки правительства внушить им необходимость поддерживать чистоту и порядок. Я, строго говоря, подозреваю, что минимы намеренно ведут себя подобно свиньям, выражая таким образом протест. Однако, возвращаясь к прежней теме, меня интересуют не столько

сами муравьи, хотя они обладают рядом своеобразных и поразительных черт, сколько миметические паразиты, сосуществующие с ними. Они также являются продуктами недавних мутаций, и...

Дункан перестал слушать. Женщина, подсевшая одновременно с Каребарой, скользнула под стол и занялась там кое-чем, что напрочь вышибло муравьев из головы Дункана.

— Что она там вытворяет? — спросил Кабтаб, перегибаясь через стол и полностью игнорируя разглагольствования профессора.

— Да помолчи ты, — выдавил Дункан. Лицо его скривилось, легкие вытолкнули воздух, и все завершилось.

Потом пришла очередь падре хвататься за столешницу, закатывать глаза, стонать и вздыхать. А несколькими минутами позже профессор Каребара замолк, и его обычно бесстрастное лицо сморщилось, дернулось, точно шкура сгоняющего мух зверя, и он испустил долгое «ооох!», после чего глаза профессора приняли более подобающий размер, и он возобновил лекцию (хотя и с другого места).

— Кто она такая? — спросил Дункан.

Каребара не ответил. Дункан схватил его за тощее плечо.

— Кто она?

— Да откуда я знаю? — вспылил профессор. — Сам у нее и спроси.

Женщина выползла из-под стола, глотнула из кабтабова стакана и на четвереньках направилась к следующему столику. Дункан привстал, чтобы разглядеть выражение лица одной из сидевших там женщин. Ее товарищи — вторая женщина и двое мужчин — похоже, сообразили, что происходит: они пронзительно смеялись и отпускали шуточки, на которые их подружка не обращала внимания. Наконец она вцепилась в край стола, закрыв глаза, откинула голову и застонала. Дункан опустился на свое место и отвернулся.

— Никто не возражает, — заметил он.

— А с какой стати? — изумился Кабтаб.

Дункан не нашел, что ответить.

— Весьма щедрая и демократичная женщина, — провозгласил падре. — Пью ее здоровье! — Он поднял свой стакан, обнаружил, что тот пуст, и заколотил им по столу. — Официант! Официант!

— Да нет их тут, забыл? — напомнил ему Дункан. — Я сейчас принесу.

Он встал из-за столика, не устояв перед искушением глянуть, что творится за соседним столиком. Незнакомка занималась соседом той женщины, которую уже успела обработать. Дункан покачал головой — то ли в восхищении, то ли

от омерзения, он не знал и сам — и принялся проталкиваться к стойке. Все шло прекрасно, пока он не попытался просочиться между тесно прижавшимися мужчиной и женщиной.

— Ты куда прешь, я тебя спрашиваю? — рыкнул мужчина. На голове его была тускло-оранжевая шляпа в форме замка; длинная борода заплетена в косички, а каждая косичка перевязана ослепительно-желтой ленточкой.

— Пытаюсь добраться до выпивки, — миролюбиво ответил Дункан. Напряжение, неловкость и раздражение, копившиеся на протяжении трех последних дней, покинули его, а выпитое виски настроило на благодушный лад.

— Да что он тебе мозги крутит, Майло! — взвизгнула женщина и, подняв руку, вылила Дункану на голову свою порцию водки.

— А ты чего хороший выпивон поганишь! — рявкнул мужик и врезал, но не ожидавшему удара Дункану, а женщине.

Все благодушие слетело с Дункана мигом. Он подобрался и нанес мужчине удар в челюсть — без замаха, поскольку места отвести руку не было. Потом он с полуоборота всадил локоть женщине под ложечку; та перестала смеяться, сложилась пополам и рухнула на пол. Мужчина пошатнулся, но устоял, поддержанный толпой. Он с ревом кинулся на пригнувшегося Дункана, споткнулся, упал на свою пытающуюся встать подругу, и Дункан разбил костяшки о его скулу.

Зал взорвался. Драка не расходилась кругами от места первой стычки; казалось, вызвали ее не удары кулаков, а сама витающая в воздухе идея драки, пронесшаяся по залам со скоростью мысли. Философская концепция претворилась в жизнь. Через секунду все посетители пытались либо ударить, пнуть или царапнуть соседа, либо кулаками проложить себе дорогу на улицу. Дункан, впрочем, недолго смог изумляться темпу превращения таверны в мечту гладиатора, поскольку что-то очень твердое — видимо, пивная кружка — врезалось ему в затылок, и он, полуоглушенный, опустился на колени. Переход в горизонтальное положение казался ему в тот момент если и не гениальной мыслью, то, во всяком случае, неотразимой. Он распростерся на полу, ударившись подбородком о женскую ногу. Какой-то тип, споткнувшись, упал прямо на него и встать уже не пытался. Глянув на его окровавленное лицо, Дункан решил, что подниматься пока действительно не стоит. Туман перед глазами рассеивался, но затылок болел все сильнее. Чьи-то ноги постоянно прохаживались по его ребрам — не со зла, просто спотыкаясь, но удары не становились от этого менее болезненными.

Дункан решил, что пора выбираться отсюда и идти домой зализывать раны. Без мордобоя по пути не обойдется, но, останься он здесь, его просто затопчут.

И где органики? Почему они не вламываются в таверну, не опрыскивают всех подряд парализующим туманом и не прекращают это безобразие? Правильно говорится, что когда ганки нужны всерьез, то их вечно нет на месте.

Не успел Дункан встать на четвереньки, как на спину ему упала женщина, а на ноги — мужчина. Долго они не пролежали. Ругаясь, крича, молотя друг друга почем зря (два удара пришлись и на долю Дункана) и, в общем, веселясь от души, эта парочка как-то поднялась и исчезла — только чтобы вернуться и рухнуть на Дункана снова. Он выкарабкался из-под них и получил коленом в нос. На паркетный пол потекла кровь. Дункан вновь лег, откатился подальше и приложил к носу бумажный платок.

«К бесу! — подумал он. — Лучше я полежу, пока не станет потише».

Увидев перед собой пару борющихся мужиков, Дункан не устоял перед искушением пнуть одного из них в пах. Тот с воплем согнулся, ухватившись за отбитые гениталии, и получил от второго сложенными руками по затылку. Потом второй перекатился через Дункана и нырнул в узкую щель между расставленными ногами еще одной схватившейся парочки. Получив коленями по ушам, он отключился, не успев даже изумиться коварству геометрии. Несмотря на только что принятое решение, Дункан вновь поднялся на четвереньки. К этому времени свободное пространство в шести дюймах от пола существенно уменьшилось — многие из посетителей легли, кто сам, а кто и с чужой помощью. Несколько стих даже шум, хотя человеку со стороны показалось бы, что он попал в последний круг ада.

Все вопли перекрывал громовой рев падре Коба. Дункан заметил его, когда падре поднял над головой отбрыкивающуюся девицу и швырнул в толпу, сбив ею троих мужчин, как кегли. Дункан вскочил на ноги и принялся пробиваться сквозь толпу. Выдержав две схватки — с мужчиной и с женщиной — и заработав несколько синяков и ссадин, он неожиданно вынырнул на свободное пространство вокруг Кабтаба. Тот как раз расширил свой ареал, свалив одним из своих противников двух других.

— Слава богам битв, Яхве и Одину! — заорал падре. Его окровавленное лицо сияло блаженством. — Это великолепная духовная и физическая разрядка!

— Пошли отсюда, пускай веселятся! — крикнул ему Дункан.

И тут он заметил Пантею Сник, о чьем присутствии в «Сногсшибаловке» и не подозревал. Тунику она где-то потеряла, оставшись в трусиках и туфле на высоком каблуке — правой туфле, потому что левой она молотила по голове свою противницу. Обе женщины были покрыты царапинами; под глазом Пантеи Сник красовался огромный синий фонарь.

— Иди сюда! — хрипло заорал Дункан.

Он проковылял к сцепившимся красоткам и оттащил Сник. Ее противница умчалась, держась за голову.

— Это я, Дункан, — рявкнул он извивавшейся в его объятиях Сник. Его лицо уткнулось в копну черных волос, пахнувших духами, виски и кровью. — Пошли!

Сбежавшая девка вернулась, волоча за собой двух здоровых мужчин. Компания приближалась, пытаясь взять Дункана и Сник в полукольцо. Но Кабтаб кинулся к ним, перепрыгивая через лежащие тела, бросился на одного из нападавших, сбил с ног и его, и второго мужчину. Поднялся один падре, и девица вновь с воплями умчалась.

— Да уходим же! — прорычал Дункан. Он повернулся и поволок визжащую и отбрыкивающуюся Сник к дверям. Кабтаб последовал за ними.

На площади дела обстояли не лучше. Дункан подумал даже: а не стоит ли вернуться в таверну. Несколько десятков человек вышибали друг из друга дух, на губчатом черно-красном полу уже валялось с полсотни тел (некоторые еще шевелились). Те, кто в драке не принимал участия, или лихорадочно заключали пари на отдельных бойцов, или занимались любовью во всех возможных позах.

Сник внезапно расслабилась.

— Отпусти меня, — попросила она. — Вот одежду найду, и все будет в порядке.

Дункан поставил ее на пол.

— По-моему, пора убираться, — произнес он. — У меня квартира недалеко.

Он вновь оглянулся. Где же ганки? Где врачи, где «скорая помощь»? Наверное, заняты где-то в другом месте. Численность аварийных служб просто не рассчитана на городского масштаба бунт. Плюс пьянку. Плюс оргию.

Дункан помахал рукой оставшемуся возле входа в «Сногсшибаловку» падре. Кабтаб словно и не заметил жеста; он вглядывался в потолок рекреации, по которому на фоне ясно-голубого неба плыли редкие облачка. Дункан окликнул священника, но и это не принесло результата. Глаза Кабтаба были широко раскрыты, а на лице отразилась невиданная радость. Дункана это обеспокоило. Нет. Испугало.

Внезапно Кабтаб опустил взгляд; губы его торопливо шевелились, на лице застыло все то же выражение. Обеими руками он сорвал с шеи свои ожерелья*. Распятие, могендовид, полумесяц, молот Тора, идол вуду и все остальные разлетелись в стороны, падая в толпу. Следующим упал сам падре. Тело его напряглось и рухнуло, подобно подрубленному дереву, тяжело ударившись о податливый пластик тротуара. Дункан подбежал к нему, расталкивая зевак и перепрыгивая через бессознательные тела. Когда он добрался до падре, тело того уже потеряло ригидность, а каждая мышца судорожно подергивалась. Но это не было эпилептическим припадком: глаза священника оставались ясными и широко открытыми, он быстро бормотал что-то на языке, Дункану не известном, несмотря на то что он был знаком с двадцатью из еще ходящих на Земле наречий.

Секундой позже рядом очутилась Сник, застегивая платье, снятое, очевидно, с одной из лежащих без сознания женщин.

— Что с ним? — спросила она, тяжело дыша. — Похоже, у него видение.

— Думаю, ты недалека от истины.

Кабтаб вскочил на ноги так внезапно, что Дункану пришлось отпрыгнуть. Безумное выражение его лица несколько смягчилось, но не исчезло. Сами молекулы кожи, казалось, перестроились, придав физиономии святого отца новые черты. Если бы Дункан не знал, что этот человек — падре, то не признал бы его.

— Нет боле старых богов! — взвыл Кабтаб. — Сгинули они и не вернутся! Если и были они! Нет! Да! Сбирайтесь ко мне, люди! Принес я вам добрую весть, первую, наверное, что вы слышали! Мед для слуха и пропитание духа! Собирайтесь и слушайте! Ибо говорю я вам не как падре Кабтаб, но как мегафон Новорожденного Бога! Я дисплей Всевышнего!

— Падре! Падре! — крикнул ему Дункан. — Ты меня не узнал?

Он потянул священника за рясу, но великан стряхнул ладонь Дункана, точно надоедливую муху.

— Я знаю всех мужчин, и женщин, и детей! — прогремел он. — Слушайте меня, вы, кого знаю я и кого Новорожденный Бог знает превыше познания! Слушайте меня! Упивайтесь истиной! А потом — действуйте! Делайте то, чего требует через меня Новорожденный Бог!

— Он свихнулся! — пробормотала Сник.

---

* От которых избавился в главе 12.

Несколько человек подошли послушать Кабтаба. Остальные то ли не слышали, то ли не обращали внимания. Окажись Дункан на их месте, он тоже не стал бы прерываться ради уличного проповедника.

— Свихнулся или нет, — ответил Дункан, — но, когда подкатят ганки, они его заберут. Понимаешь, что это значит? Под туманом он все расскажет о нас.

Дункан предпочел бы действовать менее грубо и заметно, но ему ничего не оставалось, как тихо подойти к Кабтабу сзади, занося руку для удара по львиной шее. Но в этот момент Кабтаб, точно предупрежденный неслышимым голосом, резко повернулся. Он все еще нес ерунду, но глаза его внимательно следили за Дунканом. Огромный кулак врезался Дункану в подбородок; он пошатнулся, взмахнул руками в поисках опоры — и увидел темную бездну, в которой горело маленькое, медленно разрастающееся солнышко...

Очнулся Дункан, лежа на мостовой; склонившаяся над ним Сник спрашивала, как он себя чувствует. С ее помощью он поднялся на ноги.

— Делать нечего, — сказал Дункан, тряся головой, точно пытаясь вытряхнуть из нее туман, — придется уматывать.

— Что значит «делать нечего»? — переспросила Сник, ее загорелое лицо побледнело.

— Хотел бы я сам понять, что это значит. Но положись на мое слово — мы с ним ничего не сможем сделать, если ты только не хочешь его пристрелить.

Сник была слишком удивлена, чтобы ответить. Когда Дункан схватил ее за руку и поволок через толпу, она все еще молчала.

ГЛАВА 22

Добравшись до квартиры Дункана, они первым делом выпили по глотку вина. Дункан переоделся в чистое, Сник постирала платье, снятое с оглушенной женщины. Некоторое время они сидели молча. Пантея разглядывала висящий на противоположной стене экран, на котором была изображена сцена из классического китайского романа «Все люди — братья»: древний китайский рынок и солдаты с мечами и пиками, проталкивающиеся сквозь толпу в поисках переодетого старым крестьянином героя Линь Чана. Судя по выражению лица Сник, картины она не видела.

— Как думаешь, что все-таки случилось? — спросила она наконец, отпив еще вина и указав рукой на дверь.

— Ганки подпустили в вентиляционную систему башни какой-то газ, снимающий эмоциональный контроль, — ответил

Дункан. — Не знаю, так ли это, но другого объяснения придумать не могу.

— И как они это, по-твоему, скроют? — спросила Сник, явно не поверив.

— Так они же и будут вести расследование. Вместе с другими департаментами. Какая разница? За всем этим стоит правительство. Оно устроило всю заварушку, оно и опубликует результат расследования. И в них не будет ни намека на газ — или что там еще опьянило и нас, и толпу? Правительство свалит вину на чувство свободы, вызванное снятием наблюдения. А вывод будет такой: избыток свободы опасен, что подтверждает статистика смертей, телесных повреждений и ущерба имуществу в Лос-Анджелесе, не говоря уже о других городах, где проводился эксперимент. Эти отчеты долго будут мелькать в новостях. Правительство не даст о них забыть. И, не сомневаюсь, использует как предлог ужесточить контроль.

— Может быть, — медленно произнесла Сник, — ты ошибаешься. Может быть, за народом действительно сто́ит наблюдать для его же блага. Может быть, мысль о свободе так ударила им в голову, что они превратились... нет, это слово не подходит — они взорвались. Они стали как первобытные люди. Ты же знаешь, сколько преступлений совершалось до Новой Эры.

— Господи Боже! — воскликнул Дункан. — Мы с тобой ганки, люди крайне дисциплинированные. Неужели ты думаешь, что на нас могла так повлиять мысль о том, что за нами никто не следит? Мы занимались тем, чего в нормальных условиях никогда бы себе не позволили — как и большинство окружающих. Нас опоили — другого объяснения нет. Как ты думаешь, почему все эксперименты проводились в закрытых городах вроде Лос-Анджелеса? Да потому, что только в них газ эффективен! В открытом городе, типа Манхэттена, газ не подействовал бы — на улицах он бы моментально рассеялся, а каждый дом оборудован собственным кондиционером.

Сник расплакалась. Дункан понимал, откуда брались ее слезы. Несмотря на все, что сделало с ней правительство, она все еще верила в ошибку каких-то чиновников. Они просто ошиблись — это не следствие тайного заговора — она всегда была лояльна — она не сделала ничего дурного! Они были не правы, предполагая, что она опасна для государства, и, конечно, когда-нибудь осознают ошибку и восстановят ее в правах. К изгоям она присоединилась только потому, что это был единственный способ остаться раскамененной и заставить чиновников признать правду. Как это сделать, Сник и

сама не знала. Но, пока она жива, пока действует, а не красуется статуей на складе, есть надежда... была.

Дункан подождал, пока она не прекратит всхлипывать, прежде чем заговорить снова. Сник не отвечала, лишь изредка кивая головой.

— Ты понимаешь, что с тобой будет, если БПТ узнает, во что ты веришь на самом деле? — спросил он. — Тебя закаменят или просто убьют.

— Ты?.. — прошептала она, глянув на него широко раскрытыми глазами.

— Я не предам тебя. — Он покачал головой. — Кроме того...

— Кроме чего? — переспросила она, подождав секунду.

— Ты уже не веришь в это. Думаю, ты уже убедилась, что правительство не выражает волю народа. Кроме тех мест, где оно так промыло народу мозги, что его воля совпала с желанием правительства.

Сник стерла с лица слезы и тушь, высморкалась и ответила:

— Нет. Но...

— Но?

— БПТ борется за минимальный уровень наблюдения. И хочет обеспечить свободный для всех доступ ко всей информации, ко всем данным, к любой статистике, чтобы данные не искажались, чтобы выдавались полностью, без цензуры, без полуправды, чтобы результаты голосований не подделывались, чтобы...

— Да кто тебе это сказал? — осведомился Дункан. — *Мне* ничего подобного не заявляли.

— Ну... конкретно и мне не заявляли. Просто у меня сложилось такое впечатление из того, на что намекнул тот... или та?.. кто меня допрашивал. Это явно подразумевалось. А разве у тебя о целях организации сложилось иное мнение?

— Да, приходится строить догадки. Но обрати внимание — о целях БПТ не было сказано ничего определенного. Мы плывем в темноте и не знаем, где берег и глубока ли вода. Лично я думаю, что наше положение сейчас препаршивое. Нужда в секретности так велика, организация так уязвима и неустойчива, а система ячеек доведена до такой нелепой крайности, что мы с тобой не знаем даже, относимся ли мы к настоящей революционной организации. Мы как органы, отсеченные от тела, — отчлененные печенки и вырванные почки, слепо тыкающиеся в поисках своего места в теле, которого, может, и нет вовсе! Быть может, это лишь пытающаяся организоваться масса протоплазмы, я не знаю! Бесит меня это. — Дункан глянул на экран у входной двери. — Вот и приехали.

— Ох! — только и сказала Сник, обернувшись.

Справа, почти у кромки экрана, виднелся нос зеленой патрульной машины. Трое ганков в противогазах обрызгивали туманом четверых граждан — те медленно осели на пол коридора. Какие-то мужчина и женщина прыгнули на спины двоим ганкам и повалили их. Оставшиеся ганки направили струи тумана на борющиеся пары, и нападавшие застыли.

— Газ, должно быть, имеет остаточные эффекты, — рассмеялся Дункан. — Иначе эти двое сдались бы добровольно. Но ганкам требовалось сопротивление.

— Боже, что за кошмар! — вздохнула Сник.

Дункан приказал стенному экрану переключиться на местные новости. Потягивая вино, Дункан и Сник слушали диктора и поглядывали на сцены, снятые по всему городу. Иногда этот печальный ряд прерывали картины других городов, где проводился эксперимент, — там случилось то же самое. Органиков из Сан-Франциско и городов Орегона и Вашингтона спешно перебрасывали в помощь лос-анджелесским.

— Нелегко им будет расчистить сегодняшний мусор до полуночи, — заметил Дункан. — Среда просто на уши встанет. Да, далеко аукнется сегодняшний случай.

— И правительство возьмет свое, — закончила Сник. — Но все же...

— Да?

— Я все-таки не уверена, что нам нужна революция. Тебе не кажется, что мы обошлись бы и реформой? Если бы только нашелся способ гарантировать неприкосновенность результатов выборов — что еще менять?

Дункан вновь покачал головой:

— Держи-ка эти идейки при себе. И надейся — и молись! — чтобы наше начальство из БПТ не вздумало спросить, что ты на самом деле думаешь об их идеалах, когда тебя в следующий раз обрызгают туманом правды.

— Если наступит следующий раз.

Дункану не пришлось спрашивать, что она имеет в виду. Органики, несомненно, воспользуются возможностью допросить каждого из арестованных. Стандартный вопрос номер три: «Принадлежите ли вы к какой-либо подрывной организации?» Если один из членов БПТ будет пойман — а без этого не обойдется, Кабтаб уже, наверное, в руках ганков, — то схватят и Дункана с его подругой. Они не смогут рассказать ганкам ничего о следующем уровне организации БПТ. Начальство останется в безопасности — пока. Но Дункану придет конец.

— Если только... — пробормотал он.

— Что?

Он пересказал Сник то, о чем думал, добавив:

— Наш единственный, и очень слабый, шанс состоит в том, что у БПТ есть свои люди в правительстве и они каким-то образом замнут это дело. Но людям из БПТ нужно будет присутствовать на всех допросах — нет, проводить их, иначе об организации будет доложено, и наш гипотетический подпольщик уже не сможет скрыть информацию. Слишком многое играет против нас. Нет, надо что-то делать, и немедленно. Только вот что?..

В этот момент диктор объявил, что в Лос-Анджелесе объявлено военное положение. Всем гражданам, находящимся в квартирах, следовало оставаться на местах. Всем, кого объявление застало на улицах, — немедленно расходиться по домам. Единственным исключением становились служащие систем жизнеобеспечения — по экрану проскользил список должностей, диктор прочел их вслух.

В течение следующего часа повторялось то же сообщение, перебиваемое лишь редкими выпусками новостей о ходе очистных работ. Дункан прошелся по всем каналам и обнаружил там того же диктора.

— Похоже, — сказал он, — что ты застряла у меня до следующего вторника.

— Не вздумай только...

— Ты хочешь сказать «не тащи меня в постель»?

Сник кивнула, встала с кресла и пошла на кухню.

— У меня есть более важные проблемы, — бросил Дункан ей вслед. Это, конечно, была правда, но, предложи она заняться любовью, Дункан без колебаний забыл бы обо всем остальном.

«Я в ловушке, — подумал он. — Зажат между любовью и правительством. Разница только в том, что страсть к Пантее Сник меня не убьет. Понятия не имею, как смогу справиться с этим чувством, но по собственному (и чужому) опыту знаю, что переживу это. Возможно, боль останется во мне, как инкапсулированная туберкулезная палочка, но я смогу жить нормальной, здоровой жизнью — более или менее. Но ни теперь, ни позже я не смогу ничем повлиять на решение Пантеи. Только одна женщина, а я не способен решить эту проблему, в то время как правительство — система, собравшая против меня тысячи, и я уверен, что смогу побороться с ним».

Поглядывая на экран, где шел очередной выпуск новостей, Дункан перебирал в уме возможности побега. На улицы выйти сегодня уже не удастся. Безумную идею слезть по веревке из окна или на планере — где его взять? — спуститься к водам залива он тоже отверг. Придется оставаться в

квартире до полуночи — часа если не колдовского, то каменящего. И тогда придется сделать выбор — войти в цилиндр или остаться.

Если он выберет последнее — что тогда?

Какое бы решение Дункан ни принял, ему придется уговаривать Сник последовать за ним. Если ее схватят и допросят, то она выдаст его, сама того не желая. Логика безупречна — но люди в большинстве своем следуют не аристотелевой или хотя бы символической логике, но той не поддающейся анализу и пониманию системе, которую создают их эмоции. Сначала мы чувствуем, а потом рационализируем.

Дункан поднялся, собираясь зайти в кухню, — Сник почему-то задерживалась. Но в этот момент картина на экране изменилась. Передавали из третьего органического участка двадцатого уровня. Ганки суетились, разгружая и перевозя тела, непрерывным потоком прибывавшие в участок, — тела обработанных туманом и привезенных для допроса, с которым, вероятно, придется обождать до следующего вторника. Репортер объяснял, что число «задержанных» слишком велико, чтобы быстро разобраться со всеми. Большинство из них будут окаменены на участковых аппаратах и отправлены пока на склад. Но поток арестованных так велик, что пришлось задействовать разбросанные по всему городу аварийные каменительные станции. Госпитали переполнены, так что всех раненых и погибших — задержанных или нет — отправляли в анабиоз, пока не придет их очередь — а это, как заметил репортер, может занять два, а то и три вторника.

«Никогда еще со времен последнего землетрясения мегаполис не переживал подобной катастрофы», — говорил репортер.

— О черт, — отозвался Дункан. Среди тел он заметил тушу падре Кабтаба. Робот-подъемник подсунул свои широкие лапы под неподвижное тело падре, лежащее лицом вниз на длинной многоколесной тележке вместе с многими другими, поднял — руки падре безжизненно повисли, — развернулся и въехал в двадцатифутовый проем. Камера надвинулась, показывая во всех подробностях профиль Кабтаба, раскрытый рот и широко распахнутые глаза.

«Как я говорил, — рассказывал репортер Генри Кан Хорриг, — мы не смогли получить никаких сведений о многих из задержанных для допроса. Однако о человеке, которого вы видите на своих экранах, я смог кое-что узнать. Как сообщил нам высокопоставленный органик, этот задержанный, личность которого еще не подтверждена, но ожирение очевидно, доставил арестовывавшим его офицерам немало хлопот. Двое потеряли сознание от его ударов, третьему он сломал руку, а

еще двух жестоко избил, прежде чем его усмирили. Задержанный, очевидно, проповедовал на улице, что само по себе является нарушением порядка второй степени при первом приводе и уголовным преступлением третьей степени — при втором. От него исходил сильнейший запах спиртного, и поскольку его схватили рядом с таверной "Сногсшибаловка", он мог быть одним из тех, кто разграбил запасы этого заведения. В этом случае...»

Дальше Дункан слушать не стал.

— Пантея! Пантея! — Он кинулся в кухню.

Сник сидела за столом у большого окна и глядела вниз, на гавань.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила она, оборачиваясь.

Дункан рассказал о случившемся, добавив:

— Если мы не предпримем чего-нибудь, и быстро, нам конец.

Дункан заметил, что Пантея уже не пила вина — на столе перед ней стояла большая кружка горячего кофе. Хорошая мысль — не время затуманивать мозги алкоголем.

— Только не надо глупостей делать, — ответила Сник.

Дункан присел на другой край стола и тоже выглянул в окно. Внизу проплывали громадные сухогрузы, паруса яхт сияли на вечернем солнце. Предписанный график движения соблюдался — очевидно, опьянение свободой, о котором твердили ганки, поразило только тех, кто находился в городе, пощадив оставшихся за его пределами. Интересно, как ганки объяснят это?

С легкостью. Моряков немного, контакт между ними ограничен, и массовая истерия башен их не затронула.

— Я не хочу торопиться. Я думаю. Единственный путь — единственный, на котором у нас появится шанс, — это стать дневальными. — Дункан встал.

— Чтобы нас схватили уже в среду? — иронически спросила Сник.

— Я опытный дневальный. Вряд ли кто-то знает об этом ремесле больше меня.

«Не меня самого, — подумал Дункан. — Но те, другие, что сидят во мне и скармливают мне кусочки своей памяти, — они знают».

Пантея Сник вновь отвернулась, глядя в окно, на гавань и океан за ней. Лицо ее приняло задумчивое выражение. Дункану казалось, что он видит в ее глазах мучительную и безнадежную тягу к свободе. Ему отчаянно хотелось поцеловать ее, сказать, что он даст ей надежду... даст что угодно.

Наступила тишина, и Дункан не знал, как нарушить ее. Ожидание было тягучим, как текущий из дерева сок; Дункан переминался с ноги на ногу и внутренне сгорал от нетерпения. Ему хотелось заговорить, но он понимал: любое слово проскользнет мимо ее рассудка.

Наконец Пантея Сник, вздохнув, повернулась к нему.

— Бесполезно, — сказала она. — С тем же успехом мы можем сдаться прямо сейчас и прервать свою агонию.

— Да как, черт побери, я мог влюбиться в такое жалкое создание?! — вспылил Дункан. — Ты бесхребетна, как губка, а духу в тебе — не больше, чем в пустой бутылке! Даже если знаешь, что проиграл, сдаваться нельзя!

— Чушь, — невыразительно пробормотала она.

— Да уж получше того дерьма, что ты несешь! Нельзя сдаваться! Я сам не сдавался и не сдамся! Иначе где бы я был — стоял статуей на правительственном складе?!

— Так ты хочешь оттянуть неизбежное? Какая тебе радость в нескольких лишних днях? Что в них проку? Окаменеющий, ты о них и не вспомнишь. Так стоит ли мучиться?

Они снова замолчали; если бы гнев становился светом, Дункан сиял бы бело-голубым огнем, опаляя свою подругу.

— Не знаю! — произнесла наконец Пантея. — Проблема в том, что я сама считаю себя виновной! Я заслуживаю каменения! В нашем обществе нет ничего дурного. Если правительство лжет или делает что-то незаконное, это ведь только для блага народа!

— Да ты прирожденный ганк, — брезгливо ответил Дункан. — А я трачу время на споры, когда мне следовало бы выполнять свой план.

— Какой план?

— Сказать тебе, чтобы, сдавшись, ты все выболтала ганкам?

— Ты действительно придумал план, который может удаться? — Лицо Пантеи оставалось скорбным, но голос немного оживился.

— Да, но ты должна обещать, что останешься со мной и будешь во всем мне помогать.

— А если я не смогу?

«Тогда, — подумал Дункан, — я тебя закаменю и буду жить дальше, что бы ни случилось».

ГЛАВА 23

К десяти часам вечера Дункан и Сник были готовы приступить к осуществлению первой стадии плана — если, конечно, можно назвать планом смутную надежду на то, что поспешная

импровизация не сведет их в могилу. Предвидеть развитие событий было невозможно, и вполне вероятно, что, ускользнув от одних неприятностей, они на полном ходу столкнутся с другими, избавиться от которых уже не смогут.

Первые шаги оказались просты. Жители среды, мужчина и женщина, останутся окамененными. Хотя аппараты включались автоматически, цилиндры имели и ручное управление. Если поставить переключатель на «ВЫКЛ», граждане Себертинк и Макасима не оживут. Тогда Дункан воспользуется их удостоверениями личности, чтобы получить из банка данных среды все возможные сведения об этой паре. Затем он и Сник, маскируясь под средовиков, позвонят им на работу и придумают повод для отгула. К счастью, Себертинк и Макасима работали в разных местах — иначе их надсмотрщики могли бы счесть одновременный отгул подозрительным.

Дункан уже смонтировал аудио-видеосимуляции своих соседей из среды, так что тот, кто ответит на звонки, подумает, что говорит с Себертинком и Макасимой. По счастью, Дункан имел большой опыт симмера — по крайней мере, знания сами всплывали в его памяти, или скорее в памяти одной из прежних его личностей. Во время короткой (как надеялся Дункан) беседы им со Сник придется контролировать голоса, позы и выражения лиц симуляций. В этом ему придется еще поднатаскать свою подругу.

— Нам стоит попрактиковаться немного, — предложил Дункан. — Начнем с того, что ты изобразишь начальника и будешь задавать вопросы, а я попробую управлять симом. Потом я стану начальником, а ты возьмешься за симуляцию Макасимы. Просто чтобы привыкнуть к управлению. Завтра отточим симуляции и несколько раз отрепетируем, прежде чем звонить. Встать придется рано.

А пока им достаточно было запросить с помощью своих удостоверений трехмерные портреты жителей среды, чтобы получить все необходимое для создания симов. Каждый звонок должен начинаться с приветствия; потом придется импровизировать, быстро и осторожно.

— Жаль, что у нас нет симкостюмов, — сказал Дункан. — Было бы куда проще. Надеваешь транспондер, настраиваешь интерфейс на регистрацию движений, поз и голосов, и все это автоматически передается симу в режиме реального времени. Тогда зрители воспринимают сима как нормального человека, в нем нет ничего неуклюжего, дерганого, неловкого, как бывает обычно.

— Эта штука, — Сник указала на панель управления, встроенную в стол в гостиной, — не предназначена для симу-

лирования. Ее в общем-то не для этого делали. Сумеем ли мы запудрить зрителям мозги?

— Да, если разговор будет коротким, а собеседник не до конца проснулся или от природы туп и невнимателен. Но если он начнет задавать вопросы по работе или о каких-то личных проблемах Себертинка или Макасимы, нам конец.

— Значит, придется прервать разговор — дескать, очень уж нам плохо.

— Вот-вот. И смыться в течение часа, пока «скорая помощь» не примчалась проверить, живы ли мы еще.

— Все-таки я думаю, что стоит отбросить этот план и уйти сразу после полуночи, — сказала Пантея. — Ты говоришь, что прохожих в это время немного и ганки нас заметят. Но вряд ли нас станут задерживать и допрашивать. Скорее всего нас примут за рабочих первой смены. А чтобы добраться до основания башни, украсть лодку и убраться отсюда, потребуется не больше десяти минут.

Дункан промолчал — он уже объяснял ей, почему эта среда не будет похожа на все прочие. Правительство вторника оставит среде сообщение о сегодняшнем бунте, хотя среда и без сообщений поймет, что получила в наследство полный развал. Судя по выпускам новостей, вторник едва сумел закаменить всех раненых и арестованных, да и то лишь после того, как в помощь органикам и врачам отрядили команды уборщиков. Но улицы по-прежнему полны мусора, стены запачканы, магазины и таверны разграблены. Чтобы разобраться с этим, среде придется набирать добровольцев, а если компьютеры скажут, что таковых маловато, — организуют всех граждан, кроме тех, кто поддерживает жизнь в городе. Себертинк служил продавцом в магазине спортивных товаров, а Макасима — патологоанатомом в госпитале. Обоих, по-видимому, пошлют на расчистку. Вероятно, это должно случиться, как только эти двое явятся на работу, но не могут же Дункан и Сник прийти вместо них. Если они выйдут на улицу ранним утром среды, их скорее всего схватят ганки и направят в рабочий отряд. Органики не успокоятся, пока не выполнят норму по добровольцам. Всякий, кто выйдет на улицу в столь ранний час, будет остановлен, допрошен и, если его работа не является слишком важной, временно приписан к Департаменту Очистки и Ремонта. А перед этим ганки проверят удостоверение личности.

Единственный разумный путь — выбраться, когда на улицах уже будет полно ОР-команд. Тогда можно будет идти спокойно, а еще лучше — сделать вид, что выполняешь спешное поручение, и таким образом проскользнуть мимо ганков.

Но любой органик сможет остановить их и спросить, куда они направляются.

Дункан полагал, что бегство уложится ровным счетом в десять минут. Он предпочел бы спуститься по межъярусным лестницам до основания башни — в основном потому, что лестницами пользовались редко, поскольку жители предпочитали лифты или эскалаторы. Однако лестницы находились ПВН — под видеонаблюдением. Камеры были установлены здесь под тем предлогом, что, если кто-то случайно свалится с лестницы, можно будет сразу известить медиков. Это имело смысл, и население города дружно проголосовало за установку мониторов — правительству вряд ли пришлось подтасовывать результаты.

Если Дункан и Сник пойдут по лестнице, то беспрепятственно доберутся до основания башни. Но с таким же успехом их могут остановить и потребовать проверки удостоверений — контрольные аппараты стояли через каждые двадцать футов — просто потому, что ганки сочтут их дезертирами с поля уборки.

Дункан глянул на стенной экран, где виднелась залитая ярким светом фонарей улица — пустая и изрядно замусоренная. Сразу после полуночи скрытые сопла в течение двух минут будут поливать струями воды пол, потолок и стены улиц. Стоки поглотят воду, а с ней и весь мелкий уличный мусор и пыль. Потом другие сопла начнут извергать горячий воздух, и спустя пару минут на полу останется только тонкая, быстро высыхающая пленка воды. С того участка улицы, на который сейчас глядел Дункан, вода унесет все, кроме вещмешка под противоположной дверью и темного пятна на полу.

Вот тут Дункану и пришла в голову мысль, как добраться до основания башни, не привлекая к себе излишнего внимания.

— Тея! — позвал он.

Измученная бессонными часами и тяжелыми, нескончаемыми симул-тренировками, Пантея задремала в кресле, но, услышав голос Дункана, подскочила, широко раскрыв глаза.

— Что?

— Мы спустимся по лестнице во время уборки! Камеры зальет водой, да ганкам и в голову не придет смотреть на экраны — кто станет ожидать пешеходов в такое время?

— Да нас же зальет!

— Обойдемся без душа.

— Мы не доберемся до основания башни за две минуты.

— Побежим как ошпаренные. Вниз — не вверх.

— Все равно не успеем.

— Ну так смажем задницы и скатимся по перилам. Слава Богу, на концах перил нет столбиков. Слетим без остановки, до самого низа.

Сник так расхохоталась, что упала с кресла. Дункана это немного разозлило, а может, просто ошарашило, но в то же время он радовался, что ей весело. По крайней мере, с ее лица исчезло отчаяние.

— Ты с ума сошел! — выдавила Сник, вытирая слезы. Она все еще сидела на полу, прислонившись к креслу, хотя приступ смеха уже прошел. — Двадцать этажей по перилам! Сколько это получится по вертикали — триста футов? Четыреста? А если учесть наклон перил — все пятьсот?

— У нас будет четыре минуты. Четыре — пока вода на линзах камер не высохнет. В первые две минуты вода снизит трение — нет, дольше, ведь перилам тоже надо высохнуть. Три минуты. И жир на штанах для смазки. Пока перила мокрые, смазка не будет сходить. Мы доберемся до низа за четыре минуты. Может, и быстрее.

— А если мы сорвемся? Руки тоже придется смазать, а струи воды бьют очень сильно. Если упадем... — Ее передернуло.

— Черт! Я сделаю это — с тобой или без тебя!

Пантея поднялась на ноги, глядя на Дункана с легкой улыбкой — или усмешкой?

— Отсутствием фантазии или изобретательности ты точно не страдаешь. Но это чудовищно опасно.

— По-твоему, сейчас нам безопаснее?

— Я пойду с тобой, — мотнула головой Сник.

— Отлично! — От избытка чувств Дункан схватил ее, крепко прижал к себе, потом резко отпустил. — Извини. Я не хотел тебя лапать. Просто очень обрадовался.

— Боже мой! Если я тебя не люблю, — ответила она, — это не значит, что ты мне отвратителен — наоборот, ты мне нравишься. Это было приятно.

Дункан поспешно отвернулся. Он не хотел, чтобы Сник заметила, какую эрекцию вызвал у него этот краткий миг близости. Подойдя к стенному экрану, Дункан вслух приказал вывести карту района и принялся ее изучать. Ближайшая лестница находилась в трехстах футах по коридору налево от его квартиры.

Потом экран переключился на стоящего под дверью человека. Тот протянул руку, и зазвонил звонок.

Дункан вздрогнул. Кожетрясение.

— Каребара! Какого черта он делает *здесь* и *сейчас*? Что он тут вообще делает?!

Первую мысль — что Каребара ганк — Дункан немедленно отбросил. Будь это так, с ним пришли бы еще двое, а в виду дверного монитора припарковалась бы патрульная машина. Органики всегда стремились запугать арестуемого, прежде чем вступать с ним в контакт.

Видно было, что сегодняшний день не прошел для Каребары бесследно. Антенны на его шляпе кто-то завязал таким тугим узлом, что профессор так и не смог их развязать. Иссиня-черный фонарь под глазом блестел заживляющей мазью. Тем не менее выглядел профессор все таким же внимательным и то и дело настороженно оглядывался.

Дункан приказал экрану впустить профессора, а сам пошел встретить гостя. В дверях они едва не столкнулись. Шляпа с профессора слетела, обнажив короткие темно-русые волосы, на вид такие же жесткие, как надкрылья жука.

— Вы, конечно, удивляетесь, что я тут делаю? — начал он, входя в комнату, но внезапно остановился, раскрыв рот, ткнул шляпой в Сник и почти взвизгнул: — Что *она* тут делает?

— Я пытался найти вас первой, — объяснил он взяв себя в руки, — но вас дома не оказалось.

— Двух птичек одним камнем, — усмехнулась Сник.

— А что здесь делаете *вы*? — осведомился Дункан.

— Ваш приятель Вард арестован и окаменен!

— Кабтаб, — пробормотал Дункан себе под нос, а Каребаре ответил: — Да, мы знаем.

— Тогда мне не надо объяснять вам последствия и возможности. — Профессор огляделся. — Можно присесть? Сегодня был тяжелый день, и он еще не закончился. — Взгляд Каребары остановился на стенном экране. — Сорок пять минут до полуночи. У нас еще много дел.

Произношение его показалось Дункану странным — словно со времени их последней встречи профессору поставили мост.

Дункан указал на кресло. Каребара присел, но тут же вскочил снова.

— Расслабляться нет времени. Наоборот, крайне важно и необходимо — вопрос жизни и смерти, — чтобы мы немедленно ушли. Я все объясню по дороге.

Дункан не сдвинулся с места.

— Никуда мы не пойдем, — сказал он, — пока не услышим объяснений. Для начала, вы из БПТ?

Зеленые глазищи Каребары стали еще больше.

— Конечно, а откуда еще? Хотя я восхищен вашей осторожностью; наилучшая политика — ничего не принимать за данность. Только... с сегодняшнего дня мы уже не БПТ. Мы Нимва.

— Нюм-ва?

Физиономия профессора сморщилась от раздражения.

— Да нет же. Это мой грузинский акцент. — Он произнес по буквам: — «Н-и-м-ф-а».

— Нимфа. Личиночная форма насекомых.

— Именно.

У Дункана не было времени спрашивать, как расшифровывается очередная аббревиатура; впрочем, его это и не слишком интересовало.

— Не переодевайтесь, — приказал Каребара. — Только вещмешки возьмите. И, конечно, удостоверения.

— Нет, — твердо ответил Дункан. — Мы и шагу не сделаем, пока не получим хоть какого-то представления о том, что нас ждет.

Каребара вновь глянул на экран цифровых часов.

— Все, что я могу вам сказать, — это то, что Вард арестован и вряд ли удастся исправить это положение. А потому вам следует скрыться. Я отведу вас в безопасное место. Больше я ничего сказать не могу — это все, что мне известно. Пойдемте же!

— Вы знаете больше, — возразил Дункан. — Например, очевидно, что вы занимаете довольно высокое положение в БПТ... то есть в «Нимфе». Вас приставили следить за нами еще в поезде на Лос-Анджелес? Вроде пастуха?

— Об этом я расскажу по дороге. Если мы задержимся здесь, то можем не успеть добраться... туда, куда я вас поведу. — Словно спохватившись, профессор потянулся к сумке. — Ах да. По одной на каждого. Моя уже на месте.

Он вытащил руку из сумки. На его ладони лежали два черных блестящих цилиндрика с заостренными кончиками, каждый — четверть дюйма длиной и меньше линии шириной*. Профессор взял один из цилиндриков и показал Дункану. Тот нагнулся, чтобы рассмотреть предмет повнимательнее, и заметил, что с боков цилиндра есть две плоские площадочки.

— Плоской стороной, — объяснил профессор, — прижмете к десне сразу над зубами. Она приклеится и не отстанет до тех пор, пока вы не отковырнете ее пальцем. Тогда плоская сторона лопается, и вы проглатываете высыпающийся порошок. Впрочем, неважно, проглотите вы его весь, только часть или не успеете вовсе. Даже небольшая доза сделает свое дело, соприкоснувшись со слизистой языка. Вот, держите.

---

* Приблизительно 6 × 1,5 мм.

Только беритесь двумя пальцами за кончики, середины не касайтесь.

Дункан взял одну из капсул и поднес на несколько дюймов к левому глазу.

— Свое дело? — переспросила Сник. — Вы хотите сказать, что порошок нас прикончит.

— У меня тоже капсула во рту. Вот, пощупайте, если не верите.

— Нет, спасибо. Я верю, что у тебя там капсула. Но откуда мне знать, что она наполнена ядом?

— Господи Боже! — вскричал Каребара. — Да у вас паранойя! Зачем мне вас обманывать?

— Откуда нам знать? — сказал Дункан. — Не взыщите, что мы никому не доверяем. После всего, что с нами случилось, у нас нет причин для доверия. Скажите-ка, каким образом мы вытащим эти капсулы изо рта, не сломав, когда окажемся в безопасном месте? Черта с два я ее всю жизнь с собой таскать буду!

— Наберете в рот особой жидкости. Она растворит клей. Пополощете рот минутку, и капсула сама отойдет.

— А зачем нам совершать самоубийство, если ганки нас схватят до того, как мы придем в это ваше безопасное место? — настаивал Дункан. — Вард уже у них. Если выяснится, что он из БПТ, то есть из «Нимфы»... — Он замолк на несколько секунд. — А, я понял, к чему вы клоните. Вард не знает, что вы из «Нимфы». Он выдаст нас, но не вас. И если мы трое будем мертвы, ганки не смогут пройти по следу дальше. Но ведь они допросят всех ваших знакомых, а по меньшей мере один из них связан с «Нимфой».

— Он тоже умрет, — нетерпеливо бросил Каребара. — Слушайте, мы не можем больше терять времени! Идете вы или нет?

Скорее всего профессор получил приказ убить их на месте, если Дункан и Сник откажутся повиноваться. Потому-то Дункан старался держаться поближе к Каребаре с того момента, как тот вошел в квартиру. Если профессор засунет руку за пазуху или в сумку, Дункан не даст ему вытащить оружие. А возможно, профессор получил приказ попросту избавиться от них, не выходя из квартиры. Сник может оказаться права, и капсулы растворятся немедленно, унеся жизни и ее, и Дункана.

Сник подошла к Каребаре, взяла с его ладони вторую капсулу и бросила в сумку. Дункан запихнул свою в нагрудный карман.

— Пошли, — сказал он. — Но...

— Вам приказано поместить их в рот! — взвизгнул Каребара.

— Я даже не знаю, какой пост ты занимаешь в организации, — усмехнулся Дункан. — Может, ты мой подчиненный. Мы пойдем без яда во рту или не пойдем вовсе.

Каребара отшатнулся; лицо его побагровело, веки затрепетали, как надкрылья пытающегося взлететь большого жука. Дункан шагнул к нему. Профессор отступил еще. Дункан вновь сократил дистанцию.

Каребара остановился, упершись спиной в дверь.

— Отойдите! — пискнул он.

— Ну так что? — осведомился Дункан.

Рука Каребары метнулась к открытой сумке.

ГЛАВА 24

У Каребары не было времени, чтобы достать то, за чем он полез: Дункан ударил его коленом в пах, затем поймал за запястье и, отступив на шаг, резко дернул на себя. Профессор грохнулся на пол — теперь ему уже было не до оружия, он был слишком занят: он стонал, и на это уходили все его силы. Но когда Дункан заглянул в его сумку, вместо протонного пистолета он увидел маленький немаркированный баллончик. Очевидно, Каребара собирался использовать его вместо оружия. Дункан развернул баллончик к лицу профессора, нажал кнопку, и оттуда ударила фиолетовая струя. Каребара судорожно вздохнул, обмяк, закрыл глаза и перестал стонать.

Распыляя аэрозоль, Дункан предусмотрительно отступил назад, но все же уловил знакомый запах.

— Туман правды, — пробормотал он.

Каребара вряд ли собирался использовать его по прямому назначению — у него просто не хватило бы времени, чтобы их допросить. Очевидно, обнаружив, что они не приклеили капсулы, он просто решил лишить их сознания.

Дункан посмотрел на часы: до полуночи оставалось еще 42 минуты. Через 12 минут по всем стенным экранам — в домах и на улицах — будет подан световой сигнал гражданам входить в свои цилиндры. Затем к нему присоединятся еще зуммеры и сирены.

— Бери его за ноги, — сказал он Сник.

Та поспешила к нему на помощь, и совместными усилиями они уложили Каребару на софу. Чтобы устроить его в полусидячем положении, софе приказали поднять часть спинки, а Сник заботливо положила свешивающуюся правую руку профессора ему на грудь, чтобы она не затекла.

Дункан придвинул стул поближе, сел и, наклонившись над профессором, негромко сказал ему в приказном тоне:

— Вы, доктор Герман Трофоллаксис Каребара, будете отвечать на все мои вопросы искренне и исчерпывающе. Вы поняли меня?

Губы Каребары едва двигались, и его «да» прозвучало чуть слышно.

— Говорите громче и лучше артикулируйте. Вы поняли меня?

Теперь ответы профессора звучали отчетливо.

— Герман Трофоллаксис Каребара — это ваше настоящее имя?

— Нет.

— Назовите свое настоящее имя.

— Альбин Семпл Шамир.

Сник наклонилась к Дункану и зашептала ему на ухо:

— Тебе так уж необходимы все эти преамбулы? Переходи прямо к делу — у нас мало времени.

Дункан, нахмурившись, ответил ей так же тихо:

— Ты права, но мне все же надо задать ему еще пару вопросов о его двойной роли в организации.

Продолжив допрос, Дункан узнал, что Каребара был завербован десять облет назад. В Нью-Джерси он приехал из Атланты, штат Джорджия, и в продолжение всего того времени, пока он изучал энтомологию и защищал свои ученые степени, он был секретным агентом органиков, внедренным в организацию, и успешно работал и на тех, и на других.

Дункан снова спросил, был ли он лоялен к организации.

— Да.

— Кто ваш непосредственный начальник?

— Не знаю.

Дальнейшие вопросы показали, что человек, отдававший ему приказы, всегда был в маске и использовал голосовой трансформатор.

— Что вы собирались с нами делать? Я имею в виду: куда вам было приказано доставить Бивульфа и Чандлер?

— Куда?

— В какое место?

— Я не должен был их доставлять.

— Ага! — Дункан выпрямился и посмотрел Сник в глаза: — Теперь мы кое-что узнаем.

Но узнал он мало.

— Вам было приказано убить Бивульфа и Чандлер?

— Нет.

— Вам было приказано отключить их с помощью тумана правды?

— Нет.

— Вам не приказывали доставить Бивульфа и Чандлер туда, где вы бы встретились со своим начальником?

— Нет.

— Вам было приказано убить Бивульфа и Чандлер или привести их в бесчувственное состояние?

— Нет.

Пантея снова наклонилась к уху Дункана:

— Помни, что субъект всегда отвечает буквально. Спрашивай его не о нас обоих, а начни с кого-нибудь одного, например, с себя.

— По какому адресу вам было приказано доставить Бивульфа из его квартиры?

— Я должен был доставить его по адресу: 25-й уровень, площадь Пушкина, 173 А.

— По какому адресу вы должны были доставить Чандлер?

— Мне не было приказано доставлять ее куда бы то ни было.

— Что вы должны были сказать, прийдя к ней на квартиру?

— Мне было приказано направить ее по адресу: 25-й уровень, площадь Пушкина, 173 А.

— Чандлер должна была отправиться по этому адресу одна?

— Да.

— После этого вы должны были прийти к Бивульфу и доставить его по тому же адресу?

— Да.

— Что вы должны были сделать после того, как вместе с Бивульфом прибудете туда?

— Передать Бивульфа некоему лицу.

— Кто это «некое лицо»?

— Не знаю.

— Как это лицо должно было вам представиться?

— Он должен был сам меня узнать.

— Но вы должны были знать его?

— Нет.

— Что вы должны были делать после того, как передали бы Бивульфа на попечение этого лица?

— Мне было приказано идти домой.

— Назовите свой домашний адрес.

— Апельсиновая улица, 358, 17-й уровень Университетской башни.

— Должна ли была Чандлер дождаться вас с Бивульфом на площади Пушкина?

— Не знаю.

Дункан посмотрел на Сник, поднял брови и пожал плечами. Ему казалось странным, что Сник должна была идти совсем одна. Ведь если бы ее задержали ганки, она никак не могла бы объяснить, почему находится на улице в такое позднее время. По логике, ее должен был сопровождать Каребара. Они бы вместе пришли к Дункану и все вместе отправились бы дальше, потому что профессор как секретный агент органиков мог бы их защитить от любого случайного ганка, предъявив свое удостоверение. Их тут же отпустили бы без лишних расспросов.

И вдруг у Дункана возникла мысль, от которой по спине пробежал холодок: а что, если пара агентов «Нимфы» только и дожидались, пока Сник выйдет из дома совсем одна? Что, если у них был приказ (о котором Каребара мог и не знать) похитить ее и спрятать под надежной охраной? С тех пор как Кабтаб раскрыл ее, она стала для организации опасной. «Впрочем, как и я, — подумал Дункан. — Но я-то "Нимфе" необходим, потому что умею лгать под воздействием тумана и могу научить этому других. Может, именно поэтому правительство считает меня таким опасным».

Он встал и шагнул к входным дверям.

— Что там? — спросила Сник.

Не ответив, он приоткрыл дверь и выглянул. В первую секунду он не увидел никого, но потом под навесом у входа в склад, слева от его дома, различил смутные очертания каких-то людей. Дункан отступил, прикрыл дверь и вернулся к Сник.

— Ну, так что там? — встревоженно спросила она.

— Я думаю, две «нимфы».

И он рассказал ей о своих подозрениях.

— Они хотят избавиться от меня? — спросила Сник. — Но ведь я же не новичок, не дилетант какой-нибудь! Я могу им быть очень полезна.

— Возможно, у них другое мнение, — ответил Дункан и добавил: — Похоже, мне с ними больше не по пути: они слишком беспощадны к своим членам и даже позволяют себе от них избавляться. Хотя я подозреваю, что именно благодаря подобной политике их до сих пор не раскрыли. Как мог бы сказать наш друг Каребара, «Нимфа» — тот же муравейник: заботы о всеобщем благе не оставляют места для индивидуальных интересов. А чтобы сохранить всю колонию, можно и пожертвовать несколькими особями. Только мы не муравьи. До тех пор...

— До каких пор?

Он жестом велел ей замолчать и, повернувшись к ближайшему экрану, приказал заменить код входных дверей на новый.

— Это только временно. Я подозреваю, что те два ганка знают код моей квартиры. И твоей, думаю, тоже. Теперь они не смогут войти. — Дункан посмотрел на часы. — А войти они попытаются очень скоро, потому что у них не так уж много времени, чтобы ждать, пока Каребара нас выведет. Они, наверное, сейчас там гадают, в чем дело.

— Откуда им знать, что я здесь?

— Они наверняка знают, что мы друзья. И поэтому, не обнаружив тебя дома, они пришли сюда. Впрочем, дело, может быть, и не в тебе. Они могут волноваться за нас с профессором. — Он направился к софе. — Давай засунем его в цилиндр. Лучше всего в мой.

Поднимая профессора за ноги, Сник заметила:

— Ганки могут найти его, и он им все расскажет.

— А мне все равно! Я больше не преданный член организации. Так что пусть «Нимфа» получит все, что заслужила. Нас-то здесь уже не будет!

Сник не сказала ни слова, пока они укладывали профессора в эмбриональной позе в цилиндре. Потом они закрыли дверь и включили аппарат.

Внезапно все экраны в комнате засветились оранжевым и зазвенел телефон. От неожиданности оба вздрогнули. Прежде чем Дункан успел спросить, кто звонит, на экранах вспыхнули черные буквы: «К., ВАМ ДАЕТСЯ ПЯТЬ МИНУТ». Секунд через пять все погасло.

— Они ждут его. Его и меня, — сказал Дункан.

— Почему они не захотели с ним переговорить?

— Думаю, в целях конспирации.

Хотя сейчас вокруг них со Сник затягивалась петля, Дункан ухмыльнулся: может, его и ждал кто-нибудь на площади Пушкина, но он туда идти не собирался. Если те двое на улице имели приказ задержать Сник, значит, выходить можно только с оружием. А так как оружия нет, остается тихо сидеть в квартире и ждать развития событий.

— Все, что нам остается, это ждать, пока они не уйдут, — сказал он. — Они просто обязаны скоро убраться. Даже у ганков нет никаких оправданий, если они не пойдут в каменатор. — Посмотрев на экран, показывающий улицу, Дункан попросил: — Раздобудь чего-нибудь вроде смазки. Сгодится и сливочное масло. Да поищи каких-нибудь тряпок, чтобы предохранить руки от трения.

— Ты что, всерьез собираешься скатиться вниз по перилам?

— Я собираюсь улететь. Знаешь, как мы это сделаем?

— Хватит быть хитрозадым.

— Хитро или нет, но пытаюсь спасти оба наших зада... Смотри-ка! Они больше не ждут! Они уже здесь!

Перед входной дверью, уже не прячась, стояли двое мужчин. Яркий уличный свет давал возможность разглядеть их во всех деталях. Оба были среднего роста, мускулистые, одетые в одинаковые конические шляпы с широкими полями, свободные мантии без рукавов, ниспадавшие почти до лодыжек, и мокасины на босу ногу. Кожа одного из них была смуглой, черные, блестящие волосы торчали в разные стороны. У него было широкое скуластое лицо и черные глаза с легкими эпикантиальными складками. Второй был обладателем длинного носа, ушей почти без мочек, толстых губ и круглых глаз. Его кожа была модно располосована «под зебру», голубой цвет глаз, видимо, тоже был результатом депигментации.

Первый, тот, что без полосок, шагнул к дверям и нажал на кнопку звонка.

— А мы не будем отвечать, — сказал Дункан.

После того как звонок прозвенел семь раз подряд, компаньоны о чем-то зашептались. Потом они залезли в сумки и достали по протонному пистолету.

— Они собираются выжечь запоры.

Сник подхватила свою сумку и исчезла в коридоре. Дункан слишком хорошо знал ее и не мог допустить мысли, что она оставила его одного, без подмоги. Как бы она ни сомневалась в правомерности действий революционеров и в возможности побега, при конкретной опасности она стала действовать. Наверное, помчалась на кухню на поиски ножей или чего-то еще, что может сгодиться как оружие защиты. Дункан был уверен в этом так твердо, словно прочел ее мысли.

На двери появилось яркое пятно от протонного луча. И хотя Дункан не мог его видеть с того места, где находился, он знал, что сейчас оно уже должно было расплавить щель, в которой находилось его удостоверение личности, которое он вставил туда, чтобы войти в дом. У Сник уже не оставалось времени, чтобы успеть принести ножи. Хотя вряд ли они могли бы помочь защитить дверь. Дункан приказал софе выпустить колеса, и как только она приподнялась над полом, тут же подпихнул ее к дверям, поставив поперек прохода как раз в тот момент, когда в средней секции двери начал плавиться металл и появился дымок.

— Убрать колеса! — закричал Дункан, развернулся и бросился в кухню. Ему нужно было выиграть хоть несколько секунд, а громоздкую софу с дороги так просто не спихнешь.

Теперь, прежде чем эти двое увидят его и выстрелят, нужно было найти Сник. У входа в кухню он бросился на пол и пополз, потому что ему послышалось, будто дверь поддалась, и кто-то из взломщиков уже мог протиснуться в щель настолько, чтобы увидеть его. Но в ту же секунду во всей квартире погас свет. Наверное, Сник приказала компьютеру отключить ток.

Он полз быстро, как только мог. Света других башен, пробивавшегося в окна, было достаточно, чтобы различать очертания предметов. Внезапно и с улицы через распахнутую взломщиками дверь хлынул яркий поток света. Рядом размытой тенью возникла Сник, протянула ему длинный тонкий нож и прошептала:

— Я дала команду отключить электрический ток до тех пор, пока я, и никто иной, не прикажу ему включиться снова. — Она хихикнула. — Если они убьют меня, тебе понадобится про́пасть времени, прежде чем ты снова сможешь зажечь свет или позвонить кому-нибудь. И сюда никто не дозвонится.

Яркий свет с улицы внезапно погас. Очевидно, взломщики поняли, что на фоне дверного проема являются хорошими мишенями. К тому же он мешал им разглядеть тех, кто засел на кухне.

— Они не знают, есть ли у нас оружие, — прошептал Дункан. — И вряд ли полезут на рожон.

Он приказал большому столу выпустить колесики, и тут же по специальным желобкам в ножках бесшумно скользнули маленькие ролики и закрепились на их концах. Дункан подкатил стол к двери, перевернул на бок и поставил поперек дверного проема. При слабом свете из окон взломщики смогут заметить, что вход на кухню заблокирован, и если им не придет в голову перелезть через стол, им придется его убрать.

— Они не могут позволить себе тянуть время, — сказал Дункан. — Время сейчас — самый важный фактор как для них, так и для нас.

Он опустился на четвереньки и под прикрытием стола пополз на другую сторону от входа. Там он встал в полный рост.

Раздался голос одного из нападавших:

— Бивульф! Чандлер! Где Каребара?

Дункан приложил палец к губам, но в сумерках Сник не могла увидеть его жест.

— Бивульф, выходи! Мы знаем, что вы все трое здесь! Из дома никто не выходил. Что вы сделали с Каребарой? Он не стал бы прятаться от нас. Где он?

Полная тишина в ответ.

— Нам нужны только Каребара и Чандлер, — продолжал тот же голос. — По поводу вас у нас нет никаких приказов. Выдайте их нам. Немедленно! Или мы войдем и будем стрелять.

Эти двое, должно быть, из другой ячейки «Нимфы» и, наверное, знают об организации не больше, чем Дункан со Сник. Но все же их ячейка должна быть больше и располагать большей информацией — иначе откуда бы они узнали о Каребаре? Но знают ли они, какой ценностью для «Нимфы» является Дункан? И если даже знают, будет ли это сдерживающим фактором, который заставит их щадить его, по крайней мере, пока ситуация под контролем?

Дункан опустился на колени, скинул сумку с плеча и отполз на пару футов назад. Не надо давать возможность засечь по голосу, где он находится. Не стоит помогать им подстрелить себя.

— Каребары нет в наличии! — крикнул он, отполз в сторону и прижался к полу. Сумка находилась в пределах досягаемости.

Один из нападавших тихо выругался. Затем раздался шепот второго; они стали тихо совещаться.

— У нас нет времени на шуточки! — наконец злобно закричал второй. — Немедленно выдайте нам Каребару и Чандлер. Или мы войдем и будем стрелять! Я не шучу!

— И убьете Каребару! — ответил Дункан и, прихватив сумку, откатился на середину кухни. — И меня тоже! — продолжил он. — А вашим начальникам это совсем не понравится! Вы, идиоты, знаете, что они делают с теми, кто переусердствует?

Первый снова тихо выругался.

— А между тем, — продолжал Дункан, — у нас тоже есть оружие. Мы не хотим его использовать, но при необходимости сможем. Если только сунетесь сюда, мы вас убьем!

Дункан перекатился вправо, приподнялся и жестом велел Сник отползти назад. Она кивнула и отодвинулась на несколько футов. Дункан показал ей, чтобы она легла. Вместо этого она поднялась на четвереньки. Дункан жестом приказал ей слушаться, и она все-таки распласталась на полу, лицом к дверям кухни. В руке ее по-прежнему был нож.

— Есть у вас оружие, как же! — громко сказал первый. — Почему же вы тогда не подстрелили нас еще тогда, когда мы входили?

— Потому что вы из «Нимфы», — ответил Дункан, — и мы надеялись с вами как-то договориться!

— На разговоры нет времени! И у нас приказ! — сказал первый. — Я даю вам три секунды — вам и Чандлер, — чтобы вы вышли с поднятыми руками. Мы увидим ваши силуэты.

— Сначала бросьте сюда пистолеты, чтобы мы были уверены, что вы не станете стрелять!

— Конечно! Сейчас все бросим! — ответил первый, и оба засмеялись.

Дункан подполз к Сник и прошептал ей прямо в ухо:

— Как только я подам вот такой сигнал, — он помахал рукой, — выкрикни что-нибудь и тут же укатывайся ко всем чертям в другой конец кухни. Вон туда. И если они начнут стрелять, кричи, как будто в тебя попали.

Она кивнула.

— Жди. Я переползу на другую сторону от входа.

Когда он занял намеченную позицию и подал ей условленный сигнал, она громко закричала: «Пошли вы к черту! Ублюдки!»

Как и предполагал Дункан, те двое, не зная планировки квартиры, стали стрелять на голос: воздух буквально взорвался, в стене появились две дыры и еще две задымились в полу. Хотя Сник, замолчав, сразу же откатилась, один из лучей ударил буквально в двух дюймах от нее. Она издала вопль раненой пумы и оборвала его, словно захлебнувшись кровью. Фиолетовые лучи засверкали по всей кухне. Сник и Дункан продолжали кататься по полу, пока не стихли выстрелы. «Похоже, эти двое поверили в то, что я нужен "Нимфе", — подумал Дункан. — Однако у средовцев будет до черта хлопот с уборкой». Затем он тихо, но так, чтобы его могли услышать в коридоре, позвал:

— Чандлер! Ты в порядке? — И яростно заорал: — Проклятые убийцы! Вы убили ее!

В холле опять зашушукались, затем один из них крикнул:

— Кончай свои шуточки, Бивульф! Мы не толстолобые штатские, нас ты не одурачишь!

— Вы убили ее! — закричал Дункан и откатился к стене.

Прижавшись к полу, он бесшумно пополз под прикрытием стола к порогу. Там он устроился поудобнее и залез в свою сумку. Пальцы быстро нащупали баллончик с туманом, Дункан вытащил его и поставил на пол справа, чтобы был под рукой. Он не собирался больше ничего говорить. Времени у тех двоих уже почти не было, и им придется что-то предпринять прямо сейчас.

Но атаки не последовало. Или они сейчас пытаются подкрасться поближе — в этих мокасинах они могли ходить бесшумно. А может, все еще раздумывают о его статусе в

«Нимфе» и о том, удалось ли им действительно подстрелить женщину, которую они знали под именем Чандлер?

В эту секунду прямо над головой Дункана ударила струя лилового пламени. От испуга Дункан чуть из кожи не выскочил. Похоже, они отложили протонные пистолеты и применили маленький огнемет. Огненный язык затрепетал в темноте, протянувшись через всю кухню — от стола до самого окна, и через секунду исчез. Но, может, они просто пытались осветить кухню, чтобы выяснить, там ли Каребара, и если нет, то искать его в уборной или в цилиндрах. Один из них мог заняться поисками профессора, а второй оставался бы в засаде и держал бы кухонную дверь на мушке.

В это время Сник, стараясь двигаться абсолютно бесшумно, поставила рядом с дверным проемом маленький столик так, чтобы его не было видно из холла. Дункану не очень понравилось, что она встала, но он не стал останавливать ее. Вот она поставила на столик еще один, поменьше. Вот пододвинула к ним стул. Вот встала на стул. Вот поставила ногу на крышку нижнего столика. Ее голые ноги белели в темноте.

Дункан почувствовал, что пот начинает есть глаза, и осторожно вытер лицо — оно все покрылось крупными каплями пота. Когда Сник отключила электричество, автоматически отключились кондиционеры. Но даже если бы здесь стоял полярный холод, Дункана все равно бросило бы в жар: он очень надеялся, что она не поскользнется, не потеряет равновесия и не рухнет с грохотом, который подскажет, куда стрелять. В то же время он чисто инстинктивно прислушивался — нет ли шагов в холле, хотя и понимал, что мокасины на кафельном полу не издадут ни малейшего шороха. Но если эти двое напряжены так же, как и он, то Дункан, наверное, услышит их дыхание.

Сник выпрямилась, повернулась лицом к стене и, опираясь на край большого стола, поставила колено на крышку верхнего столика. Все сооружение заколебалось, но устояло. Она, балансируя, сначала встала на оба колена, затем осторожно выпрямилась и застыла на верхушке своей пирамиды с ножом в руках, и белая кожа ее ног отсвечивала ярче, чем лезвие ножа.

Она собиралась прыгнуть на первого, кто войдет, но ее опора была слишком шаткой.

Наконец Дункан услышал тишайший шепот: один из нападавших что-то сказал. Дункану показалось, что говоривший находится где-то на расстоянии. Но тихо отодвинуть стол и выползти в коридор он не решился — слишком велика была вероятность попасть под струю огня.

Сейчас эти двое предпримут что-то отчаянное: им приказано убить Сник. Правда, они не знают, как поступить с Дунканом. Тем более что Бивульф и Чандлер могли иметь оружие. Каребара так и останется в цилиндре, и когда его обнаружат жители среды, а то и четверга, ему придется худо. Его арестуют, невзирая ни на его рассказы, ни на высокий чин среди органиков вторника. Одна порция тумана правды заставит его выложить все.

Полночь быстро приближалась, и те двое, должно быть, сильно нервничают, боясь не попасть в цилиндры вовремя: если их обнаружат в среду неокамененными, им придется солоней, чем Каребаре.

Они должны были решиться на что-то в ближайшие несколько секунд: либо попытаться договориться с осажденными, либо начать атаку.

Дункан подполз к проему, чуть подвинул стол и просунул руку в образовавшуюся щель. В руке он держал баллончик. Он понимал, что нимфовцы смогут услышать тихое шипение струи, но ему оставалось только надеяться на то, что они не успеют определить его причину. Сейчас они пойдут на прорыв и сами влетят в облако тумана. Правда, Дункан сомневался, что они вдохнут сразу столько, чтобы лишиться сознания, но, даже если они вдохнут немного, это замедлит их движения и ошеломит хотя бы на несколько секунд. Но если только он просчитался и они слишком далеко и не собираются идти на штурм, то туман быстро выдохнется и станет безвредным.

Распылив снаружи с полбаллона, он нащупал стол и подвинул его на место. И тут же услышал тихое шипение. Дункан выругался: они проделали то же самое.

Стол медленно поплыл в сторону. Дункан простонал: «Задержи дыхание, Тея!», уже понимая, что опоздал и что сам сейчас потеряет сознание.

Как сквозь туман он увидел плывущую темную фигуру, вспышки выстрелов; мужчину, лежавшего грудой, как скатерть, сброшенная со стола; Сник, прыгающую вниз, тусклый блеск ее ножа; услышал грохот рушащейся пирамиды и...

ГЛАВА 25

Дункан проснулся совершенно разбитым — все тело ныло, мышцы одеревенели, — хотя ощутил это не сразу. Он лежал в мягкой постели и, открыв глаза, увидел на потолке большой экран, на котором шла одна из сцен «Пер Гюнта». Он узнал фильм, хотя и не мог пока вспомнить, где раньше его видел и кто он сам вообще. На экране Гюнт бежал сквозь ночной туман

по торфяному болоту между обугленными лесным пожаром стволами пихт. Его преследовали живые клубки шерсти — физическое воплощение его грехов. Потом он встретил зловещего старика — Пуговичника. Мастер достал свой ящик с инструментами и ковш для литья и сказал Гюнту, что уже давно его ищет, потому что хочет его расплавить в своем ковше. Гюнт оказался пуговицей с дефектом — отливка потеряла петельку. Пер начал возражать, пытаясь доказать, что он еще не совсем пропащий: пусть у него было много личин (некоторые, кстати, превосходные), сам Пер был сердцевиной, ядром, и у него были все же некоторые достоинства, которые могут спасти его от ковша.

Пуговичник:

> Но, дорогой мой Гюнт, к чему борьба?
> Взгляни на это с точки зрения творца:
> Ты не был никогда самим собой,
> Так что тебе терять в моем ковше?

«Что, достаточно?» — подумал Дункан и, забыв о фильме, погрузился в тоскливое недоумение по поводу того, что не знает, где находится.

Наконец он приподнялся, невольно застонав от тупой головной боли, и сел. Он находился в длинной, слегка изогнутой комнате с единственным громадным — от стены до стены — окном на запад. Хотя солнца не было видно, снаружи лился яркий дневной свет. Роскошная мебель так и сияла, что наводило на мысль, будто он находится в доме очень высокопоставленного лица. То есть в одной из его комнат.

У другой стены стояла еще одна большая кровать, на которой лежала на боку Сник, по горло укрытая одеялом цвета электрик. Глаза ее были закрыты. Над ее головой на экране тоже шел какой-то фильм, доносились слабые голоса, но на таком расстоянии Дункан не мог определить, что показывают ей.

Он с трудом встал и, шатаясь, побрел к окну. В ста футах от него пролетело воздушное каноэ органиков. На заднем плане виднелись несколько башен и мостов, затем их заслонил величаво проплывающий мимо грузовой дирижабль. Но как только Дункан подошел к окну вплотную, стекло стало черным. Он отступил на шаг, и стекло посветлело, но не стало настолько прозрачным, чтобы видеть далеко. Еще два шага назад — окно прояснилось полностью и стало таким прозрачным, словно его не было вовсе. Очевидно, оно было сделано из материала, реагирующего на приближение к нему на определенную дистанцию.

Это доказывало, что он в заключении, а стекло должно ограждать его от любопытства пролетающих мимо. А также на тот случай, если он сам попытается подать какие-нибудь сигналы с просьбой о помощи.

В комнате было две двери — обе закрыты. Он толкнул ближайшую, но она не поддалась. Другая, однако, легко скользнула в сторону и открыла его взору унитаз, несколько раковин с кранами, мыло на полочках, полотенца на крючках и массивную ванну из белого мрамора с зелеными прожилками. Дункан был так потрясен, что удивился, как это он еще стоит на ногах, а не сел на пол при виде такой роскоши. Как только он шагнул внутрь, свет зажегся автоматически.

Выпив большой стакан воды, он посмотрел на себя в зеркало в переливающейся красно-черной раме и увидел там осунувшегося красноглазого Дункана в той же одежде, что была на нем в последний раз. Он умылся, вытерся и уже собирался открыть дверь, чтобы выйти, как она вдруг открылась сама. В дверях стояла Сник с открытым ртом. Потом рот уменьшился до нормальных размеров и она сказала:

— О! Слава Богу! Это ты!

— Более или менее, — ответил он и подумал: вряд ли ему показали «Пер Гюнта» по простому совпадению. Похоже, что тот, кто держит их здесь, знал о Дункане больше, чем тому хотелось бы.

То, что Сник была еще жива, могло означать, что их тюремщик, возможно, расположен оставить ей жизнь и в дальнейшем. Дункан задумчиво смотрел, как она причесывается. Затем она спустила трусики, уселась на унитаз, поднатужилась и издала громоподобный звук, и хотя он собирался немедленно с ней все обсудить, ему пришлось срочно ретироваться, чтобы спастись от удушья. Пытаясь избавиться от запаха, словно пропитавшего не только легкие, но и все его тело, он сделал несколько приседаний, но от физических усилий голова заболела еще больше. Он отдавал себе отчет, что скорее всего за ними следят и что в любой момент может войти их наблюдатель и объявить пленникам о своих планах на их счет. И он предпочел бы, чтобы это произошло как можно скорее. Но, похоже, тюремщики не торопились.

У второй двери раздался звонок. Дункан повернулся и увидел, что часть до этого абсолютно гладкой стены разворачивается вокруг своей оси. На обратной стороне висела полка с двумя покрытыми салфетками подносами. Он подошел к полке и, как и предполагал, обнаружил два завтрака. Он забрал подносы, и стена тут же вернулась в прежнее состояние, не оставив ни малейшего зазора. Дункан пытался

заглянуть в щель, пока плита разворачивалась, но там была лишь темнота.

Еды для двоих было более чем достаточно: яйца, бекон, тосты, каша, молоко, апельсиновый сок, кофе и витаминные таблетки — все продукты, конечно, без холестерина. Дункан позвал было Сник разделить с ним эту маленькую радость, но, услышав шум душа, решил начать трапезу в одиночестве. Тем более что, судя по тому конфузу, который с ней случился, когда она вошла в туалет, она скорее всего прохладно отнесется к еде. Дункан все же предпочел бы сначала обсудить ситуацию. Это мало чем могло им помочь, но отчасти сняло бы напряжение.

То, что именно «Нимфа» прислала к нему на квартиру отряд, было ясно и так. И им было совсем не трудно раскаменить Каребару. А отключение электричества автоматически отменялось при переходе управления к средовикам.

Сник вышла из туалета. Всю одежду и обувь она держала в одной руке, подальше от себя. Ее кожа была насухо вытерта, но волосы были еще влажными и сверкали, как мех морского котика. Она направилась к стиральному комбайну, стоящему в дальнем углу комнаты на небольшом столике. Его цилиндрическая поверхность переливалась цветами от голубого к фиолетовому, крошечные горгульи на крышке периодически кивали головами. «За эту игрушку, — подумал Дункан, — хозяин, наверное, отвалил кучу кредитов».

Сник положила вещи внутрь, закрыла дверцы, нажала на кнопку, открыла дверцы, достала вещи и оделась. По мере того как Дункан наблюдал за ее действиями, его аппетит уменьшался. Поскольку древние правила благопристойности уже давно не действовали по причине вредного воздействия на психику, он решил, что Сник демонстративно прошлась перед ним голышом, чтобы возбудить его. Но зачем дразнить, если он сейчас ничего не сможет сделать? Угораздило же его влюбиться в ведьму с садистскими наклонностями!

Хотя, с другой стороны, он мог ей приписать побуждения, которых на самом деле не было.

Сник присела к столу напротив Дункана и принялась за еду. Но вдруг сморщила нос, сказала «фу!» и уставилась на него.

— Ты не помылся и не постирал одежду. И воняешь, как скунс.

— Тогда чего ты сидишь здесь? — сказал Дункан и указал ей вилкой на диван.

Она забрала свой поднос и пересела к окну.

— Я, конечно, извиняюсь, но ты испортил мне завтрак. Надеюсь, ты не обиделся. Но разве ты не чувствовал того же, пока я не отстиралась?

— У меня были заботы поважнее, — ответил он. — К тому же я пропотел и перепачкался, спасая твою задницу.

— И свою тоже, — парировала она. Пережевывая тост с беконом, она оглядывала комнату. — Ты встал раньше меня. Что ты думаешь обо всем этом?

— Нас заперла здесь «Нимфа». Каким образом — не знаю. Но думаю, когда они захотят, мы все узнаем. И, вероятно, очень скоро.

— Пока мы были под туманом, они могли нас допросить.

— Да, конечно. Но зато они будут заботиться обо мне, пока не разберутся, как мне удается лгать под туманом.

— Но ты этого не очень-то хочешь.

— Может быть. Я сам не понимаю, что говорю. Но мое подсознание работает на меня, притворяясь сознанием.

— У тебя должно быть до черта объединившихся сознаний.

— Восемь, — сказал Дункан. — Я человек из многих составных. Но лучше всего у меня получается с тех пор, как я стал Дунканом. Но пока что сознательно объединить остальных я не могу.

Поев, он постирал одежду, предоставив Сник любоваться его наготой — интересно, что она при этом думает? После душа он, уже одетый, вышел из туалета. Сник играла с окном, подходя к нему и отступая, делая его то черным, то прозрачным.

— Судя по высоте соседних башен, мы находимся где-то на одном из последних уровней, — сказал Дункан.

— Да. И в той же башне.

Дункан спросил у стенного экрана, который час и какое сегодня число. На экране появилась надпись: «Среда, 9 часов утра». Подозрения Дункана, что они довольно долго пробыли окамененными, рассеялись. Хотя хозяин, по каким-то своим причинам, мог показать им то время, которое ему угодно. «Хотя зачем ему это? — подумал Дункан. — Как глупо. Я уже стал таким, что никому и ничему не доверяю».

Вновь зазвенел звонок, и стена повернулась. Сник встала и поставила на пустую полку подносы. Секция тут же вернулась в прежнее положение. Дункан запротестовал было: дескать, не стоит работать на своих тюремщиков, но... вот черт, если они хотят получить еду в следующий раз, нужно отдать чистые тарелки. Всю жизнь их дрессировали, заставляли быть чистыми, опрятными и законопослушными, так что Дун-

кан сам с трудом удержался, чтобы не броситься убирать подносы.

Не успела Сник отвернуться от полки, как открылась вторая дверь. Сник замерла, а Дункан, в эту минуту вставший со стула, счел за лучшее сесть снова. В комнату вошли мужчина и женщина в штатском, держа в руках протонные пистолеты, и замерли у дверей. Следом появился высокий мужчина средних лет. Он был без оружия и тоже одет в штатское, но его одежда выглядела дорогой и элегантной. Он остановился между стражниками. А за ним в комнату вошел огромный, толстобрюхий мужчина со множеством подбородков, одетый в коричневую рясу За ним следовали еще два вооруженных стражника.

Дункан вскочил:

— Падре! Падре Кабтаб!

Кабтаб радостно заревел в ответ:

— Идите к папочке! — И распахнул объятия.

Сник, сияя, кинулась к нему, а за ней улыбающийся во весь рот Дункан. Один из стражей рявкнул:

— Стоять! Ни с места!

Сник застыла на бегу, а Дункан снова плюхнулся на стул.

— Вы, все трое — туда, на диван, — приказал охранник.

По пути к дивану Кабтаб поймал-таки Дункана в объятия и уже не отпускал. Потом подхватил Сник и влепил ей в макушку сочный поцелуй.

— Я боялась, что с тобой уже покончили, — сказала она.

— Я еще поборюсь! — прорычал Кабтаб. — Посмотрим! Наш хозяин хорошо меня обработал, но вы помните, что сказал один паук некоей мисс Маффет!

Незнакомый мужчина тем временем разглядывал Дункана светло-голубыми глазами, которые эффектно контрастировали с его смуглой кожей. У него были очень густые черные брови, крупный ястребиный нос, довольно толстые губы и массивный подбородок. Дункану показалось, что он уже где-то видел этого человека, но не смог пробудить свою память. Но все же что-то его настораживало, беспокоило. Ему казалось, что этот человек может быть очень опасен И эти ощущения не имели отношения к данной ситуации.

Мужчина сел на стул, с которого только что встал Дункан, и, приветственно сложив руки, сказал:

— Итак, мы снова встретились.

Говоря, он смотрел только на Дункана, и тот понял, что приветствие обращено именно к нему, поэтому ответил:

— Вы в лучшем положении, чем я.

— В гораздо лучшем, — улыбнулся мужчина и положил руки на колени. — И теперь весь вопрос в том, как мне поступить с вами и вашими друзьями.

— Если вы объясните, почему мы здесь находимся, мы сможем помочь вам с решением этой проблемы, — ответил Дункан.

— Смотри, он похож на тебя, — заметила Сник. — Он даже мог бы быть твоим дедушкой.

Внезапно воздух в комнате уплотнился и замерцал, словно в пустыне, и все, что Дункан видел, задрожало и завибрировало. Откуда-то издалека донесся слабый голос. Очень слабый, зовущий его из далекого далека, где что-то, нет, скорее много разных «что-то» сражались между собой, там, в глубинах его, выворачивая наизнанку его желудок... нет, скорее не желудок, а мозг. И как это было больно!

Воздух снова стал прозрачным, и зовущий голос умолк. Осталась только крутящая боль в желудке.

Мужчина нахмурился и спросил:

— Так вы помните?

— Нет... — ответил Дункан. — Я что-то... не знаю, что... Наверное, я болен... я чувствую себя как-то странно. Не знаю, почему...

— А вы ведь можете сойти с ума, — заметил мужчина, впрочем, не снизойдя до объяснения своих слов.

Дункан и так уже понял, сам не зная откуда, что мужчина не станет ему ничего объяснять.

— Беспорядок в вашей квартире мы полностью устранили, — как ни в чем не бывало заговорил мужчина, — но на восстановление двери времени уже не хватило. Когда жители среды из этой квартиры не явились на работу, органики заинтересовались и обнаружили их в каменаторах в квартире с выжженным дверным замком. Ваш цилиндр был пуст. Надеюсь, что это таинственное происшествие никогда не найдет объяснения. Даже несмотря на то, что органики среды отправили сообщение органикам вторника, где вы фигурируете под именем Бивульфа, а Сник под именем Чандлер. Я думаю, пройдет еще пара вторников, прежде чем заметят, что падре Кабтаб, известный под именем вторничника Варда, исчез со склада. Они могут предположить, что Бивульф и Чандлер бежали из города, и когда узнают, что кто-то раскаменил и похитил Варда, то смогут увязать эти факты вместе. Вас же не раз видели втроем в «Сногсшибаловке». А вот к чему все это может привести, я еще пока не знаю.

— Вы из «Нимфы»? — спросил Дункан.

— Отчасти, я из «Нимфы», с другой стороны, «Нимфа» — это я.

— Лидер, — сказал Дункан. — Главарь.

— Да.

— У вас, должно быть, есть причины, чтобы держать нас здесь, вместо того чтобы избавиться от нас.

Мужчина прикрыл глаза.

«Он похож на спящего ястреба, — подумал Дункан, — с удовольствием вспоминающего о своих былых битвах. Или грезящего о будущих, с еще большим удовольствием».

У мужчины было два пути: он мог оставить своих пленников в живых. Ненадолго. А может, и надолго — в общем, до тех пор, пока они будут ему нужны. Или же он мог их закаменить и спрятать. Или же убить и тоже спрятать. Так или иначе, сегодня утром следовало принять решение.

— Я буду с вами откровенен, — сказал он. — Сник и Кабтаб нам абсолютно не нужны и даже могут быть для нас опасны. Не потому, что я им не доверяю, а по другой причине. Сник призналась в своих сомнениях по поводу моральной стороны наших действий, и это, с нашей точки зрения, делает ее ненадежной. Хотя если она поклянется не предавать нас, то и не предаст. В этом мы не сомневаемся, потому что достаточно хорошо ее знаем.

Кабтаб же ненадежен, потому что искренне верит, что каким-то образом общается с Господом. Но у Господа свои намерения, а у нас — свои. Кабтаб тоже будет искренне следовать клятве (если ее даст) до тех пор, пока на него не снизойдет откровение — откровение Господа! И он скажет, что отныне подчиняется только Господу. И если Господь ему прикажет продать нас, он это сделает. — Главарь пристально посмотрел на падре: — Не так ли, Кабтаб?

— Вы сами знаете, — ответил тот.

— Таким образом, мы имеем морально неустойчивого экс-органика и теологически устойчивого уличного проповедника. И я не могу назвать их надежными агентами. Кроме того, у нас есть вы — Бивульф. Человек, как вы сами говорите, состоящий из многих ипостасей и знающий намного больше, чем делает вид. Человек, который нам очень нужен, потому что может научить нас технике лжи под воздействием тумана правды. К тому же он располагает кое-чем еще, о чем пока забыл, но может вспомнить, если, как я надеюсь, очень постарается.

В любом случае этот человек может принести нам огромную пользу. Конечно, мы надежно его спрячем, и он будет учить нас. Естественно, не всех — только несколько ключевых фигур. Но будет ли он это делать? И сможет ли? Да и знает ли как? Под туманом он признался, что не знает. Но, может, он тогда лгал? А может, это не он, а кто-то другой,

изнутри, отвечал за него, когда он бессознательно сказал правду?

— Я действительно не знаю, — подтвердил Дункан.

Мужчина улыбнулся. Глаза его все еще были полуприкрыты.

— Кто-то внутри вас знает. Мы вытащим эту личность из вас, кем бы она ни была. Если же мы не сумеем этого сделать, то...

— То — что? — Дункан сказал это громко, отчетливо и без капли страха, но в глубине души почувствовал леденящий холод, словно палец с острым когтем скребся в мозгу.

— Это может быть болезненно для вас, — сказал мужчина. — Я не имею в виду физические пытки. Скорее это будет мучительно для вашей психики, что может отразиться и на физическом состоянии. Но если вы... если мы победим, то вы получите возможность выйти из заключения и занять свое место в обществе. Причем это место будет очень высоким. Я вам обещаю. Кроме того, у нас ваши друзья. Я сомневаюсь, что вы пойдете нам навстречу, если мы не сохраним им жизнь и безопасность. Ну что ж, я обещаю вам, что их не убьют. Но закаменят. До лучших времен. Их надежно спрячут, чтоб они не путались под ногами, а когда работа будет кончена, они разделят с вами радости новой, свободной жизни.

Дункан посмотрел на Сник и Кабтаба, сидящих по бокам. Их лица ничего не выражали. Если только можно определить отсутствие выражения как выражение лица. В данной ситуации так и было. Им явно не хотелось быть окамененными на таких условиях. Ведь если революция потерпит поражение, они останутся статуями навсегда. Впрочем, то же самое их ждет, если этот мужчина, чувствующий себя хозяином положения, им солжет. Теперь их будущее зависело от того, какое влияние имеет Дункан.

ГЛАВА 26

— Давайте разложим все по полочкам, — сказал Дункан. — Вы хотите, чтобы я научил вас лгать под туманом. А я не могу гарантировать, что смогу...

— Я знаю, — перебил его мужчина. — Будем экспериментировать.

— ...Но попытаюсь. И я согласен с вами сотрудничать. Но только в том случае, если вы оставите моих друзей со мной. Они нужны мне для компании. Если я буду заперт в комнате совсем один — даже если я получу разрешение разгуливать по всей квартире, — я буду чувствовать себя одиноко. Меня одолеет депрессия, и я не смогу работать на все сто про-

центов. Если вы их окамените, это настроит меня против вас, и я буду знать, что их жизни зависят от моего успеха. Вынесу ли я это испытание? Беспокойство за них выжмет из меня все соки. Да я возненавижу вас, если хотите знать правду!

Вы должны оставить их жить. И жить со мной. Это принесет больше пользы, чем вреда. Пусть их жизнь зависит от их помощи мне в выполнении того, что вы от меня хотите.

Мужчина рассмеялся.

— Я так и думал, что вы скажете нечто подобное. Именно поэтому и не убрал их сразу. Хорошо. Они могут остаться с вами. Но я рассчитываю на теснейшее сотрудничество. Если кто-нибудь из вас — это и вас касается, Джефф... Эндрю, — попытается выкинуть какой-нибудь трюк или попробует сбежать, вы все трое отправитесь в цилиндр. Сейчас я даю вам шанс. Но второго уже не дам. Понятно?

Все трое кивнули. Сник тихо вздохнула, и ее пальцы слегка сжали руку Дункана.

Мужчина сказал «Джефф». А ведь Дункан когда-то был Джефферсоном Сервантесом Кэрдом, органиком вторника. Знал ли этот человек, что Сник рассказала об этом Дункану? Вряд ли он допрашивал Сник об этом. Но все же он мог предполагать, что если Сник когда-то была знакома с Кэрдом, то вполне могла рассказать об этом знакомстве Дункану все, что знает. Однако незнакомец не выказал ни малейшей досады по поводу своей оговорки. Либо он действительно не придал ей значения, либо был очень хорошим актером.

А мог ли Дункан призвать из преисподней Кэрда в полном расцвете сил и способностей, расспросить его, получить от него ответы на все насущные вопросы, а затем снова зашвырнуть его в тот бездонный мрак, где он сейчас обитает? Или это слишком опасно? Не станет ли Кэрд сражаться за то, чтобы взять контроль в свои руки, и не скинет ли в эту бездну Дункана? И если ему это удастся, то что изменится? Не сможет ли Дункан быть одновременно и Кэрдом?

Нет. Они слишком разные. Дункан страшился утратить контроль, как... как Кэрд, когда тот чувствовал, что теряет его. Хотя нет. Кэрд страстно желал этого. Он добровольно стал остальными шестью. Он должен был обладать сверхволей, чтобы преодолеть тот жуткий страх, который испытывал Дункан при одной мысли, что должен раствориться и позволить Кэрду взять верх. Нет, пожалуй, это не было бы полным растворением. Скорее это можно назвать отступлением в свою нору в мозгу. Кэрд был как бы полуокаменевшим. Это, пожалуй, лучшее сравнение. Наполовину каменный, но все еще посылающий импульсы сквозь нервную систему Дункана. Волны воспоминаний просачивались в мозг Дункана,

но были еще неотчетливы, их было трудно расшифровать. А что-то еще и не было послано. А Дункану некоторые из них были просто необходимы, но пока он не знал, как распорядиться наследством Кэрда. Как до него добраться.

Дункан очнулся и заметил, что и незнакомец, и охранники как-то странно смотрят на него. Сник снова тихонько пожала ему руку и спросила:

— Что с тобой?

— Извините, — сказал Дункан. — Я не слушал вас. Я думал о другом. Так что вы сказали?

— Я ничего не говорил, — ответил мужчина. — Вы выглядели так, словно ваш дух улетел куда-то на Марс. У вас что — припадки?

— Нет, ничего. Все в порядке, — быстро сказал Дункан. — Я задумался о работе над техникой бессознательной лжи. И я попросил бы вас назвать свое имя. Не настоящее, конечно, а любое, которым я мог бы вас называть. «Незнакомец» — звучит несколько неопределенно.

— Вы хотите сказать, что действительно думали об этом? Или вы пытаетесь сбить меня с толку при помощи одного из ваших фокусов?

— Мне действительно хотелось бы знать ваше имя.

— Да, ярлыки и имена людям насущно необходимы. Хорошо. Вы можете обращаться ко мне «гражданин Руггедо». — Он рассмеялся, словно придумал шутку, понятную ему одному.

Гражданин Руггедо поднялся со стула и жестом приказал включиться одному из экранов. На экране вспыхнула надпись: «9.00, среда, Д2-Н3, НАДЕЖДА, Н.Э. 1331», что означало: 9 часов утра, среда, второй день третьей недели месяца Надежды, 1331 год Новой Эры. Как и предполагал Дункан, они проспали восемь часов — с полуночи до утра — и проснулись в день, идущий за вторником. Их не каменили. Им только дали какой-то наркотик, чтобы они не проснулись сразу, как кончится действие тумана.

— Жить вы будете в этой комнате, — сказал Руггедо. — Если вы хотите разделить ее с гражданкой Чандлер, она же Сник, я возражений не имею. Можете жить здесь хоть втроем, если хотите.

Сник покачала головой. Кабтаб сказал:

— Я был бы просто счастлив жить с гражданином Бивульфом, но, по моему разумению, он предпочтет одиночество.

— Что вы на это скажете, гражданин Бивульф, он же Дункан и обладатель еще нескольких имен? — спросил Руггедо.

— Полное уединение, — сказал Дункан. — Люди могут находиться здесь только во время работы. Если мы, конечно, будем работать здесь.

— Отлично. У вас, Чандлер, будет отдельная комната, хоть и не такая удобная, как эта. То же и для вас, Кабтаб.

— Так как вы знаете мое настоящее имя, — сказала Сник, — вам лучше забыть о Чандлер.

— Ваш руководитель будет здесь в 10.00, — продолжал Руггедо. — Сник и Кабтаб тоже должны присутствовать при экспериментах. Сам я не буду навещать вас часто — у меня слишком много других забот, но стану периодически изучать отчеты о ваших достижениях. Работайте в полную силу.

Он повернулся и вышел в сопровождении двух стражников. Двое остальных жестами приказали Сник и Кабтабу следовать за ними. Уходя, падре сказал:

— Увидимся, Данк. Я буду молиться за тебя. И за Сник, и за себя, и за них за всех, включая гражданина Руггедо. Бог Единый проведет их своими путями, ибо благо есть.

Когда дверь закрылась, Дункан подошел к ней и толкнул. Как он и ожидал, дверь не поддалась, но ему хотелось увериться в этом. Около часа он усиленно занимался аэробикой: его мысли витали в будущем, в то время как тело потело в настоящем. Он параллельно размышлял о возможности побега и проблемах обучения технике лжи. К тому времени когда дверь открылась снова, он не добился никаких успехов в решении ни одной из двух проблем. Как не оказался в состоянии вытащить из памяти, где он раньше видел этого Руггедо.

Вошли посвежевшие и отдохнувшие Сник и Кабтаб. За ними следом должна была появиться стража — по крайней мере, так думал Дункан — и руководитель, которого назначил Руггедо. К его удивлению, стражи не оказалось, а вместо нее в комнату вошел Каребара. Он аккуратно прикрыл дверь и сказал:

— Доброе утро, гражданин Дункан.

— Это вы, что ли, надсмотрщик? — спросил Дункан.

— Да, — ответил Каребара, усаживаясь на стул. — А теперь...

— Какого черта! — возмутился Дункан. — Вы же специалист по насекомым. Что вы можете знать о человеческой психологии? Я что, похож на жука?

— Не паясничайте, — отрезал профессор. — Вы забыли, что я тоже офицер-органик и у меня большой опыт допросов в бессознательном состоянии. До того как переключиться на энтомологию, я специализировался на человеческой психике. Но гомо сапиенс показались мне слишком, я бы сказал,

сумасшедше нерациональными. А класс насекомых неврозами не страдает, и мне не приходится эмоционально перевозбуждаться, исследуя их. К тому же здесь нет других психиков. Так что допрашивать вас буду я. Готовы приступить к работе?

— Как только я узнаю, что нужно делать, — сказал Дункан. — Я до сих пор не могу вспомнить, как я стал тем, кем являюсь.

Каребара сцепил руки и стал крутить большими пальцами. Его огромные зеленые глаза светились возбуждением, нетерпением и сознанием важности момента. Он встал, достал из кармана бутылочно-зеленого жакета небольшой голубой баллончик и указал Дункану на диван:

— Ложитесь и... — он поднял баллончик, — будем раскапывать залежи правды!

— Иисусе! — пробормотал Дункан, но все же пошел к дивану. — Вы думаете, это так просто? Вам же объяснили, в чем проблема, разве не так? Ваша проблема, а не моя. Вы не сможете добиться от меня правды, используя это.

— Меня основательно проинструктировали, — надменно возразил профессор. — Я не дилетант. Я смотрел записи вашего допроса, когда вас привезли сюда. Из них понятно, что вы знаете. Теперь мы будем искать то, чего вы, по вашему мнению, не знаете. И я не рассчитываю на легкую победу.

Дункан посмотрел ему прямо в глаза, ненормально большие на тощем лице.

— Желаю удачи. Но для моей памяти все же нужен археолог, а не энтомолог или рехнувшийся на жучках ганк.

— Я не стану реагировать на ваши выпады, — с достоинством сказал Каребара. — Я привык к тому, что меня не любят.

Баллончик зашипел. Дункан почувствовал слабый запах — фиалковый, как и цвет струи. И чувство, которое отказало последним — слух, создало в его воображении зловредную ядовитую змею с похожими на клыки антеннами, которая шипит перед тем, как укусить.

Когда Дункан очнулся, профессор, Сник и Кабтаб сидели в тех же позах. Каребара походил на озадаченного муравья — он сложил руки на груди и задумчиво шевелил пальцами, словно усиками.

«Нужно прекратить эти сравнения, — подумал Дункан. — Он все же человек, а не насекомое».

— Вы можете встать, — сказал Каребара. — Выпьем кофе и посмотрим запись допроса. Я собираюсь демонстрировать их вам на каждом занятии. Так мы будем помогать друг другу Вы знаете себя лучше, чем кто-либо, хотя только

теоретически. А если вы сами будете наблюдать, анализировать себя, мы вместе сможем подобрать некий психологический ключ, чтобы открыть вас.

— Вы имеете в виду, наблюдать в процессе?

— Сформулировано грубо, но верно.

Они трижды просмотрели запись допроса: профессор и Дункан с большим вниманием, Кабтаб на втором просмотре начал зевать, а Сник во время третьего принялась расхаживать по комнате.

— Как вы заметили, — сказал Каребара после первого просмотра, — я начал с вашей последней личности — Эндрю Бивульфа. А затем, словно очищая луковицу, — простите за немудрящую метафору — слой за слоем: сначала Бивульф, за ним Дункан, за ним Ишарашвили и так до конца, то есть до начала их всех — до Кэрда.

— Мне не хотелось бы вас огорчать, — сказал Дункан, — но Бивульф — не личность, а личина. Когда я носил его имя, я лишь играл его, но никогда не был им.

Каребара выглядел одновременно смущенным и раздраженным.

— В таком случае я должен отбросить Бивульфа и взять за горло Дункана?

— Вот именно: брать за горло. А ваши осторожные нащупывания я бы назвал щекоткой.

— Вы ничего не знаете о психологии! — возмутился профессор. — Если врач начнет грубо копаться в психике, это может только повредить ее. Он должен быть как рабочий муравей, поглаживающий брюшко муравья-сосуда. Если он хочет получить мед, поглаживать следует нежно.

Сник остановилась. Кабтаб проснулся. Дункан сказал:

— Чего?

— У некоторых видов муравьев есть разновидность рабочих муравьев, так называемые «муравьи-сосуды». Они съедают несоразмерно большое количество нектара или других сахаросодержащих жидкостей и сохраняют все это в собственном брюшке, которое со временем раздувается частенько до размеров большой горошины. «Сосуды» прицепляются к потолку в специальных кладовых муравейника, и если их погладить усиками в определенном месте, отрыгивают высококалорийную и питательную жидкость муравьям-рабочим.

— Ага. А если рабочий будет груб, он может порвать брюшко? Вы это имели в виду? Мою раздувшуюся психику?

— Не раздувшуюся, а многослойную. Да, она очень хрупка и требует самого нежного отношения. По крайней мере, до тех пор, пока мы не дойдем до ядра. Вот там уже потребуются более энергичные манипуляции, но тоже осторожные, так как

часто пациенты испытывают страдания. Это, как правило, эмоциональные натуры. Ребенок в нас вопит от страха — он боится порки больше всех других наказаний.

Дункан ничего не ответил. Его словно громом поразило, он не мог шевельнуть ни одним мускулом. Искра, вроде той, что возникает между двумя соприкоснувшимися оголенными проводами, мгновенная вспышка, белая с голубым, запылала в его мозгу. Она ветвилась, разрасталась... Разрасталась? Разросшееся брюшко? Раздувшаяся психика? Прежде чем ее свет померк, Дункан успел увидеть лицо мальчика лет десяти, улыбающегося сквозь слезы.

Он всхлипнул и хотел было уже рассказать об этом Каребаре, но сдержал себя. Ему почему-то не хотелось, чтобы профессор знал об этом.

В древние времена, когда преступников еще вешали, они должны были испытывать шок при мысли, что после того, как провалятся доски эшафота, они уже не смогут сделать ни шага по этой земле. Это лицо. Это было его лицо. Но не оно заставило его память скакать, словно он ступил на пол, выстланный оголенными проводами. А сознание того, что этот ребенок не был Джеффом Кэрдом. Это был он, Дункан, и в то же время Кэрд, но только потому, что оба они обитали в одном теле.

Джефферсон Сервантес Кэрд, которого он считал личностью-оригиналом, был лишь творением-оригиналом. Он был первым, кто возник в мыслях этого ребенка, взлелеянный в глубине его воображения и набравший силу как Дж. С. Кэрд. Этот мальчик был первым из восьми, а не семи разделенных психик — Бивульф, конечно, в счет не идет.

— Я сказал что-то важное? — встрепенулся Каребара.

— Уже второй раз за день, — сказала Сник. Хотя она и выглядела уставшей и скучающей, на самом деле она внимательно наблюдала за всем происходящим.

— Какая-то вспышка. Это уже ушло. Не могу этого описать.

Каребара встал.

— Увидимся после ленча, скажем, в два часа. Начнем с Дункана. — У самых дверей он обернулся: — А вы меня не обманываете? Бивульф действительно только роль?

— Откуда я знаю? Я был без сознания, — сказал Дункан.

— Зато сейчас вы в сознании. Вы должны чувствовать, когда говорите правду, а когда нет. Это так же просто, как знать, двигаетесь вы или нет.

— Я верю, что говорю правду. Конечно, даже сейчас, говоря это, я могу лгать. И единственный способ установить,

лгу я или нет, — это обработать меня туманом. Но ведь я и под ним могу солгать.

Каребара воздел руки к небесам и, что-то бормоча, вышел.

У ребенка было лицо. Но не было имени.

Что заставило его исчезнуть без следа, как стертая с пленки информация? Какие полярные изменения произошли у него в мозгу и стерли (правда, не до конца, раз что-то осталось) память об этом ребенке в Кэрде? И в семи остальных? Или они все же испытывали какие-то уколы памяти? Откуда ему было знать, возникало ли это лицо в воспоминаниях, к которым у него не было больше доступа.

— Друг мой! — прогудел Кабтаб, копаясь в семифутовом ящике, по старой привычке называемом холодильником, хотя холод уже не использовался для хранения пищи. — Данк! Ты, похоже, свихнулся, как я однажды. Когда верил в множественность богов. Ну и чушь я нес! Есть только один Бог, и у тебя только одна душа! Сейчас ты испытываешь те же сомнения, что некогда испытывал и я. Забудь всю эту тарабарщину о семи душах в единой плоти. Действуй так, словно у тебя одна душа, и ты обретешь уверенность в себе.

— Это не так просто, — ответил Дункан. — Вот на тебя, похоже, снизошло божественное откровение, и лишь тогда ты отказался от своего пантеона. Случится ли со мной нечто подобное? Я ведь могу прождать во тьме всю жизнь и умереть, так и не увидев света.

— Откровение? — спросил Кабтаб. — Да ничего подобного не было! Только что я был проповедником многобожества и вдруг легко и естественно шагнул в раскрытые двери и стал проповедником Бога единого и неделимого — Творца Бытия.

— И тебе понадобилось столько времени, чтобы открыть то, что фараон Эхнатон обнаружил уже восемь тысяч лет назад? — сказала Сник. — Так стоит ли вообще тут болтать о религии?

— Сестра, — произнес падре, набычась и зловеще улыбаясь, — тебе не хватает уважения к верованиям других.

— Стоп! — Дункан поднял руку, как регулировщик. — Не стоит тратить время на подобные разговоры, у нас есть более насущные проблемы. Тея, ты нарушила границы его мировоззрения. Если ты начнешь испытывать на прочность его религиозные воззрения, то можешь повредить его личность. Ты отколешь от нее кусочек, сделав Кабтаба неполноценным, ты умалишь его в его собственных глазах. Ты обвиняешь его в прошлых заблуждениях, а он должен быть полностью уверен в своей правоте.

А ведь если мы хотим выбраться из этой переделки живыми, нам нужно действовать сообща. И нужно ли напоминать

вам о том, что за нами все время следят? Вряд ли «Нимфе» понравится, если мы перессоримся. Вы знаете, как они поступают с людьми, которых считают ненадежными.

Кабтаб заставил себя расслабиться, и лицо его мало-помалу стало обретать нормальный цвет.

— Ты прав, брат Дункан. Прими мои извинения, сестра Пантея. Я слишком бурно реагировал на твои слова. Но в будущем советую тебе последить за своим язычком.

— Ты имеешь массу достоинств, — ответила Сник, — ты честен, порядочен, отважен, на тебя можно положиться в трудную минуту, но иногда ты поражаешь своей тупостью!

— Тея! — закричал Дункан. Но Кабтаб уже снова завелся:

— Я имею право на личную точку зрения! И не надо припутывать «Нимфу» к...

— Замолчите вы, оба! — заорал Дункан. — Я же все время талдычу, что за нами наблюдают! Записывается все — каждое дыхание, выражение лица, интонация. Нам нужно объединиться, ради всех святых! И найти общий язык!

— Прощаю тебя, сестра Тея, — сказал падре.

— Ты прощаешь меня?! — разъярилась Сник. — Ты, теологический перевертыш! За одну секунду переключиться с политеизма на монотеизм! Да ты просто...

Дункан вскочил со стула.

— Достаточно! А ну, выметайтесь — оба! Катитесь в свои комнаты! Я не желаю вас видеть, пока вы не научитесь вести себя разумно! Мне слишком многое нужно обдумать! Мне нужна тишина. Пошли вон!

— Интересно, а как мы можем выйти? — поинтересовался Кабтаб. — Мы же в заключении. Вспомнил?

Дверь открылась, и вошли двое стражников. Один из них указал дулом пистолета на Сник и Кабтаба:

— Вы, двое — на выход.

Сник быстро вышла, не сказав ни слова. Кабтаб, выходя, обратился к стражникам:

— Благословляю вас, дети мои! Вы всегда бдите за нами, аки ангелы-хранители!

Уже в дверях он обернулся и, улыбаясь, подмигнул Дункану. С того места, где он стоял, это демонстративное подмигивание не мог зафиксировать ни один монитор. И ни один наблюдатель не заподозрил бы, что вся эта шумная ссора спровоцирована невинным жестом Дункана, который можно было принять за простое разминание затекших пальцев. Теперь-то Дункан знал наверняка, что за всем происходящим в комнате просто подсматривали, а не записывали для дальнейшего просмотра. А стражникам было приказано вмешиваться во все, что покажется им подозрительным или может

представлять опасность. Он и раньше подозревал это, но теперь был в этом уверен.

И все же ссора между Сник и Кабтабом была не просто игрой. Слишком много в ней проявилось личного, и, похоже, ярость их была настоящей.

Но сейчас Дункану было не до этого: выкинув все из головы, он постарался сосредоточиться и вызвать в памяти лицо того мальчика. Но оно словно растворилось. Промучившись с час, он оставил сознательные попытки и предоставил мыслям идти своим чередом. Возможно, если он позволит потоку бессознательного унести себя, его каким-то образом выведет к мальчику или к чему-то, что может быть с ним связано.

Пришло время ленча, и на вертящейся полке появился обед. Дункан машинально жевал, не чувствуя вкуса. Из-за края башни показалось солнце, и западный край окна потемнел.

Дункан двести раз пробежал трусцой из конца в конец комнаты, затем потянул воображаемый канат, двадцать раз обошел вокруг комнаты на руках и сделал триста приседаний. Потом отправился под душ. И все это время он не мог удержаться от попыток решить то, что он называл «проблемой своей личности», хотя и считал все это пустой тратой времени. Но размышлял он об этом скорее машинально, по привычке, где-то на втором плане. С того момента как он позволил мыслям блуждать где угодно, лезть в любые щели, он старался не концентрироваться ни на какой конкретной задаче, даже самой важной.

Отключить психологическую оболочку, окружающую личность человека, забыть множество книг, написанных на эту тему, и просмотренных записей. Личность каждого гомо сапиенс — это попросту его тело, менталитет и реакции в каждую секунду времени. А в экстраординарных ситуациях — в каждую микросекунду. Конечно, в формировании личности участвуют и наследственность, и влияние окружающей среды, а точнее, комплекс того и другого. Впрочем, причины формирования личности — это отдельный вопрос. И сейчас не самый важный.

Самым важным было то, что́ Дункан думал и делал в каждую отдельную секунду. И каждую секунду он изменялся. Личность складывалась из постоянных изменений внутри и вне его телесной оболочки.

Жил-был человек, носивший имя Джефферсона Сервантеса Кэрда, и обладал он своей индивидуальностью, личностью, как, впрочем, и все вокруг, кроме идиотов и полностью парализованных. С первого момента телесного существования

он стал меняться — физически и ментально. Не менялся только ярлык: «Джефферсон Сервантес Кэрд». Но потом изменился и ярлык — человек стал Робертом Эквилином Тинглом. Но только по средам. Однако Тингл вовсе не был Кэрдом, действующим под именем Тингла. Кэрд не играл, он *становился* Тинглом каждую среду. А по четвергам Тингл, в свою очередь, становился Джеймсом Суартом Дунским. По пятницам эстафету принимал Вайатт Бампо Репп и передавал в субботу Чарльзу Арпаду Ому, который в воскресенье становился Томасом Ту Зурваном. А отец Том, уличный проповедник, в противоположность остальным шести, агностикам или атеистам, был религиозным фанатиком. А в понедельник он уже спокойно относился к религии, потому что был Уиллом Маклаком Ишарашвили. И все они помнили друг о друге. С тех пор как Кэрд стал курьером подпольной организации, передающим письма и документы жителям разных дней, он был вынужден сохранить хотя бы частичную память обо всех своих ипостасях. Но ключевыми словами тут были «память» и «незабываемый». Помнить абсолютно все было излишним: этому препятствовал ритм, в котором он двигался и личностно изменялся изо дня в день. Воспоминания просачивались друг сквозь друга, наслаивались одно на другое и помогали ему ориентироваться в его подпольной работе. Внутри него все время звучали шесть голосов погребенных в нем личностей. Слабые, но достаточно различимые сообщения, телефонные звонки из, если можно так сказать, могил памяти.

Одна телесная оболочка не могла содержать больше одной целостной личности. Те, что страдают раздвоением личности или имеют больше, чем две личности, овладевающие ими, предоставляют им свое тело по очереди. Но разница между этими полуразрушенными людьми и Кэрдом состояла в том, что его личности не сражались за обладание его телом, а он сам добровольно предоставлял им его в строгой очередности. Так было до недавнего времени, пока вдруг все семеро, перепуганные до смерти, не вышли из-под контроля.

Вот тут-то Дункан и задумался, сможет ли он растворить личность Дункана и вернуться к Кэрду. И как это сделать? Последовательно растворять всех семерых в хронологическом порядке, двигаясь назад, к первому, Кэрду? Или удастся найти обходной путь? В любом случае если Дункан сумеет до него добраться, то сможет снова стать Кэрдом. И узнать тот секрет, которым, по мнению правительства, тот обладает. И узнает наконец, как он вообще попал в такую ситуацию.

Было бы очень неплохо, если бы это удалось. Тем более что его тюремщики вряд ли ожидали, что он может снова стать Кэрдом. И этому Руггедо, который допрашивал его в

среду, это может сильно не понравиться. Ему нужна только технология бессознательной лжи, не более. Во всяком случае, так казалось Дункану.

Так зачем же ему понадобилось когда-то дезинтегрировать и погребать свою память? Наверное, для того, чтобы не рассказать лишнего ганкам, если они его поймают. А может, тогда он решил, что с него довольно уже перевоплощений? Что психика уже не способна их выдерживать? Что у него остался последний резервуар психической энергии, НЗ, и тот давал течь?

Внезапно дверь открылась без всяких предупреждающих звонков. В сопровождении Сник и Кабтаба вошел Каребара. Друзья Дункана выглядели бодро и вели себя так, словно никогда не ссорились.

— Я кое-что обдумал, — сказал профессор. — Возможно, мы ошиблись в методике поиска той личности, которая владеет техникой трансформации. Предпримем еще одну попытку. Вы останетесь в сознании и как Бивульф попробуете проанализировать и сформулировать вашу технику. Я думаю, то, что мог сделать Кэрд, доступно и Бивульфу. В конце концов, важно не то, какое имя вы носите, а ваша природная изобретательность.

«Эта сахарная тропка приведет тебя в ловушку, муравьелог, — подумал Дункан, — но я тебе об этом не скажу».

А вслух сказал:

— Отлично. Приступим!

ГЛАВА 27

Бассейн насчитывал сорок футов в длину и четырнадцать в ширину. Высота потолка составляла десять футов. Сам зал был длиной в пятьдесят футов и шириной в двадцать. Потому все звуки распространялись, не давая эха, обычного в общественных бассейнах. Под наблюдением двух вооруженных охранников Дункан и его друзья шумно плескались, ныряли и всячески резвились в воде. Начиная с четверга посещение бассейна прочно вошло в распорядок дня. Все трое купались нагишом, поэтому стражники особенно пристально следили за Сник. Они почти не спускали с нее глаз. Дункан все же улучил момент, когда Кабтаб всей тушей шумно плюхнулся в воду, чтобы шепнуть ей:

— Нам нужно изыскать возможность поговорить без свидетелей. У меня есть план.

Но стражник заметил, что его губы движутся, и заорал:

— Тихо там! Без разговоров! А то ваши совместные омовения отменят!

Дункан жестами показал, что все понял, и, прошептав: «Чтоб у тебя язык отсох», нырнул. К счастью, он знал, что за ним наблюдают камеры на стенах и потолке, и держал руки так, чтобы по движению губ не смогли прочесть, что именно он ей сказал.

Чуть позже, когда Сник прыгнула с доски и Дункан был уверен, что стражникам не до него, он подобрался к Кабтабу и шепнул:

— Падре, у меня есть план. Надо как-то обсудить.

— Здесь не место, — ответил тот, подпрыгнул и ушел на дно.

Когда положенный час подошел к концу, стражник свистнул и указал Кабтабу на раздевалку. После того как падре вытерся и надел рясу, туда послали Сник, а когда вышла она, запустили Дункана. Им разрешали встречаться втроем только в бассейне и в комнате Дункана во время еды и занятий с Каребарой.

Отличительной чертой этих занятий было полное отсутствие каких-либо успехов. Тысячи вопросов Каребары, его упорство, множество изощренных зондирований — все было напрасно и не оставило ни малейшей царапинки на бронированной защитной раковине Дункана. Сник и Кабтаб искренне пытались помочь профессору, но от всех их предложений было мало толку. Даже идеи Дункана, возникавшие в процессе бесконечных просмотров, не приносили никаких плодов.

Каребара все больше нервничал. Он не говорил об этом, но его растерянность бросалась в глаза. Возможно, он боялся, что в случае неудачи его переведут на более опасный участок, если только не окаменят и не спрячут. По мнению Дункана, у профессора были веские причины опасаться этого. Ведь именно такой способ избавляться от нежеланных свидетелей «Нимфа» считала наиболее простым и эффективным.

Ежедневные походы в бассейн дали возможность Дункану исследовать часть квартиры близ отведенной ему комнаты. В холле, в который выходила дверь Дункана, одна стена была полностью глухая. Очевидно, за ней находились апартаменты другого высокого чина. К северу от комнаты Дункана находились комнаты Кабтаба и Сник, поменьше и попроще. Сам холл был длинным, на его белых стенах висели экраны, а между ними на мраморных пьедесталах стояли мраморные бюсты. Дункан узнал Юлия Цезаря, Александра Великого, Наполеона, Чингисхана и Ван Шеня. В отличие от своих предшественников-эгоманьяков, Ван Шень, величайший и последний из великих завоевателей, запрещал устанавливать свои монументы и памятники и требовал, чтобы съемки его

персоны были сведены к необходимому минимуму. Однако этот запрет не всегда соблюдался, так что Дункан где-то, и не раз, видел его лицо. Правда, он не мог вспомнить где.

Дункана весьма удивило присутствие здесь мраморных бюстов исторических личностей, ныне не популярных — кроме Ван Шеня, конечно. Во всех учебниках истории описания их военных побед были сведены к минимуму и им давалась резко отрицательная оценка. Само присутствие этих бюстов очень много сказало Дункану о характере хозяина дома. А не испытывал ли он уважения к этим кровавым воякам?

Холл тянулся в южном направлении футов на шестьдесят—семьдесят. Дункан насчитал в нем семь закрытых дверей по левой стороне. В самом конце его, перед поворотом в другой холл, виднелась еще одна огромная дверь. На правой стороне холла находилась только одна дверь — в середине; в нее и входили заключенные и их стражи. Внутри было что-то вроде прихожей, откуда сквозь арочный проход виднелся зал с бассейном, но заключенным велели свернуть в дверцу справа. Она привела их в узенький коридорчик, в который выходили двери трех раздевалок. Оттуда был выход в еще один холл. Арочный проход из него вел в бассейн, а в дальнем конце виднелась дверь тренировочного зала.

Как-то раз Дункану удалось подслушать разговор двух стражников, проходивших мимо. Один из них произнес слово «ангар». Не в ангар ли вели те громадные двери в конце холла? А если есть ангар, значит, есть и, пусть небольшие, воздушные суда.

А еще однажды, когда их вели по холлу, одна из дверей открылась и оттуда вышла миловидная женщина средних лет, но, увидев пленников, отступила назад и прикрыла дверь. Однако Дункан успел мельком увидеть столы, раковины и сушилки со столовыми приборами. Женщине, очевидно, было запрещено показываться заключенным, о чем красноречиво свидетельствовало ее испуганное лицо и резкий приказ охранника немедленно вернуться в комнату.

Дункан решил, что она из постоянных слуг. Но сколько их всего здесь было? Он так и не сможет этого узнать, пока не претворит свой план в жизнь. Но он должен быть готов к тому, что их может оказаться здесь сколько угодно. У слуг, конечно, есть свои комнаты — очевидно, где-то между кухней и хозяйской половиной.

От кухни отходил еще один коридор, ведущий в северном направлении, к комнате Дункана. В нем Дункан насчитал пять дверей. Одна, рядом с кухней, скорее всего была кладовой. Остальные, наверное, вели в комнаты стражников, их тренировочный зал и наблюдательскую, откуда велось наблюдение

за узниками. К тому же где-то здесь должно было находиться что-то вроде медпункта для тех, кто не нуждался в серьезной врачебной помощи. Вряд ли Руггедо захотел бы, чтобы кто-то из его свиты лечился в общественной больнице. Там могли задать пациентам слишком много неудобных вопросов и слишком многое выплыло бы наружу. Конечно, здешний врач был членом «Нимфы» и должен был жить где-то недалеко.

Дункану и его друзьям также разрешили смотреть новости каждого дня, и они могли заказать в видеотеке любой из 129 634 имеющихся в наличии художественных или документальных фильмов. Но когда Дункан запросил серию документальных материалов о членах СМП (Совета мирового правительства), ему отказали, причем без всяких объяснений. Это подтвердило его старые подозрения, что Руггедо был членом Совета и не хотел, чтобы его пленники об этом знали. Дункан считал, что только чиновник самого высшего разряда мог создать подобный микромир и сохранить его в тайне. Такой властью мог обладать только губернатор штата или член национального совета.

Руггедо был одновременно членом СМП и «Нимфы».

Дункан не раз задавался вопросом: зачем члену Совета мирового правительства заниматься подрывной деятельностью? И более того — быть ее лидером и вдохновителем? Разве нынешнее его положение не было и без того высочайшим на планете? Ответ напрашивался сам собой: Руггедо жаждал власти безграничной, когда он — единственный лидер, а не один из нескольких.

Могли, конечно, быть и другие причины.

Так где же все-таки он видел этого Руггедо?

И хотя ощущение, что это лицо ему знакомо, было довольно слабым, Дункан был уверен, что видел его не только по телевизору. Память нашептывала что-то о личной встрече.

Дункан очень надеялся, что ему удастся создать новое «я» с более свободным доступом к воспоминаниям о своих прежних личностях. Все эти протечки и просачивания были слишком слабыми, чтобы их можно было использовать. Самый главный резервуар воспоминаний был в его распоряжении, но что толку, если он, идентифицируемый с Кэрдом, был наглухо закрыт для Дункана.

Тем временем Каребара пришел к выводу, что одними словами ничего не добьешься, и, притащив небольшой аппарат с десятью клеммами, соединенными проводами с датчиками, пошел в атаку на виски, горло, грудь, предплечья и пенис Дункана. Используя этот аппарат, называемый детектором лжи, профессор мог следить за изменением кровяного давления, частотой пульса, модуляциями голоса и интен-

сивностью потовыделения своего подопытного. Кроме того, он потребовал, чтобы Дункан вдыхал туман правды с открытыми глазами: расширение и сужение зрачков служило индикатором правдивости говорящего.

Но когда Дункан пришел в себя после первого опыта с детектором лжи, Каребара выглядел возмущенным.

— Есть успехи? — ухмыляясь, спросил Дункан.

— Я знаю, что вы периодически лжете, — ответил профессор, — в этом у меня нет никаких сомнений. Но ваши зрачки никак не реагируют на это! Вы уникальный феномен, Дункан.

— Каждый человек уникален, — ответил Дункан, сел и принялся отдирать от себя проводки с датчиками.

— Не очень-то заноситесь, — сказал Каребара. — Если мы не найдем ответа на поставленные вопросы, то наше положение станет просто безнадежным.

— Наше?

— Я имею в виду — ваше. Если вы окажетесь для нас бесполезным, в то же время так много о нас зная, лучшим способом будет...

— Вряд ли это будет лучшим способом, — перебил его Дункан. — Скажите честно, Каребара, неужели вас абсолютно не беспокоит, что «Нимфа» убивает тех, кто им мешает или представляет для нее потенциальную опасность? Нет ли у вас от этого моральной отрыжки?

— Это для общего блага, — ответил Каребара, невольно глянув на ближайший экран.

— Силы небесные! — воскликнул Дункан. — Цивилизации пять тысяч лет, а вы, убийцы, так и не придумали ничего лучшего!

Тем же вечером Сник и Кабтаб подали прошение, чтобы им разрешили провести с Дунканом пару часов сверх положенных. Накануне они уже жаловались своим стражникам на одиночество, и их петицию передали тому, кто принимал решения в подобных случаях. По мнению Дункана, этим человеком, конечно же, был Руггедо.

Утром начальник охраны известил пленников, что их прошение удовлетворено и сегодня вечером им разрешено встретиться и насладиться компанией друг друга. Но даже без его напоминания они знали, что любой их жест, любое слово будут фиксироваться. Вряд ли у них был шанс скрыть что-либо от изощренных автоматов подслушивания и подглядывания. Стража контролировала даже уровень звука телевизора.

Более того, любая попытка подозрительно близкого общения между всеми тремя означала бы конец привилегий, включая и совместные походы в бассейн.

— Но почему? — злобно поинтересовался Дункан. — Разве мы действительно можем убежать отсюда? Если нам угодно для развлечения фантазировать о планах побега — кому это помешает?

— Таков приказ, — сказал начальник охраны, грозно нахмурившись; его ноздри мелко трепетали, как у кролика. За эту особенность поднадзорные окрестили его Носодрыгом. Остальным охранникам они тоже дали прозвища: Вислозадый, Тонкогубый, Зебра и Хитрюга.

В семь часов вечера Сник и Кабтаб в сопровождении Тонкогубого и Зебры пришли к Дункану в гости. Когда стражники вышли, Дункан объявил: «Сегодня мы будем смотреть классику — "Марсианское восстание"» — и подмигнул, зная, что этого наблюдатели заметить не смогут, так как к одним экранам он повернулся спиной, а от других его закрывала туша Кабтаба.

Гости сидели к экранам лицом, поэтому Сник сказала: «О'кей», а падре добавил: «Потрясающе! Это я люблю. Только не могу смотреть слишком часто — не перевариваю сцен грубого насилия».

— Да уж. Ты этого не любишь, — съязвила Сник.

Дункан не помнил кода фильма, а потому запросил список на экран и, найдя в нем название, нажал кнопку и набрал номер первого римэйка. Потом взял бокал коктейля «Свободный радикал», смешанного для него Сник, и уселся на диван между ней и Кабтабом. Рядом стоял кофейный столик, уставленный вазочками с попкорном и сырным суфле, мисочками с соусами и приправами и россыпью крекеров.

Дункан сделал маленький глоток, откусил кусочек крекера, смоченного в гуакамоле* с зеленым перцем, и сказал:

— Там есть одна сцена, которая мне очень нравится.

— Это которая? — спросила Сник.

— А я хочу, чтобы вы сами догадались. Попробуйте после окончания фильма угадать... А впрочем, зачем? Пожалуй, я скажу вам сам, как только она начнется.

Под вступительную классическую композицию Муллигана Чакулы «Святой Франциск целует на прощание своего осла»** поплыли оранжевые титры на английском и логлане. Дункан вдруг вспомнил, что, когда он одиннадцатилетним мальчишкой впервые посмотрел этот фильм, тот произвел на него такое впечатление, что целиком запечатлелся в памяти. Вот только в чьей? Впрочем, сейчас не это важно.

---

* Соус из авокадо, помидоров и перца.

** Намек на одноименный рассказ Ф. Х. Фармера.

Фильм был снят 245 облет назад, в год, когда Дункан родился, а само восстание на Марсе, кстати, весьма вольно интерпретированное в фильме, произошло за 40 облет до того. Джерри Пао Нэл, капитан органиков марсианской колонии и (если верить киноверсии) полупомешанный фашист и маньяк, поднял восстание, намереваясь завоевать независимость марсианской колонии от земного правительства, а затем реализовать свои анархистские идеи построения свободного, в его понимании, общества.

Для подавления восстания понадобилось неожиданно много времени и сил, так как Нэла поддерживало большинство колонистов, а Земля не имела никакого военного потенциала. В конце концов восстание все же было подавлено и Нэлу пришлось бежать на космическом корабле в направлении одной из звезд, где предполагалось наличие планет с пригодными для землян условиями жизни. Но его тело может еще тысячу облет пролежать в анабиозе, прежде чем его корабль окажется в районе подобной звезды.

В фильме, однако, Нэл погибал в яростной схватке, загнанный в тупик в лабиринтах под Большим Сыртом. Главными героями фильма были трое: Моисей Говард Кугл, Керли Эстаркуло Лю-Дан и Лоуренс Бульбуль Амир — верные сторонники правительства Земли, сражавшиеся с мятежниками. На самом деле они сыграли в этой войне не очень большую роль, хотя и в весьма важный момент, но в фильме их выдвинули на первый план, и, если верить сценарию, они подавили восстание втроем, почти без всякой помощи. И, конечно же, в фильме не было даже упоминания о том, что уже после войны все трое были задержаны за хищения в банке данных в особо крупных размерах и фальсификацию документов. Их судили и сослали в центр реабилитации на десять облет.

С другой стороны, авторы киноверсии обладали большим чувством юмора и изобразили все трио как неуклюжих, вечно попадающих в нелепые ситуации, но очень везучих клоунов. Какими они и были на самом деле.

Дункану доставляло огромное удовольствие смотреть «Марсианское восстание» снова — последний раз он смотрел его 10 сублет, или 70 облет, назад. Правда, удовольствие это было слегка подпорчено: он не был уверен, что Сник и Кабтаб поймут, чего он от них хочет, привлекая их внимание к определенной сцене. Но могли же они понять, что есть вещи, о которых он не может сказать открыто. Во всяком случае, он очень надеялся, что они его поймут.

За несколько секунд до начала нужной сцены Дункан сжал руки друзей и сказал:

— Теперь — внимание. От этой сцены вы получите большое удовольствие. Я бы даже сказал, удовлетворение.

— Я уже видела это раньше, — заметила Сник.

— Я тоже, — прогудел Кабтаб. — Но сюжет несколько надуман, не хватает жизненности. Если бы это случилось в реальной жизни, эти три разгильдяя получили бы свое. Да такое бывает раз в тысячу лет! Слишком ничтожный шанс. Хотя, если им хочется испытать судьбу...

— Вот-вот, — подхватил Дункан. — Они просто обязаны ее испытать. В подобной ситуации у них нет больше ни малейшего шанса.

— Верно, — сказала Сник. — А что, если бы Нэл не вошел к ним в камеру для допроса? Накрылись бы и они сами, и возможность победы Земли.

— Но Нэл обязательно войдет, — сказал Дункан. — В этом-то все и дело.

Конечно, весь их разговор фиксировался и анализировались частоты колебаний голоса. И если бы обнаружилось малейшее повышенное волнение, малейший всплеск эмоций сверх ожидаемой нормы, эти фразы тут же засветились бы на мониторе как объект тщательнейшего обследования. Но Дункан рассчитывал на то, что датчики истолкуют любое возбуждение как реакцию на впечатления от фильма. Тем более что речь шла о восстании и подрывной деятельности, что, конечно, не могло не волновать всех троих.

Когда сцена наполовину прошла, Дункан снова пожал руки своим компаньонам:

— Вы поняли, почему мне так нравится эта сцена?

Сник и Кабтаб кивнули.

ГЛАВА 28

Дункан находился в заключении уже десять последовательных дней. Эксперименты Каребары участились — теперь они встречались по два-три раза в день и работали часами, но все это не приносило никаких результатов. Было видно, что Каребара уже отчаялся добиться какого-то успеха. И хотя в своих отчетах для Руггедо он, наверное, создавал какую-то видимость прогресса, Сник с Кабтабом были свидетелями его полного провала. Поэтому профессор, пользуясь тем, что они присутствовали не на всех занятиях, стал подчищать записи, сделанные в их отсутствие. Иначе выяснилось бы, что он все чаще стал использовать различные наркотики, вводя их Дункану, когда тот лежал без сознания. Каребаре не нужны были свидетели того, что он злоупотребляет химией. После всех этих опытов Дункан стал страдать сильными мигренями, а

через два дня его ноги, пах и ягодицы покрылись красной сыпью с большими волдырями.

— Может, отступитесь, пока не доконали окончательно? — спросил Дункан.

— Нет. Либо доконаю, либо добьюсь своего, — ободряюще сказал профессор.

И тут вдруг Дункан с яростным воплем резко выбросил вперед правый кулак — прямо в нижнюю челюсть Каребары; тот опрокинулся и тяжело шлепнулся на спину.

Дункан, отчаянно ругаясь, вскочил, схватил медицинскую сумку профессора и закрутил ею над головой: шприцы, бутылочки, баллончики, стетоскоп, коробка с марлей разлетелись по всей комнате. Кабтаб и Сник бесстрастно наблюдали. Его внезапная вспышка была для них бóльшим сюрпризом, чем даже для Каребары и, пожалуй, для самого Дункана. Однако он быстро опамятовался и, тяжело дыша, снова сел на диван. Конечно, дверь тут же распахнулась, и ворвались Носодрыг, Тонкогубый и Зебра с оружием наперевес. Их ружья стреляли парализующими зарядами. Но то, что легко мог выдержать один, другому могло нанести непоправимый вред. И даже самый легкий заряд, попавший в голову, мог вызвать серьезные повреждения мозга.

Дункан поднял руки, сдаваясь.

— Вы же видели, — сказал он, — он сам меня спровоцировал и вызвал эту вспышку гнева. Я буквально на секунду потерял над собой контроль, но в данных обстоятельствах это вполне объяснимо.

— Заткнись! — приказал Носодрыг и указал дулом ружья на Каребару.

Зебра, крупная блондинка с мальчишеской стрижкой, сунула пистолет в кобуру и опустилась на колени рядом с профессором. Она проверила его пульс и, приподняв веко, исследовала реакцию зрачка. Профессор застонал, пробормотал что-то и попытался сесть, но она толчком уложила его снова на пол: «Полегче, полегче, гражданин».

И хотя Каребара слабо запротестовал и заявил, что уже вполне может встать и уйти, Носодрыг приказал ему лежать и не дергаться. Затем по экрану он вызвал на подмогу «мужчину и женщину». «Никаких имен», — отметил про себя Дункан. Женщина оказалась той самой, что однажды выглянула из кухни, а вот мужчину Дункан раньше никогда не видел. Он решил, что это еще один слуга. Мужчина разложил носилки, вместе с кухаркой они перекатили на них Каребару и вынесли из комнаты. Дункан подумал, что его, наверное, понесли в медпункт, который, по его расчетам, должен был находиться где-то поблизости.

— У вас не должно больше случаться нервных срывов, Бивульф. — Носодрыг скорчил грозную рожу и задергал ноздрями. — И с сегодняшнего дня на ваших занятиях будет всегда присутствовать стража.

— Я же не пытался убить его, — сказал Дункан.

Носодрыг не ответил и приказал охранникам собрать вещи, высыпавшиеся из сумки профессора. Дункан был сильно разочарован, когда Зебра нашла под софой баллончик с туманом, который он туда так аккуратно закатил. Затем стража ушла.

Дункан подумал, что все это время кто-то из них — наверное, Вислозадый — должен был следить за всем происходящим из наблюдательской на тот случай, если ситуация выйдет из-под контроля и придется вызывать подкрепление. Но сколько на это может понадобиться времени, Дункан мог только догадываться: все зависело от того, как далеко находятся дополнительные силы и сколько времени займет их оповещение. И смогут ли они вообще прийти, если что-нибудь экстренное случится около полуночи. Но Дункан решил, что стража, очевидно, настолько уверена в собственных силах, что не особенно задумывается над этими вопросами.

Сам же Дункан был очень озадачен, и вовсе не тем, кого и как может вызвать на помощь охрана. Гораздо больше его волновал вопрос: как добиться в экспериментах Каребары какого-нибудь видимого успеха. Если Руггедо однажды решит, что Дункан не способен пробудить свою память, то просто избавится от него: убьет или закаменит. И не только его, но и Сник с Кабтабом. Надо было изыскать способ доказать шефу «Нимфы» свою полезность.

«Итак, я не могу вспомнить, как создавал свою первую личность, — размышлял Дункан. — Что же мешает мне? Неужели я утратил и уникальную способность самомоделирования? Почему бы мне не попытаться раскопать ее?» Нет, «раскопать» — это не точное слово. Он не мог разрыть свою память, как археолог от психологии. Он скорее должен был уподобиться человеку каменного века, впервые начавшему приручать животных и окультуривать растения. Он должен произвести подобную революцию в своей психике. Причем произвести повторно.

Легко сказать — трудно сделать. И все же в течение двух дней Дункан тратил все свое свободное время, даже время сна, на то, чтобы создать новую личность. Ему не требовалось ее тщательно отделывать, так как ей никогда не суждено было попасть в банк данных. Ему не нужно было придумывать для нее биографию и особенные характерные черты,

поскольку она была нужна только на один раз — чтобы обвести вокруг пальца своего инквизитора.

Дункан лежал на широкой софе с закрытыми глазами, полностью отключившись от окружающего мира. Он плыл в темноте, туда, к границам бессознательного, если только в этом измерении есть границы. Он был абсолютно один в пустоте, в космосе без планет, звезд и космической пыли, в космосе, пустом настолько, что это был уже не космос, а что-то другое. Вакуум, бездна. Даже не бесконечность, потому что бесконечность хоть и не имеет границ, но должна иметь точку отсчета. Здесь не было точки отсчета, здесь не было даже его самого, вернее, он присутствовал, но не имел массы, способной затронуть этот мир. Он был здесь отражением без зеркала. Проекцией.

Проекция носила имя Джефферсона Сервантеса Кэрда, но вовсе не была его копией — для этого Дункан слишком мало о нем знал. Даже если он и скопировал некоторые характерные особенности Кэрда-1, то чисто случайно. В свое время Дункан отказался от изучения файлов банка данных своих семерых ипостасей, даже несмотря на то что это могло бы ему помочь в изысканиях. То немногое, что он знал о них, он почерпнул из бесед со Сник и записей опытов Каребары. Каребара, без сомнения, изучал эти файлы, но под углом поисков пресловутой техники лжи. Скорей всего его мало интересовали подробности интимной жизни Кэрда. Но если он теперь спросит о чем-то на эту тему, Дункан сможет ответить, что помнит только технику.

«Пожалуй, так оно и будет», — подумал Дункан. Он и сам не знал, что сейчас делает — возможно, он просто прокручивает в сознании запись информации, просочившейся от Кэрда. Или в одном из своих сознаний. Во всяком случае, у него не было ни малейших сомнений в том, что нужно делать, и в том, что результат окажется именно таким, как ему нужно. Единственное, в чем он сомневался, так это в том, что кто-то сможет использовать его опыт. Внутренняя организация других людей казалась ему до смешного простой, может быть, потому, что он сам был уникумом. Случайный комплекс генетических особенностей, уникальный и неповторимый, мог сделать его единственным обладателем столь специфических способностей.

Так это или нет, сейчас было важней всего сделать то, что убедит Каребару и Руггедо в его полезности.

Тьму бездны рассекла голубая искра, вспыхнувшая внутри проекции Кэрда-2 и в то же время вне его. В этом измерении не было привычных координат: куда бы ты ни двигался, ты был одновременно везде. Голубая искра росла, разбухала,

Дункан одновременно видел ее и не видел. Постепенно она вытянулась в линию, пылающую, словно нить накала, ярко-голубым блеском, и стала опутывать Кэрда-2, так что скоро он почти исчез под сверкающим коконом, который, светясь все ярче, вытеснил из пространства и из сознания Дункана все остальное. Как ему удавалось думать только об этом и в то же время не думать вовсе и сознавать свое полное отсутствие мыслей, Дункан не знал.

Светящаяся субстанция, окутывающая Кэрда-2, стала просачиваться внутрь его, сливаться с ним, впитываться в каждую его клетку. Семьдесят пять триллионов клеток превратились в идентичные банки данных, содержащих одну и ту же информацию — насколько она вообще может быть идентичной. В ядре каждой из них крутилась маленькая голубая ниточка, которую невозможно было обнаружить ни химическими, ни электронными тестами. Но, как подумал Дункан, имеет ли какое-нибудь значение, что это нельзя будет исследовать научными методами. Главное, чтобы оно работало.

Голубая ниточка содержала в себе все то, что было необходимо Дункану, чтобы стать Кэрдом-2.

Теперь проекция Кэрда-2 стала раскручиваться, как пропеллер древнего аэроплана. Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, быстрее... пока не слилась в голубой полупрозрачный круг, и, словно вдруг исчезло удерживающее ее электромагнитное поле, она устремилась вперед. И в то же время назад, в стороны во всех трех направлениях, наружу и внутрь.

Все было кончено. Куда бы ни разлетелись все эти проекции, одна из них вошла в Дункана и теперь устроилась и задремала где-то в уголке. Но когда будет нужно, она проснется и убедит Каребару в том, что он разбудил-таки Кэрда-1.

Дункан проспал до звонка, возвестившего о появлении ужина на вертушке. Через сорок пять минут объявился профессор в сопровождении двух охранников. Он никак не стал объяснять отсутствие Сник и Кабтаба и не упомянул ни словом о нападении на него Дункана. Тот сначала даже решил извиниться, но потом отказался от этой идеи. В конце концов, даже с правительственной точки зрения человек имеет право на самооборону. Так что Каребара еще легко отделался.

Дункан молча лег на диван и не сказал ни слова, пока профессор прилаживал к нему свои датчики. На сей раз, вместо того чтобы прыснуть аэрозолем, он приказал Дункану открыть рот и ввел ему под язык маленькую спринцовку. Когда он надавил на грушу, Дункан почувствовал во рту прохладную жидкость и ощутил сильный запах фиалок. От-

ключился он так быстро, что, открыв глаза, не был даже уверен, что наркотик на него подействовал. Однако, взглянув на часы, он обнаружил, что прошло 35 минут. Каребара, выглядевший перед опытом угрюмым и насупленным, теперь широко улыбался, что, по мнению Дункана, не делало его привлекательнее.

— Вы, похоже, нарыли что-то, — спросил Дункан, садясь. — Нашли следы главной жилы?

— Что? — спросил Каребара, удивленно моргая своими огромными зелеными глазами. Он явно не слышал вопроса.

— Так как у нас дела?

Все еще улыбаясь, Каребара сложил руки на груди и сразу стал похож на богомола, застывшего над жертвой и в нетерпении шевелящего жвалами. Или он напоминал какое-то другое насекомое?

— Да, мы обнаружили верное направление. Теперь начнем копать.

— Я не муравейник, — сказал Дункан и попросил воды — наркотик всегда вызывал у него сильную жажду.

Вислозадый подал ему стакан, и Дункан, поблагодарив, выпил залпом. Но это не очень помогло — во рту еще оставалась противная сухость.

Каребара, соблюдая дисциплину, уселся на стул и сказал:

— Начнем. Посмотрите, что я нашел.

Сначала Каребара быстро прогнал первый комплекс из двенадцати вопросов, с которого обычно начинал каждый допрос. Этот комплекс был необходим для того, чтобы установить, является ли субъект именно тем, за кого себя выдает. Но так как в процессе множества повторений этого комплекса было доказано, что Дункан все равно может лгать, он превратился в пустую формальность, и Каребара проскочил его, не отрывая глаз от вопросника.

Он прошел по всем личностям, двигаясь в хронологическом порядке к самой первой, спрашивая только имя и кодовый номер гражданина. На все эти вопросы не последовало никакой реакции, пока он не назвал имя Джефферсона Сервантеса Кэрда. И тогда, к собственному потрясению, Каребара получил ответ. Профессор был уже до того задерган своими бесплодными усилиями, что, наконец чего-то добившись, застыл на несколько секунд с открытым ртом, не способный выжать из себя ни слова. Он был так ошеломлен, что даже не стал проверять реакцию зрачков и частоту пульса, что заставило Дункана задуматься: а была ли там вообще какая-нибудь реакция? Правда, его мало беспокоило то, что профессор проштудирует показания своей машинки, когда будет писать отчет для Руггедо.

— Как вы это сделали? — спросил он.

Каребара слабо улыбнулся, сложил руки на груди, покрутил большими пальцами и ответил:

— Я... я... не знаю. — Он опустил руки на колени, откинулся на спинку стула и тихо засмеялся. — Но так ли это важно сейчас? Я могу это установить и попозже. Самое главное то, что я добился успеха. И что бы это ни было, оно сработало.

Просматривая свои ответы на вопросы ошалевшего от счастья профессора, Дункан согласился, что все действительно смотрелось как очевидный успех. Он один за другим давал именно те ответы, которых так давно от него добивался Каребара. В конце допроса профессор сумел даже получить описание техники построения совсем новой личности, правда, в самых общих чертах.

На экране появился кодовый номер записи, и он опустел.

— Теперь начнем детальные разработки, — сказал Каребара.

— Только завтра, — возразил Дункан. — Я слишком устал, чтобы продолжать. Я устал больше, чем от всех предыдущих занятий вместе взятых. Вряд ли что-то получится, если вы будете на меня давить. Я чувствую себя полностью отупевшим.

На лице Каребары появилось выражение обиженного ребенка, он открыл рот, потом закрыл, пожевал губами, покрутил пальцами и сказал:

— Ну хорошо. Завтра. Но сразу же после завтрака мы начнем самое скрупулезное исследование.

Дункан встал вслед за профессором.

— Я тоже очень взволнован. Я боялся уже, что все это безнадежно. Но вам все-таки удалось пробиться к основной личности.

— Это так. Но когда мы приступим к систематическим исследованиям, мы должны быть уверены, что эта личность владеет секретом лжи под туманом. Я не знаю... процесс кажется таким простым... что, может быть...

— Вы опасаетесь, что не каждого можно научить этому?

— Да.

— А я почему-то уверен, что вам понадобится не так уж много людей, чтобы найти того, кто сможет это сделать с такой же легкостью, как я.

Каребара, уже стоящий в дверях, обернулся:

— У меня теперь куча работы! Чертова пропасть работы! Да я всю ночь спать не буду!

Дункан был уверен, что Каребара немедленно похвастается Руггедо своими успехами. Но на то, что эти успехи

заставят Руггедо прийти завтра к нему в гости, Дункану оставалось только надеяться. Впрочем, рано или поздно главарь подпольщиков все равно заявится, и вот тогда, если все пойдет так, как задумал Дункан, ему, Сник и Кабтабу удастся бежать.

Но так ли часто бывает, что все идет строго по плану? Раз на десять тысяч. И то не наверняка.

Несмотря на все эти тревожные мысли, Дункан заснул, как только коснулся головой подушки. Правда, он еще успел пожелать спокойной ночи Кэрду-2.

Но тот не ответил. Он больше не существовал.

ГЛАВА 29

— Вы же понимаете, — сказал Каребаре Дункан, — что, как только каждый научится лгать под туманом правды, правительство и система правосудия серьезно пострадают. Намного сложнее станет выявлять подрывные элементы и продажных политиков. Преступники начнут избегать заслуженного наказания. Общество захлебнется в ошибках и неточностях, в хаосе прошедших веков. Это я, конечно, отмечаю только как тему для спора. Право каждого человека на ложь можно считать естественным. Человечество пользовалось им, и создаваемыми им привилегиями, с того момента, как появилась речь. Ложь дается нам легко, и это не тот дар, который стоит отнимать.

С другой стороны, посмотрите, как выиграло общество — или кажется, что выиграло, — от применения наркотика, называемого туманом правды. Правосудие свершается почти всегда. Виновные наказаны почти всегда. Среднестатистический гражданин знает, что, совершив преступление, он будет найден и примерно наказан — и это останавливает его. Единственные преступники Новой Эры — это те, кто совершает убийство или членовредительство в состоянии аффекта, или глупцы, полагающие, что смогут избежать последствий.

Каребара нахмурился и жестом приказал охраннику, Плоскозадому, отнести полный грязных тарелок поднос Дункана к стенному люку. Плоскозадый, получивший прозвище за социально неприемлемые огромные ягодицы, тоже нахмурился — он не любил работать за заключенных, — но подчинился.

— Я бы на вашем месте не беспокоился об этом, — сказал профессор. — Знание методики лжи под туманом правды будет строго ограничено. Очень немногие вообще услышат о ней.

— Так я и думал, — усмехнулся Дункан. — Это знание станет привилегией высших правительственных чинов.

— Правильно. И тех, кто будет этих чинов обучать.

Дункан опять усмехнулся:

— И как долго, по-вашему, учителям позволят жить после того, как они обучат всех чинуш?

— Чепуха! — вскричал Каребара. — Бред! Паранойя! Предательство!

— Если это такая чушь, почему вы побледнели, профессор?

Каребара косо глянул на стенной экран, прокашлялся и дрожащим голосом заявил:

— Это идет вразрез с нашими идеалами.

— Идеалами? — насмешливо переспросил Дункан. И больше к этой теме не возвращался.

— Давайте вернемся к делу, — предложил Каребара.

— Только после того, как я загляну в сортир. Вечно меня после завтрака кишечник подгоняет. Делает предложения, от которых я не в силах отказаться.

— Ладно, только не задерживайтесь.

Дункан поднялся с кресла.

— К чему такая спешка? К нам сегодня заглянет Руггедо?

Каребара поджал губы и отвернулся.

— Я и не ожидал, что вы ответите.

Выйдя из ванной, Дункан обнаружил, что в комнату зашла Зебра.

— Что, одного вертухая недостаточно? — спросил он. — Что я, по-вашему, могу натворить без сознания?

Каребара оскалился.

— Мне внезапно пришло в голову, что если вы способны врать под туманом, то и потерю сознания сымитировать в силах.

— И вы думаете, что я могу воспользоваться этим? Опять на вас кинуться? — Дункан расхохотался. — Кто из нас теперь параноик?

Он улегся на диван.

— Если вас это и вправду беспокоит, можете проверить мои альфа-ритмы, когда я отключусь.

— Ими тоже можно управлять, — ответил Каребара. — Вы загадочный феномен, Бивульф. В определенном смысле жаль, что вас приходится удерживать здесь. Вас следовало бы поместить в клинику с новейшим оборудованием, под наблюдение ученых, намного более компетентных, чем ваш покорный слуга. — Он вздохнул. — Но это случится еще не скоро. После революции у нас будет еще много времени.

— Так я остаюсь пленником?

— Это не мне решать. — Каребара прикрепил электроды к различным частям тела Дункана и нацелил антенны. — Вначале я задам вам несколько вопросов, пока вы в сознании.

Очевидно, чтобы узнать, много ли Дункан способен вспомнить о личности Кэрда, пока бодрствует. Это оказалось проще, чем Дункан ожидал. Он закрыл глаза и вызвал образ Кэрда-2, чьи ноги переходили в путаницу кроваво-красных светящихся корней, спускавшихся в бездну и терявшихся во тьме. В сущности, Дункан стал Кэрдом-2, сохранив от себя самого ровно столько, чтобы отвечать, когда профессор обращался к нему по этому имени.

Вопросы Каребара читал по зажатому в руке списку. Дункан решил, что составлял их Руггедо, знавший о прежних личностях Кэрда намного больше его самого.

— Что вы знаете о Чарльзе Арпаде Оме?

Вопрос вырвал Дункана из задумчивости, словно прыгнув из засады.

— Оме? — переспросил Дункан. — Только то, что вы рассказывали. Моя субботняя личность в манхэттенские времена. Сорк, алкаш, тунеядец.

— И это все, что вы помните?

— Да.

Это было ложью. Лица проносились перед его внутренним взором — его собственное, Сник, Руггедо. Но... Руггедо звали... его звали?..

— Вы уверены?

Каребара смотрел на стенной экран, куда выводились все считываемые детектором показатели. Судя по ним, Дункан непринужденно болтал с хорошим другом.

— Да, уверен, — подтвердил он. — Об Оме я знаю только то, что мне рассказали вы.

— Тьфу! — Каребара всплеснул руками. — Да что толку?!

Он возобновил допрос, переключившись на Кэрда. Дункан отвечал автоматически, уделяя профессору лишь часть внимания. Порой его отвлекали от раздумий вопросы, на которые он не мог дать ответа. Тогда он говорил: «Я не помню» — и вновь принимался ловить ускользающее имя, прыгавшее по окраинам сознания наподобие пьяного кенгуру.

Руггедо? Руггедо? Руггедо?

Это вызывало ассоциацию, но с чем? С коврами? С индивидуалистами?

Нет, с часами. Наручные? Стенные? Цифровые? Хронометры? Хрон... хрон... хрон... Древний инструмент для отсчета времени. Гномон?.. Гномон — это... дайте вспомнить... металлический треугольник или шип на подставке. Кончик отбрасываемой им тени указывал время дня. Но при чем тут гномон... часть солнечных часов... Вот! Словно вспыхнувшее на пустом экране, перед его мысленным взором появилось слово: ГНОМ.

И все-таки не то.

Гном, гном, гном...

'Ном!

Похожие на троллей создания из баумовской страны Оз, подлые, злобные, всех ненавидящие подземные твари. И королем их был Руггедо!

— Чему вы улыбаетесь? — резко спросил Каребара.

— Это к вам не относится, — сказал Дункан. — Следующий вопрос, пожалуйста.

— Вы не ответили на этот.

— Я не знаю.

Ехидный ублюдок этот главарь нимфовцев! Он выбрал себе этот псевдоним, потому что Руггедо был королем подземного — подпольного — царства. Баумовский король 'номов* посвятил свою безрадостную жизнь завоеванию и покорению счастливых народов солнечной наземной страны Оз. Страна Оз не представляла для него опасности и стремилась только к миру и покою, но Руггедо невыносима была даже мысль, что кому-то живется весело и радостно. И хотя в своем темном подземелье он собрал больше золота и алмазов, чем может желать любой скупец, ему хотелось завладеть и всем, что есть в стране Оз.

Интересно, вспомнил ли нимфовский Руггедо, выбирая себе имя, что король 'номов всегда оставался в дураках, а Глинда Добрая забивала свою волшебную палочку глубоко в его грязную кремниевую задницу?

Все жители Оз — будь то люди, звери или даже деревья — были бессмертны. Заклятье, наложенное на эту страну королевой фей Люрлиной, не давало никому стариться или умирать. Даже разрубленный на части человек оставался жив, и куски его дергались вечно.

Бессмертие. Это... еще несозревшая идея скрывалась за расползающейся пустотой, похожей на окружающую Оз Пустыню Смерти.

— Господи Иисусе! — взвыл Дункан, подскакивая.

Каребара тоже вскочил, отбрасывая список.

— Что? Что?

Бессмертие!

Лицо Руггедо — полыхающие светофорами глаза под тяжелыми веками, всезнающая, исполненная превосходства улыб-

---

* В английском языке слово «гном» произносится без звука «г», и Баум в своей книге для удобства юных читателей приблизил написание к произношению.

ка — поднялось из бурой пустыни, как призрак Самуила, вызванный Эндорской волшебницей.

— Ом! — вскрикнул Дункан.

Опустившийся на колени Каребара, решивший поискать под креслом залетевший туда листок, обернулся.

— Ом? Что с Омом?

Только колоссальным усилием воли Дункану удалось заставить свое лицо не выдать волнения. На стенном экране отражались и скачок давления, и буйство пульса, электрическая буря на коже, водопад адреналина в крови и вспышка активности Ф-волн в мозжечке, но профессор этого не видел. Позже, просматривая ленты, он, конечно, обратит на это внимание, но Дункан надеялся, что к тому моменту это уже не будет его волновать. А пока... он закрыл глаза и представил себе зеленый луг, белого единорога, себя, козлорогого и волосатого, оседлавшего девственницу, к которой так торопится единорог — но не успеет...

Дункан открыл глаза. Как он и надеялся, экран отражал его абсолютно расслабленное состояние. Собственно говоря, эти данные мало что значат. Сотни тысяч людей на свете могут в разультате многолетних тренировок контролировать свои физиологические реакции. Потому-то ганки после изобретения тумана правды почти не использовали электронных детекторов лжи.

— Так что же с Омом? — повторил Каребара.

Воспоминания не струились — они текли рекой, выплескивались гейзером, вздымались, опадали и исчезали. В этом взрыве спрессовалось столько образов и слов, что многое Дункан пропустил, но и того, что заметил, оказалось достаточно.

Он, Чарльз Арпад Ом, стоял в тайном кабинете в Башне Эволюции, в Манхэттене, и разговаривал с Руггедо. Только звали того не Руггедо, а Гилберт Чинь Иммерман, и считался он давно погибшим. Иммерман, его дед и прадед, основатель и глава подрывной организации, к которой принадлежали Кэрд и шесть его других личностей, организации, которая затем была раскрыта и уничтожена. Но Иммерман каким-то образом уцелел, оставшись одним из всемирных советников. Вместо того чтобы отказаться от своих планов, он организовал новую группу. Или собрал остатки старой.

Иммерман создал биохимическое чудо, названное им эликсиром бессмертия, хотя вечной жизни он не давал.

— Продляя ее всемеро! — пробормотал Дункан.

— Что?! — воскликнул Каребара. — Я спрашиваю вас про Ома!

— О, — вздохнул Дункан. — Мне на секунду показалось, что я начинаю вспоминать... но все ушло. И я не могу даже припомнить, что это было.

Каребара лучился удовольствием.

— По крайней мере, прогресс наблюдается.

Эликсир Иммермана замедлял темп старения в семь раз. Обычный гражданин, проживший восемьдесят сублет, реально провел бы на Земле 560 облет. А иммер, приняв эликсир, получал столько же лет субъективного существования, или 3880 облет.

Вот поэтому-то правительство и охотилось за беглым Дунканом. Некоторые из высоких чинов — вероятно, очень немногие, и из самых высоких — выяснили о существовании эликсира у схваченных иммеров. И оставили секрет себе. Они окаменили не только всех пойманных иммеров, но и весь персонал, который мог узнать что-то об эликсире или хотя бы о его существовании. Сник не знала об эликсире ничего, но и ее судили по ложным обвинениям, приговорили к окаменению и отправили на склад.

Несмотря на все попытки Дункана сдерживаться, график артериального давления на экране выдал пик высотой с небоскреб, а Ф-волны дошли до частоты 20 000 герц.

— Пора вас отуманивать, — сообщил Каребара. — Откройте ротик...

Очнулся Дункан через час; электроды уже были сняты. Профессор стоял над ним с озадаченным видом. Поданный Каребарой стакан воды Дункан выпил с жадностью. Профессор отобрал у него пустой стакан, поставил на столик и вышел, не произнеся ни слова. Охранники последовали за ним. Когда дверь за ними закрылась, Дункан поднялся на ноги. Его трясло. Несмотря на выпитую воду, во рту было так сухо, что язык только что искры из зубов не выбивал. Голова и живот перебрасывались раскаленным чугунным ядром.

— Этот жуколюб, — прошипел Дункан, ковыляя в ванную, — опрыскал меня раза четыре. И наркотик сверху. Чистый садизм.

Однако если Каребара и выяснил таким образом нечто сногсшибательное, то оставил это при себе. Дункан, впрочем, сомневался, что профессор узнал больше, чем согласился рассказать пациент — кроме полного списка инструкций по постройке новой личности. Даже этого хватит, чтобы Руггедо-Иммерман примчался со всех ног.

Выблевывая завтрак, Дункан позабыл о всех планах. Чуть лучше он себя почувствовал, только прополоскав рот, выпив еще воды, высморкавшись и умывшись. Он дополз до кро-

вати, лег, закрыл глаза, собираясь поразмышлять о результатах сеанса, и тут же заснул.

Проснулся он только к полудню — встал, выпил кофе, съел несколько крекеров с сыром. В час дня пришли охранники, чтобы отвести его в плавательный бассейн. Несмотря на головную боль и скрип каждой молекулы в теле, он пошел и к концу отведенного часа почувствовал себя намного лучше.

Пока Кабтаб шумно плескался, Дункан смог бросить Сник два слова:

— Возможно, сегодня.

Потом передал падре то же самое.

В два часа пришел Каребара.

— Думаю, что нам следует увеличить темп. Мои ощущения, разумеется, ненаучны, но мне кажется, что мы напали на жилу.

— Да пошел ты со своей интуицией, — ответил Дункан. — Я еще после утра не отошел. Сегодня второй сеанс пропускаем.

— Ни в коем случае! — Каребара злобно глянул на него. — Мы взяли темп и сбрасывать его не можем.

— Я тебе могу пообещать, что ты только зря потратишь мое и свое время, да заставишь меня блевать, — ответил Дункан. — Без моей помощи ты не продвинешься ни на дюйм, а я не шевельну и пальцем. Если приду в форму к вечеру — попробуем, а если нет...

Каребара прикусил нижнюю губу, пошевелил пальцами, потом выговорил:

— Ладно. Один сеанс пропустим. Но к вечеру вы *обязаны* быть готовы. Это очень важно.

«Потому что придет Иммерман?» — подумал Дункан.

— Сейчас я вздремну и попробую методом обратной связи снять наркопохмелье, — сказал он вслух. — Попробую подготовиться к вечеру. Но с наркотиками ты перебарщиваешь, проф. Может быть, их должен вводить более компетентный врач?

Каребара побагровел, но промолчал и тут же ушел, а с ним и охранники.

Дункан подошел к окну, чтобы полюбоваться видом. Сияли на солнце белые паруса яхт и многоцветных грузовозов, полыхал алый фюзеляж дирижабля, поблескивали панели солнечных батарей на башнях. В пятидесяти футах ниже окна пролетела чайка.

«Но побег легче устроить ночью», — подумал Дункан.

В шесть часов на экране появился Каребара.

— Сеанс откладывается до одиннадцати.

— Почему?

— Вам это знать не обязательно.

— А Сник и Кабтаб будут?

— Это я сообщить могу. Да. По приказу сверху.

Дункан улыбнулся. Причина такого нарушения графика могла быть только одна.

ГЛАВА 30

Пантея Сник лежала без сознания на кушетке, обрызганная туманом правды.

— Строила ли ты план или планы побега из этого помещения? — спрашивал стоящий в изголовье Каребара.

— Нет.

— Строила ли ты с кем-то еще план или планы побега из этого помещения?

— Да.

Каребара засиял.

— С кем ты строила план или планы побега?

— С Уильямом Сент-Джорджем Дунканом и падре Кобэмом Ван Кабтабом.

— О Боже, я так и знал, так и знал! Но как они могли сделать это, не сообщаясь друг с другом? Слушай меня, гражданка Сник, и отвечай на мой вопрос со всеми подробностями. Каким образом — устно, письменно, через компьютер или как-то еще — ты, Кабтаб и Дункан передавали друг другу план побега?!

— А-а-а! — закричал Дункан и проснулся. Сердце его бешено колотилось, хотя паника уже отступала.

Продремал он не больше трех минут, но этого хватило, чтобы подкорка успела показать ему кошмар. Если его тюремщики окажутся сверхосторожны, они применят туман правды к его друзьям. И узнают то, чего им знать вовсе не следует.

До одиннадцати часов вечера оставалось пять минут. Скоро он узнает, принял ли Каребара все мыслимые меры предосторожности, или профессор не решился пойти на крайние меры. Зачем? Каждое слово, каждое движение трех пленников услышано и увидено — вернее, так полагают тюремщики.

Без одной минуты одиннадцать дверь распахнулась. Вошли Плоскозадый и Зебра, сжимая пистолеты в руках. Первый встал у двери в ванную, его коллега — у северной стены. Потом Каребара привел Сник и Кабтаба. Отлично! Значит, их не допрашивали о планах побега. Сник присела на другой конец дивана, подальше от Дункана. Кабтаб осторожно опустил свою необъятную тушу в кресло.

Через несколько секунд в комнату вступил Руггедо-Иммерман. Зеленая тога в алую полоску, короткая стрижка и

длинный, чуть загнутый нос придавали ему вид древнеримского сенатора. За ним шел Носодрыг.

Тонкогубый и Хитрюга, наверное, остались в наблюдательской, если только один из них не стоял по другую сторону закрывшейся двери.

Иммерман кивнул Дункану и сел на стул перед диваном, примерно в восьми футах от него. Носодрыг встал по правую руку от «Руггедо», футах в трех; руки его были свободны, пистолет остался в кобуре.

Каребара несколько секунд озирался, словно соображая, куда ему сесть и стоит ли вообще садиться.

— Вон туда, — указал Иммерман.

— Благодарю, ваше превосходительство, — ответил профессор, проходя за спиной Иммермана, и тут же, покраснев, нервно глянул на начальника.

Иммерман поджал губы, но промолчал. Очевидно, титул его при пленниках упоминать не следовало. Особенно титул советника мирового правительства. За эту обмолвку Каребара еще заплатит.

Иммерман глянул на Дункана, поглаживая левой рукой живот. Перед мысленным взором Дункана промелькнула картина: дед гладит восседающую на коленях здоровую гладкошерстную сиамскую кошку.

После довольно продолжительного молчания Иммерман открыл было рот, но Кабтаб его перебил.

— Прошу прощения, гражданин Руггедо, — пророкотал падре, — но, прежде чем мы начнем приятную беседу, не могу ли я выпить? И не налить ли вам?

Иммерман слегка ошарашенно моргнул, потом ответил:

— Можете налить и себе, и своим друзьям. Мне не надо. Но... — Тут его лицо окаменело. — ...Больше не прерывайте меня. Говорить будете, только когда я прикажу.

— Еще раз прошу прощения, гражданин Руггедо. Мы несколько напряжены, и я подумал, что немного спиртного поможет нам расслабиться.

— Наливайте, — приказал Иммерман.

Кабтаб встал.

— Данк, Тея, что предпочитаете?

— Мне «Свободный радикал», тройной, — ответил Дункан.

— Стакан токайского, — сказала Сник.

— Извините, гражданин Руггедо, — напомнил Каребара, — но не помешает ли алкоголь воздействию тумана правды на гражданина Дункана?

— Сомневаюсь, — ответил Иммерман. — В любом случае это почти единственный наркотик, который вы не пробовали

применить. Быть может, спиртное воздействует на его подсознание благоприятным образом.

Что бы Иммерман ни собирался сказать первоначально, он держал это при себе, пока Кабтаб не разлил напитки по стаканам. Он внимательно наблюдал, как падре подходит к бару — стоящему у двери в ванную высокому тиковому шкафчику, украшенному замысловатой резьбой. Когда Кабтаб вышел из его поля зрения, Иммерман глянул на Дункана. Тот без особого труда выдержал дедов взгляд, но ему хотелось и последить за падре — приходилось все время бегать глазами. Пусть великий человек думает, что смог переиграть пленника в гляделки.

До сих пор сцена из «Марсианского восстания» разыгрывалась довольно точно. Мебель располагалась почти — хотя и не совсем — так же. Иммерман позволил одному из пленников встать и пойти за спиртным, как Нэл в фильме позволил Керли Эстаркуло Лю-Дану.

Но в фильме охранник, стоявший у бара, не двигался. А Плоскозадый сделал два шага в сторону.

Носодрыг стоял справа от Иммермана, а Зебра — у двери, так, чтобы держать в поле зрения Кабтаба, Носодрыга и Дункана.

— Прошу прощения, гражданин Руггедо, — Каребара прокашлялся, — могу я выпить стаканчик шерри?

Иммерман кивнул.

— Кабтаб, — приказал Носодрыг, — принеси гражданину Каребаре...

— Я слышал, — буркнул падре.

Из ящика под стойкой он вытащил поднос, расставил на нем четыре стакана и разлил напитки из трех бутылок.

— Сколько можно возиться? — осведомился Иммерман сухим и хрипловатым голосом.

— Иду, гражданин Руггедо. Однако прежде я хотел бы произнести тост. За наш успех и за Бога, Которого Еще Нет.

Иммерман раздраженно повернулся к нему.

— Не испытывайте мое терпение! — резко произнес он.

— Извиняюсь, гражданин, — ответил Кабтаб. — С вашего милостивого соизволения... — Он поднял стакан, наполненный «Свободным радикалом», который заказывал Дункан. — Тост! Да победят правые и доблестные! — Он опрокинул стакан в пасть, кадык его задергался. Потом он опустил стакан на поднос и пошел на свое место.

Дункан соскользнул на самый край дивана, так, чтобы ступни коснулись ковра, незаметно уперся в пол носками, а правой рукой — в подлокотник дивана.

— Что ты сделаешь с нами, когда мы перестанем представлять интерес? — спросил он, вновь глянув на Иммермана, и через секунду добавил: — Дедушка...

Иммерман дернулся, глаза его широко раскрылись.

— Помнишь?

Носодрыг посмотрел на Иммермана. Дункан перевел взгляд на Кабтаба.

Проходя мимо Плоскозадого, падре повернулся и выплюнул охраннику в лицо разведенный слюной напиток.

Повторяя действия Лоуренса Бульбуль Амира в фильме, Дункан прыгнул на Иммермана. Краем глаза он заметил, как Сник кинулась на Носодрыга, уже схватившегося за рукоять пистолета.

Дункан и Сник вопили, чтобы увеличить смятение охранников и на долю секунды замедлить их реакцию. Остальные тоже кричали.

Не успел Иммерман встать со стула, как пальцы Дункана сомкнулись на его горле. Оба они упали, свалив стул, и откатились в сторону, так что Иммерман оказался сверху. Синея от удушья, Иммерман попытался выцарапать внуку глаза, потом обмяк, хотя сознания до конца не потерял.

Дункан откатился в сторону и попытался подняться на ноги, когда на него с воплем накинулся Каребара. Оба упали, но профессор замолк и уже не встал. По волосам его текла кровь из раны, нанесенной рукоятью пистолета Сник.

— Все кончено, — тяжело дыша, выдавила Пантея и добавила: — О Боже!

Дункан встал, дрожа от схлынувшего напряжения. Иммерман попытался подняться, но Дункан врезал ему башмаком по шее, и советник со стоном рухнул.

Носодрыг валялся на спине, раскинув руки; шея его была неестественно вывернута.

Сник подбежала к распростертому телу Кабтаба. Дункан поискал взглядом Зебру и нашел ее лежащей у двери лицом вниз; пистолет выпал из мертвой руки. Кабтаб, видимо, подстрелил ее, отняв пистолет у Плоскозадого, но она поднялась и напала на падре сзади, прошив его лучом. Только тогда она упала, ослабев от потери крови.

Дункан подобрал пистолет Носодрыга, перевел регулятор с оглушения на пробивную мощность и подошел к двери в ванную.

Заплаканное лицо Сник обернулось к нему.

— Он мертв!

Луч прошел через левое плечо падре, прижигая рану, но недостаточно — слишком много вытекло из нее крови.

— Мы оплачем его позже, — проговорил Дункан. — Остальные охранники, должно быть, уже оповестили прислугу и Бог знает кого еще.

Вместе они осмотрели остальные тела. Каребара и Иммерман тяжело дышали. За профессора Дункан не беспокоился, но дед был нужен ему живым и в ясном сознании. Вытащив из сумки Каребары баллончик тумана правды, Дункан опрыскал обоих лиловой струей.

— Зебра, Плоскозадый и Носодрыг мертвы, — сообщила Сник. — У Плоскозадого сломана шея. Должно быть, падре постарался перед смертью.

— А Носодрыгу шею ты сломала?

— Да.

Пусть Иммерман оставался их заложником, охрана могла слышать и видеть все, что происходит в комнате. Смогут ли беглецы нейтрализовать это преимущество — покажет будущее.

— Все прошло как по сценарию, — произнес Дункан. — Только... в фильме Лю-Дан остался жив.

— Сценарий переписан. — Сник хрипло рассмеялась.

Дункан напрягся, ожидая, что хохот перейдет в истерику. Но Пантея оборвала смех и принялась собирать разбросанные по полу пистолеты и вытаскивать из карманов охранников дополнительные заряды. Разложив оружие на столе, она выдала Дункану шесть магазинов, а остальные рассовала по карманам.

— Каребара нам не нужен, — заметила она, тыкая в профессора пальцем.

— Но убивать его не стоит. Он еще может пригодиться.

Стенной экран подсказывал, что с того момента как Иммерман вошел в комнату, прошло четыре минуты.

Дункан вошел в ванную, остановился сразу за дверью и, повернувшись, поманил Сник. Та встала по другую сторону проема, так, чтобы следить за входной дверью.

— Если верить им, — негромко произнес Дункан, — то мониторов в ванной нет. К камере над окном ты стоишь спиной. Когда будешь отвечать, просунь голову в дверь, только ненадолго. Вот что мы должны сделать. Перетащим Иммермана сюда, и я запру дверь. Ты посторожишь, пока я его допрашиваю. Пока что я хочу выжать из него только план помещения и число слуг. А заодно расположение их комнат и все коды, которые нам могут пригодиться. У меня к нему еще немало серьезных вопросов, но они подождут. Сначала нужно очистить дом и выяснить, не вызывали ли помощь. Вопросы?

— Иммерман?

— Настоящее имя Руггедо. Потом объясню подробнее. Я сейчас притащу его сюда, а ты сторожи дверь. Будут ломиться — кричи.

Дункан не тратил времени зря. Он начал допрос, даже не зная, пришел ли Иммерман в себя после удара. Как оказалось, в полубессознательном состоянии советника удерживал только туман правды — он ответил сразу же, хотя и едва слышно.

Допрос занял больше времени, чем Дункану хотелось бы, но человек под туманом не выдает требуемые сведения, точно историю, не «раскалывается». Его приходится проводить шаг за шагом. Тем не менее Дункан выяснил расположение комнат и число находившихся в помещении людей. Тонкогубый (его фамилия оказалась Сингх) и Хитрюга (он же Боттлджей) несли вахту в наблюдательской. Двое слуг, женщина по имени Пэл и мужчина по имени Вискет, вероятно, были в своих комнатах.

Иммерман покинул Цюрих два часа назад на правительственной экспресс-ракете, севшей в аэропорту Старшоуэр-Филд, а оттуда на маленьком самолете органиков прилетел на крышу башни. Люк на крыше открывался при помощи радиокода, и самолет садился в ангаре, расположенном рядом с центральным коридором, вдоль которого шли другие квартиры — как понял Дункан, очень высоких правительственных чинов. Пилот, Уэйн, мог находиться в ангаре или в кухне и был вооружен.

Иммерман, как мировой советник, мог при необходимости нарушать установленное время каменения и игнорировать временные зоны, ограничивавшие передвижение большинства граждан.

Дункан высунулся из ванной и поманил Сник к себе. Он шепотом пересказал ей полученные сведения; для надежности она повторила все, что касалось плана квартиры. Дункан шарил в сумке Каребары, пока не нашел шприц и склянку с пентоталом натрия*. Поскольку он не знал, как приготовить раствор, способный лишить человека сознания примерно на полчаса, Дункан спросил об этом у Каребары, а получив ответ, набрал необходимое количество жидкости в шприц и ввел и самому профессору, и лежащему в ванной Иммерману по дозе.

Наложившись на туман правды, пентотал выведет эту пару из строя минут на сорок пять. Более массивный Иммерман, вероятно, придет в себя первым. Но несколько минут

---

* Сильнодействующее снотворное группы барбитуратов.

не сыграют роли. Дункан рассчитывал вернуться до того, как пленники проснутся.

— Я получил от Иммермана аварийные коды для освещения, звукового и видеонаблюдения, — окликнул он Сник из ванной. — Осторожный ублюдок. Только у него были все управляющие коды здешней электроники — так, на случай поспешного бегства.

— Это нам поможет.

— Да. Я отключу освещение и все микрофоны, кроме того, через который я подаю команды. И тепловизоры тоже — у его людей есть инфракрасные датчики.

Дункан вышел из ванной и произнес в ближайший стенной экран кодовую фразу — «Сезам, откройся» задом наперед. Наступила темнота. Теперь наблюдатели не могли ни видеть, ни слышать, что творится в комнате. Однако вряд ли они долго будут блуждать во тьме. Иммерман на соответствующий вопрос ответил, что у его людей есть ручные фонари. Сейчас охранники, вероятно, на ощупь пробираются к шкафам с оборудованием.

Дверь в комнату располагалась прямо напротив кладовки, в которую из коридора попасть было нельзя. Сразу за кладовкой размещалась кухня, а значит, один или несколько охранников непременно окажутся там, поджидая, пока пленники выйдут из комнаты. По другую сторону от кладовки находилась одна из комнат охраны, дальше — наблюдательская, вторая комната охраны и зал отдыха, выхода в коридор не имевший.

Против Дункана и Сник — трое мужчин и две женщины: Сингх, Боттлджей, Пэл, Вискет и Уэйн. В любом из дверных проемов по другую сторону коридора может расположиться один из них — так же, как и в комнате Кабтаба рядом с комнатой Дункана, или в следующей, где жила Сник, или в кладовой напротив зала отдыха. Дункан на месте врага поместил бы минимум двоих в комнаты по эту сторону коридора.

— Уэйн! — вскрикнул он. — Как я раньше не подумал!..

— Что? — переспросила Сник. — А, я поняла — Господи!

Если пилот не успел вывести машину через люк на крыше, то он в ловушке. Но если он улетел до того, как Дункан отключил ток...

Времени завершить мысль Дункану не хватило. Темная туша закрыла струящийся в окно слабый свет соседних башен. Дункан успел заметить продолговатый силуэт машины, профили пилота и пассажира, прежде чем машина начала поворачиваться носом к окну.

Дункан прицелился в пилота. Он выстрелил почти одновременно со Сник; блеснули лиловые лучи, но кто-то из

двоих промахнулся. Вражеский луч ударил в паре дюймов от Дункана. Он выстрелил вновь, Сник — тоже. В окне осталось пять дыр, а сигарообразная тень за ним все продолжала вращаться.

— Повезло нам, — заметил Дункан. — Хорошо, что я успел выключить свет.

— Двое готовы, — прикинула Сник. — Осталось трое.

ГЛАВА 31

— Я не успел открыть нашу дверь, прежде чем отключил ток, — сказал Дункан. — Может быть, нашим противникам достанет смелости подергать за ручку. Но я могу подать ток на замки, не включая при этом освещения.

— А почему бы нам просто не прожечь стены? — спросила Сник. — Один из нас мог бы прорезать дыру в комнату падре, а оттуда — в мою. А второй — в апартаменты Иммермана.

Дункан уже подумывал об этом. Они могли бы обойти нападающих с флангов — но не появится ли у них та же идея? Однако прятаться в комнате бесконечно, опасаясь возможного противодействия, ни он, ни Сник не могли.

— Все двери, открытые в момент обесточивания, — произнес он, — останутся открыты. Остальные заперты, включая единственный выход из этого комплекса. Если охранники сейчас в твоей комнате, комнатах Кабтаба или Иммермана или в кладовой, то им придется прорезать себе выход. Предположим, что они этого еще не сделали или занимаются этим сейчас. А мы прожжем себе путь в гостиную Иммермана, а оттуда через стену — в спальню.

Он бросил последний взгляд на медленно поворачивающуюся за окном машину с мертвым экипажем. Переведя пистолеты на максимальную мощность, он и Сник вырезали из перегородки неровный квадрат — пролезть в отверстие можно было только на четвереньках. Дым горящего и тающего картолита шестидюймовой толщины ел глаза и обжигал ноздри. Сменив заряды в пистолетах, Дункан опустился на четвереньки и прошептал код, включающий свет, но оставляющий в нерабочем состоянии стенные камеры. Сжимая оружие в левой руке, он нырнул в дыру, надеясь, что всякий, оказавшийся в комнате, замрет от неожиданности, когда включится свет, и это даст ему преимущество. Но если в гостиной и находился кто-то, то он успел спрятаться за мебелью.

Пригнувшись и держа пистолеты наготове, Дункан и Сник обошли гостиную и ванную. Обе комнаты были пусты. Дункан опять выключил свет и принялся вырезать отверстие в

очередной стенке. Снова вспыхнули лампы, и процедура повторилась. Но все двери были заперты.

Вновь погасив освещение, Дункан и Сник при свете, слабо сочившемся через окно во всю стену, пробрались в дальний угол комнаты.

— Режь стену, — приказал Дункан. — А я послежу за входом. Может быть, они уже прорезали стену в мою комнату и теперь идут за нами.

На то, чтобы прорезать новое отверстие, Сник потребовалось около тридцати секунд.

— У меня осталась всего половина заряда, — сообщила она.

— Используй его до конца. Нам потребуется все, что осталось.

Дункан произнес приказ, и зажглись лампы. В плавательном бассейне он в общем-то и не ожидал никого встретить; так и оказалось. Дункан все же подошел к краю бассейна. Смешно, конечно, но вдруг кто-то затаился в воде под краем, высунув только голову? Отличная позиция для засады. Только кто этим займется?

Как оказалось, никто. Дункан чувствовал себя немного глупо, но, если бы он откинул эту мысль, а она оказалась верной — он мог бы погибнуть.

Дункан вновь выключил свет.

— Охрана, должно быть, недоумевает, что за чертовщина творится со светом, — прошептала Сник.

— Вот и прекрасно, — отозвался Дункан.

Стояла полная тьма, вдоль стены пришлось пробираться на ощупь — одна рука скользит по ее поверхности, другая сжимает пистолет. Через несколько шагов Дункан остановился — ствол пистолета уткнулся во что-то твердое. Ощупав предмет, Дункан сообразил, что это чей-то бюст на пьедестале. Прежде чем стена кончилась, пришлось обойти шесть таких пьедесталов. Включив на секунду свет, Дункан обнаружил, что находится в коридоре; прямо впереди виднелась арка, за которой начинался холл. Он медленно прошел под аркой, зацепившись плечом, снова включил освещение. Входная дверь в комплекс была закрыта. Заперта? Дункан толкнул ее плечом — безрезультатно.

В сопровождении уцепившейся за его плечо Сник он вернулся в коридор и остановился на секунду. Проход шел через весь комплекс, упираясь в стену следующего. Последним помещением был ангар, обширная зала с единственным входом. Нащупывая дорогу, Дункан прошел вдоль коридора — по счастью, никаких бюстов или столиков под ноги не подвернулось. Когда под пальцами проскользнула третья дверь,

он замедлил шаг, а нащупав ручку четвертой, остановился вовсе. Прежде чем включить свет, он приказал Сник встать по другую сторону от входа и приготовиться к стрельбе. Дверь оказалась заперта. Одно кодовое слово отомкнуло замок, второе — погасило лампы; Дункан распахнул дверь и, метнувшись внутрь, снова включил свет. Дверь автоматически закрылась за спиной Сник.

Как и сказал Иммерман, в ангаре оставалась еще одна двухместная патрульная машина органиков. Ухмыляясь, Дункан сел на место пилота. Сник, хихикая, устроилась за его спиной.

— Мы свободны! — крикнула она.

Дункан нажал на кнопку «ВКЛ». И крепко выругался. Не вспыхнули огни на пульте, не засветились цифровые индикаторы. Еще три нажатия на кнопку оказались столь же бесполезны.

— Что случилось? — спросила Сник.

— Не знаю, черт!.. Думаю... Иммерман не врал, говоря, что есть вторая машина. А вот чего он не сказал, потому что не знал, так это того, что пилот вытащил какую-то важную часть, прежде чем взлететь. Наверное, на тот случай, если мы доберемся сюда раньше него. Или это стандартная процедура, а Иммерман не сказал мне об этом, потому что я не спрашивал. Я не механик и не разберу, что пропало. Да и запасной части тут, наверное, нет.

Он вылез из машины и осмотрел установленную на носу протонную пушку. Крепления оказались приварены к корпусу, но саму пушку можно было снять.

— Весит фунтов сорок, — задумчиво произнес он. — Справлюсь.

Задыхаясь в спертом, неподвижном воздухе, беглецы сняли пушку. Дункан вытащил из багажника машины два запасных заряда — узкие коробки длиной шесть дюймов каждая — и распихал их по карманам юбки.

— Я установлю освещение так, чтобы свет включался и выключался с интервалом в одну минуту, — сказал он, подхватывая пушку обеими руками.

По другую сторону коридора располагалась дверь в зал отдыха для охранников — судя по словам Иммермана, довольно большое L-образное помещение. Чтобы выбить дверь, понадобилось четыре секунды — три на то, чтобы срезать петли, и одна — чтобы Сник вышибла ее одним ударом. Дункан прыгнул в комнату; шар на конце ствола плевался лиловыми молниями. Стена напротив двери походила теперь на швейцарский сыр, но в зале никого не было. Дункан прошел мимо маленького бассейна. Если в комнатах охраны или

наблюдательской кто-то оставался, они теперь знают, что пленники на свободе и заходят им в тыл. Дункана это уже не волновало. У него оставалось совсем немного времени, чтобы подавить сопротивление и вновь приступить к допросу Иммермана. А потом сделать кое-что еще, прежде чем убраться отсюда.

Зайдя за угол, Сник выжгла замок в двери, ведущей в коридор. Подождав, пока свет погаснет, она выбила дверь и, упав на пол, выглянула наружу. В темноте Дункан не мог следить за ее действиями, но предполагал, что она следует его инструкциям. Сам он тем временем следил за своей частью коридора.

Внезапно вспыхнул свет. Послышался слабый вздох Сник, звуки трех выстрелов и женский вопль. Еще два выстрела, достаточно близко, чтобы понять: стреляла Сник. Дункан шагнул было к двери, но Сник вернулась сама. Ее улыбка сияла ярче ламп.

— Сняла обоих! Но он меня почти достал!

Дункан уловил запах опаленного ковра.

— Кто там был?

— Пэл, повар, — я ей в левый висок попала, и Сингх. Он получил в живот, но сам меня едва не достал — на дюйм ближе, и продырявил бы мне голову. Потом я обоих добила для надежности.

— Остается только один, Вискет, — произнес Дункан и, чуть помедлив, добавил: — Да ты счастлива!

— Я убиваю террористов.

— Боже мой! Мы же сами террористы!

— Да, но враги-то они.

Дункан покачал головой:

— Я уже сам не знаю, кто друзья, а кто — враги. Ладно. Вискета ты не видела?

— Нет. Но это не значит, что он не сидит за одной из дверей.

Дункан глянул за угол. Пэл лежала на боку, Сингх распростерся лицом вниз. Очевидно, Сингх вышел из дверей кухни первым, а Пэл следовала за ним, рассчитывая в темноте подобраться поближе к залу отдыха. Лежавшая на полу Сник представляла собой трудную мишень, да и реакция у нее оказалась лучше. А подстрелив охранников, она нанесла им удар милосердия.

Дункану не хотелось бы встречаться со своей подругой на дуэли.

— Двери двух комнат охраны и наблюдательской заперты, — сказал он. — Если Вискет сидит там, то не выле-

зет, если только не захочет прожигать себе дорогу. А если так, он сам предупредит нас — мы его просто учуем.

Свет погас.

— Сейчас мы выйдем в коридор. Движемся вбок, я по правую руку от тебя. По счету «три» после того, как выйдем из дверей — продвигаемся. Ты нащупываешь дверь наблюдательской. Вискет мог застрять там, когда я обесточил замки. Вторая дверь слева.

— Я помню.

— Просто проверка. Я нащупаю дверь Кабтаба и пройду еще пару футов, тогда я окажусь почти напротив двери наблюдательской. Когда загорится свет, оттуда я смогу увидеть, открыта ли дверь в банк данных. Если нет, я кивну, если да — покачаю головой. Если дверь открыта, мы пойдем в банк, а если закрыта — вырезай замок в наблюдательской. Так будет быстрее и легче, чем проходить по новой через каждую комнату, чтобы выяснить, не ушел ли от нас Вискет.

— Поняла.

— Пошли.

Когда свет зажегся вновь, Дункан увидел, что дверь в банк данных заперта. Он посигналил Сник, и та подкралась к дверям в наблюдательскую. Дункан жестом приказал ей лечь, и когда она ушла с линии огня, нажал на курок. Пушка, точно разъяренная кобра, плюнула лиловым огнем; Дункан обвел лучом замок, Сник выбила отрезанный кусок рукоятью пистолета. Потом она ударила по двери рукой, и створка медленно открылась. У Вискета, если он был там, хватило ума спрятаться.

— Выходи! — крикнул Дункан. — Все твои приятели мертвы, Вискет. У тебя нет ни малейшего шанса! Сдавайся, или мы возьмем тебя! Вискет, у меня тут пушка! Я просто продырявлю комнату насквозь, если ты не выйдешь, подняв руки, в течение четырех секунд!

— Я сдамся, только если вы дадите слово, что не убьете меня! — донесся из комнаты дрожащий басок.

— Выходи без оружия! Сначала брось пистолет, потом руки покажи! Возьмешься за косяк! И без штучек! Я тут не один!

— Обещаете не стрелять в меня?

— Обещаю, — ответил Дункан.

— А твоя подружка? Пусть она тоже даст обещание.

Очевидно, Вискет был весьма предусмотрительным типом. Дункан кивнул Сник.

— Обещаю, что не стану в тебя стрелять! — крикнула она.

— Может, с вами кто-то еще есть? — спросил Вискет.

— Да откуда, черт побери?! — заорал Дункан. — Ты прекрасно знаешь, сколько нас. Вылезай! Я тороплюсь!

— Вы сказали, что стрелять не будете! — прокричал Вискет. — Я хочу, чтобы вы пообещали, что не причините мне никакого вреда. Иначе вам придется со мной драться!

Голос его шел из дальнего угла комнаты. Не успел Дункан ее остановить, как Пантея Сник перекатилась через порог и, сжимая пистолет обеими руками, дважды выстрелила. Лиловая молния промелькнула над ней, ударив в стену.

Вскочив, Сник вбежала в комнату, чертыхающийся Дункан — следом. Вискет лежал посреди комнаты лицом вниз.

— Глупо, — произнес Дункан.

— Если бы я промахнулась — да. Но я попала, так что отнюдь не глупо. Нам все равно пришлось бы его убить. Ты же знаешь. Как и Иммермана с Каребарой, после того как мы с ними закончим.

— Я собирался отпустить их. Пусть бегут.

— Чтобы их поймали ганки? Они расскажут все, что знают, и нам после этого сбежать уже не удастся.

— Да ты просто дикарка кровожадная, — сказал Дункан. В этот миг он ощутил, что его любовь к этой женщине начала слабеть. Или так ему показалось. Он надеялся, что это и в самом деле так. Он стремился освободиться от этой одержимости, которую не в силах была изгнать никакая логика.

— Ну? — спросила Сник.

— Разумно.

— Вот и хорошо. Что теперь?

— Перенесем Иммермана в банк данных, и как можно быстрее. Потом постоишь на страже у дверей в комплекс. Охранники могли вызвать помощь. И пушку с собой возьми.

ГЛАВА 32

Иммерман лежал на диване в наблюдательской, а Дункан забрасывал его вопросами о возможностях здешнего банка данных. Как и следовало ожидать, переданные им команды могли перекрывать все каналы, кроме правительственных наивысшего уровня, а выйти через банк данных можно было на все каналы планеты: мировые, национальные, штатов и локальные. Дед Дункана уже давно вложил в машину эти способности.

Дункан прервался на секунду, чтобы глянуть на стенной экран, показывавший сидящую в холле Сник. Она держала пушку нацеленной на дверь, пристроившись на одном стуле и положив запястье на спинку другого.

— Какое имя ты используешь сейчас? — продолжил Дункан допрос.

— Дэвид Джимсон Ананда.

— Каков код неограниченного доступа?

— ИМАГО. ВСЕГДА, — прошептал Иммерман.

Дункан потребовал произнести по буквам.

— Ты единственный, кто может задействовать код?

— Да.

— Что требуется для подтверждения доступа? Распознавание голоса?

— Да.

— Нужно что-то еще?

— Да.

— Что еще требуется для подтверждения доступа?

— Отпечатки большого пальца моей левой руки и узор сетчатки правого глаза.

Выяснив, как считываются эти данные, Дункан подхватил обмякшее тело Иммермана и перетащил в кресло перед главным пультом. Усадив деда прямо, он включил банк.

— А теперь, — произнес он, — когда я скажу «пошел», ты, Гилберт Чинь Иммерман, крикнешь во весь голос: «ИМАГО. ВСЕГДА». — Одной рукой он прижал левый большой палец Иммермана к гладкому диску на пульте, другой вцепился деду в волосы. — Пошел!

— ИМАГО. ВСЕГДА.

Надпись «Готов к введению кода» исчезла с экрана, сменившись другой: «Код доступа не завершен».

Из центра экрана ударил тонкий лучик, упавший на шею Иммермана. Дункан поднимал деда за волосы до тех пор, пока луч не попал точно в правый глаз советника. На экране вспыхнула новая надпись: «Код доступа завершен. К вводу готов».

Дункан вздрогнул, когда остальные стенные экраны вспыхнули пульсирующим оранжевым светом. Раздался низкий протяжный вой — первое предупреждение сегодняшним гражданам готовиться к окаменению.

Не обращая внимания на шум, Дункан шаг за шагом отдавал приказы обезволенному Иммерману. Он не дошел еще и до половины, когда с экрана, показывавшего холл, донесся призывный свист.

— Они выжигают замок! — крикнула Пантея.

— Задержи их! — ответил Дункан. — Сделай все, что можешь. Я не могу сейчас останавливаться. Я должен довести дело до конца.

Результаты его действий громом отзовутся по всему миру. А само дело несложно — но требует времени.

Иммерман повиновался его командам, точно зомби, каким он, в сущности, сейчас и был. То, чем Дункан собирался заняться сейчас, советник подготовил давным-давно, хотя, надо полагать, с совершенно иной целью. По команде Дункана Иммерман отдал приказ, и тайные банки данных по всему миру сохранили его. Через десять минут после полуночи каждый стенной экран во всех домах, квартирах и общественных зданиях, не настроенный в эту секунду на канал новостей, повторит сообщение Дункана. Тот не стремился передать свою речь по правительственным каналам — все равно через несколько секунд цензоры ее отключат.

Но каждый дом и каждое учреждение в этой временной зоне, кроме правительственных телестудий, получит сообщение. И остальные временные зоны получат его через десять минут после местной полуночи. Как только правительство оправится от шока, оно успеет найти многие банки и стереть сообщения. Но кое-что прорвется. И даже если эти сведения получит всего один день, его жители сумеют передать сообщение по цепочке остальным. Граждане позаботятся об этом; они оставят распечатки своим сменщикам. Некоторые. Правительство просто не в силах будет изъять распечатки из каждого дома. Да и пытаться не станет.

Основной трудностью для Дункана оказалась краткость сообщения. Времени обдумывать формулировки у него не было, а растягивать передачу он не хотел — ему нужна короткая, ясная и эффектная речь.

Сник вновь окликнула его. Дункан посмотрел на экран. Замок уже был вырезан, кусок двери с ним дымился на ковре. Выпущенный Сник луч ударил в отверстие. Если там кто-то стоял, то этот кто-то получил изрядную дыру в животе.

ГРАЖДАНЕ МИРА!
ВАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЕРЖИТ ОТ ВАС В ТАЙНЕ СРЕДСТВО ПРОДЛЕНИЯ ЖИЗНИ В СЕМЬ РАЗ. ЕСЛИ БЫ ВЫ ПОЛУЧИЛИ ЕГО, ТО ЖИЛИ БЫ ВСЕМЕРО ДОЛЬШЕ. ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ И ВЫСШИЕ ЧИНОВНИКИ ПРОДЛЕВАЮТ С ЕГО ПОМОЩЬЮ СОБСТВЕННЫЕ ЖИЗНИ, ЛИШАЯ ЭТОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ВАС. ВОТ ЕГО ФОРМУЛА.

Конечно, на бессмертную прозу это не походило. Дункан предпочел бы сочинить нечто более грамотное на досуге. Но, поскольку время поджимало, он остался доволен, что сумел хоть это из себя выжать.

Самым сложным и долгим занятием оказался ввод формулы в компьютер. Иммерман надиктовал ее по памяти, а потом компьютер по команде Дункана вывел формулу на экран. Дункан поправил кое-что и продолжил запись:

ГРАЖДАНЕ МИРА!
ВАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛГАЛО ВАМ ТЫСЯЧУ ОБЛЕТ. НАСЕЛЕНИЕ МИРА СОСТАВЛЯЕТ НЕ ВОСЕМЬ МИЛЛИАРДОВ, А ТОЛЬКО ДВА. ПОВТОРЯЮ — ДВА МИЛЛИАРДА. ИСКУССТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НА СЕМЬ ДНЕЙ БЕССМЫСЛЕННО. ТРЕБУЙТЕ ПРАВДЫ. ТРЕБУЙТЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ К ЕСТЕСТВЕННОМУ РАСПОРЯДКУ ЖИЗНИ. ЕСЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО СТАНЕТ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ — ВОССТАВАЙТЕ! НЕ ДАЙТЕ УСПОКОИТЬ СЕБЯ ЛОЖЬЮ! ВОССТАНЬТЕ!

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ ДЭВИДА ДЖИМСОНА АНАНДЫ, ОН ЖЕ ГИЛБЕРТ ЧИНЬ ИММЕРМАН. ЗАВЕРЕНО И ПЕРЕДАНО ДЖЕФФЕРСОНОМ СЕРВАНТЕСОМ КЭРДОМ.

Когда чиновники увидят имя Кэрда, они просто впадут в бешенство. И пускай. Пусть знают, что он жив.

— Прикажи повторить команду и сообщение, — сказал Дункан Иммерману.

Донесшийся из стенного экрана треск заставил его обернуться. Дверь в холл была выбита или скорее просто распахнута пинком. Сник дала предупредительный выстрел в пустой проем. Вряд ли они попытаются ломиться в дверь. Скорее всего они прорежут стену одновременно в нескольких местах и попытаются окружить Сник, зайдя одновременно в несколько комнат. Они будут осторожны — им ведь неизвестно, сколько обороняющихся на самом деле. Но и их поджимает время. Через десять минут после полуночи город оживет. Бóльшая часть граждан прямо из каменаторов отправится спать, но рабочие и ганки первой смены выйдут на службу. Если хоть один из обитателей этих суперапартаментов выглянет на улицу, то немедленно известит ганков — если, конечно, его нимфовцы не пристрелят.

— Прикажи этому пульту больше не принимать никаких приказов ни от тебя, ни от кого-либо еще, — велел Дункан.

— Зет и а-у-т, — выговорил Иммерман.

— Это код отключения?

— Да.

Дункан еще раз брызнул Иммерману в лицо туманом правды и отнес советника на диван.

— Прощай, дед, — произнес он. — Ты заслужил каждую каплю тех неприятностей, в которые я тебя втравил. Лучше бы ты оставил меня в покое. Но я рад, что ты этого не сделал.

Он пробежал по коридору, подскочил к двери в свою комнату — та все еще была закрыта, но кодовая фраза отперла замок. Там Дункан еще раз опрыскал туманом Каребару, а затем позвонил на ближайшую станцию органиков.

— Тут несколько убийств, в комплексе Д-7 125-го уровня, — крикнул он, игнорируя отчаянные требования назваться. — Убийцы пытаются пробиться в квартиру! Быстрее! Они хотят убить нас!

Сержант побагровел от ярости. Уже пришло его время завершать дежурство и залезать в каменатор. Только в самых крайних случаях ему дозволялось забираться в чужой день.

— Ваше сообщение записано, — выговорил он. — Офицеры будут на месте через три минуты. Назовите номер вашего удостоверения! В чем дело? — И, глянув куда-то вбок, добавил: — Такая квартира не значится в списках. Что вы несете?

— Квартира 7-Д, уровень 125, — повторил Дункан. — В списках ее, может, и нет, зато в доме — есть. Найти нетрудно. Быстрее же! Убивают!

Он отключил экран. Теперь участковый ганк попытается найти источник передачи. И ничего не добьется — командные цепи перекроют все возможные каналы поиска.

Дункан по очереди вывел на экран изображения всех комнат. В стене медпункта было почти прорезано отверстие; в стенке примыкающей к ангару кладовой уже зияла дыра. Но чтобы выйти из этих помещений, нападающим придется еще вырезать замки.

Дункан вызвал Сник.

— Встречаемся у входа в ангар. Они будут там через минуту! Если мы их не перехватим, они ворвутся в ангар!

Пантея оказалась у дверей ангара первой, поскольку Дункану пришлось задержаться, открывая двери столовой. Пробегая через коридор, Дункан увидел, как Сник стреляет в только что появившееся отверстие в двери кладовой. Раздался вопль.

— Скоро здесь будут ганки! — заорал Дункан. — Я вызвал их пять минут назад!

Единственным ответом ему послужили стоны.

Сник подошла к двери ангара. Она снова выстрелила сразу же после того, как вылетел замок, и вновь раздался дикий вопль.

— Ганки на подходе! — заорал Дункан. — Через пару секунд они будут здесь!

— Ну да, — после короткой паузы произнесла женщина с другой стороны двери. — Вызвал ты их, как же.

Ударивший в отверстие луч прожег дыру в противоположной стене.

Дункан на четвереньках прополз мимо двери, ниже уровня отверстия. По его сигналу стоявшая сбоку от двери Сник выстрелила еще раз, под углом. Дункан, приподнявшись, тоже выстрелил, но с другой стороны. Кто-то застонал.

— Да мне плевать, хоть весь мир рухни! — проревел Дункан. — Плевать и чихать! Я не шучу про ганков!

Он отошел на несколько шагов и подал короткую команду стенному экрану. Теперь на экранах в кладовой и ангаре появится запись его звонка в полицию. Жаль, что он раньше не додумался показать ее.

Из-за двери доносились тихие голоса спорящих. Может, уйдут, а может, и нет. Но если у них осталась хоть капля ума, они понесутся к лестнице со всех ног.

По сигналу Дункана Сник выбила дверь, потом отпрыгнула, пропуская его вперед. Выскочив на порог, Дункан дал очередь, но живых в комнате уже не было — только два трупа лежали на полу; одного разрезало почти напополам.

До полуночи оставалось десять минут. На экранах сверкало последнее предупреждение — не только для этой комнаты, но и для всего города. Ганки, должно быть, ругаются вовсю. Проигнорировать его вызов они не вправе, но мозги им промывали хорошо — невольное дневальничество нелегко им дастся. Если они вообще не запаникуют.

Дункан приказал единственному экрану, который не полыхал апельсиновыми буквами — на нем проигрывалась запись звонка в полицию, — открыть потолочный люк. Медленно разошлись створки, открыв звездное небо и впустив в ангар прохладный ночной воздух.

— Оставь пушку, — приказал Дункан, опуская лестницу.

Беглецы взобрались на крышу. Мосты и башни оранжево мерцали; завывали сирены. Створки люка, повинуясь приказу, сомкнулись ровно через шестьдесят шесть секунд.

— Придется спускаться по лестнице, — сказал Дункан. — Тяжеленько будет, но, если станем держаться за перила, может, нас и не собьет. — Он расхохотался. — Плохо, что съехать по перилам не сумеем. Зато преследовать нас никто не будет. По крайней мере до тех пор, пока до основания башни не доберемся, а то и дольше.

— И куда направимся? — спросила Сник, сбегая по крыше рядом с Дунканом.

Предупредительные огни погасли, сирены смолкли.

— Очень мне этого не хочется делать, но придется снова уйти в леса. Скроемся, пока ситуация не переменится. Пока не сможем вернуться. Здесь еще долго будет шум и суета. Но я ставлю на людей, на тех, кого историки называют восставшими массами. Если они не изменят мир к лучшему, значит, нам изменила удача. Но пока она была верна нам. Мы и так получили от нее больше, чем заслуживаем.

— Нам это удалось, — прошептала Пантея Сник.

— Еще посмотрим, насколько нам это удалось. Но, Боже, как мне хорошо! Мы совершили то, что считали невозможным все — включая меня!

И его радостный крик умчался к звездам.

МИР ОДНОГО ДНЯ: РАСПАД

Моему первому правнуку,
Зэкари Джоэлу Гиттриху,
родившемуся 6 сентября 1988 года

ПРЕДИСЛОВИЕ, ОНО ЖЕ И ПОСЛЕСЛОВИЕ, НАПИСАННОЕ АРИЭЛЬ, ДОЧЕРЬЮ КЭРДА

Отец обычно представлял меня так: «Моя дочь — историк».

В ту пору Джефферсон Сервантес Кэрд даже вообразить не мог, что станет героем видеокниг наряду с Робин Гудом, Вильгельмом Теллем, Джорджем Вашингтоном и прочими вымышленными, полувымышленными и самыми реальными действующими лицами легенд и историй. Не предвидел он и того, что его дочери доведется изучать его жизнь.

Почему я, однако, должна изучать жизнь родного отца? Разве я не знаю ее досконально, разве не владею всеми фактами от его рождения до настоящего времени?

Нет, не владею. Начать с того, что я редко виделась с отцом после того, как окончила школу.

Далее, я не больше любого другого знала о том, что мой отец ведет не одну, а несколько жизней.

То, что знал сам отец о своем раннем детстве, было ложью. Только его родители знали правду, которую унесли с собой в могилу. Мой отец оставался в неведении, хотя истина и таилась где-то в глубинах его памяти, неподвластная никаким призывам извне.

Все, что произошло с Кэрдом, не могло бы произойти до середины первого века Новой Эры — или, по отсчету древних, двадцать первого века. История отца имела место две тысячи лет спустя после этого времени.

Две тысячи объективных лет. Этот термин, «объективные годы», больше не применяется ни в официальных бумагах, ни в частных беседах. Исчезло различие между объективным и субъективным временем. Мы вернулись к хронологической системе древних. Все когда-нибудь возвращается, хотя уже не таким, как было.

Во времена так называемой Новой Эры мое поколение выросло в так называемом Мире одного дня. Мы привыкали к этому образу жизни, как только начинали что-то понимать, и он казался нам совершенно естественным.

Теперь школьники представляют себе Мир одного дня только по урокам истории: каменаторы, деление человечества на семь частей, деление времени на объективное и субъективное. Эта тема вызывает у них захватывающий интерес, хотя школьники во все времена одинаковы: игру предпочитают любому учению.

И все же картина мира, существовавшего до их рождения, должна казаться им не менее странной, чем казался мне мир до Новой Эры, когда я была ребенком. А теперь, когда мне пятьдесят в физиологическом смысле, на самом же деле, если считать по вращению Земли, — триста пятьдесят, — мне кажется странным то, что пришло на смену Новой Эре.

В школе дети узнают, что мир когда-то был поделен по национальному признаку и в нем существовало множество государств, каждое со своим правительством. Затем, после долгой и кровавой борьбы, мир объединился под властью единого правительства. Тогда, даже с учетом всех военных потерь, на планете проживало восемь миллиардов человек. Через сто лет в объективном времени население обещало достичь десяти, а то и одиннадцати миллиардов. Планета не могла прокормить столько народу, особенно в условиях загрязнения природной среды и вырубки лесов.

Тогда в практику ввели изобретение, получившее название «каменатор». Замедление молекулярного движения в живых организмах с помощью электромагнитного излучения внесло огромные перемены в человеческое общество, изменив также лицо самой Земли. В большинстве отношений — к лучшему, но не во всех отношениях.

Все население миров поделили на семь частей, каждая из которых жила только один день в неделю. Остальные шесть дней люди проводили в контейнерах-каменаторах, находясь в неживом, замороженном состоянии. Например, жители вторника должны были войти в свои гробообразные контейнеры незадолго до полуночи. Затем они «каменировались», а вскоре после этого размораживались жители среды. И так далее. В следующий вторник граждане этого дня вновь «раскаменялись» и возобновляли свою прерванную жизнь.

Итак, каждый день лишь немногим более миллиарда человек потребляло пищевые и водные ресурсы, а также производило отходы.

Но и восьмимиллиардное население было все-таки чересчур велико. Поэтому всемирное правительство установило почти непреодолимый контроль над рождаемостью, и население начало уменьшаться, стремясь к величине, которую, по мнению правительства, планета могла выдержать без ущерба

для себя. Даже в наше время, несмотря на все наши свободы, родители знают, что могут иметь только двух детей — лишь в некоторых районах правительство может временно повысить квоту. Но и тогда предельной цифрой остается трое детей.

Мир одного дня не был утопией. Утопия неосуществима — ее созданию препятствует человеческая природа. Большинство людей мирилось с системой, но было и определенное число недовольных. А правительство прибегало к мошенничеству и обману, и на всех его уровнях велась борьба за власть. От этого не уйти. Я не сомневаюсь, что и сейчас там происходит то же самое. Правительство, как и все правительства в истории, нуждается в постоянном надзоре и исправлении. В этом отношении никаких перемен не произошло. Управляемые должны исправлять свое правительство.

В те дни существовали «дневальные», недовольные или просто преступники, которые отказывались жить всего один день в неделю. Некоторым из них удавалось ускользнуть от полиции, которая тогда иносказательно именовалась «органиками», а в повседневной речи «ганками». Схваченный дневальный направлялся в реабилитационную лечебницу. Если его нельзя было излечить, его каменировали перманентно.

К числу дневальных принадлежал и мой отец, но он был не такой, как другие. Ему помогала могущественная, хотя и тайная, организация, обеспечивая его вполне легальными документами на каждый день недели. Еще задолго до рождения Джеффа Кэрда гражданин вторника, ученый по имени Иммерман, открыл средство, замедляющее процесс старения. Применяя его, человек со средней продолжительностью жизни в сто лет мог прожить семьсот. А поскольку каменирование и без того делало жизнь человека в семь раз длинней, с помощью иммермановского ФЗС (фактора, замедляющего старение) стало возможно продлить жизнь до нескольких тысяч лет.

Иммерман сохранил ФЗС в тайне для себя и некоторых членов своей семьи. В дальнейшем ФЗС стали получать все члены растущей тайной организации, или «иммеры». Джефф Кэрд, прямой потомок Иммермана, был у иммеров курьером. Он «нарушал день», пользуясь поддельными документами, чтобы передавать сообщения, которые нежелательно было посылать по электронным каналам. Выполнял он также некоторые поручения иммерского руководства — поручения, о которых не следовало знать иммерам низшего ранга.

Со временем мой отец по-настоящему воплотился в каждого из своих семи двойников. Пантея Сник, детектив, случайно напала на его след, но была сама захвачена иммерами.

Иммерман тогда состоял во Всемирном Совете под именем Дэвида Джимсона Ананды. Его внук Джефф Кэрд, замешанный в дело Сник, стал представлять опасность для иммеров, и дед приказал убить своего внука.

Так проявлялась у иммеров родственная близость.

В это же время семь личностей Кэрда вели борьбу за обладание телом. Иммеры знали об этом и сознавали, что Кэрд поэтому опасен для них вдвойне.

В конце концов Кэрд был схвачен полицией, но так ничего и не рассказал о своей деятельности. Даже мощный наркотик, заставлявший всех говорить правду, оказался бессилен против него. Кэрд пережил психический перелом, и его новая личность ничего не помнила о семи предыдущих. Затем Кэрд совершил побег из лечебницы, откуда побег считался невозможным, и перебрался из штата Манхэттен в штат Лос-Анджелес.

Во время своей долгой одиссеи он спас Сник со склада каменированных тел. Она оказалась там после тайного судилища, устроенного ей правительством, чему усиленно способствовал Иммерман (он же всемирный советник Ананда). Он боялся, что Сник выдаст то, что ей было известно об иммерах.

В Лос-Анджелесе мой отец (который стал теперь называться Дунканом), Сник и их товарищ попали в руки Ананды. Но Дункан и Сник перебили охрану Ананды и захватили его самого. Дункан с помощью наркотика, тумана правды, вынудил Ананду открыть ему секретную команду для телесети и передал по телевидению свое сообщение, которое правительство не имело возможности заглушить. Он раскрыл кое-какие факты о том, как правительство злоупотребляет властью, как оно лжет народу, и рассказал о существовании ФЗС.

Дункан (то есть Джефф Кэрд, мой отец) и Сник спаслись бегством из квартиры Ананды на верхнем этаже одной из башен Лос-Анджелеса. К башне уже отовсюду стягивались полицейские, или ганки.

На последующих страницах рассказано о приключениях Дункана и Сник, начиная с этого момента. Как вы увидите, почти все события пришлось восстанавливать заново. Мы не знаем, о чем думал Кэрд все это время. Не знаем мы и того, почему он принял свое последнее воплощение (если считать, что оно последнее).

Для Кэрда оно действительно стало конечным в каком-то смысле. Но потом он повзрослел в психическом отношении, и ученые имеют все основания полагать, что он обрел характер своей первоначальной личности, Джеффа Кэрда. Впрочем, как вы увидите, эта личность не была первоначальной.

Мой отец до сих пор не помнит, каким образом вернулся к своим истокам. Однако много времени спустя после описанных здесь событий ученые применили новый, прогрессивный способ, позволивший им восстановить мозговые волны Кэрда в тот период. Это нельзя назвать чтением мыслей. Это длительный, дорогостоящий и болезненный для пациента процесс. Но деятельность мозга, отраженная на экране, дала ученым возможность более или менее точно восстановить то, что произошло во время этого поистине критического события в жизни моего отца.

И поэтому можно ручаться, что все здесь описанное имеет большую долю сходства с действительностью.

Примечание: События, предшествующие роману «Мир одного дня: распад», описаны в книгах Ф. Х. Фармера «Мир одного дня» и «Мир одного дня: бунтарь».

ГЛАВА 1

Убегая откуда-то, всегда бежишь куда-то.

Дункан, мчась по крыше башни, не мог не отметить справедливости старой китайской пословицы. Куда бы он ни убегал от ганков, ему все время встречаются новые. Они, точно стая саранчи, готовы пожрать его и Пантею Сник.

— Небось подавитесь! — задыхаясь буркнул он.

— Что? — спросила Сник у него за спиной.

Он не ответил. Надо было беречь дыхание. Но злость не нуждалась в том, чтобы ее беречь. Она нарастала в нем, как багровый прилив, подвластный луне — луну заменяла несправедливость, которую он претерпел. Гнев вел схватку с рассудком и благоразумием, угрожая побороть их совсем.

На низких ночных облаках пульсировали огни башен Лос-Анджелеса. Во всех двадцати монолитах, встающих из вод залива, мигал свет и выли сирены, точно пойманные в капкан звери. Это было последнее предупреждение гражданам понедельника занять места в каменаторах. Там они станут твердыми, как алмазы, бесчувственными до следующего понедельника. Когда до полуночи останется восемь минут, все граждане сегодняшнего дня застынут в цилиндрах, кроме одной небольшой группы. Этими немногими будут ганки, несущие короткую промежуточную вахту — вскоре после полуночи их сменит ночная смена вторника.

Сегодняшние ганки видели на экранах — и у себя в участке, и на улицах — передачу, которую устроил Дункан. А поскольку запущенная им автоматика еще работает (и будет работать, пока техники не найдут способа ее отключить), вторничные ганки тоже увидят и саму передачу, и распечатки с нее. Увидят все это и граждане вторника, выйдя из своих каменаторов.

Граждане мира!

Ваше правительство утаивает от вас формулу вещества, в семь раз замедляющего старение организма. Получив его, вы могли бы прожить в семь раз дольше.

Всемирный Совет и прочие высокопоставленные лица используют его для продления собственной жизни. Они скрывают его формулу от вас. Вот она, эта формула.

Дальше шли химические символы и инструкции по изготовлению вещества. После них следовало второе послание:

Граждане мира!

Ваше правительство лгало вам в течение тысячи объективных лет. В мире не восемь миллиардов населения, а всего два. Повторяю: два миллиарда. В искусственном делении человечества на семь частей нет необходимости. Требуйте правды. Требуйте, чтобы вам разрешили вернуться к естественному образу жизни. Если же правительство ответит вам отказом, боритесь! Не довольствуйтесь ложью, которую вам преподносят. Боритесь!

Передано от имени Дэвида Джимсона Ананды, он же Гилберт Чинь Иммерман. Передал Джефферсон Сервантес Кэрд.

Дункан и Сник бежали по крыше к лестнице в восточном углу. До лестницы от люка, из которого они вылезли, было около двухсот ярдов. Надо успеть, пока на крышу не сели аэромобили органиков и пока те ганки, что ворвались в квартиру на верхнем этаже, не появились из люка.

Дункан остановился, тяжело дыша, у металлической будки, в которую выходила лестница. Сник, дыхание которой было чуть ровнее, догнала его. Они стояли, привалившись плечами к двери. Дункан указал вверх, в темноту над западным углом крыши. Оттуда приближались мерцающие оранжевые огни, под которыми смутно различалась темная масса.

— Они сядут около открытого люка, — сказал Дункан. — И переговорят с ганками в квартире Ананды. Потом проверят все лестничные будки. Они ведь знают, что мы вылезли на крышу.

— Они зажгут тут свет, — сказала Сник. — Надо захватить аэромобиль. Это наш единственный шанс.

Дункан знал, о чем она думает. Если сейчас они с ней откроют дверь, их выдаст свет, который хлынет с лестницы. Ганки с воздуха увидят их и сообщат тем, что в квартире, послав их на лестничную клетку.

— Иди сюда, — сказал Дункан, прячась за будкой.

Она последовала за ним как раз вовремя, чтобы не попасть под лучи огромных прожекторов, которые внезапно зажглись вдоль всего четырехфутового ограждения крыши.

Дункан посмотрел на восток. Никаких огней, указывающих на приближение мобилей с других башен, там пока не наблюдалось. Но Сник, выглянув за угол будки в сторону запада, сказала:

— Один летит. Приземлится через несколько минут, а то и раньше. — Через мгновение она добавила: — Сели быстрее, чем я думала. Один мобиль, около люка в ангар. Двое ганков.

Дункан посмотрел, как они выходят из своей машины, имеющей форму каноэ. Свет из полуоткрытого люка шел вверх — он послужит маяком для всех последующих мобилей. Раздвижная крышка люка двигалась горизонтально, а под ней находился ангар, из которого они со Сник выбрались по лестнице. Через ангар можно было попасть в огромную квартиру деда, всемирного советника Ананды, настоящее имя которого — Гилберт Чинь Иммерман. Сейчас Иммерман и его помощник Каребара лежат в квартире без сознания — кроме них, там никого не осталось в живых.

Дункан и Сник не сумели выйти из квартиры через дверь. Этот путь им преградили ганки, бравшие дверь приступом. Теперь они скорей всего уже в ангаре. Надо что-то делать. Такая же мысль возникла у Сник.

— Теперь или никогда, — сказала она на ухо Дункану.

Свой протонный пистолет она держала в руке, луковичным дулом вверх.

— Ты иди с этой стороны, — мотнул головой Дункан, — а я с той.

Она направилась к юго-восточному углу будки, он — к северо-восточному. Он еще раз взглянул вверх, чтобы проверить, не приближается ли с запада второй мобиль.

Что же делать?

Как сказал некогда римлянин Сенека, «гладиатор вырабатывает свою стратегию на арене».

Откуда эта мысль? Определенно не от человека, известного под именем Дункан.

Он высунул голову из-за угла. Мобиль сел в шести футах от люка. Рядом стоял ганк в зеленой форме и зеленом шлеме. Верхушка другого шлема исчезла в проеме. Один ганк спускается по лестнице, чтобы выяснить положение дел, другой караулит — спиной к Дункану.

Дункан убрал голову и оглянулся. Сник шла к нему.

— Видела? — спросил он. Она кивнула. Когда она подошла, он сказал: — Надо попытаться снять этого, у люка — да так, чтобы напарник не заметил. Когда я скажу «пошли»...

Дункан осекся. Где-то совсем близко послышался мужской голос — он говорил тихо, хотя гораздо громче, чем Дункан. Ганки вышли на крышу по лестнице со 125-го этажа. Сник резко обернулась, пригнувшись с пистолетом наготове.

Сердце Дункана колотилось во мраке его тела, но он не паниковал. Он похлопал Сник по плечу. Она не обернулась — все ее внимание было поглощено тем, что за углом.

— Я зайду с другой стороны, — шепнул он. Она кивнула.

Он быстро отошел, держа оружие на изготовку. Хорошо, что у его коротких сапог были мягкие подошвы. Ганк у люка наклонился, упершись руками в колени — как видно, разговаривал со своим напарником внизу. Дункан надеялся, что это его отвлечет. Дойдя до угла, Дункан выглянул, чтобы осмотреть эту сторону будки. Теперь кроме мужского голоса слышался и женский.

Офицер у люка все так же смотрел вниз. Дункан быстро перебежал к другому углу, прислушался и выпрыгнул.

Сник выскочила из-за своего угла секундой раньше. Ганки стояли перед ней с поднятыми руками, дула их пистолетов смотрели вверх. Все произошло без слов — Дункан не слышал ничего, кроме громкого вздоха.

Сник тихо велела обоим перейти к глухой стене будки.

— А если вы что-то замышляете, — сказала она, — то у вас за спиной мой напарник.

— Это правда, — подтвердил Дункан, заставив их вздрогнуть.

Когда все они зашли за будку, Дункан отобрал у ганков оружие. Сник велела им стать лицом к стене, упершись в нее ладонями и расставив ноги. Они мрачно подчинились с искаженными яростью лицами.

Дункан и Сник говорили тихо, поскольку рации в шлемах у ганков скорее всего находились на связи с участком. С другой стороны, эти двое только что явно говорили друг с другом, а не по радио. Дункан сделал им знак молчать, прижав палец к губам, потом зашел им за спину и повернул тумблеры на шлемах, отключив связь.

Несмотря на прохладный воздух, ганки взмокли от пота. От них пахло страхом.

— Снимайте шлемы и форму, — тихо сказал им Дункан. — Раздевайтесь до белья.

— И быстро! — добавила Сник. — Иначе мы разденем ваши трупы!

Ганки поспешно повиновались. Они быстро разделись и стояли, сотрясаемые дрожью. Дункан держал их под прицелом, пока Сник облачалась в форму, снятую женщиной. Та была крупнее, но материал формы мог растягиваться или сжиматься в зависимости от размера владельца. Потом Сник взяла ганков под прицел, а Дункан заткнул пистолет мужчины себе за пояс. Оружие женщины он отдал Сник и стал надевать форму. Пока он это делал, Сник, поставив пистолет на парализующее действие, выстрелила обоим пленникам в затылок. Утолщенное дуло плюнуло фиолетовым лучом, и ганки упали — женщина стукнулась головой о крышу, а мужчина о стену будки. Когда они очнутся, примерно через полчаса, у них будет сильно болеть голова от лопнувших в мозгу сосудов.

Дункан вздрогнул, когда в наушниках его шлема раздался голос:

— Эйби, ответь!

Нет, Эй-Би не имя — это код того, что лежит у стенки.

Дункан повернул тумблер на шлеме и сказал:

— Эй-Би слушает. — Он надеялся, что больше ничего добавлять не надо. На глаза ему попался большой белый опознавательный знак, намалеванный на будке. — Подозреваемых не замечено. Мы на крыше у лестничного выхода номер Q1, 15. У открытого люка стоит органический аэромобиль...

— Это нам уже известно, Эй-Би, — отозвался голос. — Оставайтесь на своем посту у лестницы. Вторник вот-вот вас сменит. Когда сменщики прибудут, доложите им обстановку, после чего немедленно проследуйте в участок. По домам не расходитесь. В участке оставьте рапорт на стенном экране и немедленно займите запасные каменаторы. Как поняли? Вам следует каменироваться в участке.

— Вас понял.

— Конец связи, Эй-Би.

Дункан выключил рацию.

— Я слышала, — сказала Сник.

Он взглянул на часы:

— Одна минута первого. Может, сменщики не сразу явятся. Приказ они уже получили, но на дорогу у них уйдет минут десять—пятнадцать. Им надо одеться и так далее.

Сник показала большим пальцем в сторону органика у люка:

— Тех двоих тоже сменят.

— Сейчас мы его уберем. Поставь свой пистолет на плотный боевой луч — я свой оставлю на параличе. Он как будто не должен ничего заподозрить, увидя нас, но если он засуетится, когда мы еще не подойдем к нему на расстояние парализующего выстрела, прожги его.

ГЛАВА 2

Ганк у люка шагал взад-вперед, думая, наверно, когда же его сменят. Он мельком взглянул на появившихся в двухстах футах от него Дункана и Сник, потом нагнулся над люком, что-то говоря.

Когда он выпрямился, они были от него в шестидесяти футах. Дункан поднял пистолет, который достал из кобуры и спрятал за бедром, пока органик смотрел вниз. Ганк вздрогнул и потянулся к своей кобуре, но бледно-фиолетовый луч Дункана ударил его в грудь. Ганк беззвучно раскрыл рот, попятился и плюхнулся задом на крышу. Дункан снова выстрелил, на этот раз в шею прямо под ремешком шлема. Ганк вскинул руки и повалился навзничь, ударившись головой. Когда Дункан подошел к нему, его открытые глаза уже остекленели. Сник уже подбежала к люку и смотрела в ярко освещенный ангар.

— Никого, — выпрямилась она. — Его напарник, должно быть, в квартире.

Дункан переложил оружейный энергомагазин поверженного ганка в карман своего кителя.

— Пошли, — сказал он, садясь на место пилота в аэромобиле.

Пока Сник усаживалась позади, он пристегнул сетку безопасности. Потом опустил колпак и нажал подсвеченную кнопку ЭНЕРГИЯ. Как только Сник пристегнула свою сетку, зажглись буквы ГЛ (готовность к левитации). Дункан включил режим левитации и осмотрел приборную панель, чтобы убедиться в готовности всех систем. Включив подачу горючего, он потянул на себя штурвал и нажал левой ногой на педаль акселератора.

Мобиль медленно поднялся, носом к северному углу башни.

— Вот это да! — сказала Сник. — Со всех лестниц повалили ганки! В дюжине мест!

Дункан не стал оглядываться и направил машину на север, к четырехфутовой ограждающей стене. Оставив ее под собой, он отжал штурвал от себя. Мобиль развернулся под крутым углом так быстро, как Дункан только осмелился провести этот маневр. Не включая ни бортовые огни, ни прожектора, Дункан все же видел под собой бледное свечение залива, в котором отражались огни башен. Он выровнял машину, но она по-прежнему шла вниз. О том, какая большая сила держит ее, не давая упасть, свидетельствовала только панель расхода энергии. Мобиль врезался в воду с таким треском, точно развалился пополам — Дункану показалось, что заодно переломился и его позвоночник. Настала тишина,

нарушаемая только его тяжелым дыханием. Но ни единой капли воды в кабину не просочилось.

— О Господи! — сказала Сник. — У меня хребет на два дюйма вылез из задницы!

Дункан торопливо притушил все огни на панели — так, чтобы только-только различать показания приборов. Сочтя даже и эту подсветку слишком яркой, он выключил ее совсем. Он погрузил мобиль в воду так, что только колпак кабины торчал над поверхностью.

С запада приближалось звено из шести мобилей, мигавших белыми, оранжевыми и зелеными огнями. Они, должно быть, снялись с центральной башни, на которой размещался почти весь воздушный органический флот. Вскоре они скрылись из виду за громадой башни в милю высотой. Сейчас они сядут на крышу.

— Несколько минут они будут нас искать, — сказала Сник. — Но скоро очнется ганк, которого ты вырубил, и они поймут, что произошло.

— Откуда ему знать, куда мы направились?

У Дункана пересохло в горле, и голос скрежетал, как несмазанная шестеренка.

— И куда же? — сказала Сник.

Он повернулся к ней. Света, отраженного облаками, было недостаточно, чтобы разглядеть ее лицо. Большие карие глаза, тонкий овал лица, маленький нос, большой, но чуть тонкогубый рот, круглый подбородок — все это оставалось скрытым. Прямые черные волосы прятал шлем.

— Башня распределения энергии к юго-западу от нас, — сказал он.

— Знаю. Я ведь была рядом, когда ты запрашивал карту того района. Когда ж это было... три дня назад? Ты еще сказал...

— Я сказал, что в древности это место называлось Болдуин-Хиллз, но потом холмы срыли и поставили там энергобашню. Вот туда мы и направимся.

— Зачем?

Он сказал.

— С ума сошел! Но мне это нравится. Почему бы и нет? Замысел отчаянный, но...

— Вполне может сработать. И потом, что нам терять? Никому и в голову не придет, что мы собираемся выкинуть такое.

— Одним государственным преступлением больше. Что ж делать, если само государство преступно?

В ее голосе, не таком охрипшем, как у него, звучал азарт.

— И пушка придется как раз кстати, — добавила она, явно испытывая наслаждение от этой мысли.

Дункан повел мобиль вокруг основания башни. Вода хлюпала о борта лодки, которая шла со скоростью пять миль в час. Над головой мигали огни новых аэромобилей, спешащих к башне. Потом Дункан увидел огни катера, идущего навстречу на большой скорости с белым следом за кормой, и погрузил свою лодку так, что над водой выступали только два дюйма, Когда катер подошел поближе, стало видно, что это органическое судно. На нем заливалась сирена.

Переждав, пока он пройдет, Дункан немного всплыл и продолжил путь со скоростью шесть миль в час. Минут через десять эта черепашья скорость ему надоела, он поднял лодку еще на несколько дюймов и прибавил до сорока миль Справа осталась Университетская Башня, а еще через десять минут он миновал Башню Всемирного Конгресса. Впереди показалась приземистая громада энергобашни Болдуин-Хиллз с кольцом ярких огней на верхушке. В отличие от других башен, население каждого дня здесь было очень невелико — всего пятьсот мужчин, женщин и детей. Сто человек из этого числа были инженеры и техники. Примерно половина этой сотни должна сейчас бодрствовать. Остальные скорее всего улеглись спать по выходе из каменаторов. Все жилые помещения находились на верхнем этаже.

Лодка скользила в ночи, и волны чуть хлюпали о ее корпус. Под черной поверхностью воды было футов пятьдесят глубины, а дальше — глубокий ил. Под этим илом лежали руины древнего Лос-Анджелеса, затонувшего более двух тысяч объективных лет назад вследствие таяния полярных льдов. Дерево и бумага уже распались на молекулы, и соль потихоньку разъедала камни.

Дункана снедала ярость — будь она видна, она превратила бы его в огромного светляка, в маяк, в мишень для преследователей. Такое состояние было ему не с руки — ярость затуманивала рассудок, а этого нельзя было допускать. Но в тот момент Дункану было все равно. Если считать благоразумие высшим благом, он выбрал худшую часть. Он мчался к цели с тупой отвагой, словно бык на плащ матадора.

С той разницей, что матадоры в башне не знали о его приближении. А свой гнев он обуздает. Так, чтобы эта сила лишь питала, а не застилала разум. Дункан надеялся на это.

Черная башня впереди, шириной в четверть мили и высотой пятьсот футов, заслонила собой все остальное. Дункан убавил скорость. В ста футах от него через огромную арку виднелась гавань, устроенная внутри цоколя. В неярком

свете, льющемся оттуда, призрачно маячили парусные и моторные лодки, стоящие у причалов или лежащие на эллингах. Эти суда принадлежали инженерам и администрации высшего класса. Людей не было видно.

Дункан поднял лодку на поверхность и ввел ее через проем в гавань. В конце помещения были лифты, а за ними, судя по плану, который он изучал пару дней назад, — дверь, ведущая в длинный коридор. Аэромобиль, роняя воду на цементный пол в двух футах под собой, двинулся к этой двери. Она была десяти футов шириной, выдвигалась из стены и сейчас была закрыта.

Серые стены, скорее всего, представляют собой работающие мониторы. Вряд ли кто-нибудь следил за ними сейчас в контрольном центре башни — иначе уже повсюду бы звучала тревожная сигнализация. Однако как только Дункан попытается прорваться в дверь, он сразу услышит истерические звонки и вой сирен.

Он нажал несколько кнопок. Верхняя часть носа, разделенного на две горизонтальные секции, поднялась, и наверх выдвинулась пушка. Это была модель класса III, длиной только два фута, но в фут толщиной и с раструбом величиной с человеческую голову на конце ствола. Поставив мобиль так, чтобы пушка указывала на середину правой створки, Дункан повернул тумблер боевой готовности. Теперь оставалось только нажать клавишу ОГОНЬ, что он и сделал.

Из раструба сверкнул фиолетовый луч, сразу прожегший насквозь тонкий пластик двери. Дункан поднял мобиль на два фута, прорезав лучом вертикальную щель шириной четыре дюйма. Из разреза повалил дым, но быстро ушел в вентиляцию. Двигая машину вверх, вниз и вбок, Дункан вырезал квадрат со стороной три фута. Через колпак он смутно слышал неистовые сигналы тревоги.

— Мне придется открыть свой колпак, — сказала Сник. — Вдруг понадобится стрелять из пистолета.

— Давай, — сказал Дункан. Он выключил пушку и ввел машину носом в отверстие. Потом двинул мобиль влево, и дверь ушла в стену. Мобиль проскочил сквозь проем в длинный, с высокими сводами коридор. Сник заодно открыла и колпак Дункана.

На перекрестке двух коридоров мобиль замедлил ход. Ему только-только хватило места, чтобы повернуть направо. В дальнем конце коридора, где на стенах светились цветные картины и схемы, вышел из двери человек. Он широко раскрыл глаза и рот. Из той же двери высунулась женская голова и тут же исчезла опять. Мужчина тоже нырнул обратно.

Дункан вел машину по коридору к большим окнам контрольного центра. Мобиль остановился, и Сник спрыгнула на пол с протонным пистолетом в каждой руке. Дункан развернул машину влево, задев кормой и носом за стену, и направил ее прямо в окно. За стеклом виднелся большой зал с многочисленными дисплеями на стенах и несколькими десятками рабочих мест. Операторы разбегались сразу через три выхода.

Сник с порога выстрелила в ногу одной из женщин, не успевшей добежать до двери. Женщина с воплем упала, попыталась встать, но не смогла.

Дункан нажал на клавишу ЖИВ ЦЕЛЬ, и луч, пройдя сквозь окно, прожег стену как раз над дверью, куда ломились, толкая друг друга, орущие операторы.

Он хотел только припугнуть их еще больше, и это ему определенно удалось.

Сник вбежала в зал и бросилась к раненой женщине.

На стенах вспыхнули оранжевые надписи: ТРЕВОГА, НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ. Сирены выли, не умолкая.

Дункан развернул мобиль в обратном направлении, поставил его на СТОП, выскочил и тоже побежал в зал.

ГЛАВА 3

Все стенные экраны показывали текущее время. Было ровно 12.31. Минут через пять они со Сник уже уйдут отсюда — Дункан надеялся, что за это время ганки из других башен еще не успеют сюда добраться. Ну а с местными придется как-то разобраться.

Сник тащила визжащую без умолку женщину к пульту, крича:

— Заткнись! Я тебя не убью, если будешь делать, что я скажу!

Та жалобно захныкала, бледная, с полными ужаса глазами. Дункан помог Сник дотащить ее до стула и усадить. Ее правое бедро было насквозь прошито лучом, но он же прижег оба отверстия, остановив кровь.

— Выключи тревогу! — проорал Дункан.

Испуганная женщина произнесла кодовое слово, обращаясь к экрану перед собой — и сирены умолкли, а надписи погасли.

В одной из дверей возникла голова. Дункан стрельнул в нее лучом, и створка двери задымилась. Голова пропала. Дункан подбежал, чтобы удостовериться, ушел ли человек. Позади повелительно кричала Сник, и женщина вопила:

— Я не могу этого сделать! Меня накажут!

— Нет! — орала Сник. — Тебя ведь вынудили! А будешь артачиться — я тебя убью! Так что выбирай!

Дункан пригнулся и выглянул за дверь. В длинном коридоре никого не было, но человек мог скрыться в одной из комнат, выходящих туда. Пусть его.

Когда Дункан вернулся к пульту, женщина-оператор уже назвала команду, которую требовала от нее Сник.

На экранах теперь вспыхнули коды, которые оператор так неохотно, хотя и быстро, ввела в систему. И, впервые в истории Новой Эры, все жители города раскаменились одновременно.

В каждой из двадцати одной башен, кроме энергобашни Болдуин-Хиллз, ежедневно проживал миллион жителей, а еще шесть миллионов находилось в каменаторах.

При введении кода энергия одновременно поступила во все цилиндры с горгонизированными горожанами. Все они подумают, что уже настал их день. И все они — жители вторника, среды, четверга, пятницы, субботы, воскресенья и понедельника — придут в полную растерянность, обнаружив, что обитатели всех прочих дней тоже пробудились.

Дункан мог вообразить, какие смятение и хаос царят сейчас в каждой из двадцати одной башен. Сто сорок миллионов человек вдруг оказались в пространстве, которое рассчитано всего на двадцать миллионов.

Это будет лишь первый удар. Второй постигнет горожан, когда они прочтут послания Дункана на стенах.

Сник поставила пистолет на ПАРАЛИЗ, и он плюнул фиолетовым лучом в затылок оператору. Женщина повалилась на пульт.

Через десять секунд Дункан и Сник уже сели в мобиль и помчались по коридору. На первом перекрестке он притормозил и повернул направо. Нос и корма прошли в нескольких дюймах от стены. Вскоре мобиль, долетев до необычайно большой двери, развернулся на девяносто градусов и стал носом к ней.

За дверью находилось огромное круглое помещение диаметром двести пятьдесят футов и сто высотой, опоясанное галереями. В центре его мерцал пурпурным цветом цилиндр, занимавший половину зала и возвышавшийся на семьдесят пять футов. Дункан знал, что к днищу цилиндра под полом прикреплен кабель толщиной сорок пять футов. Этот кабель был подсоединен к цилиндру поменьше, заключенному внутри большого. Внутренний цилиндр по двадцати одному кабелю снабжал энергией весь город. А по большому кабелю поступала энергия от гигантского комплекса в Мохавской

пустыне. Там находилась шахта, выжженная протонными излучателями до глубины, позволяющей получать тепло от металлического ядра Земли. Термионный конвертор преобразовывал тепло в электричество, и доля этой энергии подавалась на станцию Болдуин-Хиллз, штат Лос-Анджелес.

Все мониторы в башне тоже отключились, и ее обитатели, включая местных ганков, не знали, где сейчас мобиль Дункана.

Дункан поставил пушку на продолжительный огонь предельной мощности.

Вздутый нос орудия послал фиолетовый четырехдюймовый луч в пурпурный цилиндр. Несколько секунд нельзя было различить, в какое место вонзился луч — оно было таким же пурпурным, только чуть темнее. Потом стенка лопнула, и луч стал сверлить внутренний цилиндр. Следующие несколько мгновений были насыщены тишиной тысячи мегаватт, сосредоточенных в шестидюймовом луче, и напитанный озоном воздух заставлял слезиться глаза и жег ноздри.

Сник вышла из машины и стояла, пригнувшись, у двери с двумя пистолетами наготове. Дункан посматривал по сторонам, следя, не появится ли кто-нибудь с одного из концов коридора. Он тоже держал в руке пистолет, а второй лежал на сиденье рядом с ним.

— Ганки на галереях! — крикнула Сник.

Он их не видел, они, наверное, были наверху — и тут из дыры в цилиндре хлынуло пламя, повалил дым, полетели раскаленные добела осколки и раздался рев сотни Ниагарских водопадов. Дункан оглох и сразу оказался в слепящем зловонном облаке, которое опалило ему глаза, выжгло все волоски в носу и скрутило легкие. Сквозь собственный кашель он расслышал, как надрывается Сник, влезая на заднее сиденье.

Говорить она не могла, только стукнула его по плечу, дав сигнал убираться отсюда.

Он развернул мобиль. Дым был таким густым, что скрывал яркий фиолетовый луч пушки. Дункан послал машину вперед, одновременно выключив орудие. Облако тут же осталось позади, хотя катилось за ними по коридору, и воздух стал свежим и чистым. Но в коридоре больше не было света, и Дункан понял, что распределительные кабели разнесло в клочья. В другое время он завопил бы от радости, но пока он мог только кашлять. Мобиль чиркал о стены, отскакивал от них и несся дальше. Потом он, точно плевок, вылетел из арки и оказался над водами залива, и Дункан попытался что-то разглядеть слезящимися, больными глазами.

Ни на башнях, ни на соединяющих их мостах не было ни огня. Отсвет, лежавший на низких облаках, погас. Только светлячки наземных машин и аэромобилей показывали, что огромный город-штат еще существует.

Потом, когда глаза перестали слезиться и резь в них поубавилась, Дункан различил бледное свечение облаков над Башней Бербанка за Голливуд-Хиллз.

Все еще кашляя, он поднял колпак. К башне, которую они только что покинули, летела целая дюжина ганковских машин со включенными прожекторами. Те, кто в них сидит, должны быть крайне озадачены и обеспокоены. Наверное, переговариваются со штабом, выясняя, что вызвало это полное затемнение.

Мобиль Дункана тем временем почти полностью погрузился в воду и медленно двигался на северо-запад.

Между приступами кашля Дункан хрипло сообщил Сник, что намерен делать дальше, и спросил:

— Как ты на этот счет?

— Это еще безумнее, чем то, что мы сделали сейчас. Но мне нравится.

Он поднял мобиль в воздух около Университетской Башни, своей первой остановки. Ганки подумают, что это одна из их машин. А когда они поймут, что ошиблись, поздно будет что-то предпринимать.

Дункан нашел большой арочный проем на десятом этаже и приземлился в нем. Там стояли два мобиля и никого не было. Дальше в здании, Дункан знал, непременно дежурит хотя бы один ганк, но не сойдет со своего поста, поскольку ему так предписано. У ганка должен быть при себе аварийный фонарь.

После приступа кашля, уже не столь свирепого, Дункан и Сник дошли по коридору до комнаты, где сидела у стола одинокая женщина, сержант второго класса. Фонарь, яркий, как юпитер, висел на крюке в центре потолка. Она встала с несколько нервной улыбкой, сказав:

— Хорошо, что вы пришли. А то я одна. Как там ситуация? Выяснилось что-нибудь?

Сник вынула из кобуры пистолет, навела на нее и сказала:

— Руки вверх.

Женщина побледнела и открыла рот, но подчинилась.

— В чем дело? — дрожащим голосом спросила она.

— Тут кто-нибудь еще есть? — ответил вопросом Дункан.

Она покачала головой.

— Вам это... — начала она и умолкла.

— ...даром не пройдет? — закончила Сник.

Женщина не ответила.

— Вы никого не ожидаете? — покашливая, спросил Дункан.

Она снова потрясла головой.

Сник обошла ее сзади, забрала у нее пистолет и засунула себе за пояс. Потом открыла настенный шкафчик и, осмотрев содержимое, достала оттуда две банки с туманом правды и четыре протонных энергомагазина. Затолкав все это в карманы кителя, она подошла к фонтанчику в углу и жадно напилась. Потом она подержала женщину под прицелом, и Дункан тоже попил.

— Нам нужна еда, — сказал он. — Покажи нам, где она хранится.

Все так же держа руки над головой, женщина привела их по коридору на кухню дежурного поста. Дункан нес тяжелый фонарь. Вскоре они вернулись назад с ящиком консервов и с двумя кодовыми консервными ключами. Дункан хотел бы захватить и разные деликатесы, но они были каменированы.

Сник приковала женщину наручниками к ножке стола, и они ушли, забрав фонарь, пистолет, энергомагазины и два карманных фонарика, не слушая протестов сержанта по поводу того, что ее оставили в темноте. Она долго еще сыпала проклятиями им вслед.

На посадочной площадке они осмотрели два стоящих там органических аэромобиля. Один, трехместный, был не только быстрее, но имел еще полный запас энергии и для двигателя, и для пушки — последняя была мощным орудием класса V. Загрузив продукты, запасные пистолеты и фонарь в заднее отделение, Дункан и Сник заняли свои места. Он вызвал на экран карту залива и прилегающих к нему районов. Мобиль, идя над самой водой без бортовых огней, взял курс к большому резервуару в северо-восточном углу залива. Там он поднялся над бетонной плотиной, пересек большое озеро и двинулся вверх по руслу реки Лос-Анджелес. Добравшись до большого водного пространства — озера Панг, которое раньше называлось озером Хьюз, Дункан повернул машину вправо и полетел вдоль трехполосного пластикового шоссе на Борон. В этом городке помещалась заправочная станция для наземных машин, курсирующих между Мохавским термионным энергокомплексом и Лос-Анджелесом. Задолго до него Дункан выключил все огни, сделал десятимильный крюк по пустыне и только потом вернулся к шоссе.

Пошел сильный дождь, и на западе, позади, уже вовсю бушевала гроза.

Скользя над шоссе к энергокомплексу, до которого оставалось шестьдесят миль, Дункан представлял себе, какой

бедлам стоит сейчас в Лос-Анджелесе. Теперь уже ганки должны разобраться, кто все это устроил. Однако им придется сначала восстанавливать порядок, а уж потом отряжать людей на розыски его и Сник. А подобие порядка можно будет навести не раньше, чем заменят поврежденный распределитель энергии. И никто не знает, в какую сторону направились беглецы.

Ему и Сник повезло, что небо над всей округой затянуто облаками. Стационарные спутники, ведущие мониторинг местности, сквозь облака ничего не видят. Будет работать инфракрасное оборудование, но их мобиль излучает недостаточно такого рода энергии, чтобы быть обнаруженным. Спутники могут учуять разве что электромагнитное излучение их гернхардтова двигателя — но приближающаяся гроза скоро помешает этому.

Дункан свирепо осклабился. То, что они со Сник сотворили в Лос-Анджелесе, — мелочевка по сравнению с тем, что они сделают с Мохавским энергокомплексом. Если все, конечно, пойдет по плану.

Когда гроза настигла их, окружив дождем, громом и молниями, Дункан включил ультрафиолетовые фары, чтобы легче ориентироваться. Но разряды молний были достаточно часты и близки, чтобы и без этого различать дорогу. Через пятнадцать минут мобиль оказался над краем котлована — величайшего творения человечества.

Одного из таких творений, во всяком случае. Подобных котлованов было пятьдесят на всех пяти континентах, и все они были столь же огромного размера.

Мобиль завис на краю ямы двадцати миль в поперечнике, уходящей вглубь на тысячу футов ниже уровня моря. Ее выдолбили в камне два объективных тысячелетия назад. По всему котловану так ярко сияли огни, что Дункан и Сник даже сквозь пелену дождя различали белую цилиндрическую башню в центре и строения вокруг нее. Башня имела две мили в основании и пятьсот футов в высоту. Ее воздвигли из картона двадцати дюймов толщиной, подвергнутого действию каменирующей энергии и поэтому устойчивого против любых температур — кроме, возможно, температуры центра звезды.

Башня была выстроена над шахтой шириной в полмили, уходящей в землю на 1700 миль. Стены шахты тоже были облицованы каменированным картоном. Нижний ее конец упирался в границу между оболочкой и жидким ядром Земли. Тепло, поступающее оттуда, расходилось из башни по дюжине труб, ведущих к другим громадным цилиндрам, расположенным вокруг. В них помещались термионные кон-

верторы, гигантские машины, преобразующие тепло в электроэнергию.

От конверторов токопроводы диаметром пятьдесят футов шли к строениям третьего круга, где размещались трансформаторы, и от них-то подземные кабели несли энергию к трансформаторам и распределительным центрам десяти западных департаментов, или штатов.

Мишенью Дункана было здание с трансформатором № 6. Эта конструкция стояла на западной стороне внешнего круга и была стальной — а стало быть, не могла устоять против протонной пушки класса V на носу мобиля.

Окна жилых зданий на дне гигантской выемки слабо светили сквозь завесу дождя. Огней транспорта на дорогах, связывающих производственные строения с жилыми, не было видно.

— Туда и обратно, будет всем приятно, — сказал вслух Дункан. — Если их радар не засечет нас сразу, авось проскочим. Вряд ли им это удастся в такой дождь, и потом, мы будем держаться совсем низко.

Он был уверен, что радарные вышки стоят и по краю, и на дне котлована. Пока что он не видел ни одной. Возможно, они даже не действуют. Никто еще за всю историю Новой Эры не покушался на термионно-генераторный комплекс. Охрана здесь, должно быть, не слишком бдительна, особенно в такую грозовую, дождливую ночь.

Он повел мобиль по краю. Когда небо ясно и солнечный жар наполняет огромный колодец, из котлована и днем, и ночью идет поток воздуха. Но дождь охладил атмосферу, и без того прохладную в зимнее время. И мобиль, подгоняемый сильным попутным ветром, дующим с запада, резво устремился вниз вдоль скалы. Используя подъемную энергию для противодействия воздушному потоку, он снижался со скоростью тридцати миль в час. Почти достигнув дна, Дункан притормозил и направил машину вверх по кривой, постепенно ее выравнивая. Скорость возросла до ста миль в час, и вскоре они оказались в двух милях от цели.

Дункан снова притормозил, потому что на таком малом расстоянии трудно было погасить инерцию.

Несколько минут спустя он остановил машину в пятидесяти футах над землей, носом к цилиндру большого конвертора.

Пока что ни звуковая, ни световая сигнализация не сработала.

Пушка выплюнула свой фиолетовый луч. Из стены повалил дым, но дождь не давал ему распространяться.

Прошла минута... две...

Индикатор заряда орудия показывал, что две трети энергозапаса уже израсходованы.

Дункан выключил пушку. Завыли сирены, и оранжевые огни замигали на стенках цилиндра и на фасадах других зданий. На дне котлована вспыхнули прямоугольники света. Это открывались двери гаражей и ангаров, выпуская наземные машины и аэромобили.

Дункан поднял свой мобиль в воздух, увеличивая скорость, и пулей вылетел из котлована. Он включил бортовой радар — но если радарная вышка прямо по курсу, прибор ее не покажет.

Выровнявшись в сотне футов над Мохавской пустыней, мобиль понесся вперед на максимальной скорости триста миль в час. Направив машину вниз по касательной сквозь дождь и белые разряды молний, Дункан сбросил скорость до ста миль. Одновременно он включил фары и приборы ночного видения. На высоте пяти футов над землей он снова выровнял машину. Сник ахнула, когда прямо перед ними возникла монолитная скальная стена. Дункан бешено крутанул штурвал и затормозил. Фюзеляж едва не чиркнул о скалу. Избегнув опасности, Дункан продолжал снижать скорость, пока не достиг пятидесяти миль в час.

Далеко позади, за стеной дождя, тускло светились на разной высоте прожектора дюжины полицейских аэромобилей.

ГЛАВА 4

Выдержки из доклада, записанного на пленку всемирным советником среды Джи Нефзави Ибсоном и разосланного с секретными курьерами другим всемирным советникам.

ИСПОЛЬЗУЙТЕ ДЕШИФРОВАЛЬНЫЙ КОД № 1489 С. ПОСЛЕ ПРОСЛУШИВАНИЯ СОТРИТЕ СООБЩЕНИЕ.

Касательно врагов Земного Сообщества Джефферсона Сервантеса Кэрда, он же Уильям Сент-Джордж Дункан и пр. (см. Индекс) и Пантеи Пао Сник, она же Дженни Ко Чандлер и пр. (см. Индекс).

Многие выдающиеся и вполне лояльные историки утверждают, что история кончилась, когда настала Новая Эра. Историю заменила хроника разных незначительных событий. Хотя такие заявления не следует принимать слишком уж всерьез, доля правды в них есть. Главный смысл заключается в том, что Новая Эра дала всем людям так называемую

хорошую жизнь, но взамен лишила их каких бы то ни было неожиданностей.

Как это ни парадоксально, у нас остался прогресс, но перемены исчезли. Нет, они есть, конечно, но происходят так медленно, что отдельный гражданин их не ощущает.

Расизм, сексуальный шовинизм, национализм, бедность, загрязнение среды и экономическая нестабильность ушли из нашей жизни. Конфликты и предубеждения между расами, имевшие место в период перед Новой Эрой и в ее ранние годы, исчезли. Белая раса, монголоиды, негры, индейцы и австралийские аборигены слились в одну более или менее темнокожую общность. Однако исчезла не только разница в цвете кожи. Почти все «краски» повседневной жизни также пропали, хотя эту потерю возместили другие факторы, кроме расовой общности.

Я склонен согласиться с историками и социологами, заявляющими вышеуказанное. Но подобная утрата «красок» неизбежна. За все в жизни надо платить. У каждого преимущества есть свое неудобство.

Все это штампы и трюизмы, но я не прошу за них извинения. История — это серия вариаций различных штампов и трюизмов. Меняются имена людей, событий и мест, а войны, торговля, наука и техника приносят разные плоды (к счастью, на Земле нет войн вот уже две тысячи объективных лет). Но в основном это один и тот же цикл, движимый алчностью или идеализмом (чаще алчностью). И как за тем, так и за другим стоит желание властвовать, что бы ни утверждали поборники обоих этих факторов.

Я подвожу к концепции героя в истории. Вы все — высокообразованные люди, имеющие одну или несколько докторских степеней. Поэтому мне нет нужды разжевывать вам, что такое герой (или героиня) в мифологии, легендах и истории. Во всех эрах, кроме нашей, героев было в изобилии. Новая Эра ими чрезвычайно бедна. Единственная выдающаяся личность, чье имя знает каждый гражданин, — это Джерри Пао Нель. Он поднял в марсианских колониях обреченное на поражение восстание против Сообщества Земли. Он фигурирует в бесчисленном множестве сценариев, которые мы допустили на экран потому, что они служат катарсисом для мятежных и недовольных настроений. Подобная терпимость соответствует тайному правилу управления гражданами Новой Эры. То есть: дайте людям всю свободу, которой они желают, — но в определенных пределах. Держите их на длинном поводке. И не натягивайте его, пока они не зайдут

слишком далеко. Делайте все возможное, чтобы граждане не разглядели стальную длань под бархатной перчаткой.

Это правило создано для их же пользы.

Я заговорил о героях потому, что теперь в Новой Эре появился еще один. Точнее — два.

Это двое преступников: мужчина, Джефферсон Сервантес Кэрд, ныне известный как Уильям Сент-Джордж Дункан, и женщина, Пантея Пао Сник, взявшая себе фальшивое имя Дженни Ко Чандлер.

Разрешите мне вкратце остановиться на биографиях этих двоих, прежде чем обосновать, каким образом они стали народными героями и какую опасность представляют для Сообщества Земли. В наших глазах они — правонарушители, дневальные, убийцы и подрывные элементы, — короче говоря, негодяи. Но многие граждане определенно смотрят на них как на героев, как смотрел народ древней Англии или Швейцарии на Робин Гуда или Вильгельма Телля, а народ древнего Китая — на Сунь-Цзюаня и его банду. А в древнем государстве США, скажем, такими героями были Джон Диллинджер и Джесси Джеймс*.

Кэрд-Дункан, как я впредь буду его именовать, и Сник совмещают в себе политические склонности Робин Гуда, Телля и Суня и патологически-экономические стремления Диллинджера и Джеймса.

Я останавливаюсь на некоторых фактах их биографий лишь для того, чтобы понять, как они стали преступниками и какое потенциальное влияние могут оказать на нас, то есть на историю. Будем надеяться, что скоро они станут именно этим — историей.

Родителями Джефферсона Сервантеса Кэрда, или Дункана, были Хоган Рондо Кэрд, доктор медицины и биохимии, и Элис Ган Сервантес, доктор философии и молекулярный биолог. Оба родились в штате Манхэттен, как и их сын, единственный ребенок в семье. Доктор Элис Ган Сервантес была дочерью знаменитого биохимика, д-ра Гилберта Чинь Иммермана. Иммерман также приходился дедом д-ру Хогану Рондо Кэрду, отцу Джефферсона. Таким образом, Иммерман является и дедом, и прадедом Джефферсона Сервантеса Кэрда.

Как вам хорошо известно, Органический департамент лишь совсем недавно открыл, что Иммерман, еще будучи молодым, разработал в своей лаборатории культуру, которую мы теперь

---

* Диллинджер Джон (1902—1934) — американский грабитель банков, дважды бежавший из тюрьмы. Джеймс Джесси (1847—1882) — американский гангстер, фигурирует во многих легендах и песнях. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

называем «эликсир», или ФЗС, то есть фактор, замедляющий старение. Человек, получивший это средство, стареет в семь раз медленнее. Младенец, который в естественных условиях прожил бы сто сублет, будет жить семьсот, получив это средство при рождении. А поскольку система мира дней уже продлила его жизнь до семисот облет, он проживет 4900 облет.

Если бы этот гипотетический младенец жил каждый день, он дожил бы до семисот облет. Или семисот сублет, поскольку в его случае объективное время ничем бы не отличалось от субъективного. В течение его жизни Земля совершила бы семьсот оборотов вокруг Солнца.

Можно сказать, что Иммерман был доктором Фаустом Новой Эры. В его руках было открытие, которое могло стать и величайшим благом, и величайшим проклятием для человечества, в зависимости от точки зрения. Для отдельного человека это был бы дар Божий, если вы простите мне столь тенденциозное выражение. Видит Бог, слишком много граждан все еще верит в Бога. А многие верят также в астрологию, гадание, в привидения, ангелов, демонов, в колдовство и выигрыш.

Для общества же в целом это могло стать проклятием. Мы (под «нами» я подразумеваю прошлых и нынешних всемирных советников) удерживаем прирост населения Земли на нуле. Нам удалось даже, как известно вам и неизвестно общественности, снизить количество населения с десяти миллиардов, как было тысячу облет назад, до теперешних двух миллиардов. Но население (все население, за исключением самых высокопоставленных лиц в правительстве) по-прежнему верит, что на Земле живет десять миллиардов человек. Мы совершили это, движимые высшими этическими ценностями, ради блага людей и блага Земли.

Благо Земли — то же самое, что благо людей. Никогда больше не позволим мы нашей планете стать голой и отравленной, грозящей вымиранием человеку, как это было в начале двадцать первого века по старому стилю.

Итак, у Иммермана был выбор: сделать свой эликсир, или ФЗС, достоянием гласности или сохранить его в тайне. Но он выбрал третий путь: принял эликсир сам и дал его своей жене и детям. Его жена поклялась хранить тайну ФЗС, такую же клятву принесли и дети, став взрослыми. Впоследствии эликсир получили и более дальние родственники, а затем и посторонние. Они сформировали ядро тайного общества, члены которого стали называть себя иммерами. Спустя какое-то время эта постоянно растущая группа стала преследовать политические цели. От них отпочковались другие тайные

организации, контролируемые иммерами, но ничего не знающие ни о ФЗС, ни о своем происхождении.

Из того, что мы выяснили по делу Кэрда-Дункана и Сник, следует, что Иммерман решил исчезнуть. Он выглядел намного моложе своих сверстников, и ему нужно было симулировать смерть, прежде чем принять новое имя (его жена погибла в результате несчастного случая).

Он подготовил копию своего тела, вырастив ее в своей лаборатории (это учреждение было государственным, находилось под его управлением) и устроил «аварию», частично повредившую искусственное тело, которое опознали как его труп.

Хотя сейчас ведется активное следствие с целью выловить фальшивые вводы в банки данных и фальшивые имена, которыми он пользовался, результатов мы пока не получили. Возможно, и не получим. Как я уже указывал в предыдущих рапортах, контроль над информацией и пристальное наблюдение за гражданами дает нам большую власть. Но контроль над информацией — это палка о двух концах. Мы используем его для управления торговлей, транспортом, распределением ресурсов, а также для защиты граждан от самих себя и от других. Но преступники используют банки данных в своих целях. Фальшивые вводы информации, как правило, обнаруживаются, но могут, безусловно, быть и случаи полного успеха. Сколько таких случаев имело место, нам, разумеется, неизвестно.

Иммерман исчез, превратившись в кого-то другого, но продолжал руководить иммерской организацией. Потом он расстался со своим новым именем — возможно, путем еще одной «смерти» — и стал Дэвидом Джимсоном Анандой. Это произошло в местности, которая в древности называлась Албанией, а ныне является частью Юго-Восточного Европейского департамента. Вам известно, каким образом он из квартального в Тиране сделался членом Всемирного Совета. Его колоссальную изобретательность подтверждает тот факт, что его биография неоднократно и скрупулезно изучалась по мере его служебного роста, но никто не обнаружил, что это подделка.

Как только он стал всемирным советником, он сконструировал секретную систему управления телевизионными каналами. Мы до сих пор не знаем, как он это сделал, и не знаем, где помещается эта система. Теперь мы, правда, в состоянии прервать ее передачи, но нужно еще определить, откуда они исходят. Предполагается, что станция установлена на одном из семи тысяч спутников связи. Если так, то ее монтировали

космические специалисты, и сейчас все, кто мог иметь к этому отношение, подвергаются обработке туманом правды.

Однако проверка показала, что трое вероятных кандидатов умерли как раз в тот период, когда могла быть установлена передающая система. Виновником мог быть один из них или все трое. Если так, то нам не повезло. Возникает также вопрос, насколько реальны эти три смерти, и в этом направлении ведется следствие.

С какой целью Иммерман-Ананда установил эту систему, нам неизвестно. Возможно, это входило в какой-то его план или же Ананда, хотя это представляется невероятным, замышлял стать диктатором мира.

Какой бы ни была причина, он, конечно, не ожидал, что кто-то вырвет у него тайну места и назначения станции, чтобы воспользоваться ею в своих собственных целях. И что этим кто-то будет его же отпрыск, Джефферсон Сервантес Кэрд, он же Дункан и пр.

В определенном возрасте, скорее всего лет в восемнадцать, Джефферсону Кэрду рассказали об иммерах и о ФЗС. Он принес присягу, связавшую его двойным узлом — ведь если бы он предал иммеров, он предал бы и своих любимых родителей. Кроме того, насколько мы разобрались в характере Кэрда, узнанное вызвало у него азарт и желание сыграть в организации активную роль. Закончив Южный Манхэттенский колледж, он поступил в Манхэттенскую Органическую Академию и при выпуске получил множество похвальных отзывов. Темой докторской диссертации он избрал психологический профиль и биохимию мозга дневальных. Оглядываясь назад, мы видим, каким дурным предзнаменованием это стало для Сообщества.

Иммеры давно уже занимались продвижением своих людей на видные должности в правительстве. Кэрд в качестве органика имел возможность узнавать заранее, когда иммерам грозила опасность обнаружения, и предупреждать их об этом. Мы не знаем точно, когда он принял на себя роль курьера организации. В его обязанности входила доставка межтемпоральных сообщений — устно или на кассетах, передаваемых из рук в руки. Кэрд стал дневальным. Для этого ему нужны были разные документы на каждый день. Фальшивые биографические данные, на которых базировались эти документы, были введены в банки данных с помощью процедуры, до сих пор не раскрытой органиками.

В этот ранний период жизни обнаружилась одна из особенностей Кэрда, ставшая открытием как для него, так и для руководителей иммерской организации.

Сначала он просто жил каждый день под иным именем. Но потом стало ясно, что Кэрд не просто играет эти роли. Он по-настоящему стал каждым из этих людей. И хотя они значительно отличались и друг от друга, и от самого Кэрда, он *был* каждым из них. В среду он был Тинглом, банкиром данных; в четверг Дунским, тренером по фехтованию; в пятницу Реппом, телесценаристом, продюсером и актером; в субботу Омом, опустившимся субъектом, барменом на полставки; в воскресенье отцом Томом Зурваном, полусумасшедшим уличным проповедником, и в понедельник Ишарашвили, смотрителем Центрального парка.

Но в каждой из этих личностей сохранялся примерно один процент от Кэрда. Этого было достаточно, чтобы он мог регулярно переходить изо дня в день и выполнять свою функцию курьера.

Родители Кэрда погибли — утонули на своей яхте близ острова Лонг-Айленд. Катастрофа произошла в исключительно ненастную, штормовую погоду. Спутники не имели возможности наблюдать за ними, а сигналы с борта перестали поступать. Яхта затонула, но неделю спустя были обнаружены разбухшие трупы обоих супругов. Это могли быть и искусственно выращенные тела. Родителям Кэрда по неясной нам причине — Кэрду она, очевидно, тоже неизвестна — могло понадобиться «исчезнуть». Возможно, они начали где-то новую жизнь с поддельными документами.

Еще будучи в Академии, Кэрд женился и получил лицензию на одного ребенка. Его дочь в данное время живет в Манхэттене и преподает историю. При ее допросе с применением ТП выяснилось, что она ничего не знает о ФЗС и об иммерах.

Вторая из особенностей Кэрда, уникальная особенность, можно сказать — это его врожденная или приобретенная способность противостоять так называемому туману правды, ТП. Кэрд способен лгать, подвергаясь действию ТП и в аэрозольной форме, и в форме инъекции. Он находится в бессознательном состоянии и все-таки лжет. Он обманывает даже электронные приборы, регистрирующие такие верные признаки уклончивости и стресса, как электрическая проводимость кожи, химический состав крови, мозговые волны и движения глазного яблока.

Кэрд-Дункан, похоже, способен под действием ТП лгать не только другим, но и себе самому.

Пантея Пао Сник — дочь манхэттенских офицеров-органиков. Она выбрала профессию своих родителей и незадолго до событий, приведших к ее встрече с Кэрдом, получила

звание детектива-майора. У нее был отличный послужной список, и руководство считало ее очень способным детективом. То, что ей в порядке редкого исключения выдали темпоральную визу, свидетельствует о высоком доверии, которым Сник пользовалась у начальства.

Сник получила задание выследить женщину-дневальную по фамилии Даблдэй. О том, что произошло потом, вы знаете. Это запутанная история, но в ходе событий Кэрд (и его двойники) стал опасен для иммеров. Сник была захвачена иммерами в плен, и Кэрд воспротивился идее ее убийства.

Сам Иммерман, то есть Дэвид Джимсон Ананда, прилетел из Цюриха в Манхэттен, чтобы лично заняться этим делом. Родственных чувств он был, как видно, лишен, поскольку обрек собственного внука на смерть. Но Кэрд бежал сам и спас Сник.

В то время Кэрд был уже близок к психическому срыву. Все его двойники пытались захватить власть, оттеснив других. Преследуемый и органиками, и иммерами, Кэрд впал в состояние временной кататонии и был арестован органиками.

После допроса Сник были арестованы и допрошены под ТП несколько других иммеров. Гражданин среды полковник Паз рассказал при этом все, что знал. Ему, разумеется, не больше нашего было известно, что Ананда — это Иммерман, не знал он и того, что Ананда в Манхэттене. Но органикам удалось захватить некоторое количество иммеров низшего ранга, и показания, данные Пазом и остальными, открыли нам глаза на общество иммеров.

К сожалению, мы были вынуждены горгонизировать Сник и поместить ее на склад в безлюдной местности Нью-Джерси. Она слишком много знала и слишком сочувствовала своему спасителю Кэрду, чтобы на ее молчание можно было полагаться. Главной причиной ее устранения был ФЗС. Общественность не должна была знать о нем. Узнав об эликсире, массы стали бы требовать его, и последствия в конечном счете стали бы пагубными для всего общества. По иронии судьбы мы вынуждены были в этом пункте согласиться с Иммерманом. Но у себя в Совете мы решили разделить ФЗС между собой и дать его тем из наших детей, кому можно доверять.

Теперь, вследствие того, что Кэрд обнародовал формулу ФЗС и она разошлась по всему миру, мы оказались в очень трудном положении. Следует ли нам признать, что формула верна? Или мы должны отрицать это и заявить, что это всего лишь преступный розыгрыш, несущий, возможно, в себе опасность? Или, в ответ на бурные требования граждан, дать

им этот самый ФЗС? То есть это они будут считать, что получили ФЗС. Это может быть какое-то безвредное вещество, которое поможет людям поверить, что теперь они проживут в семь раз дольше. К тому времени, когда они поймут, что стареют не медленнее, чем раньше, пройдет по меньшей мере десять субъективных, или семьдесят объективных, лет. И вину за это можно будет свалить на Кэрда.

Вернусь к фактам его истории. Пока мы вели дебаты, что делать с Кэрдом, он бежал из здания, побег из которого считался невозможным.

Кэрд горазд на выдумки всякого рода, как и подобает герою авантюрных историй. Это его качество тоже вызывает в массах восхищение и прибавляет блеска его мятежной славе.

Похоже, он снова изменил свою личность перед побегом из Манхэттена в леса Нью-Джерси, и эта новая личность именуется Уильям Сент-Джордж Дункан.

Он стакнулся с отверженными, с лицами, которые стали дневальными по разного рода преступным причинам. Они скрывались в древних туннелях под складом — тем самым, где хранилось окаменелое тело Сник. Кэрд нашел ее и раскаменил. В этот же период он, чтобы окончательно сбить нас со следа, умудрился вырастить в государственной лаборатории, размещенной поблизости, копию своего тела. Эту копию он искусно выдал за свой труп, оставшийся на месте схватки с офицером-органиком. При этом Кэрд убил и офицера.

Кэрд, Сник и их спутник (см. в Индексе «падре Кабтаб») пробрались в штат Лос-Анджелес. Там они вступили в контакт с одной подпольной группировкой. У нее несколько названий, но я буду пользоваться лишь одним, СК. Это означает «Старый Койот». Никто из членов СК, за исключением разве что высшего руководства, ничего не знал об иммерах или ФЗС. СК был только орудием в руках иммеров.

В конце концов всемирный советник Ананда, то есть Иммерман, обнаружил, где скрываются Кэрд, Сник и Кабтаб. Сначала он распорядился их убить, а затем почему-то велел доставить в свою секретную резиденцию на 125-м этаже Башни Ла Бреа. Даже лос-анджелесские генералы-органики каждого дня не знали об этой тайной квартире члена Всемирного Совета.

Пленники каким-то образом вырвались на свободу. Падре Кабтаб при этом погиб, но Сник и Кэрд-Дункан перебили всех, кто был в квартире, за исключением двоих: Иммермана и его сообщника Каребары. Кэрд-Дункан применил к своему деду ТП и получил от него различную информацию, в том числе

и о подпольной системе телевещания, которую Иммерман-Ананда создал много сублет назад. Запустив механизм передачи своих мятежных посланий по каналам видеовещания и автоматической распечатки, Кэрд-Дункан позвонил в ближайший органический участок и сказал дежурному офицеру, что в такой-то квартире совершено убийство. Офицер пришел в недоумение, поскольку в регистре этажа квартира значилась незанятой. Однако он все же послал туда нескольких органиков промежуточной смены.

Кэрд-Дункан и Сник покинули квартиру через ангар и ведущий на крышу люк до прибытия органиков, которые выжгли замок единственной входной двери. Очевидно, Кэрд сообщил органикам об убийстве для того, чтобы отдать Иммермана-Ананду в наши руки живым. Кэрд имел все основания ожидать, что мы применим к его деду ТП и после будем вынуждены открыть всему миру грандиозный обман, осуществленный одним из членов Совета.

Он глубоко заблуждался. Правда об этом, если это будет в наших силах, никогда не выйдет наружу. Во всяком случае, генерал Коуэтт уведомлен, что Каребара и Иммерман-Ананда должны умереть в органическом госпитале или сразу по выходе из него. Генерал будет достойно вознагражден за скромность и четкое исполнение приказа.

Об «убийстве» всемирного советника Ананды и Каребары уже объявлено (в среду). В их смерти обвиняются Кэрд-Дункан и Сник. Насколько известно Органическому департаменту, в обществе не существует никаких подозрений относительно того, что их гибель следует приписать чему-то другому. То, что настоящее имя Ананды было Иммерман, также не будет раскрыто по причинам, которые мне нет нужды разъяснять.

Розыск Кэрда-Дункана и Сник продолжается. В данный момент мы не имеем понятия, где они находятся. Совершив несколько архипреступных деяний, как-то: одновременное раскаменирование всех жителей Лос-Анджелеса, уничтожение городского энергораспределительного центра, а несколько часов спустя также термионного конвертора, обслуживавшего все Западное побережье, они ушли от преследования и скрылись.

Их действия вызвали колоссальную неразбериху и хаос, причинив массу неудобств гражданам нескольких департаментов. Мировой огласки, которую получили эти события, избежать не удалось.

Кэрда-Дункана и Сник необходимо схватить — и быстро. Они, без сомнения, планируют предпринять новые атаки на

Сообщество, надеясь вызвать этим неудержимую бурю недовольства — а возможно, и бунт. Я предлагаю убить этих архипреступников на месте, если только позволят обстоятельства. При отсутствии гражданских свидетелей с Кэрдом и Сник следует покончить немедленно. Если же гражданские свидетели будут присутствовать и преступники не окажут сопротивления при аресте, последних следует доставить в ближайший органический участок. Доверенному генералу будет поручено подготовить персонал и организовать «ликвидацию при попытке к бегству».

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ.
ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ СТЕРЕТЬ.

ГЛАВА 5

Дункана редко захватывали врасплох. И он никак не ожидал, что на него кинется Пантея Сник.

Он нашел вход в пещеру на склоне горы. Аэромобиль в потоках дождя прошел через устье десятифутовой ширины. Футов через сорок снижающийся свод заставил мобиль задевать днищем об пол, но он все-таки протиснулся в смежную пещеру. Там он развернулся и остановился у стены.

Фонарики осветили помещение, напоминающее внутреннее пространство коробки, на которую наступил великан. Каменный пол был усеян старыми костями, в основном оленьими и кроличьими. Слабый кошачий запах давал понять, что раньше здесь было логово пум. Дункан и Сник достали из багажного отделения фонарь, взятый с ганковского поста, надувные матрасы и компактные одеяла. Устраивая ночлег на полу около мобиля, Дункан сказал:

— Будем спать, сколько влезет, и...

— Ну уж нет! — сказала она.

Фонарь наполнил пещеру светом — в таком, должно быть, плавают аквариумные рыбки. Сник сбросила с себя форму и стояла перед ним в своем практичном белье — пурпурной маечке и трусиках-бикини. Ее гладкие прямые волосы блестели, как мех котика, а темно-карие глаза словно светились в полумраке. Кэрду казалось даже — это, конечно, было одно лишь воображение, — что сквозь бронзовую кожу просвечивают тонкие кости ее высокоскулого черепа. У нее был красивый череп, если можно назвать череп красивым.

Она подняла руки и стянула с себя майку. У нее были маленькие, идеально круглые груди с огромными розовато-красными сосками. Потом она разлепила на боку свои тру-

сики, открыв пучок необычайно густых, темных и блестящих волос.

Она кинулась на Дункана, словно пантера. Он не оказал сопротивления и упал вместе с ней на матрас. Очень скоро он с ее помощью освободился от всей одежды.

— Я никак не ожидал... — начал он.

— Заткнись! — И она закрыла ему рот своими губами.

После, лежа головой у нее на груди и обнимая ее правой рукой, он думал о том, почему она так внезапно в буквальном смысле овладела им. Раньше она не говорила и не делала ничего такого, из чего он мог бы понять, что хоть как-то привлекает ее в сексуальном плане. А в своем отношении к ней он сам не мог разобраться. Сначала ему казалось, что он в нее влюблен. Это, насколько он понимал, проистекало из того, что он любил ее в своих прежних воплощениях, которых не помнил. Но потом ее кровожадность оттолкнула его, и он решил, что ее любить нельзя. Как будто волевое решение может как-то повлиять на эмоции. А сейчас он ответил ей не только как мужчина, который рад удовлетворить свою похоть. Он слился с ней в экстазе, который дает одна только любовь.

Их обоих так трясло от всего, что они совершили сегодня, что только секс мог их разрядить.

Вскоре стало ясно, что этого не произошло, что они по-прежнему заряжены до отказа. Сник начала покрывать его поцелуями — и только соединившись еще четыре раза, они полностью опустели. Теперь они лежали тихо, все еще тяжело дыша, покрытые потом.

Дункан встал и вышел под дождь. Он долго стоял, морщась от холода, но чувствуя себя счастливым и очищенным. Мгновение спустя к нему присоединилась Сник. Близкие разряды молний заново воспламенили их. Сник восторженно завопила и опять обняла его. Они повалились на холодный камень и доказали, что не так опустошены, как им казалось.

Грозе далеко до нашего разгула, подумал он.

Дрожа, они вернулись в пещеру. Растерлись полотенцами, взятыми из багажника, и смазали колени, ободранные о камень, мазью из аптечки первой помощи. Потом жадно принялись за еду, и Сник все время весело болтала. Это была новость — обычно больше говорил он.

— Мы показали им, этим ублюдкам! — сказала она. — И еще покажем! Ввек нас не забудут!

— Это будет завтра, — сказал он, валясь на матрас и заворачиваясь в очень тонкое, но теплое одеяло. — Хочешь ко мне?

— Нет, я не могу спать, когда в постели есть кто-то еще.

Она наклонилась, поцеловала его и улеглась на свой матрас. Кажется, она заснула сразу, успев только пробормотать: «Так их растак».

Понять ее было нелегко. Она ненавидела тех, кто ее подставил, и не задумываясь поубивала бы непосредственных виновников, если бы представился случай. Но революционеркой она не была. Для нее жизнь раз в неделю и существующий строй были в порядке вещей. Ей хотелось только выпустить кишки коррумпированным чиновникам, которые надругались над ее преданностью и верой в систему.

Это не имеет значения, говорил себе Дункан. Все равно то, что она делает, идет на пользу революции, и ее помощь может приблизить конец мира дней.

Дункан вылез из постели поздним утром, застывший и с болью во всем теле. Сник спала, прижавшись щекой к подушке и приоткрыв рот. Он взял одну из банок, сорвал с нее крышку, и жидкость внутри сразу потемнела и вскипела. Прихлебывая кофе, он вышел из пещеры, потом вернулся. Когда он начал двигаться, Сник проснулась тоже, но еще не встала. Он открыл другую банку и подал ей. Она села и стала пить, закутавшись в одеяло. Потом спросила:

— Ну, что дальше?

— Дождь перестал, но все небо затянуто, а на западе черные тучи. Похоже, опять будет гроза. Если будет, мы вылетаем. Чтобы добраться до леса, нам надо пересечь миль десять открытого пространства. А в такую погоду нас никто не заметит, если мимо не пролетит патруль.

Она согласилась, что это разумно, и не стала спорить, когда он предложил вернуться в Башню Ла Бреа.

— Можно, конечно, скрываться в горах, и нас еще долго не поймают. Но ведь надо как-то им и досаждать. Им и в голову не придет, что мы вернемся в то самое место, откуда сбежали.

— Значит, играем по слуху?

Вопрос был риторический, и он не ответил.

Около часа они занимались гимнастикой, чтобы убить время. К тому времени ветер, довольно слабый с утра, окреп и засвистел у входа в пещеру. Спустя еще час в устье ворвался дождь. Раздался гром, усиленный эхом внутри горы. Поблизости ударила молния, и слышно было, как с треском рухнуло дерево.

— Не думаю, что патрули вообще вылетят, — сказал Дункан.

Им должно повезти, если только в них не ударит молния.

Спутники наблюдения должны быть уже настроены на электромагнитный поиск любых аэромобилей с величиной поля, равной дункановской. Их курс будет сверяться с трассами разрешенных полетов. Заметив незарегистрированную машину, приборы обнаружения передадут информацию о ней ближайшим постам органиков. И будут продолжать наблюдение, когда эскадрилья органиков выйдет на перехват подозрительного мобиля.

Но во время грозы Дункан и Сник были в безопасности. Атмосферные разряды собьют детекторы с толку.

Иногда Дункану верилось, что он из числа тех редких людей, чей «персональный магнетизм» притягивает тихеноны. Это такие волновые частицы, открытые лжеучеными вроде астрологов и метафизиков, а названы они в честь Тихе, древнегреческой богини случая и судьбы. Вокруг отдельных индивидуумов тихеноны собираются, словно железные опилки вокруг магнита, повышая тем вероятность успешного исхода. Все это, конечно, чистое суеверие.

Однако удача пока что сопутствовала Дункану.

Тысячу облет назад вся эта местность была голой пустыней. Новой Эре понадобилось триста облет, чтобы размельчить камень, создать новую почву, заселить ее червями и прочими созидающими организмами, а потом насадить деревья. Прорыли русла рек и провели в них воду с гор. И теперь здесь, где когда-то простирались тысячи квадратных миль сухой, безжизненной земли, радовали глаз деревья и кустарники.

Под этими деревьями и шел мобиль, следуя к Лос-Анджелесу по более или менее прямой линии.

В три часа дня Дункан посадил мобиль под кровом большого хвойного дерева на склоне горы. Они нарезали ветки и прикрыли ими машину, оставив только узкий проход. Чуть повыше выступал наружу скальный карниз с нишей под ним, в которой можно было укрыться. Здесь они собирались пробыть до рассвета следующего дня.

Отсюда открывался хороший вид на башни Лос-Анджелеса и на движение водного и воздушного транспорта.

Часть дня они провели, сидя в мобиле и просматривая новости на телеэкранах. Дикторы утратили свою профессиональную невозмутимость, хотя и очень старались сдержать свое возбуждение и негодование. Говорилось, что за действия против Сообщества Земли, Западного побережья и штата Лос-Анджелес в частности несут ответственность двое преступников, Дункан и Сник (иногда их именовали архипреступниками).

Технику доставили во вторник поздно утром из штатов Сан-Диего и Сакраменто с помощью атомных дирижаблей и мощных аэромобилей, а смонтировали только под вечер. Однако пришлось еще ждать, когда заменят поврежденное оборудование в термионном центре. Только в одиннадцать вечера на Западном побережье восстановилась подача электроэнергии.

И лишь к десяти утра сегодня, в среду, в Лос-Анджелесе восстановился порядок. Раскамененных граждан всех дней, кроме среды, отправили обратно в цилиндры. Люди испытали шок, смятение и панику, оказавшись ожившими все сразу в темном городе. Лос-Анджелес превратился в настоящий сумасшедший дом, и его обитатели пережили худшие в своей жизни часы. Огромное большинство жителей не смогло покинуть квартиры, поскольку электрокодовые замки на дверях перестали действовать. Жилища, предназначенные для размещения обитателей одного только дня, оказались битком набиты людьми, не имеющими понятия о том, что происходит.

Кондиционеры остановились, и в квартиры перестал поступать свежий воздух. Лишние люди, вышедшие из цилиндров, быстро поглощали скудные запасы кислорода. Ганкам пришлось выжигать замки в дверях, чтобы освободить жителей. Этот процесс шел очень медленно, хотя на помощь был призван весь городской обслуживающий персонал. Не хватало лучевого оружия, чтобы ускорить работу, но вскоре прибыло подкрепление из Сан-Диего и Санта-Барбары.

При всем при том в городе царил ад кромешный, и сообщается о сотнях случаев умственного расстройства.

Суматоха все еще не прекратилась. Хотя гражданам было предписано явиться на работу, они были слишком потрясены, чтобы заниматься делами, как обычно.

Через каждые десять минут дикторы призывали своих зрителей не верить лжи, распространяемой двумя этими гнусными социопатами. Те, кому попали в руки их листовки, должны немедленно их уничтожить.

— Как же, ждите, — сказал Дункан. — Разве кто-нибудь устоит, чтобы не прочесть?

Дикторы оповещали также, что преступники все еще находятся на свободе. Но их арест неизбежен. Тем временем все граждане должны следить, не появятся ли они где-нибудь. Если кто-то заметит преступников, не надо пытаться задержать их. Дункан и Сник вооружены, опасны и не остановятся перед убийством. Нужно только уведомить органиков, которые и займутся их поимкой.

Сообщалось также вкратце о смерти Дэвида Джимсона Ананды, всемирного советника, и других, погибших в квартире Ананды на 125-м этаже.

— Значит, они убили его! — тихо сказал Дункан. Его это не удивило. Но много ли им удалось выудить из Ананды под ТП, прежде чем убить его?

Пока ни слова не было сказано о том, почему всемирный советник, имеющий резиденцию в Цюрихе, Швейцария, тайно прибыл в Лос-Анджелес.

— Ну вот, — сказал Дункан. — Весь город открыт для нас. Когда еще они заменят все замки. Мы сможем войти в любую квартиру.

— При том, что ганки и все горожане знают нас в лицо?

На экранах периодически появлялись их изображения, а ниже шли биографические данные.

— А мы найдем местечко, чтобы быстро спрятаться. Чертовски быстро!

Ближе к вечеру они уселись бок о бок на своих матрасах под каменным навесом. Некоторое время они молчали, и Дункан собирался с духом, чтобы заговорить о том, что заботило его весь день.

— Я не из робких, Тея, — сказал он наконец. — Я хотел бы знать... лучше уж, пожалуй, это высказать... мне нужно это знать.

— Что знать? — Она повернулась на сиденье лицом к нему, и Дункан понял, что она уже знает, о чем он ее спросит.

ГЛАВА 6

— Ты любишь меня?

Она поморщилась, однако не рассмеялась — уже легче.

— Не знаю. Что такое любовь, собственно говоря?

— Трудно дать ей определение. Но почти все люди знают, когда они влюблены.

Она поднялась с матраса и встала перед ним, потом присела на корточки.

— Я восхищаюсь тобой и питаю к тебе огромное уважение. Больше, пожалуй, чем к любому из мужчин, которых я знала, а я знала многих. Я полностью тебе доверяю и никогда тебя не предам. Могла бы я пожертвовать ради тебя жизнью? Не знаю. Если любовь проверяется готовностью отдать жизнь за любимого, то... я просто не знаю. Рискнуть жизнью ради тебя я готова. Я уже делала это много раз и, безусловно, сделаю опять.

Она помолчала. Где-то вблизи слышался хриплый крик сойки, и на ветру кружил ястреб.

— В постели ты более чем хорош. Но любовь, настоящая любовь, заключается не только в этом. Ты сам знаешь. Хотелось бы мне прожить с тобой всю жизнь и родить от тебя ребенка? — Она снова помолчала, прикусила губу и сказала: — Нет, не думаю. Эта мысль определенно не захватывает меня целиком, и я достаточно реалистка, чтобы знать, что в качестве обыкновенной жены и матери... ну, на стенку я, может, и не полезу, но и счастлива не буду. С другой стороны...

Он подождал продолжения и спросил:

— Что с другой стороны?

— Да не знаю я, — пожала плечами она. — Любить — значит сходить по человеку с ума, быть одержимой им. Говорят, это чувство проходит после долгих лет совместной жизни и сменяется более спокойным. Тебе просто хорошо со своим спутником, ты скучаешь, когда его нет и все такое. Но я и сейчас не испытываю такой одержимости. А ты?

— Я мог бы быть счастлив.

— Ты без ума от меня или нет?

— Не думаю, что это обязательное условие любви.

Она встала, отвернулась и стала смотреть на долину.

— А я думаю, что обязательное. Но я не одержима тобой в том смысле, который имела в виду. От мысли прожить с тобой всю жизнь меня не бросает в трепет — нельзя сказать, чтобы я не могла жить и без тебя. — Она быстрым движением повернулась к нему. — Надеюсь, я не причинила тебе боли. Но было бы нечестно сказать, что я тебя люблю так, как это понимаешь ты. По правде говоря, Дункан, если я и знаю, что такое любовь, то это любовь к моей работе. К той работе, которой я занималась, пока эти гады не отняли ее у меня. Ее я любила, она делала меня счастливой. Я и раньше жила с мужчинами, но из этого никогда ничего не получалось. Они только мешали... и быстро надоедали.

— Я больше не стану говорить с тобой об этом, — сказал он.

Она снова присела перед ним на корточки и взяла его большую руку в свои маленькие.

— Я обязана тебе жизнью. Но даже это не может заставить меня полюбить тебя так, как ты хочешь.

— Значит, друзья? — сказал он.

— Мы больше, чем друзья.

— О'кей. Мы больше чем друзья. Мне этого достаточно. Больше мы не станем поднимать эту тему... если ты сама не захочешь.

Она встала и ушла в лес.

Он чувствовал себя отвергнутым, хотя не имел на это никакого права. Право? А что это такое?

В этот момент на его мысленном экране возникло детское лицо. То же самое, что уже являлось ему недавно. Теперь он узнал его — это был он сам в возрасте пяти лет. В первый раз это было лицо мальчика лет десяти, и Дункан не был уверен, что это он был таким когда-то. Теперь он распознал свои черты в этом детском лице. Лицо было очень печальным.

Он потряс головой, и образ исчез.

Что, черт возьми, могла значить эта галлюцинация, или как там это назвать?

Начало умопомешательства?

Он не знал и ничего не мог с этим поделать.

В четверг, за час до рассвета, аэромобиль шмыгнул из леса в воду восточной части залива. Погрузившись так, что пилот, казалось, сидел в воде по горло, лодка медленно двинулась к Башне Ла Бреа. Небо все еще было облачным, но через несколько часов после рассвета обещали прояснение. Ганковских аэромобилей Дункан не видел, но миновал несколько больших надводных судов, везущих в город товары с грузовых кораблей, стоящих на рейде за пределами залива. Доставочные суда шли в свои гавани у оснований башен, чтобы разгрузиться.

Подойдя к гавани их башни, Дункан замедлил ход. Гавань образовывали два волнореза, идущие от башни, а третий, выгнутый, частично огораживал вход. Мобиль проскользнул в тихую заводь, где стояло несколько дюжин парусных и моторных лодок и две большие яхты. Над ней нависал второй этаж башни. Дункан провел мобиль между двумя яхтами к плавучему причалу. За ним был вход в башню, сорокафутовой ширины арка, неярко освещенная.

Никого не было в этом месте, предназначенном для граждан высшего класса, которые могли иметь такие суда и платить за их стоянку.

Когда мобиль подошел к причалу, Сник вылезла. Дункан дал лодке устную команду и тоже вышел. Лодка с откинутыми колпаками ушла под воду. Опустившись футов на пятьдесят и достигнув дна, она остановится и выключит двигатель.

Дункан и Сник немного задержались на причале — оба были в форме органиков, словно два офицера, имеющих полное право здесь находиться.

За огромной аркой, ведущей в башню, помещался большой спортзал. Через это неприветливое помещение они вышли в длинный высокий коридор. Из него вели двери в большие

комнаты. В тех немногих, двери которых были открыты, помещался конференц-зал, большая каменаторская для посетителей или жертв несчастного случая, столовая, комната для игры в шахматы и гандбольный корт. Дойдя до служебных кабинетов, Дункан вошел в ближайший, но тут Сник, шедшая позади, сказала:

— Кто-то идет!

Он резко обернулся. Сник держала руку на пистолете, пока не вынимая его из кобуры. Послышался мужской голос, а вскоре и женский.

— Можно спрятаться здесь, — шепнул Дункан, — но вдруг они идут как раз сюда. Лучше выйдем, будто мы ганки и ищем беглецов.

— Может, они тоже ганки.

Он пожал плечами и вышел из двери в коридор. Женщина умолкла на полуслове, ахнула и приложила руку к груди. Мужчина тоже опешил.

— Как вы меня напугали! — сказала женщина. — Нельзя же так выскакивать на людей.

— Случилось что-то, офицеры? — спросил мужчина.

— Попрошу ваши удостоверения, — сказал Дункан.

— Эй, в чем дело? Мы идем на свою яхту. У нас сегодня выходной, вот мы и выбрались пораньше.

Дункан протянул правую руку, положив левую на пистолет.

— Мне необходимо взглянуть на ваши удостоверения.

— А вы знаете, кто мы? — покраснев, громко осведомился мужчина.

— Удостоверения, пожалуйста, — сказала Сник.

— Они не знают, — вмешалась женщина. — У них, должно быть, есть свои причины. Брось, Мэнни, не оказывай сопротивления властям.

Она сняла с шеи семиконечную звезду на цепочке и протянула ее Дункану. Мужчина, побагровев еще сильнее, несколько раз открыл и закрыл рот, но потом тоже снял свою звезду. Они, как и многие, носили нагрудные знаки с удостоверением в центре.

— Я тоже хочу посмотреть ваши удостоверения! — сказал мужчина. — Это мое право, как вам известно!

— Разумеется, — мирно сказал Дункан. — Когда мы проверим ваши.

Мужчина был примерно с него ростом, хотя и старше его, и здоров как бык. Женщина была на пару дюймов выше Сник. Оба носили длинную одежду свободного покроя, так что

небольшая разница в размерах не имела значения. В случае нужды они со Сник смогут переодеться в их платье.

Оставив Сник с этой парой, Дункан вернулся в кабинет, нашел прорезь в стене и активировал голосом экран над ней. Запросил распечатку и вложил в прорезь обе карточки поочередно. Мгновение спустя он с распечатками в руке вышел в коридор и сказал на ухо Сник:

— Кажется, нам повезло.

Альберт Парк Лэйр и Дженевра Томата Кингсли занимали высокие посты в ИЭД, Импортно-Экспортном департаменте, который занимался в основном ввозом и вывозом пищевых и промышленных товаров штата Лос-Анджелес. Лэйр был первым заместителем генерального директора, а Кингсли заведовала секцией текущей статистики.

Они были мужем и женой и проживали на 125-м этаже. Их единственному ребенку было двадцать сублет, и он учился в экономическом колледже Беркли штата Сан-Франциско.

— У вас имеется прислуга? — спросил Дункан.

— Да, — сказала Кингсли.

— Сейчас слуги в вашей квартире?

— Нет, — дрожащим голосом ответила она.

Дункан вернул им ожерелья с удостоверениями и вместе со Сник отвел их в шахматную комнату. Супруги держались рядом, начиная нервничать. Мнимые органики тихо переговаривались в другом углу.

— Это клуб «Фок-мачта», — сказал Дункан, — только для элиты, сдается мне.

— Я требую, чтобы вы объяснили свое вопиющее поведение, — гневно сказал Лэйр, — и показали ваши удостоверения.

— Сейчас мы поднимемся в вашу квартиру,— сказал Дункан. — Если нам встретится кто-нибудь, кого вы знаете, ведите себя нормально. Не пытайтесь никого предостеречь, иначе вы оба будете убиты.

Лэйр опять побагровел и открыл рот, но не смог выдавить ни звука. Похоже было, что он вот-вот задохнется. Кингсли стала еще бледней.

— Вы не ганки! — наконец выговорил Лэйр.

— Ни слова больше, — предупредил Дункан, — отвечайте только, если с вами будут здороваться.

— Вам это так не пройдет! — сказал Лэйр. — Я...

Дункан двинул его кулаком в живот. Лэйр скрючился, схватившись за место удара, и заклокотал. Выпрямившись, он беззвучно зарычал, но мирно пошел по коридору вместе со всеми. Он весь дрожал, и Кингсли тоже.

Они вошли в лифт, предназначенный для жителей 125-го этажа. Пока что все идет как надо, подумал Дункан. Остановок не будет до самого верха, если только лифт зачем-нибудь не остановят органики. Причина для такой остановки не приходила ему в голову, но ганки могли быть и наверху. И они там действительно были.

Он увидел их, как только вышел из кабины — Сник он велел остаться внутри с пленными, пока он не проверит коридор. Ганков было двое, мужчина и женщина, и они были в патрульной форме. Их кобуры были застегнуты на липучку, и они, похоже, никуда не торопились.

Дункан сказал в сторону лифта так, чтобы ганки, бывшие в сотне футов от него, не услышали:

— Впереди Твидлдам и Твидлди*. Обычный обход, по-моему. Выходите. Прожги этих двоих, если вздумают фокусничать. А я позабочусь о тех двоих.

— Ведите себя так, словно от вашего поведения зависит ваша жизнь, — сказала Сник Лэйру и Кингсли, — потому что так оно и есть.

Ганки замедлили шаг, увидев Дункана. Он обернулся к ним лицом, пока все остальные выходили из лифта, изобразил на лице улыбку и пошел вместе со Сник следом за пленниками. Лэйр и Кингсли с одеревенелыми шеями и спинами шагали, как роботы.

— Никаких подмигиваний, никаких гримас, ничего, что может привлечь внимание, — шепнул им Дункан.

Супруги были до крайности напуганы и близки к панике. Чего доброго, начнут звать на помощь, ухватятся за ганков или просто бросятся бежать. Маленькая процессия поравнялась с ганками, которые приветственно кивнули пленникам. Значит, Лэйр и Кингсли знают их в лицо? И то, что они не ответили на приветствие, удивит и даже насторожит ганков?

Дункан тоже кивнул, проходя мимо. В спине у него возникло такое ощущение, точно призрачная рука намалевала на ней мишень с яблочком в самой середине хребта.

Его так и тянуло оглянуться, но он удержался. В дверях всех квартир зияли дыры с черными краями на месте выжженных замков. На стенных экранах широкого, с высоким потолком коридора светились разные орнаменты, пейзажи, а порой сцены из исторических теледрам. Все это програм-

---

* Твидлдам и Твидлди — персонажи «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла.

мировалось жильцами сегодняшнего дня. Завтра картинки будут другие.

Дункан оглянулся только тогда, когда Лэйр и Кингсли остановились перед дверью своей квартиры. Ганки уже ушли. Однако потом они могут вспомнить, что видели на 125-м этаже парочку, очень походившую на двух архипреступников.

Лэйр просунул пальцы в дыру на месте замка и сдвинул дверь вбок.

— Вы сказали, что слуг сегодня не будет, — заметила Сник. — Для вас же лучше, если вы не солгали.

— Я не настолько глупа, — ответила Кингсли.

Сник вошла первой, доставая на ходу пистолет. Дункан сделал хозяевам знак пройти вперед, а сам осмотрел коридор и тоже вошел, закрыв за собой дверь. В коридоре никого не было.

Просторный холл квартиры был застелен толстым ковром с древним индейским орнаментом, что соответствовало вкусу четверговых жильцов, Лэйра и Кингсли. Но жильцы пятницы, если этот узор им не нравился, могли переделать его по своему вкусу. Для этого достаточно было перенастроить стенные экраны и дать им соответствующую команду.

Дункан оставался с хозяевами в холле, пока Сник обыскивала квартиру. Вскоре на стене холла вспыхнул квадрат с ее улыбающимся лицом.

— Входи. Все вроде бы в норме.

Они вошли в гостиную, очень большую по меркам среднего гражданина. Стены были серые, потому что экраны бездействовали. Лэйр и Кингсли, повинуясь приказу Дункана, сели рядом на диване. Сник вошла к ним из столовой.

— Можешь посмотреть сам, если хочешь — в общем, тут две спальни, большие персональные шкафы, две ванные, маленький спортзал, каменаторская, детская с двумя кроватками и колыбелью — в каменаторах находится пятеро детей, — комнаты для активных и настольных игр и громадная кухня. Не такой шик, как у Ананды, но они все-таки не всемирные советники.

— Вы ожидаете сегодня гостей? — обратился к хозяевам Дункан. — Назначены у вас какие-то встречи вне дома? Возможно, кто-то ждет от вас звонка? Или должен позвонить вам?

Оба отрицательно покачали головой.

— За покупками не собираетесь? Продукты вам доставить не должны?

— Нет, — сипло ответила Кингсли. — Сегодня последний день нашего трехдневного уик-энда. Можно мне попить воды?

Дункан кивнул, и Сник отвела женщину в ванную. Настала недолгая тишина, во время которой Лэйр безуспешно старался переглядеть Дункана и наконец спросил:

— Что происходит? Вы не настоящие ганки, это ясно.

Вместо ответа Дункан активировал голосом экран-полоску и запросил двадцать восьмой канал. На стене загорелись два трехфутовых квадрата. В левом диктор читал утренний четверговый выпуск местных и мировых новостей. В правом показывались изображения Дункана и Сник с информацией о них внизу, поверх которой шла более бледная белая надпись: НАГРАДА ЗА ИНФОРМАЦИЮ, КОТОРАЯ ПРИВЕДЕТ К ИХ АРЕСТУ, — 30 ТЫСЯЧ КРЕДИТОВ.

Лэйр вытаращил глаза и побледнел.

— Так вы?..

— Они самые, — кивнул Дункан.

Он хотел успокоить Лэйра и сказать, что им с женой не причинят вреда, если они не окажут сопротивления И уже открыл было рот, но не сказал ни слова. Детское лицо, его собственное лицо, снова возникло откуда-то со дна сознания, словно призрак из-под земли. Раньше оно было печальным. Теперь его искажало... что? Горе? Или ужас?

Образ померк.

— Что с тобой? — сказала Сник.

ГЛАВА 7

— Так, ничего. Просто мысль.... мелькнула и пропала. Может, еще вернется.

Почему он не сказал ей о своем видении?

Потому что не ведал, что оно означает, и она ничем не могла ему помочь. У нее только зародилось бы сомнение, способен ли он выстоять в их борьбе за выживание. Если этот детский образ — признак умственного расстройства (о Господи, только не это!), Сник будет беспокоиться не только о том, как уйти от погони, но и о нем. И это притупит лезвие острейшего кинжала, именуемого Сник.

Если галлюцинация — или что бы это ни было — участится настолько, что станет серьезной помехой в мышлении и поведении, тогда он расскажет Сник, в чем дело. А до тех пор лучше избавить ее от лишней проблемы.

— Вы двое, — обратился он к хозяевам, — идемте со мной в каменаторскую. Но сначала отдайте удостоверения

Они встали с дивана.

— Что вы собираетесь с нами сделать? — спросила Кингсли, а Лэйр заявил: — Вы за это ответите! Мы не какая-то мелкая сошка, учтите!

— Учел, — сказал Дункан. — Давайте карточки.

Бледные и дрожащие, они подчинились приказу. Сник шла впереди, Дункан замыкал процессию. Они вошли в помещение, где стояло четырнадцать вертикальных серых цилиндров и три ящика, похожих на гробы. Все эти емкости имели дверцы с большими круглыми окошками. Из двенадцати смотрели на противоположную стену окаменелые лица, а трое малых детей смотрели из своих ящиков в потолок. Сник открыла дверцы пустых цилиндров и знаком велела Кингсли и Лэйру войти в них.

Лицо женщины выразило облегчение — она поняла, что ее не убьют. Мужчина крикнул из своего цилиндра, прежде чем Сник закрыла дверцу:

— Гнусные подонки! Я буду присутствовать, когда вас каменируют навеки, и я...

Сник повернула диски у основания цилиндров, и двое моментально превратились в статуи — молекулярное движение в их организмах приостановилось, и тела отвердели и остыли. Глаза и лица приобрели мертвое выражение. Но когда энергия вновь поступит в цилиндры, эти люди оживут, станут теплыми, и их глаза увидят свет, а не тьму.

Дункан вернулся в гостиную и взял с дивана карточки-удостоверения. Сник открыла персональный шкаф каменированной пары и стала рыться в нем, а Дункан пошел на кухню, задняя стенка которой примыкала к кухонной стене другой квартиры. Поставив свой пистолет на ПЛАМЯ, БР (близкое расстояние), он начал прожигать стену на глубину четырех дюймов. Когда к нему пришла Сник, привлеченная смрадом горелого пластика, он уже прорезал очертания запасного выхода. Теперь достаточно было прожечь дерево и пластик еще на дюйм, чтобы выбить этот прямоугольник и оказаться на кухне соседней квартиры.

Сник не стала спрашивать, зачем он это делает. И так понятно — если ганки атакуют их со стороны передней двери, они уйдут через заднюю.

— Возможно, я попусту трачу энергию, — сказал он. — Но у каждого кролика в норе есть запасной выход.

— У братца Кролика был и не один.

— Мы больше не братцы Кролики. Мы братцы Волки.

Дункан вызвал на стенной экран справочный канал № 231. Для начала он запросил, где хранятся в Башне Ла Бреа жестянки с краской. Но подобная информация, очевидно, не

предназначалась для широкой публики. На экране без всяких объяснений появилась надпись: В ЗАПРОСЕ ОТКАЗАНО.

Дункан тихо выругался, постоял, нахмурившись, несколько мгновений, потом сунул в прорезь карточку Лэйра и повторил запрос. Теперь он получил ответ. Лэйр, как сотрудник Импортно-Экспортного департамента, имел право на доступ к этой информации.

Краска хранилась на шестых этажах каждого сектора.

Дункан запросил, имеется ли в наличии F-аэрозоль, служащий для нанесения металлического покрытия на металл или пластик. Да, в данный момент на складах имелось двенадцать тысяч баллонов, и четверть из них — с черной краской. Мгновение спустя поступила распечатка с планами складов и устройством их систем безопасности.

— Зачем тебе? — спросила Сник, которая уже села завтракать.

— Чуть ли не на каждом углу каждой улицы в каждом городе мира стоит столб с телемонитором.

— Еще что новенького скажешь?

— Побрызгай эти экраны F-аэрозолем, и они ослепнут. Больше того, эту краску нельзя ни соскоблить, ни смыть. Значит, каждый испорченный экран придется заменять.

— А кто же будет поливать их краской? Это что, еще один способ нацепить колокольчик на кота?

— Пример подам я.

— И тебя тут же арестуют.

— Мне осточертело все время бегать и драться только тогда, когда это нужно для самозащиты! — вспыхнул он.

— Остынь. Если ты выйдешь на улицу и польешь один монитор, ну пусть дюжину, ганкам это большого ущерба не нанесет.

— Это будет камень, брошенный в воду. От него пойдут круги, и мне начнут подражать. Станут швырять все больше камней, круги от них пересекутся и вызовут бурю.

Сник поставила на стол два подноса с едой, сказав:

— Сядь и поешь. А то горючее кончится.

— Сейчас, минутку. — Он взмахнул руками, как орел крыльями перед взлетом. — Правительство старается насколько возможно изолировать один день от другого. Но существуют вполне законные пути сообщения между днями, без которых нельзя обойтись. Такую связь держат в основном департаменты и промышленные предприятия, но в некоторых случаях общаются и частные лица. Все, например, могут оставить сообщение для прошедшего или следующего дня.

Обычно это делается, когда какой-то из дней оставляет квартиру недостаточно чистой и опрятной.

Не меньше половины жителей Земли уже получило распечатки нашей телепередачи. И вторая половина не замедлит о них узнать. Кроме того, могу поспорить, что иммеры и их дочерние организации — не единственные в мире. Другие подпольные группы тоже получат наши сообщения и захотят действовать. И если мы, скажем, подадим пример саботажа, залепив краской мониторы, они сделают то же самое. А множество недовольных последует за ними или найдет иные способы выразить свое недовольство правительством и насильственным разделением дней. Особенно если правительство будет продолжать твердить, что ФЗС не существует. — Он сердито посмотрел на Сник, сжимая и разжимая кулаки.

— Что ты мне лекцию читаешь? Я уже ухватила твою мысль.

— Извини, что я так завелся. Одни, без помощи, мы многого не добьемся — тут нужна организация, запустившая свои щупальца в правительственные круги.

— Послушать тебя, это спрут какой-то, — засмеялась она.

— Правительство — вот кто настоящий спрут. Нам нужен свой, чтобы сразиться с правительственным. Есть, к примеру, СК...

— Люди которого попытались убить нас, когда мы стали для них опасны.

— Да, но дед ведь сознался, что во главе стоял он. Теперь он умер. Значит, СК или разбежится в испуге, или власть возьмет кто-то другой. Этот другой поймет, что ситуация изменилась, и может захотеть восстановить с нами связь.

— Вряд ли.

— Но вероятность все же есть. Это единственная организация, о которой мы знаем. Поэтому...

— Что поэтому?

— Ими, мне кажется, нам и следует заняться.

Сник слушала его, не прерывая, потом пожала плечами:

— А что нам еще остается? По крайней мере, в текущий момент.

Четверг прошел без происшествий, хотя Дункан и Сник чувствовали себя не совсем спокойно. Несмотря на заверения Лэйра и Кингсли, им могли позвонить друзья или кто-то из сослуживцев. В промежутках между физзарядкой, сном и едой беглецы смотрели новости. В основном их интересовало, как продвигается их розыск. Ничего нового они не услышали, хотя дикторы и официальные органические сводки старались уверить, что дело движется.

Вскоре после полуночи беглецы тепло встретили жильцов пятницы, вышедших из своих цилиндров. Протесты ожившей пары не нашли у них сочувствия. Дункан допросил их с помощью баллона с ТП, взятого в Университетской Башне. Оказалось, у них сегодня выходной, и они, как и четверговая пара, собираются выйти на лодке в залив. Позже они планировали пойти с друзьями на театральный спектакль с живыми актерами на 123-м этаже.

Дункан заставил их позвонить и отменить встречу. После этого их загнали обратно в цилиндры и горгонизировали.

За ужином Дункан сказал:

— Сдается мне, Тея, что мы не сможем долго оставаться в этой квартире. Что, если у завтрашних жильцов не выходной, а рабочий день? У них есть ребенок, и у жильцов последующих дней тоже есть дети. Вдруг они ходят в школу? Заявления родителей о том, что дети заболели, будет недостаточно. Школа сразу пришлет врача, чтобы удостовериться.

— Я тоже об этом думала, — сказала она. — А почему бы нам не перебраться в квартиру Ананды?

С минуту он пялил на нее глаза, потом усмехнулся:

— Вот уж, что называется, смелая мысль! Это последнее место на свете, где нас будут искать!

Оставив недоеденную тарелку, он вызвал на экран план 125-го этажа. Квартира Ананды по-прежнему значилась незанятой. Она помещалась у запасной лестничной клетки, выходящей в будку на крыше, за которой они со Сник совсем недавно прятались. От них до того места надо было пройти почти полмили по коридорам. На пути их ждали мониторы, а возможно, и ганки.

Они предполагали, что каждый монитор в Лос-Анджелесе — а возможно, и на всем Западном побережье — настроен на их автоматическое опознание. Ганки, конечно, тоже изучили их изображения, а прочие граждане скоро увидят их в новостях. Дункан и Сник к этому времени уже открыли свои персональные шкафы, пользуясь удостоверениями жильцов, которые сняли с шеи у всех каменированных и раскаменили в кухонном устройстве для размораживания продуктов. Из париков, которые теперь были в моде как у мужчин, так и у женщин, они выбрали два. Поверх формы они надели длинные платья, а на голову — широкополые шляпы. Потом поупражнялись в хождении измененной походкой. Сник чуть подгибала колени и старалась не размахивать руками, а вдобавок немного горбилась. Дункан шагал на негнущихся ногах, держа локти поближе к телу.

Понаблюдав друг за другом в гостиной и в холле, они ввели кое-какие поправки — например, уменьшили ширину шага. Дункан чуть задрал подбородок, а Сник склонила голову влево. Еще она накрасила губы, чтобы сделать рот побольше, и оба запихнули ватные тампоны под верхнюю губу.

ГЛАВА 8

В четыре тридцать вечера, неся наплечные сумки, где лежали ганковские шлемы и другие вещи, они вышли из квартиры. В коридоре было много людей, возвращающихся с работы. Дункан так и замер, увидев четырех ганков в той стороне, куда шли они со Сник. Но те прошли мимо, спеша, как видно, по серьезному и неотложному делу.

Через пятнадцать минут Дункан и Сник добрались до квартиры Ананды. Дыра от замка была закрыта пленкой с напыленным на нее быстросохнущим цементом. Дверь крест-накрест перечеркивали две приклеенные концами к стене широкие зеленые ленты, на которых белыми буквами было написано: ОРГАНИЧ. ДЕП-Т.

Для законопослушных граждан этого было достаточно. Им не нужно было разъяснять, что вход сюда воспрещен.

Взглянув на печати, Дункан и Сник прошли мимо. Монитор в дальнем конце коридора отметит, как они открывают дверь на лестницу. Это не страшно, если только монитор не получил команды передать сигнал тревоги на ганковский пост, когда кто-то воспользуется этим выходом. Лестницей почти никто не пользуется, и дежурный ганк, увидев, как это делают они, может заинтересоваться. Но Дункан не видел резона, по которому монитор стал бы оповещать компьютер о гражданах, открывающих эту дверь.

Они поднялись по широченной лестнице в будку на крыше. Здесь мониторов не было, и они спокойно сняли с себя верхнюю одежду и парики, потом надели шлемы и уложили снятые вещи в сумки. Над крышей дул средней силы ветер, и высоко в небе летели на восток легкие облака. Вокруг никого не было, и Дункан со Сник прошли к люку над ангаром Ананды. Он, как и входная дверь, был опечатан зелеными перекрещивающимися лентами с надписью ОРГАНИЧ. ДЕП-Т.

Чтобы открыть люк, надо было перерезать ленты. Сник прожгла замок узким лучом своего пистолета. Дункан встал на колени и просунул тонкий ножик в щель между крышей и краем люка. Крышка была сделана из тонкого и легкого, но прочного пластика. Дункан отжал ее настолько, чтобы просунуть в отверстие пальцы. Сник помогла ему, и крышка отъехала

вбок. Они открыли ее ровно настолько, чтобы пролезть. Сник повисла на руках, держась за край, и спрыгнула на пол.

Все это зарегистрируют спутники-мониторы. Ну и пусть — лишь бы они не были запрограммированы включать тревогу, заметив что-либо подозрительное в этом районе. Такое было вполне возможно, но приходилось идти на риск.

Сник приставила к люку лестницу. Спустившись по ней, Дункан воткнул нож снизу в крышку люка и потянул. Крышка закрылась. Он присоединился к Сник, и они с пистолетами в руках обшарили каждую комнату. Там осталось множество следов боя, который шел у Ананды в вечер их побега. В том числе пятна засохшей крови и меловые контуры трупов, оставленные за собой Дунканом и Сник.

В этих апартаментах было все, что требовалось для жизни. Но беглецов могли застать врасплох органики, вернувшиеся за чем-нибудь в квартиру, поэтому все время приходилось быть начеку. Пока Сник спала, Дункан стоял на страже, и наоборот. Но они не позволяли тревоге взять над собой верх. Они хорошо ели, усердно занимались физзарядкой в отменно оборудованном зале, много разговаривали, хотя говорил больше Дункан, смотрели новости, образовательные и развлекательные передачи. Оба знали, что до среды им придется покинуть квартиру. В среду выйдут из каменаторов Лэйр и Кингсли с историей, которая наэлектризует ганков. Зная, что архипреступники находятся (или находились) в башне, органики начнут усиленно искать их.

В новостях не упоминалось, был ли найден аэромобиль, который Дункан отправил на дно гавани. Но это еще ничего не означало. У органиков были все основания не оповещать об этом публику. Они могли устроить в гавани засаду на случай, если преступники захотят вернуться к своей машине.

Во вторник Дункан включил в кабинете Ананды все каналы, передающие новости. Дикторы каждого дня посвящали много времени Дункану и Сник, поскольку каждый день приходилось заново рассказывать обо всем, что они совершили. Как Дункан и ожидал, кроме рассказов об их деяниях передавались и интервью с официальными лицами. Последние заявляли, что все сообщения Дункана — ложь. То, что население мира — два миллиарда, а не десять, как сосчитало правительство, это просто абсурд, который легко можно опровергнуть.

— Теми же методами, которыми они пользуются при переписи, — сказал Дункан Сник. — Банки данных контролируются правительством. Любая информация подвергается обработке.

Комментаторы обсуждали вероятность того, что формула, представленная Дунканом, действительно продлевает жизнь в семь раз. Чтобы доказать всем, что формула неверна, правительственные биологи собирались опробовать «эликсир» на фруктовых мушках. У них достаточно короткая жизнь, чтобы научно продемонстрировать эффект ФЗС или отсутствие такового.

— Продление жизни, — сказал Дункан. — Возможность прожить в семь раз дольше — это нечто такое, за что люди будут сражаться. Если они опубликуют фальшивый отчет, нам придется поднять вокруг него шумиху. Это так просто не кончится, пока правительство не докажет неопровержимо, что ФЗС никуда не годится. А этого оно сделать не в состоянии.

Через каждые пять минут на экранах появлялись трехмерные изображения Дункана и Сник и передавались их биографические данные.

— Вооружены и опасны, — говорил очередной диктор. — Убийцы-психопаты, порвавшие все связи с обществом. Разыскиваются по обвинению в дневальничестве, антиправительственной деятельности, нанесении телесных повреждений, проживании по фальшивым документам, в сопротивлении аресту, уничтожении государственной собственности, в убийстве, покушении на убийство и во многих других преступлениях.

ВНИМАНИЕ! Нам только что сообщили, что премия за информацию о местонахождении преступников увеличена до сорока тысяч кредитов. Но граждане, заметившие их, ни под каким видом не должны пытаться задержать их. Просто немедленно сообщите об их местопребывании в Органический департамент. Повторяю, не пытайтесь задержать преступников. Правительство не желает увеличивать число невинных жертв.

— Невинных жертв! — воскликнула Сник.

Мало что могло вывести ее из равновесия, кроме несправедливых обвинений в ее адрес — тут бурлящие в ней потоки раскаленной лавы сразу изливались наружу. Дункан не упрекал ее за это. Прежде она была образцовым органиком. Она всей душой верила в свою роль блюстителя закона и строго придерживалась этики, усвоенной из служебного устава и учебных кассет. За ее карьеру ей трижды предлагали взятку, и она всякий раз отказывалась без малейших колебаний и сожалений.

— Поубивала бы этих ублюдков! — кричала она. — Сожгла бы их всех!

— Может, тебе еще представится случай, — успокоил Дункан. — А пока что... — И он кивнул на экраны с новостями.

Столь пристальное его внимание к передачам объяснялось надеждой — эфемерной, как перистое облачко. Ни он, ни Сник сами не знали, что хотят высмотреть. Но когда они увидят это, то узнают. Может быть.

Дункан вдруг подскочил с просиявшим лицом, тыча пальцами в экран восьмого канала.

— Вот! Вот оно, ей-Богу!

— Что там? — вскочила вслед за ним Сник.

— Не что, а кто!

Все каналы время от времени показывали интервью, взятые у прохожих на улице. Частенько от репортеров отделывались словами «мне нечего сказать», но были и такие граждане, которые жаждали высказать свое мнение pro et contra*. Сейчас на экране крупным планом предстала одна из опрашиваемых. Внизу оранжевой строкой горело ее имя и личный номер.

Донна Ли Клойд была красивой женщиной среднего роста, темнокожая, но со светлыми волосами и голубыми глазами, скорей всего депигментированными. Она была не в том платье, в котором Дункан видел ее в последний раз, но канареечно-желтые туфли на высоком каблуке были те самые.

— Ее лицо! Знак на лбу! — сказал Дункан.

Сник нахмурилась и тут же улыбнулась:

— Женщина, которая вручила нам записку вскоре после нашего появления в Лос-Анджелесе. Связная из СК.

На лбу у Донны Ли Клойд была татуировка — маленькая черная свастика, повернутая вправо, символ секты истинного Гаутамы.

— Я не верю ни слову из этих возмутительных лживых сообщений, — с полной серьезностью говорила Донна. — Я надеюсь, что ганки, то есть органики, поймают этих злобных психопатов и отдадут их в руки правосудия.

— Благодарю вас, гражданка, — сказал репортер.

Клойд исчезла с экрана, и ее сменил какой-то мужчина. Дункан дал телевизору команду перемотать запись назад и задержать кадр с Донной. Потом переписал ее номер в блокнот, лежавший на кофейном столике рядом с диваном. Запросил башенный справочник и записал ее адрес.

— Здорово притворяется, — сказала Сник. — Каждый подумает, что она обожает правительство, а нас на дух не переносит.

---

* «За» и «против» *(лат.)*.

— А ты бы не притворялась на ее месте?

Всего несколько недель назад, когда Дункан, падре Кабтаб и Сник вышли с эмиграционного пункта, собираясь направиться в Башню Ла Бреа, эта женщина подошла к ним, как будто хотела что-то сказать — но вместо этого сунула в руку Дункану записку и быстро удалилась. В записке некто назначал им встречу в девять вечера в «Храпуне». Это была таверна рядом с их квартирой на двадцатом этаже, на краю западного сектора башни. Назначивший встречу должен был сам узнать их и заговорить с ними.

Клойд была курьером подпольной группы, тогда называвшейся СК. Она же вручила новоприбывшим их удостоверения и позаботилась об их жилье. С тех пор они ее не видели — до настоящего момента.

Она жила на двенадцатом этаже, по адресу Трипитака-стрит, № 364, и работала часть дня в качестве комплектовщицы данных — она была независимым специалистом с разрешением работать в любой структуре, кроме правительственных. В ее анкете стояло ГП 0,5 — это значило, что половину ее доходов составляет государственное пособие.

— Живет в сорковском секторе, — сказала Сник.

— В Калифорнии говорят не «сорки», а «блони», от слова «абалоне». Это такой морской моллюск.

— Сорки, тьфу, — с отвращением проговорила она.

— Брось, это просто люди, которые не хотят работать полный день, чтобы иметь побольше свободного времени.

— Паразиты. А если все захотят работать время от времени или совсем ничего не делать?

— Ну, пока что так поступает лишь малая часть населения. Все это ерунда и не имеет отношения к нашим задачам.

Сразу за Донной в справочнике значился некий Барри Гарднер Клойд, и Дункан проверил его. Барри был мужем Донны и жил с ней в одной квартире. Работал он, тоже часть дня, официантом в престижном ресторане, посещаемом высокопоставленными государственными чиновниками и инженерами. Хотя он, как и Донна, числился верующим, его допустили к работе, поскольку ресторан был частным заведением.

— Хороший источник информации для подпольщика, — заметил Дункан. — Еда и выпивка хорошо развязывают засекреченные языки.

— Сомневаюсь, что они как-то используют эту информацию. — Сник питала презрение к организации, в которой они с Дунканом состояли недолгое время. Дункан не упрекал ее за это — ведь подпольщики пытались убить их, посчитав

их опасными для себя. Но он полагал, что если они проникнут в организацию поглубже, поближе к ее лидеру, то смогут извлечь из нее пользу. Эту группу, называвшую себя, в числе других имен, СК и «Нимфа», организовал Иммерман-Ананда. Но теперь он мертв. Значит, во главе стал кто-то другой. Если только СК не расформировался со смертью своего лидера. Однако Иммерман осуществлял лишь общее руководство, так что местный шеф, возможно, по-прежнему заправляет группой.

Был только один способ это выяснить.

С помощью планов 125-го и 12-го этажей на экране Дункан объяснил Сник, что собирается сделать.

— Частный лифт, на котором мы поднимались с Лэйром и Кингсли, будет слева от нас, если выйти из квартиры. Но направо находится станция общественных лифтов. В одном из них мы и спустимся на двенадцатый этаж, выйдя рядом с Блю-Мун-плаза. Пройдем четыре квартала по аллее Эйт-Вэйз и свернем на Трипитака-стрит. Нам придется пройти мимо четырех уличных мониторов.

— И мимо кучи ганков, которые нас ищут.

— Ищут, но так, для порядка. Они думают, что мы все еще в лесу.

Сник пожала плечами:

— Чтобы узнать, отравлено яблоко или нет, его надо съесть. Или дать его съесть кому-то еще, а у нас никого под рукой нет.

Их наплечные сумки были уже упакованы. Дункан начал деактивировать экраны и вдруг сказал:

— Погоди-ка! Вот это я хочу посмотреть.

— Двадцать восьмой канал?

— Да.

Передача была посвящена смерти Ананды.

ГЛАВА 9

Криминолог, профессор из Университетской Башни, как показывали субтитры, говорил:

— Мне непонятно, в числе прочих вещей, вот что: как предполагаемые преступники могли проникнуть в квартиру всемирного советника? Из кратких репортажей, виденных мной, ясно, что взлома не было — дверь взломали только органики, явившиеся по вызову человека, назвавшего себя Кэрдом. И как могли трое человек, пусть вооруженные до зубов, перебить всю вооруженную охрану? Кроме того, как могли преступники знать, что советник находится в квартире? Судя по выпускам новостей и по тому, что сказали мне

органики, имя советника не значилось в городском справочнике. Никто не знал, что у него здесь есть квартира. Кроме того...

— Простите, профессор Шинн, — сказал ведущий, — но вы задали сразу несколько вопросов. Майор Гафиз, не ответите ли вы нам на первый вопрос? Относительно того, как преступники проникли в квартиру советника?

— В данный момент я не могу дать ответа. Но я уверен, что...

Профессор Шинн: И как удалось преступникам, точнее, *подозреваемым*, выйти в эфир со своими сообщениями помимо всех электронных систем безопасности?

Ведущий: Пожалуйста, профессор, не прерывайте майора.

— Хорошо, что некоторые люди неспособны проглотить, не жуя, все, что подносят им власти, — сказал Дункан. — Побольше бы таких, как этот Шинн.

Пока что правительство не препятствовало гражданам свободно высказываться на их со Сник счет. Так что если оно теперь введет цензуру из-за того, что слишком многие начнут задавать такие же вопросы, как Шинн, это вызовет бурю протеста. Более того, возмущенных граждан заинтересует, по какой причине правительство лишает их конституционных прав.

Правительство здорово вляпалось, но Дункан не испытывал жалости к властям.

Одетые в форму, он и Сник вышли из квартиры тем же путем, которым пришли, и закрыли за собой люк. Солнце светило ярко; спутники будут записывать каждое их движение, пока они не скроются в лестничной будке. После этого их начнут снимать мониторы на лестнице, в коридорах и на улицах. Это еще ничего не значит, если органики не выделили людей специально для того, чтобы просматривать записи мониторов всего Западного побережья. Дункану такое решение казалось сомнительным. У органиков для этого недостаточно персонала — а те, кто есть, будут просматривать снимки пустыни и лесов, сделанные на очень большой площади.

Когда ганки узнают, что он и Сник какое-то время находились в башне, они, возможно, и прокрутят все записи, сделанные здесь. Но тогда уж будет поздно.

Оказавшись в лестничной будке, беглецы надели на себя парики, шляпы и длинные платья. Уже не те, которые на них были в четверг. В квартире Ананды имелся богатый выбор костюмов и париков — и в гардеробе советника, и в шкафах его мужской и женской прислуги. Так что двое, одетые

совершенно иначе, спустились по лестнице на десятый этаж, где влились в поток дневного движения.

Все этажи башни, кроме верхнего и нижнего, были устроены одинаково в пределах своего диаметра, равного одной миле. Если смотреть сверху, каждый из этих ста двадцати трех этажей напоминал мишень для стрельбы из лука. Яблочком служила большая центральная площадь, или плаза. От нее кругами шли аллеи. Их пересекали четыре прямых проспекта, которые начинались у периметра и сходились на центральной площади. И на круглых, и на прямых магистралях то и дело встречались площади поменьше с магазинами, спортзалами, конькобежными катками, кегельбанами, «живыми» театрами, тавернами и ратушами.

Дункан и Сник вышли с лестничной клетки на перекресток Эйт-Вэйз, проспекта, идущего от периметра, с Блю-Мун-стрит, которая шла поперек башни с запада на восток. Они пошли по тротуару в толпе других пешеходов. По мостовой ехали велосипеды, велоколяски, редкие электрокары. Проехала патрульная машина — двое ганков в ней разглядывали прохожих сквозь темные восьмиугольные очки. Дункан и Сник шли медленно, стараясь спрятаться за других — но так, чтобы это не бросалось в глаза. Они держались поближе к дверям квартир, приспосабливая свой шаг к тем, кто шел с внешней стороны тротуара.

Патруль проехал, так и не заметив, что двое беглецов были совсем рядом.

Голубой, как небо, потолок десятого этажа покрывали медленно плывущие белые облака. Над ними совершало свой путь искусственное солнце, в точности повторяя путь настоящего солнца снаружи. На всех этажах, кроме нижнего и верхнего, светило днем солнце, а ночью луна (если снаружи тоже была лунная ночь). Благодаря оптической иллюзии, солнце всегда находилось в нужной точке «небосвода», где бы вы ни стояли: в восточном конце улицы, в западном конце или на центральной площади. Температура воздуха всегда была 75° по Фаренгейту, а скорость воздушного потока — три мили в час.

Дункан ловил обрывки бесед обгонявших его прохожих:

— ...говорят, Ананда был вроде Гарун-аль-Рашида, он ходил по Лос-Анджелесу, будто обычный человек... ходил и слушал, о чем говорят средние обыватели... кто такой Гарун-аль-Рашид, черт подери?

— Ты что ж, не видел «Тысячу и одну ночь»? Ни одной серии? Что ж ты делал всю жизнь?

— ...а на некоторые вопросы ганки не отвечают. Увертываются.

— ...если они и правда скрывают от нас этот ФЗС, придется им за это рассчитаться...

— ...столько личностей — это чересчур. Что ж с него взять, раз у него крыша поехала?

— ...да врет он все. Всего два миллиарда? Чего он нам лапшу на уши вешает?

— ...поневоле восхищаешься. Где это слыхано, чтобы кто-то так долго скрывался и показывал кукиш всему начальству?

— В семь раз дольше? Если это правда, а это точно правда, тогда надо проверить это в лаборатории, чтобы эти засранцы из правительства нас не надули.

— ...да подонки они, падаль последняя. Засадить бы этих убийц на всю жизнь без телевизора, без всего...

Дункан и Сник шли все так же не спеша, словно обычные гуляющие горожане, пока не оказались на большой площади. Там они зашли в большой универмаг и завернули в общественный туалет, где было всего несколько мужчин и женщин. В кабинках они сняли с себя шляпы, парики, платья и надели другие. Положив снятое в сумки, они вышли наружу. В нескольких кварталах оттуда помещалась станция общественных лифтов. Дункан нажал кнопку двенадцатого этажа, и тут же открылись дверцы лифта, в котором они были единственными пассажирами. Жители одного этажа редко ездили на другой.

На двенадцатом этаже они дошли до другого универмага и повторили то, что проделали на десятом этаже. Несколько минут спустя они добрались до пересечения улиц Девяти Мудрецов и Викенфорд и повернули направо.

На каждом углу торчали на столбах мониторы десятифутовой высоты, состоящие из двух тонких серых экранов под прямым углом друг к другу. Следовало полагать, что они пока не сличили снимки Дункана и Сник с изображениями в компьютерах органических сил. Если бы это произошло, беглецов уже окружили бы ганки.

Хотя возможно и то, думал Дункан, что органики получили приказ следить за нами некоторое время в надежде захватить и других подпольщиков.

Нет, вряд ли. Им не терпелось бы сцапать Дункана и Сник поскорей и уволочь их в участок. Или куда там приказано доставить арестованных. Эти двое точно ртуть — всякий раз проскальзывают сквозь пальцы, которые, казалось бы, крепко зажали их.

Еще четыре угла с четырьмя двойными мониторами. Двое шли вдоль плавного изгиба улицы, приближаясь к своей цели. Это был жилой район, и обычно на тротуарах бывало немного народу. Но теперь многие высыпали на улицу и оживленно переговаривались с соседями, бурно жестикулируя; кое-кто размахивал листовками. Дункану не хотелось бы, чтобы соседи видели, как они со Сник входят в квартиру Клойдов. Но им ничего не оставалось, как только продолжать путь, делая вид, что они тут по делу.

Фасад квартиры Клойдов, как и почти всех квартир, представлял собой большую живую картину. Дункан постоял немного, изучая ее. То, что проецировали жильцы на внешних экранах своих домов, отражало их психику. Здесь быстро мелькающие, разноцветные изображения и абстрактные формы имели как будто религиозное содержание. На заднем плане сверкала молния и чернела грозовая туча, из-за которой виднелся краешек солнечного диска. Туча все росла и заполняла собой всю стену, надвигаясь на зрителя; внутри ее клубились смутные образы. Разряды молний стали такими частыми и яркими, что эти образы то вспыхивали, то опять уходили во мрак.

Один был Будда, традиционный сидящий монголоидный Будда, который, паря в воздухе, превращался в юного и красивого индийского принца Сиддхартху. Принц сливался с бледнокожим крылатым ангелом, потом его тело удлинялось и крылья начинали метать молнии. Изо рта ангела выскакивала темнокожая женщина, по виду индианка, из ее рта вылетал мужчина, похожий на Христа, а из его обрамленного бородой рта — араб (Мухаммед?), который выпускал изо рта древнеамериканского индейца — Гайавату? — который изрыгал из себя койота, который выплевывал полукойота, получеловека — Старого Койота-оборотня индейских мифов? — который выкашливал огромного белого кролика — Овассо племени оджибуэев? — из которого вылезал гигантский черный паук — хитроумный Нанди африканских негров?

Метаморфозы все продолжались, пока не возник младенец, запеленутый в пламя. Тогда цикл начался заново, с Будды.

Сник схватила Дункана за руку:

— О Господи! Да ведь у Будды твое лицо!

Будда определенно походил на Дункана, но исчез слишком быстро, чтобы тот успел рассмотреть.

— Должно быть, они запрограммировали это только сегодня, — сказала Сник. — Значит, они за тебя, они восхищаются тобой.

— Глупо, — заметил он. — Любой ганк, проходящий мимо, может обратить внимание на сходство.

— Нет, Будда пропадает слишком быстро, чтобы это увидеть, если только не смотреть пристально.

Дункан нажал на кнопку звонка. Из монитора на двери послышался мужской голос:

— Кто там?

Те, кто внутри, видели его и Сник. Дункан поднял голову и сказал:

— Мне нужно вас видеть... это гражданин Клойд?

— Мы сейчас заняты и никого не можем принять. Вы кто?

Дункан открыл было рот, чтобы сказать, что пришел по неотложному делу, но тут женский голос крикнул:

— Барри, это же он! И женщина тоже та самая!

— Кто? — спросил мужчина. — И через несколько секунд: — Боже! Ты права. Но что...

Голос другой женщины, громкий и дрожащий, сказал:

— Нет! Не впускай их! Пусть уходят, пока...

Тут они отключили звук.

ГЛАВА 10

Дверь быстро скользнула вбок. Дункан прошел в гостиную, Сник за ним. Клойды стояли около дивана и таращили на них глаза. По коридору неслась женщина с длинными черными волосами. Она метнулась в дверь направо, где, как знал Дункан, помещалась каменаторская.

Дункан кинулся в коридор мимо Клойдов. Но он напрасно опасался, что женщина вызовет по стенному экрану органиков. Она уже шла ему навстречу с кривой улыбкой.

— Я запаниковала. Не хотела, чтобы вы знали, что я здесь. Я...

— Вы из СК? — спросил Дункан.

Она чуть пошире раскрыла глаза.

— Да, хотя вообще-то мы потом стали называться «Нимфа», а потом как-то еще. А откуда вы знаете?

— Догадался. Эта проклятая звеньевая система... каждый связан только с кем-то одним, никто не знает больше одного члена организации.

Он пропустил женщину вперед. Вернувшись в гостиную, он увидел, что Клойды сидят на диване, а Сник стоит у двери. Руку она держала за пазухой, приготовясь выхватить пистолет. Взяв сумку незнакомки, которую та впопыхах бросила, Дункан вывалил содержимое на кофейный столик.

— Что вы... — начала женщина и умолкла.

Все вещи, за исключением одной, ничем не отличались от тех, которые можно найти в любой женской сумке. Исключением был баллончик с ТП. По закону его не мог держать у себя никто, кроме сотрудников Органического департамента, да и те подчинялись строгим ограничениям.

— Собирались испробовать это на Клойдах? — спросил Дункан.

Женщина кивнула:

— Это мера безопасности, к которой мы прибегаем всякий раз, когда чувствуем необходимость. А в нынешней ситуации... — Она махнула рукой, показывая, какая кругом царит неразбериха.

— Ваше имя и личный номер?

— О нет, этого я вам не скажу! Это слишком опасно!

Дункан обратился к Клойдам:

— Каким именем она пользуется, обращаясь к вам? Она — ваш единственный контакт?

Донна Клойд ответила, не дав мужу и рта раскрыть:

— Ее псевдоним Фокс. Да, напрямую мы связаны только с ней.

Она колебалась, и Дункан помахал баллончиком.

— С таким же успехом можете сказать всю правду.

— Ладно, — пожала плечами Донна, — все равно вы из нас это вытянете. Хотя напрасно вы так на нас напираете. Мы на вашей стороне. Все жильцы этой квартиры, кроме пятницы, состоят в СК. Мы оставляет сообщения друг для друга, когда нам приказывают.

— Фокс, дайте ей ваше удостоверение, — кивнув на Сник, сказал Дункан.

— Из-за вас у меня будут большие неприятности! — заныла женщина.

— Дайте.

Бледная и дрожащая, та с большой неохотой сняла с шеи цепочку из поддельного золота. Сник отсоединила от ожерелья продолговатую голубую карточку и вложила ее в прорезь в стене. В верхней части экрана появилось имя, Харпер Шеппард Джаккуд, и личный номер. Внизу медленно вращалось изображение: в фас, вполоборота, в профиль и в затылок. Потом фотография, продолжая вращаться, уменьшилась, и половину экрана заполнили биографические данные.

Она жила на четырнадцатом этаже и работала полный день, шесть часов, лаборанткой в биохимическом институте — частном, но частично субсидируемом правительством. Была незамужней и не имела детей. Десять субнедель назад у нее был сожитель, Джонсон Чу Голдштейн, аэромеханик.

— Голдштейн — тоже член СК? — спросил Дункан.

— Я предложила его в качестве кандидата, — ответила Джаккуд. — Но мне сказали, что он слишком много пьет и слишком болтлив. Не думаю, что это настоящая причина отказа. Не так уж он и пьет.

— Возможно, он уже состоит в СК, — сказала Сник, — только руководство не хочет, чтобы вы об этом знали.

Ошеломленная Джаккуд уселась на диван рядом с Клойдами.

— Вы все, конечно, смотрите новости по телевизору, — сказал Дункан. — Но вы не знаете того, что это советник Ананда возглавлял и СК, и Бог знает сколько еще группировок. Теперь он умер, но думаю, что ганки допросили его под ТП перед смертью. Разве что он был в слишком глубокой коме. Надеюсь, что был. В любом случае кто-то сменил его во главе СК — если только Ананда не выдал этого человека. Я беру на себя риск предположить, что не выдал. И вот что я намерен сделать: я буду подниматься по вашей иерархической лестнице, пока не доберусь до этого человека. И вы — моя вторая ступень, — указал он на Джаккуд.

— Это безумие! — сказала она. — И ничего у вас не выйдет. Я не знаю, кто мой верхний контакт. Я видела ее всего один раз. Обычно я получаю от нее по телевизору закодированные сообщения, которые для непосвященных выглядят как простой разговор.

— За исключением?

— Мне было приказано явиться на встречу только раз. Это было на складе, вскоре после моей вербовки в СК.

— Кто вас завербовал?

Джаккуд покосилась на Донну Клойд, сидящую рядом.

— Она. Мы с ней двоюродные сестры. Я ее знаю с детства. Она меня и уговорила...

— Черт! — сказала Донна. — Тебе не обязательно было...

— Какая разница? Все равно они обработают меня ТП. — Джаккуд взглянула на Дункана. — Правда?

— Да, — кивнул он. — Поэтому советую не лгать. Опишите человека, с которым контактировали.

Ее рассказ Дункана не удивил. В тот единственный раз, когда он сам встречался с представителем высших эшелонов СК, все происходило точно так же, только не на складе, а в спортзале. Таинственная личность предстала перед ним в капюшоне, маске, длинных одеждах и говорила через искажающий голос фильтр.

После недолгого молчания Джаккуд сказала:

— Какого черта, все равно вы это вытянете из меня под ТП! Мне не следовало этого делать! Я знала, что это запрещено, что это опасно и глупо! Чистейшая дурь! Но меня разбирало любопытство, и я не удержалась. Я пошла следом за ней, когда встреча кончилась.

— Это действительно было глупо, — улыбнулся Дункан. — И опасно. Если бы она обнаружила, что вы за ней идете, вас уже не было бы в живых.

Он давно подозревал, что Джаккуд следила за своим связником — ведь она сразу отозвалась о замаскированной особе как о женщине.

— О Господи, ведь вы не скажете им, нет? — забеспокоилась Джаккуд.

— Это останется между нами. Так ведь? — взглянул он на Клойдов.

Барри Клойд потеребил свой пышный черный ус.

— Еще бы. Теперь, когда мы это знаем, нам грозит опасность не меньше, чем Фокс... Джаккуд.

— Простите меня, — еле слышно сказала Харпер Джаккуд.

— Итак, вы пошли за ней, — продолжил Дункан. — Ее имя, адрес, личный номер? Или вам это неизвестно?

— Известно, — с глубоким вздохом созналась Джаккуд. И медленно, неохотно назвала все, что требовал Дункан, — каждое слово точно тянули из нее на колючей проволоке.

Джаккуд потихоньку последовала за связной, следя за ней из-за штабеля ящиков. В темном углу женщина сняла свой маскировочный наряд, положила его в наплечную сумку и вышла со склада. Джаккуд, полная боязни, но движимая тем самым любопытством, которое, согласно пословице, сгубило кошку, пошла следом за ней, держась на расстоянии. Женщина поднялась в лифте на престижный 125-й этаж — номер этажа Джаккуд определила по индикатору над лифтом. Увидев, куда направилась неизвестная, Джаккуд села в другой лифт и вышла из него как раз вовремя, чтобы увидеть спину женщины, исчезающую за углом очень длинного коридора. Добежав до угла, Джаккуд выглянула. При этом из нее, как выразилась она, можно было нацедить пару бочек страха. Она увидела, как женщина входит в дверь квартиры. Когда дверь закрылась, Джаккуд подошла к ней и запомнила номер.

Вернувшись к себе, она запросила справочник башни и посмотрела, кто проживает по этому адресу в данный день.

— Но вы не скажете ей, что я следила за ней?

— Нет необходимости, — сказал Дункан.

Женщину звали Лин Коцумель Эрленд, и она служила детективом-капитаном во втором участке одиннадцатого этажа.

— Узнав, что она органик, я еще больше испугалась. Настоящая она подпольщица? Или ее заслали ганки? Я не могла донести о ней по начальству, потому что она-то и была моей начальницей. И даже если бы мне было кому сообщить, я не смогла бы этого сделать — я ведь нарушила приказ.

— Мы разберемся, настоящая она или подсадная утка, — сказал Дункан. — Сомневаюсь, что ее подослали. И вас, и Клойдов, и кто знает скольких еще давно забрали бы, если бы она работала на органиков.

Он сделал знак Сник, и та подошла к Джаккуд с баллоном ТП. Джаккуд отпрянула.

— Я рассказала вам правду. Неужели это так необходимо?

— Я верю, что вы сказали правду, но это нужно проверить.

Сник, держа баллон в вытянутой руке, нажала кнопку на его верхушке, струя фиолетовой жидкости ударила Джаккуд в лицо, и та через несколько секунд лишилась сознания. На допрос ушло полчаса, но Дункан почти ничего не узнал помимо того, что она уже рассказала. Однако он убедился в том, что Джаккуд — не подсадная утка.

Следом настала очередь Клойдов. Они тоже раскрыли не больше, чем уже рассказали, и тоже оказались честными членами организации. Это можно было и не проверять, как верно сказал Барри Клойд. Их уже не раз допрашивали под ТП — и их связная, и сотоварищи, жившие в той же квартире. Дункан признал, что это резонно, но все-таки настоял на повторном допросе.

— Бывает, что люди по той или иной причине изменяют прежним убеждениям. Или же их разоблачают и вынуждают стать агентами ганков. Про вас я этого не думаю, но нужно убедиться. Я не могу безоговорочно доверять никому, за исключением моей напарницы.

Он не удивился, когда Джаккуд и Клойды, придя в сознание, заявили, что хотят теперь допросить его и Сник.

— В обычных обстоятельствах я бы вам это позволил, — сказал он. — Но вы и так знаете, кто мы такие. Вы достаточно часто видели нас на телеэкране. Я не хочу терять время на наш допрос.

Он спросил их, не могут ли они достать фальшивые удостоверения для него и Сник.

— А еще парики, грим, накладную бороду и пленки с отпечатками пальцев — вдруг где-то придется и их предъявлять.

Барри Клойд вскочил с дивана.

— Вы что, опять собираетесь выйти на улицу? Сидите здесь, это надежное место! Зачем опять рисковать?

— Мы воспользуемся вашей квартирой, — сказал Дункан. — Но с этого момента я буду прятаться лишь в случае абсолютной необходимости. Всякий раз, когда представится случай, будем атаковать.

Барри Клойд тяжело опустился на место.

— Они возьмут вас рано или поздно, и скорее рано, чем поздно! А значит, и нас заодно!

Дункан не сказал ему, что обладает иммунитетом к ТП. Чем меньше людей будет это знать, тем лучше. Но если возьмут Сник, то она, не обладая таким иммунитетом, расскажет все.

— СК больше не будет мелко плавать, — сказал он. — Настало решающее время, и нас ждут большие дела. Вы все участвуете в этом, хотите вы этого или нет.

— Вы нам не командир! — сказала Донна. Повернутая вправо свастика у нее на лбу стала еще темнее на фоне бледной кожи.

— С этого момента командир. — Он положил левую руку на рукоять пистолета. — Есть возражения?

Джаккуд и Клойды промолчали.

— Еще раз спрашиваю, можете вы достать нам удостоверения и все прочее?

Харпер Джаккуд кивнула:

— Это рискованно, особенно сейчас. Но возможно. Сегодня я не успею, придется вам подождать до следующего вторника.

Дункан не желал сидеть в квартире целую обнеделю. Он отвел Сник в сторону и тихо переговорил с ней.

— К Эрленд пойдет кто-то один из нас. Другой останется здесь и будет присматривать за этими тремя. Иначе они, чего доброго, попробуют предостеречь Эрленд.

— Зачем им это надо?

— Не знаю, но поди разбери, что у них там на уме.

— Можно опять побрызгать их ТП и спросить, будут они предупреждать ее или нет.

— Тем самым мы можем внушить им мысль это сделать. ТП иногда выкидывает такие штучки. Кроме того, я не хочу заходить слишком далеко и настраивать их против нас.

— Клойды, по-моему, от души тобой восхищаются. Иначе они не стали бы придавать твой облик Будде на своей передней стене.

— А Джаккуд?

Сник нахмурилась и сказала:

— Ладно. К Эрленд идешь ты, а я остаюсь. Ты ведь так и хотел, правда?

Он кивнул.

— Дай-ка мне ТП.

ГЛАВА 11

В лифте на 125-й этаж Дункан ехал один. Напустив на себя беззаботный, даже счастливый вид, даже насвистывая популярный мотивчик «Где один, там и все», он тем не менее кожей ощущал мониторы, мимо которых прошел и должен был пройти. В их число входил и монитор в лифте, поставленный, разумеется, для безопасности пассажиров.

До сих пор тихеноны, которые, как ему нравилось думать, липли к нему, обеспечивали ему удачу. Помогали также парик, разноцветный балахон, ватный тампон под верхней губой и измененная походка.

Он не стал звонить Эрленд из квартиры Клойдов, поскольку на ее экране автоматически бы появился номер абонента. А надежного удостоверения у него не было, и он не мог позвонить из общественной будки, где требовалась карточка. Да если бы карточка и была — нельзя ведь разговаривать с Эрленд, не показываясь на экране, это вызвало бы у нее подозрение.

Лифт остановился, и Дункан вышел в Холл Голубого Дельфина на 125-м этаже. Он ничем не отличался от других коридоров, только картины на передних стенах квартир были другие. Дункан повернул из холла в другой коридор, потом повернул еще раз и вскоре оказался перед дверью № 1236 Поросячьего Холла. Никто его не видел, кроме двух мониторов в разных концах коридора. Он нажал звонок, отметив одновременно, что в дверь уже вставили новый замок. Прошло несколько секунд, и сверху послышался женский голос. Женщина хорошо рассмотрела пришельца, прежде чем ответить.

— Чему обязана?

— Вы капитан Эрленд?

— Да. А вы кто? — В голосе звучало напряжение.

— СК, — сказал Дункан. — «Нимфа», «Вабассо».

Последнее слово было теперешним названием организации, которую Дункан в уме всегда именовал «СК». Новое имя назвала ему Джаккуд.

Настало долгое молчание — Эрленд, как видно, была в шоке.

— С вами есть еще кто-то? — спросила она наконец.

— Никого, как видите.

Снова молчание. Он сказал:

— Мне не хотелось бы долго стоять здесь.

Дверь начала открываться. Внутри кто-то говорил — диктор с телеэкрана. Дункан ждал, когда дверь откроется настолько, чтобы он мог пройти. Она остановилась на ширине, едва достаточной для его плеч. Эрленд, высокая и рыжеволосая, в домашнем халате стояла посреди гостиной. В опущенной правой руке она держала пистолет, дулом в пол. Как видно, она не питала доверия к своему гостю и приготовилась ко всему. Или думала, что приготовилась.

— Дверь, закройся! — сказала она, как только он вошел.

Когда дверь поехала назад, Дункан вынул из-за спины левую руку.

— Стойте на месте, — сказала хозяйка. — Руки... — И тут ее поразил в грудь фиолетовый луч его пистолета, поставленного на паралич средней степени с близкого расстояния. Она махнула пистолетом в его сторону, но тут же упала, подогнув колени, и луч пистолета ударил в верхний угол комнаты. Пистолет выпал из ее руки, и луч погас, потому что палец перестал нажимать на курок.

Дункан подошел к скрюченному телу и пощупал пульс. Он бился медленно и неровно. Эрленд побледнела, глаза ее остались открытыми. Сунув пистолет за пояс под балахоном, Дункан поднял ее и уложил на диван.

Диктор, красивый мужчина с очень глубоким голосом — возможно, тембр его был обогащен с помощью компьютера — продолжал вещать:

— ...уполномочены заявить, что Сообщество решило в интересах всего человечества информировать общественность о новейшем открытии касательно преступника по имени Джефферсон Сервантес Кэрд, он же Уильям Сент-Джордж Дункан, и так далее, и так далее. Кэрд обладает уникальным талантом лгать под действием ТП! До сих пор неизвестно, является ли это, ранее неизвестное, его качество результатом мутации или эффектом неизвестного науке противодействующего ТП средства!

Одним из серьезных последствий этой способности лгать под ТП является то, что к правонарушителю Кэрду, он же Дункан, не могут быть применены установленные законом процедуры. В данный момент Всемирный Суд рассматривает эту новую проблему, и...

Дункан уменьшил громкость. Интересно, почему правительство так долго раздумывало, прежде чем открыть всем

эту его поразительную способность, подумал он — и занялся делом.

Он подождал полчаса, пока Эрленд не пришла в сознание. Теперь ее пульс бился ровно, и к ней вернулись живые краски. Дункан дал ей воды. Она молча выпила и начала протестовать, лишь когда он достал из сумки баллон с ТП. Она упала на бок, когда аэрозоль попал ей в лицо и в рот. Дункан опять уложил ее на спину и начал допрос.

Вопросы должны были быть простыми и легко понимаемыми. Под ТП человек мыслит почти так же буквально, как компьютер. Добровольно допрашиваемый ничего не расскажет. Информацию из него надо вытягивать постепенно, иногда перефразируя вопросы.

Дункан уже знал, что Эрленд именно та, за кого себя выдает. Он взял ее удостоверение, когда она лишилась сознания в первый раз, и просмотрел ее данные. Теперь он заставил ее рассказать, как ее завербовали в СК и чем она, в общих чертах, с тех пор занималась. На это ушло время. Потом он спросил, знает ли она Иммермана-Ананду. Она не имела представления, что Иммерман впоследствии стал Анандой, и вообще об Иммермане никогда не слышала. Ничего не знала она и об ФЗС, пока на телеэкранах не появились сообщения Дункана.

После этого Дункан спросил:

— Как зовут вашего непосредственного начальника в организации, именуемой СК, «Нимфа» и «Вабассо»?

— Не знаю.

— Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Да.

— Опишите внешность вашего непосредственного начальника.

Как и следовало ожидать, начальник был в длинной одежде, в маске и перчатках, а говорил через фильтр.

Путем дальнейших расспросов Дункан выяснил, что Эрленд встречалась с этим человеком шесть раз в шести разных местах, где не было никого, кроме них.

— Ваш командир когда-либо вступал с вами в контакт иным способом?

— Да.

— Каким способом?

— Через стенной экран.

При таких переговорах на экране всегда появляется имя и личный номер того, кто звонит. Но в данном случае этого, очевидно, не происходило.

Дункан спросил Эрленд, есть ли у нее версия насчет того, как ее командир обходит это препятствие.

— Да, есть.

— Как он это делает?

Эрленд сморщилась, точно стараясь облечь свою мысль в слова. Конкретные вещи она описывала легко, абстрактные понятия выражала с большим трудом. Секунд через двадцать она наконец ухватила то, что от нее ускользало.

Ей казалось, что ее командир передает свои сообщения по не совсем легальным каналам. Он, должно быть, поместил хитрую схему или матрицу в базу данных. И сообщения направляются к ней из этого передаточного пункта. Банк данных, наверное, получил секретную инструкцию не регистрировать эти сообщения в файлах дебита-кредита и стирать их после передачи. Это краткие, зашифрованные послания, уведомляющие о месте и времени встречи.

— Когда вы получили сообщение от вашего командира в последний раз? — Дункан назвал ей день, неделю и текущее время на случай, если она этого не помнит.

— Сегодня, в семь часов вечера.

— Что было в сообщении?

— ХК-1928 МВ СГ 10.30 4Э 1149В ПЛЫВ ОБ ДВ 3 ЗК.

На его последующие вопросы Эрленд ответила, что не знает, что такое ХК-1928. Дункан решил, что это, возможно, код, которым пользуется отправитель при операциях с собственной системой. МВ означало место встречи. СГ — сегодня. 4Э — четвертый этаж башни. 10.30 — вечернее время. 1149 — номер помещения, В — восток.

Эрленд запросила в справочной системе башни все улицы четвертого этажа, начинающиеся на «ПЛЫВ». Под номером 1149 на Восточной авеню Плывущего Облака помещался склад. ДВ 3 ЗК значило, что Эрленд должна войти в дверь с цифрой 3 и что дверь будет заперта.

— Как вы даете понять, что получили сообщение? — спросил Дункан.

— Я говорю «функционирует».

После Дункан стал расспрашивать ее, в каком состоянии находятся розыски его и Сник.

Эрленд сказала, что в тот момент, когда она выходила из участка, департамент считал, что преступники все еще скрываются где-то за городом. Розыск велся очень энергично, к нему были привлечены органики почти из всех западных штатов. Охота будет продолжаться, пока беглецов не схватят.

Настроены ли мониторы в Лос-Анджелесе на опознание Дункана и Сник?

Да, настроены.

Подключены ли к мониторам детекторы запаха?

Нет.

— Почему? — поинтересовался Дункан.

За недостатком такого количества детекторов, которое позволило бы подключить их к каждому монитору. Кроме того, это потребовало бы огромных затрат труда и времени. На это ушло бы семьдесят объективных дней. Зато такими детекторами собираются оснастить всех патрульных.

— И когда это будет сделано?

— Через три обнедели.

Уже легче. Детектор-нюхач не менее чуток, чем нос охотничьей собаки. Если настроить его на чей-нибудь запах, нюхач обнаружит молекулу этого запаха среди миллиона других молекул. Даже облившись духами с головы до ног, нюхач не проведешь.

Дункан поразмыслил над загадкой командира Эрленд. Не тот ли это самый, с которым он встречался в спортзале? В то время Дункан жил под именем Эндрю Вишну Бивульфа, не воплощаясь, однако, в эту личность. Его и тогда интересовало, каким образом человек в маске подготовил эту встречу. Этот человек должен был ненадолго отключить все мониторы на улице, ведущей к залу. Так, чтобы они не зарегистрировали, как он входит в это помещение. Он ведь не мог идти по улице в маске и должен был переодеться в свой маскировочный костюм только в комнате, куда позднее пришел и Дункан-Бивульф. И ему — или ей — пришлось бы отключить мониторы и в тот момент, когда в зал входил Дункан.

Это указывало на то, что человек из СК имеет доступ к управлению мониторами. И, проделывая свои нелегальные операции, не опасается, как видно, проверок по поводу отключения. Если такие проверки вообще проводятся. Дункан знал, что мониторам уделяют внимание только в тех случаях, когда они включают тревогу или когда с их помощью ведется слежка.

Тот, кто способен отключать мониторы так, чтобы органики об этом не знали, должен сам быть органиком. Причем высокого ранга.

Этим вечером, при встрече с Эрленд, ему пришлось бы провести новую серию отключений. Значит, и Дункан, который займет место Эрленд, тоже не попадет в кадр. И человек из СК не заметит его на улице перед складом.

У Дункана имелся еще один вопрос. Что известно Эрленд о попытке убить его, Сник и падре Кабтаба?

Эрленд ответила достаточно охотно, хотя в этом деле была замешана она сама. Командир приказал ей послать двух мужчин, переодетых ганками, чтобы убить этих троих. Она не спрашивала командира, зачем нужно убивать этих трех членов СК, но он сам ей сказал, что органики чересчур рьяно разыскивают их и нужно их убрать, пока они не попались и не рассказали все, что знают об организации.

Вскоре Эрленд пришла в сознание и села, растерянно моргая глазами. Выпив стакан воды, поданный ей Дунканом, она слабо спросила:

— Что все это значит?

Вместо ответа он снял парик, вынул тампон из-под верхней губы и пластмассовые вставки из ноздрей. Она узнала его не сразу, но через несколько секунд прижала руку к груди, воскликнув:

— Боже!

— Я был бы слегка огорчен, если бы мне пришлось убить вас, — сказал он. — Тем не менее я бы это сделал. Ведь и вы без колебаний готовили мне смерть.

— Я выполняла приказ. Меня саму убили бы, если бы я ослушалась. — Она помолчала и добавила: — А теперь, выходит, меня убьете вы.

— Зачем мне это надо? Разве что в том случае, если вы вздумаете хитрить. Нас ждут перемены, Эрленд. Ваша миккимаусовская шарашка преобразится в грозного льва. Теперь я — ее новый шеф, что бы там ни думали на этот счет вы и ваше начальство. Если вы с вашим боссом заартачитесь, вас вынесут ногами вперед. И если ваш командир еще не самый главный в СК, я буду карабкаться по лестнице, пока не доберусь до главного.

— Вы с ума сошли!

— Что ж поделаешь.

Несмотря на все протесты и угрозы, ей пришлось отправиться под дулом пистолета в каменаторскую. Забрав у нее удостоверение, Дункан закрыл дверцу цилиндра и включил подачу энергии. Лицо Эрленд так и застыло в гримасе, словно под взглядом Медузы Горгоны.

ГЛАВА 12

Дункан выстрелил парализующим лучом в затылок человеку в маске. Тот повалился на груду ящиков, из-за которой высматривал Эрленд. Голова в капюшоне стукнулась об пол. Дункан вышел из-за штабелей и перевернул обмякшее тело

на спину. Сняв маску, он увидел лицо темнокожего и темноволосого мужчины с ярко выраженным азиатским разрезом глаз и вздернутым носом, в возрасте примерно тридцати пяти сублет.

Зная, что он не очнется как минимум четыре минуты, Дункан снял с него цепочку с удостоверением и забрал из кобуры пистолет, отметив, что под длинным балахоном мужчина одет в штатское. Поместив карточку в ближайшую стенную прорезь, Дункан увидел на экране медленно вращающееся трехмерное изображение и анкетные данные. Это был детектив-полковник Кит Алан Симмонс. Он возглавлял вторничную органическую службу Башни Ла Бреа и жил, разумеется, на 125-м этаже. Он был женат и имел наивысшее количество детей — то есть двоих — моложе двенадцати лет. Его годовое жалованье составляло шестьдесят четыре тысячи кредитов.

Один из пунктов удивил Дункана. Первой женой Симмонса была Лин Коцумель Эрленд. Из досье Эрленд Дункан помнил, что раньше она была замужем за неким Симмонсом. Когда он смотрел это досье, это еще ни о чем ему не говорило. Дункан тихо засмеялся. Итак, Эрленд не знает, что этот таинственный незнакомец, ее шеф, не кто иной, как ее бывший муж. Симмонс, наверное, вдоволь посмеялся под маской во время их подпольных встреч.

Дункан вернулся к Симмонсу, вложил карточку на место и поволок бесчувственное тело в глубь склада между двумя штабелями больших ящиков. Через минуту Симмонс открыл глаза и стал вертеть головой. Потом, еще не совсем придя в себя, уставился на Дункана. Дункан держал в левой руке баллон с ТП, готовясь пустить его в ход, если Симмонс бросится на него. Правой рукой он снимал парик.

Симмонс вытаращил глаза.

— Узнаете? — спросил Дункан.

Симмонс проглотил слюну и хрипло выговорил:

— Кэрд! Дункан! Как вы...

— Как я вас нашел? У меня свои методы.

— Где... она?

— Эрленд? В данный момент в каменаторе.

— Это она вам сказала?

— Под ТП. Все, кто говорил мне то, что я хотел знать, делали это не по своей воле. Так что не вздумайте их наказывать. Как ваша голова?

— Болит, но не сильно.

— Я дал вам минимальную дозу. Здешние мониторы включены? Не лгите. Они так же опасны для вас, как и для меня.

— Включены, но видят только пустую комнату.

— Я вам верю, однако проверка не помешает.

Дункан быстро достал из-за спины баллон и брызнул Симмонсу в лицо наркотиком с дюймового расстояния. Симмонс отключился, непроизвольно отвернувшись от струи. Поправив ему голову, Дункан уложил его затылком на сумку. Он жалел, что не может допросить Симмонса в более спокойном и надежном месте. Но нельзя же было тащить его к Клойдам или к Эрленд. Придется получить необходимую информацию прямо здесь.

Дункан сел на собственную сумку рядом с Симмонсом. Первый вопрос, который он задаст, будет касаться электронной системы, с помощью которой Симмонс выходил на связь с Эрленд.

Дункан уже открыл рот, и тут кулак Симмонса двинул его в подбородок.

Дункан упал навзничь и остался лежать в полном замешательстве, а Симмонс тем временем привстал и бросился на него. Симмонс мог бы оглушить его еще капитальнее, но еще не обрел свою полную силу. Удар не лишил Дункана сознания, а Симмонс встал с пола не так быстро, как сделал бы это в обычных условиях. Повинуясь рефлексу опытного бойца, Дункан выбросил вперед левую ногу, угодив Симмонсу в пах. Тот взвыл от боли и упал на бок, держась за ушибленное место. Дункан поднялся на ноги, хотя и не так быстро, как сделал бы до удара, и сначала двинул ногой Симмонса в челюсть, а потом дважды по ребрам. Тот не потерял сознания, но обмяк. Челюсть у него отвалилась, глаза остекленели. Казалось, что боли он не чувствует.

Дункан уже оправился от удара кулаком, но был по-прежнему ошеломлен. Он не мог понять, почему ТП не подействовал. Как видно, Симмонс только сделал вид, что потерял сознание. Однако ТП из того же баллона действовал и на Джаккуд, и на Эрленд. Симмонс же по какой-то причине обладал иммунитетом. Дункан чувствовал себя так, словно уже выигрывал забег и вдруг наткнулся на стеклянную стену.

До сих пор он считал себя единственным человеком в мире, от природы невосприимчивым к наркотику правды. Могли, конечно, быть и другие. Но эта способность, несомненно, встречается очень редко, так что вероятность столкновения Дункана с себе подобным была чрезвычайно мала.

Тряся головой, точно он никак не мог поверить в то, что случилось, Дункан просмотрел содержимое сумки Симмонса. Он нашел там баллончик с ТП и катушку с лентой-наручниками. Перевернув Симмонса лицом вниз, он завел ему руки

за спину и обмотал запястья клейкой лентой. Потом посадил Симмонса, прислонив его спиной к штабелю.

Тот закашлялся, скривился от боли и открыл темно-карие глаза. Дункан, нежно погладив свою ушибленную челюсть, сказал:

— Тебе ввели какое-то вещество, нейтрализующее ТП. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Да. И я тебя почти что сделал.

Дункан подошел к Симмонсу, но не настолько близко, чтобы тот мог достать его ботинком, и, глядя сверху вниз, сказал:

— Я тебе не враг, если ты сам не захочешь стать моим врагом. Я обработал тебя ТП только потому, что не было другого способа узнать у тебя правду. Выходит, теперь я в тупике, если ты сам не пожелаешь мне помочь.

Симмонс свирепо смотрел на него.

— Ты знаешь, что я не поддаюсь ТП? — спросил Дункан. — Что я могу лгать в бессознательном состоянии?

Симмонс кивнул.

— Стало быть, нет никакой опасности, если меня поймают. Я тебя не выдам. Только ты знаешь, что я здесь, и только я знаю твое имя. Под ТП я ничего о тебе не скажу. А ты мне в любом случае расскажешь все.

— С чего бы это?

— Если ты не скажешь, кому непосредственно подчиняешься, ты умрешь. Здесь и сейчас. Я не шучу. Скажу тебе еще, что собираюсь возглавить СК. Это была застойная, бесполезная организация, но больше такой не будет.

— Ты не можешь знать, что мы замышляем! — прорычал Симмонс.

— Правильно. Именно это я и хочу узнать. Однако это будет несколько труднее, чем я думал. Раз тебе введен анти-ТП, значит, он введен и твоему начальнику. Но те, кто ниже тебя рангом, противоядия не получили. Почему?

Ожидая ответа Симмонса, Дункан быстро соображал: всего обнеделю назад он применил ТП к своему деду Гилберту Иммерману, он же советник Дэвид Ананда. Иммерман не проявил противодействия. А ведь он был главой СК, как, возможно, и других подпольных группировок. Почему же анти-ТП не ввели ему?

Симмонс ответил — он был не дурак и не хотел умирать:

— Ладно. Анти-ТП, или АТП, как мы его называем, был получен в манхэттенской лаборатории одной группой, с которой мы союзничаем. Возможно, это та самая, в которой ты состоял, когда был Кэрдом. Посылка со средством прибыла

сюда поздним вечером прошлого вторника. Она предназначалась только для каждодневной верхушки СК. Про Ананду я ничего не знал, как не знал и того, что он находится в Башне Ла Бреа. Он, очевидно, еще не получил противоядие, не знаю почему. Возможно, его порцию выслали секретным маршрутом в Цюрих, в то время как он был здесь по делу, касающемуся тебя и Сник. Как бы там ни было, ясно, что АТП ему не был введен. Иначе твой ТП на него бы не подействовал. Какая ирония, верно? Еще чуть-чуть — и он мог бы получить иммунитет. И ты никогда не узнал бы от него, как выйти в эфир по секретной системе вещания.

— Своего командира ты, надо полагать, не знаешь, — сказал Дункан. — Он всегда был в маске и в балахоне до пят, когда встречался с тобой?

— До сегодняшнего утра. Сегодня он назвался мне, поскольку мы оба получили АТП. Он сказал, что мы можем больше не опасаться допроса.

— Есть и другие способы заставить человека говорить.

— Но они противозаконны.

— Конечно, — улыбнулся Дункан. — Так кто же этот человек?

У Симмонса одеревенело лицо.

— Старые привычки побороть нелегко, — сказал Дункан. — Но возможно, если постараться.

Он взглянул на часы. Было 10.39. К 11.30 все горожане приготовятся занять свои места в каменаторах. Вскоре после полуночи выйдут из своих цилиндров жители среды. Должно быть, Сник, Клойды и Джаккуд места себе не находят от волнения. Джаккуд нужно до полуночи вернуться к себе домой. Клойдам, правда, можно и не каменироваться — люди, живущие в их квартире по средам, тоже состоят в СК. Но нетерпеливая, нервная Сник может отправиться к Эрленд, пренебрегая опасностью. Или решит, что его взяли ганки, и устроит в городе целый тарарам. Впрочем, нет, этого она делать не станет, пока не узнает, что случилось с ним.

— Я не могу отвести тебя к нему. — Симмонс попытался расправить связанные руки и перекосился от боли.

— Понимаю. Ты только скажи мне, что требуется, а что я буду делать потом...

Лицо Симмонса выражало страдание, точно его завинчивали в тиски. Он открыл рот, но не смог ничего выговорить. Страх и нежелание говорить связали ему язык.

— Тебе придется сказать. — Дункан направил на Симмонса пистолет — Я буду отжигать тебе пальцы на ногах, один за другим, пока ты не заговоришь. Никакого удоволь-

ствия мне это не доставит, но я это сделаю. А если я отрежу тебе хотя бы один палец, мне придется тебя убить. Ты не сможешь удовлетворительно объяснить вышестоящим лицам свое увечье. Я не хочу, чтобы кто-то знал о нашей встрече, поэтому просто убью тебя, когда ты выложишь все — а ты выложишь. И твое убийство внесут в список нераскрытых дел.

— Хорошо, я скажу! — пронзительно выкрикнул Симмонс.

Дункан постарался не выказать своего облегчения. Ему казалось, что он способен выполнить свою угрозу, но он не узнал бы, так ли это, пока не дошло бы до дела. И ему совсем не хотелось пытать этого человека, хотя тот приложил руку к покушению на него и Сник и к убийству Кабтаба.

— Его зовут Юджин Годвин Дишно, он сегодняшний директор лос-анджелесского банка данных! Помоги мне, Боже!

— Он ничего тебе не сделает, обещаю, — заверил Дункан. — Где он живет?

Он не удивился, услышав, какую должность занимает Дишно. У директора банка данных в руках огромная власть. Он может без особого труда вводить в банк ложную информацию, почти не опасаясь, что его на этом поймают. Марк Твен когда-то сказал: «Покажите мне предрассудки любой нации, и я буду управлять этой нацией». Человек, управляющий потоком информации любого общества, поистине управляет и самим обществом. В данном случае — штатом Лос-Анджелес. Дишно, конечно, обязан выполнять распоряжения правительства, но он мог безнаказанно заниматься и тем, что приказывал ему СК — или всемирный советник Ананда. В определенных пределах.

Начав говорить, Симмонс ответил на все вопросы Дункана. Через пять минут Дункан получил всю информацию, в которой нуждался. То есть всю с его точки зрения, о чем не следовало забывать. Может быть, нужно было спросить еще о чем-то. И когда он узнает, о чем, будет уже поздно.

Он развязал Симмонсу руки, но отошел подальше, пока тот неуклюже поднимался на ноги.

— Я не поломал тебе ребра, надеюсь?

— Не думаю.

— Не забудь перемотать и стереть ложную информацию, которая подавалась на мониторы.

— Не учи ученого.

— Я не учу, просто у тебя голова сейчас забита другим. А теперь вот что. Иди домой и не пытайся предупредить Дишно.

— О Господи! Он меня убьет!

— Ты же не собираешься убивать Эрленд. Тебя вынудили. Дишно ничего не сделает ни тебе, ни другим — он просто не сможет. Уж я об этом позабочусь.

Однако, чтобы до конца увериться в том, что Симмонс не предупредит Дишно, Дункан снова парализовал его выстрелом из пистолета. Симмонс будет плохо себя чувствовать некоторое время, но надо было вывести его из строя хотя бы минут на двадцать. Сняв с него ленту-наручники, Дункан ушел. Десять минут спустя он стоял перед дверью квартиры Дишно на 125-м этаже. Было без десяти двенадцать, и на экранах в коридоре мигали оранжевые надписи, сопровождаемые негромким завыванием сирен.

Дункан встал в дверную нишу, выйдя из поля зрения мониторов. Держа пистолет у самого живота, он прожег замок насквозь и протолкнул его внутрь рукояткой. Пластмассовая дверь тем временем остыла. Дункан вставил в отверстие три пальца и потянул вбок. Дверь с заметным усилием ушла в стену. Дункан вошел в квартиру с пистолетом наготове. Свет в комнате горел, но стены были серые, без изображения и звука. Дункан закрыл дверь и прошел через две большие комнаты, прежде чем попасть в коридор. Он двинулся вперед быстро, но осторожно, приоткрывая все двери и заглядывая внутрь. Дишно и его семья должны были уже войти в цилиндры, но не следовало на это полагаться.

Убедившись, что все комнаты; кроме каменаторской, пусты, Дункан вошел в помещение с цилиндрами. Ознакомившись с табличками на каменаторах, он отключил энергию жителям среды и повернул диск цилиндра Дишно на ВКЛ.

Банкир данных оказался очень высоким и необычайно широкоплечим мужчиной. На темной коже был узор из депигментированных розовых линий. Черные волосы, стянутые узлом, скрепляла длинная толстая заколка из настоящего серебра. Подбородок украшала черная бородка клинышком, густо напомаженная. Мочки ушей оттягивали тяжелые серьги в виде зигзагов молнии. Больше на нем, кроме алых плавок, ничего не было.

Словом, банкир выглядел весьма элегантно и весьма уверенно, но он побледнел и челюсть у него отвисла, когда он увидел человека, целящего в него из пистолета. Глаза широко раскрылись от неожиданности и страха.

— Я Уильям Сент-Джордж Дункан, известный также как Джефферсон Сервантес Кэрд. Пойдемте в гостиную и поговорим.

Оцепеневший, с трясущейся головой, Дишно вышел из комнаты впереди Дункана.

ГЛАВА 13

Стенной экран показывал 1.10. Наступила среда.

В гостиной кроме Дункана сидели четверо: Юджин Дишно, его жена, Ольга Хан Сарасдотер, и двое взрослых жителей среды, Раджит Беллепорте Мэйфер и Майя Дибрун Лютер. Как только Дункан вытянул из Дишно, что его жена и жители следующего дня состоят в СК, он тут же их расқаменил.

Он заставил Дишно также сознаться, что это он возглавляет всю организацию в этом районе. Банкир выдал это лишь тогда, когда Дункан пригрозил отжечь ему все пальцы на ногах и на руках. Дункан знал теперь также имена всех высших чинов лос-анджелесского СК. Почти все они были ганками или занимали высокие посты в банке данных.

Дункан сказал Дишно, что берет руководство СК на себя.

— Я вижу, вам это не нравится. Но прошло то время, когда можно было лежать на дне, почти ничего не делая. Мои сообщения вызвали волнения во всем мире, и нам следует воспользоваться случаем, чтобы помочь волнениям перерасти в восстание. Будет только естественно, если возглавлю его я, хотя бы мне и пришлось некоторое время скрываться. У меня гораздо больше опыта активной борьбы, и мои дела говорят сами за себя. Я уже составил план кампании, а у вас, сознайтесь, его нет.

— Время еще не назрело! — сказал Дишно.

— Дальше назревать некуда. Как раз пора идти на прорыв. А теперь мне нужно, чтобы все вы от души согласились с тем, что главный теперь я. И уж во всяком случае мне нужно ваше полное содействие, даже если вы возмущены моими действиями и боитесь последствий. Хватит, побаловались. Вы получили фактор, замедляющий старение, а недавно и анти-ТП. За это надо платить.

Теперь все пойдет по-другому. Все члены СК получат и ФЗС, и АТП. Вы поступали очень эгоистично, присваивая оба эти средства только высшему эшелону, элите. Кроме того, это было глупо. Как мог бы рядовой член организации лгать органикам в случае ареста? Он выдал бы всех, кого знал. И ничто так не обеспечит вам преданности и благодарности подпольщиков, как выдача им ФЗС.

Я дал формулу ФЗС в своих посланиях и пари держу, что граждане это вещество получат, хотя бы и нелегально. И если мы сумеем обнародовать какую-то информацию об АТП, мы и это сделаем.

— Все лаборатории контролируются правительством, — сказал Дишно.

— Это не помешало иммерам изготовить АТП для своих. А в основе ФЗС лежит бактериальная культура. Ее можно вырастить у себя на кухне, а потом впрыснуть в вену. Вся проблема в том, чтобы дать ФЗС такому количеству людей, чтобы те могли передать его другим. Но это произойдет и без участия нашей организации. Люди во всем мире и так будут красть все, что надо, из лабораторий, выращивать и распространять нужную культуру. Люди на все пойдут, поверив, что смогут продлить свою жизнь в семь раз. Правительство будет бороться с этим, но впоследствии вынуждено будет уступить. Иначе оно падет.

— А нам уготовлена роль мучеников, — сказала Ольга, жена Дишно.

— Не обязательно. Такая вероятность есть, но нельзя идти на попятный из-за того, что мы можем стать мучениками.

Подробно растолковав им свою программу, Дункан перешел к практическим делам. Как скоро Дишно сможет добыть документы для него и для Сник?

Дишно, хотя и с неохотой, сказал, что Майя Люттер могла бы сделать это хоть сейчас. Однако введение в систему нужных физических параметров займет некоторое время. Возможно, удостоверения будут готовы к вечеру. Дишно и Сарасдотер сегодня не станут каменироваться, но Мэйферу и Майе Люттер нужно на работу. У них нет уважительной причины остаться дома. Зато они займутся подготовкой документов. Сам Дишно подготовит ввод подложных данных, поскольку может сделать это и на дому, даже не в свой законный день.

Еще Дишно дал Дункану возможность скрытно позвонить Клойдам, где ждала Сник. Дункан не хотел открывать, где его пристанище, но рассудил, что ему все равно придется вернуться туда.

На звонок ответила миловидная рыжая женщина, в которой Дункан узнал Люсию Шормур Клавинг, жительницу среды. Как и следовало ожидать, она была в курсе всех событий до того момента, как он ушел из квартиры. По ее знаку в кадр вошли Клойды и Сник. Пантея испытала большое облегчение, увидев Дункана, но тут же рассердилась.

— Какого черта ты раньше не позвонил? Мы очень беспокоились. Донна и Барри были прямо-таки в панике, да и я ненамного отстала.

— Сомневаюсь.

— Нет, я правда очень волновалась.

— Я не мог позвонить раньше, это было опасно. В общем, пока все идет хорошо. Расскажу подробнее, когда приду.

Донна Клойд, стоявшая рядом со Сник, спросила:

— Это правда, что все хорошо?

— Да. Часам к семи вечера раскамените всех членов СК, что живут у вас в квартире. Введите их в курс дела, а я добавлю детали. Ситуация изменилась в корне — и к лучшему. Не волнуйтесь. Я буду около восьми.

— Я пропустила самое интересное, да? — сказала Сник.

— Надо было, чтобы все это проделал один человек. Двоих, пожалуй, было бы многовато. Ну все, пока.

После разговора он уложил в сумку ампулы с ФЗС и анти-ТП — столько, чтобы хватило на всех в квартире Клойдов. Взял он и распечатки формул для того и другого. В семь вечера Дишно ушел, не сказав Дункану куда. Дункан не стал настаивать. Дишно, возможно, был прав, говоря, что в целях безопасности только он должен знать это место. В 7.31 Дишно вернулся и вручил Дункану пакетик с двумя чехольчиками телесного цвета — ему и Сник для больших пальцев. Для подтверждения некоторых кредитных операций с помощью карточек может потребоваться прижать большой палец к регистрирующей пластинке. На чехле Дункана был отпечаток пальца одного блони по имени Макро, который жил на одном этаже с Клойдами. Отпечаток на чехле для Сник принадлежал Джулеп Чу Харт, сожительнице Макро. Дункан уже ознакомился с анкетными данными этого Макро, а Сник ознакомится с анкетой Харт позже.

— Вам повезло, — сказал Дишно. — Макро и Харт, как видно, запаниковали, увидев на экранах твои послания. Подумали, наверно, что всему конец и за ними вот-вот явятся ганки. И пропали бесследно. Сбежали, поди, за город, дураки. Впрочем, они уже давно считались ненадежными, так что... — Дишно прикусил язык.

— Так что вы все равно собирались их убрать, да? — закончил Дункан. — Как убрали Ибрагима Азимова, хозяина аптеки. Как пытались убрать Сник и меня.

— Этого требовала безопасность. Ты ведь понимаешь.

— Я не держу на вас зла. Но с этих пор, если кто-то начнет вызывать опасения, нужно будет доложить об этом мне. Я хочу сам решить, действительно ли этот человек опасен для нас. Есть и другие способы избавиться от таких. Не обязательно их убивать.

— Слишком ты мягок.

— А ты проверь меня и увидишь, мягок я или нет.

— Если все и каждый будут знать, что за изменнические настроения смерть им не грозит, с ними никакого сладу не станет, — покраснев, возразил с негодованием Дишно.

— А им не нужно знать, что смерть им не грозит. Пусть думают, как раньше. Но ненадежных можно просто каменировать и прятать где-нибудь.

— Какая же разница — убивать или каменировать? — не скрывая насмешки, спросил Дишно.

— У них остается шанс, что когда-нибудь их найдут и раскаменят.

— А если их найдут скоро? Они же все расскажут ганкам.

Дишно рассуждал резонно, но Дункан не хотел никого убивать иначе, чем при самозащите. Он умолчал, разумеется, о том, что и Дишно может оказаться в числе тех, от кого потребуется избавиться. Дункан не доверял этому человеку, питая уверенность, что Дишно возмущен его захватническими действиями и при случае избавится от него самого.

История всех революций густо насыщена междоусобной борьбой революционеров за власть. Дишно только повторял историю — точнее, следовал установившимся образцам человеческого поведения.

«Откуда я все это знаю? — подумал Дункан. — Я ведь не помню ничего из того, что знал Кэрд или любая другая моя персона, кроме нынешней. Но иногда ко мне приходят воспоминания неведомо откуда. Будто просачиваются. Значит, я недостаточно отгородился от моих прежних "я"».

В уме у него снова возникло детское лицо — он сам в возрасте пяти лет. В то же время — раньше этого не случалось — чья-то рука словно стиснула ему внутренности и рванула их вверх. Ощущение было таким четким и болезненным, что Дункану вспомнился сериал про великана Поля Беньяна*, который он смотрел несколько недель назад. Там гигант-дровосек, сойдясь со здоровенным, как слон, медведем, запустил руку зверю в глотку, сгреб его кишки и вывернул медведя наизнанку.

— Что с тобой? — спросил Дишно.

Дункан выпрямился и разгладил гримасу на лице — все уже прошло.

— Ничего.

— Ничего? Можно было подумать, что тебя лягнули в живот.

— Что-то и лягнуло. Спазм какой-то. Не потому, что я что-то съел — ел я давным-давно. Ничего страшного.

---

* Поль Беньян — персонаж американского фольклора, великан-дровосек

Дишно нахмурился, но промолчал. Надеется, наверно, воспользоваться этой слабостью Дункана, в чем бы она ни заключалась. Наверно? Несомненно! Он был бы рад, если бы Дункан умер на месте.

Лицо исчезло — на время. Дункан не знал, что означает это то и дело возникающее видение. Возможно, оно предвещает еще один психический срыв. Если так, то нечего и беспокоиться. Думать об этом постоянно — значит ускорить срыв, если он действительно близок. Может быть, детское лицо — лишь симптом недостаточного отделения теперешнего «я» Дункана от прежних. Симптом легкого умственного нездоровья, только и всего.

Или он, думая так, поступает, как человек, насвистывающий для храбрости в темноте?

На остаток вечера Дункан выбросил это из головы. Он был слишком занят работой с Дишно и остальными тремя. В восемь часов он позвонил у двери Клойдов и миг спустя уже разговаривал со Сник, Клойдами и всеми прочими.

ГЛАВА 14

Весь четверг Дункан и Сник работали не поднимая головы, отрываясь только на еду, зарядку и посещение ванной. Пользуясь информацией, полученной от Дишно, они установили контакт с сорока восемью шефами союзных подпольных организаций по всему миру. Сник говорила, что Дишно удар бы хватил, узнай он, сколько секретных каналов связи они задействовали. Он, правда, открыл им эти каналы, но предупредил, что лучше ими не пользоваться без крайней необходимости. В настоящее время он такой необходимости не видел.

— Нельзя знать, не сидят ли на том конце канала органики с подслушивающим устройством, — говорил он. — Один промах, и всем нам крышка.

Первое, что диктовал Дункан, назвав себя, были формулы ФЗС и АТП. Потом он объяснял абонентам, для чего они служат. Многие уже знали, что такое ФЗС, но анти-ТП получил только один.

Дункан говорил им, что теперь он возглавляет все подпольные организации, и приказывал командирам распространить ФЗС и АТП среди своих подчиненных. Кроме того, им предписывалось при каждом удобном случае оставлять листовки с формулами там, где люди могли их найти. Способы Дункан оставлял на их усмотрение.

— Таким образом люди сами будут распространять эту информацию, избавив правительство от хлопот, — говорил он.

Не все отвечали на его вызов сразу. Многие потом звонили ему сами, но некоторые так и не откликнулись. Все, кому он звонил, впадали в шок, услышав, что говорят с Кэрдом-Дунканом.

Дункан не затрачивал много времени на каждый разговор. Предъявив свое удостоверение и вкратце изложив свои планы, он отправлял длинное печатное послание.

— Откуда тебе знать, будут они следовать твоим указаниям или нет? — спрашивала Сник.

— Я этого не знаю, и у меня нет способа их заставить. Но авось хоть кто-то что-нибудь да сделает.

Сник была полностью на его стороне. Но она, как и он, знала, что рано или поздно кто-нибудь из подпольщиков попадется. Арестованные будут лгать, поскольку получили анти-ТП. Но есть и другие способы узнать правду, хотя бы и противозаконные, и ганкам эти способы известны.

Жители пятницы не состояли в СК, поэтому Дункан и Сник провели этот день в каменаторах. Они втиснулись в цилиндры Клойдов, приняв позу эмбриона. Включенная энергия обратила их в камень. В субботу они вышли из цилиндров вместе с жителями этого дня и Клойдами. Донна и Барри оставались на воле почти весь день, потому что им очень понравилось быть дневальными. Дункан привлек их к рассылке своих циркуляров. Лемюэл Зико Шербер и Сара-Джон Панголин Тэн, субботние жители, большую часть дня провели на работе.

Замок в дверях квартиры заменили в пятницу. Если верить теленовостям, все население должно было получить новые замки к вечеру понедельника.

Клойды выполняли порученную им Дунканом работу в разных комнатах: она в кухне, он в спальне. Донна, приверженка буддизма, настояла на часовом перерыве, половину которого занималась пением молитв перед Кругом Всего Сущего. Это была двенадцатиугольная рамка красного дерева, двенадцати дюймов в поперечнике, поставленная на столик. Вмонтированное в рамку электронное устройство создавало на черном поле голограмму Будды, сидящего в позе лотоса. Когда Донна пела Заповедь Огня на давно уже мертвом языке пали, Будда начинал уменьшаться, словно уходя вглубь. Через пятнадцать минут он исчезал совсем. Донна продолжала петь в Никуда, как выражалась она, пока Будда не появлялся вновь и не становился опять большим.

Барри Клойд принадлежал к секте Божьих настройщиков, которые верили, что можно настроить себя в унисон исконной вибрации Вселенной, что бы это ни означало. Чтобы

достичь этого состояния, Барри сочетал молитвы с игрой на теремине. Это был электронный инструмент с двумя антеннами. Барри, водя руками в емкостном поле антенн, регулировал тон и высоту звука. Делая это, он сливался воедино с вибрациями космоса и прокладывал путь сквозь них, пока не начинал звучать в унисон со Вселенной и Богом.

Дункана встревожило бы присутствие столь иррациональных субъектов в рядах СК, если бы он не знал покойного падре Кабтаба. Лесной священник исповедовал еще более причудливую религию, чем Клойды. Однако во всех других отношениях он действовал вполне рационально и умело.

Субботние жильцы, Шербер и Тэн, вернулись с работы в 4.30. Шербер, оглядев многочисленные светящиеся экраны, спросил:

— У вас только один канал работает?

— Да, я и его-то почти не смотрю, — сказал Дункан. Каждый из работающих экранов был подключен к одному из секретных каналов. — Я общаюсь с нашими собратьями, рассеянными по всему свету.

— Никак не могу привыкнуть к этой мысли, — потряс головой Шербер. — Мне все кажется, что сюда вот-вот ворвутся ганки.

— Все возможно, — пожал плечами Дункан. — Но если они и засекут эти передачи, то лишь по чистой случайности.

— Такая случайность тоже вероятна. Или один из тех, с кем ты говоришь, может оказаться провокатором.

Дункан не считал это таким уж вероятным. Все члены подпольных групп допрашивались под ТП до введения противоядия.

— Так вот, насчет новостей, — сказал Шербер. — Мы с Сарой-Джон прямо взбесились. В 3.30 передали, что правительство решило не объявлять результаты референдума до окончания теперешней чрезвычайной ситуации. Теперь результаты точно подтасуют!

Дункан не спрашивал, какой референдум имеет в виду Шербер. Несколько обнедель назад гражданам отдельных городов разрешили проголосовать по поводу проведения референдума по снижению надзора правительства над населением. Сторонники референдума победили с небольшим перевесом. Теперь по закону требовалось провести этот референдум в мировом масштабе. Если победят сторонники меньшего надзора, они же и будут разрабатывать детали его уменьшения. А затем их программу снова выдвинут на голосование.

Дункан знал, что если граждане и добьются победы, то небольшой. Правительство, отказываясь отключить спутниковое наблюдение, руководствуется логикой и здравым смыслом. Небесные глаза абсолютно необходимы для регулирования товарного движения, для наблюдения за погодой, для уведомления властей о несчастных случаях или преступных действиях. Все это делается для блага общества. Спутники не могут делать все это, не отмечая одновременно, чем занимается каждый гражданин, пребывающий под открытым небом.

Однако города-башни отличались от горизонтальных городов. И многие их граждане не понимали, зачем нужно просматривать каждый квадратный фут улиц в башне с помощью монитора. Возможно, это делалось для их же блага, но их это возмущало. Недовольные предлагали выключить мониторы и включать их только в случаях происшествий, преступлений или домашних свар, когда в определенный район вызываются органики или медики.

Это было бы не столь уж большой уступкой со стороны правительства. Можно ведь заявить, что мониторы не работают, а на самом деле держать их включенными. Когда комиссия горожан придет с инспекцией в органический участок, она увидит, что мониторы отключены. А как только комиссия уйдет, мониторы возобновят наблюдение.

Пока что полную нагрузку мониторов оправдывали розыски Дункана и Сник, а также недавние стихийные демонстрации и мелкие беспорядки, о которых рассказывали выпуски новостей. Оправдывали, во всяком случае, с точки зрения правительства, а именно эта точка зрения и решала все.

— Говорят, вечером будет демонстрация в разных районах города, — сказал Шербер. — К нам ближе всего Блю-Мун-плаза. Нам с Сарой-Джон хотелось бы пойти. Только вот ганки...

— ...могут, чего доброго, вас забрать, — вмешалась Сник.

Клойды вошли в комнату как раз в конце разговора, и Барри сказал:

— Нам-то точно нельзя идти.

Сник взглянула на Дункана:

— А мне так надоело сидеть взаперти...

— Нет, тебе идти слишком рискованно.

— Да вы прямо телепаты, — сказала Донна, — читаете мысли друг друга. Это потому, что вы так долго были вместе?

— Во многом, особенно когда надо действовать, мы думаем одинаково, — сказала Сник. — Но частенько я не могу

понять, кой черт у него на уме. Он ведет себя как экстраверт, хотя по натуре и интроверт.

Дункан пожал плечами и повернулся к экрану. Это был последний на сегодня сеанс связи. На другом конце, в Сингапуре, глава тамошних подпольщиков получит распечатку программы перемен, выдвигаемой революционерами. Самый радикальный ее пункт — требование отменить систему мира дней. Нет больше необходимости делить население на семь частей. На Земле осталось всего два миллиарда человек, а не десять, как лживо утверждает правительство. Человечеству давно пора вернуться к древнему ежедневному образу жизни. Но в манифесте говорилось также, что все хорошее в Новой Эре будет сохранено. К тому дурному, что было в прежние времена, возврата быть не должно.

Лемюэл Шербер дождался, когда Дункан выключил последний канал, и сказал:

— Нам с Сарой-Джон надо пойти за покупками. Мы ненадолго.

— Только не приближайтесь к Блю-Мун-плаза, — сказал Дункан.

— Мы и не собирались. — Шербер с женой ушли, и дверь за ними закрылась.

— А нам, пожалуй, пора назад в каменаторы, — сказала Донна. — Было бы здорово пообедать всем вместе, но кормить нас всех им не по карману. Увидимся во вторник.

Дункан не пытался удержать их, хотя ему не хватало их веселой болтовни. Он посмотрел, как они идут рука об руку по коридору, и сказал Сник:

— Демонстрацию посмотрим по телевизору. Увидим, привела наша бурная деятельность к чему-нибудь стóящему или это так, променад.

— Ты хочешь проверить, хватит ли у молодежи духу полить краской мониторы? А может, и ганков?

Субботний командир уведомил их, что несколько молодых людей похитили баллоны с краской со склада. У них только и разговору, как они зальют уличные мониторы черным аэрозолем. Пока экраны не заменят, эти мониторы будут слепы. Командир сказал, что в этой группе был член СК, он-то и подал эту идею. Юнцы горячо его поддержали, но дело может ограничиться хвастовством.

Но если они сделают, как хвалились, им, быть может, начнут подражать и другие жители Лос-Анджелеса. А молодых людей могут арестовать, и они понесут наказание. Молодежь не так задумывается о последствиях, как более старшие и консервативные люди.

В дверь позвонили. Дункан и Сник на миг замерли. Клойды остановились на пороге каменаторской. На стенных экранах по всей квартире вспыхнули оранжевые надписи: В ДВЕРЬ ЗВОНЯТ. Звонили громко, настойчиво — стало быть, это были не Шербер и Тэн, те открыли бы дверь, сунув в щель одну из карточек, дав сначала возможность тем, кто внутри, посмотреть на них по монитору. Дункан включил монитор. За дверью стояли низенький мужчина и высокая женщина, Пат и Паташон, оба в пурпурных комбинезонах с алыми полосками — униформе Санитарного департамента штата Лос-Анджелес. На погонах у них были золотые метелки — знак отличия бытового отдела. Значки в виде совков для мусора указывали, что эти двое — инспекторы.

Дункан отрывисто бросил Клойдам, повернувшим по коридору обратно:

— Давайте-ка займитесь ими. Сделайте вид, что вы — сегодняшние жильцы.

Барри посмотрел на экран над дверью.

— Какого черта им надо?

— Не знаю. Какое-то бытовое нарушение, наверно. Если только это не ганки, которые хотят проникнуть сюда и взять нас без шума.

Клойды побледнели, но Донна твердым голосом сказала:

— А если просто притвориться, что нас нет дома?

— Граждане Шербер и Тэн, — заговорила инспекторша. — Пожалуйста, впустите нас. Мы пришли проверить межтемпоральную жалобу воскресных жильцов. Нам ее оставил воскресный Органический департамент. У нас ордер на инспекцию. Вот наши удостоверения.

На экране монитора появилось изображение женщины и ее служебные данные. Это была капрал-инспектор Рани Ису Уильямс, имеющая все необходимые полномочия. Убрав с лица улыбку, она сказала с решительным и суровым видом:

— Нам известно, что вы допустили перерасход энергии и что вы сейчас дома. Откройте!

— О Господи! — сказала Донна.

Дункан тихо выругался. То, что он вел отсюда передачи, не поддавалось обнаружению, но приборы зарегистрировали расход энергии, намного превышающий среднюю величину. Обычно в таких случаях достаточно уплатить штраф по своей карточке. Вряд ли Энергетический департамент станет заявлять органикам о таком перерасходе. А вот если инспекторов не впустить, они уж обязательно доложат об этом ганкам. И те явятся с ордером на обыск или установят специальное устройство для наблюдения за этой квартирой.

Возможно, конечно, что эти двое — тоже переодетые органики. Или убийцы, посланные Дишно.

Этой вероятностью тоже не следовало пренебрегать.

Сник, не дожидаясь указаний, деактивировала все экраны, кроме телевизионных и декоративных. Дункан рявкнул:

— Донна, Барри! Ответьте кто-нибудь! Скажите, что прилегли отдохнуть. А потом впустите их!

Сник уже стояла с пистолетом у двери в каменаторскую.

— А вдруг они знают Шербера и Тэн в лицо? — сказала Донна.

— Скорей всего нет. И вряд ли будут проверять вас на этот предмет. Отвечайте!

Еще не дойдя до коридора, он услышал, как Донна говорит:

— Извините, мы тут немного вздремнули. Вчерашняя вечеринка затянулась допоздна!

Дункан ушел в каменаторскую как раз в тот момент, когда входная дверь начала отодвигаться.

ГЛАВА 15

Он спокойно активировал экран, чтобы видеть и слышать происходящее в гостиной. Уильямс говорила, что департамент вынужден был отреагировать, получив три междудневные жалобы от воскресных жильцов. Жалобы заключаются в следующем. Первое: суббота не убирает все свои вещи в персональный шкаф перед каменированием. Второе: в северо-восточном углу кухни воскресниками обнаружена грязь, оставленная субботними жильцами. Третье: в мусоропроводе обнаружен пакет с некаменированным мусором. Четвертое: суббота не сменила постельное белье. Суббота не принесла извинений в ответ на выговор, оставленный ей воскресеньем. Мало того, она ответила посланием оскорбительного и непристойного содержания, а именно: «Не пошли бы вы в задницу со своими претензиями».

— Вот придурки! — сказала Донна. — Зачем тогда селиться в квартале блони, раз они такие чистюли?

— Существуют какие-то минимальные стандарты, которые вы обязаны соблюдать, — ответила инспекторша. — Мы уполномочены проверить подлинность жалоб и произвести инспекцию помещения.

— Но до полуночи еще далеко, — заметил Барри. — Нельзя привлекать нас за неопрятность, если мы пока не успели убраться.

— Нам приказано доложить о состоянии квартиры в момент инспекции. Это предусмотрено распоряжением 6-С5,

параграф 3Д, — сказала Уильямс. Ее низенький спутник, Себта, молчал и усердно жевал резинку.

— Это произвол, — заявил Барри.

Несмотря на всю серьезность ситуации, Дункан усмехнулся. Клойды потому так возмущаются, что на самом-то деле не отвечают за субботу, а отдуваться приходится им.

— Можете жаловаться на нас, если хотите, — равнодушно сказала Уильямс. Она, без сомнения, привыкла к куда более сильным выражениям, имеющим прямое отношение к ее личности.

— Ну что, залезем в пятничные каменаторы? — преспокойно спросила Сник.

— Нет уж. Слишком рискованно.

— Вот и ладно, мне и не хотелось. Но как же мы, черт возьми, будем уворачиваться от них?

Дункан изложил ей свой план. Она сказала:

— Это не менее рискованно, чем лезть в каменатор. Зато подраться можно будет, — улыбнулась она.

— Пре́дпочел бы, чтобы до этого не дошло.

Длинная чернявая Уильямс и темнокожий, с окрашенной в огненный цвет бородой коротышка Себта тем временем приступили к работе. Себта со съемочной камерой ходил по пятам за Уильямс, которая диктовала свои наблюдения в портативный микрофон. Камера Себты заглядывала в нижние углы комнат, а Уильямс комментировала, насколько чисто или грязно в данной точке. Они обошли гостиную, заглядывая под мокахочную (моделируй, как хочешь) мебель.

— Ага! — воскликнула распластанная на полу Уильямс, извлекая из-под дивана грязный носок.

— Это не наше! — сказала Донна.

— А чье же?

— Откуда я знаю? Может, как раз этих воскресных поганцев!

Уильямс поместила носок в сумку для вещественных доказательств, висящую у нее на поясе. Затем инспекторы вместе с Клойдами вышли в коридор.

— Откройте ваш персональный шкаф, — распорядилась Уильямс.

К счастью, дверцы шкафа не были заперты. Иначе Клойды не сумели бы их открыть с помощью своих карточек, относившихся к другому дню.

Дункан и Сник ждали за полуоткрытой дверью каменаторской. Инспекторы могли потом направиться и в спальню, и на кухню, и сюда.

Заметив, что вещи на полках следует складывать аккуратнее, Уильямс проследовала в спальню, все остальные — за ней. Дункан с удовольствием отметил, что Клойды остались у порога, частично загораживая коридор от Уильямс и Себты. Потом Донна слегка прикрыла дверь, еще больше сузив поле зрения. Барри отчаянно жестикулировал, давая, как видно, понять Дункану и Сник, чтобы они уходили.

В критической ситуации Клойды вели себя хладнокровнее, чем Дункан полагал. Кто-то из них, а может, и оба, сообразили, что Дункан и Сник наблюдают за ними через стенной экран.

Дункан выключил экран, чтобы инспекторы не поняли, что за ними кто-то следил. Потом они со Сник, держась рядом, вышли в коридор и проскочили в гостиную. Там они спрятались за диваном, который стоял у стены, далеко и от двери гостиной, и от входа в квартиру. Дункану не хотелось выходить наружу и привлекать внимание соседей. С другой стороны, надо было перехватить Шербера и Тэн до того, как они явятся со своими покупками. Но, делая это, он обратит на себя еще больше внимания. Соседей может заинтересовать, почему это Тэн и Шербер не зашли домой занести покупки, а повернули прочь от своей квартиры.

— От каких, однако, мелочей все время зависит моя жизнь, — пробормотал он.

— Что? — не расслышала Сник.

— Ничего существенного.

Теперь он не осмеливался включить экран и не мог следить за инспекторами. Но Донна сказала громко:

— Надеюсь, в спальне все в порядке? Куда теперь?

— Минимальный порядок соблюден, — разочарованно ответила Уильямс. На второй вопрос Донны она не ответила.

— Не вижу, куда они пошли, — сказала Сник, встала и направилась к правой стороне двери, прежде чем Дункан успел ее остановить.

Он встал с места, чтобы видеть ее. Она высунула голову за дверь и тут же вернулась к нему.

— Они в каменаторской.

— О черт! — В ответ на ее недоуменный взгляд он объяснил: — Я как-то об этом не подумал. Если они заметят, что в цилиндрах отсутствуют и жители вторника, и жители субботы, они что-то заподозрят. И, возможно, арестуют Клойдов.

— Я думала, ты давно уже это сообразил.

В этот момент входная дверь начала скользить вбок. Это происходило бесшумно, но более яркий свет и голоса на улице заставили Дункана выглянуть из-за дивана. Пришли

Шербер и Тэн, она тянула за собой складную двухколесную тележку, полную бумажных пакетов. Дункан вскочил, махая им одной рукой и приложив к губам палец другой. Сник тоже вышла из-за дивана, беззвучно шевеля губами и тыча пальцем в сторону коридора.

Тэн собралась что-то сказать и уже открыла свой накрашенный под зебру рот, но так и не издала ни звука. Дункан подошел к недоуменно глядящим хозяевам и сказал:

— Инспекция! Давайте тележку и уходите! Возвращайтесь не раньше чем через полчаса и позвоните сначала! А когда позвоните, не предъявляйте удостоверений!

Тэн и Шербер вышли, и Дункан завез тележку за диван. Сник, наблюдавшая за коридором, чтобы проверить, не видят ли их инспекторы из кухни, вернулась в укрытие. Входная дверь стала закрываться. У кого-то из ушедших хватило смекалки вставить в щель карточку и активировать голосом дверь, чтобы запереть ее снаружи.

Сидя на полу рядом со Сник и тележкой, Дункан сказал:

— Чуть было не влипли!

Сник не ответила — и так было ясно.

Еще пять минут ожидания, и тихие голоса из коридора стали громче. Клойды говорили во весь голос, чтобы Дункан и Сник слышали, где они есть. Они делали это, хотя и не знали, остались их гости в квартире или нет.

— Тея, — сказал Дункан, — доползи до стены и включи опять внутренний монитор. Наведи его на кухню и каменаторскую. И оставайся там, чтобы быстро выключить его и вернуться.

Картинка, которую Сник опустила голосом в самый низ стены, делилась на четыре кадра, так что нужная комната показывалась со всех четырех сторон. Инспекторы были в каменаторской. Несколько минут они проверяли плинтуса, потом перешли к каменаторам — возможно, смотрели, нет ли на них пыли, хотя субботние жильцы отвечали только за свои цилиндры.

Дункан с облегчением увидел, что Уильямс прошла мимо вторичных цилиндров, не посмотрев на них. Ее занимала только суббота, остальное ее не касалось. Она попросила Клойдов дать голосовые подписи под ее протоколом в знак того, что инспекция закончена.

Только бы, подумал Дункан, кому-нибудь из департаментского начальства не пришло в голову сравнить голосовые частоты подписавшихся с частотами Шербера и Тэн. Да нет, этим заниматься никто не станет, если только за этим визитом не стоят органики.

Если Уильямс и Себта все-таки ганки, то они уже знают, что Клойды — не те, за кого себя выдают. И Уильямс, возможно, заметила, что вторничные цилиндры пусты — еще до того, как Сник включила монитор. Вот сейчас эти двое «инспекторов» выйдут и доложат обо всем ганкам, которые ждут снаружи. И в квартиру вломится целый отряд. Нет, не может быть. Шербер и Тэн увидели бы это и предупредили его и Сник.

Уильямс и Себта явно не знают, что здесь скрываются двое человек. Если бы они что-то заподозрили, они просто вынули бы пистолеты из-под комбинезонов и арестовали бы Клойдов.

— Департамент уведомит вас о наших дальнейших действиях. — С этими словами Уильямс кивнула Себте, чтобы он следовал за ней, и вышла из каменаторской. Дункан сделал Сник знак выключить экран. Она выключила и быстро отползла назад к нему. Через минуту инспекторы покинули квартиру.

Как только дверь закрылась до конца, Дункан встал. Донна взвизгнула и схватилась за Барри. Тот повернулся и увидел Дункана со Сник.

— Бог мой, ну и напугали вы нас! Мы не знали, что вы все еще здесь!

Дункан рассказал ему, что произошло.

— Тэн и Шербер должны вернуться минут через пятнадцать. Они позвонят в дверь, когда придут.

— Я чуть в штаны не наложила, — сказала Донна. — Я была уверена, что они увидят наши пустые каменаторы! Как насчет выпивки? Мне это определенно требуется!

Когда вернулись Тэн и Шербер, Клойды были уже порядком навеселе. Дункан и Сник испытывали искушение последовать их примеру, но они давно уже договорились ограничиваться одной порцией спиртного в день. Они не хотели оказаться под градусом, если их вдруг застанут врасплох.

Шербер и Тэн были так выбиты из колеи, что попытались догнать Клойдов. Обед сильно запоздал, а после него все уселись в гостиной. Дункан и Сник единственные держались начеку, несмотря даже на волнующие новости, передаваемые по телевизору. На многих этажах каждой из башен происходили антиправительственные демонстрации. Донна Клойд, посмотрев на это несколько минут, заявила, что ужасно хочет спать, но вместо постели пойдет в свой цилиндр.

— Тогда я буду в двойной отключке, — смеялась она.

— Хорошая мысль, — поддержал Барри. И Клойды побрели по коридору, обнявшись, чтобы не упасть.

Как передавалось в новостях, политические демонстрации шли и в других башнях Калифорнии. Ни одна из них не была дозволена Органическим департаментом. «Ганкам придется туго, — подумал Дункан, но они с лихвой отыграются на демонстрантах».

Службы новостей переключались с митинга на митинг, но наконец сосредоточились на том, который угрожал принять наиболее насильственный характер. Это был митинг на Блю-Мун-плаза, недалеко от их квартиры.

Двадцать два стенных экрана показывали площадь под разным углом. Демонстранты, в основном молодежь разного пола, сгрудились в центре площади вокруг многоярусного фонтана. Их выкрики, несущиеся с экранов, заставили Дункана немного убавить звук.

— Мы хотим свободы!

— Долой небесные глаза!

— Довольно жить раз в неделю! Даешь естественный образ жизни!

— Покончить с коррупцией в правительстве!

— Положили мы на вас, тираны!

— К стенке их, свиней!

— Дайте народу ФЗС!

— Мы не люди второго сорта! Дайте и нам ФЗС!

— Катись в задницу, Большой Брат!

Детекторы звука выхватывали из толпы:

— Ура Дункану и Сник!

— Помилование Дункану и Сник! Пусть расскажут все, как было!

— Мы устали от правительственной лжи! Скажите нам правду!

Многие размахивали листовками. Дункан не мог прочесть их, но подозревал, что это те самые сообщения, которые он передал в эфир всего две недели назад — а казалось, давным-давно. Потом он услышал отрывок своего текста из портативного передатчика: «...ЕСЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОТВЕТИТ ВАМ ОТКАЗОМ, БОРИТЕСЬ!»

Толпа росла, меняла форму, то выставляя щупальца, то втягивая их обратно.

— В противозаконном сборище на Блю-Мун-плаза, — говорил диктор, — участвует примерно тысяча человек. Общее количество участников демонстраций, не получивших разрешения и, следственно, противозаконных, составляет, по официальным данным, пятьдесят тысяч. Это количество очень невелико по сравнению с общим населением штата Лос-Анджелес, составляющим двадцать миллионов. Хотя Великая

Хартия Прав и Обязанностей Органического Сообщества дает гражданам право на политические, социальные и экономические демонстрации, она требует также, чтобы подобные демонстрации проводились только с разрешения местного Органического департамента. Но ничтожная кучка подрывных элементов и недовольных...

Улицы, расходящиеся от площади, были забиты ганками. Пистолеты пока оставались в кобурах, зато электропарализаторы, погонялки и гранаты со слезоточивым газом были наготове. Там, где проспекты соединялись с площадью, стояли два огромных водомета с брандспойтами, направленными в толпу. Неровный круг демонстрантов замкнули в кольцо патрульные машины, оснащенные паровыми орудиями, которые выбрасывали резиновые пули.

На некоторых экранах виден был воздушный отряд органиков; мобили садились на крышу башни и на посадочные площадки разных этажей. Их вызвали из других калифорнийских округов.

Генерал-органик ревел в рупор:

— Это последнее предупреждение! Всем немедленно разойтись! Отправляйтесь по домам! В противном случае все будете арестованы! Повторяю...

— Ну, что скажете? — воскликнул Шербер. — Никто не уходит, ни один человек! Все остаются! Вы их только послушайте!

— ...в штате Сан-Франциско, — говорил диктор. — Донесения о стычках с органиками подтвердились. Представитель Органического департамента заявляет, что множество демонстрантов, количество уточняется, было арестовано. Имеются раненые, но смертельных случаев нет, и мы, когда ситуация прояснится, сможем назвать вам точное количество...

Генерал взревел, перекрывая выкрики, вопли и пение на Блю-Мун-плаза:

— Офицеры! Арестовать правонарушителей! В случае сопротивления действуйте согласно уставу!

— Эх, меня там нет! — сказала Сник. — Я бы им показала!

Первые ганки, стараясь не прибегать поначалу к чрезвычайным мерам, согласно правилам департамента, бросились в толпу и пропали в ней. Ганки, оставшиеся позади, тыкали погонялками лезущих на них демонстрантов. Генерал кричал в рупор какие-то приказы, едва слышные из-за всеобщего гвалта. Потом через головы органиков ударили в середину толпы подкрашенные красным струи водометов. Люди

по краям толпы стали с криками валиться на своих товарищей.

В середине площади возникло недолгое замешательство, но сбитые с ног быстро поднялись. Тогда водометы придвинулись поближе — теперь под их струи попадали и ганки. Вся масса вдруг сделалась красной с ног до головы. Вода, разлившаяся по площади, походила на кровь.

— Черт! — сказала Сара-Джон. — Теперь они не смогут смыть с себя краску. Останутся мечеными не меньше чем на неделю! Бедняги! Ганки их разыщут, даже если они разбегутся!

В это время толпа прорвала кольцо патрульных машин — те так и не открыли огонь, потому что под резиновые пули могли попасть свои же органики. Демонстранты хлынули с площади сквозь ряды ганков, перекрывших проспекты. В свалке падали наземь и органики, и демонстранты, но бегущие подымались, не оставляя попыток пробиться вперед. Генерал, стоя в своей открытой машине, в рупор призывал их остановиться и подчиниться аресту. Тогда кто-то — Дункану показалось, что это женщина, — ткнул электропогонялкой, отнятой у ганка, генералу в живот. Тот выронил рупор, скрючился, схватился за живот руками, выпал из машины и исчез в свалке.

За короткое время с площади разбежались по крайней мере три четверти демонстрантов. Остальные или остались лежать на площади, или попали в руки ганков. Этих тащили к запасным каменаторам на краю площади. Но каменаторов не хватало, и ганки вскоре отказались от них. Оставшихся арестантов валили на мостовую и связывали им руки за спиной клейкой лентой. Потом им брызгали в лицо ТП, и они теряли сознание.

— Неплохо для начала, — сказал Дункан. — Их было мало по сравнению с общим числом населения. Но со временем их станет больше, и их настрой станет более боевым. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Бог ты мой! — сказала Сара-Джон. — Муж-то у меня отключился! Как это он ухитрился при такой свистопляске? — Она, пошатываясь, поднялась со стула. — Он не привык много пить. Уложу-ка я его в постель. — И она потащила Шербера в спальню.

— Нет, ты посмотри! — сказал Дункан. — Глазам не верю! Демонстранты возвращаются! Дело обстоит лучше, чем я думал!

Красная орда неслась назад по улицам прямо на шеренги ганков. Те, хотя и были захвачены врасплох, все же сомкнули

ряды в центре площади, так что первоначальная расстановка сил приняла противоположный оборот. Патрульные машины развернулись, обратив стволы своих резинометов в сторону улиц. Башни водометов тоже поворачивались, чтобы встретить надвигающуюся массу.

Теперь в руках у бегущих появились баллоны. Дункан предположил, что они имелись у демонстрантов с самого начала, только те держали их за пазухой. Тогда людям, как видно, не хватало храбрости ими воспользоваться. Но теперь молодых горожан охватила ярость, не менее красная, чем жидкость, которой их полили. Одни схватились с органиками, а другие влезли на тумбы с мониторами и стали заливать экраны черной краской. Многие брызгали из баллонов в лица ганкам.

Генерал уже взгромоздился вместе с рупором обратно на машину и что-то орал. Дункан не разбирал слов — их заглушал адский галдеж.

От черной краски доставалось и стенным экранам домов вокруг площади, и камерам съемочных групп. Многие экраны в комнате погасли.

— Вырубите все! — закричал Дункан, вскочив с места. — Так им, сволочам! Докажите им, что вы не овцы!

Сник тоже вскочила с радостным криком.

И тут погас свет.

ГЛАВА 16

— Кой черт? — сказал Дункан. Он взглянул на светящийся циферблат своих часов. Было 7.11.

Из коридора послышался голос Сары-Джон Тэн:

— Ох, нет! Опять свет выключили!

Дункан произнес команду активации экранов, но они не зажглись. Не открылась и входная дверь в ответ на кодовую фразу.

— Вряд ли, думаю, в сегодняшнем персональном шкафу имеется фонарик или свечи?

— Сару-Джон можешь не спрашивать, — сказала Сник. — Я проверяла. Ничего такого там нет.

Казалось, что воздух умирает, давя на них плотной, теплой массой. Дункан добрался до стены, нащупал ее пальцами вытянутой руки, пошел вдоль нее и наткнулся на Сник.

Сара-Джон ощупью пробиралась в гостиную. Идя на голос Сник, она добрела до дивана. Дункан, который к тому времени тоже уселся там, ощутил запах ее духов, смешанный с запахом нервного пота.

— Лем дрыхнет себе на кровати, — сказала она, — везет же сукину сыну.

— Интересно, что стряслось? — сказала Сник. — На этот-то раз мы не взрывали энергостанцию. Может, это другие диверсанты, о которых мы не знаем?

— Сомневаюсь, — сказал Дункан. — Может, просто авария.

Сам он в это не верил. Он думал, что тут, возможно, не обошлось без правительства. Когда вокруг темно и свет идет только из ганковских машин, демонстранты станут беспомощными. Кого-то переловят, остальные разбегутся. Отключение электричества — весьма крутая мера, но правительство на это способно. Однако вину за это оно на себя не возьмет, а свалит ее на что-то или на кого-то другого.

Сара-Джон сказала голосом, в котором звучала почти паника:

— В прошлый раз было просто ужасно. Мы проснулись в среду и подумали сначала, что настал очередной вторник. Но когда и другие дни вышли из своих каменаторов, мы поняли, что случилось что-то очень плохое. Мы долго не могли выйти из квартиры. Ганкам пришлось выжигать замок. Нам сказали, что надо будет эвакуироваться из города. Улицы, конечно, были забиты, и...

— Это в тот раз, — сказала Сник. — Что было тогда, мы знаем.

— Нет, не знаете, вас не было в этой треклятой каше.

— Не думаю, что теперь свет отключили надолго, — сказал Дункан. — Давайте просто подождем и не будем терять спокойствия.

— Жаль, что замок уже вставили, — заметила Сник. — Теперь может пройти добрых несколько часов, пока ганки доберутся до нас и выжгут его. Мы могли бы сделать это сами, но как им это потом объяснить?

— Может, на сей раз это не займет так много времени, — сказал Дункан. — Теперь ситуация другая. На воле только граждане сегодняшнего дня, то есть одна седьмая того количества, которое было тогда. И в семь раз меньше людей, потребляющих кислород, так что воздуха хватит надолго. А ганков в городе чертова уйма. Подождем.

Он прямо-таки чувствовал, как ерзает Сник. Она была воплощенное действие и терпеть не могла сидеть и ждать, что будет дальше. Если ожидались какие-то события, она хотела сама направлять их. Но природную нетерпеливость подавляла строгая дисциплина и многолетняя выучка органи-

ческого офицера. Сник не совершит ничего необдуманного, если ситуация не вынудит ее к этому.

Очень медленно прошел час. Казалось, что секунды с трудом просачиваются сквозь все более теплый и тяжелый воздух, оседая на людях, как дохлая мошкара. Трое сидящих старались разговаривать, но паузы делались все длиннее, а фразы — все короче и отрывистее. Наконец Дункан встал.

— Придется выжечь замок.

В коридоре послышался голос Шербера:

— Какого черта тут творится?

Тэн на ощупь двинулась к нему.

— Не паникуй, Лем! — крикнула она. — Это опять свет отключили!

— Нет, только не это! — пронзительно выкрикнул Шербер.

Супруги нашли друг друга во мраке и вместе вернулись в гостиную. Шербер выругался, когда ему объяснили ситуацию, но потом умолк.

Дункану теперь казалось, что его версия об отключении энергии правительством ошибочна. Демонстрантов давно уже должны были разогнать или переловить. Спрятаться-то им негде. Все двери заперты, и в квартиры попасть нельзя. И они не смогут выдать себя за невинных граждан, случайно оказавшихся на улице в момент аварии. Красная краска их выдаст.

Разве что, думал Дункан, правительство вознамерилось как следует прочистить гражданам мозги. Помучить их так, чтобы вызвать всеобщее возмущение — даже ненависть — против тех, кто будто бы устроил это затемнение. Они со Сник этого не делали, но правительство обвинит их. Заявит, что они всему виной.

Какую же историю сочинят власти? Что Дункан и Сник, психопаты и безумные диверсанты, опять напали на станцию Болдуин-Хиллз и уничтожили конверторы-генераторы? Нет. Это не пройдет, если электричество собираются включить в скором времени. Скорее всего будет объявлено, что преступники каким-то образом ввели в систему отключающую команду. И что инженеры якобы долго не могли обнаружить эту команду и отменить ее.

У него пересохло во рту, и очень хотелось пить. Вода из крана не шла, но они со Сник добрались до сегодняшнего кухонного шкафа и отыскали там бутылки с фруктовым соком, купленные сегодня Тэн и Шербером. Все четверо жадно напились. В обычных условиях этого было бы более чем достаточно. Но теперь Дункану казалось, что воздух перестал

быть грудой дохлой мошкары, что эта мошкара ожила и высасывает из тела все соки.

По стене он добрался до входной двери. Сейчас он найдет замок и выжжет его. К черту последствия. Надо выйти отсюда, пока он не умер от обезвоживания или кислородного голодания, что там первое его доконает. Достав пистолет, он внезапно вздрогнул от сильного стука в дверь. Приложил ухо к дереву и едва расслышал:

— Органический департамент! Постучите, если слышите меня!

Дункан забарабанил по двери рукояткой пистолета, потом снова приложил ухо.

— Отойдите от двери! Мы выжигаем замки!

На двери в том месте, где был врезан замок, появилось тусклое красное пятно. Потом оно стало шире, и Дункан ощутил слабый запах дыма. В узкое отверстие ворвался фиолетовый луч, описал круг и исчез. Раздался треск, и выжженный кусок упал вовнутрь с еще дымящимися краями. Комнату наполнил запах горелого дерева. В дыру проник другой луч — свет фонарика, немного рассеявший мрак. Послышался голос, усиленный мегафоном.

Дункан, пользуясь лучом света, устремился в коридор.

— Тея, за мной! Тэн, Шербер, оставайтесь тут!

Они добрались до спальни как раз вовремя. Дверь отодвинулась, и громкий мужской голос сказал:

— Оставайтесь пока на месте! Не толпитесь на улице и не мешайте нам делать свое дело.

— Спасибо, офицер, — сказала Тэн.

Дункан и Сник, выждав минуту, вернулись назад. Тэн и Шербер стояли на пороге и жадно дышали. Но уличный воздух был почти таким же плотным и теплым, как в квартире.

Улицу освещали фары и прожектора двух патрульных машин, припаркованных на несколько квартир дальше. В этом свете на порогах маячили бледные лица жильцов. Четверо ганков выжигали замки.

Прошло полчаса. Огни машин и фиолетовые лучи протонных пистолетов теперь светились где-то дальше по улице. Люди выходили из квартир и переговаривались — вначале спокойно, но вскоре поднялся гвалт, где голоса взрослых смешались с плачем малых ребят и воплями детей постарше.

— Мне страшно, — сказала Сара-Джон. — Как же мы узнаем, что происходит, раз телевизора нет?

Она от рождения привыкла к свету и к движущимся картинам на стенах. Отсутствие всего этого выбило ее из

колеи. Но Дункан и Сник привыкли к нехватке зрительной информации во время своего пребывания в Нью-Джерси. Тогда они так старались выжить, что не испытали симптомов отвыкания.

Пятнадцать минут спустя явились рабочие из Ремонтно-эксплуатационного департамента с факелами, которые стали расставлять через каждые двести футов. Освещение около квартиры было слабым, поскольку она находилась как раз посередине между двумя факелами. Но и такой свет был лучше, чем никакого, и люди на улице приободрились.

Дункан и Сник ушли в гостиную, а Тэн и Шербер остались на пороге.

— Если они не включат электричество скоро, — сказал Дункан, — город придется эвакуировать. Воздуха надолго не хватит.

— По-моему, надо открыть выходы на крышу и те, что у подножия башни, — сказала Сник. — Это должно помочь.

— Возможно, но этого будет недостаточно. На мой взгляд, жителей надо вывести из башни. Или хотя бы ближе к периметру, где воздух достаточно свежий.

— Ты хочешь сказать, что нам с тобой нельзя будет остаться тут?

— Попытаемся. Может, когда все уйдут, нам хватит воздуха.

— Сейчас его определенно свежим не назовешь.

— Мы можем уйти со всеми, но это большой риск. Если ганки настороже, они поймут, что сейчас самое время нас брать. Хотя...

У властей и так забот по горло, только поспевай управляться. До того ли им, чтобы отдавать ганкам приказ о поимке беглецов? Может, и не до того. Но может случиться так, что какой-нибудь ганк просто опознает преступников.

Через несколько минут на улице появилась работница ремонтно-эксплуатационной службы на электрическом трициклете. Дункан услышал рев ее мегафона задолго до того, как она подъехала к ним.

— Внимание, граждане! Внимание! Всем жильцам! Всем жильцам! Немедленно следуйте к восточному концу улицы! Нет причин для паники! Следуйте к восточному концу улицы!

Внимание! Следуйте к восточному концу улицы! Это приказ губернатора! Не допускайте паники! Все к восточному концу улицы! К восточному! Приказ губернатора! Вас эвакуируют по запасной лестнице! Внимание, граждане...

Голос удалялся в западном направлении. Люди на улице после недолгих колебаний двинулись в указанную сторону

К ним присоединились другие, идущие с запада. Проехало несколько битком набитых автобусов. Дункан не видел конца улицы, но мог себе представить, какая толпа скоро повалит по ней. Ганкам нелегко будет управиться с такой массой, которую надо направить вверх или вниз по лестнице, заставляя двигаться с достаточной, но не слишком большой скоростью, и при этом не дать вспыхнуть панике. Дункан не знал, как будут вывозить пациентов из больниц, но это была не его проблема.

— Что делать? — спросила Сара-Джон. — Оставаться здесь или идти со всеми?

— Мы остаемся, — сказал Дункан. — А вы решайте, но, по-моему, вам надо идти.

— Ну, до встречи. — Тэн и Шербер вышли на улицу и влились в медленный, как патока, и все прибывающий поток. Однако через несколько минут улица опустела. Та же женщина проехала мимо, повторяя свои указания.

Когда она уехала, Дункан сказал:

— На двоих воздуха должно хватить. Жарче, думаю, уже не будет.

Прошло около получаса. Они сидели на пороге, где дышать было чуть легче, приготовясь уйти внутрь при появлении рабочих или ганков. Обоим очень хотелось спать, но лечь в постель они не могли. В квартире было слишком жарко и душно. Кроме того, события принимали какой-то зловещий оборот. Они оба чувствовали это подсознательно, кожей. Это затемнение ничем нельзя было объяснить, и беглецы не смогут успокоиться, пока не узнают, чем оно вызвано. А возможно, и тогда не смогут.

Они поднялись, увидев огни за поворотом улицы. Миг спустя стало видно, что это фары двух патрульных машин. Дункан пригнулся и высунул голову за дверь так, чтобы видеть улицу одним глазом. Потом убрал голову и сказал:

— Две ганковские машины стоят по обе стороны улицы справа от нас. Их прожектора светят в открытые двери рядом. Один человек из каждой машины управляет прожектором, а двое вошли в квартиру. Один из этих двоих несет какой-то прибор. Трудно рассмотреть какой, но, по-моему, это нюхач.

— Дай посмотрю. — Сник тоже пригнулась и выглянула наружу. — С другой стороны улицы то же самое. За поворотом не видно, но там, кажется, тоже стоят машины, и ганки, видимо, заняты тем же.

Дункану представлялось очень вероятным, что ищут именно его и Сник. Кого же еще? Но как ганки узнали, что

беглецы живут в этом районе? Может, кто-то из местных жителей видел их — или ему скорее показалось, что он их видел, — и сообщил органикам? Почему тогда облаву устроили сейчас, а не раньше? Ответ, видимо, такой: доносчик видел их уже давно, но сообщил об этом совсем недавно, потому что не был уверен. Скажем, перед самым затемнением. После отключения энергии он бы этого сделать не смог.

Да нет, смог бы, если бы лично пошел в участок или обратился к любому ганку. Но тогда, значит, доносчик живет рядом с участком или встретил ганка на улице. Он не отважился бы идти куда-то далеко в темноте.

Опять-таки информатор должен был находиться вне дома, когда вспомнил, что видел Дункана. Или в магазине, где двери не запираются.

Да какая разница, как это произошло? Главное, что произошло.

Важно еще и то, что ганки не знают точно, где он находится. Иначе они стянули бы все свои силы к этой квартире. Знай они хотя бы, что он и Сник прячутся где-то в этом квартале, они наводнили бы здесь все улицы. Возможно, все, что им известно, — это что беглецы находятся на этом этаже или в этой башне.

Дункан снова выглянул за дверь. У каждой машины стояло по ганку с прожектором — они светили в те квартиры, куда вошли их товарищи.

Дункан отступил назад и тихо сказал:

— Если они возьмут нас теперь, когда вокруг никого нет, они смогут сделать все что угодно. Убить нас или втихую доставить в ближайший участок.

— А ты как думаешь, что они сделают?

— Думаю, что им захочется узнать все о нашей деятельности и о тех, с кем мы связаны. Но живые мы представляем большое неудобство для правительства, вдобавок служим знаменем для недовольных и радикалов. На месте Всемирного Совета я предпочел бы, чтобы нас убили.

— Вот это верно. Постараемся захватить с собой побольше народу.

Дункан усмехнулся. Древние викинги, не признававшие иной смерти, кроме гибели в бою, ей и в подметки не годились. Если Валгалла есть, валькирии определенно отнесут ее туда, хоть она и женщина.

Сник хотела сказать что-то еще, но он вскинул руку, призывая к молчанию. Снаружи донесся слабый шум, похожий на говор многих голосов. Сник прислушалась.

— Это еще что?

Он снова выглянул, а Сник втиснулась между ним и дверным косяком, чтобы тоже посмотреть. Двое ганков у машин стояли к ним спиной. Огни за поворотом сделались ярче. Появилась патрульная машина, сверкая фарами. Следом шли несколько пеших ганков с оружием в руках. За ними двигалась какая-то беспорядочная колонна — очевидно, арестованные демонстранты. Они выкрикивали лозунги, которые порой долетали до ушей Дункана:

— Хотим жить каждый день!

— Долой правительство!

— Требуем справедливого суда для Дункана и Сник!

— Да здравствует революция!

— Дайте бессмертие и нам!

— Убирайтесь, свиньи!

— Их ведут к лестницам, — сказал Дункан. — Или собираются загнать в какой-нибудь театр и запереть там, пока не найдут время разобраться с ними поодиночке.

Ганки, обыскивающие квартиры, выглянули наружу и, удовлетворив свое любопытство, ушли обратно. Через минуту обе пары вышли и передвинулись в соседние квартиры.

— Может, присоединимся к колонне? — сказала Сник.

— Нет. Могу поспорить, что их всех проверят нюхачом.

Вскоре вся сотня демонстрантов исчезла за поворотом. Патрульные машины и пешие ганки, замыкающие колонну, тоже ушли. Ганки, стоящие у машин, сели в них и подъехали на несколько ярдов ближе к Дункану и Сник, наведя прожектора на двери очередных квартир. Потом, снова услышав шум толпы, приближающейся с запада, повернулись в ту сторону.

Дункан и Сник выбежали на улицу, пользуясь шумом, заглушившим их шаги Но гомон уже утихал — как видно, демонстрантов вели по другой улице, пересекающей эту. Футах в двадцати от ганков Дункан и Сник разом выстрелили из своих пистолетов, поставленных на максимальный паралич. Пораженные в затылок ганки рухнули и больше не шевелились.

Дункан вошел в квартиру на левой стороне, Сник — в квартиру напротив. Дункану хорошо была видна передняя комната, ярко освещенная прожектором. В коридоре было не так светло, но и не темно. Услышав голоса из каменаторской, Дункан замедлил шаг.

ГЛАВА 17

Дверь в каменаторскую была приоткрыта. Заглянув в щель, Дункан увидел двух ганков, стоящих перед цилиндром. Женщина светила фонариком в открытую дверцу, держа в другой

руке пистолет. Мужчина держал перед собой блестящий серый цилиндрик — детектор запаха, всматриваясь в светящийся экран на его верхушке.

Света было достаточно, чтобы Дункан разглядел, что только два каменатора пока еще закрыты. Ганки искали в цилиндрах преступника или остаток его запаха, указывающий, что преступник там был.

— Мы тратим на это слишком много времени, — сказала женщина. — Приказано было произвести быструю проверку.

— Быстрее уж некуда — надо ведь, чтобы от проверки и толк был, — проворчал мужчина, переходя к следующему цилиндру. Он потянул на себя ручку, а женщина навела на каменатор фонарик и пистолет.

— Дерьмо все это, — сказал мужчина. — Не такие они дураки, чтобы оставаться здесь. Тем более когда свет погас. Черт, да откуда вообще известно, что они в башне?

Дункан ступил за порог и выстрелил женщине в спину. Она беззвучно скорчилась от прикосновения фиолетового луча. Не успела она опуститься на пол, как Дункан парализовал и мужчину. Фонарь, пистолет и детектор почти беззвучно посыпались на толстый ковер. Мужчина, падая, ударился лицом о дверцу цилиндра.

Когда Дункан вернулся на улицу, Сник уже шла ему навстречу.

— Ничего сложного, — сказала она. Взяв обоих ганков под мышки, они затащили их в гостиную квартиры, из которой вышел Дункан. Прислонив их к стенке, чтобы не было видно с порога, Дункан сказал:

— Наденем ту форму, что в нашей квартире, — она нам как раз.

Светя себе фонариками, взятыми у ганков, они вернулись в свое жилище и достали форму и шлемы, спрятанные на дне клойдовских каменаторов. Потом переоделись как могли быстрее, обливаясь потом и задыхаясь в густом застойном воздухе. И побежали к одной из патрульных машин — она была открытая, без верха и дверок.

Дункан развернул машину на запад и уехал, оставив за собой вторую с горящими фарами. Он намеревался воспользоваться лестницей у станции лифтов, за Блю-Мун-плаза, рассудив, что она не так забита, как запасные выходы у периметра башни. Неизвестно было, когда найдут брошенную патрульную машину и оглушенных ганков, но Дункан рассчитывал, что это случится не раньше чем минут через двадцать. Нюхачи неизбежно учуют его и Сник, и ганки обыщут все квартиры по соседству. Вскоре выяснится, что запах гуще

всего в квартире Тэн и Шербера. Когда подача энергии восстановится, что может произойти с минуты на минуту, всех жильцов квартиры раскаменят. И членов СК ждет провал, хотя им и впрыснули анти-ТП. Тем или иным способом ганки заставят их говорить.

Дункану было жаль своих товарищей, но он ничего не мог сделать для них. Хорошо бы предупредить хоть Эрленд, Симмонса и Дишно о том, что ганки могут напасть на их след. Но ему и Сник очень повезет, если они спасут хотя бы собственные задницы.

От мыслей его отвлекло приглушенное восклицание Сник:

— Ого! — Она стиснула рукоятку пистолета у себя на коленях.

Футов за двести впереди из-за угла навстречу им выехали четыре электрических трициклета — два впереди, два сзади. Но тревога была напрасной — маленький отряд проехал мимо, приветственно посигналив. Дункан посигналил в ответ, а Сник помахала рукой.

Впереди была Блю-Мун-плаза, большая площадь, вокруг которой располагались магазины, несколько театров, стадион, гимнастический зал, начальная и средняя школа, колледж, больница, органический участок, окружная управа и несколько складов.

По краям площади и вокруг переставшего бить фонтана были расставлены большие переносные светильники, позволявшие видеть толпу человек в двести около фонтана и органиков, стоявших большими группами. Толпу стерегла внушительных размеров бронированная машина с водометом, торчащим из башни, и окружали кольцом патрульные машины с ганками. Фары освещали озлобленные лица и стиснутые кулаки пленников. Дункан был слишком далеко, чтобы расслышать, что они кричат, но слова были явно оскорбительными и вызывающими.

Он повернул машину, желая подняться по проспекту, пересекающему улицу под прямым углом. Он не хотел ехать через площадь — там было слишком много ганков. Возможно, они со Сник сойдут за своих, но кто-нибудь может их и опознать — уж очень яркое там освещение.

Лучше проехать по проспекту, а потом по другой улице за площадью. Так они попадут прямо к лифтам и к лестничной клетке около них.

— О черт! — вырвалось вдруг у Дункана.

По улице к ним приближались огни какой-то процессии: патрульные машины, трициклеты и какая-то громадина с очень

яркими фарами. Еще один водомет. За головными машинами виднелась темная масса арестованных.

Проехать было негде. Дункану ничего не оставалось, как только прижаться поближе к стене и переждать, пока колонна не пройдет.

Вышло, однако, по-другому. В голове процессии раздался голос, усиленный мегафоном:

— Говорит полковник Пекапор! Разворачивайтесь! Езжайте на площадь!

Дункан, всем существом ощущая луч прожектора, светящий в лицо ему и Сник, остановил машину, подал ее назад, описав полукруг, и поехал обратно.

— Пекапору, как видно, нет дела до нашего предполагаемого задания, — сказал он Сник. — Он реквизирует весь персонал, который ему попадается.

— Хочешь сбежать?

— Нет. Поедем, куда велят, и улизнем при первой возможности.

Не получив указаний стать где-то в определенном месте, Дункан подъехал по краю площади к водомету и остановился, повернув машину на запад, где находилась желанная лестница.

Они вышли из машины и стали рядом с пистолетами в руках. Их колонна выходила на площадь, что вызвало общий крик и некоторое замешательство. Новоприбывших арестантов с помощью громких команд и электропогонялок теснили к фонтану. Теперь по обеим сторонам фонтана образовались две группы арестованных. Они не стояли на месте, вопреки приказам, а колебались взад и вперед, выпуская и втягивая ложноножки подобно двум гигантским амебам.

Команды, крики и вопли перекрыл голос полковника Пекапора, поставившего рупор на полную мощность:

— Немедленно прекратить беспорядок и замолчать! Полная тишина и повиновение, иначе все будете парализованы!

Под его громовой рев на Дункана и Сник накинулась какая-то капитанша:

— Какого черта вы здесь стоите? Идите и помогайте сдерживать толпу!

— Нам никто не приказывал помогать, — возразил Дункан. — Нас просто направили сюда, вот и все!

— Господи Боже! — вне себя от гнева вскричала капитанша. — А инициатива ваша где?

И тут зажегся свет. На миг над площадью воцарилась относительная тишина. Пекапор умолк, и арестованные перестали вопить. Но момент неожиданности прошел, и шум

возобновился. Капитанша опешила — и, кажется, не только от включения электричества. Дункан и Сник пошли было прочь, но она крикнула:

— Эй вы, двое, подите-ка сюда!

— В чем дело, капитан? — обернулся Дункан.

Она подошла к ним, сузив глаза и пристально вглядываясь в их лица. Гнев на ее лице сменился тревогой, и она схватилась за пистолет с криком:

— Вы аре...

Фиолетовый луч из пистолета Сник попал ей в грудь, и она рухнула навзничь, с грохотом выронив оружие на пол.

Дункан выглянул за водомет, частично скрывавший их от посторонних глаз. Стычки как будто никто не заметил, но скоро на капитана кто-нибудь да наткнется. Дункан поднял ее, перекинул через плечо и свалил в машину между задним и передним сиденьями. Сник вскочила на место водителя и, как только Дункан сел рядом, нажала на акселератор.

Электродвигатель не был способен развивать большое ускорение, но Сник выжала из него все, что могла. С запада на площадь въезжали двое ганков на трициклетах, и эти двое, похоже, видели, как Дункан закидывал капитана в машину, — они остановились и слезли с велосипедов. Дункан выстрелил в одного из пистолета, который успел переставить на боевой луч. Сник, правя одной рукой, подстрелила другого. Ганки упали, выронив оружие. От их прожженных тел поднялись тонкие струйки дыма. Машина пронеслась мимо них, вылетев на проспект при максимальной скорости — тридцать пять миль в час.

— Они, наверно, передали про нас по рации, — сказала Сник.

— Не уверен. Они едва успели выхватить оружие, и видно было, что это для них полная неожиданность.

Он не думал, что эти двое убиты — они находились слишком далеко для смертельного выстрела. Но ранения, несомненно, тяжелые.

Через несколько минут впереди показались огромные круглые колонны, ограждающие станцию лифтов и лестничную клетку. Надо было свернуть с проспекта и проехать еще два квартала. Дункан улыбнулся, увидев, что мониторы на двух последних перекрестках залиты черной краской. Это поможет ему и Сник. Хотя энергию уже включили, эти мониторы не засекут беглецов.

Однако у колонн стояли двое ганков. Впрочем, они не проявляли никакого беспокойства, видя двух коллег, подъезжающих к ним на машине. Парализующие лучи сразили

их. Ближайший монитор не мог передать эту сцену на пульт управления — он тоже был залеплен черной краской.

Дункан и Сник вышли и перетащили все три бесчувственных тела в открытую дверь квартиры напротив колонн. Капитана и одного из ганков поместили в пустые каменаторы, второго затолкали в занятый. После этого Дункан и Сник, задыхающиеся и потные, вышли на лестницу.

Теперь, когда энергия восстановилась, беженцы начнут возвращаться по домам. Это будет долгий и суматошный процесс, в котором придется принять участие и большинству органиков, занятых розыском двух преступников. Но вскоре ганки, оставленные в квартире по соседству с жилищем Клойдов, вылезут наружу. Да и подчиненные капитана заинтересуются, куда она делась.

На индикаторах над кабинами лифтов светились номера этажей. Лифты уже должны развозить граждан по домам, но пройдет немало времени, прежде чем жильцы двенадцатого этажа смогут вернуться восвояси. По лестницам, надо полагать, спустилось немало народу, и мало кто захочет карабкаться наверх пешком.

Дункан и Сник стали быстро спускаться, держась за перила. Ширина прямых лестничных пролетов составляла двадцать футов. Когда двое миновали первую площадку, включились стенные экраны, передающие одно и то же.

Вместо диктора говорил майор-органик Прюэтт. На заднем плане показывались изображения Дункана и Сник, а под ними шел текст: ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ЭТИХ ПРЕСТУПНИКОВ. О ИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ СООБЩАЙТЕ ЛЮБОМУ ОФИЦЕРУ-ОРГАНИКУ ИЛИ В БЛИЖАЙШИЙ УЧАСТОК. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ИХ ЗАДЕРЖАТЬ. ОНИ ВООРУЖЕНЫ И ОПАСНЫ.

Голос майора Прюэтта преследовал их, пока они неслись вниз по ступенькам:

— В Башне Ла Бреа полностью восстановлена подача энергии. Все граждане вернутся по домам под руководством органиков. Просьба сохранять спокойствие. Порядок восстанавливается.

Двое разыскиваемых преступников, Джефферсон Сервантес Кэрд, он же Уильям Сент-Джордж Дункан, он же Эндрю Вишну Бивульф, и Пантея Пао Сник, она же Дженни Ко Чандлер, были замечены на двенадцатом этаже. В данный момент они все еще на свободе. Награда за любую информацию, которая приведет к их поимке или смерти, увеличена до семидесяти пяти тысяч кредитов.

В Башне Ла Бреа полностью восстановлена подача энергии. Все граждане...

«Значит, ганки еще не знают, что мы одеты в их форму, — подумал Дункан, — иначе бы они об этом оповестили».

Когда они со Сник, запыхавшись, преодолели еще несколько маршей, ситуация изменилась.

— ...совершили нападение на нескольких органических офицеров и сейчас переодеты в их форму. Преступники выдают себя за органиков. Мы призываем...

На экранах вспыхнуло изображение Дункана и Сник в форме патрульных. Быстро сработали операторы.

Сразу вслед за этим беглецам пришлось снизить темп. По лестнице поднималась целая толпа мужчин, женщин и детей, заполняя всю ширину пролета. Все они должны были видеть то, что показывалось на экранах, но никто не узнавал Дункана и Сник — по крайней мере, никто не подавал виду. Если кто и узнал их, то он, должно быть, следовал приказу не пытаться задерживать преступников. С другой стороны, как думалось Дункану, такая большая награда должна бы пересилить страх. Первый, кто выкрикнет их имена и тем поможет поймать их, заработает семьдесят пять тысяч. Дункан успокаивал себя тем, что усталые, переволновавшиеся горожане не станут сличать изображения на экранах с двумя попавшимися навстречу ганками.

Он и Сник пробирались вниз вдоль стены. Хотя почти все давали им дорогу, напор тел не позволял развить скорость. Но в этом были свои преимущества. Дункан видел у перил шлемы двух поднимающихся наверх ганков — те, если и видели их со Сник шлемы, никаких подозрений явно не питали.

После десятиминутной давки им удалось спуститься всего на три марша. Потом толпа внезапно поредела. Навстречу им поднимался какой-нибудь десяток отставших, а дальше не было никого. Добравшись до второго этажа, беглецы заглянули за угол. На первом этаже у перил, где кончалась лестница, стояли двое ганков.

ГЛАВА 18

Дункан и Сник отступили к гигантским раздвижным дверям, ведущим на второй этаж, заглянули в большое окно рядом и поспешно пригнулись. Там внутри тоже стояли два ганка рядом со своими трициклетами и разговаривали.

— Они, должно быть, расставили людей у всех выходов с лестниц на всех этажах, — сказала Сник.

— Если так, то они это сделали только сейчас.

Дункан не знал, почему нижние ганки стоят на лестнице, а не снаружи. Главное, что они там стояли. Он нахмурился и скривил рот. Мониторы здесь должны работать, но что-то с пульта пока не сообщают о появлении преступников. А возможно, кто-то на пульте отключил мониторы на тот период, когда они со Сник бежали по лестнице. Это значило бы, что кто-то из верхушки СК защищает их, как может. Дишно? Симмонс? Это можно сделать без особой опасности для себя, если за тобой не следят. Мониторы каждого этажа просто отключаются попеременно на какой-то краткий миг.

Если дело именно в этом, а не в простой неисправности, то человек за пультом сейчас чувствует себя неуютно, зная, что Дункан и Сник блокированы между вторым и первым этажами. Надолго выключить мониторы он не сможет.

Дункан сказал Сник о своих предположениях. Она сказала:

— Давай снимем тех ублюдков внизу.

Он взглянул вниз через перила. Ганки, мужчина и женщина, сидели на нижней ступеньке. Они, должно быть, устали — как и все в этой башне, включая его и Сник. И присели передохнуть, уверенные в том, что мониторы обнаружат преступников, если те будут спускаться по лестнице. Обнаружат и поднимут тревогу — да и вообще ганки, как видно, считали маловероятным, что преступники пойдут именно здесь.

Когда Дункан и Сник спустились до половины пролета, женщина вдруг встала, потянулась, зевнула и повернулась к своему напарнику. Только она открыла рот, луч Дункана поразил ее в грудь. Мужчина от выстрела Сник привалился плечом к перилам и съехал со ступеньки.

Двое переставили пистолеты на МАКС ОГОНЬ и выглянули в окно. Первый этаж имел почти такую же планировку, как все остальные. Идущая по периметру авеню была очень широкой, и в нее вливалась сравнительно узкая жилая улица. Там перед своими квартирами стояли люди, обсуждая, несомненно, выпавшие на их долю испытания. О причине аварии пока ничего не объявлялось. Ганков поблизости не наблюдалось, а велосипеды оглушенного патруля стояли рядом.

Дункан и Сник активировали дверь и протиснулись в нее, как только щель стала достаточно широкой. Они закрыли дверь за собой, сели на трициклеты и уже хотели ехать, но услышали завывание ганковских сирен. Не успели они решить, что им делать, из-за угла слева от них выехала патрульная машина с мигалкой, сопровождаемая четырьмя ганками на трициклетах.

— Погоди, — сказал Дункан, — может, они не по нашу душу.

И хорошо, что они не попытались спастись бегством — отряд исчез за поворотом большой авеню.

— Пошли! — сказал он, и они покатили следом. Он включил сирену и мигалку на своем велосипеде, Сник на своем. Когда моторизованный отряд свернул в одну из улиц, Дункан и Сник поехали своим путем к выходу, который и был целью их путешествия.

Оставив трицикле́ты у огораживающего дверь куба, они спустились по короткой лестнице и пошли по коридору, ведущему в элитный яхт-клуб, через который они вошли в день своего прибытия в башню. Там никого не было, хотя мониторы определенно работали. Если только наш неизвестный благодетель, подумал Дункан, не отключает их по-прежнему Такой человек обязательно должен быть. Иначе их, после выведения из строя ганков на первом этаже, окружили бы со всех сторон.

Выйдя через арку, ведущую в гавань, ту самую арку, через которую они входили в башню, двое увидели, что вокруг них ночь. Ясное небо было звездным, а другие башни и бегущие мосты между ними ярко светились. Было прохладно. У подножия башни под причалами плескалась вода. Лодки на эллингах покачивались. Однако декорация значительно изменилась по сравнению с прежней: теперь между гаванью и основанием башни стояло штук пятьдесят органических аэромобилей.

В них прибыло подкрепление из других башен, призванное на помощь в охоте за преступниками и в эвакуации горожан.

Дункан думал, что ему придется нырять за своим потопленным мобилем и поднимать его наверх. Эта холодная, мокрая и трудная задача его отнюдь не вдохновляла Благодаря ганкам этого делать не понадобилось.

Но сначала, хотя на это и требовалось много времени, надо было запрограммировать с помощью устных команд всю эскадрилью. Дункан и Сник рьяно взялись за дело, но за час запрограммировали только тридцать.

— Хватит, — сказал вспотевший Дункан. — Вдруг кто-то из ганков захочет вернуться восвояси раньше других

— Может, уничтожим остальные машины?

— Хорошо бы. Но если какой-то патрульный мобиль заметит, что тут бушуют пушечные лучи, он может подойти и проверить, в чем дело.

Дункан ткнул большим пальцем в сторону залива, где в полумиле от них виднелись огни катера.

Время от времени над заливом пролетали и воздушные машины, хотя в тот момент не наблюдалось ни одной.

— Я прослежу, — сказала Сник. — Если появится патруль, я дам тебе команду прекратить огонь.

Дункан колебался. Воздушный или водный мобиль мог внезапно появиться из-за башни и увидеть фиолетовые лучи. Но какого черта, в конце концов — ведь Дункан замышлял дело куда рискованнее и опаснее этого. Его сжигала ярость, требующая все больше и больше горючего.

— Ладно, — сказал он, забираясь на сиденье четырехместного мобиля, который выбрал для себя. Орудийные батареи этой машины были заряжены полностью. Подняв ее в воздух, Дункан отлетел к самому краю посадочной площадки, там развернул мобиль и вернул его вниз. Поставив диск орудия на отметку МАКС ЭНЕРГ, он двинул мобиль вперед, пока раздутый нос пушки не оказался в нескольких дюймах от первой из предназначенных на уничтожение машин. Луч сверкнул, разрезав машину пополам. Дункан подал свой мобиль вперед, отбросив одну отрезанную половину от другой. Один за другим, слушая наблюдения Сник по радио, он раскромсал девятнадцать мобилей. На всю работу ушло две минуты.

Сник подбежала и села рядом с ним. С тихим смехом она сказала, закрывая колпак:

— Здорово повеселились!

Дункан без улыбки кивнул головой. Он поднял мобиль в воздух сразу за гаванью.

— Тронулись. — И он произнес кодовое слово «Эрис», подав сигнал тридцати запрограммированным мобилям. Они поднялись и двинулись в указанном направлении, мигая бортовыми огнями.

Дункан погрузил свой мобиль в воду так, чтобы только видеть над поверхностью. Когда он устремился вперед, держа курс на запад, тридцать мобилей уже набрали полную скорость. Десять полетят на север, к Голливудским холмам, о которые и разобьются. Десять — на запад, эти будут лететь над заливом и Тихим океаном, пока не кончится горючее, если еще до того не врежутся в грузовые суда, стоящие на рейде. Остальные десять помчатся на юг, где потерпят крушение в горах.

Дункан наслаждался, воображая себе испуг и растерянность, которые вызовет внезапное появление тридцати мобилей на экранах органических радаров. Воздушный и водный транспорт не вправе двигаться в пределах Лос-Анджелеса без

уведомления службы контроля там, на холмах. А еще большее огорчение ждет наблюдателей, когда мобили разобьются.

Определив, что весь этот поток исходит из одной точки, Башни Ла Бреа, операторы сообщат об этом органикам. Одни ганки побегут из башни на пристань, другие слетятся в аэромобилях. Огни воздушных машин уже мелькали в воздухе, снимаясь с крыш и промежуточных площадок других башен. Они проносились над головой у Дункана, не видя его мобиля с потушенными огнями, почти целиком погруженного в воду.

— Если я не в силах свергнуть богов с небес, в моих силах поднять переполох в подземном царстве, — промолвил Дункан.

— Что?

— Так, ничего.

Он не знал, откуда к нему пришла эта фраза, скорее всего цитата из древней литературы. Он определенно не мог усвоить ее в период со своего побега из манхэттенской лечебницы до настоящего времени.

Очередная течь со стороны одного из его прежних «я».

Впереди была центральная энергораспределительная станция Болдуин-Хиллз. На ее крыше горели огни, отражаясь от гигантского серебристого дирижабля и нескольких громадных аэромобилей. Дункан был слишком далеко, чтобы рассмотреть тросы под дирижаблем, но знал, что они там есть. В новостях несколько раз сообщалось, что на станции будет установлен запасной конвертор-распределитель. В случае новой аварии включится запасной агрегат. Дикторы уверяли зрителей, что такая случайность крайне маловероятна. Усиленные меры безопасности не позволят Дункану и Сник совершить новую диверсию.

Ворота, через которые диверсанты проникли в первый раз, теперь были закрыты. Но Дункан и не собирался воспользоваться этим входом.

Вместо этого он повел мобиль вверх по стене башни, почти касаясь корпусом ее твердой обшивки из черного металла. Они уже откинули колпак, и ветер высот дул им в лицо. Перед самой крышей Дункан отвел мобиль от стены и развернул его носом к башне. Он завис над кровлей, продолжая подниматься, и вдруг бросил мобиль к боку дирижабля, сверля лучом орудия его корпус, сжигая кольца, рангоуты и газовые камеры внутри. Великолепный корабль клюнул носом — чудовищно тяжелый конвертор, висящий под ним на тросах, неотвратимо тянул его в проем на крыше. Там дирижабль и застрял, встав торчком. Тем временем Дункан

раскромсал на части все три аэромобиля, и половины, прикрепленные к тросам, тоже рухнули в проем, занимавший треть крыши.

Рабочие, бывшие наверху, разбежались при падении дирижабля. Среди них были и ганки, но они тоже спасались, даже не думая стрелять.

В проем ринулся и Дункан. Мимо проносились ярко освещенные галереи. Находящиеся на них рабочие глядели на мобиль, разинув рты. Вот и новый конвертор-распределитель, великанский цилиндр, который повалился на бок, сокрушив часть нижних галерей. Индикатор энергии на приборной панели пылал красным огнем, когда Дункан затормозил. Его вдавило в сиденье — это двигатель Гернхардта спешил погасить скорость, пока машина не врезалась в пол.

Мобиль ударился днищем и содрогнулся. В шее у Дункана что-то хрустнуло, а голову точно сорвали с плеч. Огонек индикатора стал бледнее, и цифра на нем снизилась до двенадцати. Впереди был большой коридор, по которому бежали навстречу два ганка с оружием в руках. Луч пушки ударил в промежуток между ними, и они нырнули в ближайшие двери. Дункан послал мобиль по коридору, поворачивая нос то вправо, то влево, чтобы удержать прямую линию полета. Фиолетовый луч прожигал стены, и ганки исчезали с порогов.

Мобиль повернул налево и устремился в другой коридор. Еще поворот и еще коридор. Женщина, идущая по нему, с визгом прижалась к стене. Сник на ходу сбила ее парализующим лучом. Еще поворот — и они оказались в коридоре, ведущем ко входу, через который они проникли сюда всего пару обнедель назад. На сей раз они атаковали с противоположной стороны.

Как и тогда, Дункан остановил мобиль в дверях обширного зала, где стоял конвертор. Мобиль развернулся носом к новому агрегату. Фиолетовый луч расплавил оболочку и проник внутрь, а инженеры, рабочие и ганки бросились кто куда. Ганки на галереях начали стрелять по мобилю. Но они были слишком высоко, чтобы достать до него лучами. Лучи уходили в пол, прожигая в нем дыры.

Дункан не знал, сколько времени ушло у него на разрушение конвертора. Наверное, секунд тридцать—сорок. Он понял, что выполнил свою задачу, когда погас свет. Тогда он повернул мобиль и полетел в футе над полом. Перед местом, где, по его расчетам, был перекресток, Дункан включил фары. Кругом стоял дым, но видимость футов в двадцать обеспечивалась. Вскоре показалась огромная шахта, в которой лежали останки нового конвертора и монтажных мобилей.

Дункан погасил свет и включил радар. Руководствуясь им, он медленно вошел в шахту и еще медленнее стал подниматься, пока не поравнялся с носом дирижабля. Мобиль шмыгнул вверх между огромным покореженным кораблем и стенкой шахты. Там и сям на галереях мелькали фонарики, и некоторые из них освещали мобиль Дункана, но он уже уходил, быстро увеличивая скорость. Наверху зажглись переносные прожектора, которыми рабочие пользовались помимо стационарных. У верха шахты Дункан сбавил ход и, по-прежнему прикрываясь корпусом дирижабля, скользнул за край крыши и спустился вниз, держась близко к стене.

На середине спуска Сник закрыла колпак. Минутой позже мобиль погрузился в воду. Теперь и в воде, и в воздухе кишело множество машин — их огни мигали, а радары и инфракрасные лучи шарили, конечно, повсюду. Дункан сбросил скорость до предела и погрузил мобиль еще на пару дюймов. Назад в Башню Ла Бреа они ползли черепашьим ходом, зато добрались без происшествий. Дункан выждал, когда с западной стороны не будет ганковских машин, и мобиль с открытым верхом стал подниматься в воздух вдоль стены.

На крыше, похоже, не было никакого освещения. Если там и стояли ганковские мобили, то без огней. Дункан задержал машину над краем. Убедившись, что на крыше никого нет, он посадил мобиль. Сник то включала, то выключала фонарик, указывая ему дорогу. Они сели у люка, вышли, открыли дверцу ангара и через несколько секунд уже ввели машину внутрь при свете фонарика. Ангар был таким же, каким они его оставили, с наполовину отремонтированным аэромобилем в углу.

Сник приставила лесенку к люку, Дункан влез и задвинул крышку. Светя фонариками, они обошли все комнаты, удостоверившись, что там пусто. Потом обследовали многочисленные кладовые и холодильники на предмет еды. Там было в избытке консервов, включая фруктовые соки, и разных непортящихся продуктов — хватит на много дней. Да беглецы и не собирались задерживаться здесь надолго.

Они ели и пили при свете фонариков, весело обсуждая свои подвиги. Потом отправились в огромную спальню, где спал дед Дункана во время своих нечастых визитов в Лос-Анджелес. Если бы электричество работало, они поляризовали бы окна, которые сейчас были черны, как ночь за ними. Тем лучше — если им нельзя выглянуть наружу, то их тоже никто не увидит.

Дункан зевнул во весь рот и потянулся.

— Все, завод кончился. Я сплю. Даже умываться не стану.

— Умыться ты бы не смог при всем желании. Насосы-то не работают. И туалет весь провоняет до тех пор, пока дадут энергию.

— Будем закрывать туда дверь. И потом, тут много туалетов.

Дункан начал снимать китель.

В следующий момент он уже лежал на полу и фонари слепили ему глаза.

Мужской голос, как будто знакомый, сказал:

— Наконец-то мы вас нашли.

ГЛАВА 19

Выдержки из секретного доклада Всемирному Совету Гюнтера Джеронимо Загака, фельдмаршала органических сил, Североамериканский орган (территория, объединяющая страны, когда-то именовавшиеся Канада и США).

«...что вынуждает нас ввести военное положение в субпровинции Южная Калифорния.

...интенсивное следствие выявило, что изменническая организация, о которой мы давно подозревали, проникла в более высокие круги, чем показывал вероятностный прогноз. Установлено, что Дишно, вторничник, директор банка данных штата Лос-Анджелес, личный номер TPA-x/4529Y, являлся руководителем подпольной группы, именующей себя СК, "Кокон" и т. д. (названия часто менялись). Есть подозрение, что и органики, возможно высокого ранга, состоят в этой организации по другим дням. Офицеры, посланные на квартиру Дишно, чтобы раскаменить его, обнаружили, что его нет. Однако он был захвачен в аэромобиле, когда готовился к отлету. На предложение сдаться он открыл огонь, убив одного органика и одного ранив. Ответный огонь привел к немедленной гибели Дишно, хотя предпочтительнее было бы взять его живым и допросить.

...обнаружили бы Дишно и других еще в квартире, где скрывались Дункан и Сник, если бы отключение энергии не помешало раскрытию нелегальных каналов связи.

...очевидно, что Дишно, а также другие, пока не разоблаченные лица, помогали Кэрду и Сник во время пребывания преступников в Башне Ла Бреа. Неопознание мониторами башни преступников было вызвано, в чем мы твердо убеждены, преступной и предательской деятельностью одного или более офицеров, препятствовавших мониторам включить тревогу. В этом направлении ведется активное следствие, и мы уверены, что на сей раз виновные не уйдут из рук закона.

...с сожалением следует признать... не имеем понятия, где находятся Кэрд и Сник в данный момент. Их неуловимость и успешные вылазки обличают недостатки нашей системы безопасности. Но часть их успеха следует приписать необычайной дерзости и хитрости, которыми наделены Кэрд-Дункан и Сник-Чандлер. Это все равно, если позволительно будет прибегнуть здесь к художественному образу, как если бы Робин Гуд и Вильгельм Телль объединились в борьбе против общества. Или если бы Стенька Разин объединился с Лю Хуэем. В предыдущем аналитическом докладе (стертом согласно приказу) Кэрд-Дункан сравнивался с некоторыми персонажами древней мифологии. Среди них были хитроумные герои индейских преданий, Старый Койот-оборотень и Вабассо, Великий Белый Заяц. Несмотря на то что это сравнение преувеличено, а возможно, именно поэтому, Кэрд-Дункан и Сник-Чандлер становятся народными героями среди наименее законопослушной и наиболее неразумной части населения.

...главное, что помогает им скрываться и наносить удары, — это слабость нашей системы. На протяжении тысячи облет элементы недовольства и преступности в обществе были очень незначительны. Новая Эра приблизилась к Утопии настолько, насколько это возможно для человеческого общества. Все граждане с раннего детства воспитывались в неприятии насилия и бунтарства, а избавление от бедности и различные блага, как-то: хорошее жилье, изобилие продуктов, бесплатное образование и медицинское обслуживание, свободный доступ к демократическим процедурам — делали Мир одного дня раем по сравнению с адом, в котором жили люди до Новой Эры. Хотя меньшинство и жаловалось на пристальное наблюдение со стороны правительства, большинство с этим, по всей видимости, мирилось. Люди понимали, что блага Новой Эры неотъемлемо связаны с наблюдением за всеми и каждым.

...благодушие. Органическому департаменту требуется, чтобы граждане неукоснительно подчинялись закону и распоряжениям его служителей. Вооруженный мятеж маловероятен, так как для него нет никаких логических причин. Однако я предлагаю вам повторно посмотреть сериал "Менталитет гомо сапиенс" знаменитого психика доктора Беллы Джинрик Фордсуонтер. Она пользуется такими терминами, как "врожденный дух противоречия" и "стремление лягаться, когда пришпоривают". Так же, как десять процентов населения составляют "прирожденные лидеры", примерно три процента приходится на "прирожденных бунтарей". Половина последних имеет криминальные наклонности. Ученые проводили

генетический анализ как в группе прирожденных лидеров, так и в группе прирожденных бунтарей, но так и не выявили какие-то гены или факторы окружающей среды, ответственные за формирование подобных черт характера.

...слишком большое попустительство. Политика, заключающаяся в вождении граждан на длинном поводке, который натягивается лишь в случае серьезной опасности, грозящей принципам Новой Эры, должна быть изменена. Людям следует внушить, что более строгий контроль за их деятельностью осуществляется для их же блага.

...удивление. Даже я, пробыв на посту фельдмаршала двадцать сублет, не подозревал, что на Земле проживает всего два миллиарда человек, а не десять, как указывалось во всех учебных кассетах и во всех годовых отчетах правительства. Я, разумеется, готов признать, что Всемирный Совет поступил мудро, держа эти сведения в секрете от всех, кроме избранной группы своих статистиков. Это было сделано для всеобщего блага, для предотвращения требований покончить с Новой Эрой и вернуться к ежедневному образу жизни.

Но теперь все должностные лица высшего ранга уведомлены о том, что Кэрд-Дункан был прав, обвинив правительство во лжи относительно этого пункта. Указанным лицам, очевидно, сообщили правду, с тем чтобы они не чувствовали себя обманутыми, когда эта правда выйдет наружу. А она в конце концов выйдет наружу, поскольку население все настойчивее требует сказать, истинно или ложно обвинение Кэрда-Дункана. Я лично не знаю, как можно продолжать манипулировать данными, если к их проверке будет допущена группа объективно настроенных ученых и рядовых граждан. А это представляется мне неизбежным.

...Как вам известно, в вышеуказанной квартире были допрошены жильцы каждого дня. Все они сознались, что являются членами подпольной организации, кроме жильцов пятницы. Во время допроса обитателей прочих дней выяснилось, что все они способны лгать под ТП. Эта способность напоминает аналогичную способность Кэрда-Дункана, хотя и не в столь высокой степени. Определенные меры, в подробном описании которых нет необходимости, вынудили подозреваемых сознаться, что им ввели недавно изобретенный препарат "анти-ТП" (см. Отчет № ОВ-НС 7392-С. Запрограммирован на стирание). Это открытие произвело сильное впечатление на Органический департамент каждого дня — точнее сказать, сильно обеспокоило департамент. Теперь нельзя будет с прежней уверенностью полагаться на результаты следствия. Возникает также вопрос, насколько широко

распространился этот анти-ТП, или АТП, как он теперь официально именуется.

...Неизвестно, являются ли подпольщики Лос-Анджелеса и Манхэттена частью всемирной организации, связаны с кем-то союзничеством или совершенно независимы. Следствие по этому вопросу ведется в глобальном и каждодневном масштабе».

ГЛАВА 20

Дункан сел, преодолев свою минутную растерянность, и все его тело напряглось, готовясь к действию. Он потянулся к кобуре, но удержал руку. Его застрелят, прежде чем он успеет выхватить оружие.

— Что случилось? — спросила Сник таким голосом, словно ей забило горло песком. Во рту у Дункана тоже пересохло, и он чувствовал легкую головную боль.

Тот же мужской голос сказал:

— У вас забрали оружие, пока вы были без сознания. Да оно вам и не понадобится.

Дункан прищурился и повернул голову вправо и влево. Он насчитал пять лучей света, а во мраке могли скрываться другие люди.

В круг света шагнул мужчина среднего роста, очень широкий в плечах и одетый в форму офицера-органика. На левой стороне его груди поблескивал золотой сокол. Дункан узнал это широкое скуластое лицо с раскосыми глазами.

— Полковник Кит Алан Симмонс!

— Он самый, — сказал Симмонс. — Я ваш друг. Сейчас мы увезем вас в другое место. Ведите себя спокойно и слушайтесь нас. Вот ваше оружие, только энергомагазины вынуты.

Какая-то женщина, выступив на свет, отдала Дункану его пистолет. Рядом он увидел Сник, принявшую пистолет от мужчины.

— Как вы нас отыскали? — спросил Дункан.

— Вы не ушли бы далеко, если бы я не манипулировал мониторами после вашего ухода с квартиры. Но хватит разговоров. Я все объясню потом.

Сник взглянула на Дункана. Он пожал плечами, показывая, что теперь им остается только подчиняться приказам полковника. Да она и сама это знала.

Минуту спустя все покинули квартиру. Дункан полагал, что они воспользуются дверью в коридор, но они прошли через все комнаты в ангар. Люк был открыт во всю ширь, и в нескольких дюймах над полом ангара парил аэромобиль — двенадцатиместный, такой большой, что непонятно было, как

он протиснулся в люк. Дункан и Сник сели, четверо ганков заняли места позади них, а Симмонс и еще двое, включая пилота — впереди.

Мобиль медленно прошел в люк и остановился рядом, а двое ганков вышли и задвинули крышку. Вся крыша была забита беженцами, и кое-где светили большие аварийные прожектора. Здесь было много ганков, поддерживающих порядок. Те, что поближе, смотрели на их мобиль, но решили, как видно, что он тоже участвует в эвакуации

Мобиль взлетел и взял курс на север.

За весь полет никто не сказал ни слова. Пилот вел машину на высоте тысячи футов в густом потоке воздушного движения. Когда Лос-Анджелесский залив остался позади, мобиль поднялся на две тысячи футов. Пилот включил автоматику, и мобиль продолжал путь, следуя указаниям диспетчеров. Он теперь шел со скоростью четыреста миль в час, предельной для двигателей Гернхардта. Перед Санта-Барбарой он стал снижаться. Пилот взял управление на себя и направил машину куда-то в густые леса к востоку от Башни Санта-Барбара. Он миновал несколько холмов, ведя мобиль чуть ли не по верхушкам деревьев, и сел в небольшой долине, которая расширялась у большого бревенчатого строения, стоявшего под горой. Здание и участок вокруг него были ярко освещены. К дому примыкали два амбара и корраль, а перед его фасадом протекал широкий ручей.

Все, по-прежнему молча, прошли в дом. В большой передней комнате был каменный очаг, в одной стороне которого пылали дрова. На двух стенах имелись телеэкраны, в тот момент выключенные. Лестница вела на галерею второго этажа. Гостей встретила супружеская пара лет под семьдесят — по всей видимости, слуги. Они принесли напитки и сандвичи, пока Дункан и Сник были в ванной. Когда Дункан вышел, его пригласили сесть на диван у огня. Сник села рядом. Оба попросили чаю со льдом и получили его. Быстро опорожнив один стакан, они обратились за добавкой.

Полковник Симмонс, стоя с бокалом бурбона в руке, сказал:

— Ну, теперь можно и поговорить. Правда, говорить в основном буду я.

Трое ганков куда-то ушли, но остальные сидели на стульях недалеко от них. Пожилым слугам полковник велел отправляться в каменаторы.

— Вы, наверное, самая хитрая пара на свете, — сказал Симмонс. — Во всяком случае, мало кто может сравниться с вами в увертливости и во вредительских успехах. Но я смекнул, что вы скорее всего вернетесь в то самое место, куда ни

у кого другого не хватило бы наглости вернуться. Поэтому я поставил там массо-емкостные детекторы на батарейках, замаскировав их под мебель. И когда вы явились-таки туда после своих невероятных подвигов... — Он улыбнулся и разразился громким смехом. Оправившись, он продолжил: — Детекторы передали по радио сигнал тревоги. И открыли контейнеры с газом, которые я тоже спрятал в квартире. Остальное вы знаете.

— Знаю я далеко не все, — сказал Дункан. — Например, что у тебя на уме? Зачем мы здесь? Что-то ведь побудило тебя это сделать, не так ли?

— Вам, особенно тебе, Дункан, предстоит сыграть в грядущих событиях — событиях, которые вызовем мы, — более крупную роль, чем тебе представлялось. Довольно вам бегать. С этим покончено. Я решил, что настало время проявить инициативу. Не в смысле уничтожения техники и причинения людям неудобств, хотя вы, конечно, сделали гораздо больше, чем это. Для начала я скажу вам, что это я командую всем подпольем Лос-Анджелеса и многих других мест. Дишно был старше меня по званию, но в СК подчинялся мне. Когда Дишно убили, я понял, что в скором времени нападут и на мой след. И я решил действовать, а главное мое оружие — это вы. — Он взглянул на стенной экран. — Сейчас 1.02 ночи. И сатана правит бал в Лос-Анджелесе. Но вся эта суматоха нам на руку. Вы, наверное, хотели бы соснуть?

— Нельзя ли узнать, хотя бы в общих чертах, что ты задумал относительно нас? — спросил Дункан.

Симмонс ответил с улыбкой, но довольно жестко:

— Вы — мои почетные гости. Но я хотел бы, чтобы вы во всем подчинялись мне. Потом вы поймете зачем. Мне и моим людям предстоит большая работа, и мне было бы легче, если бы вы пока ни о чем не думали, а просто приходили в себя после своих испытаний. Здесь у нас база отдыха для органиков высшего ранга, но по крайней мере с неделю сюда никто не явится. Все отпуска отменены. Можно поспорить, что и другие дни поступят так же. Вам придется довериться мне.

— Нам ничего другого и не остается. Но как быть с прислугой всех прочих дней? И с охраной?

— Пусть эти детали тебя не беспокоят. Все улажено.

Симмонс поманил пальцем трех ганков, те встали и подошли к ним.

— Это Курт, Чань и Ашвин. Ваши покорные слуги. Спрашивайте у них все, что вам потребуется. Ашвин также отве-

тит на любые ваши вопросы, кроме затрагивающих нашу безопасность. Это понятно, не так ли?

Симмонс вышел из дома с тремя остальными ганками. Ашвин, худощавый и темнокожий, с усами щеточкой и сильно развитой челюстью, проводил гостей в их комнату на втором этаже. Там стояли две кровати, и к спальне примыкала ванная. Перед тем как пожелать спокойной ночи, Ашвин достал из своей наплечной сумки два протонных пистолета и несколько энергомагазинов.

— Шеф велел отдать это вам. Во-первых, чтобы показать, что он вам доверяет, во-вторых, на случай облавы. Последнее крайне маловероятно, но кто знает.

Он поклонился и вышел, закрыв за собой дверь.

— Комната, наверное, просматривается, — сказала Сник.

— Это неважно. Говори, что хочешь сказать.

— Мне неохота говорить, хотя многое меня беспокоит Все это может подождать до завтра... когда встанем.

Через десять минут они уже спали.

Воскресенье было солнечным. Дункан, проснувшись незадолго до полудня, сошел вниз. Сник уже завтракала, или скорее обедала, в компании Ашвина и двух женщин. Последние были в числе ганков, взявших их в плен накануне, и звались Рани и Джианг. За едой Дункан не разговаривал, а Сник была немногословна, как всегда. Но остальные оживленно болтали, обсуждая новый сериал. За кофе Дункан сказал:

— Я хотел бы знать, где мы находимся. Хотелось бы также посмотреть новости и узнать то, что неизвестно широкой публике, если такая информация есть.

— Шеф разрешил информировать вас обо всем, если это не противоречит безопасности, — заверил Ашвин.

В открытое окно доносилось пофыркивание и ржание лошадей, слышались мужские и женские голоса. Где-то каркала ворона и мелодично пел кардинал. В уме у Дункана возник образ какого-то дома. Перед тем домом была лужайка, а позади рос сад. Там водилось множество птиц: малиновки, кардиналы, сойки, зяблики, колибри. В вышине парил ястреб, высматривая голубей или кроликов. Небо и солнце были настоящие, не такие, как в стерильном мире башни, где единственные птицы сидели в клетках на площадях, а всю растительность заменяли карликовые деревца.

Что это был за дом? Где он находился?

— Об этом месте говорить особенно нечего, — сказал Ашвин. — Это ранчо, где отдыхают высокие органические чины. Слуг и конюхов не удивит, что мы остались тут с субботы на воскресенье. Органики тоже иногда нарушают день по

причинам, нас не касающимся. Персоналу известно, что сейчас напряженная ситуация, поэтому их не волнует то, что мы не воскресные жители. А новости сейчас посмотрим, — сказал он, вставая. — И не только местные, а со всего земного шара и из разных дней.

Местные новости почти полностью были посвящены затемнению в штате Лос-Анджелес. По словам диктора, ответственность за это возлагалась на архипреступников Дункана и Сник. Подробности аварии выяснятся в ближайшем будущем. Однако уже известно, что генерал, командовавший субботними органическими силами, будет заменен и будет начато расследование относительно компетенции субботнего губернатора Лос-Анджелеса.

Дальше пошла речь о прочих событиях местного значения, но через каждые десять минут часть экрана выделялась для показа изображений и анкетных данных двух преступников. Награда за их поимку возросла до ста двадцати тысяч.

Потом Ашвин включил записи из разных дней и разных частей света. В таких органах, как Китай, Южная Африка, Западная Европа, Россия, Бразилия и Австралия, происходили демонстрации и вспыхнуло с десяток бунтов.

— Да, организация у Симмонса недурственная, — заметил Дункан. — Требуется недюжинное влияние и власть, чтобы получить такие записи.

— Вы весьма проницательны, — только и сказал Ашвин, но вид у него был гордый.

Дункану было приятно, что его послания в самом деле вызвали ту бурю, на которую он надеялся. Но как не дать ей утихнуть? Как удержать всеобщий накал?

Ответ был только один. Это под силу только народным массам. Один человек не способен ни разрушить мир, ни спасти его. Народ не должен дать своему гневу утихнуть до тех пор, пока прогнившая система не развалится до основания.

Слабость этого полувосстания — только такого названия и заслуживала пока эта недоношенная революция — в отсутствии монолитной организации, достаточно мощной, чтобы заявить о себе. Нужен также единый лидер, который направлял бы эту организацию. Мог бы привести к победе и тот импульс, что порой охватывает подсознание масс. Во времена, предшествовавшие Новой Эре, не раз случалось, что в народы вселялся некий демон, побуждающий их действовать в унисон. Тогда народ, охваченный яростью, словно многоголовое, но наделенное одной душой существо, свергал тиранов и разносил в клочья правительства.

Позже Дункан и Сник в сопровождении Ашвина и еще одного охранника совершили долгую прогулку по лесу. Ашвин предложил им покататься верхом. Хотя ни Дункан, ни Сник ни разу еще не ездили на лошади и им вряд ли предстояло испытать это в будущем, они все же согласились сесть на смирных коней и целый час ездили туда и обратно по извилистой дорожке в лесу. Ашвин во время прогулки обучал их.

Как только они пообедали, Ашвин спустился к ним по деревянной лестнице и сказал:

— Полковник хочет вас видеть. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он проводил их наверх до двери, у которой стояли двое вооруженных ганков, и постучал. Глубокий голос Симмонса пригласил их войти. Полковник сидел за большим столом красного дерева, где стояли корзинки с разноцветными шариками — кассетами — и лежали кипы распечаток. Он встал навстречу вошедшим. Его улыбка выражала радость, уверенность в себе и огромную удовлетворенность чем-то. Казалось, что его торчащий вперед раздвоенный подбородок излучает свет, точно передающая антенна.

— У меня для вас хорошие новости. — сказал он. — Надеюсь, что хорошие. Если вы согласны, вечером мы вылетаем в Цюрих.

ГЛАВА 21

— В Цюрих? — переспросил Дункан. — В столицу мира?

— Да, — улыбнулся Симмонс, не сводя глаз с Дункана, словно стремясь проникнуть в его мысли. — Штат Швейцария. Туда, где Всемирный Совет только что опубликовал список кандидатов на место Ананды.

— В новостях этого не было, — заметила Сник.

— Об этом еще не объявлялось.

Дункана уже не удивляло, что Симмонс имеет доступ к ограниченной информации.

— А зачем? — спросил он. — Зачем тебе нужно везти нас туда?

— Присядьте, пожалуйста. — Симмонс откинулся назад, заложив руки за голову. — Вы ушли от органиков и осуществили все ваши диверсии благодаря своей смелости. L'audace, toujours l'audace. Знаете, что это значит?

Дункан и Сник покачали головой.

— Смелость и еще раз смелость*. Это великие слова, сказанные на великом французском языке, который теперь,

* Слова Дантона.

к несчастью, стал таким же мертвым, как и латынь. Но галльский дух жив по-прежнему. Смелость и еще раз смелость. Вы — олицетворение этого духа. Но вы слишком долго находились в бегах, теперь же настало время, когда вы... мы... должны нанести удар, предпринять стратегический ход, который произведет эффект посильнее, чем ваше двукратное тушение огней в Лос-Анджелесе, клянусь Богом! В конце концов, вы своими художествами только досадили властям, хотя жители Лос-Анджелеса, пожалуй, не считают происшедшее таким уж незначительным. — Симмонс уперся руками в стол и подался вперед. — Вот что я предлагаю.

Дункан и Сник выслушали его, не прерывая, хотя это стоило им усилий.

— Ну, что вы об этом думаете? — спросил Симмонс. — L'audace, а?

— Или самоубийственное безрассудство, — сказала Сник. — Нет, поймите меня правильно. В принципе я с вами согласна, но это шаг из серии «победа или смерть». Есть ли хоть один шанс, что это получится?

— Этого мы не узнаем, пока не попробуем, — сказал Симмонс. — А ты что скажешь, Дункан?

— Если дело обстоит так, как ты изложил, то мы можем одержать крупную победу. Подчеркиваю: можем. А доводы против... что ж, нам со Сник очень не хотелось бы самим идти в руки врагу. Мало ли что может пойти не так, как задумано. С другой стороны, это можно сказать о любом смелом предприятии.

— Риск большой, признаю, — сказал Симмонс. — Но до сих пор это вас не останавливало. И потом, что еще можно предпринять на этой стадии игры?

— Да, неожиданность будет громадная, — сказал Дункан. — Это застанет их врасплох, выбьет из колеи.

Он посмотрел на Сник. Она сказала:

— Нам с Дунканом нужно обсудить это. Наедине.

— Разумеется. — Симмонс встал. — Я так и думал, что вам захочется обговорить это между собой. Можете остаться в этой комнате. Обещаю, что мониторинга не будет.

Он вышел, Ашвин за ним. Когда дверь закрылась, Дункан сказал:

— Его план предусматривает хорошую страховку, а стрелять в нас ганки не посмеют. Мы будем у всех на виду.

— Это если Симмонс действительно в состоянии выполнить то, что обещает. Одно меня беспокоит: Симмонсу-то это зачем? Для чего он это делает? Ведь он подвергается такой же опасности, как и мы.

Подозрения Сник не были беспочвенными — Дункан сам спрашивал себя, какие мотивы движут Симмонсом.

— Власть, — сказал он. — Если мы возьмем верх, он получит большую власть. Должно быть, он крайне честолюбив, раз решается на такое. Награда, которую он рассчитывает получить, значит для него больше, чем опасность.

— Или он просто настоящий революционер.

— Да. Но даже такими людьми движут не одни идеалы. Да, они хотят свергнуть правительство, против которого борются, и в большинстве случаев правительство действительно следует свергнуть. Но где-то, в самой глубине души, они жаждут власти.

— Ну а мы? К нам это тоже относится?

— Не думаю, — засмеялся Дункан. — Я никогда не испытывал желания править другими людьми. Но кто знает, что происходит там, в глубине, где властвует «оно»? Да и не так уж важно сейчас, что именно движет Симмонсом. Важно то, что произойдет там, в Цюрихе.

— Так мы летим?

— Я — да.

— Тогда и я тоже. Только...

— Только что?

— Когда-то я видела фильм про Французскую революцию. Вождем восставших был главный герой — Дантон, кажется. И все его до смерти боялись. Он отправил на гильотину тысячи людей. Но в конце концов его самого приговорили к смерти и отсекли ему голову. На суде он сказал... сейчас... дай вспомнить... ага. Он сказал: «Революция точно Сатурн — она пожирает собственных детей».

Дункан не ответил. Детское лицо, его собственное лицо, метеором пронеслось в его мозгу. И, как всякая падающая звезда, оставило за собой мрак, но этот мрак был создан из ужаса и отчаяния.

— Что с тобой? — спросила Сник.

— Вспомнил, как все эти головы падали в корзину. Но это пустяки. Истории не обязательно повторяться.

— Зато человеческая натура всегда одна и та же. Впрочем, ты прав. Мы не можем отказываться от действий только из-за того, что случилось с другими. Мы — это не они.

Дункан открыл дверь. Ашвин нес караул в коридоре.

— Скажи Симмонсу, что мы готовы.

Миг спустя полковник вместе с Ашвином вошел в комнату. Он улыбался, ожидая, как видно, самого положительного отклика на свое предложение.

— Мы с вами, — сказал Дункан. — До конца.

— Хорошо! Прямо Юлий Цезарь, перешедший Рубикон. Жребий брошен, мосты сожжены. Победа или смерть.

— Цезарь победил, — сказала Сник. — Но потом все равно плохо кончил.

— «И ты, Брут», — по-прежнему улыбался Симмонс. — Несмотря на всю свою хитрость и цинизм, он все же доверялся людям, которым не следовало доверять. Я не повторю его ошибок.

«Нет, — подумал Дункан, — ты сделаешь свои».

— Сейчас я посвящу вас в детали, — продолжал Симмонс. — К полуночи, времени нашего отлета, вы уже будете знать и иметь все, что вам необходимо.

Час спустя Дункан пришел к себе в спальню и лег. Закрыв глаза, он попытался вызвать из глубин сознания все, что он знал о Джефферсоне Сервантесе Кэрде. Симмонс сказал, что Дункан полетит в Цюрих под видом его, Симмонса, личного слуги. Все, что требуется от Дункана в пути, — это вести себя тихо и соблюдать правила для прибывающих в интратемпоральную зону. Так что можно было уже сейчас начать думать о себе как о Кэрде, а не как о Дункане.

Но у него было столько разных «я». Боб Тингл, Джим Дунский, Вайатт Репп, Чарли Ом, отец Том Зурван, Уилл Ишарашвили и Уильям Сент-Джордж Дункан. Все это не просто имена — он действительно был всеми этими людьми. Краткое воплощение в Дэвида Грима и Эндрю Бивульфа не оставило следа — это были просто чужие биографии, просто роли. Теперь, чтобы вновь стать Джефферсоном Сервантесом Кэрдом, требовалось проделать путь сквозь Дункана и всех остальных к первоначальному, настоящему Кэрду.

Нелегкая это была задача. Наверное, больше ни у кого на свете, разве что у психопатов, страдающих расщеплением личности, не было такого множества «я». И Дункан единственный умел воплощаться в них по желанию, становиться ими. Но очиститься от них слой за слоем, как он вскоре убедился, было дело другое.

После недолгой борьбы он прекратил свои попытки избавиться от Дункана, самого последнего. Он тяжело дышал. Изобретенные им экзотические, а порой сюрреалистические методы аутотренинга не помогали. Дункан плотно застрял в чреве его сознания.

До предыдущих «я» он еще и не добрался. Но они уже заговорили сильными, хотя и тонкими голосами. Казалось бы, мертвые и погребенные, они требовали воскрешения и потихоньку отваливали камни от своих гробниц. Этакие супериисусы или, с другой точки зрения, супердракулы. Нет, не

«супер» — ведь они пришли не сверху. Они таятся в глубине — значит, это субиисусы и субдракулы.

Пусть он будет опять зваться Кэрдом — в действительности он по-прежнему останется Дунканом. Восстановить полностью память и психику Кэрда не в его власти. И все же голоса предков, которых он сам создал, порой возникают в нем. И сбивают его чуть в сторону от избранной им дороги, как и посещающее его видение детского лица. Делают его самоискажающейся параболой, искривленной траекторией. Кривая его мозга — это синусоиды, пронизанные прямоугольными импульсами. Голоса вызывают в нем психический разряд, который, в свою очередь, приводит к приливу и отливу энергии. Дункан, так сказать, не всегда держит пальцы на своем умственном реостате. И пальцы других норовят ухватиться за рукоятку.

Он вздохнул, сам не зная, только ли ему принадлежит этот вздох. Он не знал, насколько пристально ведут другие свой мониторинг и насколько Дункан отвечает за его мысли и действия.

Однако он почувствовал себя хорошо, когда спустился в общую комнату и Сник назвала его Джеффом. Одно это имя показалось ему первым шагом к обретению первоначальной личности. Словно приоткрылась дверь в темной комнате, впустив лучик света. Еще больше улучшилось его настроение, когда он увидел на экране новые записи. Кое-что предназначалось для выпусков новостей, но кое-что было снято Органическим департаментом исключительно для высшего начальства.

Общедоступные кадры снимались в тридцати метрополиях, расположенных по всему миру, и относились ко всем дням недели. Снабженные комментарием в пользу правительства и несомненно прошедшие цензуру, они все же свидетельствовали о значительных волнениях и беспорядках, происходящих повсюду. Кэрд, однако, отметил, что некоторые манифестации проводились сторонниками правительства, и последние несколько раз нападали на протестующих. Это его не удивило. Многие граждане даже думать не хотят об отмене старого образа жизни. Эта идея им не только неприятна — она вызывает у них страх и гнев.

Секретные съемки были гораздо откровеннее. Некоторые из них представляли собой наглядные лекции высшего командного состава о разгоне демонстраций и обезвреживании их лидеров. Приводились также статистические данные о количестве демонстрантов и давались компьютерные прогнозы об успешности борьбы с этим явлением. Больше всего

заинтересовал Кэрда вероятностный расчет количества граждан, изготавливающих и потребляющих нелегальный эликсир против старения. Расчет был сделан, исходя из количества биохимических лабораторий, подвергшихся ограблению и вооруженному нападению, а также из количества лиц, арестованных за продажу эликсира. Впрочем, «продажа» был не совсем точный термин. Торговцы меняли эликсир на вещи, купленные по кредитным карточкам покупателей. А в некоторых случаях не было даже обмена — обладатели эликсира отдавали его даром.

ГЛАВА 22

В 10.32 группа из пятнадцати человек вылетела с ранчо в большом аэромобиле. Мобиль взял курс на северо-запад, к летному полю Армада в ста двадцати милях от долины. Небо сплошным покровом затягивали облака, лишь в редких просветах сквозь дымку проглядывали звезды. Мобиль, управляемый автопилотом, несся над самыми верхушками деревьев, поднимаясь над холмами и опускаясь в долины. Он шел без огней — дорогу указывали приборы ночного видения и радар.

Пассажиры молчали. Кабина защищала их от ветра, но не от вихря мыслей, тревог и предчувствий. Внутренние голоса звучали во всю мочь.

В 10.53 отраженные небом огни стали ярче. Мобиль перевалил через высокий холм, и внизу на равнине предстало поле Армада, раскинувшееся во все стороны, как радужный спрут. Над его плоскостью торчали водокачки, контрольные вышки, ракеты и пусковые установки. Поле ничем не ограждалось. Зачем ограждение, если не от кого обороняться? Войн на Земле не было вот уже две тысячи облет, а любого нежелательного пришельца крупнее опоссума сразу обнаружат детекторы.

Симмонс не распространялся о том, на каком основании он пользуется взлетным полем, каким образом получил допуск на ракетодром и разрешение на доставку группы в Цюрих. Кэрд предполагал, что распоряжения «провели» через банк данных Органического департамента и они, скорее всего, вполне законны, хотя конечная цель Симмонса таковой отнюдь не является.

На приборной доске зажегся экран, и пилот тихо произнес что-то в микрофон своего шлема. Отключив автоматику, он повел мобиль на посадку. Машина снизила скорость и опустилась в назначенном месте. Шасси присосалось к покрытию своими круглыми губчатыми краями. Верх откинулся,

боковые дверцы открылись, и пассажиры начали выходить. Каждый нес на плече большую тяжелую сумку

Снаружи их встретили двое, одна из которых была высокая женщина в форме органика и длинном зеленом плаще. Она задержалась, чтобы переговорить с Симмонсом, а остальные прошли в здание. В зале сидели только трое регистраторов, и их голоса гулко звучали в огромном помещении.

Пока Симмонс разговаривал с клерками, остальные, поставив свой багаж на пол, сидели, прохаживались или посещали туалетные комнаты.

Кэрд, глядя в большое окно, увидел, как садится еще один аэромобиль. Из него вышли двое мужчин и двое женщин. Еще до того как они вошли в зал с рюкзаками, торчащими выше головы, Кэрд узнал среди них Барри и Донну Клойд. Каждый нес в руках большую коробку.

Кэрд удивился и обрадовался, точно неожиданно встретил старых друзей. Улыбающаяся Донна поставила коробку на пол и бросилась к нему. Она обняла Кэрда и поцеловала в щеку, потом попыталась обнять Сник, но та, хотя и с улыбкой, уклонилась, отвесив Донне поклон.

— Какого черта, Тея, — сказала Донна. — Не будь такой холодной!

Барри тоже поставил коробку на пол, обнял Кэрда и сгреб в охапку Сник, которая не успела его отпихнуть. Ей ничего не оставалось, как более или менее изящно ответить на приветствие.

Кэрд не успел ни о чем их расспросить — Симмонс уже позвал всех на посадку. Вслед за полковником все прошли по высокому коридору в другой зал. В конце помещения у пандуса стояли мужчина и женщина в форме пилотов. Поздоровавшись, они провели пассажиров через шлюз внутрь большого корабля. Через десять минут корабль отошел от мостика, бесшумно развернулся, если не считать легкого потрескивания фюзеляжа, и поднялся по пандусу на катапульту. Когда все пассажиры пристегнулись и откинули свои сиденья назад до отказа, приняв почти лежачее положение, раздался предупредительный сигнал. Первый пилот приказал всем приготовиться к пуску. Сигнал прозвучал повторно, и на стенах замигали оранжевые огни. Пилот начал отсчет. На счете «ноль» пассажиров вдавило в сиденья, и кровь отхлынула от головы в нижнюю часть туловища. Кэрд едва не лишился сознания, а потом ощутил почти полную невесомость, но это было чисто психологическое, ложное ощущение. Включились двигатели Гернхардта, ракета с гулом устремилась вверх и легла на курс, приведя свое магнитное поле в соответствие

с полем Земли. Минутой позже включились реактивные двигатели, корпус затрясся и не переставал вибрировать до конца полета.

На высоте шестидесяти тысяч футов снова прозвучал зуммер и замигали огни. Пилот объявил, что пассажиры могут немного поднять спинки сидений. Ослаблять или отстегивать пристежные ремни не разрешалось.

Пассажиры к этому времени уже пришли в себя, и ближайшее будущее начало беспокоить их. Все ли пойдет так, как запланировал Симмонс? В уме возникали десятки вариантов, все обреченные на провал. Кэрд, по крайней мере, знал, что его определенно ждет плохой конец. Что происходило в уме у Сник, угадать, как всегда, было невозможно. Быть может, ей представлялась счастливая картина того, как она отстреливается, загнанная в угол. Пожалуй, одну только ее на борту радовала перспектива столкновения с властями. Возможно, и перед Симмонсом вставали радужные картины успеха, но они не шли в сравнение с кровавыми фантазиями Сник.

Ракета задрожала — это реактивные двигатели начали торможение. Через десять минут они выключились, уступив место генераторам Гернхардта. Пассажирам разрешили встать, размяться и походить. Спинки сидений подняли совсем, но потом пришлось опять пристегнуться. Корабль уже двадцать минут как пересек линию терминатора. Когда внизу, за горами, открылась долина Линта, часы показывали 11.35 — было утро понедельника. Небо было ясным, и температура воздуха в городе равнялась семидесяти одному градусу по Фаренгейту. Цюрихское озеро сверкало голубизной, усеянное белыми, красными, зелеными и синими парусами. Кэрд часто видел на экране пресноводных дельфинов, населявших это озеро. Их предков привезли сюда тысячу объективных лет назад. Эти существа были признаны разумными и пользовались теми же правами, что и люди, за исключением права голоса. Однако их предводитель, представлявший совет дельфинов, регулярно общался с сотрудником Департамента по контактам. Таких сотрудников было семь, по одному на каждый день, поскольку дельфины не придерживались однодневного человеческого графика.

Город, как и в былые времена, стоял у северо-западного конца озера. Пригородов он не имел — все остальное пространство вдоль озера занимал общественный парк с целым штатом лесников. На самом краю городских построек возвышалась зеленая круглая башня с множеством окон, восьмидесяти этажей высоты и полутора миль в диаметре. Ее венчала гигантская пагодообразная конструкция, на вершине

которой вращался глобус — его движение соответствовало вращению планеты вокруг своей оси. В башне помещались офисы и квартиры администрации штата Швейцария на каждый из семи дней, там же обитало всемирное правительство. Башня включала в себя все, что требовалось ее обитателям: магазины, рестораны и транспортные системы. Сам город за пределами башни состоял из небольших служебных и жилых зданий не выше трех этажей. Были здесь и особняки — знаменитые круглые дома под куполами, которые Кэрд так часто видел в документальных фильмах. Декоративные трубы на крышах и круглые, как глаза, окошки напоминали иллюстрации Нейла к сказкам о стране Оз.

Цюрих за пределами башни жил в основном туризмом. Сюда каждый год приезжали сотни тысяч людей. Главной достопримечательностью кроме правительственной башни считалось каменированное тело Шин Цу, сына Ван Шеня — основателя Новой Эры, стоявшее на пьедестале в парке у озера.

ГЛАВА 23

Посадочное поле располагалось в десяти милях от города и озера. Его построили, убрав часть горы. Рядом был железнодорожный вокзал, куда доставляли каменированных и некаменированных туристов. Каменированные отправлялись в хранилище дожидаться дня своей реанимации, некаменированные ехали в город. Само поле предназначалось в основном для правительственного авиатранспорта. Ракета приземлилась рядом с большим круглым зданием, сложенным из мерцающего зеленого искусственного камня. После проверки личности всех, кто был на борту, и плана полета пассажирам разрешили выйти без дальнейших проволочек. В вестибюле порта было полно народу, почти все в мундирах того или иного департамента, и велись оживленные разговоры.

Кэрд вместе с остальными, когда подошла его очередь, вложил свое удостоверение в прорезь. Сотрудники Туристического бюро смотрели на экраны вполглаза.

Процедура прошла быстро. Никому из группы Симмонса не было предложено приложить правый большой палец к пластинке для сравнения с отпечатком в удостоверении. Личность Симмонса имела достаточно веса, чтобы сократить обычные формальности.

Служащие сделали им знак проходить, и вся группа последовала за полковником Симмонсом. Они вышли с другой стороны порта, где их уже ждал автобус. Медленно и бесшумно отъехав от аэродрома, они вскоре влились в поток движения на шоссе, ведущем в Цюрих. Машин было не так

много, как ожидал Кэрд, но велосипеды на дорожках вдоль шоссе шли густо.

Автобус съехал на боковую дорогу, которая вилась по парку и закончилась большой открытой площадкой. В ее центре на бронзовом пьедестале стояло горгонизированное тело Шин Цу. Вокруг было много скамеек и тележек, с которых продавали попкорн, сандвичи, мороженое, оргазмо и разные напитки. Как только группа Симмонса вышла, рядом остановился другой автобус, из которого появилась съемочная команда. Кэрд знал, что Симмонс заранее договорился об этом по каналам, известным только ему. То, что операторов не сопровождал обязательный органик, доказывало прозорливость Симмонса — ведь съемочную группу вызвало сюда вполне официальное лицо.

Кэрд не мог не восхищаться Симмонсом. Полковник клал свою голову в львиную пасть, рискуя, что ее откусят. L'audace, toujours l'audace.

Столь же охотно жертвовал Симмонс и чужими головами. Без этого не обойтись. Сделал бы Кэрд то же самое, если бы ему представилась такая возможность? Конечно, сделал бы.

Старшая телегруппы, высокая стройная брюнетка, переговорив с Симмонсом, пришла в озабоченный и расстроенный вид. Симмонс добавил еще несколько слов, которых Кэрд не слышал; брюнетка кивнула, отошла и стала говорить со своей командой. Операторы вскидывали брови, не обошлось, кажется, и без протестов, но телегруппа все же двинулась за Симмонсом и его людьми к центру площади. Следом потянулись туристы и праздношатающиеся, видя, что тут что-то намечается. Среди них было много детей. У некоторых взрослых имелись камеры. Предстоящая сцена будет заснята. Ганки, когда прибудут сюда, постараются конфисковать у граждан все камеры, но это им, вероятно, не удастся сделать, не арестовывая всех поголовно. В любом случае из памяти зрителей ничего не сотрешь. Ганки будут давить на них, чтобы помешать им рассказывать о том, что они видели. Кого-то запугают, и те будут молчать. Другие будут говорить именно потому, что им запретили.

Симмонс остановился перед памятником Шин Цу. Операторы, каждый с небольшой квадратной камерой, разошлись, чтобы снимать со всех сторон. Трое сдерживали растущую толпу, не позволяя ей вторгаться на участок вокруг памятника. Это была запретная зона, хотя телевизионщики сами, как видно, не знали почему. Зрители, приученные подчиняться телерепортерам, держались за пределами невидимого круга. Ведь они были не просто наблюдателями, они прини-

мали участие в ритуале. А поскольку в ритуале содержался элемент тайны, он превращался в религиозный обряд, в котором зритель мало что понимает, но который тем сильнее захватывает.

Шин Цу, каменированный навечно (во всяком случае, на срок достаточно долгий, чтобы сойти за вечность), стоял на высоком бронзовом пьедестале. На нем были зеленые, тоже каменированные одежды Верховного Советника Мира — этот титул никому после него не присваивался. Стоя спиной к городу, он смотрел открытыми глазами на горы за озером. Его лицо имело чисто монголоидные черты, редко встречающиеся теперь из-за всеобщей гибридизации, поощряемой правительством. Однако его дед был шотландцем, а бабка — пенджабкой. Лицо и руки статуи были окрашены в естественные цвета, чтобы скрыть серый тон окаменелой плоти. Гладкие блестящие волосы и глаза сделали черными, кожу — золотистой. На ладони вытянутой руки Шин Цу держал большой глобус с надписью рельефными буквами: PAX. На всех четырех сторонах пьедестала имелись бронзовые таблички, где стояло одно только имя — по-английски, на логлане и китайскими иероглифами.

Источники ультразвука на четырех углах постамента отпугивали голубей.

Посмотрев на Шин Цу, Симмонс отвернулся. Возможно, он думал о том, что когда-нибудь сравнится с Шин Цу и его горгонизированное тело тоже водрузят на постамент, а туристы будут гомонить вокруг, жуя попкорн и пирожки, и с далекой карусели, как и теперь, будет доноситься музыка.

Кэрд, тоже разглядывая Шин Цу, открывал тем временем свою сумку, поставленную у подножия пьедестала. Остальная группа последовала его примеру. Кэрд извлек нечто, напоминающее очень длинную веревку — на самом деле это была цепь из каменированного металла, заключенная в коричневую текстильную оболочку ради защиты тела от холода. К одному ее концу был прикреплен очень тонкий пояс из такого же изолированного металла. Кэрд затянул пояс вокруг талии так, что дух захватило, защелкнул замок и повернул крошечный замыкающий диск.

Теперь замок можно расстегнуть, только зная комбинацию.

Быстро проделав все это, Кэрд перебросил свободный конец цепи через пьедестал. Вскоре цепь вернулась к нему, и он перебросил ее обратно. Так он обматывал свою цепь вокруг ног Шин Цу, помогая одновременно другим делать то же самое. Через две минуты все цепи обвили лодыжки памятника,

а свободные концы были закреплены кодовыми замками на поясах.

Вся группа приковала себя к основоположнику Новой Эры.

Камеры телеоператоров и зрителей записывали каждое движение.

Симмонс заранее поставил в толпе своих людей с микрокамерами, замаскированными под пуговицы или украшения.

Теперь он, обернувшись лицом к башне, прокричал:

— Внимание, граждане! Внимание! Я — полковник Кит Алан Симмонс из вторничного Органического департамента штата Лос-Анджелес, Североамериканский орган! А вот эта женщина — так называемая преступница, разыскиваемая Пантея Пао Сник! Этот человек тоже разыскивается! Вы много раз видели его лицо и анкетные данные на экране! Это Джефферсон Сервантес Кэрд!

Он сделал краткую паузу. Издалека послышалось завывание сирен. Сюда спешили патрульные машины — они были ближе, чем казалось по звуку, потому что ветер дул с озера. С башни неслись аэромобили, мигая оранжевыми огнями. Еще десяток подлетал с городских участков.

— Вы знаете, как лгало вам правительство, — взревел Симмонс, — Совет Мира и его присные! Знаете, как оно манипулировало вами в своих интересах! И все вы видели послания Кэрда, разоблачившие заговор, целью которого было утаить от вас эликсир против старости, оставив его для высших чинов, чтобы они жили в семь раз дольше вас, обделенных граждан так называемого Земного Сообщества!

Первый аэромобиль уже садился на краю мощеной площадки, окружавшей памятник. В нем было шестеро ганков с толстоствольными пистолетами в руках.

Кэрд очень волновался, и ему было очень холодно. Неужели он так же бледен, как все остальные, кроме краснолицего Симмонса?

Еще один мобиль завис над самой землей по другую сторону круга.

Некоторые зрители устремились прочь. Другие, как видно, никак не могли оторваться от этого зрелища, явно чреватого большими неприятностями. Обладатели камер продолжали снимать.

— Мы приковали себя к Шин Цу и останемся здесь, пока не отстоим свои и ваши права! — кричал Симмонс. — Мы делаем это в знак протеста против обмана, коррупции и гнусных противозаконных действий правительства! Мы дела-

ем это, хотя знаем, что нас арестуют! Мы хотим, чтобы это событие стало достоянием гласности, и требуем, чтобы нас судили публично, дав возможность всему миру следить за процессом! Призываем общественность уделить все внимание суду над нами и заявить протест, если правительство нарушит наши права! Мы просим...

Генерал-органик, в великолепном ярко-зеленом мундире, золотых галунах и эполетах, в шлеме с плюмажем, подошел к Кэрду. Его длинное узкое лицо, искаженное гневом, было не менее бледно, чем лица прикованных. Протонный пистолет в его руке целил в Симмонса.

— Полковник Симмонс, — крикнул он, — я арестую вас именем Сообщества и Всемирного Совета! Немедленно прекратите свою провокационную агитацию! Вы все, — махнул он рукой, — тоже арестованы и обвиняетесь в том же, а именно: заговор с целью свержения правительства, нарушение дня, побег с целью избежать ареста, сопротивление при аресте, саботаж, распространение ложной провокационной информации, подстрекательство к бунту, лживые подстрекательские обвинения в адрес законной власти, незаконное использование банков данных, ввод ложных данных в упомянутые банки, и... — Генерал остановился, чтобы набрать воздуха и придать побольше веса последнему обвинению: — И. убийство!

«Забыл сказать про затемнение в Лос-Анджелесе, — подумал Кэрд. — Но и до этого рано или поздно дойдет».

Рядом сели еще два мобиля. Вокруг собралось не менее двадцати патрульных машин, и они все продолжали прибывать. Ганки уже призывали граждан сдать видеокамеры.

Симмонс, не обращая внимания на генерала, заново повторял свою речь. Но теперь ее заглушали выкрики ганков и теснимых ими граждан. Смелый фотограф в переднем ряду продолжал щелкать своим аппаратом. Ганки до него еще не добрались. Он вынул из камеры кассету с пленкой, маленький шарик, и сунул себе в карман. Потом бросил камеру, повернулся и скрылся в бурлящей толпе.

— Молчать! — гремел побагровевший генерал.

Симмонс прервал свою речь и проорал ему в ответ:

— Вы не уведомили меня о моих правах!

— Органиков незачем уведомлять о правах! — надрывался генерал. — Они их и так знают!

— Но мы-то не ганки! — вмешался Кэрд. — А нас вы тоже не уведомили.

— Молчать! Приказываю всем замолчать!

Он нажал на спуск своего пистолета, и бледно-фиолетовый луч ударил Симмонса в подбородок. Симмонс пошатнулся, ударился о пьедестал и обмяк, привалившись к нему.

— Вот они, методы органиков! — заорал Кэрд. — Граждане, я свидетельствую: все, что сказал вам полковник Симмонс, — правда! И я могу кое-что добавить к его словам! Я расскажу вам о беззакониях, которые творило правительство вопреки вашим правам и вашему благополучию!

Генерал наставил пистолет на Кэрда и нажал на спуск.

ГЛАВА 24

Когда Кэрд очнулся, у него болела голова, ломило челюсть и ныли все мускулы. Боль была не постоянной, а пульсировала прямоугольными волнами. Он лежал навзничь на каком-то твердом столе с тонкой подушкой под головой. Сканирующий прибор с круглым наконечником, напоминающим око Бога — весьма слабоумного Бога, — двигался над ним взад и вперед. Вокруг стола стояли ганки, следя за Кэрдом и за врачом, женщиной в белой, с красной отделкой униформе. Среди них был и генерал, оглушивший Кэрда, и какой-то штатский, коренастый мужчина в возрасте около шестидесяти сублет, с самым большим носом, который Кэрду доводилось видеть.

— У вас болит голова, — сказала доктор. Это было утверждение, не вопрос. Она ввела шприц в обнаженное предплечье Кэрда, и скоро боль отхлынула, как вода в час отлива.

Кэрд поднял руки и ощупал талию. Ни пояса, ни цепей на нем не было. Мазером или протонным лучом их срезать не могли — как видно, определили комбинацию замков с помощью частотного сканера.

Стенные экраны, конечно, записывали все происходящее в комнате, а трое ганков вели съемку камерами.

Большеносый человек, растолкав остальных, пробился к столу. Он взял руку Кэрда в свои прохладные ладони и сказал:

— Я ваш адвокат, гражданин Кэрд. Нельс Лупеску Бирс, из фирмы Шин, Нгума и Бирс, и беру я дорого. Но я сам вызвался вас защищать и не возьму за это ни кредита. И Совет Мира признал меня вашим защитником — попробовали бы они не признать!

Голос у него был глубокий, звучный и плавный.

— Спасибо, — сказал Кэрд. — А как же все остальные?

— У каждого из них свой адвокат.

— Это хорошие адвокаты?

Бирс отпустил руку Кэрда, криво улыбнулся, пожал плечами и произнес:

— Ну-у...

Доктор, посмотрев на стенной экран, где отражались показания снующего над Кэрдом прибора, сказала:

— Можете отправить его в камеру.

— Так запросто, даже не спросив, как я себя чувствую?

Доктор удивилась и спросила, показав на экран:

— А зачем?

Бирс задрал свой нос и взглянул поверх него на доктора:

— Действительно, зачем? К чему нам тут личная заинтересованность, сочувствие или, скажем, забота? Пусть машина говорит за нас! Пусть она изречет свой божественный глагол! Разве бывают у Бога сбои и неполадки? Разве Богу есть дело до смертных? Он шлет громы с горы Синай через дисплей!

Доктор покраснела.

— Я дважды проверила показания.

— Ну, хватит вздор молоть! — заявил генерал. — В камеру его!

— Я имею право на беседу с адвокатом, — заметил Кэрд.

— Все ваши права будут неукоснительно соблюдаться!

Двое ганков взяли Кэрда за плечи и посадили. Встав на ноги, он ощутил большую слабость, хотя боль и прошла. Несмотря на это, он сказал:

— Я могу идти сам. — И с тихим смехом добавил: — Можно пока не опасаться, что я опять убегу.

Бирс шел по пятам за Кэрдом, которого вели по коридору мимо множества закрытых дверей. Кэрд знал, что стенные экраны регистрируют все до мелочей. Мониторы будут непрерывно следить за ним, от них он не скроется нигде, разве что в ванной. И кто знает, не станут ли за ним и там наблюдать. Найдутся и другие способы, чтобы помешать ему совершить побег, но это не имеет значения. Он не затем оказался здесь, чтобы пытаться бежать. Кэрд спросил через плечо:

— Гражданин Бирс, вы мой адвокат на сегодня? А кто будет завтра, не знаете?

— Я. Мне выдали темпоральный паспорт с учетом тяжести преступлений, в которых вы обвиняетесь. Так же, как адвокатам ваших товарищей.

— Для вас это будет новым ощущением — жить каждый день.

— Я уже предвкушаю это.

В конце коридора конвой остановился. Капитан, выйдя вперед, произнес кодовое слово, отпирающее дверь. Кэрд

этого слова не слышал. Дверь откатилась вправо, и Кэрд, чувствуя себя очень усталым, прошел в большую комнату за ней. В углу, отгороженная не доходящими до потолка перегородками, была ванная. Комната была обставлена скудно, как обычная тюремная камера; в ней имелись спортивные тренажеры, но каменатора не было. Генерал обратил на это внимание телезрителей, заметив, что здесь не практикуется каменирование заключенных — если это и делается, то лишь на короткие интервалы. Заключенному будет предоставлена возможность консультироваться со своим адвокатом, когда он пожелает, будь то днем или ночью. Генерал подчеркнул также, что заключенный будет иметь доступ ко всем семидесяти телеканалам, включая информационные. Таков закон. Кэрд тем временем сел на стул. Генерал обратился к нему:

— Гражданин Джефферсон Сервантес Кэрд, заключенный номер ИСБ-НН-9462-Х, имеются ли у вас жалобы по поводу вашего ареста и содержания под стражей?

— Да, имеются. Было неоправданной жестокостью оглушать меня протонным лучом.

— Согласно инструкции ВСИС-6, вас надлежало привести в бессознательное состояние. Вы можете зарегистрировать ваши жалобы у адвоката, и соответствующий суд в соответствующее время рассмотрит их.

Генерал вышел, и все, кроме Бирса, последовали за ним. Дверь закрылась. Адвокат схватился за свой огромный нос и несколько раз дернул его. Возможно, он таким манером накачивает в себя мужество и уверенность, подумал Кэрд.

— Времени у нас немного. Суд над вами начнется завтра — в объективный следующий день, в полдень. А к пяти вечера может уже завершиться. Завершился бы, будь это обычное уголовное дело. В вашем же случае власти могут растянуть его на все семь дней. А могут и быстро управиться, показав оставшимся дням ваш процесс в записи. Но мне кажется, нашим правителям захочется все же узнать, как реагирует общественность, до того, как будет вынесен приговор. Вы подняли целую бурю, друг мой. — Адвокат ухмыльнулся. — Такого в новейшей истории еще не видывали.

— Вы говорите так, точно приговор уже распечатан.

— О, вас признают виновным, в этом сомнения нет. Я буду, конечно, бороться, как могу, а могу я многое. Но улики...

Бирс нахмурился и снова «подоил» нос. Что он, надеется, что нос от этого станет меньше? Или подсознательно пытается сгладить этот свой нарост? Или просто привлекает к нему внимание, гордясь им, как Сирано де Бержерак?

Он пододвинулся вместе со стулом ближе к Кэрду.

— Общественный обвинитель информировала меня о некоторых вещах, как обязует ее закон. По ее словам, правительство твердо решило не превращать процесс в публичный форум. Защитникам не дадут произносить речи. И у вас не будет возможности обвинить правительство в обмане, коррупции и заговоре против общества.

Вас спросят только, признаете ли вы себя виновным в нескольких определенных преступлениях. Выберут то, в чем вы и ваши товарищи определенно виновны и будете признаны виновными. Вас и Сник, например, обвинят во вводе ложной информации и дневальничестве. Обвинят вас также в нападении на энергостанцию Лос-Анджелеса и термионный центр, повлекшем за собой страдания граждан Лос-Анджелеса и всей Южной Калифорнии. Причины же, побудившие вас совершить эти преступления, на суде разбираться не будут.

— А вы не можете помешать им заткнуть нам рот таким манером?

— О, я буду возражать и заявлять протесты! Но из этого ничего не выйдет. Судьи укажут мне, что для них причины не имеют значения. Причины важны только для психиков, которые займутся вами в институте реабилитации.

— Значит, приговор предрешен?

— Во всяком случае, известно, что к немедленной горгонизации вас не приговорят. А вот найдут вас психики излечимым или нет... этого мне не сказали. Теоретически, конечно, результаты лечения не могут быть известны, пока лечения не проведут. Вполне может статься, что правительство сочтет все же нужным каменировать вас и предоставит будущему заняться вами. Если будут изобретены методы, способные вас излечить, тогда...

— Это я знаю. Но как же быть с моими телевизионными посланиями, в которых я обвинил правительство во лжи и мошенничестве? Если меня не будут судить за это, в обществе возникнет недоумение.

Бирс задумчиво «подоил» нос. Что бы ни происходило у него в голове, процесс этот был явно болезненным.

— Ваши послания в обвинительный акт не включены. Но правительство с ними разберется. Вы об этом знать, конечно, не можете, но официальное заявление уже передано в эфир. Вы сможете ознакомиться с ним в записи. Правительство заявляет, что только сейчас раскрыло обман всемирного советника Ананды, настоящее имя которого — Гилберт Чинь Иммерман. Раскрыта вся его темная и зловещая история — так и сказано, темная и зловещая. Раскрыта также ваша

деятельность в качестве члена организации иммеров. Но вас в этом обвинять не станут. И посему ваши показания, которые могли бы навредить правительству, не будут преданы гласности.

— Прощай, план Симмонса, — сказал Кэрд. — А как же насчет ФЗС? Уж его-то общество не уступит без яростной борьбы.

— Правительство признало, что допустило ошибку. Действенность ФЗС доказана, и все граждане, желающие этого, получат эликсир. Можете голову прозакладывать, что пожелают все. Многие возмущаются тем, что не получили прививку в молодости, и обвиняют иммеров в том, что те присвоили ФЗС себе. Насколько я понял — так сказала мне обвинительница, — вы лишились симпатий части общества из-за того, что входили в элитную организацию, скрывавшую эликсир жизни от других.

— На то была веская причина.

— Попробуйте объяснить это людям, которые чувствуют себя обманутыми. Да, моя жизнь будет продлена, но она была бы намного дольше, если бы я получил ФЗС в двадцать один год.

— Зачем же вы тогда беретесь меня защищать?

— Я профессионал. Кроме того, вам не предъявят обвинения в сокрытии ФЗС в целях, которые вы считали благими. И я не занимаюсь этим аспектом вашего дела. В этом вас обвиняет общество, а не правительство.

— Стало быть, дело революции можно считать пропащим?

Бирс улыбнулся и с видимым удовольствием ответил:

— Нет. Кое-что из начатого вами, возможно, и затормозилось, но люди все еще возбуждены. Видите ли, Совет признался и в том, что Землю населяют действительно два миллиарда, как говорили вы, а не десять. Заведующий Бюро Народонаселения и некоторые его помощники обвиняются в намеренном представлении ложной информации народу и правительству.

— Надо же! Сколько новостей за такой короткий срок!

— Да, все произошло очень быстро, учитывая нашу обычную волокиту. — Бирс злорадно ухмыльнулся. — Все это, конечно...

— ...подстроено! — закончил Кэрд.

Бирс слегка раздражился оттого, что его прервали.

— А что я могу сделать? Если я обвиню в этом правительство, меня самого отдадут под суд. Я ничего не смогу доказать и окажусь в реабилке. Я циник, — вздернул плечи

Бирс. — Все юристы циники. Это не юриспруденция сделала меня таким. Я таким родился. Только циники идут в юристы.

Помолчав, Кэрд сказал:

— Сник вывело из обращения правительство — а может, один Ананда, — чтобы заставить ее молчать и прикрыть свой обман. Об этом тоже, полагаю, не будет речи на процессе?

— Если она заговорит об этом, несмотря на запрет суда, ее отправят обратно в камеру.

— Но ведь весь процесс будет показываться по телевизору. И все услышат, о чем Сник хотела сказать.

— Услышат всего несколько слов. Потом звук просто выключат, и публика ничего не поймет. Это не противоречит закону, поскольку суд признает ее протест несущественным. Ее уведут и будут держать в камере, пока она не пообещает ограничиться обсуждением того, что суд считает существенным. Если она не согласится, процесс будет продолжаться без нее. Ей оставят право следить за его ходом по телевизору, но лишат возможности давать показания.

— А как остальные? Симмонс? Клойд?

— Точно так же. Они обвиняются в заговоре против правительства и в нелегальном перелете из Лос-Анджелеса в Цюрих. Кстати, телерепортаж о заговорщиках, приковавших себя к памятнику Шин Цу, был показан по всему миру. Правительство этому не препятствовало — и умно поступило. Все равно люди смотрели бы нелегальные записи, и теперь никто не обвинит власти в ограничении свободы слова и показа.

Кэрд изумленно покачал головой:

— И в убийстве нас, выходит, обвинять не станут?

— Это лишнее, вас и так есть за что осудить. Правительство боится, как бы из ваших показаний не стало ясно, что власти сами не без греха. Убийство — самое тяжкое преступление во всем кодексе, тут уж на несущественность сослаться будет трудно.

— Так вы советуете мне сразу признать себя виновным?

ГЛАВА 25

— Я вам так скажу, — медленно произнес Бирс. — Дело ваше уникальное и необычайно трудное. Трудное для правительства. Ваша способность сопротивляться действию ТП хорошо известна. Уверяют, что вы можете лгать под ТП, даже когда вы без сознания.

— Это правда.

— Суду известно, что эта ваша особенность установлена, тем не менее к вам придется еще раз применить ТП, чтобы

проверить, не утратили ли вы эту способность. Я буду настаивать, пользуясь своим правом, чтобы при испытании присутствовал я и несколько ученых, в объективность которых я верю. Испытание, разумеется, будет сниматься на пленку. Это ставит власти в трудное положение. Чтобы доказать, что вы лжете, вам должны будут задать несколько конкретных вопросов. Вопросы эти должны касаться событий, которые имели место в действительности. Например, вы в самом деле нападали на энергостанции. И вы в этом сознаетесь — какой вам смысл лгать.

Вас спросят также, произошли ли такие-то события, которых на самом деле не происходило. И вы ответите, что нет.

Вас не станут спрашивать ни о чем, что происходило с вами в ваших прежних воплощениях. Повторный тест под ТП подтвердит, что вы об этом ничего не помните — или помните очень мало и не можете сказать ничего существенного с точки зрения закона.

Вам будут задавать вопросы лишь о том периоде вашей жизни, который начинается с вашего бегства из манхэттенской лечебницы. И с создания новой личности, которую вы назвали Дунканом.

Бирс придвинул стул, оказавшись почти нос к носу с Кэрдом. Улыбка адвоката напоминала полумесяц.

— До сих пор допрос под ТП всегда служил основанием для вынесения судебного решения. Если ТП показывал, что обвиняемый невиновен, суд автоматически освобождал его из-под стражи. Если ТП показывал, что обвиняемый виновен, ему выносился приговор.

Теперь впервые обвиняется человек, способный отрицать свою вину, даже если он виновен. Я предъявлю суду этот факт, и они знают, что я это сделаю. Должно быть, они обсуждают эту проблему уже сейчас. Я буду настаивать на том, что ваш случай беспрецедентен. Значит, нужно будет разработать новые прецеденты, которые затем приобретут силу закона. И рассмотрение вашего дела придется отложить до их разработки.

— А какой мне от этого будет прок в конечном счете? — спросил Кэрд. — По-вашему, им придется вернуться к старой системе суда присяжных? И судить меня на основе свидетельских показаний и улик?

— Да, придется. Но не это важно. Нет сомнений в том, что вы похитили органический аэромобиль и совершили налет на энергоцентры. Суд попытается сослаться на то, что вы признали свою вину, будучи под ТП. И что этого признания достаточно, чтобы провести процесс быстро и в рамках ныне

существующего закона. Но я буду настаивать, что вы способны лгать под ТП. Тот факт, что вы признались в совершении диверсии, не имеет отношения к вашей виновности или невиновности. Поэтому необходимо судебное разбирательство, даже если всем известно, что вы виновны.

— Я открою вам один секрет, — сказал Кэрд, — если вы поделитесь им с защитниками Сник, Симмонса и всех остальных.

Бирс хмыкнул, склонил голову набок и закатил глаза. Потом сказал:

— Хорошо, обещаю.

— Я не единственный, кто может лгать под ТП. У меня это естественный дар. Но Сник, Симмонсу и всем прочим подсудимым был введен анти-ТП.

Бирс взвился со стула, точно внезапно стал невесомым.

— Что?

— Да, всем. Этот самый анти-ТП впрыскивался членам СК, и один Бог ведает, сколько еще организаций его получило.

Бирс начал шагать взад и вперед, держась за нос.

— Да поможет вам Блэкстон!

— Кто?

— Был в старой Англии такой юрист. Господи! Да вы сознаете, что из этого следует? Конечно, сознаете. Вас всех придется судить по правилам старого суда присяжных или, на худой конец, собрать судейскую коллегию. И ведь этот анти-ТП тоже станет когда-нибудь достоянием гласности. Народ начнет требовать его и получит, легальным или нелегальным путем. Что только тогда станется с судебной системой?

Новость потрясла адвоката, но это было скорее приятное потрясение. Кэрд это понимал. При таком раскладе у адвокатов прибавится работы и понадобится больше адвокатов.

— А вас ждет мученичество, — сказал Бирс, потирая руки. — Но пусть вас утешает то, что вы стали зачинателем революции. В конце концов систему Новой Эры придется отменить. ФЗС вызовет громадные перемены — социальные, психологические и демографические. Анти-ТП изменит нашу правовую систему. Я предвижу много разных перемен, но будут и такие, которые никто предугадать не в состоянии. Даже их божественные компьютеры.

— Невелико утешение. Какой толк знать, что по твоей милости настанут интересные времена — тем горестнее оттого, что ты в них участвовать не будешь.

— Надо всегда и во всем видеть хорошую сторону. — Бирс снова сел. — Так вот, я считаю, что вы должны объявить себя невиновным. Пусть немного попотеют и отложат свое решение. Согласны?

— Невиновным так невиновным.

— Суду придется также рассмотреть вопрос о вашей «психической устойчивости» — простите мне этот термин. Это должно смягчить приговор.

— А вот это не пройдет. Это какая-то отмазка, измена всему, за что я боролся. Я запрещаю вам прибегать к этому средству.

— Что ж, прекрасно — хотя вы, на мой взгляд, упускаете шанс легко отделаться. Но вас в любом случае направят в реабилку. Согласно логике правительства, тот, кто ведет себя антисоциально, — либо психопат, либо по меньшей мере тяжелый невротик. Ведь это правительство решает, отпустить ли пациента, которого психик объявляет здоровым... — Бирс вскинул руки ладонями кверху. — Вы пробудете в лечебнице очень, очень долго. Вас даже могут объявить неизлечимым и вследствие этого горгонизировать.

— Все может быть. Но знаете, что меня по-настоящему мучает? Я стал иммером по доброй воле. Но Сник просто выполняла свою работу, и с ней расправились как раз поэтому. Только слабак смирился бы с такой несправедливостью, а Сник не из таких. Потому она и встала на преступный путь. А вы бы не встали на ее месте?

Бирс осторожно ощупал картофелеобразный кончик носа, точно только сейчас обнаружил это любопытное образование.

— Возможно, что судьи, если у них есть совесть, это учтут. Но нужно еще, чтобы они знали подробности учиненного над ней беззакония. Не думаю, чтобы их в это посвятили. А на суде этот вопрос не возникнет.

— Если я когда-нибудь выйду на свободу, я всю жизнь посвящу тому, чтобы люди так или иначе узнали правду о Сник. Так или иначе, но она будет оправдана!

— Угомону на вас нет. Но когда нарветесь опять, пригласите меня. Я восхищаюсь вами, хотя одобряю далеко не все, что вы сделали. Значит, договорились — вы не признаете себя виновным?

— Зачем повторять это снова?

— Увидимся завтра в суде.

Бирс назвал кодовое слово, и пустой экран на стене ожил.

— Мы закончили совещание. Можете допросить моего клиента.

— Через несколько секунд вас допросят под ТП, — сказал он Кэрду. — Это просто формальность, чтобы убедиться...

— Я знаю, вы это уже говорили.

— Я буду присутствовать при процедуре, чтобы уберечь вас от разных фокусов. Будут также двое предположительно объективных психиков.

— Помните о своем обещании.

В камеру вошли генерал, трое офицеров, два психика и специалист по ТП. Кэрд лег на кушетку, как ему было приказано. Специалист, женщина средних лет, брызнула аэрозолем ему в лицо. Он погрузился во мрак, заранее зная, что будет отвечать. Если ему зададут какие-то неожиданные вопросы, тоже не беда. Его подсознание сработает и ответит так, как ответил бы он в полном сознании.

На этот раз его сознание не отключилось полностью, как при каменировании. Ему снился сон.

Кэрд знал, что это сон. Знал он также, что делает то, чего не собирался делать и чего ему вовсе не хотелось.

Что-то — нечто — овладевало им. Он был бессилен остановить это что-то. Он, который всегда полностью держал себя в руках, за исключением одного-единственного раза в Манхэттене, теперь уступал какому-то чуждому существу или некой мятежной части своего «я».

Нравилось ему это или нет, а ему это определенно не нравилось, он превращался в новую личность.

Он бился с охватившими его мощными нитями, словно муха, попавшая в паутину.

Ночь у него внутри озарилась по краям бледно-фиолетовым цветом, хотя, строго говоря, никаких краев там не было. Это был рассвет без солнца, если не предположить, что солнцем был его мозг. Свет медленно распространялся наружу — и одновременно внутрь, — пока тьма не полиловела; лишь в несуществующей середине осталась неровная глыба, черная, как базальт. Края поля пришли в движение. Там пульсировала фиолетовая субстанция чуть более темного оттенка, создавая конические фигуры, прямоугольные фигуры, зубчатые фигуры. То были, как смутно сознавал Кэрд, его прежние «я», стремящиеся вырваться. Их усилия увеличивались, когда он сознательно пытался сформировать новую личность, в момент его наивысшей силы и наивысшей слабости.

Слабые голоса доносились сверху, хотя там не было верха. Он узнавал их, несмотря на их еле слышное звучание. Настоящий Кэрд, Тингл, Дунский, Репп, Ом, Зурван, Ишарашвили. И последний — Дункан. Кэрд не слышал, что они говорят, но понимал их тон. В нем была ярость, разочарование,

требование позволить им жить полной жизнью, дать овладеть его телом и разумом. Это было невозможно. Только один мог полностью обладать и управлять этой телесной оболочкой, при рождении названной Кэрдом.

«Мне придется убить их всех», — подумал теперешний Кэрд.

Черная глыба в центре начала источать фиолетовый цвет, уменьшаясь при этом. Она таяла, а фиолетовое поле вокруг становилось все темнее, фигуры по его краям набухали, и голоса крепли. Кэрд с трудом отражал натиск грозных форм. Единственный, чьи слова он различал, был Дункан — потому, что он все еще оставался Дунканом. Отчасти, во всяком случае. Дункан был самым сильным его противником. Кэрд начинал паниковать. Он понимал, что, если сейчас он не победит, больше ему не подняться. И те, другие, тоже понимали, в каком он опасном положении, как он хрупок и открыт.

Кэрд мысленно заскрежетал зубами. Чей-то неслышимый, но могучий голос заколебал фиолетовое поле. Растущие фигуры отбросило назад, сдавило, точно на них наступили ногой, и вот они, кружась, исчезли из несуществующего поля зрения.

Этот голос, хоть и не был голосом Бога, очень походил на тот, что гремел с горы Синай, обращаясь к дрожащему Моисею. Этому голосу нельзя было ответить «нет». Он звучал — кем бы он ни собирался стать впоследствии — словно вулкан в разгаре извержения.

Края поля по-прежнему мерцали. Фигуры отступали прочь; от них расходилась тьма, и мерцал уже не фиолетовый сумрак, а эта, медленно сочащаяся наружу — и внутрь — тьма. Чернота в центре быстро таяла, как свеча, пылающая ярким не-светом.

Кэрд проигрывал бой с самим собой.

Одна мысль, точно призрак, бродящий по коридорам старинного замка, — невидимый, но ощущаемый, — пронизала фиолетовое поле.

Ему осталось немного времени.

Это значило совсем не то, что значило бы, будь Кэрд в полном контакте с внешним миром. Здесь время было концепцией, очень трудной для понимания. И все же она просачивалась к Кэрду и задевала его, как крылья ночной бабочки задевают лицо спящего. Ни это прикосновение, ни легкая пыльца с крылышек не пробуждали в нем чувства времени. Это был лишь сон во сне, который снится спящему. Идея времени, удаленная от реальности в третьей степени.

Это нужно было сделать. Он не хотел, чтобы это делалось.

Это делалось.

Делалось...

Образ в центре, черный, как сердце камня, но мягкий, как пластилин, перестал таять. Пятнышки мрака, носящиеся в фиолетовом поле, как мушки перед глазами, влились обратно в глыбу. Черный огонь прожег Кэрда. Фигура, личность, скрытая в этом бесформенном монолите, начала вырисовываться.

Через почерневшее поле и полиловевшую глыбу проплыло лицо. То, что уже являлось Кэрду. Детское лицо. Он сам в раннем детстве.

Оно проплыло и ушло, оставив за собой легкую зыбь, словно хронон в камере Вильсона — только его, в отличие от частицы времени, можно было увидеть.

Сквозь медленно угасающие помехи, сквозь занавес, хлопающий на ветру, из глыбы возник образ Бейкера Но Уили. Выглядел он в точности как Кэрд, как все остальные.

Бейкер Но Уили? Никогда раньше Кэрд не слышал этого имени.

Он надувался. Он рос, как воздушный шар, вытесняя фиолетовый свет. Когда он вытеснит все, не оставив ни клочка, ни обрывка, ни пятнышка, он явится в мир.

А Кэрд уйдет.

Это и было самым тяжелым и болезненным — уступить, уйти.

Беззвучно крича: «Нет, нет, нет!», Кэрд извивался и корчился, сжигаемый болью.

Но и он, и все его двойники могли снести все — и боль, и потерю, хотя степень их терпения была разной. Должно быть, Кэрд, создавая Дункана, имел в виду как раз такую выносливость. У Дункана была воля, как из ванадия, твердости необычайной. И все же...

Сейчас ему приходилось хуже, чем когда-либо раньше. Раньше он всегда был связан, пусть слабо, будто нитью паутины, но связан... С кем?

Фиолетовый свет исчез, и перед Кэрдом предстало нагое, светло-коричневое тело Бейкера Но Уили, все заслонившее собой. Кэрд падал к нему сквозь лишенное света пространство, кружась вокруг своей оси и одновременно кувыркаясь через голову. Ощущение центра тяжести пропало. У него не было больше осей, и все же он вращался вокруг всех трех одновременно.

Тьма сгустилась вокруг и сдавила его.

Явился свет, в котором его собственный, почти видимый голос вопил:

— Нет! Нет! Я не знаю тебя! Я не хочу тебя!

И больше ничего. Он стал камнем, встретившись взором с Медузой, и сознания в нем осталось не больше, чем в камне.

ГЛАВА 26

— Итак, Джефф, — сказала психик, — вы просмотрели все имеющиеся у нас записи о вашей жизни вплоть до настоящего момента. Не шевельнулось ли у вас воспоминания, пусть самого слабого, о ваших прошлых «я»?

— Ни малейшего.

Он думал о себе как о Бейкере Но Уили. Но поскольку все в реабилитационном центре упорно называли его именем, данным ему при рождении — Джефферсон Кэрд, — на это имя он и откликался.

Он сидел на стуле с сильно откинутой спинкой. Над ним взад и вперед двигался на роликах детектор. Звуковые, электромагнитные и лазерные волны пронизывали макушку, лоб, затылок, обнаженные ноги и торс. Психик, доктор Арлен Гоу-Линь Брускино, сидела напротив. Она переводила взгляд с лица пациента к монитору на задней стене и опять к пациенту. На стене за доктором тоже был экран, регистрирующий реакции Кэрда — эту информацию анализировал компьютер. Экран за Кэрдом интерпретировал лицевые движения пациента и частотные колебания его голоса.

Прибор над Кэрдом анализировал также запах его тела, засекая малейшие отклонения, которые могли указывать на то, что пациент боится или лжет. Это проделывалось по-прежнему, хотя Кэрд доказал врачу, что может так «накрутить» себя, что его тело начнет выделять молекулы страха или лжи. Он мог включать и отключать их с такой быстротой, словно нажимал на кнопку. Брускино была поражена, но не могла понять, почему он не утратил этой способности. Он ведь должен был напрочь забыть, как это делается, говорила она.

— Но, Арлен, я действительно ничего не помню о моих прежних «я». И я не способен больше создать кого-то нового. Я много раз пробовал с тех пор, как нахожусь здесь, и у меня ничего не вышло. Но я сохранил кое-что из того, чем владели они, в том числе способность лгать под ТП.

Они сидели в большой комнате, где он проводил несколько часов каждый вторник. Слева от него большое окно выходило на широкий луг, кончавшийся обрывом. Повернув голову, Кэрд мог видеть часть долины внизу. По другую ее сторону высилась крутая гора с елями внизу, скалами в

середине и снегом на вершине. Кэрд понятия не имел, где находится — скорее всего где-то в умеренной или приполярной зоне. Другие пациенты, с которыми ему разрешалось общаться, тоже ничего не могли ему сказать о местонахождении клиники. Их, как и его, доставили сюда каменированными.

Арлен Брускино была очень красивая, голубоглазая блондинка средних лет. Длинные волосы она укладывала в греческий узел, сколотый серебряной булавкой с большим искусственным бриллиантом на конце. На шее у нее висела двенадцатиконечная звезда с карточкой-удостоверением в середине. Сверху карточку прикрывала серебряная рельефная крышка в виде лабиринта, в центре которого виднелась голова минотавра — получеловека, полубыка. Любой из двенадцати лучей звезды можно было вставить в щель терминала и считать данные с карточки либо записать что-то на нее.

Арлен была одета в белую прозрачную короткую блузку с высоким кружевным воротником, зеленую юбку до середины икры и в сандалии. Из тех немногих ответов, которые она дала на его многочисленные вопросы о ее личной жизни, он узнал, что она живет с двумя мужчинами. Она, смеясь, заявила, что ее любовь достаточно велика, чтобы с избытком хватало на двоих мужиков и двоих детей.

— И любовь, и грудь, — заметил Кэрд.

Арлен рассмеялась еще пуще.

Один отводок детектора, курсирующего над Кэрдом, был направлен на Арлен и регистрировал ее собственные нейрометаболические отклонения во время сеанса. Лечащий врач должен был знать и свои рефлексы в этот период. Брускино чувствовала себя раскованно, и страха в ней не было. А вот манхэттенская психик, Арсенти, боялась, что узнала от Кэрда слишком многое о противозаконных действиях правительства и что власти избавятся от нее, как только она закончит его лечить. Сам Кэрд, конечно, этого не помнил. Это рассказала ему Арлен, просмотрев записи сеансов, которые Арсенти проводила с Кэрдом. Арлен без колебаний делилась с Кэрдом всем, что считала существенным. Он спросил ее, что стало с Арсенти. Арлен наморщила лоб и сказала:

— Не знаю. Но будьте уверены, она не пострадала. Иначе мне ни за что не дали бы эти кассеты.

— Я не слишком в этом уверен, — ответил он.

Кэрд посмотрел в окно. За ним стояло раннее лето. Луг был усеян маргаритками и другими цветами, названия которых Кэрд не знал. На краю прогалины щипали траву олени — маленькие коричневые создания с большими белыми пят-

нами. Крупная темная птица, слишком далекая, чтобы разглядеть, ястреб это или орел, парила в восходящем потоке воздуха. Снега на вершине горы ослепительно сверкали в лучах послеполуденного солнца. Раньше, до прихода теплой эры, снега доходили до половины горы — так сказал Кэрду один из больных.

— Я и без машины знаю, что вы говорите правду, — сказала Арлен. — Правду с вашей точки зрения.

— Что же мы в таком случае будем делать?

— Я указала в рапорте, что вы теперь действительно другой человек, именующий себя Бейкер Но Уили. Согласно обычной бюрократической процедуре, рапорт будет рассмотрен коллегией психиков и органиков. Они, возможно, потребуют, чтобы вас обследовали другие психики. Но потом вас проведут через серию тестов и отпустят. Выяснят с помощью тестов, к какой профессии вы имеете склонность, и отправят куда-нибудь, где вы начнете новую жизнь.

Арлен перегнулась через разделяющий их столик и легко опустила ладонь на руку Кэрда.

— Беда в том, что вы не похожи ни на одного пациента, когда-либо лечившегося в реабилитационном центре. Вы заявляете, что не способны теперь создать новую личность. Но вы по-прежнему способны лгать и под ТП, и под действием других наркотиков. Правительство не может быть уверено, что вы не вернетесь к своим прежним персонам или не создадите новую. — Арлен вздохнула и убрала руку. — Тем не менее я предложила поступить с вами так же, как с любым другим реабилитантом. — На ее лице сверкнула улыбка. — Я сказала им, что из вас, по-моему, получится примерный гражданин. Но поскольку вы не настоящий реабилитант, а скорее новорожденный младенец, бегло говорящий на родном языке, вас следует поселить в англоязычной стране. У вас будет широкий выбор мест и видов климата. В органики вас, конечно, не возьмут, и я не советовала бы вам становиться служителем религиозного культа. За это много не платят, и правительство не поверит в вашу полную реабилитацию, если вы станете священнослужителем.

— Это не в моем характере.

— В вашем, только это глубоко погребено. Когда-то вы были уличным проповедником в лице отца Тома Зурвана. Впрочем, вы можете опять пойти в колледж и получить там новую профессию. Ведь образование у нас бесплатное.

— Что толку размышлять о новой жизни, если пока нет никакой уверенности, что меня освободят?

— Освободят? Вы говорите так, словно у нас тут тюрьма. Мы предпочитаем говорить «выпишут».

— Вы сами-то в это верите? — улыбнулся Кэрд.

— Но это не настоящая тюрьма. Вас не приговаривали к определенному сроку заключения. Когда вы выйдете, зависит от вас.

— У других, может, и так, но у меня по-другому.

— Вовсе нет. Если вас отпустят, вы станете для правительства чем-то вроде курсора. На вас всегда можно будет указать, как на яркий пример их гуманности.

— Был корсар, стал курсор.

— Фу! — с улыбкой сказала она.

— Виноват. Полагаю, мне надо было исключить из памяти эту несчастную программу с каламбурами.

На жестком диске его памяти не сохранилось ничего о его подпольной жизни, но просмотренные им видеозаписи снабдили его превосходной дискетной памятью. Он желал только одного — жить в ладу с обществом, то есть в ладу с правительством, что подразумевалось. Так расшифровывала это выражение Донна Клойд, одна из реабилитанток. Кэрд то и дело встречался с ней в столовой и на спортплощадке. Она утверждала, что знала его в Лос-Анджелесе и сопровождала в Цюрих. Он верил ей, потому что видел запись, где все они приковывали себя к памятнику Шин Цу. Донна так и оставалась для него не совсем реальной фигурой. Хотя ее можно было потрогать, увидеть, как она потеет, услышать, как она смеется — он по-прежнему видел ее, как образ на телеэкране.

Это была одна из его проблем, возможно, самая большая. Все люди казались ему нереальными. Они могли исчезнуть в любой момент. И хотя они не исчезали, это чувство не покидало его.

Арлен Брускино была единственной, кому он признался в этом. И она работала с ним по поводу этого «отчуждения», как она выражалась. Она не говорила об этом, но, кажется, была убеждена, что его нельзя выписывать, пока он не преодолеет эту «дистанцию». То есть не обретет чувство твердости и устойчивости людей и предметов.

Кэрд говорил Арлен, что иногда видит ее не как красивую и желанную женщину, а как совокупность атомов. Она имеет форму, но края ее размыты. Ей не дает распасться электромагнитное поле, которое в любой момент может отказать. Тогда ее границы исчезнут и она превратится в яркий хаос.

Это беспокоило его и в то же время успокаивало. Так он не мог сблизиться ни с ней, ни с остальными. Они не могли

причинить ему боли, ведь они были всего лишь изображениями, которые можно выключить.

Но что было причиной этого расстройства? Арлен предполагала, что причина в слишком частой перестройке Кэрдом своей личности.

— Это все равно что развалины Трои, — говорила она. — Слышали вы о древней Трое?

— Поэмы Гомера я помню. Это странно, потому что я не помню, кем был, когда их читал.

— Троя была лишь одним из городов, которые строились на том же месте. Первыми там поселились жители каменного века. На оставленном ими месте построились последующие обитатели. Селеньице стало большим селом, потом городком, потом большим городом — и каждое из этих поселений строилось поверх предыдущего. Вы — живая Троя. Вы строили одну личность за другой, одну поверх другой. И только последняя видна над землей. Все остальные скрыты под тем, кого вы называете Бейкер Но Уили.

— Что вы хотите сказать? Ведь те города, что внизу, не оказывают влияния на самый поздний, насколько мне известно.

— Идеальных сравнений не существует. Кроме того, я не уверена, что они не оказывают никакого влияния. Есть такая вещь, как психическое воздействие.

— И вы, человек науки, в это верите?

— Вопрос не в том, верю я или не верю. Это возможно, хотя и не доказано. А в вашем случае... Допустим, под последнюю Трою, вашу Трою, подложена мина. Шаткое основание, на котором она стоит, сразу обрушится, и весь город уйдет под землю, в туннели и подвалы. Все было бы иначе, если бы город стоял на твердой почве.

— Значит, я пережил что-то вроде землетрясения, когда явилась эта новая личность? Заметьте, я сказал «явилась». Я чувствую всем существом, хотя и не могу этого доказать, что не создавал Бейкера Но Уили. Мне его навязали.

— Кто навязал? Как бы там ни было, вы все-таки создали новое «я». Но это слишком сильно отразилось на вас... на ваших прежних «я». И что-то разладилось. Не знаю пока что. А может, и никогда не узнаю.

Арлен подалась вперед и взяла Кэрда за руку. Ее рука была прохладной и мягкой, но чересчур легкой. Кэрд видел, как она парит в воздухе. Она улетела бы, если бы не была приделана к туловищу.

— Вы слишком долго и слишком жестоко играли с реальностью, со своим основным «я». Теперь вы расплатились

за это и остались без гроша. Ваша психика не хочет больше иметь дела с реальностью. Точнее, вы не хотите.

— Может быть, я вижу реальность не в нашем обычном представлении. Есть разные уровни реальности. Я вот вижу ее на атомном уровне. Мой взгляд проникает сквозь реальность, которую я видел от рождения, и видит иную ее разновидность. Одну из иных.

— Но ведь вы же не *видите* нас по-настоящему, как танец атомов? Это только образ, не так ли?

— В общем, да. Но иногда я вижу... точно мои глаза перемещаются в иное измерение. Вижу сарабанду молекул внутри электромагнитного поля. И это расстраивает меня... или расстраивало. Ведь ко всему привыкаешь... почти ко всему.

— Мне кажется, вы говорите правду. Зачем бы вы стали лгать?

— Действительно, зачем?

Она убрала руку и села прямо.

— Возможно, вам хочется попасть в разряд хронически душевнобольных.

— Зачем?

— Затем, что вы не можете жить в реальном мире. Или, если воспользоваться другим штампом, не хотите иметь дела с людьми. Вот когда вы смотрите в окно на оленей, видятся они вам как группы атомов или нет?

— Нет, — медленно ответил он.

— А когда вы видите себя в зеркале или на экране, представляетесь вы себе комбинацией атомов?

— Пока нет.

— Возможно, подсознательно вы чувствуете, что это вы — комбинация атомов, а не люди, которых вы видите. Но вы подавляете это глубинное ощущение, потому что оно вам по какой-то причине невыносимо. И проецируете собственное зеркальное отражение на других. Не они, а вы представляете собой атомы, замкнутые в магнитном поле.

— Возможно, — пожал плечами Кэрд.

— Подумайте над этим. И над тем, почему вы относитесь к этой возможности так спокойно. Многих пациентов она бы огорчила.

— Мне свойственно — этому моему «я» свойственно — рассматривать спорный вопрос с обеих сторон. Хотя правда может быть только одна. Все эти рассуждения насчет того, что правд много, — ерунда. Правда не клонируется.

— Ага! — встрепенулась Арлен. — Что это значит?

— О чем вы?

— Вы сказали, что правда не клонируется.

— Честное слово, не знаю. Так, вырвалось. Но мысль правильная. — Он засмеялся. — Если только сказанное мной — не клон правды, и я, следовательно, не прав. Глупо, да?

— Глупо?

Кэрд почувствовал себя не совсем ловко. Он знал: если пациент находит свое замечание глупым, значит, он подошел слишком близко к тому, чего хочет избежать. Так, по крайней мере, говорила ему Брускино, и то же самое он вычитал в одной из психитических кассет, которые запрашивал в библиотеке.

— Если это и означает что-то, я понятия не имею что, — сказал он.

Арлен быстро сменила тему. Возможно, эта тема была как-то связана с предыдущей и Арлен это сознавала, а он нет?

Она прижала к груди стиснутые руки, словно поймала в ладони правду или намек на правду — редкую птицу, которую хотела отогреть на груди.

— Как вам известно, я изучила записи, сделанные доктором Арсенти во время вашего лечения в Манхэттене. А еще...

— Избранные записи Арсенти. Сомневаюсь, что вам дали их полностью. Правительство...

— Пожалуйста, не перебивайте меня. Еще я ознакомилась с записями психика, лечившего вас в возрасте от трех до шести лет. Вы были очень робким, застенчивым ребенком — это доходило до патологии, судя по отчетам врача, хотя лично я считаю это суждение слишком категоричным. А потом вдруг, чуть ли не за одну ночь, вы сделались очень общительным, агрессивным и бойким мальчиком. Это случилось накануне вашего пятилетия...

— Вы давали мне смотреть эти кассеты. Но они не пробудили во мне никаких воспоминаний. Я точно смотрел на чужого мальчишку.

— Что-то в вас все-таки пробудилось. Детекторы это выявили. Но вы подавили свою реакцию. Во всяком случае, вашего детского психика крайне озадачила происшедшая с вами перемена. Следующий психитический отчет относится к вашему двадцатидвухлетнему возрасту, вскоре после смерти ваших родителей. Врач сообщает, что показатель отваги и агрессивности у вас выше среднего. Но психику, который обследовал вас перед поступлением в органическую академию, это понравилось. — Арлен перевела взгляд с экрана за спиной у Кэрда на его лицо. — Заметной реакции не про-

изошло. Но думаю, там, глубоко внутри, какой-то отклик есть. — Она посмотрела на стенные электронные часы. — Мы с вами задержались на пять минут.

Они поднялись, и он сказал:

— Трудно, наверное, иметь дело с пациентом, у которого не было детства. Еще труднее, если он ничего не помнит из своих зрелых лет, хоть и не страдает амнезией по-настоящему.

— Более трудного у меня еще не было. И я благодарна за вас судьбе. Скучных больных не бывает, в этом я убеждена. Но бывают несколько утомительные, и большинство случаев укладывается в обычные рамки. Вы же уникальны. Я не знаю даже...

— Почему вы замолчали, Арлен?

— Может быть, вы — психический мутант.

— То есть прецедентов, которые вы могли бы использовать в моем лечении, не существует?

— Возможно. Да, вы правы. Их нет. Это и делает мою задачу такой увлекательной, и...

— Я еще вас прославлю.

— Не скрою, я думала об этом, — засмеялась она. — Но это не вскружило мне голову. Главное в том, что вы уникум и никогда не знаешь, чего от вас ожидать. Вас нельзя классифицировать как шизофреника. Честно говоря, я вообще пока не знаю, к какой рубрике вас отнести.

— Может, к окончательно трахнутым?

Она еще смеялась, когда он выходил из кабинета.

Ему самому было не до смеха. Когда за ним закрывалась дверь, он покидал область света, ее смеха, ее сияния и погружался во тьму. Его поглощал левиафан. И Кэрд, замкнутый в лишенном света тесном желудке, подвергался действию кислот.

ГЛАВА 27

В словаре указано, что политическая революция заключается в свержении правительства, формы правления или социальной системы с заменой их чем-то другим.

Правительство Земного Сообщества не было свергнуто, и форма его правления не изменилась.

Кэрд пересмотрел все, что было ему доступно, на предмет «революции». Хотя в новостях и документальных фильмах показывалась только ничтожная часть «волнений», становилось ясно, что если не большинство, то значительная часть населения активно протестовала и протестует против действий правительства. Из тысячи митингов, демонстраций,

уличных беспорядков и случаев поливания мониторов краской телевидение показывало какой-нибудь десяток. Однако власти предержащие, похоже, благополучно выдержали шторм, хотя и не вошли еще в безопасную гавань. На горизонте зарождались новые бури.

Из телекадров он узнал и о судьбе тех, кто был замешан в его преступную деятельность. Самого Кэрда не стали судить из-за внезапного психического расстройства, как выражались дикторы. С остальными заговорщиками разделались быстро, хотя и не так быстро, как ожидалось. Когда выяснилось, что подсудимым ввели анти-ТП, судебную процедуру пришлось изменить. Однако под давлением многочисленных доказательств вины оказалось нетрудно вынести им приговор. Всех их, как и Кэрда, направили в лечебницы, и им грозила смертная казнь или каменирование в том случае, если их найдут неизлечимыми.

Все они были Кэрду чужими и не вызывали в нем ни тени воспоминания. Лишь одна женщина, его ближайшая сообщница, как ему говорили, пробудила в его груди и чреслах самый горячий отклик, который Кэрд на своей памяти испытал. Ее звали Пантея Пао Сник, она была маленького роста, всего пять футов восемь дюймов, стройная, но полногрудая, темнокожая, кареглазая, с волосами темными и гладкими, как мех котика. Стрижка под голландского мальчика очень шла ей, и строение ее лица было необычайно изящным.

Глядя на нее, Кэрд верил, что уж она-то — не модель человека, не пляска атомов.

Он сообщил об этом Брускино, и она сказала:

— Возможно, она была вашей любовницей. А если даже не была, вы, похоже, были в нее влюблены.

— Мне хотелось бы, чтобы ее перевели сюда. Я чувствую, что ее присутствие могло бы мне помочь.

— Ну, ей это вряд ли поможет. И ее в любом случае не переведут — хорошо известно, какую взрывчатую смесь вы составляли вдвоем, — сказала Арлен и добавила: — Вы впервые проявили разочарование. Реакция слабая, но она налицо.

Несколько субдней спустя Кэрд обнаружил, что способен испытывать и гнев. Это чувство проявилось у него не столь бурно, как у других пациентов, но было достаточно сильным, чтобы Кэрд испытал удовольствие оттого, что способен ощущать неудовольствие. Он сидел в столовой рядом с Донной Клойд и ел свой салат. Донна повернулась к нему:

— Знаешь, Джефф, я была очень зла на тебя и очень в тебе разочаровалась. Я считала тебя предателем и до сих пор считаю. Я просто не могла...

— Предатель! О чем это ты? Кого я предал? Тебя?

— Да. Ты поступил, как трус. Ты специально сделался другим человеком, чтобы избежать суда за свои преступления. Ты бросил нас на произвол судьбы. Я никогда бы не подумала, что ты на такое способен. Это просто не вязалось с твоим характером. Но что такое твой характер, в конце концов?

— Мне жаль, что ты так ко мне относишься. Но я не знаю, о чем ты говоришь! Я не могу этого знать и не могу понять твои чувства. И потом, я не думаю, что сделал это намеренно. Это было... ну, как припадок. Я был не властен над собой!

Она состроила гримасу.

— Если ты ничего не помнишь, как ты можешь знать, что сделал это не нарочно? Мне хотелось тебя убить, до того я была зла! Но теперь я себя спрашиваю, как можно злиться на тебя, раз ты — это не ты? И отвечаю, что мне все равно — ты меня злишь, и ты мне противен.

— Ты правда веришь в то, что я... был... трусом и предателем?

— А как иначе объяснить то, что ты сделал?

— Право, не знаю. Но у меня такое чувство, что перемена произошла против моей воли. Я не могу этого доказать, но я так чувствую.

У нее из глаз почему-то брызнули слезы. Она привстала, быстро поцеловала его в губы и ушла. Озадаченный Кэрд, чувствуя, что потерял что-то, чему названия он не знал, смотрел ей вслед, пока она не повернула за угол коридора. А потом он ощутил тот самый гнев, непонятно почему. Потому, что Донна была к нему несправедлива? Невеселая ждет его жизнь, если он не обретет вновь всю полноту эмоций — доктор Брускино заверяла его, что их наличие и нормально, и желательно. Без эмоций, сказала она, он будет призраком, блуждающим по коридорам человечества. В нынешнем его состоянии Кэрда, правда, нельзя ничем ранить, зато он не получает никакой радости от жизни. Он все равно что мертвец. Ну, не совсем, поправилась она. Пока он жив, остается надежда, что он полностью вернет себе свою человеческую сущность с положенной долей скуки, боли и восторга.

— Когда вы, так сказать, подняли себя за волосы, чтобы превратиться в Бейкера Но Уили, вы психически надорвались.

— Сколько раз вам повторять — я уверен, что сделал это не нарочно.

— Это сделала какая-то часть вашего «я». Однако, если прибегнуть к другой аналогии, рука барона Франкенштейна дрогнула или он ошибся в математических расчетах. И в результате получился монстр.

«Да, личность вышла жалкая и бледная, — подумал он. — Вместо того чтобы стать бабочкой, ты нырнул обратно в кокон и обратился в куколку».

Фактор, замедляющий старение, продлит ему жизнь в семь раз. Значит, он проживет еще триста пятьдесят лет — а может, и значительно больше. Стоит ли существовать так долго — жизнью это не назовешь — в этаком бестелесном состоянии?

Потом он подумал, что столько не проживет, если только власти не сочтут, что он излечился и может быть освобожден. Только такой срок ему и отпущен — чтобы он излечился. Если он в этом не преуспеет, его горгонизируют.

И если он не выйдет из своего нынешнего состояния, всю оставшуюся жизнь он проведет не на Земле, не в раю и не в аду, а в том немире, который древние называли лимбом. Кэрда пробрало что-то напоминающее дрожь. Он бредет по пустыне и не может повернуть назад, потому что ему некуда возвращаться. По плоской и сухой пустыне, где нет ни источников, ни оазисов, ни даже миражей. *Пока что* нет миражей. Мираж как физическое явление — это обманчивое приближение отдаленного объекта, вызванное преломлением световых лучей в слоях воздуха разной плотности. То, что далеко от тебя, кажется близким. Может быть, душевный мираж — совсем противоположное явление? Когда близкое кажется далеким?

Из глубины всплыло слово miraj и пронеслось кометой по темному небосводу его сознания.

Кэрд тут же забыл его — звонок со стены оповестил, что время идти на спортплощадку. Но не успел он дойти, miraj снова выскочил из пандорова ящика памяти. Кэрд не знал, когда и по какому поводу он узнал это слово. Оно пришло к нему, вот и все. Miraj. Вознесение на небо пророка Мухаммеда. Что тут общего с миражем в пустыне? Ничего, хотя оба слова звучат одинаково. Просто каламбур из тех, что трюкач-подсознание даром подкидывает в область сознательного.

Просто ли? Трюкач ничего не делает просто так. Все его действия взаимосвязаны. Наигрываемый где-то одним пальцем мотив превращается в симфонию, пройдя по его паутине, пусть даже слушатель воспринимает ее по одной ноте.

Знание этого не помогло Кэрду найти связь между миражем и miraj'ем. Может, когда-нибудь ..

Дни шли, вторник за вторником, хотя казалось, что они следуют один за другим без перерыва. Земля совершила оборот вокруг Солнца. Прошел объективный год, за который Кэрд прожил пятьдесят два дня. Времена года мелькали и пропадали, как флаги в колоннах парада, идущего быстрым маршем мимо трибуны. Утром Кэрд просыпался и видел на лугу первый снег толщиной в полдюйма. На утро следующего вторника глубина снега была уже два дюйма. Еще через два вторника она достигала шести дюймов и оставалась такой еще несколько дней. Потом снег быстро оседал, и два дня спустя его уже не было.

Весна взвивалась, как зеленая кобра, и всего через несколько дней ее нежные тона переходили в глубокую зелень. Лето пролетало не столь быстро, но и оно долго не длилось. Осень примеряла разноцветные наряды, празднуя грядущую смерть, потом за одну ночь облачалась в мертвенно-желтый траур и снова одевалась в белое через несколько субнедель.

Как приятно было бы, думал Кэрд, наблюдать медленную смену времен года. В Новой Эре они несутся, как кадры в телепрограмме. Редактор безжалостно вырезает длинноты реальной жизни.

Его собственная жизнь шла все по тому же почти неизменному графику. Время от времени клинику посещали психики, анатомы, физиологи, генетики и молекулярные биологи, чтобы обследовать его. К концу года каждая его клетка, каждая молекула, каждый орган, каждая система были запечатлены на пленке в трех измерениях и под разным углом. Была прослежена каждая активация каждого нейрона и маршрут кровяных клеток по артериально-венозной системе. Триллионы его реакций, электрических, химических и мимических, ждали своего часа для воспроизводства и исследования.

Кэрд был полностью раскрыт, обнажен так, как только может быть обнажен человек.

И все-таки оставался загадкой.

В один из дней лета, третьего лета его пребывания здесь, Брускино сказала:

— Если мы с вами в ближайшем будущем не добьемся успеха, вас отправят в хранилище. Вечности у нас в запасе нет.

— Хотите напугать меня до полного выздоровления?

— Ничего подобного, — печально ответила она. — Да из этого ничего бы и не вышло. В рапорте я указала, что вы

продвигаетесь, и это правда. Я ожидаю, что вы продвинетесь еще дальше. Но у государства свои сроки на излечение криминальных реабилитантов. Вам дали больше времени, чем большинству других, из-за вашего ухода в другую личность. Кроме того, вы в своем роде народный герой, и государство хотело бы предъявить вас обществу как полностью реабилитированного.

— Уход — неверное слово. Скорее я сделал шаг вперед, к чему-то новому.

— Что пользы играть в слова? Правила устанавливает государство, оно казнит, оно и милует. В данный момент вы не являетесь полностью здоровым человеком. Опасности для общества вы, на мой взгляд, не представляете — я подчеркнула это в рапорте. И вряд ли когда-либо будете представлять, хотя я не могу быть в этом уверена на все сто процентов. Но вы нездоровы. Ни один здоровый человек не видит своих ближних, как лукрециев танец атомов внутри магнитного поля. Вам ни до чего нет дела. Да, вы делаете все, что полагается. Вы достаточно проницательны или достаточно хитры, чтобы при общении с другими имитировать здоровые эмоции. Только со мной вы не притворяетесь. Но и других вам не удается провести, уверяю вас.

— И себя тоже.

— Себя? Или свое «я»?

— И того и другого.

Собственный ответ озадачил его не меньше, чем ее.

В следующий вторник, к концу относительно бесплодного сеанса, доктор Брускино после паузы объявила:

— Полковник Симмонс совершил побег!

И посмотрела сначала на Кэрда, потом на индикаторы эмоций за его спиной.

В Кэрде вся кровь взыграла от радости. Это покалывание по всему телу было для него чем-то новым, еще неизведанным. Это не было воспоминанием. Это была настоящая, сиюминутная эмоция, хотя через пару секунд она действительно вызвала воспоминания о чувствах или чувства по поводу воспоминаний, слишком мимолетные и неясные, чтобы Кэрд мог вспомнить, когда их испытал.

— Бог мой! — сказала Брускино. — Настоящая эмоция! Ведь вы не сыграли ее, нет?

— Нет, она была спонтанной. Вы же видели, я отреагировал слишком быстро, чтобы сыграть.

— Я вам верю. Но... вы же не помните полковника Симмонса?

— Нет. Я его видел только на видеопленках.

— Почему же вы так остро отреагировали на новость о незнакомом вам человеке?

— Я ведь тоже заключенный. Я отождествляю себя с ним, сочувствую ему.

— Если это правда, вы продвинулись дальше, чем я думала.

Вид у нее был довольный.

— Его еще не поймали? — спросил Кэрд.

— Нет, но поймают.

— Возможно.

— Симмонс бежал из лечебницы, откуда побег считался невозможным. За последние пятьсот облет это удалось только троим.

— И одним из них был я. Только я не помню, конечно, как это сделал.

— Отсюда вам не уйти. Это еще никому не удавалось. Не то чтобы я беспокоилась, что вы попытаетесь это сделать. У вас нет такого желания. А если бы и было, у вас не хватило бы пороху привести ваш план в исполнение.

Ее тон и выражение ее лица навели его на мысль, что ей хотелось бы, чтобы он хотя бы задумал побег. Тогда он встал бы на путь выздоровления.

— Известны вам подробности побега Симмонса?

— Об этом знают только органики. Даже мне не полагалось бы знать о побеге. Но у меня есть свои источники информации, вполне легальные, конечно.

— И уж тем более вам не полагалось рассказывать об этом мне?

Арлен махнула рукой:

— Я вольна делать все, что помогло бы вам выздороветь. В разумных пределах, конечно.

— А как насчет того, чтобы помочь мне бежать?

Она засмеялась:

— Я могла бы рассказать вам обо всех системах безопасности, которые не дадут вам уйти отсюда. Это, я думаю, допустимо. Это обескуражит вас и удержит от напрасных попыток.

— Ну так расскажите.

Она подалась вперед, сузив глаза.

— Вам в самом деле интересно? Чувствуете ли вы хоть какое-то волнение при мысли о возможности побега?

— В какой-то степени. Мне эта мысль нравится. Мне тут скучно и надоело сидеть взаперти. Но...

— Но что?

— Что бы я делал, если бы мне даже удалось бежать? Там... — Он махнул левой рукой, показав сам не зная куда. —

Я не очень-то много знаю о том мире и не хочу ничего делать. Но, может, я и нашел бы что-нибудь для себя.

— Вам надо найти себя, если вы простите мне этот штамп. И сделать это вы должны здесь.

— Себя я уже нашел.

— В некотором роде.

— Прекрасно, — проговорил он, чувствуя, как в нем медленно разгорается гнев. — Как мне тогда найти себя по-настоящему?

Посмотрев куда-то поверх его головы — на индикаторы, конечно, — она сказала:

— У вас не было половых сношений с тех пор, как вы здесь. Вы даже не мастурбировали. До прошлого вторника у вас не наблюдалось ни одной неврогенной эрекции. А вот в то утро, в 3.06, у вас произошла неполная эрекция. Вы видели сон. Что вам снилось?

Поколебавшись, он сказал:

— Вы.

Она чуть пошире раскрыла глаза, и Кэрду показалось, что ей приятно это слышать. Это выражение промелькнуло и ушло, но оно было. Кэрд был уверен в этом. Или ему просто хотелось, чтобы ей было приятно?

— Расскажите, пожалуйста.

— Была весна, и мы были на холме над лугом. Солнце ярко светило, и на лугу под нами было много разных животных: коровы, большие быки, олени — самки и самцы с развесистыми рогами, — козы и козлы, овцы и бараны. Все они скакали и резвились. Наверное, у них был брачный сезон, не знаю. У меня осталось только смутное впечатление о них. А в лесу, по другую сторону холма, кто-то играл на флейте. И вы танцевали для меня танец семи покрывал. Я лежал на боку, глядя на вас. Рядом стояла корзинка с хлебом, сыром и бутылью вина. Вы в танце снимали одно покрывало за другим... со смыслом. И прежде чем вы сняли последнее, я встал и... схватил вас и повалил на землю. Но оказался недостаточно готов, чтобы проникнуть внутрь, да и покрывало мешало. Я попросил вас снять его, но вы сказали, чтобы это сделал я. А я не смог. Так и не снял. Тут и сон кончился.

— Что вы испытывали? Гнев? Фрустрацию? Острое разочарование?

— Да, гнев был — насколько я на него способен. И фрустрация тоже. И разочарование, только не острое. Вы же знаете, понятие «острое» мне незнакомо, во всяком случае в эмоциональном плане.

— Как вы думаете, почему именно я оказалась в вашем неоконченном мокром сне?

Кэрд скрестил ноги, сам не зная, зачем это сделал — не из фрейдистского ли желания спрятать свой пах? Ему нечего было скрывать. Нечего ли? Там что-то чуть-чуть потеплело и набухло. Как воздушный шар, не надувшийся до конца, потому что в горелке кончилось топливо. Или шар с дыркой, через которую воздух уходит.

— Ну... вы здесь бесспорно самая привлекательная женщина. Соперниц вам нет. Я не помню ни одной женщины, которую знал до приезда сюда. Я, конечно, вижу разных красоток на экране, и Пантея Сник тоже, как я вам говорил, зажигает во мне какой-то трудноопределимый огонек. Но вы единственная женщина, которую я знаю по-настоящему, и женщина незаурядная.

Она слегка покраснела — то ли от смущения, в чем он сомневался, то ли от волнения. Он не знал, чем это волнение вызвано — сексуальными картинами или надеждой на успех в терапии. Возможно, и тем и другим.

Она взглянула мимо него, на стену, и Кэрд почувствовал раздражение. Почему она все время старается подобраться к нему через машину? Почему не общается с ним напрямую? Разве того, что говорит его лицо и тело, для нее недостаточно?

— Подумайте над этим, Джефф, — сказала Арлен. — Этот сон пришел из вашего подсознания. Вопрос в том, чье это было подсознание? Уили? Кэрда? Дункана? Ома? Еще кого-то?

— Это мое подсознание... моего теперешнего «я». Чье же еще?

— А вы подумайте.

Кэрд долго молчал, пил чай и хмурился. Арлен все время переводила взгляд с него на стенку и обратно. Наконец он сказал:

— Моя новая личность не столь долго существует, чтобы обрести подсознание. Хорошо развитое подсознание, во всяком случае. Если оно и есть, в нем почти что пусто. Однако подсознание, как море без берегов, может быть и общим. Вот смотрите. Первоначально подсознанием обладал Кэрд. Оно принадлежало ему целиком. Потом Кэрд создал Тингла, проведя к нему рукав из своего подсознания. Но почти все кэрдовское оставалось недоступным Тинглу, хотя эти двое никогда полностью не отделялись друг от друга. Потом Тингл создал Дунского. Или нет? Может, Кэрд сотворил всех шестерых своих двойников сразу, одного за другим? А может,

Кэрд родил Тингла, Тингл родил Дунского, Дунский родил Реппа и так далее? — Он потряс головой. — Не знаю.

— Для вас это важно? — спросила Арлен.

Он вздернул подбородок и медленно опустил его.

— Конечно, важно, Арлен. Не знаю только почему. Во всяком случае, между этими отсеками подсознания существовали какие-то связи. Бейкер Но Уили порушил их все. Ну, не совсем. Иногда бывают проблески, не слишком яркие — не знаю, что это: просто воспоминания или голоса тех, других.

— Странно то, — сказала она, — что этот ваш Уили сохранил в памяти все, что вам необходимо для жизни. Вам, например, не пришлось заново учиться говорить. Вы умеете читать и писать, знакомы с принятыми в обществе правилами поведения. Вы не забыли, как нужно держать вилку, ложку и нож и как вести себя за столом. Все это передалось вам от Кэрда и остальных.

— Человек не может жить с одним только сознанием. Подсознание ему тоже необходимо. Или скажем так: человек мог бы обойтись без подсознания, но это был бы неполноценный человек. — Кэрд встал, сжав кулаки, и сердито посмотрел на Брускино. — Вот я такой и есть! Темное отражение человека в темном зеркале!

— Не такое темное, каким оно было, когда вы прибыли сюда. Кэрд, с которым я встретилась тогда, не способен был так рассердиться. Вы делаете успехи.

Он разжал кулаки и сел, а она посмотрела на стену у него за спиной.

— Наше время истекло. Увидимся завтра.

— Я увижу вас раньше, — сказал он, направившись к двери.

— То есть как?

— Во сне.

ГЛАВА 28

— Не стану на этом долго задерживаться, — сказала доктор Брускино. — Это как-то связано с вашей способностью к перемене личности, хотя я, надо сознаться, не знаю как. Я говорю о внезапной метаморфозе, происшедшей с вами в возрасте пяти лет. Психих, доктор Хейвельманс, в своем отчете приходит к выводу, что это было торжество свободной воли над генетическим детерминизмом. Над генетическим детерминизмом! Доктор не отрицает, что вы точно переродились, но не дает ни объяснений, ни гипотез относительно того, как вы это сделали. Я никогда бы не поверил, говорит

он, что даже взрослый способен вот так вывернуть себя наизнанку — а уж тем более пятилетний ребенок. Однако факт налицо.

— Я не больше его понимаю, что случилось тогда, — сказал Кэрд. — Я не помню себя в пять лет.

— Эта память запрятана где-то в вас. Но пока что ни собеседования, ни лекарственные препараты, ни техника нейростимулирования не смогли вашу детскую память пробудить.

Она считала, что в этом есть какой-то смысл — возможно, так и было. Сам Кэрд никогда не думал об этом, пока она не поднимала эту тему. Что бы ни означало то событие из его детства, если оно вообще что-то значило, Кэрд с каждым днем делался чуть более живым. Окружающие его люди казались ему более реальными, менее абстрактными. Он точно кристаллизировался из раствора. Раствором было его зачаточное «я», кристаллами — твердые факты, возникающие из бесформенной субстанции.

Он заново рождался на свет.

Он вдруг перестал сторониться людей. Он сам заговаривал с теми, кого раньше игнорировал или дичился: с пациентами, сестрами, докторами, санитарами, даже с ганками. Он сумел перебороть недоверие, которое питала к нему Донна Клойд. Вскоре она пришла к убеждению, что человек, которого она обличала как труса, — совсем не Кэрд. И что Кэрд сменил свою личность не намеренно.

— Вы начинаете наводиться на резкость, — сказала однажды Брускино.

Через два дня, войдя в лечебный кабинет, он ощутил слабый аромат «РН № 5». Он потянул в себя воздух, и в животе и чреслах стало тепло. Несколько мгновений он стоял у порога, упиваясь запахом дорогих духов и тем действием, которое они оказывали. Доктор Арлен Брускино с улыбкой встала ему навстречу — на ней не было одежды, кроме тонкой, полупрозрачной голубой материи. Духи подтверждали ее намерение. «РН № 5» содержали в себе синтетические феромоны, одинаково возбуждающие и мужчин, и женщин.

— Я в этом не нуждаюсь, — сказал он.

— В чем? А, в номере пять! Я знаю, что не нуждаетесь, но и вреда от них нет. Кроме того, нужно же было подать вам какой-то сигнал.

— Это у меня впервые за долгое время, — хрипло сказал он, подходя к ней. Она вышла из-за стола и встретила его на полпути. Они не легли на кушетку, а опустились на пол.

После второго раза, уже на кушетке, они сели и выпили немного вина.

— Ты была прелестна, — сказал он, тяжело дыша.

— Спасибо. У меня большой опыт и масса энтузиазма, хотя в энтузиазме ты, кажется, меня превзошел. Но я об этом ничуть не жалею.

— Я старался.

Она поцеловала его в щеку.

— Ты тоже был великолепен.

— Надеюсь, на пленку нас не снимают. Хотя мне вообще-то наплевать.

— Я позаботилась о том, чтобы выключили мониторы. По крайней мере, те, о которых я знаю, выключены. За остальные не ручаюсь. Впрочем, мне тоже все равно.

— Это что — разновидность терапии или тебя просто потянуло ко мне?

— И то и другое. Для меня это тоже терапия. Двоих мужиков мне недостаточно. Нет, почти всегда я вполне удовлетворена, но временами...

— Мое лечение близится к концу?

— Нет. Завтра мы вернемся к обычной терапии. Мне показалось, что ты дозрел до любовного акта, а я определенно дозрела до тебя. Я немного пофантазировала под свои стоны — надеюсь, ты не против. Кто меня трахал — один Кэрд или остальные восемь тоже? Что было причиной моих многочисленных оргазмов — один пенис или все девять разом?

— Тут и на целый взвод хватило бы, — засмеялся он. — Я рад, что принадлежу к пациентам, с которыми психотерапевту приятно заниматься сексом.

— Я тоже рада. Знаешь, в былые времена психики пришли бы в ужас при мысли о том, что врач может спать со своим пациентом. Но теперь мы поумнели. Некоторым пациентам становится лучше, если они входят в некоторый симбиоз с врачом. Другие... ну нет, даже и не думай. Хотя не думать трудно.

— А завтра?

— Найди себе женщину. Я дала тебе старт.

— Ну, до финиша еще далеко. — Он коснулся ее груди. — Если только наше время не вышло.

— Я отменила все прочие назначения. Твое время кончится, когда ты выдохнешься вконец. Я шучу, конечно. Ты сможешь договориться с кем угодно, когда слезешь с этой кушетки.

На другой день Кэрд спросил одну пациентку, Бриони Лодж, не хочет ли она лечь с ним в постель. Произошло это после вечеринки в комнате другого больного, где они все смотрели телепередачу. Обычно пары занимались такими делами только после эротических программ, но та передача посвящена была дебатам о том, отменять или не отменять мир дней.

Кэрд сидел на стуле рядом с Бриони. Оба они пили «блэк рашен». Пациентам разрешалось спиртное, если они не были алкоголиками, но доза ограничивалась полутора унциями в час в течение четырех часов, да и то с позволения терапевта. За разговором она положила руку ему на плечо, потом на колено, потом передвинула ее к паху, хотя не оставила ее там надолго. Он легко, как мотылек, коснулся ее бедра, потом посильнее, как кот лапой, — ее лона. Бриони, нисколько не возражая против этого, стиснула его руку между ног. Пока все шло согласно принятой здесь процедуре. Мужчина или женщина дает понять, что он или она не прочь, а другой или другая в случае заинтересованности отвечают соответственно.

Кэрд охотно предложил бы ей пойти к нему в комнату прямо сейчас. Он хотел посмотреть передачу, но ее можно было в любое время увидеть в записи. Но поскольку хозяева объявили, что достанут добавочную порцию спиртного для тех гостей, которые не разойдутся раньше времени, он решил остаться, если Бриони не против. Она была не против, и они дождались начала.

Передача «Интервал» велась по вторникам из Москвы, а ведущей была Иван Скавар Ататюрк, высокая стройная блондинка с острыми коленками и репутацией интеллектуалки. Это значило, что в своих малопонятных резюмé она полагалась на собственную память, а не на компьютер. Знаком отличия ей служила серебряная электропогонялка с горельефами из греческой, китайской и славянской мифологий. Своих гостей она этим орудием не трогала, но порой подносила его к их ногам. Они обычно подыгрывали ей, изображая испуг. Темой сегодняшней передачи была желательность отмены порядка Новой Эры и трудности, которыми мог сопровождаться этот процесс.

Диалог шел на высшем уровне, то есть устно и на логосе. Но поскольку многие зрители знали язык нетвердо, внизу шли субтитры на английском и вторничном русском.

В гостях у передачи сегодня были Стэнли Вань Доброский, первый помощник начальника Бюро Экосистем; Ольга Шин Мюллер, заведующая Инженерным департаментом европейских штатов; Таня Альварес Валгладаши, заместитель

начальника Бюро Гражданского Строительства, штат Восточная Сибирь; и Энгельс Бахадур Тбилиси, первый секретарь отдела Планирования Перевозок.

Ататюрк, назвав тему дискуссии и представив гостей, начала: Гражданин Доброский, вам по жребию выпало высказаться первым. В качестве главы Бюро Экосистем вы должны иметь четкие взгляды на предмет нашей сегодняшней темы. Я уверена, вы уже прикинули, с какими задачами может столкнуться ваше бюро, если мир снова вернется к ежедневному образу жизни.

Доброский: Гм! Да, гм... конечно. Проект еще не закончен, поскольку мы загружены текущими делами и нам не хватает времени. Но если допустить, что такая... не хочу говорить «катастрофа»... если такая необъятная задача... требующая огромного планирования, огромных кредитов, материалов, трудовых затрат... если такая задача все-таки будет осуществляться, нам потребуется создать глобальный... мировой банк данных в гаргантюанских масштабах.

В субтитрах объясняется слово «гаргантюанский». Доброский улыбается, показывая зубы, окрашенные соком бетеля.

— Много сублет уйдет только на подготовку информации. Следует тщательно изучить, какое влияние окажет переход на экосистемы планеты. Нам не нужны экологические катастрофы наподобие тех, которые вызывали древние своим преступным образом действий. И мы должны... гм... быть полностью уверены в том, что этот невиданный переход от вертикального, так сказать, образа жизни к горизонтальному не перечеркнет того, что удалось сделать за несколько последних обтысячелетий. И те вполне благонамеренные, но заблуждающиеся граждане, которые требуют возвращения к образу жизни древних, должны быть полностью информированы о том, какой вред может нанести подобная перемена. Они...

Ататюрк, взмахнув своей погонялкой: Благодарю за предупреждение. — Камера показывает ее крупным планом. — Это был гражданин Доброский, глава вторничного Бюро Экосистем. Ясно, что он против возвращения к доновоэровской системе.

Доброский, громко: Я этого не говорил. Я только...

Ататюрк: Чуть позже, гражданин Доброский. Мы еще выслушаем вас. Гражданка Мюллер, вы занимаете важный пост в Инженерном департаменте.

Мюллер: Я заведую этим департаментом.

Ататюрк, с улыбкой: Значит, вы занимаете в нем очень важный пост. Как глава этого всеобъемлющего, жизненно

важного учреждения, вы должны полностью сознавать, каких огромных усилий потребует отказ от системы, бесперебойно работавшей на протяжении нескольких обтысячелетий. Не будете ли вы так любезны дать хотя бы краткий предварительный прогноз?

Мюллер: Разумеется, хотя несколькими словами тут не обойтись. Я уже наметила некоторые проблемы, самые крупные, конечно... заниматься тысячами мелких проблем во всех подробностях у меня не было времени... между тем при их изучении часто выясняется, что крупные неразрешимы или что для их решения потребуются совершенно другие методы...

Ататюрк, указывая на Мюллер погонялкой: В чем состоит ваше мнение на данный момент? Само собой разумеется, что потом, в свете новой информации, вы можете его пересмотреть. — Снова глядя в камеру: — «Интервал» интересуют только мнения. Здесь не говорят об официальных политических мероприятиях. Комментарии, которые высказывают в нашей программе должностные лица, отнюдь не обязывают этих лиц подчинять свою работу или работу своих ведомств своему личному мнению.

Мюллер: Я согласна с моим уважаемым коллегой, господином Доброским. Грандиозность этой задачи просто ошеломляет. Но сейчас перед нами стоит вопрос: возможно это в принципе или невозможно? Если это невозможно, что еще предстоит доказать...

Ататюрк: Но девиз вашего департамента гласит: НЕТ НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО.

Мюллер: Ну что ж, сказать, что это — чепуха на постном масле, значило бы бросить тень на безупречную и всегда успешную деятельность нашего департамента. Девиз «НЕТ НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО» хорош только для достижимых целей. Нельзя требовать от департамента, например, чтобы он сдвинул Землю с орбиты. Или срыл до основания Гималаи, что, хотя и возможно, потребовало бы немыслимых расходов. В общем, вы понимаете, что я хочу сказать.

Ататюрк: Понимаю. Но мне все-таки кажется, не в обиду вам будь сказано, что это именно чепуха на постном масле. Неужели ваш департамент, совместно с ведомствами ваших коллег, не в силах перейти, как выразился гражданин Доброский, от вертикального к горизонтальному образу жизни?

Мюллер: Я этого не говорила. Я всего лишь...

Ататюрк: Нет, вы сказали именно это.

Мюллер, гневно поднимаясь со стула: Я так не говорила! Я сказала...

Ататюрк, тыча погонялкой в сторону Мюллер: Ну-ну, не надо так кипятиться. Потише. Будем логичны, будем придерживаться фактов. Вы, правительственные чиновники, не примите это как неуважение к самой системе правления, порой бываете заносчивы.

Мюллер усаживается на место, покраснев и сжав кулаки.

— Я вовсе не заносчива, — говорит она, — а ваша реплика оскорбительна для правительства. Вы отошли от темы. Вы...

Ататюрк: Напротив, это вы отошли от темы. Вы напускаете туману, пытаетесь сбить нас с намеченного курса.

Мюллер беззвучно шевелит губами.

— Что она сказала? — спросил Кэрд у пациента по имени Петр Вилланова Абдулла. — Это ведь по-русски, да?

— ...твою мать! — со смехом сказал Абдулла. — Старое русское ругательство. Я уже много лет его не слыхал!

Бриони Лодж заявила, допив бокал «дикой индейки»:

— А по-моему, они все отрепетировали заранее. Чиновники знают, на что идут, участвуя в передаче, и в эфир не допустили бы никого, кто способен вот так завестись. Это все сплошная пропаганда, а цирк они устраивают, чтобы зрители не скучали.

Входная дверь открылась, и вошел, сияя, один из хозяев — он тащил ящик с бутылками.

— Эй, люди! — провозгласил вошедший, Севринг Пу Аньяти. — Я приволок выпивку! У друзей призанял. Теперь долго отдавать придется, ну да наплевать!

Несмотря на поднявшийся гвалт, Кэрд продолжал смотреть «Интервал». Тбилиси, первый секретарь отдела Планирования Перевозок, напомнил, что опрос, проведенный среди 34% населения, показал, что 79% из этого количества против отмены нынешней системы. Ататюрк оспорила эти результаты, заявив, что опрос вели только среди консервативно настроенных граждан, выявив их по анкетным данным. Ясно, что они выступают против любых радикальных перемен. Тбилиси возразил, что опрос проводился выборочно, с помощью компьютера. Ататюрк посмеялась и пригрозила испробовать на Тбилиси свою погонялку. Ее команда выборочно проверила двадцать три тысячи опрошенных, и компьютер показал, что все они консерваторы. А ведь выборочная проверка должна была выявить и других, если бы они были.

Тбилиси ответил, что это для него — потрясение, но все же ему не верится, что Ататюрк права. Однако он непременно сообщит об этом начальнику Бюро Общественного Мнения.

Информация будет перепроверена, и о результатах своевременно сообщат публике.

— Ага, своевременно, — сказала Бриони, возвращаясь на место с бокалом джина. — Понимай так, что если люди забудут об этом, то и доклада никакого не понадобится.

Собравшиеся в студии, управившись с разными пустяками и отпустив несколько низкопробных шуточек, вновь вернулись к теме разговора. Официальные лица предложили несколько возможных решений проблемы. В итоге все сошлись на том, что все надо оставить, как было. Отменить старый порядок нет никакой возможности. Единственный выход, по мнению Ататюрк, заключался в снятии ограничений на количество детей. Тогда в грядущих поколениях появятся творчески мыслящие люди, которые и решат эту задачу. Ататюрк признавала, что на это потребуется много времени и могут возникнуть новые проблемы. Как можно что-то изменить, когда на пути столько препятствий?

— С меня хватит. — Кэрд встал и протянул руку Бриони. — А ты как?

— Я уж давно отключилась.

ГЛАВА 29

В последующие десять дней Кэрд выяснил, что в его новой личности развился сильный элемент сострадания. Оно всплыло из глубин, как левиафан, как добрый Моби Дик, и поглотило его.

Если Кэрд видел, что кто-то несчастен, он старался по мере сил утешить его. Он не успокаивался до тех пор, пока не извлекал человека, как он говорил, из пучины уныния. Он творил добро, где только мог. Он проводил долгие часы в разговорах с одинокими людьми, хотя их количество превышало его возможности. Он не оставил без внимания и ганков — вернее, это они не оставили его без внимания. Что бы ни говорили заключенные, ганки тоже люди, и многие из них одиноки и несчастны. Кэрд разговаривал с ними, шутил и даже выполнял их мелкие поручения. Он знал, что из-за этого некоторые из них и многие пациенты считают его шестеркой.

На одном из сеансов доктор Брускино сказала:

— Вы становитесь яркой индивидуальностью. Некоторые пациенты даже называют вас «святой Джефф». Другие... «святой Зануда».

— Злые языки всегда найдутся — а может, они просто не понимают.

Она покачала головой:

— Честно говоря, я в недоумении. В каком-то смысле вы — радость психика, в других — полный крах.

— Я и сам этого не понимаю. Но мне и не надо ничего понимать для того, чтобы быть. Быть — вот что важно. Делать. Действовать. На фиг философию!

— Ну что ж, если ваша деятельность идет на пользу вам и другим... Но вы уж чересчур активны. Вы теряете вес.

— Я стараюсь соблюдать умеренность в еде. Пока мне это хорошо удается.

— Пища кажется вам вкусной?

— Очень вкусной. Но тяги к перееданию у меня нет. Я все время чувствую себя энергичным, полным жизни. Вы должны быть довольны. Я не чувствую себя призраком и больше не вижу других как скопления атомов.

— Возможно, потому, что сжигаете себя. А когда горючее кончится... впрочем, не знаю. Меня, конечно, радует ваш замечательный прогресс.

Наступило молчание. Кэрду хотелось, чтобы сеанс поскорей кончился. Ему надо было поговорить со столькими людьми — людьми, которые в нем нуждались.

Брускино всматривалась в него целых три минуты, слегка нахмурясь, потом сказала:

— Будь моя воля, я бы очень скоро выписала вас. Я считаю, что вы готовы вернуться во внешний мир. И революционной деятельностью больше заниматься не станете. Абсолютно убеждена, что из вас получится образцовый гражданин. — Она вздохнула. Кэрд молчал, и она продолжила: — Если бы это зависело только от меня, вы уже через несколько недель вышли бы на свободу. К несчастью, от меня зависит не все. Слишком много психиков хотят продолжать работу с вами. Они полагают, что рано или поздно разберутся в вас, поймут, почему вы тикаете. Дураки — я им так и сказала. Популярности среди моих коллег мне это не прибавило, ну и пусть. У меня прочная позиция. Как-никак я внучка всемирного советника.

Кроме психиков есть еще Совет Мира. Они хотят быть полностью уверены на ваш счет. Если они согласятся вас отпустить, так и будет. И если они это сделают, вы станете орудием их пропаганды, показательным примером. Повсюду раструбят, что свободой вы обязаны либерализму и добросердечию правительства. Не думайте, что вас оставят в покое. И ни за кем на свете не будут так следить, как за вами.

— Значит, есть все-таки шанс, что я выйду отсюда?

— Шанс есть. Вы волнуетесь?

— Немного, и вы это хорошо знаете. Зачем спрашивать, если вы видите мою реакцию на экране?

— Вот в том-то и беда, когда имеешь дело с вами. Никто не убежден — а я меньше всех, — что машина способна обнаружить ваши истинные реакции. И высшие чины очень нервничают оттого, что на Земле есть человек, разгадать которого невозможно.

— Только один?

— Да. Но власти поневоле задумываются, нет ли на свете и других вроде вас. Это неутешительная вероятность. Возникает также вопрос: не можете ли вы передать другим свою уникальную способность, если она уникальна?

— Может, когда-то и мог бы — но не теперь. Не знаю, как это случилось, но я больше не владею этим талантом. Возможно, какая-то часть меня устала быть психическим хамелеоном. И постановила, что эта последняя моя перемена будет и окончательной. Мне так кажется.

— Я верю, что вы в это верите. Но вы ведь хитрюга или были таковым. Откуда мне знать, вдруг у вас внутри припасено что-то такое, о чем вы сами не знаете, но что в один прекрасный день может включиться?

— Включиться?

— От какого-нибудь стимула, понятия не имею от чего. Но там, внутри, вполне может таиться то, что ждет кодового слова, нужной ситуации, чего угодно. И когда это произойдет, очередной чертик выскочит из табакерки.

— Клянусь вам, что... — начал он и умолк.

— Вот именно. Что пользы клясться. Вы сами не знаете, так это или нет.

Кэрд встал.

— Послушайте. Время нашего сеанса еще не истекло, но у меня много дел. На мой взгляд, я больше не нуждаюсь в лечении. Спасибо, что помогли мне — это было неоценимо. Мне хотелось бы иногда видеться с вами, потому что мне нравится с вами говорить. Но с обследованием и лечением покончено.

Арлен раскрыла глаза и рот, обретя дар речи только через двадцать секунд по настенным часам.

— Ну, знаете! Можно подумать, что это вы доктор, а я пациентка! Я вас не отпускала!

— Мне надоело толочь воду в ступе и надоела политика, из-за которой я здесь сижу. Уйти отсюда я не могу, но и сотрудничать с вами не обязан.

— Вас объявят неизлечимым и каменируют.

— У меня останется право на апелляцию, если они будут соблюдать свои же законы. Возьму себе хорошего адвоката. Я ему платить не смогу, но государство будет вынуждено это сделать. Любой адвокат, который не трясется перед правительством, ухватится за такой шанс, чтобы разрекламировать себя.

— Вы это серьезно?

— Вполне.

Она встала, словно сбросив с себя при этом удивление и испуг, словно преодолев некую психическую гравитацию. Она улыбалась.

— Прекрасно. Я немедленно подам просьбу о вашем освобождении и постараюсь сделать ее как можно убедительнее. Такое со мной впервые. Не знаю даже, как реагировать. Но вы, думаю, излечились полностью. Во всяком случае, находитесь в стадии стойкой ремиссии.

— Все это чепуха. Ни в каком лечении я не нуждался. Мне нужно было только осознать, что я... не все эти люди, не кто-то из них. Я Бейкер Но Уили и никто другой, даже если государство упорно именует меня Джефферсоном Кэрдом.

— Мне необходимо было в этом убедиться. Надеюсь, что мне и правительство удастся убедить.

— Если они ошиблись, они знают, как исправить свою ошибку.

Через три субдня Кэрд получил телеуведомление и официальную бумагу о своей скорой выписке. Его охватил легкий трепет — он сам не знал, от радости или от страха. Он говорил себе, что будет счастлив уйти из этого курятника, но радость его была не столь сильной, как он ожидал. Так же, наверное, чувствует себя воспитанник сиротского приюта, которому внезапно объявляют, что ему пора уходить и стараться как-то выжить в мире взрослых.

Он спросил своего доктора, не обязан ли он своим освобождением влиянию ее бабушки, всемирного советника.

— Никакие связи вам бы не помогли, если бы все обследовавшие вас психики не порекомендовали вас выписать. Моя рекомендация, конечно, была самой весомой.

— Но ведь вы просили свою бабушку помочь?

— Думаю, даже жители каменного века использовали свои связи, чтобы помочь себе или другим.

— Значит, и вы использовали?

Она улыбнулась и промолчала.

Вечером очередного вторника, перед отъездом, в его честь устроили вечеринку, где присутствовали пациенты, медперсонал и несколько ганков. Кэрд немного выпил, получил от трех

женщин, включая Бриони, признание в любви и долго утешал Донну Клойд. Она, крепко обнимая и целуя его, шептала:

— Не знаю, что со мной будет. Я ну совсем не чувствую себя преступницей. А ведь, если я не проявлю искреннего раскаяния и сожаления так, чтобы мне поверили, мне конец.

— После инъекции анти-ТП ты можешь лгать. Вот и лги.

— Ты тоже лгал?

— Нет, мне в этом не было надобности.

Он не знал, последует ли она его совету, но ничего лучшего предложить ей не мог. Незадолго до полуночи он попрощался с каждым участником вечеринки в отдельности. Брускино поцеловала его и сказала:

— Удачи тебе, святой Джефф.

— Спасибо за все, — сказал он, входя в цилиндр. — Может, я еще увижусь когда-нибудь с кем-то из вас.

Кэрд сомневался, что такое случится, и ему было грустно от этого. Но в этой ситуации ничего не оставалось, как только грустить. Он надеялся, что сделал хоть что-то хорошее, пока был здесь.

Дверца закрылась, и последними, кого он увидел, были доктор Брускино, Донна Клойд и Бриони Лодж. Все трое плакали. Какой бы ни была причина их слез, пусть поплачут. Это облегчает боль.

В следующий вторник Кэрд проснулся на манхэттенской эмиграционной станции, в огромном здании, занимающем три квартала по 12-й авеню и Западной 34-й улице. Чуть восточнее находился проезд Вест-уэй и Гудзонский эмиграционный порт, а в нескольких кварталах к северу — мост Нью-Линкольн.

Кэрд вышел из своего цилиндра в гомон голосов и в кажущуюся, на самом деле хорошо организованную, неразбериху. Им сразу же занялись двое чиновников. Дежурный ганк удерживал телесъемочную группу за веревочным ограждением, пока Кэрд проходил паспортный контроль. Кэрда голографировали, взяли у него образцы голоса, пробу на ДНК (срезав прядь волос) и сняли отпечаток большого пальца. Полученную информацию поместили в компьютер, который подтвердил, что новоприбывший действительно является Джефферсоном Сервантесом Кэрдом, с новым личным номером С-238319 ВТ, гражданином штата Манхэттен, Североамериканский орган, Органическое Сообщество Земля. Дальнейшая процедура предусматривала инструктаж и выдачу адреса временного проживания. Но Кэрду дали пять минут, чтобы он мог ответить на вопросы телерепортера Вильмы

Перес Шухен, рыжеволосой дамы с красивыми формами, говорившей быстро и отрывисто.

Шухен спросила его, что он чувствует при возвращении в Манхэттен, свой родной штат, в котором он прожил всю жизнь, кроме нескольких последних сублет.

Кэрд ответил, что он ничего не помнит о той своей жизни и Шухен чертовски хорошо это знает.

Шухен: Сообщество освободило вас и аттестовало как полностью реабилитированного. А как же ваши прочие «я»?

Кэрд: Их больше нет, и я знаю о них только то, что видел на видеопленке или слышал от других. Я имею к ним так же мало отношения, как и вы.

Шухен, держа микрофон у самого рта: Значит, вы продолжаете утверждать, что страдаете расщеплением личности и потому не можете нести ответственность за свои поступки?

Кэрд, отшатываясь от микрофона, чуть не заехавшего ему в зубы: Я не страдал расщеплением личности в научном смысле этого выражения. И никогда не был умалишенным.

Шухен: Окажите любезность объяснить нашим зрителям, что вы имеете в виду.

Кэрд: Не окажу.

Шухен, явно опешившая, с застывшей улыбкой: Каковы ваши планы на будущее?

Кэрд: Планов на прошлое не бывает. Планы строят только на будущее. Я подал прошение принять меня в больницу санитаром и надеюсь получить эту работу. Возможно, впоследствии я поступлю в медицинский институт и постараюсь стать врачом. Но об этом еще рано говорить. Это зависит от многих причин.

Шухен: От каких же?

Кэрд: Например, от того, будут ли мне надоедать вопросами о том, что я совершил в качестве своих прежних «я»

Шухен: Почему вы выбрали работу санитара?

Кэрд: В мире так много страданий, боли и безнадежности. Я хотел бы хоть немного помочь облегчить их.

Шухен: Хотите творить добро?

Кэрд: Разве не все мы этого хотим?

Шухен, чья улыбка превращается в оскал: Само собой. Не очень-то умничайте, гражданин Кэрд. Вы хотите возместить обществу вред от совершенных вами преступлений?

Кэрд: Идите вы в задницу, гражданка Шухен. К чему этот стервозный тон? Пытаетесь меня спровоцировать? Хотите, чтобы я подал на вас жалобу за приставание? Я бы и за глупость заявил на вас, но такой статьи в законе нет.

Шухен: Гражданин Кэрд, я только выполняю свою работу.

Кэрд: Плохо выполняете, на мой взгляд.

Шухен: Вы ведете себя как смутьян и подонок, гражданин Кэрд. Нам сообщали, что вы сделались очень заботливым, сострадательным человеком, но по вас этого не скажешь.

Кэрд: У меня впереди много дел. Я не хочу тратить время на людей, которые даже не пытаются меня понять и задают глупые вопросы. Я не хочу, чтобы ко мне лезли с вопросами о том, что когда-то делало мое тело — мое тело, не я, — стремясь удовлетворить свое болезненное любопытство. Не сомневаюсь, что вам известна история моей болезни. Правительство ознакомило вас с ней. Я не виноват, если вы не выполнили свою домашнюю работу. Интервью окончено.

ГЛАВА 30

Пятнадцать минут спустя Кэрд вышел из здания станции на 12-ю авеню. Доехав на автобусе до Западной 14-й улицы, он пересел на другой, который повез его через весь город до пересечения Первой авеню с Восточной 14-й улицей. На улицах было полно велосипедов, электрических трициклетов и автобусов. Более крупный транспорт представляли редкие патрульные машины. Вид родных улиц не пробудил в Кэрде никаких воспоминаний. С сумкой на плече и с небольшим чемоданчиком он прошел еще немного на север, до середины огромного здания Стьювезант Таун Билдинг. Эта громадина, однако, насчитывала всего четыре этажа. Высоченные небоскребы, отличительная черта древнего Манхэттена, были снесены пару тысяч лет назад.

Потея под жарким солнцем раннего лета, Кэрд вошел внутрь, отыскал офис квартального и был направлен в свою квартиру на втором этаже. Он вложил в дверь свое удостоверение, и дверь отъехала вбок. Выпив большой стакан воды, Кэрд осмотрел свое жилище. Оно было чистым по меркам трущобного района. Он принял душ, надел чистую блузу и кильт и вернулся в контору квартального, чтобы прописаться. Секретарь, как видно, успел уже посмотреть его интервью. Он ничего на этот счет не сказал, но хмыкнул, когда Кэрд назвался. Прочитав данные Кэрда на экране, он вернул новому жильцу его карточку со словами:

— Гетеросексуал. Стыд и срам.

— Жизнь полна разочарований, — улыбнулся Кэрд.

— И штампованных фраз.

— И шутейных разговоров, которыми прикрывают невысказанное.

— Вот уж чего я не выношу, так это невысказанного. От него все несчастья.

— Человек создан для несчастья, как птица для полета.

— Что верно, то верно. Это из шоу «Доброе утро, вторник»?

— Не знаю, откуда это. Желаю хорошо провести день.

— Я на работе до половины пятого. Вот и весь мой день.

Кэрд спустился по лестнице, добрался по длинным коридорам до западного вестибюля и перешел через улицу к занимающему четыре квартала зданию Мемориальной Больницы Акме. Там он явился в отдел кадров, и ему велели прийти утром будущего вторника на занятия для санитаров. Потом он зашел в местную таверну «Семь Мудрецов». Там было просторно, темно и сидело больше посетителей, чем бывает в более престижном районе в такое время дня. Большинство здешних жителей существовали на государственное пособие и подрабатывали часть дня. Если их заработок превышал определенный предел, они теряли пособие, и они умудрялись соблюдать нужный лимит. Кэрд собирался работать полный день, так что не относился потенциально к истинным соркам, или пособщикам, как их иногда называли.

Пьющие смотрели на него без всякого выражения, не будучи уверены в том, что он не переодетый ганк. Кэрд сунул свою карточку в прорезь стойки и заказал пиво. Бармен, взглянув на имя и цифру кредита, сказал:

— А, гражданин Кэрд! Видел ваше интервью. Нелегко вам придется.

Посидев немного и послушав разговоры завсегдатаев, Кэрд вернулся к себе домой. Ему не хотелось проводить этот вечер в одиночку. Его по-прежнему тянуло поговорить с другими людьми — ему казалось, что это желание никогда уже его не покинет. Но он не знал, куда пойти. Он запросил список местных мероприятий на сегодня и выяснил, что в семь часов состоится собрание квартальных. Приглашались все желающие. Кэрд решил, что можно пойти и туда, чтобы сориентироваться в обстановке. Посещение таких собраний было долгом каждого гражданина. Сорки, правда, славились тем, что на них не ходили — если только у них не имелось каких-то жалоб. Да и с жалобами первым делом шли к своему непосредственному квартальному — пусть разбирается.

В персональном кухонном шкафу Кэрда не было ничего съестного. Он просмотрел на экране перечень продуктов, имеющихся в местном магазине, спустился туда, купил немного еды и складную тележку. Загрузив ее каменированной провизией с небольшой добавкой свежих овощей и фруктов, он довез тележку до лифта, а потом до квартиры. Только он раскаменил и поставил в микроволновую печь свой обед

раздался громкий зуммер, и оранжевая надпись на стене оповестила о том, что Кэрду звонят. Подумав, что это, наверно, ганки его проверяют, Кэрд включил видеоэкран и звук. Появилась молодая, хорошо одетая женщина, хорошенькая, несмотря на свой длинный острый нос.

— Папа? — нерешительно сказала она.

— Джефферсон Сервантес Кэрд. А вы, наверное...

Ему казалось, что он ее знает. Потом он вспомнил. Он видел ее на видеокассетах в реабилитационном центре. Это Ариэль Шадия Кэрдсдотер, его единственный ребенок.

— Я знаю, как тебя зовут. Хотел бы сказать, что помню тебя, Ариэль, но увы...

— Я знаю. И все равно хочу тебя видеть. Прямо сейчас. Можно, я приеду к тебе?

— Не могу тебе этого запретить. Но боюсь, что ты будешь очень разочарована. Не надейся, что пробудишь во мне какую-то память о себе. Напрасно потратишь силы.

— Я сейчас же еду. Буду у тебя минут через двадцать.

Согласно ее анкетным данным, которые он запросил, когда она исчезла с экрана, Ариэль преподавала историю в Университете Восточного Гарлема. Она сядет на метро у себя в Ист-Сайде и выйдет за квартал до Стьювезанта. Кэрд выяснил это по схеме движения транспорта, которую вызвал на экран.

Он нервничал. Когда Ариэль уходила с экрана, у нее по щекам катились слезы. А он ничего не мог изменить, мог только сказать, что любит ее. Но это любовь человека к человеку — не та, которой отцы любят своих дочерей. Кэрд сомневался, что сумеет вновь обрести ту любовь — если вообще когда-нибудь знал ее. Для этого ему нужно почаще и поближе общаться с Ариэль. Но живут они далеко друг от друга, и профессии у них совсем разные — так что видеться, скорее всего, они будут редко.

Она проявила большое мужество, решившись приехать к нему. Мало кто стал бы иметь с ним дело, зная, кто он такой. Нет никакого сомнения, что за ним непрерывно наблюдают. Возможно, органики даже вживили передатчик в его тело, хотя это и незаконно. Маломощный, но с помощью детекторов-усилителей всегда указывающий точное местонахождение Кэрда. Хотя Кэрд пока что не замечал за собой слежки, он был уверен, что в ход пойдут и филеры. Одной из причин, по которой он выбрал для жилья район сорков, было то, что здешней публике в основном наплевать, считают его власти опасным или нет. Сорки только порадуются соседству с Кэрдом, которым восхищаются. Здесь, чтобы иметь друзей, не

нужно занимать какое-то положение в обществе или жить в ладу с ганками.

Наверное, Ариэль уже проверили со всех сторон и допросили под ТП из-за того, что она его дочь. И уже ясно, что она ничего не знала о преступной деятельности отца и никак в ней не участвовала. Но она знает, что властям не понравится, если она возобновит отношения с отцом.

Что мог Кэрд сделать для нее? Очень мало. Он хотел облегчить ей горечь потери — ведь он в каком-то смысле для нее умер, — но ничего, кроме дружеского сочувствия, он не сможет ей дать.

Он раскаменил полкварты лимонада и немного льда. Потом сел со стаканом в гостиной и стал смотреть новости. Показывалось его интервью с Шухен, и Кэрд был готов согласиться с ее выводом, что Кэрд — полное дерьмо.

В нижней части экрана была сноска: ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ РЕПОРТЕРА НЕ ВСЕГДА СОВПАДАЕТ С МНЕНИЕМ РЕДАКЦИИ.

Дальше следовало что-то о скором окончании строительства искусственной оросительной системы в Южной Аравии. Кэрд рассеянно слушал, и тут произошло неожиданное. Диктор объявил, что Совет Мира рассмотрел результаты всемирного референдума по вопросу отмены режима Новой Эры. Вопреки ожиданиям, которые еще подкрепил неофициальный опрос, большинство высказалось за отмену. Количество населения земного шара было пересмотрено, «уточнено» и официально признано равным двум миллиардам. Из одного миллиарда имеющих право голоса не проголосовали пятьдесят миллионов. За отмену существующего строя высказалось шестьсот тридцать три миллиона — две трети голосовавших.

— Глас народа сказал свое слово! — произнес диктор, волнуясь больше, чем полагалось ему по должности. — Разумеется, референдум лишь показывает, чего желает население, и ни к чему не обязывает Совет. На вопросы руководителей средств массовой информации секретари семерых советников отвечают, что еще слишком рано ожидать комментариев от нашего правящего органа.

Диктор продолжал говорить, но Кэрд уже не слушал. Революция сделала еще один шаг вперед. Несмотря на правительственную кампанию, имеющую целью убедить граждан в невозможности перемен, большинство не поддалось на уговоры.

Экран стал оранжевым, прозвучал звонок, и в секции экрана, выделенной для дверного монитора, показалось лицо Ариэль. Кэрд открыл. Ариэль обняла его и намочила ему

грудь своими слезами. Он тоже всплакнул, потому что разделял ее горе. Отпустив его, она вытерла лицо и глаза, взяла предложенный им стакан лимонада и села.

— К сожалению, у нас с тобой односторонние узы, — сказала она. — Я сознаю, что старых отношений не восстановишь. Но ты мне все-таки отец, хотя я тебя и не знаю. И если нам удастся узнать друг друга получше, мы хотя бы перестанем быть чужими.

— Мне бы очень этого хотелось. Но односторонние узы — это не узы. То, что связывало нас прежде, ушло навсегда.

— Я знаю. — И у нее снова брызнули слезы.

Они рассказали друг другу о том, что с ними происходило в недавнем времени. Ариэль вышла замуж за служащего Физического департамента и очень любила своего мужа. Они подали в Департамент Материнства и Детства прошение на ребенка и ждали разрешения.

— Так что можешь вскоре стать дедушкой.

— Я очень рад. Мы с малышом будем на равных — оба совсем новенькие.

От этих слов она снова расплакалась, потому что сама не была с Кэрдом на равных. Но он сказал, что это, возможно, еще поправимо. То, что она знает о нем, поможет ей. Она ведь любила старого Кэрда, и он надеется, что эта любовь постепенно перерастет в любовь к нему теперешнему.

Вскоре напряженность немного разрядилась, и они заговорили о другом — в первую очередь о референдуме.

— Я не ждал, что все так обернется, — сказал он.

— Почти всю заслугу за это следует приписать тебе, — улыбнулась она. — Подумать только. Мой отец — великий революционер.

— Мое новое «я» как будто не испытывает ни радикальной тяги к переменам, ни консервативного стремления сохранить все, как есть. Мне просто интересно следить за тем, что происходит.

— Еще бы. Ведь это ты послужил катализатором. Я в качестве историка тоже внимательно слежу за текущими настроениями и событиями, пытаясь предугадать, что будет дальше. Мне кажется, что Совет Мира не так противится переменам, как следует из его официальных заявлений. Возможно, какие-то перемены для него даже желательны. Например, те, что связаны с расходом электроэнергии.

Кэрд поднял брови:

— Но в случае перемен электричества потребуется в шесть раз больше, чем теперь.

— А ты подумай хорошенько. На отопление, свет и транспорт нужно гораздо меньше энергии, чем на каменирование и раскаменирование. Энергия, идущая на эти операции, съедает девяносто процентов наличного запаса. На наши же нужды идет всего десять процентов, которые мы получаем с солнечных, приливных, глубоководных и магнитогидродинамических станций. Каменирующая энергия — дело иное, мы добываем ее, преобразуя тепло земных недр. А если мир вернется к старинному образу жизни и не надо будет никого каменировать и раскаменировать, у нас энергии будет навалом и она резко подешевеет. Сэкономленных средств с избытком хватит на расчистку земель, строительство новых городов, ферм, дорог и так далее.

— Это большой плюс в пользу перемен. Люди это оценят. Но вот другие аспекты... такой переход все-таки потребует множества лишений, самопожертвования, потребует разрыва с привычным, будет твориться много несправедливого, будут смятение и хаос.

— Когда люди осознают в полной мере, что от них потребуется, они просто взбунтуются. А если правительство подавит бунт, его сметут — во всяком случае, попытаются. И прольется кровь. Взять, к примеру, Хобокен. Эта местность намечена для переселения жителей среды из Манхэттена. Они будут жить в палатках и сборных домиках, пока не выстроят себе город. Эти люди на неопределенный срок станут беженцами, испытав на себе все физические и моральные травмы, связанные с этим состоянием. Думаешь, им понравится бросить свой удобный, налаженный быт ради жизни в пустыне ниже уровня моря — которую затопило бы, если бы не плотины, — и работать при этом на стройке? Пройдет много времени, тяжелого времени, прежде чем они поселятся в хороших домах и вернутся к прежним занятиям и нормальному образу жизни. Когда они полностью поймут, во что ввязались, произойдет взрыв, и мы получим Французскую революцию вкупе с Российской.

— Ну, не знаю. Большинство граждан приучено к повиновению и отучено от насилия.

— И все-таки в каждом живет дикарь из каменного века, который только и ждет удобного случая, чтобы вырваться наружу.

Кэрд распахнул глаза, точно в нем сработал какой-то механизм.

— У тебя в глазах словно лампочка зажглась, — сказала Ариэль.

— А если кто-то предложит вполне разумный план, как осуществить переход намного спокойнее, не заставляя страдать будущих переселенцев? Если... — И Кэрд затих.

— Это было бы здорово, — засмеялась Ариэль. — Но я не представляю себе, что это за кролик из цилиндра. Или у тебя возникла какая-то идея?

— Не то чтобы идея, но в голове что-то щелкнуло. Не знаю что. Может, еще вернется.

Они еще немного поговорили о другом, и паузы начали делаться все длиннее. Наконец Ариэль сказала, что ей пора, и опять всплакнула немного на прощание.

Кэрду стало горько, когда за ней закрылась дверь, хотя он и не знал почему. Ведь они будут видеться. Раз невозможно наладить прежние отношения, которых он не помнит, то возможно ведь выстроить новые. Если они оба этого захотят... Весь вопрос в том, захотят ли они?

Перед сном Кэрд поставил учебную кассету, которую должен был просмотреть до своего выхода на работу. Фильм познакомил его с новыми обязанностями, самыми простыми для начала. Всю первую рабочую неделю Кэрда будет сопровождать санитар со стажем, который обучит новичка всему, что ему следует знать.

ГЛАВА 31

В девять вечера Кэрд прибрался в квартире и опустил выдвижную кровать. Дав экрану команду разбудить себя без четверти двенадцать, чтобы вовремя занять место в кенатоpe, он лег и почти сразу уснул. Ему приснилось несколько снов, из которых он, проснувшись, вспомнил только один. Еще несколько минут он лежал, слушая дребезжание звонка и свой собственный голос со стены. Потом сказал стенке, что встает, и велел ей заткнуться.

Сон был загадочный, хотя не составляло труда понять, откуда он взялся. В лечебнице Кэрд посмотрел фильм ужасов «Зомби тоже видят кошмары», посвященный живым мертвецам древнего Гаити. Вообще-то фильм был задуман как сатира на государственных чиновников, но далеко не все зрители это уловили. Под гробницей, откуда орда зомби выскакивала, чтобы пожрать колдуна, своего властелина, подразумевалась бюрократия, что тоже поняли совсем немногие. Кэрду снилась финальная сцена, и ему было страшно, хотя этот фильм перепутался с другим, «Дети в стране игрушек», очередным вариантом доновоэровской классики. Гигантские солдаты-роботы, нечаянно созданные двумя комиками, слились с зомби, превратились в них и выступили против армии

оборотней, которой командовал злодей Барнаби. Кэрд прямотаки слышал «Марш деревянных солдатиков», под который роботы обороняли Страну Игрушек от захватчиков.

Возвращаясь к яви, Кэрд слышал собственный крик — одно из мохнатых и рогатых чудищ избежало солдатских штыков и чуть было не сцапало его своими когтистыми лапами.

Он встал, выпил стакан воды и пошел в каменаторскую. Проходя мимо цилиндра среды, он сказал: «Доброе утро». Тот, чье твердое, как алмаз, лицо виднелось в круглом окошке, ничего, конечно, не ответил ему.

Закрыв дверцу своего цилиндра, Кэрд вдруг поймал потерянную мысль, выброшенную на поверхность бурлящим грозовым океаном его сознания. Хоть бы не забыть, подумал он.

И не забыл. Словно и не прошло шести дней с момента включения каменирующей энергии до момента раскаменации, вновь пустившей в ход молекулы его тела. В сознании Кэрда этот промежуток не отразился. Он знал, что так будет, но невольно отождествлял каменирование со сном, потому и опасался забыть мысль, вспыхнувшую у него в мозгу подобно новой звезде.

— В этом что-то есть! — сказал он, толкая дверцу цилиндра и выходя наружу. — До этого еще никто не додумался, насколько мне известно!

Он поспешно записал свою идею и лишь тогда снова лег спать. Проснувшись в шесть, он полчаса позанимался зарядкой, потом приготовил себе завтрак и поел. Пока он завтракал, в каждой комнате на стене горел оранжевый квадрат и слышался тихий зуммер. Посетив ванную и выйдя оттуда чистым снаружи и внутри, Кэрд выключил сигнал диктофона. Теперь уж он не забудет то, что записал. Следующим шагом было запросить справочник и найти в нем фамилию и номер должностного лица, с которым Кэрд хотел поговорить. Сделав это, Кэрд отправил свое сообщение на имя этого человека в банк данных. Сегодня Роберт Хамадхани Мунийгумба должен прочесть у себя в офисе распечатку с посланием Кэрда. Насколько быстро Мунийгумба будет действовать, зависит от его характера и от количества работы, с которой ему необходимо управиться. Если он не ответит Кэрду в этот вторник, придется ждать следующего.

Как Кэрд, в общем-то, и ожидал, в тот день Мунийгумба не позвонил ему ни в больницу, ни домой. Кэрд старательно учился тому, что должен уметь санитар: менять постельное белье, ставить цветы в вазы, складывать запасы в хранилище,

а также помещать пациентов в цилиндры и вынимать их оттуда утром. Самой интересной и приятной обязанностью были десятиминутные беседы, которые ему предписывалось вести с желающими этого пациентами, а желали почти все. Он помогал также вносить вновь поступивших и раскаменять их. Внезапно заболевших или потерпевших несчастный случай людей горгонизировали в ближайших аварийных цилиндрах.

Перед концом рабочего дня инструктор, который его обучал, сказал ему:

— Мне кажется, у тебя получится, Кэрд. Ты подходишь для нашей профессии. Ты первый, кому удалось рассмешить гражданина Гранжана. И ты хорошо успокоил гражданку Блатан. Она очень боится умереть, но не хочет каменироваться и ждать, пока не откроют способ лечения ее рака. Да и то сказать, кто ее раскаменять-то станет? Она слишком старая — разве что тогда и секрет омоложения заодно откроют. Главное то, что ты проявил к ней большую доброту. Но ты-то сам не веришь в ту религиозную муть, которой ее пичкал, нет?

— Какая разница, лишь бы ей полегчало, — пожал плечами Кэрд.

— Вот и правильно. Если ей нужна кроличья лапка на счастье, дай ей эту лапку. Батюшки мои! Ей сто восемьдесят лет, она пробыла на этом свете семьсот пятьдесят шесть облет. Казалось бы, жизнь должна ей надоесть, так ведь нет, тянет до последнего, не торопится на небеса.

Кэрд начал думать, что, пожалуй, пройдет без затруднений свой испытательный срок. Время пролетит быстро, и он получит значок, форму и звание рядового санитарной службы. Тогда ему начнут платить хорошее жалованье и снимут его с пособия. Санитары, как и весь обслуживающий персонал, оплачивались хорошо и высоко ценились в обществе.

В следующий вторник он прождал звонка от Мунийгумбы до трех часов дня. Кэрд попытался связаться с ним сам, но экран ответил, что первый помощник первого секретаря комиссии по приему конструктивных предложений граждан, КПКПГ, в данный момент не в состоянии дать консультацию. Он перезвонит Кэрду, как только сможет.

В тот день Мунийгумба перезвонить так и не смог. Не смог и в следующий вторник. Часа в четыре Кэрд снова попытался выйти с ним на связь и получил тот же ответ. В этот момент в дежурку санитаров вошел Квинтус Му Уильямс, инструктор Кэрда.

— Слушай-ка, Кэрд, я только что от сержанта и слыхал там сенсационное сообщение. Один парень, Мунийгумба, большая шишка в КПКПГ, придумал, как совершить переход! Его предложение уже пошло наверх и сейчас рассматривается Советом Мира! Все с ума сходят. Диктор прямо в оргазме!

Кэрд издал такой звук, словно его двинули в солнечное сплетение.

— Этот самый Мунийгумба, — медленно начал он, — предложил раскаменить тех, кто хранится на складах, и послать их строить новые города?

— Точно! — Уильямс вытаращил глаза и вскинул брови. — Так ты слышал?

— Нет, не слышал.

— Тебе уже кто-то сказал?

— Нет. Может, Мунийгумба предложил еще позволить этим раскаменированным жить день за днем без каменаторов? И помиловать тех, кто будет хорошо работать?

— Да. Но послушай, если ты не смотрел новости и никто тебе не говорил...

— Этот сукин сын украл мое предложение и присвоил его себе! Хотя, может, я зря так? Мое имя не упоминалось? Не говорилось, что тут есть и моя заслуга?

— Ничего похожего. Говоришь, это твоя идея?

— Моя.

Уильямс, похоже, не поверил. Так же реагировали и все остальные, кому Кэрд пытался доказать, что это он — автор «Проекта Мунийгумбы».

Первый помощник первого секретаря наконец ответил Кэрду, отрицая, что получал от него что-либо. Когда Кэрд обратился в суд, желая получить записи своих звонков к Мунийгумбе, выяснилось, что эти записи, очевидно, были стерты. Его это не удивило.

Кэрд созвал пресс-конференцию и обличил Мунийгумбу. Конференцию кратко показали в новостях. Шухен, главный комментатор, излила на Кэрда весь доступный ей сарказм, не переходя, однако, границы, за которой начинается клевета. Он этого ожидал. Он сам сделал ее своим врагом. Но будь она даже его другом, это ничего бы не изменило. Она, видимо, получила указание дискредитировать Кэрда.

Несколько дней спустя в новостях объявили, что Мунийгумбу переводят во вторничный Цюрих. Он получил повышение в окладе и в должности. Теперь он становился почетным членом только что сформированного Мозгового Треста, которому предстояло составить план работы с раскамениро-

ванными преступниками. Предполагалось, что Мунийгумба внесет ценный вклад в деятельность Треста.

Даже сорки в «Семи Мудрецах» подшучивали над Кэрдом, хотя и беззлобно. Одно время его называли гражданином Мунийгумбой. Кэрд зализывал свои раны, и они быстро заживали. Неплохо было бы, конечно, войти в историю как автору этой идеи. Но главное в том, что его идея поможет разрешить крупную проблему.

Власти, однако, не спустили Кэрду его жалобы. Он скоро ощутил на себе их негласное преследование. На середине испытательного срока его вызвали к капитану Эду Шервину Ленноу, начальнику санитарной службы. Ленноу подал ему распечатку, поступившую из манхэттенского Департамента Образования. Кэрд прочел ее и недоверчиво воззрился на Ленноу:

— Но это же несерьезно. Они тут пишут, что я не могу учиться на санитара, поскольку не закончил среднюю школу. И даже начальную не закончил!

— Но свидетельства-то у вас нет. Я сам проверял перед тем, как вызвать вас.

— Конечно, нет! — вспылил Кэрд. — Вы же знаете мою историю. Откуда ему взяться?

— Сожалею. У вас хорошие отзывы и высокий коэффициент доброты, и мне очень не хочется вас терять. Может быть, это только временно. Вы могли бы пойти опять в школу...

— В первый класс?

— ...А может быть, Департамент Образования согласится принять у вас экзамены за среднюю школу. На вашем месте я немедленно подал бы прошение.

— Я не отношусь к числу неблагонадежных, — сказал Кэрд, потрясая бумагой, словно это был флаг, развеваемый знойным грозовым ветром. — Все, чего я хочу, — это быть хорошим гражданином и приносить пользу обществу.

— Нуууу... — со слабой улыбкой протянул Ленноу, складывая пальцы домиком. — Вот вы заявили, что гражданин Мунийгумба украл у вас идею. Есть мнение — не мое, уверяю вас, — что это указывает на вашу психическую нестабильность. Лично я не обращал внимания на подобные разговоры.

— Чье же это мнение?

— Не могу вам сказать. Да это и неважно. А важно вот что, — указал он на распечатку. — Я вынужден уволить вас, хотя делаю это с большим сожалением. Когда вы получите аттестат о среднем образовании, буду счастлив принять вас

обратно. Отработанный вами испытательный срок будет вам зачтен — в том случае, конечно, если вы вернетесь работать к нам.

Кэрду не оставалось ничего иного, как подать прошение о сдаче экзаменов, хотя он не был уверен, что сдаст их со своей избирательной памятью. По закону ему должны были дать ответ в течение четырех субдней с момента внесения просьбы в файл. Прошло, однако, восемь дней, а Департамент Образования все отговаривался тем, что решение откладывается ввиду чрезвычайных обстоятельств. Что это за обстоятельства, не говорилось, и служащая, принимавшая прошения, сказала, что объяснений требовать бесполезно. Объяснения ему дадут в свое время, хотя и не обязательно правдивые.

На двенадцатый субдень, ближе к вечеру, Кэрду отказали. Причина: поскольку случай Кэрда уникален, требуется, чтобы нижняя законодательная палата Манхэттена, состоящая из суперквартальных предводителей, провела закон, позволяющий допустить Кэрда к экзаменам. Затем этот закон должен быть одобрен верхней палатой, состоящей из пяти районных предводителей.

Кэрд обратился к поверенной по прошениям, Мэйзи Грэйс Гайдн. Она сказала, что он может подать прошение в нижнюю палату о принятии ею «персонального» закона.

— Но я чую тут заговор, и вам все равно ходу не дадут. Может быть, я и ошибаюсь. Формально с вами поступили по закону. Из того, что вы мне рассказали, можно понять, что вам будут чинить препятствия повсюду, куда бы вы ни обратились. Правительство почему-то хочет, чтобы вы продолжали жить на пособие, не пытаясь продвинуться.

— Но ведь от меня же нет никакого вреда.

— Это вам так кажется. У них есть какие-то свои причины, хотя вам их, конечно, не назовут.

— Но не могу же я целый день пить или смотреть телевизор. Я этак свихнусь.

— Возможно, этого-то они и хотят. По-моему, они хотят отделаться от вас раз и навсегда. Вы ведь загадка, неизвестная величина. У них нет никакой уверенности в том, что вы снова не смените свою личность. А вдруг эта личность окажется опасной? — Она улыбнулась и добавила: — Вообще-то у них есть основания этого бояться. Мне жаль, искренне жаль. Хотите, я договорюсь с общественным защитником и мы вместе подадим петицию о рассмотрении вашего дела?

Кэрд посмотрел на стенные экраны. Когда он начинал разговор, ей пытались дозвониться десять человек, теперь их

стало тридцать. Хотя она не выказывала нетерпения, ее ждала работа.

— Может быть, попозже, — сказал он. — Мне надо подумать. — Он встал и поклонился, сложив ладони у груди. — Спасибо за все, что вы для меня сделали.

— Не стоит. Может быть, пообедаем сегодня, в восемь?

ГЛАВА 32

Она была по-настоящему хороша — невысокая, но стройная, с вьющимися угольно-черными волосами, с большими, очень живыми темными глазами и гладкой депигментированной кожей цвета светлой охры. Лишенная всякой заносчивости, она была честолюбива и изучала эродинамическую психологию в университете. Зачем ей сорк почти без всяких перспектив пробиться наверх?

Мэйзи сама заговорила об этом. Кэрд был живой загадкой и этим ее притягивал.

— Сейчас я ни с кем не связана, — сказала она. — Мой приятель съехал от меня по моей же просьбе.

— Я могу помешать вашей карьере.

— А я еще не приглашала вас к себе жить, — засмеялась она. — И потом, чем вы можете помешать мне?

— За вами будут следить и не одобрят, если вы вступите со мной в какие-то длительные и близкие отношения.

— Это уж моя забота.

Обедом угощала Мэйзи, и они сидели в фешенебельном ресторане на 34-й улице. Кэрд узнал, что Мэйзи иногда поет здесь ради приработка. Когда она была моложе, она выступала в акробатической группе. Может, он даже видел ее по телевизору? Кэрд покачал головой.

Она сменила имя, и первое и второе, когда ей исполнилось двадцать. Имя можно было менять в любое время, требовалось только уведомить об этом власти. Личный номер оставался прежним. Она выбрала имена Амэйзинг Грэйс (изумительная грация) потому, что так называлась ее любимая песня, и потому, что это сочетание привлекало внимание.

— Когда вы обратились ко мне за помощью, — говорила она, — я просмотрела ваши данные, хотя и до того, конечно, много слышала о вас. Одним из ваших «я» был Вайатт Бампо Репп, телесценарист и продюсер. А вы знаете, что писательство — одна из немногих профессий, где не требуется среднее образование?

— Нет, я не знал.

— Я, правда, еще не слышала о писателе, который не закончил бы колледж, но должен же кто-то быть первым.

Видите ли, искусство и литература остались как-то вне тарифов. Можно быть певцом, композитором, музыкантом, художником, скульптором, поэтом или писателем, не имея аттестата о среднем образовании. Составители законов, должно быть, сочли, что для этого аттестат не нужен. Обучать всему этому нельзя, не имея докторской степени, а заниматься — сколько угодно.

— А вот бармену среднее образование необходимо.

— Вот именно. Однако на телевидение вам пробиться будет сложно. Не можете же вы в своем заявлении о приеме на работу сослаться на труды Реппа. Вы не Репп и во вторник никогда не занимались писательством. А если вы представите какие-то сценарии на рассмотрение и боссы их одобрят, на работу вас все равно не возьмут. Сверху сообщат, что вы персона нон грата. А петь вы умеете? Так, чтобы зарабатывать этим?

— Где уж там.

— А другие артистические таланты?

— Отсутствуют.

Она выпила вина, прищурив глаза, и сказала:

— Есть одна идея. Я взяла на себя смелость обратиться к вице-президентам нескольких телекомпаний, и они заинтересовались. Однако дали понять, не говоря этого прямо, что вас на работу не возьмут. А вот идея сериала, основанного на событиях вашей жизни, им понравилась. Вы — очень популярная фигура, и телевизионщики считают, что правительство не станет препятствовать созданию такого фильма. Вы к сериалу отношения иметь не будете, но вам хорошо заплатят за разрешение использовать этот сюжет. Кроме того, вы окажетесь в центре внимания, и поддержка публики поможет принятию нужного вам закона.

Кэрд почувствовал гнев, смешанный с восхищением. Значит, Мэйзи усиленно хлопотала за него, причем еще до того, как он к ней обратился.

— Если я соглашусь, — сказал он, — они изобразят меня так, как им заблагорассудится. Наперед знаю, что будет. Сначала распишут мои злодеяния, а в конце непременно заставят меня покаяться в своей вине перед обществом. Ничего, что было бы хоть отдаленно антиправительственным, в сценарии не будет. Ни слова о коррупции, обмане и убийствах.

— Вас сделают таким, чтобы зритель мог посочувствовать вам, как-то отождествить себя с вами. Вы предстанете искренне заблуждающимся человеком. А смена личности в финале будет выглядеть как ваше отречение от своих преж-

них «я». Вы приносите эту жертву, чтобы отрезать себя от всего, что вы сделали, и в конце делаетесь примерным гражданином.

— Я им действительно сделался. Но на меня по-прежнему смотрят как на злодея, и правительство не оставляет меня в покое. Оно просто не дает мне стать тем, кем будто бы хочет, чтобы я стал, и кем я сам хочу стать.

— Ну, не настолько уж он будет плох — сценарий, хочу я сказать. Мне пришла в голову отличная мысль. Рассказ будет идти с вашей точки зрения — об этом будут объявлять перед каждой серией и время от времени напоминать в субтитрах. Так мы избежим всякого вмешательства сверху. Точка зрения правительства, конечно, тоже будет представлена, но в минимальной дозе. Я...

— Эта мысль пришла в голову *вам*? Можно подумать, что вы уже работаете над фильмом.

— Ну да, работаю. Вы же знаете, сколько у меня сковородок на огне — это еще одна. Так я вам не сказала? Ну да... всего сразу не упомнишь. Меня приняли для подготовки этого проекта — пока только проекта. И я...

Кэрд встал, свернул свою салфетку и положил ее на стол.

— Вы хотите использовать меня! Вот почему вы угощаете меня обедом и чуть ли не приглашаете к себе в постель. А еще поверенная по приему прошений!

— Эй, — сердито вскинулась она, — в качестве вашей поверенной я делаю для вас все, что могу. Я никогда не увиливаю от своих обязанностей и ничему не позволяю мешать им. Зарубите это себе на носу! Но никакой закон не запрещает мне подрабатывать или пробовать себя на новом поприще. Этот телесериал слишком хорошо задуман, чтобы его упускать. И мне кажется, я вполне гожусь в сценаристы. Для этого, знаете, большого таланта не требуется. Не забывайте, что это для вашего же блага. Это может изменить к лучшему всю вашу жизнь!

— Вашу определенно изменит. Спасибо за обед.

И Кэрд ушел — не без сожаления. Мэйзи изучает эродинамику и должна знать все о технике любви. Однако сожаление длилось недолго. Она ведь его не любит, даже не влюблена в него, поэтому не может ему дать то единственное, что ему нужно.

Девяносто субдней спустя на телеэкран вышел двухчасовой семисерийный телесериал «Человек, который потряс мир». Кэрда это врасплох не застало — о фильме объявлялось за субмесяц вперед. Кэрд уже знал, что телекомпании не требуется его разрешение для показа его персоны. Ведь

прежнего Кэрда и его двойников: Тингла, Дунского, Реппа, Ома, Зурвана, Ишарашвили и Дункана — больше не существует, поэтому в расчет они не принимаются. Последняя серия, относящаяся к новому Кэрду, будет не художественной, а документальной — записи, сделанные в реабилитационном центре, покажут, как Кэрд ест, занимается гимнастикой, разговаривает с другими больными и ганками. Видеокадры будут сопровождаться комментарием психиков, дикторов и правительственных деятелей. Успели уже наснимать большой материал и о жизни Кэрда в Манхэттене. Кэрд не знал, что его снимают, но не удивился.

Он говорил себе, что просмотр сериала не принесет ему ничего, кроме гнева и волнений, но не мог сдержать любопытства. Когда фильм кончился, Кэрд порадовался тому, что заставил себя его посмотреть. Во многих отношениях он знал о своих прежних «я» не больше, чем первый встречный. Правдивость экранных событий можно было проверить только путем сравнения художественных кадров с документальными. А поскольку последние зачастую сводились к кратким телерепортажам, сравнивать было почти не с чем.

И все-таки Кэрд узнал о себе больше, чем ожидал. Видимо, телеканал получил доступ — с разрешения правительства, конечно, — к разным официальным отчетам. Показывался, например, побег Кэрда из супернадежной лечебницы, и перед серией было объявлено, что эта сцена достоверна на все сто процентов.

— Вот, значит, как я это сделал, — проговорил Кэрд.

Как и прочие зрители, он затаил дыхание, когда Уильям Сент-Джордж Дункан спасал Пантею Пао Сник из хранилища в Нью-Джерси. И восхищался собственным умом, когда Дункан пробрался в лабораторию близ лагеря беглых и вырастил там свою копию, которую потом оставил в лесу, чтобы ее нашли ганки. После этого охота за ним была приостановлена — власти сочли его мертвым.

Ничего, однако, не говорилось о лжи и коррупции, царящей в высших эшелонах власти. Злодеями были исключительно подпольщики, обманом проникшие на высокие посты, в том числе всемирный советник Дэвид Джимсон Ананда.

В фильм были вкраплены записи органических совещаний, сделанные в то время, когда охота на Кэрда была в полном разгаре. Кэрд смотрел их с интересом. Впервые подобные кадры показывались публично. Они не только приобщали к методам работы органиков и свидетельствовали о многочисленных неудачах в розыске Кэрда, но и делали фильм более

захватывающим, хотя зритель заранее знал, чем все кончится.

Актер, игравший Кэрда, был его точной копией, потому что это был не живой человек, а компьютерная модель. Такая же модель играла и Сник.

Последняя серия кончилась не так, как говорили Кэрду. В фантастической финальной сцене все его восемь «я» собрались в одной комнате и стали спорить, зачастую весьма бурно, о том, что они намеревались совершить и почему их действия обратились против общества. В конце концов все восемь признали, что были обмануты. Они думали, что сражаются с правительством, а в самом деле сражались с проникшими туда преступниками — с теми, кто хотел власти и чинов и добивался их незаконными методами.

Все это было очень убедительно, хотя Кэрд не во все поверил. Его мучило чувство, что настоящий Кэрд, знавший, видимо, что делает, не согласился бы с такой трактовкой.

Хотя комментаторы не сказали ни слова о революционных последствиях, к которым привела деятельность Кэрда и его товарищей, любому разумному зрителю это и так было ясно. Благодаря Кэрду общество никогда уже не станет таким, как прежде. Фактор, замедляющий старение, анти-ТП, требование покончить с режимом жизни раз в неделю — всем этим люди обязаны Кэрду. Его следовало бы объявить героем и поставить его статуи во всех общественных парках.

Сериал шел не ровно два часа, а на пятнадцать минут меньше. Кэрд понял, что это было задумано специально, когда сразу после последних титров начался выпуск новостей.

На экране появилась Шухен, его старый враг. Вид у нее был серьезно-торжественный, хотя дикторам полагалось даже о катастрофах рассказывать с улыбкой.

— Граждане, передаем сообщение чрезвычайной важности! Пожалуйста, оставайтесь с нами! Совет Мира только что объявил, что Переход начинается! В этот исторический момент, во вторник, четвертый день четвертой недели, в 8.46, в месяц Свободы, мир повернул к новому! Переход начался!

Было еще много всего, включая интервью с первым секретарем Мунийгумбой, автором идеи, убедившей Совет в том, что переход возможен. Кэрд еще с минуту послушал и выключил экран.

Укладываясь, чтобы поспать несколько часов перед каменированием, Кэрд подумал, что время еще покажет, герой Мунийгумба или злодей. Может, он еще пожалеет, что украл у Кэрда идею.

ГЛАВА 33

Пятидесятилетний план вышел из недр Совета Мира так быстро, что Кэрду стало ясно: правительство давно уже задумывало Переход и составляло планы его осуществления. И теперь, когда блестящая идея Мунийгумбы разрешила проблему или, по крайней мере, сделала решение возможным, Совет извлек на свет Божий то, что долгие годы хранилось засекреченным в банках данных.

Из компьютеров рекой лились планы вырубки части лесов, расчистки сельскохозяйственных угодий, строительства дорог, водоводов, домов, заводов, аэропортов и множества других объектов. Выполнять бóльшую часть этой работы и управлять машинами и рóботами предстояло тем, кто пока еще лежал окаменелым в хранилищах. Им в помощь придавались все незанятые или малозанятые граждане, а также добровольцы.

Кэрд, как безработный, знал, что его рано или поздно мобилизуют. И вот однажды утром, когда он только что встал с постели и вышел на кухню, на стене появилось извещение о том, что ему следует явиться за указаниями. Лотус Хайатт Вань, его сожительница, сидела за столом и пила кофе. Она работала в магазине, и Кэрд познакомился с ней, когда покупал себе зонтик. Она была высокая, темноволосая, с голубыми (депигментированными) глазами и очень красивая, однако имела привычку то и дело жаловаться на то, что ее родители плохо к ней относились. Еще она требовала от Кэрда постоянных заверений в том, что он ее любит. Несмотря на эти перепады ее настроений, Кэрд в самом деле был очень к ней привязан.

Когда он вошел, она молчала. Он вздохнул, зная, что это признак дурного настроения. На сей раз в печаль ее повергнет не он и не ее родители, а надпись на экране. Сигнал он отключила, но буквы продолжали мигать оранжевым огнем.

Пока Кэрд читал извещение, Лотус сказала:

— Так я и знала. Нас обоих призывают и зашлют теперь куда-нибудь в глушь! Я не хочу!

— Мы будем там вместе.

— Оптимист чертов! Поллианна* с хреном!

— А ты взгляни на это по-другому. Как на приключение. Считай, что тебе дали оплаченный отпуск — а если пора ботать придется, так зато скучно не будет. Подумай о новых местах, о новых людях, которых ты встретишь. Ты сам

---

* Героиня детской книги Э. Портер, девочка-сирота, не теряющая в селости ни при каких обстоятельствах.

жаловалась, как скучно работать в магазине. А теперь тебя, может быть, посадят на большой бульдозер. Подумай, какая мощь окажется в твоих руках. Представь, что давишь своих родителей его большими гусеницами.

— Честное слово, — фыркнула она, — ты мне противен до тошноты.

Он налил себе кофе и сел.

— Только противным людям противны другие люди.

— И поговорка противная.

Он пожал плечами и погладил ее руку. Он никогда не уставал изливать на нее свое сочувствие, и Лотус охотно впитывала его. Но иногда оно скатывалось с нее, как дождь с окаменелого тела. Еще ее возмущало то, что Кэрд сидит дома и не работает. Ему уже надоело объяснять, что это не его вина. «Ты мог бы найти хоть что-нибудь, чтобы заработать», — твердила она.

В свои выходные дни она, однако, была весела, общительна и сексуальна, как сиамская кошка, — если только ей в голову не приходили мысли о родителях. Ей нравилось жить со знаменитостью, хотя бы и безработной. Даже в Центральном парке, куда они ходили на пикники, люди узнавали его и подходили с ним поговорить. Лотус купалась в отраженных лучах его славы.

В следующий вторник Кэрд и Вань сообщили через экран, что получили извещение, и запросили распечатку на случай, если их ответ вдруг не поступит в банк данных Департамента Трудовых Ресурсов. Прошло еще шесть субмесяцев, прежде чем их лично вызвали в департамент, на угол Хьюстона и Вуман-уэй. Лотус позвонила в магазин и предупредила менеджера, что завтра не сможет выйти на работу. Менеджер возразил, что за инструкциями в ДТР следует обращаться в выходной день. Недавно изданные правила прояснили этот вопрос. Лотус передала ему повестку ДТР, и он сказал, что перезвонит ей. Через три часа он действительно перезвонил, весь красный. Ему пришлось не на шутку схватиться со служащим ДТР. Менеджер сердито сказал Лотус, что с решением придется повременить. Он ткнул сукина сына из ДТР носом в правила, а сукин сын преспокойно заявил, что ДТР может и нарушить правила, если того требуют обстоятельства.

— Он просто не хочет сознаться, что ДТР ошибся, — горячился менеджер. — Знает, что тут ошибка, и прикрывается своим мнимым правом нарушать закон. Вот я сейчас позвоню в справочный стол и проверю, врет этот ублюдок или нет.

Позже менеджер сообщил Лотус, что никакого права нарушать свои же собственные правила у ДТР нет. Однако он уже остыл и было слишком хлопотно поднимать бучу вокруг заносчивости и глупости ДТР. Себе же наживешь неприятности, хотя закон на его стороне.

Кэрд и Вань явились в департамент к восьми утра вместе с тремя сотнями таких же, как они. Продержав всех пришедших час, их впустили в просмотровый зал. Фильм, который им показали, с тем же успехом можно было передать каждому на квартиру, а на вопросы отвечать было некому.

В автобусе по дороге домой Кэрд сказал:

— Сразу видно, что Переход пойдет гладко. Все так хорошо организовано, никаких ляпсусов, никакой путаницы.

— Говорила я тебе, что это будет сплошной бардак.

Ничего такого Лотус не говорила, но Кэрд благоразумно промолчал.

Вечером в «Семи Мудрецах» к их столику подвалила здоровенная бабища по имени Квигли. Еле держась на ногах, красноглазая, она пробубнила:

— Это все ты виноват, революционер поганый.

— В чем виноват? — мягко спросил Кэрд. — И потом, я никакой не революционер.

— Ты мне эту лапшу про многие личности на уши не вешай! — взревела Квигли. — Если бы не ты, не пришлось бы мне ехать в хобокенскую глушь и вкалывать там. Жила бы себе по-старому, как хотела. Так нет, надо было напакостить!

— Это правительство так решило, а не я.

— Ага, теперь правительство будем ругать!

Еще несколько минут назад Квигли занималась именно этим, понося правительство на весь бар. Теперь вдруг в смутьянах оказался Кэрд.

Дальнейшие протесты пресек удар кулаком в лоб, от которого Кэрд свалился со стула. Падение было тяжелым, и полуоглушенный Кэрд не сразу смог встать. Квигли двинула его острым носком туфли по ребрам. Лотус завопила и стукнула рыжую скандалистку по затылку пивной бутылкой. Та пошатнулась, но тут же оправилась и двинула Лотус тыльной стороной ладони в рот. Тут закипела свалка, которая всегда караулит за кулисами сорковской таверны, выжидая момента, чтобы выйти на сцену. Кэрд лежал, пока не явились ганки, хотя ему очень хотелось принять участие в драке. Он ни разу никого не ударил, но его арестовали заодно со всеми. Сопротивления он не оказал, поэтому его посадили в фургон с более мирными бузотерами. Квигли и еще пару других парализовали и каменировали, а потом уже повезли в уча-

сток. Кэрд и Лотус отделались выговором, который прочел им судья, небольшим штрафом и обещанием посещать психика в течение трех дней. Квигли плюнула в лицо судье и попыталась снова кинуться на Кэрда. Ее снова парализовали и увезли на тележке в тюрьму.

— Ну вот, опять придется отпрашиваться с работы, чтобы ходить к психику, — сказала Лотус по дороге домой. — Надеюсь, что больше ничего такого с нами не случится.

— Боюсь, что популярности в массах мне не видать, — сказал Кэрд. — Таких, как Квигли, слишком много. Они всегда обвиняют того, кто под рукой, а я под рукой.

Он оказался прав. Некогда герой всей округи, теперь он стал козлом отпущения. Повсюду его встречали враждебные взгляды и произносимые вполголоса оскорбления. Вскоре он перестал ходить в «Семь Мудрецов» и попробовал другой кабак, хотя Лотус жаловалась, что скучает по старому месту и своим друзьям. Там он встретился с таким же отношением со стороны тех, кого призвали на хобокенскую стройку. И Кэрд стал выпивать дома, что сделало Лотус еще несчастнее. В конце концов, рыдая и крича, что он никогда ее не любил, она выставила его из дома (он жил в ее квартире). Ее жизнь превратилась в ад, как только она начала жить с ним, заявила она. И то и другое было искажением истины, но Кэрд не спорил. У него была своя холостяцкая квартирка в Вест-Сайде.

Но он продолжал видеться с Лотус. Этого нельзя было избежать, поскольку они посещали одни и те же курсы, и после занятий ему приходилось терпеть ее упреки. Если бы он любил ее по-настоящему, говорила она, он бы не послушался ее и не ушел. Он бы стал спорить и уговорил бы ее, убедил, что в самом деле любит ее. С тех пор как он ушел, она несчастна, абсолютно разбита. Однако не хочет, чтобы он возвращался.

— Тогда нам лучше не разговаривать, — сказал он и пошел прочь.

— Правильно! — крикнула она. — Брось меня совсем, сукин ты сын! Никогда ты меня не любил! Я всегда это знала!

— Почему они во всем винят меня? — спросил Кэрд психика, Эдриена Кооса Гафиза, на последнем сеансе. — Ведь не я начал Переход.

— А кто же? Если бы не вы, этого решения никогда бы не приняли.

— Но ведь всем ясно, что правительство давно уже это планировало.

— Это произошло бы не так скоро — возможно, даже очень нескоро, если бы вы не ускорили процесс.

— Я вам очень не нравлюсь, да? Сердитесь лучше на правительство, не на меня. Это сделал не я. Я не настоящий Кэрд. Я не хотел даже называться этим именем. Для себя я Бейкер Но Уили.

— Не можете же вы ожидать, что рядовой гражданин поймет эту разницу.

— Ну а вы? Вам Переход тоже причинил какие-то неудобства?

— Неудобства, черт подери! Меня направляют в Хобокенский лагерь в качестве консультанта! Вы хоть понимаете, что это значит для меня и моей семьи? Представляете себе, от чего нам придется отказаться? Да где вам, сорку несчастному!

— Я мог бы пожаловаться на вас за непрофессиональное поведение, антагонизм и оскорбительные выражения, — сказал Кэрд. — Но я не стану. Примите мои соболезнования.

Переход подвигался со скрипом. Прошло еще четыре субмесяца, прежде чем Кэрду приказали явиться для обучения в лагерную столовую Бруклинского парка. То, что он не получил среднего образования, перестало быть помехой. Ежедневно в течение четырех субнедель Кэрд ездил на департаментском автобусе через Вашингтонский мост на север, к месту своей учебы. Согласно табличке на воротах, там помещался когда-то Госпиталь Ветеранов США. Одну субнеделю Кэрд под неусыпным присмотром подавал еду на длинный деревянный стол в огромном сборном бараке. Его клиентами были роботы, запрограммированные вести себя по-человечески. Программист либо был большой шутник, либо имел очень циничный взгляд на человеческую натуру. Человекообразные машины были всегда голодны, чересчур требовательны и неуклюжи. Они «нечаянно» били стаканы и кувшины с водой и апельсиновым соком, пачкали свои рубашки, сорили пищей на стол и на пол, часто рыгали и пускали газы. При этом они громко сетовали на медленное и неаккуратное обслуживание.

Кэрд так и не узнал, почему лагерь устроили здесь, а не в районе Хобокена. Осталось неизвестным также, зачем ему нужно было двадцать восемь дней по восемь часов в день учиться тому, что он мог бы освоить за пять часов, если не меньше.

Он не мог дождаться, когда начнет обслуживать настоящих людей. Но вскоре убедился, что живые едоки мало чем отличаются от роботов. Они, благодарение Богу, не так стра

дали от газов, но были не менее требовательны, жаловались еще чаще и громче и недалеко ушли от своих механических подобий по части неуклюжести и неумения вести себя за столом. Сначала Кэрд думал: это потому, что в столовой едят в основном сорки, но потом выяснил, что здесь больше представителей «высших классов», чем сорков.

Дело пошло еще хуже, когда рабочие узнали, что он Джефферсон Кэрд, человек, которого они винили во всем. Они стали придираться ко всему, что он делал, и не упускали случая его обругать. К концу третьей субнедели он подвергся нападению. Рабочий, который жаловался на качество пищи (необоснованно, по мнению Кэрда), вдруг встал, влепил тарелку с мясом и овощами Кэрду в лицо, а потом двинул его в живот.

Кэрда не утешило то, что обидчика тут же арестовали, а потом осудили. Ему пришлось два дня провести в больнице, где все, за исключением одного санитара, Роберта Джи Снавки, относились к нему крайне неприязненно. Снавки сказал, что, по слухам, есть вакансии в недавно созданном раскаменирующем корпусе, и посоветовал Кэрду попроситься туда. Кэрд не был уверен, не встретит ли его и там всеобщая неприязнь, но работать там было интереснее, чем официантом.

Кэрд иногда звонил дочери. Позвонил и сейчас, рассказав Ариэль о своих невзгодах и о желании перейти в корпус раскаменации.

— В свое время я счел бы низким пытаться получить работу по протекции, — сказал он. — Но теперь мои взгляды стали реалистичнее. Твой муж занимает довольно высокую должность в Департаменте Физических Работ. Как ты думаешь, захочет он мне помочь?

— Попробовал бы он не захотеть.

Прошла субнеделя, и Ариэль сообщила отцу:

— Прекрасные новости! Моррис пустил в ход свое влияние, и ему обещали тебя взять. Это решает генеральный комитет — они все получили интертемпоральные визы в целях быстрой координации, и одна женщина, которую Моррис не хочет называть, проследит за тем, чтобы твоя кандидатура прошла.

Кэрда приняли в корпус, но ни связи Морриса, ни хваленая быстрота компьютеров не в силах были ускорить ход ползущей, как ледник, бюрократической машины. Через два субмесяца Кэрда уведомили, что его просьба удовлетворена. Ему следует явиться в лагерь Нью-Джерси через три субнедели после уведомления. Оттуда было слишком далеко

ездить в город, и Кэрд поселился в лагере, который, как оказалось, находился совсем рядом с хранилищем, из которого он в бытность свою Дунканом освободил окаменелую Сник. Кэрд не знал этого, пока Ариэль не рассказала ему во время их междугородного разговора во вторник. Пройдя обучение, Кэрд начал работу под присмотром инструктора. Он должен был взять под опеку одного из раскамененных и провести его через период адаптации.

Оживлению подлежали только физически здоровые и молодые люди, способные работать. Все они были уголовники различного толка. Некоторые пролежали в хранилище тысячу облет, дожидаясь изобретения методов и препаратов, которые могли бы обеспечить их реабилитацию. Но теперь их вместо лечения отправляли работать на Органическое Сообщество Земли. Более того, работать им предстояло все дни подряд. Правительство отказалось от шестидневной горгонизации раскамененных рабочих и их инструкторов.

Кое-кому из раскамененных было нелегко втолковать, что произошло. Когда они наконец начинали понимать, что к чему, им предлагали выбрать: или участие в Переходе, или назад в хранилище. Если они выберут работу, то через пятнадцать сублет получат помилование — и тогда, если опять чего-нибудь не натворят, станут полноправными гражданами.

В хранилищах содержалось пять миллиардов тел. Почти миллиард из них был здоров умственно и физически и достаточно молод, чтобы сгодиться в качестве рабочей силы. Это означало, что, даже если процесс раскаменации будет идти медленно, население Земли за ближайшие пятнадцать лет возрастет почти на миллиард. Зная, что при таком количестве оживших планете не хватит ресурсов и она выйдет из-под контроля, правительство намеревалось раскаменить только сто миллионов человек. Их предполагалось брать из числа осужденных за мелкие преступления, хотя будут и такие, которые натворили бед в состоянии аффекта.

— Сто миллионов ненормальных! — говорил начальник Кэрда. — Их придется держать за высоким забором с вооруженной охраной. Иначе они просто уйдут в леса, и некому будет их там ловить. На одну только охрану и содержание уйдет черт знает сколько средств!

Это уже достаточно плохо, думал Кэрд. Еще хуже то, что весь персонал, занятый с раскамененными — охрана, инструкторы и обслуга, — тоже окажется на положении заключенных.

— Лагеря огородят колючей проволокой, — говорил босс. — Ты знаешь, что на Земле уже тысячу лет не было лагерей за колючей проволокой?

Кэрд понимал, что многие раскамененные не подойдут на роль рабочих и отправятся обратно в цилиндры. Остальным позволят попытать удачи.

Один из его подопечных, Майкл Саймон Шемп, был очень циничный молодой человек.

— Ну да, — говорил он, — нам обещают свободу, когда мы построим им новые города. Как же. Мы выполним работу — и нас пошлют опять в каменаторы. Придумают какой-нибудь повод и пошлют.

— Если ты так думаешь, почему не попросишь, чтобы тебя опять каменировали?

— Ну уж нет. Все лучше, чем это.

Что бы ни ждало впереди Шемпа и Кэрда, совершать скачки во времени они перестали. Они будут встречать каждый восход и каждый закат, будут следить, как цветок прорастает из семени, тянется ввысь и расцветает — не будет больше провалов между посадкой и сбором.

ГЛАВА 34

В обязанности Кэрда входило давать оценку поведения своих подопечных. Если кто-то представлялся ему слишком опасным и неуправляемым, Кэрд был обязан доложить о нем офицеру, командующему их секцией. Кэрду ненавистна была мысль, что из-за него кто-то может отправиться обратно в каменатор.

Шемпа раскаменили потому, что раньше он работал на стройке. Хотя приказы он выполнял быстро и весело, не проявляя склонностей к буйству, из его досье следовало, что характер у него воинственный. Шемпа осудили за убийство ганка, который хотел его арестовать. Реабилитировать его не смогли и отправили в каменатор. Шемпу тогда было двадцать шесть сублет. Его единственный ребенок, дочка, родилась, когда ему было двадцать пять. Она была жива и теперь, но была гражданкой среды и проживала в Нью-Хейвене, район Коннектикут. Ей было восемьдесят восемь сублет. Сын ее умер, а внук и правнук тоже жили в Нью-Хейвене.

— Я хочу их увидеть, — сказал Шемп.

— Даже и не мечтай, — возразил Кэрд. — Только когда тебя объявят реабилитированным, а лечить тебя не станут, пока ты не отработаешь свой срок — долго еще.

— Значит, я их никогда не увижу так ?

— Этого я тебе сказать не могу. Будь реалистом. Ты ведь им чужой. Ты не связан с ними долгими близкими отношениями. Притом ты преступник — им будет неловко с тобой.

— Все равно я их увижу, так или иначе

— Бежать попытаешься, что ли?

Шемп не ответил, но его намерение и без того было понятно. Однако Кэрд не стал докладывать начальству об этом разговоре. Он им не стукач, хотя его обязывают быть таковым. Он постарался отговорить Шемпа от этой мысли и, похоже, убедил его. По крайней мере, Шемп вроде бы с ним согласился. И однажды утром не явился на перекличку. Через два часа его поймали в лесу — он шел на север. Столь быстрая поимка подсказала Кэрду, что Шемпу вживили передатчик — Кэрд подозревал, что то же самое проделали и с остальными раскамененными. Это было незаконно — но кто знает, может, и он сам носил в себе передатчик.

Через полчаса после возвращения в лагерь вопящего Шемпа затолкали в цилиндр, каменировали и отвезли обратно в хранилище. Босс вызвал Кэрда на ковер.

— Это черное пятно в твоем послужном списке, — заявил Дональд Турек Норманди. — Тебе следовало предупредить нас о его рецидивистских тенденциях.

— Откуда мне было знать? Он ни разу не говорил мне, что хочет бежать. А вот я говорил ему, что побег отсюда невозможен.

— Это нам известно. Шемп был допрошен под ТП и на вопрос, говорил ли он тебе о своем намерении бежать, ответил «нет». Если бы он ответил «да», тебя сняли бы с работы и, возможно, судили бы за соучастие.

Кэрд припомнил свой разговор с Шемпом. Хорошо, что тот сказал только о своем намерении увидеть своих потомков, «так или иначе». Люди под ТП отвечают самым буквальным образом.

— Ты получишь распечатку с официальным взысканием, — сказал Норманди. — Но вообще-то у тебя хорошие показатели. Ты ладишь с осужденными и как будто симпатичен им, хотя это само по себе может навести на подозрение. Знаешь, какие они, эти ганки. Ну, теперь это уже неважно. Ты едешь в Хобокен. Здесь работа почти закончена. Будешь делать там то же, что делал здесь, только смотри опять не напортачь.

Через два субмесяца Кэрд сел в поезд около хранилища, и вагон понесся в нескольких дюймах над землей под действием электромагнитных импульсов, которые шли от огромных колец по бокам дороги. На станцию Хобокен Кэрд при-

был через двадцать минут. Дорога шла через лес, но в одном месте мелькнула огромная просека, где машины и люди строили новый город.

Кэрду показали его помещение, клетушку в чудовищных размеров бараке, после чего он прошел краткий инструктаж. «Краткий» процесс продолжался три часа. После ленча Кэрда в группе других повели осматривать Хобокен и комплекс хранилищ в нескольких милях к западу.

Дневное население городка равнялось тридцати пяти тысячам, и почти весь он состоял из четырехэтажных зданий площадью в полмили и разгрузочных эстакад. Хобокен, хотя и находился в лесах Нью-Джерси, относился к юрисдикции штата Манхэттен. Город планировалось расширить горизонтально и расселить в нем триста тысяч жителей. Это будет четверговое население Манхэттена — день был выбран путем жеребьевки. Но до их поселения было еще далеко.

В гигантском хранилище Кэрд заметил и другие группы, которых водили между длинными рядами каменированных тел. Группа Кэрда шла вслед за гидом по центральному проходу мимо серых статуй, застывших бок о бок, как нагие солдаты на смотру. На площадке в центре хранилища их экскурсия встретилась с другой. Гиды заговорили друг с другом, а Кэрд, немного скучая, тем временем рассматривал встречную группу. Из толпы вдруг выделилось женское лицо. Кэрд содрогнулся, точно его пронзили дротиком. Она была маленькая, темная и тонколицая, с гладкими темными волосами, подстриженными под голландского мальчика. Кэрд двинулся к ней, как деревянный.

— Простите, ведь вы — Пантея Пао Сник?

— Джефф Кэрд! — ахнула она.

— Вообще-то Бейкер Но Уили. Но официально Кэрд.

— Да, я знаю. Вы просто захватили меня врасплох.

— Я не помню вас в прошлом. Видел вас на пленке. Может быть, мне не следовало подходить. Понятия не имею, как вы ко мне относитесь. Но...

К его удивлению, она нагнула его голову к себе и поцеловала в губы.

— А я думала, что никогда больше тебя не увижу.

— Вы тоже инструктор по адаптации?

— Да.

Несколько секунд они молчали. О чем им было говорить? Об их совместных приключениях Кэрд знал только из вторых рук. Но его все же тянуло к ней. Будь он способен на внезапный школьнический порыв, он подумал бы, что влюбился.

Чепуха, конечно. Но его тянуло к ней, как тянет лосося вверх по течению на место нереста.

Сейчас он мыслил и вел себя, как подросток.

Почему бы и нет? Ведь ему в определенном смысле всего три субгода.

А что испытывает она? Какими были на самом деле их отношения? Были ли они любовниками?

Он спросил, где ее поселили. Она сказала, что в третьем секторе.

— Какое совпадение! — заулыбался он. — И меня в третьем! А треугольник какой?

— Шестой.

— А у меня восьмой, всего на два дальше. — Кэрд помолчал и сказал: — Может, встретимся позже?

Она склонила голову набок.

— Хочешь поговорить про нас с тобой? Узнать, что же, собственно, случилось?

— И об этом тоже.

— Ты стал какой-то... другой. Лицо, голос, жесты — те же. Но тон, выражение... стали мягче. И есть что-то еще... но что?

Он ответил не сразу. Словно подняли плотную штору в темной комнате, впустив яркий полдень снаружи — и Кэрда ослепило. Время словно сгустилось, и хрононы осели вокруг. Хрононы? Да, частицы времени, вроде фотонов и гравитонов. Странные мысли лезут в голову. Теперь все пойдет быстрее, чем раньше. То, что было бесформенной, якобы бесформенной, массой, выковалось в острый наконечник копья. Кэрд слышал топот ног — они бежали, хотя мгновение назад еще шли.

Кэрд взял себя в руки и преодолел тяжесть, которая одновременно была и легкостью. Вода тяжела, но лишает веса, она рушит дома и уносит их, как пузырьки. Кэрд был тяжелым и легким одновременно.

— Я уже не тот человек, — сказал он.

— Это ко всем нам относится.

— Никто не меняется так, как я.

— Ты был влюблен в меня — так мне казалось. Ты мне этого не говорил. Чувствовал, наверное, что я-то тебя не люблю. А я уже почти полюбила, полюбила бы, если бы...

— Если бы?

— Если бы не ты. Я восхищалась твоим мужеством, твоей решимостью, твоей изворотливостью. Ты уходил от них каждый раз, как горячее масло сквозь пальцы. Еще ты был открытым, приветливым... порой даже чувствительным... ты

вызывал симпатию. Но я слишком часто чувствовала, что ты не весь здесь... со мной. Очень многие этого бы просто не заметили. А вот я замечаю сразу. И каждый раз, когда мне казалось, что это уже прошло, оно возвращалось. Отдаление, стена. Сначала мне казалось, что твоему чувству просто недостает глубины. Потом я поняла, что дело не в этом. Ты был где-то в другом месте. Может, ты и сам этого не знал, но я-то знала. Это и решило все. Мне не нужен мужчина, который всегда ходит вокруг меня кругами и порой приближается, но никогда не подходит вплотную.

— Мне кажется, что теперь я мог бы подойти вплотную, даже взять тебя на абордаж. Впрочем, не знаю. Может быть, ты дашь мне шанс?

— Дам. Хотя, наверное, уже поздно. А если не поздно — что ж... два корабля, сцепившись крючьями, порой идут вместе на дно. И вообще абордаж всегда предполагает боевые действия.

— Это только метафора.

— Из них-то вся жизнь и состоит. Мы все метафоры.

— Что это значит?

— Сама не знаю, — засмеялась она.

— Мы проходим по жизни, превращая все в сравнения и метафоры. К реальности как таковой мы никогда не прикасаемся.

— Тебе-то откуда знать? Не так уж ты долго живешь.

— Да, верно. Может быть.

Из какой-то открытой двери до него донеслась музыка. Там крутили то, что в древности называлось рок-н-ролл. Эта запись, найденная при раскопках и датированная 1220 годом Новой Эры, была лишь конечным результатом многих перезаписей. Историки считали, что оригинал относится к 1988 году старой эры. Песня называлась «Долой балласт», а пела ее группа «Нэйкед Рэйган» (голый лучевой пистолет). Этот вид музыки был до сих пор неизвестен, и двадцать ее образчиков, найденных на древней кассете, разошлись повсюду. Соркам и подросткам нравился ее тяжелый ритм и бунтарская лирика, хотя и утратившая во многом свою актуальность. Респектабельным гражданам от этой музыки становилось не по себе, а некоторые отвергали ее напрочь.

Кэрду нравился старинный рок в исполнении «Нэйкед Рэйган». Он пульсировал, как сжатое до отказа сердце космоса перед вселенским взрывом, уничтожая себя, чтобы пересоздать заново.

Теперь, слушая «Балласт», он чувствовал, что хрононы оседают на нем еще гуще. Сквозь них пробилась мысль, что

все его «я» были обломками кораблекрушения, выкинутыми наверх штормами, бушевавшими у него внутри — или он полагал, что они там бушуют.

Он еще не завершил цикл, он сам был циклом, готовым вот-вот замкнуться.

Возможно, это желание возникло из глубин из-за внезапной встречи со Сник. Его чувство не подкреплялось никакой объективной информацией.

Тем временем обе экскурсии слились в одну, и гиды стали говорить по очереди.

Группа вошла в самую дальнюю часть хранилища.

— Как вам уже известно по опыту, — сказала инструктор, — мы начинаем с наиболее поздних поступлений и движемся назад к самым ранним. В этом здании содержатся пятьдесят тысяч каменированных, из которых пять тысяч были отобраны в качестве потенциальных кандидатов для строительных работ.

Она бубнила свое, рассказывая им то, что они и так уже знали, но по правилам были обязаны выслушать. Кэрд, шедший в задних рядах, нервно переступал с ноги на ногу и смотрел по сторонам, почти не слушая. По одну сторону от него тянулся ряд каменных пьедесталов, на каждом из которых стояла резная колыбель. В них лежали младенцы, от новорожденных до шестимесячных. Они заинтересовали Кэрда — ведь детская смертность была очень низкой. И все-таки этим невинным созданиям выпал тяжкий жребий умереть так скоро после выхода из материнского чрева. В этом ряду, который тянулся через все хранилище, были одни младенцы. Детей постарше, которых Кэрд уже видел, ставили вертикально.

Ближайший к Кэрду ребенок, в розовом чепчике, с закрытыми глазами, с телесным гримом на сером личике, как будто спал.

Кэрд подошел к следующему. Этот был в голубом колпачке и тоже выглядел так, точно вот-вот проснется и потребует, чтобы ему дали молока или сменили пеленку.

Кэрда заинтересовало, отчего малыш умер, и он нагнулся, чтобы прочесть табличку на пьедестале.

Он прочел имя.

Хранилище наполнилось светом. Кэрд ослеп от этого жгучего зарева. Он закричал, и тогда с ревом нахлынула тьма, и он почувствовал, что падает. Падает, как перышко, летящее по ветру. Он был почти невесом.

Мертвого окаменелого младенца звали БЕЙКЕР НО УИЛИ.

ГЛАВА 35

Он смутно сознавал, что где-то высоко над ним маячит потолок; над ним склонялись чьи-то лица, и голоса пробивались к нему, как сквозь плотный фильтр. Слов он не слышал, но различал вопросительные, сочувственные интонации. Голоса слабели. Цикл замкнулся, положительный полюс сошелся с отрицательным. Шок пронизал Кэрда и выбросил его из реальности времени и места. Его уносило на большой скорости от образов и звуков настоящего. Они ушли совсем, а с ними — всякое представление о них и о времени.

Теперь он испытывал ужас и кричал, хотя не слышал ни звука. Теперь он падал. Нет. Он опускался так быстро, что как будто бы падал. Но он чувствовал... мускулы? скользкую плоть? — гигантского горла вокруг. Что-то поглощало его.

Потом его начали жевать — почему-то после того, как уже переварили. Он двигался не только вниз, но и назад. Потом жевание прекратилось. Он весь распался на куски, и эти куски взрывались. Уничтожаясь, они вспыхивали еще чернее, чем чернота, сквозь которую он летел.

Тишина и тьма стали частью его. Он переварился, перестал быть самостоятельным существом, чем-то отдельным. Он стал частью тишины и тьмы, а они стали частью его. Но нечто огромное и чудовищное толкало его и то, что его окружало, к скале, которую он ощущал, но не видел. Потом звук и свет уничтожили тишину и тьму, и он стал самим собой, избавившись от оболочки, которая, как ему казалось, окружала его, как шар.

Он видел себя на экране, занимавшем всю стену от пола до потолка. Там, впереди и внизу, лежал в кровати Джефферсон Сервантес Кэрд, пяти лет, единственный ребенок доктора Хогана Рондо Кэрда, биохимика и медика, что бы ни означали эти слова, и доктора Элис Ган Сервантес, молекулярного биолога, что бы ни означало это.

Судя по экрану-часам, светящемуся в темноте спальни, он проснулся в 3.12 утра, во вторник. Уснул он вечером прошлого вторника, его перенесли спящим в каменатор и горгонизировали. Ночью его раскаменили и, спящего же, уложили в постель. В этот час отец и мать тоже должны спать. Но ему надо было встать. Хотелось пить и надо было помочиться.

Он вылез из постели, потрогав макушку большого мишки на подушке рядом — чтобы сказать, что скоро вернется, успокоить его. И себя заодно. Он вышел из спальни при слабом свете, идущем из коридора. В коридоре стало чуть светлее при его появлении. Помочившись, Джефф спустил воду из бесшумного бачка, налил в стакан воды и попил. Он шел

обратно в спальню и тут услышал, что Бейкер Но Уили тихо зовет его из-за приоткрытой двери в каменаторскую.

Джефф подошел к двери, но в комнату не вошел. Он боялся застывших фигур в цилиндрах, людей, которые были мертвыми и все-таки почему-то живыми. Он и днем-то редко заходил в это царство холода и оцепенения, а в темное время — никогда; только спящим, на руках у отца или матери. Иногда ему снились очень страшные сны, будто он просыпается в своей похожей на гроб коробке и не может выйти, а полумертвые толпятся вокруг, и заглядывают сверху в окошко, и двигают губами, говоря что-то страшное, и показывают, как они съедят его, если он вылезет.

И он в ужасе, потому что не может выйти, а если выйдет, эти люди разорвут его своими каменными пальцами и разжуют каменными зубами.

Джефф рассказывал про свои сны и родителям, и психику. Про Бейкера Но Уили он рассказал только матери, взяв с нее слово, что она никому не скажет. Этого имени она вроде бы психику не назвала, но объяснила сыну, что доктору обязательно надо сказать о его, Джеффа, воображаемых друзьях. Или о миражах сознания, как она иногда их называла.

Джефф подозревал, что мать все-таки нарушила слово и отцу про Уили рассказала. Отец то и дело намекал, что знает это имя. Но ни разу не сознался в этом открыто, а мать отрицала, что сказала отцу.

Мать сама же и предложила это имя, когда Джефф признался ей, что у него появился дружок — он вышел из каменаторской, и надо придумать, как его назвать. Тогда мать еще не очень беспокоили его «миражи», или фантазии. Джефф так и не спросил ее, откуда она взяла это имя и что оно значило для нее, если значило.

Теперь Джефф почти ничего не рассказывал матери. Он чувствовал, что она его предала.

— Твой Бейкер не настоящий, — говорила она. — Ты выдумал его потому, что сам слишком застенчив и всего боишься. Он твой брат-близнец, как ты себе воображаешь, но почему-то больше, сильнее и гораздо храбрее тебя. В твоих фантазиях ты замещаешь им себя.

Джефф не понимал многих слов, которые она говорила, но потом посмотрел их в видеословаре и все выучил. Мать говорила правду. Он был очень тихий и робкий мальчик, и его обижали мальчишки из его класса, мальчики постарше, а иногда и девчонки. Когда его обзывали, дразнили, угрожали побить или били на самом деле, он убегал. Он не любил школу — просто ненавидел ее — и старался как можно боль-

ше времени проводить в своей комнате. Там он смотрел разные фильмы — учебные или развлекательные — или играл со своими «воображаемыми» друзьями.

Бейкер, как и все они, был совсем прозрачным, когда только что появился — таким прозрачным, что сквозь него проходил свет. Но потом он стал плотнее и перестал просвечивать. Он стал таким же настоящим, как дети в школе, но был гораздо лучше их. Остальные «миражи» Джеффа постепенно поблекли, и остался один Бейкер.

Бейкер не был фантазией. Джефф был уверен в этом, как в собственном дыхании. Бейкера можно было потрогать — он жил, он дышал.

В чем-то Бейкер был даже реальнее, чем одноклассники Джеффа. С ним было очень весело играть — особенно весело, когда Джефф представлял себе, что его обидчики здесь, у него в комнате, и Бейкер их лупит.

Бейкер измолотил бы их в кровь, если бы Джефф его не останавливал. Бейкер здорово дрался и не боялся никого и ничего.

Теперь Бейкер вышел из каменаторской в коридор. Он был намного выше Джеффа и куда крепче.

Бейкер был почему-то одет по-уличному, а не в пижаму, как Джефф. Он сказал:

— Давай играть, Джефф. Мы можем с тобой делать, что захотим. Можем даже на улицу выйти. Весь дом наш.

Джефф испугался.

— Ты хочешь сказать, что мама с папой ушли?

— Да нет, дурачок. Наши родители просто спят. А мы будем играть, как будто квартира наша и мы можем делать все, что захотим. — Бейкер приложил палец к губам. — Только тихо, чтобы не разбудить папу с мамой.

— Не знаю, — протянул Джефф, хотя сердце у него возбужденно забилось.

— Мы тут и правда можем нашуметь. Давай лучше уйдем потихоньку и поищем приключений. Сейчас на улице мало больших.

— А мониторы?

— А кто их смотрит-то ночью? Ганки и не поглядят на экран, если им кто-нибудь не позвонит или не включится тревога.

— Ну, может быть. Но если мы откроем входную дверь, у папы с мамой включится сигнализация.

— Нет, не включится. Папа и мама не знают, что нам известно кодовое слово, которое ее включает.

— Да, но...

— Зайчишка-трусишка! Девчонка! Бояка!

— Не обзывайся. Ты мой друг, мой брат-близнец. Не смей обзываться. Я этого не люблю.

— А я буду, — ухмыльнулся Бейкер. — Надо же тебя вытащить. Я люблю тебя, но ты не всегда мне нравишься. Тебе надо быть больше похожим на меня. А как же ты таким станешь, если не будешь тренироваться?

— Ну ладно. Только мне сначала надо одеться.

Медленно и неохотно Джефф натянул на себя одежки. Он трясся от страха, но в то же время чувствовал радостное волнение. Неужели он правда это сделает? Будет настоящее приключение. Плохо только, что если его поймают, то накажут, а Бейкера и пальцем не тронут.

Джефф отдал экрану команду притушить свет в коридоре, и они пошли к выходу. Вдруг кто-то из родителей проснется, увидит яркий свет и встанет проверить, в чем дело.

На середине коридора Джефф услышал голоса, ведущие какой-то неразборчивый разговор.

— Не спят! — шепнул Джефф Бейкеру. — Теперь мы не сможем уйти.

— Вот еще! Пошли все равно.

Они тихо двинулись дальше. Джеффу казалось, что его сердце скоро прорвет грудную клетку. Перед приоткрытой дверью родительской спальни Бейкер сказал:

— Давай послушаем. Может, что-нибудь узнаем. Взрослые ведь нам ничего не говорят. Думают, они самые умные и таинственные.

Джефф подошел вслед за Бейкером к двери. В спальне было темно. Папа с мамой разговаривали так тихо, что Джефф почти не разбирал слов. Потом он уловил свое имя. Они говорили о нем.

Он напряг слух, но они говорили уж очень тихо, хотя и неспокойно. Почему они в такой час не спят и говорят о нем? У Джеффа почему-то создалось впечатление, что разговор идет о чем-то, что уже давно их беспокоит и будет беспокоить еще долго. В голосах была грусть и гнев — гнев друг на друга.

Бейкер прошептал Джеффу на ухо, хотя шептать было не обязательно — его слышал один только Джефф:

— Пошли обратно в нашу комнату. Включим аудиомонитор в их спальне и послушаем.

— Это нехорошо. И если нас на этом поймают, то накажут меня, а не тебя.

— Не поймают. Чего ты все время трясешься, как студень?

— А вдруг они велели своей стенке выключить звук? Мы все равно ничего не услышим.

— Как можно знать, пока не попробуешь? Делай то, что я тебе говорю — тогда, может, не будешь такой размазней.

Джефф разозлился.

— Я не такой, как ты говоришь! Не такой! — Он колебался. Ему очень хотелось узнать, что говорят о нем родители. — Ладно, я это сделаю. Но если нас поймают, никогда больше не буду играть с тобой!

— Ну да. А с кем же ты будешь играть? Так и будешь сидеть один. Ничего из тебя не выйдет, так и останешься боякой, если выгонишь меня. Лучше я возьму и выгоню тебя. Уж очень ты противный.

Идя обратно по коридору, Джефф вспоминал, не сделал ли он чего-то очень плохого, сам не зная об этом. По его разумению, он был хорошим. Он ничем не огорчал родителей — вот только был несмелый, не хотел драться с мальчишками, боясь, что его побьют, и не мог связать двух слов, когда его вызывали отвечать. Но с этим он ничего не мог поделать — нельзя же сердиться на него за это.

Только кто их знает, родителей. Их любой пустяк может расстроить. В их правилах часто нет никакого смысла. А их объяснения — когда они берут на себя труд что-то объяснять — для них, может, и хороши, а для Джеффа сплошная дурь. Иногда Джеффу казалось, что во взрослых не больше человеческого, чем в тех космических пришельцах, которых показывают по телевизору.

Впрочем, ему казалось, что и ребята в школе — тоже не люди, не земляне.

Джефф с Бейкером вернулись к себе и сели рядом на диване. Джефф сказал:

— А вдруг они включат мой монитор, чтобы посмотреть, как я тут?

— Зачем им это?

С сердцем, забившимся еще сильнее, Джефф активировал голосом аудиомонитор в спальне родителей и прибавил громкость. Видео он включать не хотел. Если его застанут за этим, то накажут вдвойне. И потом, у них в комнате темно и он их все равно не увидит. А может, они включили свет и занимаются этим самым?

Он поделился своей мыслью с Бейкером. Тот фыркнул:

— Что-то непохоже, чтобы они были настроены на любовь.

— Нет, нельзя ему об этом говорить, — сказала мать. — Мы не должны. Такой шок повлияет на всю его жизнь.

Крепким нашего мальчика не назовешь, он чувствителен, даже слишком. И что будет, если мы ему скажем, а он скажет кому-то еще? Тогда мы попадем в большую беду, сам знаешь.

— Знаю, знаю. Не такой я дурак, каким ты меня считаешь. Мы ничего ему не расскажем, пока он не подрастет настолько, чтобы понимать, что болтать об этом нельзя.

— Да зачем вообще говорить? Ему вовсе не нужно об этом знать. Это не сделает его ни лучше, ни счастливее.

— Правда есть правда.

— Черт бы побрал тебя и твою правду! Тут речь не о науке. Мы говорим о нашем сыне, о его чувствах. При чем тут правда? Незачем ему знать, что мы лгали ему для его же блага и уж точно для своего. Люди постоянно лгут друг другу. Да, иногда нужно сказать правду, но людям нужна именно ложь. А Джеффу нужна именно эта ложь.

— Нет. Правда должна торжествовать. Но сказать ее следует осторожно, в нужное время и при нужных обстоятельствах.

«Что сказать, что? — спрашивал себя Джефф. Сердце у него разрывалось на части, он потел и весь дрожал. — Что?»

Из телефильмов он знал, что бездетные пары иногда усыновляют детей. А быть приемным ребенком почему-то — он не совсем понимал почему — опасно. Или стыдно. Чего-то тут следовало остерегаться, хотя актеры и говорили, что любовь решает все. *Не моя плоть и кровь!* Так сказал кто-то в фильме.

— Давай оставим это и поспим немного, Бога ради! — сказал отец. — У меня завтра трудный день, серия финальных испытаний «Экса». А у тебя встреча с членом комитета молекулярных исследований, и...

— У тебя всегда предлог найдется. Сделай милость, давай закончим этот разговор сейчас и придем к какому-то разумному решению! Терпеть не могу откладывать на потом и не вижу причин откладывать.

— К разумному, — саркастически повторил отец. — То есть к твоему. Почему нельзя подождать? Даже если мы решим сказать ему, сейчас это все равно невозможно. Пройдут годы, пока это станет возможным. Так почему бы не подождать того времени? Когда ему будет восемнадцать и ему можно будет сказать заодно и об иммерах?

— Ты же знаешь, какая я. Мне нужно знать сразу. Промедление сводит меня с ума. Ты прав в том, что сейчас ему ничего говорить нельзя. Но я годами не буду спать по ночам, если мы не решим этого сейчас.

— Невротичка.

— Я по крайней мере этого не скрываю.

— На что ты намекаешь?

Они продолжали ругаться, и Джефф не все понимал из их разговора. Потом они успокоились, хотя каждый остался при своем. Они говорили и о других вещах, но все время возвращались к предмету своего спора. Джефф начал складывать одно с другим и понимать, о чем они спорят, не давая ему спать. Или ему казалось, что он понимает. Его пятилетний разум просто не в силах был охватить некоторые их фразы.

Сначала смысл едва просачивался, потом забил струйкой, а потом плотина прорвалась, и в брешь хлынул ревущий поток.

Он — Джефф Второй, а был еще Джефф Первый.

Джефф Первый был их ребенок, и родился он в день, который Джефф Второй считал своим днем рождения.

Джефф Первый умер, когда ему было два месяца.

Никто из родителей так и не сказал, кто или что послужило причиной смерти ребенка. У Джеффа Второго, когда он вслушивался в слова и интонации, сложилось впечатление, что в этом была повинна мать. Произошел какой-то несчастный случай, ребенок получил мозговую травму и через несколько минут умер.

Матери было тогда сорок пять сублет. Родители долго тянули с ребенком, слишком увлеченные своей работой и светской жизнью. Так сказала мать, и голос у нее при этом был очень злой. Потом, поскольку она стала слишком стара для деторождения, а ее замороженные яйцеклетки погибли при пожаре, они решили, что это их последний шанс. И Джефф Первый, здоровый малыш, явился на свет путем кесарева сечения. Ему суждено было стать первым и последним ребенком доктора Кэрда и доктора Сервантес. Хотя парам с таким профессиональным уровнем и такими отличными генами, как у них, разрешалось иметь двух детей, мать не получила бы больше разрешения из-за возраста. Ей и на этот раз дали согласие только потому, что оба доктора использовали свои связи в высших кругах. Лицензию на второго ребенка ей никогда бы не выдали.

Джефферсон Кэрд, видевший себя и Бейкера Но Уили на экране своего сознания, понимал все. В пять лет он, конечно, не имел никакого понятия об этой процедуре. Не знал он тогда и об иммерах. Теперь-то он понимал, почему его мать не могла сказать властям, что, хотя официально ей сорок пять, ее физиологический возраст всего тридцать два года.

Она стала иммером в семнадцать лет, и тогда же ей ввели ФЗС.

Итак, ребенок, Джефф Первый, умер. Каменировав его тельце, родители сначала собрались вызвать «скорую» и органиков, хотя и знали, что помочь ему уже нельзя. Потом у доктора Кэрда возникла одна мысль. Ведь они с женой очень хотели иметь ребенка — так им, по крайней мере, тогда казалось.

Отец раскаменил ребенка и взял у него кусочек кожи, который потом каменировал. О смерти сообщать не стали. С помощью тайной иммерской организации Кэрд и Сервантес поместили окаменелое тельце Джеффа Первого в нью-джерсийское хранилище. Чтобы осуществить это, иммеры ввели ложную информацию в банки данных.

Джефф Первый, именуемый теперь Бейкер Но Уили, занял место в тихих недвижных рядах хранилища близ Хобокена.

Его клон был выращен в лаборатории доктора Кэрда, но только сам доктор знал, что это клон. Он подготовил фальшивую документацию о мнимом эксперименте, его результатах и о последующем уничтожении искусственного тела. Джеффа Второго тайно перевезли домой, и он занял место Джеффа Первого. Отец произвел операцию, сделав ему искусственный пупок. Малочисленные друзья, видевшие первого ребенка, не заметили легкой разницы в возрасте.

— Господи, и что меня толкнуло сказать ему, чтобы он назвал своего воображаемого дружка Бейкер Но Уили! — рыдала мать. — Ну зачем я это сделала? Он попросил меня придумать имя, и оно вылетело. Я в тот же миг поняла, что допустила ошибку. Теперь, когда он произносит это имя и даже когда не произносит, я думаю о нашем малыше, который лежит там...

— У нас есть Джефф.

— Знаю, знаю. Я люблю его. Но клон — не то же самое, что донор. У них разный опыт. Клон никогда не будет точно таким же, хотя и сделан по тому же генетическому чертежу. Это отдельный, другой человек.

— Мы оба это знаем. Незачем сызнова повторять.

— Повторять! — вскричала она. — Но это же жизнь, это реальность. Это причиняет боль.

— Твое состояние не внушает мне доверия.

— Ты хочешь сказать, мне надо полечиться? Прыснут на меня чуточку ТП, и все выйдет наружу. Сам знаешь.

— Возможно, мы совершили ошибку, — сказал доктор Кэрд.

— Нет! Нет! Я люблю Джеффа, и ты тоже. Но...

— Эй, Джефф! — сказал Бейкер Но Уили.

— Чего? — Джефф оцепенел, не в силах двинуться — мысли еле ползли, как лава с пологого склона, но очень, очень холодная лава.

Бейкер встал перед ним, мрачный, но такой сильный и смелый. Джеффу хотелось кричать и плакать, но он не мог. А Бейкер, похоже, совсем не страдал.

— Нам остается только одно, — сказал он.

— Что?

— Давай поиграем, как будто это я — настоящий, а ты — это я.

Свет на экране начал меркнуть. В миг перед тем, как тьма совсем вытеснила свет, Джефф увидел, как Джефф Первый и Бейкер Но Уили обнялись и слились воедино. Как будто Бейкер был Т-клеткой и поглотил Джеффа Первого, став и тем и другим.

С последним проблеском света Джефф подумал: значит, я лгал, когда мой детский психик применял ко мне ТП. Я так ничего и не рассказал ему об этом. Или это было так глубоко похоронено во мне, что даже ТП не смог откопать.

ГЛАВА 36

— Это пятилетний мальчик в теле взрослого мужчины, — сказала Сник.

Она видела Джефферсона Кэрда на экране. Он играл с большим игрушечным мишкой, разговаривал с ним, а порой обращался к кому-то невидимому. Дети в огромной игровой комнате привыкли к нему и иногда принимали его в свои игры. Но все-таки они не знали, как с ним обращаться, и вряд ли могли это преодолеть. Хотя им сказали, что он не умственно отсталый, они продолжали видеть в нем чужака. Детям велели не дразнить его, но некоторые не могли удержаться. И за Джеффом нужен был глаз да глаз. Пятилетний мальчик с силой и массой взрослого может быть опасен для малых детей.

— Придется отказаться от этого необычного эксперимента, — сказал психик.

— Но нельзя же его изолировать, — возразила Сник. — Иначе он не будет нормально развиваться. Что вы намерены с ним делать?

— Не знаю пока. Случай уникальный. Такого еще никогда не бывало.

— Но не собираетесь же вы его каменировать? И отправить в хранилище до разработки подходящих методов лечения? Если такие вообще будут разработаны.

— Нет. Уж слишком интересную задачу он собой представляет. Со временем мы сами разработаем такие методы. Я и мои коллеги не хотели бы лишиться возможности работать с ним.

— И только-то?

— Поймите меня правильно. Я, разумеется, смотрю на него как на человека, которому нужно помочь, не только как на объект эксперимента. Никакого холодного, отстраненного отношения. Он не букашка, а я не энтомолог.

Сник смотрела, как Кэрд, прижав своего мишку к груди и покачивая его, говорит с мальчиком, которого больше никто не видит. Она настроила усилитель, чтобы лучше слышать его густой баритон.

— Вот нам что теперь надо сделать, Джефф...

— Джефф? — сказала Сник. — А он кто же?

— Не знаю, — покачал головой психик. — Тут какая-то загадка. Здесь дело не во втором «я». Я просто не знаю... пока.

— Он снова ушел.

— Что? А, понимаю. От себя.

— Да, — сказала она, хотя имела в виду, что Кэрд опять оставил правительство с носом. И взглянула на экран-часы. — Мне пора на работу. Но время от времени я буду его навещать. Еще раз спасибо, что позволили мне прийти.

— Вы его любили?

— Он единственный мужчина, с которым я могла бы долго выдержать.

— Не отчаивайтесь. Он вырастет в нормального взрослого человека...

— Которым он никогда не был.

— Но он может им стать. А возможно, взрослое начало в нем опять возобладает.

— Чье начало?

Психик с улыбкой вскинул брови:

— Кто знает?

Перед тем как выйти, Сник в последний раз взглянула на Джеффа Кэрда с его мишкой. И ей вспомнилось, как он бредил, упав на пол в хранилище. В потоке бессвязных слов она разобрала только две фразы:

«Миру одного дня приходит конец. И мне тоже».

ГЛАВА 37

Прошло двадцать пять лет с начала Перехода, двадцать пять раз Земля обернулась вокруг Солнца. Деление времени на объективное и субъективное было отменено еще десять

лет назад. Календарь Новой Эры с тринадцатью месяцами в году пока сохранялся, но люди жили по нему горизонтально, а не вертикально, как раньше. И дни рождения отмечались раз в год, а не раз в семь лет.

Появилось много новых городов — строительство одних завершилось еще пятнадцать лет назад, других — всего пять.

Ариэль Кэрдсдотер ошиблась в своем прогнозе относительно всемирной кровавой революции, которая должна была сместить старое правительство и утвердить новую власть. Кое-где действительно вспыхнули восстания, но с ними расправились быстро и достаточно жестоко. В целом человечество, хотя и испытывало значительные лишения, покорилось своей участи. Большинство удовлетворилось тем, что принесла миру «революция». Во-первых, был положен конец режиму Новой Эры; во-вторых, каждому жителю Земли, Луны и марсианских колоний сделали инъекцию ФЗС — фактора, замедляющего старение. И, наконец, узаконили и сделали общественно доступным препарат анти-ТП. Люди вновь обрели свою извечную способность лгать.

Одним из требований революционеров было постоянное наблюдение за всеми уровнями правительства с помощью мониторов. Это помогло бы обнаружить коррупцию и пресечь дальнейшее ее развитие. Кое-какие мелкие реформы в этом плане действительно произошли, но практика пристального наблюдения за чиновниками с правом комитетов мониторинга снимать их с должности так и не была введена. Отдельные группы граждан время от времени еще требовали ее ввести, но из этого ничего не вышло.

Хотя члены Совета Мира и губернаторы провинций избирались путем всеобщего голосования, кандидатов на эти посты выдвигал Совет Мира.

Правительство по-прежнему вело постоянную слежку за населением, твердя, что это делается для общего блага, и ни массовые демонстрации, ни многочисленные петиции не изменили положения вещей.

Супругам разрешалось иметь не больше двух детей, хотя некоторое количество граждан упорно боролось за расширение предела до трех. Небольшая часть населения продолжала выступать за разрешение верующим строить себе церкви, синагоги, мечети и храмы и за отмену закона, запрещающего прием верующих на государственную службу.

Пантея Пао Сник, перебирая в уме достигнутое и проигранное, думала о Джеффе Кэрде. Будь Кэрд прежним, говорила она себе, он определенно продолжил бы борьбу, добиваясь полного торжества революции.

За двадцать пять лет, прошедших с начала Перехода, Пантея Сник сменила семь профессий и четыре города: Трентон, Нью-Джерси, Спрингфилд, Иллинойс — и теперь жила в Денвере, штат Скалистые Горы. В начале Перехода ей было тридцать сублет, теперь стало двести пятьдесят облет. Но физиологический возраст, проставленный в ее удостоверении, равнялся тридцати трем с половиной годам.

Последние семь лет она работала координатором-плановиком в Департаменте Реконструкции, что было связано с частыми командировками и работой в поле. Но теперь ей все больше времени приходилось проводить в конторе. Ей, человеку действия, с каждым днем становилось все труднее это терпеть. Поскольку свободного времени теперь стало больше, она постоянно просматривала списки вакансий — и в офисе, и дома. Наиболее привлекательным представлялся ей проект лесопосадок на Центрально-Сибирской возвышенности. Больше всего ей, конечно, хотелось бы работать в Органическом департаменте, и она всегда смотрела, кто туда требуется, хотя и знала, что доступ в органики ей наглухо закрыт.

Поэтому визит генерала Энтони Вик Хорн, члена верховного штаба Североамериканского Министерства внутренних дел, крайне удивил Сник. Начать с того, что Хорн не договаривалась о встрече с ней по телесвязи. Однажды рано утром она просто явилась в офис, пронеслась мимо секретарши, не отвечая на ее вопросы, и вошла в кабинет Сник. Сник не стала протестовать по поводу подобного нарушения протокола — ведь ее посетительница была органиком высокого ранга. Это явствовало из эполет, нашивок и значков на ее зеленом платье. В первый момент Сник даже подумала, что эта женщина пришла ее арестовать. Но в таком случае генералу достаточно было бы прислать за Сник офицеров или просто позвонить ей и приказать явиться в участок.

Энтони Вик Хорн была очень высокой, пышной женщиной. Ее талия отличалась удивительной тонкостью, хотя, возможно, такое впечатление создавалось из-за внушительных объемов груди и бедер. Сник подумалось, что Хорн нельзя описать иначе, чем избитым выражением «роскошная женщина». При этом весь ее облик излучал силу, а голос был для женщины необычайно низким.

Подойдя к самому столу, за которым сидела миниатюрная Сник, Хорн сложила руки у груди и слегка поклонилась.

— Детектив-генерал Энтони Вик Хорн! — пророкотала она. — Сидите, сидите!

Сник послушно осталась сидеть на стуле, спросив:

— Полагаю, мне представляться нет необходимости?

— Разумеется! — Хорн осталась стоять, хотя Сник предложила ей стул. — Я пришла к вам лично, поскольку мое руководство считает, что телесвязью лучше не пользоваться. Решено было, что это задание должен выполнить офицер высокого ранга, поэтому выбрали меня. Надеюсь, вы простите мне то, что я распорядилась отключить здесь все стенные экраны и очистить ваш кабинет от «жучков».

Сник покосилась на мертвенно-серые стены и пожала плечами, ничего не сказав в ответ. Она ждала, когда Хорн скажет ей о цели своего визита. Та улыбнулась, показав крупные белые зубы.

— В вашем досье указано, что вы неразговорчивы.

Сник опять-таки не сочла нужным ответить.

— Из записей, сделанных во время вашего пребывания в реабоцентре, видно также, что вы были крайне разочарованы и подавлены тем, что больше не сможете работать органиком.

— Тогда вы должны также знать, что подавлена я была в основном тем, как несправедливо со мной поступили. Это было подло. Я говорила это тогда, говорю и теперь. Правительство обошлось со мной подло. Я была образцовым офицером, и меня предали как раз те, кому я верно служила. Что бы вы стали делать, если бы с вами так поступили?

— Возненавидела бы всех ганков до единого. Даже не сомневаюсь. Мне ведь никто не приказывал передать вам предложение нашего департамента. Я сама вызвалась, услышав, что это намечено сделать. Я вам очень сочувствую. С вами действительно обошлись хуже некуда. Очевидно, теперь в департаменте это осознали и хотят исправить содеянное.

— Исправить? После такого срока?

— Хорошо, что вообще собрались, — пожала пышными плечами Хорн. — Я уполномочена предложить вам восстановиться на службе с повышением — вам присвоят звание полковника. Все данные о вашей революционной деятельности и о вашей незаконной горгонизации будут стерты из вашего досье. Из органического банка данных мы их стереть не можем, но к ним будут иметь доступ лишь лица самого высокого ранга и лишь в случае крайней необходимости.

— Минуточку, — вскинула руку Сник. — А почему мне все это предлагают?

— Буду откровенна. Я не все знаю об этом деле, не знаю и всех «почему». Будто бы потому, что ваш послужной список рекомендует вас как очень компетентного офицера, более того — как выдающегося детектива. Кроме того, будучи революционеркой, вы проявили недюжинную изобретательность и агрессивность...

— Я никогда не была революционеркой по-настоящему. Я сделалась ею, потому что меня к этому вынудили.

— Нам это известно. Об этом сообщал психик, проводивший реабилитацию.

— Будет ли мое восстановление предано гласности? — сузила глаза Сник. — Или все останется в рамках департамента?

— Я как раз к этому подхожу, — с легким раздражением ответила Хорн. — Никакой огласки не будет. Сочли за лучшее не подымать этого дела. Но в департаменте вы никаких трудностей не встретите.

— Я хочу, чтобы мое возвращение стало гласным.

Хорн села и вздохнула, точно поняв, что разговор будет дольше, чем она ожидала. Сник продолжала:

— Я хочу, чтобы люди, имевшие непосредственное отношение к моей горгонизации, понесли наказание. Я хочу, чтобы об этом объявили в новостях и записали это на справочные кассеты.

— Бог мой! В вашем досье сказано, что нахальства у вас, как у обезьяны, защищенной тройной броней, и это явно не преувеличение! Вам предлагают то, чего вы так жаждали все эти годы, а вы еще чего-то требуете!

— Я думала, вы поймете меня. А вы, похоже, не поняли. Я повторяю. Я хочу, чтобы виновные понесли наказание, хочу, чтобы департамент публично признал свою вину и чтобы правительство передо мной извинилось.

— Не забывайте, что парадом командуете не вы.

— Как сказать. Мне сдается, что я, хотя не знаю пока почему.

— Еще и упряма к тому же. Хорошо. Я вправе пойти на некоторые уступки. Если я в чем-то скажу вам «да», руководство меня поддержит. Однако вы должны знать... можно мне звать вас Тея? — что в истории с вашим каменированием повинен Дэвид Ананда, он же Гилберт Иммерман. Его давно нет в живых, как и тех, кто выполнял его приказ. Все они умерли или каменированы.

— Если это правда...

— Это правда, Тея.

— ...я все-таки хочу, чтобы этот заговор был раскрыт публично.

Хорн слегка нахмурилась и сказала:

— Хорошо.

— Откуда этот внезапный интерес ко мне? Правительство не знает такого понятия, как совесть, и делает только то, что вынуждено сделать, — или то, что нужно для его пользы.

— Я когда-то служила вместе с Джефферсоном Кэрдом, — сказала Хорн. — Мы оба жили во вторнике, и я была генеральным комиссаром Манхэттена.

— Это что, ответ на мой вопрос?

— Мы хотим, чтобы вы отыскали Кэрда.

Эти слова поразили Сник, но она не подала виду.

— Я не знала, что он пропал.

— Еще три года назад. — Хорн перегнулась через стол, глядя Сник прямо в глаза. — Он разыскивается не как преступник — пока, во всяком случае. Вот уже три года, как его удостоверением никто не пользуется. Это еще не преступление, но все-таки нарушение закона, если гражданин переезжает куда-то и не извещает власти куда. Он жил в Колорадо-Спрингс и изучал электронику в Университете Скалистых Гор. Получил степень магистра и записался на четырехгодичную программу подготовки докторской диссертации. За день до начала занятий он вдруг исчез. В тот день была сильная гроза. Очевидно, он воспользовался ею, чтобы избежать спутниковой слежки.

— Джефф, — задумчиво сказала Сник. — Я понятия не имела, чем он занимается. Следила за его развитием лет шесть-семь, а потом переехала. Какое-то время о нем еще изредка сообщали в новостях. Потом, когда тема утратила интерес, это прекратилось. Насколько я слышала в последний раз, дела у него шли хорошо, хотя он по-прежнему ничего не помнил о себе до пяти лет и не помнил своих прежних «я».

— Департамент, естественно, внимательно наблюдал за ним.

— Естественно. Как и за мной.

Хорн снова откинулась назад.

— Нам хотелось бы найти его и выяснить, чем он занимается. Как я уже говорила, ничего преступного он пока не совершил. Однако было кое-что... вводы ложных данных, неполадки в спутниковой системе, и мы подозреваем...

— ...что тут замешан Джефф?

— Да.

— Но доказательств у вас нет?

— Нет. Но его все равно надо найти, как пропавшего без вести.

Сердце Сник забилось быстрее, и какой-то восторженный жар пробежал по ней. Ей снова предстоит охота.

Но дичь-то — Кэрд. Что она будет делать, если найдет-таки его?

Хорн, словно читая ее мысли, сказала:

— Вам не придется его арестовывать. Нам известно, как вы к нему относились. Просто сообщите нам, когда разыщете его, где он находится. Но если вы сочтете своим долгом задержать его, сделайте это.

— Меня это удивляет. Мой долг — арестовать любого преступника, какие бы отношения меня с ним ни связывали.

— Это особое задание, и выполнять его нужно будет осторожно. Если он виновен только в том, что не сообщил о своем местопребывании, ему просто назначат штраф, или направят на шесть месяцев в трудовой резерв, или и то и другое. Но если он занимается или занимался преступной деятельностью, его арестуют и отдадут под суд. И в той, и в другой ситуации никакой огласки не будет. По правде сказать, департамент не желает ворошить старое или снова делать из него мученика.

— Вы, видимо, полагаете, что более вероятен второй вариант. Это достаточно серьезно.

— Он невиновен, пока его вина не доказана, — пожала плечами Хорн. — Если не считать, что он не сообщил о переезде, конечно.

— А если кто-то убил его и спрятал труп?

— О, мы учитываем все. Но эта вероятность не на первых местах.

— Я сделаю это! — сказала Сник. — Если, конечно, мои условия будут выполнены.

— Будут. Вас полностью реабилитируют. Ваше дело получит огласку, вас восстановят в департаменте и присвоят вам новое звание. Вы получите карт-бланш, и любая помощь вам будет обеспечена. Да, забыла сказать! Вы получите также весь заработок, который получали бы, оставаясь на службе. Он будет начисляться с оклада детектива-капитана, поскольку вы были в этом звании, когда вас каменировали. Сумма получится довольно крупная.

Взятку мне дают, подумала Сник. Этого они могли бы и не делать. Должна быть еще какая-то причина, по которой мне поручают эту работу, кроме той, что я хороший специалист. Но она действительно знала Кэрда лучше, чем кто-либо другой, гораздо лучше, и это могло помочь в его розыске. Возможно, ее решили пригласить отчасти поэтому.

Ирония судьбы. Она начала свой длинный путь, пытаясь поймать Кэрда, вместо этого убежала с ним, а теперь снова его ловит. Положительный полюс вот-вот сомкнется с отрицательным — если сомкнется.

Хорн и Сник еще минут пятнадцать обговаривали детали, затем Хорн поднялась.

— Звоните мне, если вам что-то понадобится. Связь будете держать только со мной. А пока я с вами прощаюсь. — Она откланялась и пошла было к двери, но вернулась. — Еще одна мелочь, которая может кое-что значить. Когда Кэрд жил в Колорадо-Спрингс, у него на стене висела ваша фотография в рамке. Уходя, он взял ее с собой.

Сник не настолько была уверена в себе, чтобы ответить. Горло перехватило, и в груди стало горячо.

— Это имеет какое-то значение? — спросила Хорн.

— Кто знает, — проглотив слюну, сказала Сник. — Я смогу это выяснить, только когда найду его, верно?

— Верно. — Хорн улыбнулась и ушла совсем.

Пантея Сник прошла обязательную двухмесячную переподготовку в органической академии и месячную практику. После этого ей дали обещанное звание полковника. Все это время она просматривала кассеты, присланные ей Хорн. Все они показывали жизнь Кэрда, насколько она была известна Органическому департаменту, включая тот период, когда Кэрд, по выражению психиков, «регрессировал в инфантилизм». Его поведение с тех пор было образцовым. Он был настолько безупречным гражданином до самого своего исчезновения, что ганки даже находили это подозрительным.

Во время проживания Кэрда в Колорадо-Спрингс было отмечено шесть случаев ввода фальшивой информации в банки этого города и Лас-Вегаса. В этом подозревали Кэрда, но доказательств найти не смогли.

Однако органиков очень огорчил тот факт, что преступник, кто бы он ни был, пробрался сквозь систему безопасности, считавшуюся абсолютно непреодолимой.

Гораздо более серьезным событием было одновременное отключение всех спутников-мониторов над районом Скалистых Гор. Спутники не отвечали на сигналы наземных станций и поэтому не могли произвести самоналадку. Пришлось высылать космические аппараты с инженерным персоналом, чтобы устранить неисправность. Инженеры включили спутники снова, но причину отключения обнаружить не смогли. Ясно было одно: неисправность вызвал какой-то сигнал, посланный из района Скалистых Гор. Ганки наводнили эту территорию, как муравьи, почуявшие сладкое. За неизвестным охотились еще усиленнее, чем за Кэрдом, когда тот бежал из Колорадо-Спрингс (если он действительно покинул город, подумала Сник).

Эти розыски продолжались до сих пор, но больше для порядка — разве что высылали порой внеплановый пеший или воздушный патруль.

После инцидента со спутниками ничего примечательного больше не случалось.

Сник считала, что Кэрд, или кто там все это проделал, просто пробовал себя в электронике. Попробовал и убедился, что его методы надежны и выследить его невозможно.

Ведь в розыске использовались сенсоры всех типов: визуальные, инфракрасные, ультрафиолетовые, звуковые и осязательные. Зная, что преступник может скрываться в пещерах, органики проверили магнитометрические карты всего района. Ни одна ямка на огромной территории не осталась без внимания. Пещеры, не имеющие выхода, проверялись особо с целью убедиться, не были ли они замурованы намеренно, ради маскировки. Поиск продолжался долго, стоил дорого, но в результате лишь было поймано несколько беглых, ни один из которых не мог отвечать за ввод фальшивых данных или за отключение спутников.

И все-таки Сник считала, что Кэрд прячется где-то там, в дикой местности. Однажды ночью она проснулась, услышав рядом мужской голос. Но это был только сон, и слышала она только голос, не слова.

Вся дрожа, она села на край постели, и в голове у нее вспыхнула мысль, яркая, как новенькое удостоверение. Сосредоточенно обдумав ее, Сник снова залезла под одеяло и через две минуты уснула. Назавтра она попросила передать на свой экран последнюю магнитометрическую съемку центральной части Скалистых Гор. Карта была десятилетней давности и входила в число тех, которыми пользовались ганки в своем поиске. Предыдущая съемка производилась двадцать лет назад. Сник запросила и ее и сравнила обе карты.

Компьютер тут же выявил единственное расхождение между ними. На новой карте недоставало пещерного комплекса горы Облачный Пик. Гора эта входила в хребет Вигхорн и была самой высокой в том районе, некогда известном как Вайоминг.

Сник тихо засмеялась.

Кэрд ухитрился стереть этот комплекс с новейшей карты.

И ганки, полагаясь на нее, не проверили ту гору.

— Все тот же трюкач! — сказала Сник.

ГЛАВА 38

Для начала нужно было удостовериться, не вживили ли ей микропередатчик. То, что закон разрешал проделывать такое только с приговоренными, ганков бы не остановило. Хотя Сник считалась полностью реабилитированной с точки зрения психиков и была восстановлена в Органическом депар-

таменте с оповещением об этом общественности, вряд ли департамент доверял ей целиком.

С другой стороны, она ганк-ветеран, и им следовало бы знать, что рано или поздно она проверит, нет ли в ней передатчика.

Но ганки, зная, что она это знает, могли сделать ставку на то, что она сочтет подобную вероятность ничтожно малой. Они могли войти к ней в квартиру, пока она спит, впрыснуть ей наркоз и поместить аппарат под кожу. А рану покрыть искусственной эпидермой.

Сник должна была знать наверняка, есть в ней «жучок» или нет. Она отправилась в органический госпиталь, и там ей сделали сканирование. Ее ничуть не удивило, когда обнаружились целых два микропередатчика: один в левом предплечье, другой под кожей на затылке.

Об этом осмотре доложат, конечно, генералу Хорн. И Хорн приготовится к взрыву праведного негодования и к тому, что Сник подаст в суд на Органический департамент. У Хорн возникнет опасение за свою карьеру. Но Сник промолчит, к большому облегчению Хорн — пусть та поверит, что Сник это все равно. Если честно, почему Сник должна возмущаться? Сигналы позволят найти ее, если она окажется в критической ситуации и ей понадобится помощь коллег.

Хорн может также подумать, что Сник не хочет поднимать скандал. Сник было наплевать, что там Хорн подумает. Главное было провериться на «жучки».

Ознакомившись с долгосрочным прогнозом погоды (который был не намного правдивее тех, что составлялись две тысячи лет назад, несмотря на все успехи метеорологии), Сник составила план и начала ждать — более или менее терпеливо. Дождь с грозой обрушился на Скалистые Горы на два дня позже, чем было предсказано. Вечером в темноте над Колорадо-Спрингс неслись клубящиеся тучи, ветер гнул деревья, и молния превращала небо в электрический хаос. Сник забралась в аэромобиль, который реквизировала загодя, набив его разным горным снаряжением. Машина поднялась в воющий грохочущий мрак — несмотря на запрет воздушной диспетчерской службы, никому не разрешавшей взлет.

Сник намазала густой металлической пастой помеченные несмываемыми чернилами места на руке и затылке. И отключила автоматический передатчик в хвосте мобиля.

С трудом ведя качающуюся машину, которая боролась с боковым ветром, едва удерживаясь в пятидесяти футах над верхушками деревьев и редкими прогалами, жмурясь от слепящих разрядов молний, не отрывая глаз от приборов и

особенно от топографического экрана, Сник добралась до Облачного Пика за семь часов. Заранее запрограммированный автоштурман привел ее ко входу в комплекс пещер, смутно различимому в свете фар. Мобиль прошел сквозь неровную арку в крутом каменистом склоне. Ветер бросил корму вправо, заставив ее чиркнуть о скалу. В двенадцати футах от входа Сник посадила мобиль.

Фары освещали каверну шириной около двадцати футов и высотой около тридцати. Дальше виднелся вход в туннель, который несколько футов шел прямо, а потом загибался и исчезал из виду. Для мобиля туннель был недостаточно широк. Сник вышла и, светя себе фонариком, пошла по туннелю. Неровный свод шел в двух-трех футах над ее головой, и ход порой был так узок, что едва проходили плечи. Вскоре она оказалась на распутье. Отверстие справа было достаточно широким, чтобы пролезть, не стукнувшись головой и не обдирая бока. Ход от него уходил куда-то во тьму. Отверстие слева было поуже, но тоже проходимое, и, кажется, выводило к расширению пещеры.

В обоих этих туннелях могли быть ловушки, но Сник все же исследовала их. Оба упирались в каменную осыпь — если они и продолжались за этим завалом, дальше хода не было.

Значит, вход или входы в другие пещеры где-то в другом месте — если Кэрд действительно здесь, в этой горе.

Остаток ночи Сник провела в спальном мешке, надув матрас. Наручный будильник поднял ее за час до рассвета. Дождь все еще шел, но гроза миновала, и ветер стал не таким сильным. Поев, Сник вылетела на мобиле в лес, упаковав в рюкзак воду, пищу и прочие необходимые вещи. Взобравшись на сосну до половины ее высоты, она выбрала относительно удобный насест и привязала себя к нему. Так она провела шесть нелегких часов — но не зря ведь она была ветераном по части долгих, нудных и неудобных засад.

Без шести минут десять она увидела в бинокль какое-то движение в кустах. Это было не в первый раз. Ее внимание уже привлекали два оленя, лисица и медведь. Но теперь шевелился ковер сосновых игл, устилающий землю, под двумя деревьями, которые сплелись ветвями.

Она так и полагала, что прорытый Кэрдом туннель должен выводить куда-то в лес, не слишком далеко от горы — примерно в этом месте.

Поднялась крышка люка с приклеенными сверху иглами и ветками. Ветви деревьев мешали Сник видеть, но она все же разглядела мужскую голову, показавшуюся из люка. Мужчина осторожно осматривался. Люк, возможно, был снабжен

сенсорами, реагирующими на чужое присутствие. Но ведь мог быть кто-то и вне сферы их действия. Уверившись, что поблизости никого нет, мужчина вылез и стал закрывать замаскированный люк. Сник тем временем отвязалась от ствола и начала спускаться.

Через две минуты она зашла за спину мужчине, на котором был маскировочный костюм и шлем. В руках он держал лазерную винтовку, снабженную параболическим детектором звука. За спиной висел небольшой цилиндр, соединенный шлангом с цилиндром поменьше, открытым с одного конца. Это определенно был нюхач, улавливающий запах дичи. Человек, как видно, вознамерился добыть оленины Кэрду на обед.

— Стоять! — сказала Сник.

Мужчина замер. Повинуясь ее следующей команде, он положил на землю ружье и медленно отошел на несколько футов. Подняв винтовку, Сник велела ему повернуться. Он подчинился, сцепив руки на затылке, — глаза его слегка округлились, но лицо осталось невозмутимым.

— Не вздумай вытаскивать нож, который у тебя за воротом куртки, — сказала Сник. — Я не собираюсь тебя арестовывать. Меня зовут Пантея Пао Сник. Знакомо тебе это имя?

— Я вас узнал, — улыбнулся мужчина. — Я Шербан Ши Мейсон.

— Проводи меня к своему вожаку. — Она не сдержала улыбки, а Мейсон расхохотался. — Я не причиню вреда ни тебе, ни кому-либо еще в отряде Кэрда.

— Я вам верю. Кэрд не раз говорил, что когда-нибудь вы его разыщете. Или он вас.

Через несколько минут они спустились в люк и медленно двинулись по низкому и узкому туннелю. Ход шел с легким уклоном вверх между скальных стен. Мужчина шел впереди, по-прежнему держа руки на затылке, несмотря на все его заверения, что он для Сник не опасен. Она освещала фонариком дорогу. Они поднялись по металлическим скобам, вделанным в стенку другого люка. Винтовка висела за спиной у Сник. Свой пистолет она оставила в кобуре, но предупредила Мейсона, что мигом достанет оружие, если он вздумает чудить. Она не думала, что Мейсон что-то предпримет, но она дожила до этого дня лишь потому, что не доверяла незнакомцам. Да и знакомым тоже.

По лестнице Сник взобралась первой, держа фонарик в зубах. Мейсон ждал внизу. Он, конечно, может убежать в туннель, сказала она ему, но она застрелит его раньше, чем он добежит до люка в другом конце.

— Охотно верю, — сказал он. — Только мне незачем убегать.

Она открыла крышку люка и обвела лучом помещение со скальными стенами. Там не было ни людей, ни предметов, указывающих на их присутствие. Мейсон поднялся вслед за ней, и они пошли по другому узкому туннелю — он впереди. Вскоре он открыл дверь, и оттуда хлынул свет.

— Все в порядке! — крикнул Мейсон. — Это я, Мейсон! И со мной Пантея Сник!

За спиной у Сник неожиданно раздался женский голос:

— А теперь ты замри. — И в спину ей уперлось толстое дуло пистолета.

— Черт! — тихо сказала Сник, бросая свой пистолет и сцепляя руки на затылке.

Она не заметила прорезанную в скале дверь. Но дверь, как видно, была, и эта женщина вышла оттуда. Сник порадовалась, что не вторглась сюда с враждебными намерениями.

Когда она прошла внутрь, перед ней очутились трое мужчин и женщина. Обступив ее вместе с Мейсоном и отобрав у нее пистолет и охотничий нож, они повели ее по туннелю в очень большую пещеру со сталактитами, висящими с потолка, и сталагмитами, растущими из неровного пола. Пространство тускло освещали несколько больших ламп. Конвой повернул налево, миновав еще несколько пещер. Там были люди, почти все спавшие в мешках.

— А знаете, — сказал Мейсон, — нет, скорее всего вы не знаете... вас бы не было здесь, если б не Кэрд. Это он нажал на правительство, чтобы вас реабилитировали и восстановили в Органическом департаменте.

— Нет, я не знала, — ответила Сник громко, чтобы Мейсон ее расслышал.

— Кэрд передал в Совет Мира, что владеет неопровержимыми доказательствами относительно грязных дел некоторых его членов. И посулил предать это гласности, если вас не восстановят.

— Но как он добыл этот материал? И каким образом сумел бы его обнародовать?

— У нас в отряде есть один компьютерный гений, — уклончиво ответил Мейсон.

Сник нигде по дороге не заметила большого компьютера, необходимого для электронной связи со спутниками. Все, что она видела, можно было быстро собрать и унести. Отряд, как видно, готов был сняться в любую минуту.

Они дошли до конца туннеля и оказались перед плотной завесой. Мейсон велел Сник остановиться, отодвинул за-

навес и прошел внутрь. Она мельком увидела хорошо освещенную комнату со скальными стенами. И затаила дыхание, заметив большую фотографию на стене. Из рамки смотрело ее собственное лицо.

Она много думала над тем, зачем Кэрд забрал с собой ее фотографию, когда бежал из Колорадо-Спрингс. Будучи Бейкером Но Уили, Кэрд ее не помнил. Но он видел множество видеолент о своих прежних «я». На некоторых фигурировала и Сник, и Кэрд, безусловно, приобрел все кассеты с ней. Зачем?

Ответ мог быть только один. Кэрда тянуло к ней во всех его воплощениях. Даже видеофильмы пробуждали в нем это глубоко запрятанное чувство. Он влюбился в нее по портрету, пробудившему в нем какие-то подсознательные воспоминания.

Сник, хоть и лишенная всякого романтизма, была глубоко тронута, и в груди у нее потеплело.

Все личности Кэрда, думалось ей, — это бусины разной формы и цвета, нанизанные на шнурок его основного, первичного «я». Шнурок этот, гладкий, без разрывов, одинаковой толщины и весь из одинакового материала, проходит сквозь каждую бусину. Шнурок — это первичный Кэрд. Все остальные — Тингл, Дунский, Репп, Ом, Зурван, Ишарашвили, Дункан и теперешний Кэрд — это бусины.

Шнурок всегда был бунтарем — но хитроумным бунтарем, ловкачом.

— Никогда его таким не видел, — пробормотал Мейсон, выходя из-за занавески. Он посмотрел на Сник. — Хотя этого в общем-то следовало ожидать. Вы можете войти. Одна.

Не в натуре Сник было колебаться, но она все же помедлила перед занавесом несколько секунд. Потом, глубоко дыша, вошла. Занавес сомкнулся за ней с легким свистом, точно от рассекшего воздух меча.

Кэрд был один в большой, но низкой комнате. У дальней стены стоял большой серебристый цилиндр, вероятно, источник энергии. От него по полу расползались провода. На стенных экранах светились надписи, цифры и показывались новости из Цюриха, Шанхая, Сиднея, Каира, Чикаго, Буэнос-Айреса.

Кэрд, стоя у пульта, но глядя на нее, улыбался. Потом двинулся навстречу Сник, протягивая к ней руки. Он принял ее в объятия и поцеловал, надолго прижавшись губами к ее губам.

Она не ожидала столь теплого приветствия, но ответила ему тем же. Отпустив ее, он сказал:

— Я знаю, что чересчур много о себе возомнил. Это была мгновенная слабость.

— Ты мне не чужой. И даже если ты не помнишь меня живую...

— Ты пришла, чтобы остаться? Я знаю, ты всегда отыскивала меня не так, так этак. Но я не совсем понимаю, что тебя сюда привело. То есть...

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Я тоже не совсем это понимала. Но теперь скажу: да, я пришла, чтобы остаться.

Содержание

От издательства 5

МИР ОДНОГО ДНЯ

Мир одного дня: бунтарь, роман,
перевод В. Серебрякова и О. Васант 7

Мир одного дня: распад, роман,
перевод Н. Виленской 247

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том пятый

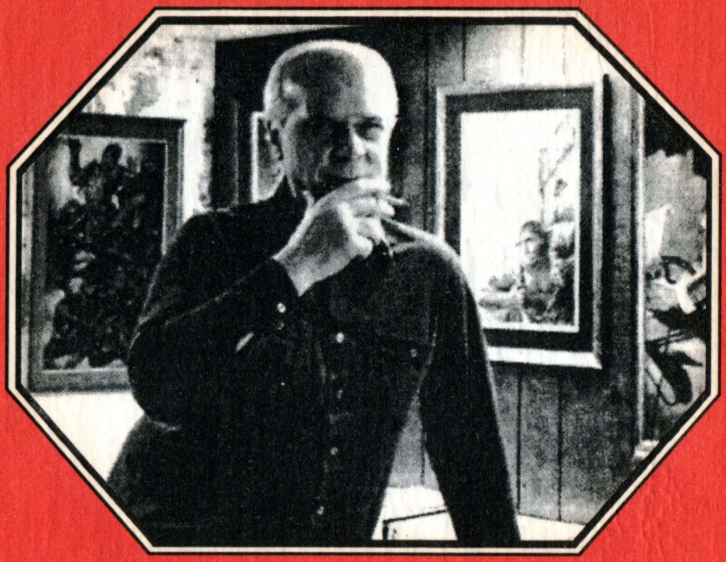
Составитель *Д. Смушкович*
Редакторы *М. Проворова, А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, И. Лаздина*
Операторы компьютерной верстки *Е. Глуховская, Н. Жук*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 14.05.96. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 25,20. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 1998. С 154.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Мир одного дня: бунтарь

Память Джеффа Кэрда стерта. Но дух бунтаря еще живет. Под новым именем Джефф Кэрд уходит в подполье — чтобы, пройдя долгий путь, восстать против таинственной организации, стремящейся овладеть забытыми им секретами.

Мир одного дня: распад

Мятежник-одиночка Джефф Кэрд приводит к гибели безжалостный тоталитарный режим. Но всемогущее правительство возрождается, как Феникс из пепла — как перерождается и Кэрд, узнав пугающую тайну своего прошлого...

POLARIS
издательство